Р О С С И Й С К А Я А К А Д Е М И Я Н А У К
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 1 Историко-литературный журнал 2021

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. С. Бодрова. Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания 5

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. А. Фролова) (*Окончание*) 19

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Марчелло Гардзанити (*Италия*). «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека. К источникам Плача Василии 55
Л. А. Трахтенберг. Басня И. И. Хемницера «Метафизический ученик»: история сюжета 70
Н. А. Хохлова. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть 1 73
Марк Альтшуллер (*США*). Трагедия бытия и поиски спасения. «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина» 86
С. В. Березкина. Неопубликованное послание С. П. Шевырева к молодым профессорам Московского университета 117
К. А. Кумпан. Д. С. Мережковский — ученик третьей гимназии (заметки комментатора). Часть 1 124
Д. К. Поливанова, К. М. Поливанов. Тема рождения искусства и вариации Шекспира в цикле Б. Л. Пастернака «Сон в летнюю ночь» 145
Александр Ильменев (А. М. Ремизов). На распутье (публикация А. М. Грачевой) . . . 157
Е. Р. Обатнина. А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии . . 161
М. Ю. Коренева. Об одном отклике на смерть Райнера Марии Рильке: «русский» постскриптум 169
Е. Н. Пенская. Театральные альбомы М. А. Булгакова в историко-культурном контексте 178
«Как делать стихи»: свердловская записная книжка В. В. Маяковского. Часть 2 (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. В. Хачатурян) 190

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Сысоева. «Тему гражданской войны нельзя сдавать в архив»: об отношении ЛБО ЛОКАФ к издательскому проекту Максима Горького 206
А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, Н. Г. Комелина. «Память места»: фольклорные сюжеты и мотивы в рассказах об Ануфриевском ските на Зимнем берегу Белого моря . . . 213

ЗАМЕТКИ

Е. П. Гречаная. Два французских стихотворения в сборнике В. К. Тредиаковского «Езда в остров любви» 225
Н. А. Богомолов, Е. А. Пономарева. Addenda 227

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. В. Лавров. Андрей Белый под микроскопом 229
Т. В. Мисникевич. Василий Каменский — мастер эпистолярного жанра 232
Р. А. Поддубцев. Вызволяющий из цепей: учение А. Ф. Лосева о стиле 233

ХРОНИКА

И. А. Лобакова, В. А. Ромодановская. Конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» 235
Т. Н. Галашева. Восьмой агиографический семинар 238
Е. Н. Долгих. XL Некрасовская конференция 240

Памяти Бориса Федоровича Егорова 245

Памяти Николая Алексеевича Богомолова 247

Summaries 249

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ, ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА, Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2021
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2021

Санкт-Петербург

R U S S I A N A C A D E M Y O F S C I E N C E S
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE (PUSHKIN HOUSE)

RUSSKAYA LITERATURA

№ 1 Historical and Literary Studies 2021

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

Page

A. S. Bodrova. Literary Societies in Russia in the First Half of the 19th Century: Approaches to an Interdisciplinary Description 5

HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

Correspondence between Yu. G. Oksman and N. K. Gudzij (1930–1965) (Introduction, Editing and Commentary by M. A. Frolov) (*Final Part*) 19

REPORTS AND RELEASES

Marcello Garzaniti (*Italy*). *The Discourse on Instability and Chaos* by Maxim the Greek. At the Sources of Vasilija's Lamentation 55
L. A. Trakhtenberg. Ivan Chemnitzer's Fable «The Student of Metaphysics»: Makings of the Plot 70
N. A. Khokhlova. Concerning the Archaeographic Pursuits of A. I. Turgenev (Biographical Data). Part 1 73
Mark Altshuller (*USA*). Tragedy of Existence and Search for Survival (*The Little Tragedies* and *Belkin's Tales*) 86
S. V. Berezkina. S. P. Shevyrev's Unpublished Message to the Young Professors of the Moscow University 117
Ks. A. Kumpan. D. S. Merezhkovsky as a Student of the Third *Gymnasium* (Commentator's Notes). Part 1 124
D. K. Polivanova, K. M. Polivanov. The Theme of the Emergence of Art and Variations on Shakespeare in Pasternak's Cycle *A Midsummer Night's Dream* 145
Alexander Il'menev (A. M. Remizov). At the Crossroads (Published by A. M. Gracheva) . . 157
E. R. Obatnina. A. M. Remizov and His Struggle for «Dream» 161
M. Iu. Koreneva. Concerning a Response to Reiner Maria Rilke's Death: The «Russian» P. S. 169
E. N. Penskaya. Theatrical Albums by M. A. Bulgakov in the Historical and Cultural Context 178
«The Makings of Poetry»: V. V. Mayakovsky's Sverdlovsk Notebook. Part 2 (Introduction, Editing and Commentary by L. V. Khachaturian) 190

St. PETERSBURG

A. V. Sysoeva. «The Theme of the Civil War Cannot Be Moved to the Archives»: Concerning the Attitude of LARAN (LBB) to Maxim Gorkij's Publishing Project 206
A. B. Bil'diug, A. I. Vaskul, N. G. Komelina. «The History of the Site»: Folk Storylines and Motives in the Narratives about Anoufrievsky *Skete* on the Winter Coast of the White Sea 213

NOTES

E. P. Grechanaya. Two French Poems in Trediakovskii's Collection *Voyage to the Island of Love* 225
N. A. Bogomolov, E. A. Ponomareva. Addenda 227

REVIEWS

A. V. Lavrov. Andrey Bely Under the Microscope 229
T. V. Misnikevich. Vasily Kamensky, a Master of Epistolary Genre 232
R. A. Poddubtsev. The Chain-Breaker: A. F. Losev's Theory of Style 233

NEWSREEL

I. A. Lobakova, V. A. Romodanovskaia. *Issues of the Slavic-Russian Manuscript Legacy* Conference of Young Scholars 235
T. N. Galasheva. The Eighth Hagiographic Seminar 238
E. N. Dolgikh. The 40th Nekrasov Conference 240

In Memoriam Boris Fyodorovich Egorov 245

In Memoriam Nikolai Alekseevich Bogomolov 247

Summaries 249

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Insitute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), 2021
© Compilation. *Russkaya Literatura* Editorial Board, 2021

St. Petersburg

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-5-18

© *А. С. БОДРОВА*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОПИСАНИЯ*

Эпохой литературных обществ в России традиционно и обоснованно считается первая треть XIX века: в царствование Александра I они приобретают «значение литературного факта»,[1] становятся «характернейшей <...> формой организации литературной жизни»,[2] занимают важное место среди «институтов литературы».[3] Их возникновение и деятельность оказываются частью более общего процесса формирования разного рода общественных объединений — как создававшихся и поддерживавшихся верховной властью организаций (вроде Библейского общества), так и оппозиционных тайных обществ — широко понимаемого «декабристского движения».[4] Характерная для эпохи тесная связь полей власти, политики и идеологии с «литературным полем» на фоне его возрастающей автономизации в конце 1810-х — начале 1820-х годов устойчиво вызывала интерес представителей различных методологических школ и научных дисциплин. Разработка этой области исследований была успешно начата культурно-исторической школой, привлекала внимание формалистов и их ближайших учеников и, в отличие от многих других тем, не была исключена из научного поля в более поздние советские годы. Сложившаяся таким образом весьма обширная отечественная историография литературных объединений[5] при первом знакомстве дает основание предположить,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50274. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-112-50274.

[1] *Эйхенбаум Б. М.* Предисловие // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 9 (переиздание книги 1929 года).

[2] *Иезуитова Р. В.* Литературные объединения и журналы первой четверти XIX в. // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 39.

[3] *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018. P. 348–351 (Part IV. The Nineteenth Century. 1. Institutions. Male poetic circles: Friendship and Intellectual Networks).

[4] Именно в таком контексте — как «неотъемлемую часть истории декабризма» — рассматривали литературные общества, «способствовавшие распространению передовых политических и литературно-эстетических взглядов», ортодоксальные советские историки литературы. См., например: *Мейлах Б. С.* Декабристские литературные организации и органы печати // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х годов. С. 21.

[5] Назовем наиболее значимые публикации, не утратившие своего значения до настоящего времени: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 7; *Колюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 1–2; *Срезневская Л. И.* Архив Вольного общества любителей российской словесности // Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1904 году. СПб., 1907. С. 225–277; *Истрин В. М.* Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения.

что «эпоха литературных обществ» описана в целом хорошо — прежде всего в фактическом отношении. Однако, как показали работы последних десятилетий, это впечатление обманчиво, а история литературных объединений 1800–1830-х годов требует не только серьезных фактологических разысканий и дополнений, но и существенного расширения контекста их описания. В настоящей работе мы попытаемся систематизировать основные достижения в исследовании литературных обществ, а также проанализировать подходы к их изучению в статьях и монографиях последнего двадцатилетия (неизбежно захватывая и более ранний период) и сопоставить особенности методов, разрабатываемых в разных гуманитарных дисциплинах применительно к литературным и — шире — общественным организациям интересующего нас периода. В центре нашего внимания будут прежде всего институционализированные формы существования литературных сообществ (кружки, литературные общества); менее «формальные» объединения, такие как салоны или домашние светские кружки (часто связанные с «приемными» днями вроде «сред Кукольника»), и работы, им посвященные, будут интересовать нас прежде всего с точки зрения предлагаемых методов описания.

* * *

Важным фактором, определившим направления и характер исследований литературных обществ в 1990–2010-е годы, был не только и не столько богатый эмпирический материал, накопленный в дореволюционной историографии и в работах советского времени, но и сложившиеся концептуальные подходы и историко-литературные нарративы.

С одной стороны, это «советская история литературы», приобретшая наиболее ортодоксальное свое воплощение в 1940-х — начале 1950-х годов и — с некоторыми косметическими усовершенствованиями — поддерживавшаяся в работах 1970–1980-х годов. С точки зрения советского марксизма, все литературные общества преследовали главным образом общественно-политические цели: наиболее «прогрессивные» объединения либо являлись «литературными филиалами тайных обществ» (вроде Вольного общества любителей словесности, наук и художеств или Вольного общества любителей российской словесности), либо предвосхищали их появление (как уже упомянутое ВОЛСНХ, Дружеское литературное общество или отчасти «Арзамас»), в то время как главной целью их противников (прежде всего «Беседы любителей русского слова») были борьба с «прогрессивными тенденциями

1910. № 8. Отд. 2. С. 273–307; Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете, 1811–1911. М., 1911; *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны / Ред. и предисловие Б. М. Эйхенбаума. Л., 1929; Арзамас и арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. и прим. М. С. Боровковой-Майковой; предисловие Д. Д. Благого. Л., 1933; *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; *Десницкий В. А.* Из истории литературных обществ начала XIX века // Десницкий В. А. Избр. статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 92–191; *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 63); *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964; *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. Подробную библиографию по истории литературных обществ см.: *Пиксанов Н. К.* Два века русской литературы. М.; Пг., 1923. С. 51–59; История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962. С. 66–70; История русской литературы XIX — начала XX века: Библиографический указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. С. 292–296; Литературные общества, кружки и салоны в России в XIX веке: список литературы на русском языке за 1828–1993 гг. / Сост. Н. А. Хмелевская // http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA18391.pdf; дата обращения: 31.10.2020.

общественной жизни» и «пропаганда реакционно-охранительных идей».[6] Такая идеологическая редукция собственно литературных задач, избирательное использование материала, игнорирование фактов и конструирование мнимых сущностей требовали пересмотра и опровержения, тем более необходимого, что многие выводы «старых» работ, хотя и в менее одиозных формулировках, продолжают некритически использоваться до сих пор.

В борьбе с этой традицией особенно продуктивной и востребованной оказалась концепция литературного быта и «литературной домашности», предложенная в конце 1920-х годов Б. М. Эйхенбаумом и развитая в работах участников его семинара — прежде всего в книге М. И. Аронсона и С. А. Рейсера «Литературные кружки и салоны» (1929). В статье «Литературный быт» и других работах сходной проблематики, вошедших в «Мой временник», Эйхенбаум попытался обосновать включение в (пост)формалистский разговор о литературной эволюции фактов, лежащих вне литературы как таковой, но влияющих как на саму литературу, так и на ее создателей и читателей. Понятие «литературного быта», обобщенно обозначавшее ближайшую сферу социального существования литературы (писательские объединения и кружки, редакции периодических изданий, книготорговля и т. д.), подчеркивало тесную связь этого социокультурного ряда с рядом литературным и позволяло избегать прямолинейной каузальности «марксистского» социологизма (ср.: «Литература <...> не *порождается* фактами других рядов и потому *не сводима* на них. Отношения между фактами литературного ряда и фактами, лежащими вне его, не могут быть просто причинными, а могут быть только отношениями соответствия, взаимодействия, зависимости или обусловленности»[7]). Установки Эйхенбаума, как известно, вызвавшие скептические оценки в ближнем кругу[8] и — в силу внешних обстоятельств — не получившие эксплицитного развития после выхода книг Аронсона–Рейсера и Н. Л. Бродского,[9] снова оказались востребованными уже во второй половине 1970-х — 1980-е годы в свете работ Ю. М. Лотмана о поэтике и семиотике бытового поведения, вводивших (хотя и в другой оптике) бытовой материал в сферу филологического изучения, а также под влиянием работ по истории науки и, в частности, русского формализма (начиная с переиздания работ Тынянова — «Пушкин и его современники» (1968) и, в особенности, «Поэтики. Истории литературы. Кино» (1977)).

Характерной чертой нового обращения к литературно-бытовому материалу была его текстоцентричность — в фокусе исследовательского внимания оказывалась литература и конкретные литературные тексты, их связь с ближайшим социокультурным контекстом, а также экспансия, распространение «литературности» на другие «ряды». Показательно в этом смысле определение «литературного быта», декларированное О. А. Проскуриным, одним из ключевых современных исследователей пушкинской эпохи: «...литературный

---

[6] *Мейлах Б. С.* А. С. Шишков и Беседа любителей русского слова // История русской литературы: В 10 т. Т. 5. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. С. 193.

[7] *Эйхенбаум Б. М.* Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С. 433.

[8] См. воспоминания Л. Я. Гинзбург о реакции участников эйхенбаумовского семинара на его концепцию «литературного быта» (*Гинзбург Л. Я.* Проблема поведения (Б. М. Эйхенбаум) // Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 445), а также резкие отзывы В. Б. Шкловского и Ю. Н. Тынянова (*Чудакова М. О.* Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 120–123; здесь же см. подробный анализ причин разногласий между старшими формалистами во второй половине 1920-х годов).

[9] Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Ред., вступ. статья и прим. Н. Л. Бродского. М.; Л., 1930.

быт <...> не столько форма воздействия социума на литературу и даже не столько вспомогательный фактор литературной эволюции, сколько канал, через который сама литература воздействует на соседние (а опосредованно — и на более отдаленные) „ряды“ или „социальные практики“: культуру, политику, формы социальной жизни».[10] В таком понимании литературного быта — семиотическом, а не социологическом[11] — проявились как влияние тартуско-московской школы, так и неприязненная настороженность по отношению к социологизму в любых его проявлениях, неизбежно ассоциировавшемуся у нескольких поколений исследователей с советским академическим официозом. С другой стороны, текстоцентричность новых «литбытовых» штудий подпитывалась, как представляется, и традицией историко-литературного комментария, ставшего в позднесоветское время важной и признанной формой существования идеологически неангажированной филологической науки.[12]

Применительно к изучению литературных обществ эти пресуппозиции проявились в том числе в выборе предметов и ракурсов исследования: в фокусе внимания оказывались прежде всего дружеские литературные кружки, неформальные творческие объединения и порожденные этой средой и внутри этой среды тексты и бытовые практики. Впрочем, такое предпочтение «домашних» кружков и салонов, принадлежащих сфере частного быта, официальным, регламентированным обществам и объединениям[13] проявилось еще в пионерской работе учеников Эйхенбаума. Во вступительной статье к «Литературным кружкам и салонам» М. И. Аронсон так объяснял выбор материала: «Домашние кружки, возникающие свободно и не сдержанные инерцией официального существования, в меньшей степени обязаны посторонним факторам и в большей степени посвящены литературе. Они сами создают литературу, в то время как официальные общества ею питаются»;[14] «Если кружок поможет нам осветить вопросы литературного производства, то салон осветит нам вопросы литературного потребления».[15]

Важнейшим достижением работ последнего тридцатилетия стало значительное расширение источниковой и фактической базы (что хорошо видно в сопоставлении с тем материалом, который был «смонтирован» в книге Аронсона–Рейсера), введение в научный оборот неизвестных и неучтенных источников — кружковых текстов, эпистолярия и мемуаров участников, что позволило в ряде случаев не только уточнить и дополнить имеющиеся сведения, но и пересмотреть представления о деятельности и роли кружка в ис-

---

[10] *Проскурин О. А.* О литературном быте и истории литературы. Вместо предисловия // Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 16. Полемический и отчасти провокативный характер такого определения «литературного быта» был отмечен в рецензии М. Б. Велижева (Новая русская книга. 2000. № 6. С. 51–54).

[11] См. об этом: *Зенкин С. Н.* Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С. Н. Работы о теории. М., 2012. С. 323.

[12] Ср. характерную полемику о статусе комментаторских практик, развернувшуюся на XI Лотмановских чтениях (18–20 декабря 2003 года), в живом изложении В. А. Мильчиной (*Мильчина В. А.* Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019. С. 179–182), а также стенограмму круглого стола «Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху» (Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 103–120).

[13] Ср. типологию, принятую в авторитетном словаре литературных объединений более поздней эпохи: общества (постоянно действующие, «оформленные»), кружки, салоны (*Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 7).

[14] *Аронсон М. И.* Кружки и салоны // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 47.

[15] Там же. С. 48.

тории литературы. В этом ряду следует прежде всего назвать исследования, посвященные «Арзамасскому обществу безвестных людей» (1815–1818)[16] — «модельному» неофициальному кружку, оказавшему, несмотря на краткость своего существования, определяющее влияние на развитие литературной системы,[17] «Дружескому литературному обществу»,[18] «Зеленой лампе»,[19] кружку С. Е. Раича,[20] а также и литературным салонам С. Д. Пономаревой[21] и З. А. Волконской.[22]

Так, был существенно пополнен (прежде всего за счет публикации переписки членов «общества безвестных людей») и систематизирован свод текстов, документов и мемуарных свидетельств, относящихся к деятельности «Арзамаса».[23] Обращение к неопубликованным материалам дневников и переписки Андрея Тургенева позволило по-новому показать значение «Дружеского литературного общества», литературных и этических взглядов его участников не только для развития элегической поэтики, но и для жизнестроительных и бытовых практик нескольких поколений русских

---

[16] Не имея возможности привести исчерпывающий список обширной «арзамасской» библиографии последнего двадцатилетия (см., например, сборники статей по материалам научных конференций, посвященных «Арзамасу»: Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: Материалы междунар. науч. конф. Арзамас, 2005; «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей. Липецк, 2006; Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сб. науч. статей. Арзамас; Нижний Новгород, 2015), назовем наиболее значимые и яркие, на наш взгляд, работы: *Проскурин О. А.* 1) Новый Арзамас — новый Иерусалим. Литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 73–128; 2) Бедная певица: Литературные подтексты арзамасской речи С. С. Уварова // Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 152–187; 3) Когда же Пушкин вступил в Арзамасское общество? (Из заметок к теме «Пушкин и „Арзамас“») // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 14; *Вацуро В. Э.* Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас“» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 150–160; *Виницкий И. Ю.* Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя» // Там же. 2003. № 61. С. 119–152; *Майофис М. Л.* О тех, кто ехал верхом на галиматье, и о том, что осталось позади: Опыт персонологического анализа арзамасских протоколов // История и повествование. М., 2006. С. 122–162; *Довгий О. Л.* Пушкин и Хвостов в «хвостовской лавке» «Арзамаса» // Поэтика русской литературы. М., 2009. С. 158–183; *Кошелев В. А.* «Запрос Арзамасу»: об одном экспромте К. Н. Батюшкова // Пушкин и мировая культура. СПб.; Арзамас; Большое Болдино, 2008. С. 20–30; *Ивинский Д. П.* Вяземский, «арзамасский» журнал и русская литература XVIII века: заметки к теме // Пушкинский музеум: Альманах. СПб., 2017. Вып. 8. С. 237–249. О монографии М. Л. Майофис («Воззвание к Европе: Литературное общество „Арзамас“ и российский модернизационный проект 1815–1818 годов» (М., 2008)), внесшей весомый вклад в изучение «Общества безвестных людей», см. подробно далее.

[17] Историко-культурная репутация «Арзамаса», выходящая за пределы собственно академического сообщества, красноречиво проявилась в выборе названия известного просветительского проекта — «Arzamas.academy».

[18] *Зорин А. Л.* У истоков русского германофильства (Андрей Тургенев и Дружеское литературное общество) // Новые безделки. Сб. к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995/1996. С. 7–35; *Дзядко Ф. В.* «За что нам друг от друга отдаляться?» К истории литературных отношений А. Ф. Мерзлякова и В. А. Жуковского: «версия» Мерзлякова // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 112–136; *Cooper D. L.* «Narodnost'» avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the national turn in Russian criticism // Slavic and East European Journal. 2008. Vol. 52. № 3. P. 351–369.

[19] *Peschio J.* 1) Lighting the Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations / Ed. by A. Dinega Gillespie. Madison, 2012. P. 84–111; 2) The Green Lamp: Sexual Banter // Peschio J. The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Madison, 2013. P. 60–67; *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом // Russian Literature. 2014. Vol. 76. № 1–2. P. 36–45.

[20] *Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 523–576.

[21] *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

[22] *Сайкина Н. В.* Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005.

[23] Арзамас: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. М., 1994.

романтиков.[24] Пересмотр опубликованных источников по истории так называемого «общества любомудрия» в сопоставлении с богатыми материалами архива М. П. Погодина, относящимися к истории кружка и общества Раича, дал основание заключить, что устоявшееся в историографии понятие «общество любомудров» оказывается «в значительной степени исследовательским конструктом, аккумулирующим сведения о круге и собраниях московских шеллингианцев», а структура их социальных связей включала несколько объединений (кружок Раича, «архивный кружок» (т. е. объединение молодых чиновников Архива Министерства иностранных дел), затем круг «Московского вестника» и т. д.) и даже в пределах 1822–1827 годов была очень динамичной.[25]

При этом как для новонайденных, так и для опубликованных ранее, но недооцененных текстов зачастую предлагались виртуозные историко-литературные интерпретации, показывающие влияние кружковой жизни, раскладов сил внутри кружка или салона на собственно литературные тексты, их поэтику, сюжетику и прагматику. Образцовым в этом отношении можно назвать исследование В. Э. Вацуро о салоне Пономаревой,[26] в котором из комментариев к текстам из ее альбома, неопубликованному эпистолярию и эгодокументам посетителей ее салона складывается объемный очерк петербургской литературной жизни начала 1820-х годов и яркие характеристики творческой и эмоциональной биографии таких значимых авторов эпохи, как Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, А. Е. Измайлов, О. М. Сомов, В. И. Панаев. Целый ряд «историко-литературных новелл», связанных с историей «Арзамаса» и Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, вошел в книгу О. А. Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи», следы арзамасской поэтики и полемики в текстах В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина были убедительно продемонстрированы в работах И. Ю. Виницкого, Н. Н. Мазур[27] и др.

Соотнесенность изучения литературных объединений с проблематикой бытового поведения, восходящая к культурно-семиотическим работам Ю. М. Лотмана, наиболее ярко проявилась в новейших исследованиях, посвященных обществу «Зеленая лампа».[28] В серии работ, написанных индивидуально и в соавторстве, Дж. Пешио и И. А. Пильщиков, опираясь в том числе на неопубликованные тексты из архива «Зеленой лампы», показали ориентацию «лампистов» на традицию французского либертинажа, которая наиболее убе-

---

[24] См. прежде всего работы А. Л. Зорина (см. выше, прим. 18), итог которым был подведен в книге: *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

[25] *Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича. С. 538–539. Аргументация К. Ю. Рогова была принята в ряде авторитетных работ (см., например, монографию В. М. Боковой, где соответствующий раздел назван «Объединения московских шеллингианцев» — *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 157–170, 203), хотя, конечно, пока не смогла преодолеть историографическую инерцию. Ср. также предложенное Н. Н. Мазур обобщающее и условное именование «московские юноши», которое не вызывает ассоциации с каким-то из существовавших объединений московских шеллингианцев и позволяет — при необходимости — обозначать всю эту группу, вне зависимости от принадлежности к конкретному кружку (*Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 54, 91–92).

[26] *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры.

[27] *Виницкий И. Ю.* Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя». С. 119–152; *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5. С. 141–208.

[28] См. выше, прим. 19.

дительно объясняет соединение в текстах и быте общества политического вольномыслия с эротическими (в том числе гомоэротическими) фривольностями.[29] При этом «Зеленая лампа» рассматривается исследователями как своего рода «школа либертинажа» для молодого Пушкина, в бытовом поведении и художественных текстах которого также обнаруживаются следы либертинской «поэтики».[30]

Внимание не только к текстам, но и к поэтике пушкинского бытового поведения определило рефлексию над социальным измерением литературного быта. В недавней работе Дж. Пешио предложил выделить три типа «коммуникативных контекстов», в которых мог функционировать литературный текст или бытовой поступок в пушкинскую эпоху: пространство «домашности» (domesticity), «свой» круг, то, что воспринимается как частное (private) пространство — общество (society; высшее, дворянское общество) — официально-государственная сфера (state; пространство службы, бюрократических отношений).[31] Условное разграничение этих контекстов исследователь использует, чтобы описать такое литературно-бытовое явление, как шалость, — предполагающее намеренно вызывающее перенесение «домашнего поведения» в общественное и/или официальное пространство. Но, как представляется, это разграничение может быть продуктивным для описания деятельности литературных кружков и объединений, которые — в зависимости от типа организации — постоянно находятся в зоне взаимодействия этих сфер.

Такая, в широком смысле социологическая перспектива разработки «литературного быта» и ранее предлагалась в работах о литературных объединениях. В книге «Литература и общество в эпоху Пушкина» У. М. Тодд III,[32] по всей видимости, одним из первых применил понятие «институт» к русскому литературно-бытовому материалу: он предложил рассматривать литературу 1800–1830-х годов как общественный институт или, точнее, как систему сосуществовавших и конкурирующих институтов — покровительство, дружеские сообщества (кружки и салоны), литературные альманахи и журналы, профессиональная (коммерческая) литература. Эти институты и подразумеваемые ими социальные функции литературы Тодд описывает, используя модель коммуникации, предложенную в классической статье Р. О. Якобсона, и, соответственно, выделяя для каждого из них *адресата* (автор), *адресанта* (тип читателя), *сообщение* (литературные тексты разных жанров), *контекст* (социальный или идеологический «ориентир» для литературного текста), *код* (язык и стиль), *контакт* (способ презентации сообщения адресанту).[33] В такой перспективе литературный кружок (и в меньшей степени

---

[29] Эта на первый взгляд парадоксальная особенность общества вызывала разноречивые исследовательские интерпретации, располагавшиеся в широком поле между «оргиаческим» обществом (определение П. В. Анненкова) и «побочной управой» Союза благоденствия; краткий обзор полемик вокруг «Зеленой лампы» см.: *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом. P. 38–44.

[30] О следах либертинажа в «Евгении Онегине» см.: *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом. P. 52–54, 55–58; а также: *Добрицын А. А.* Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 145–170; *Немировский И. В.* Пушкин — либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии. М., 2018.

[31] *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. P. 16–17.

[32] *Todd III W. M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. Harvard, 1986; рус. пер.: *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина / Пер. с англ. А. Ю. Миролюбовой. СПб., 1996. См. также определение институтов литературы, данное в предисловии к новейшей книге: *Тодд III У. М.* Социология литературы: идеология, институты, нарратив. СПб., 2020. С. 8–9.

[33] *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. С. 58–62.

салон) оказывается пространством равной коммуникации, в которой роли автора и читателя «идеально сливаются», а код и контекст задается «обществом», под которым может подразумеваться как «избранное общество», входящее в этот кружок или салон, так и светское общество в целом.[34] Для Тодда такое институциональное устройство, демонстрирующее автономность литературы от государства, важно как закрепляющее значимость общества для всех литературных агентов: общество обеспечивает контакт автора и аудитории, язык общества во многом определяет «код», т. е. язык литературных текстов; наконец, жизнь и идеология общества становятся референтным контекстом для художественных произведений, — и все это в совокупности оказывает влияние на поэтику «сообщения», что в книге демонстрируется на примере «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» и «Мертвых душ».

Институциональный подход представляется продуктивным не только и, может быть, не столько для описания поэтики, но для изучения социальной роли различных литературных объединений — в их соотнесении с другими общественными институтами и с государственной системой, существенно влиявшей на формирование «публичной сферы» в России XIX века. В такой перспективе особый интерес представляют не «частные» кружки и салоны, а «официальные» общества, имеющие регламентированную структуру, гласные принципы членства и в большей мере взаимодействующие с полем власти. В интересующий нас период общества такого типа занимали значимое место в ряду литературных объединений — это и «Беседа любителей русского слова» (1811–1816), и Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ, 1801–1826), и Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС (1816–1825), первоначально называвшееся Обществом соревнователей просвещения и благотворения), и Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811–1930), и др.

Эти объединения, разумеется, не были обойдены вниманием исследователей, но их деятельность устойчиво интерпретировалась в идеологических и политических категориях,[35] причем часто с опорой на индивидуальные позиции отдельных, пусть и значимых участников обществ. Так в советской историографии закрепились представление о «реакционно-охранительном» характере «Беседы», аргументированное главным образом политическим консерватизмом А. С. Шишкова, и, напротив, революционно-прогрессивная и декабристская репутация ВОЛРС, подтверждавшаяся личным участием К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, Ф. Н. Глинки. Внешнюю убедительность таким толкованиям — в особенности это касается истории ВОЛРС и ВОЛСНХ — придавал богатый фактический материал, собранный в монографических сочинениях В. Г. Базанова[36] и В. Н. Орлова,[37] однако, как показало новое обращение к архивам этих обществ, отбор источников и фактов производился не менее тенденциозно, чем их интерпретация. «Монументальную» раннюю историю ВОЛСНХ, представавшего, в освещении В. Н. Орлова, ареной борьбы между «радикально-демократическим» крылом «поэтов-радищевцев» и «либеральной» «правой» партией Д. И. Языкова, эффектно и убеди-

[34] Там же. С. 67–70.

[35] Против такого смешения историко-литературных и политических характеристик применительно к участникам «Беседы» и «младоархаистам» возражал еще Ю. Н. Тынянов в классической статье «Архаисты и Пушкин» (1926) (*Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 25–26).

[36] *Базанов В. Г.* 1) Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; 2) Ученая республика. М.; Л., 1964.

[37] Поэты-радищевцы: Вольное общество любителей словесности, наук и художеств / Ред. и комм. Вл. Орлова; вступ. статьи В. А. Десницкого и Вл. Орлова. Л., 1935 (Библиотека поэта); *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790–1800-х гг. М., 1950.

тельно демифологизировал О. А. Проскурин, опираясь на материалы архива ВОЛСНХ и анализируя собственно литературные взгляды его участников.[38] Обращение к ранней истории ВОЛРС, фактически не освещенной в работах В. Г. Базанова, также позволило усомниться как в устоявшихся характеристиках этого периода истории общества, так и в интерпретации его статуса:[39] общество, последовательно добивавшееся высочайшего утверждения и стремившееся обрести покровительство министра народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицына, не слишком укладывается в представление о «литературном филиале Союза благоденствия».

Историко-литературные, в том числе «литературно-бытовые» работы об обществах этого типа, выходившие с 1980-х годов, существенно уточнили понимание их роли в литературном и общественном поле. Деятельность «Беседы любителей русского слова» получила обстоятельное описание в работах М. Г. Альтшуллера (см., прежде всего, его монографию, вышедшую в издательстве «Ardis» в 1984 году и переизданную с дополнениями в 2007-м[40]), тонкий анализ литературных и эстетических установок членов «Беседы» (прежде всего А. С. Шишкова и Державина), специфики их воззрений на значение литературного (со)общества — в перспективе их личных и служебных биографий — представлен в диссертации Е. Э. Ляминой.[41] Благодаря разысканиям О. А. Проскурина[42] уверенные историко-литературные координаты обрела деятельность Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — как на начальном этапе своего существования,[43] так и в более поздний период (1811–1813), когда ВОЛСНХ стало местом консолидации антишишковских сил и ареной активной литературной и языковой полемики. В качестве собственно литературной институции в последнее время привлекает внимание и другое Вольное общество — ВОЛРС — в связи с его издательской деятельностью[44] или ролью Общества в литературной судьбе отдельных его участников.[45]

---

[38] *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 51–57.

[39] См.: *Бодрова А. С.* К институциональной истории Вольного общества любителей российской словесности // Пушкинские чтения в Тарту 6. Тарту, 2019. Вып. 1. Пушкин в кругу современников. С. 253–284.

[40] *Альтшуллер М. Г.* 1) Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984; 2) Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. В числе новых работ о «Беседе» отметим сборник статей по материалам конференции, посвященной 200-летию общества: «Беседа любителей русского слова». 200 лет: Сб. науч. статей. СПб., 2013.

[41] *Лямина Е. Э.* Общество «Беседа любителей русского слова»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

[42] См.: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 47–80, 116–151 (главы «„Не худое подражание“: За что Батюшков не был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Примерные уроки: Три эпизода полемики о старом и новом слоге в зеркале трех сочинений А. Е. Измайлова»).

[43] Важные уточнения предыстории и ранней истории ВОЛСНХ были сделаны в статье А. А. и Т. В. Костиных, посвященной обнаруженному в библиотеке Казанского государственного университета стихотворному сборнику «Праздное время», включающему неизвестные стихотворения А. Г. Волкова и В. В. Попугаева: *Костин А. А., Костина Т. В.* Стихотворный сборник «Праздное время» (1798): К предыстории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств // XVIII век. СПб., 2008. Вып. 25. С. 175–205.

[44] *Иваницкая Е. М.* Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в историко-литературном контексте 1820-х гг. // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 13 (93). С. 57–65.

[45] *Полякова А. А.* Творческая история «Поездки в Ревель» А. А. Бестужева // Русская литература. 2019. № 2. С. 68–78; *Мартыненко А. И.* Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2020. [Т.] 6. Вып. 2. Пушкинская эпоха. С. 38–51.

Концептуальное изучение деятельности официальных обществ невозможно без расширения источниковой базы — и в этом направлении также были предприняты важные шаги. Подробного описания — в том числе с опорой на архивные материалы — удостоилась деятельность Общества любителей российской словесности при Московском университете, ставшая предметом основательного изучения Р. Н. Клейменовой.[46] Однако наиболее значительным достижением в этом отношении стала публикация материалов архива ВОЛСНХ, предпринятая А. А. Савельевым, Н. И. Николаевым, А. В. Соколовым в рамках электронного проекта Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета «Вольное общество любителей российской словесности, наук и художеств» (http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/).[47] Благодаря этому проекту в научный оборот был введен обширный корпус протоколов ВОЛСНХ, представляющих своего рода летопись деятельности общества, доступными читателю стали периодические издания ВОЛСНХ (альманах «Свиток муз», журнал «Периодическое издание ВОЛСНХ») и издания сочинений таких его участников, как А. Х. Востоков и М. В. Милонов. Хочется надеяться, что этот публикаторский проект будет продолжен — так, например, в большинстве своем неизвестными в печати остаются внутренние рецензии на тексты, читавшиеся в Обществе и представляющие собой, как справедливо отмечается, «интереснейший источник по одному из ранних периодов формирования русской литературной критики»,[48] а также многие другие документы из архива Общества, опись которого представлена на сайте.

Размыканию границ историко-литературной и «литбытовой» проблематики, в том числе применительно к истории «официальных» обществ, способствовало активно развивавшееся в 1990–2000-е годы изучение идеологии (прежде всего государственной) как «культурной системы»[49] и интерес к широкой теме «Литература и государство» — как в идеологической, так и в институциональной перспективе. В связи с этим внимание не только филологов, но и историков привлек целый ряд государственных идеологов, чья деятельность в ранней исследовательской традиции описывалась явно тенденциозно, с опорой на прижизненную репутацию и оценки современников, зачастую утрированные в «либеральной» дореволюционной и советской историографии. Среди таких персонажей — важных участников и/или покровителей литературных обществ — А. С. Шишков,[50] создатель «Беседы любителей русского слова»

---

[46] *Клейменова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811–1930. М., 2002; Пушкин и Общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1999; Гоголь и общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 2005; Лев Толстой и общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 2008. Отметим также важный библиографический справочник: Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1811–1930 / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1981.

[47] Описание целей и задач проекта см.: *Савельев А. А.* Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1801–1826): опыт раскрытия архивного фонда университетской библиотеки // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2003. С. 123–129.

[48] Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801–1826): историческая и библиографическая справка // http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/istoria.html#strukt; дата обращения: 31.10.2020.

[49] Краткий очерк истории изучения и принципов описания идеологии в разных научных парадигмах см.: *Зорин А. Л.* Литература и идеология // Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 9–30.

[50] См. прежде всего работы 1980–2000-х годов Б. А. Успенского и В. М. Живова, М. Г. Альтшуллера, О. А. Проскурина, А. Л. Зорина, А. Мартина, В. С. Парсамова, А. Ю. Минакова, включенные в «персональный» библиографический указатель: Александр Семенович Шишков (1754–

и многолетний президент Академии Российской; А. Н. Голицын,[51] почетный член «Беседы», попечитель ВОЛРС, основатель и президент российского Библейского общества; С. С. Уваров[52] — член-«Старушка» «Арзамасского общества безвестных людей», а также почетный член «Беседы», ВОЛСНХ и ВОЛРС.

В работах, посвященных этим фигурам и другим представителям «русского консерватизма», не только реконструировался европейский и русский генезис и контекст их воззрений, но прояснялась связь между их политическими проектами разного времени и литературной или окололитературной деятельностью, — таким образом, обсуждалась проблематика соотношения государственной политики, общественных институтов (в том числе объединений разных типов) и собственно литературной продукции. Особенно показательной в этом отношении представляется монография М. Л. Майофис,[53] в которой на обширном материале было продемонстрировано «политическое измерение» деятельности «Арзамаса», изоморфизм литературных, просветительских и идеологических проектов его участников, для которых «возведение зданий русской словесности и государства воспринималось как единое и общее дело».[54] Этот пример тем более ярок, что «Арзамас» традиционно трактовался как классический литературный кружок, неформальный, игровой — иными словами, всецело принадлежащий сфере литературного быта, выход за пределы которого в 1817–1818 годах привел к внутреннему расколу и затем к прекращению деятельности общества. При этом ценность «Воззвания к Европе...» не сводится к уточнению или пересмотру истории «Арзамаса»: подробная реконструкция политического, идеологического и общественного контекста второй половины 1810-х годов, предпринятая в книге М. Л. Майофис, заставляет по-новому взглянуть на деятельность других обществ и кружков — и проблематизировать их стратегии в соотношении как с государственными институтами, так и с литературным полем.

Прояснить институциональную специфику литературных объединений помогает их сопоставление с другими общественными организациями и ассоциациями, которые в интересующий нас период отнюдь не сводились к тайным политическим обществам будущих декабристов. В таком широком контексте литературные общества, салоны и кружки рассмотрены в монографии В. М. Боковой,[55] в которой — вопреки названию — собраны основные сведения не только о тайных обществах (хотя Союзу благоденствия и связанным с ним обществам и объединениям посвящена существенная часть книги), но и о различных ученых и дружеских кружках, благотворительных

1841): Материалы к библиографии / Сост. В. Л. Коровин, А. Н. Стрижев // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 150–209. Из работ последнего времени, в том числе касающихся деятельности Шишкова в «Беседе», см.: *Камчатнов А. М.* Русский древослов Александра Шишкова: лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб., 2018.

[51] См.: *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, Ill., 1997; *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 284–330; *Назаренко Е. Ю.* Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж, 2014; *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: Монография. СПб., 2014.

[52] См.: *Виттекер Ц. Х.* Граф Уваров и его время. М., 1999; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... С. 339–374; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе... (по указ.); *Майофис М. Л., Велижев М. Б.* Уваров Сергей Семенович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 364–369.

[53] *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

[54] Там же. С. 30.

[55] *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.

и религиозных объединениях, провинциальных обществах и ассоциациях.[56] При широком охвате материала установка работы Боковой — в большей степени обзорно-классификаторская («свести воедино максимально большее количество имеющихся сведений об общественных объединениях, по возможности дать их описание или хотя бы зафиксировать факт существования...», «классифицировать общественные объединения, выявить типовые их черты», выделить «внутренние идеологические и организационно-практические тенденции развития объединений»[57]), чем аналитическая и интерпретационная, — и в таком справочном качестве это, пожалуй, наиболее взвешенная и основательная работа из имеющихся на сегодняшний день. Важно, однако, что за рамками рассмотрения в монографии (что оговорено в предисловии) остались масонские ложи, национально-патриотические кружки, а также научные и профессиональные объединения (типа Вольного экономического общества, Общества истории и древностей российских).

Иной институциональный ракурс рассмотрения литературных обществ, как официальных, так и «домашних», был намечен в диссертационном исследовании и восходящих к нему многочисленных публикациях Л. Г. Рогушиной,[58] которые, несмотря на архаичный методологический язык и излишнее доверие к некоторым советским идеологическим конструктам, ценны новым материалом, в том числе архивным, и самой постановкой задачи. Различные просветительские и благотворительные объединения александровской эпохи рассматриваются как социальные институты («формы организации общественной жизни»), в их отношениях с «правительственными структурами» — иными словами, как форма взаимодействия общества и государства. Описывая прежде всего организационно-структурные особенности различных объединений и характеризуя их отношения с различными институтами власти, Рогушина выделяет три типа обществ: 1) «общества на особых основаниях» (т. е. находившиеся под покровительством монарха или членов императорской семьи и пользовавшиеся государственной финансовой и организационной поддержкой); 2) общества, открывавшиеся на условиях Высочайшего утверждения («вольные», инициативные общества «на самообеспечении», которые, однако, могли также обращаться за протекцией или финансированием к патрону или напрямую к монарху); 3) «неофициальные» общества[59] — и со-

[56] Ученые и литературные общества, активно развивавшиеся в различных городах империи (прежде всего университетских) в 1790–1820-е годы, также неоднократно становились предметом изучения в недавней историографии — см., например: *Аристов В. В.* Первое литературное общество Поволжья (К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806–1818 гг.). Казань, 1992; *Жиглий Ю. В.* Казанское общество любителей отечественной словесности, 1806–1853 (из истории литературного краеведения): Учебно-методическое пособие для студентов-филологов. Казань, 2012.

[57] *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 5.

[58] *Рогушина Л. Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; ценный материал, в том числе архивный, собранный в диссертации, распубликован — к сожалению, практически без дополнений и изменений, — в коротких статьях в «Герценовских чтениях»: *Рогушина Л. Г.* 1) Некоторые проблемы образования и разработки уставов вольных литературных обществ первой четверти XIX века // Герценовские чтения 2010. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2011. С. 28–35; 2) Вольные литературно-просветительские общества в царствование Александра I: образование, состав, издательская деятельность // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2017. С. 185–204; 3) «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» как типичный представитель либерального литературного общества первой четверти XIX века // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2018. С. 211–222; 4) Вольные общества в первой четверти XIX в. // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2019. С. 61–66.

[59] *Рогушина Л. Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. С. 54–55.

средоточивает свое внимание на первых двух типах. Таким образом, в сфере рассмотрения оказываются «официальные» литературные объединения — «Беседа любителей русского слова», ВОЛСНХ и ВОЛРС — «вольные общества», добившиеся, однако, Высочайшего утверждения. Исследование их организационных особенностей, взаимодействия с различными государственными институциями (Министерством народного просвещения, Комитетом министров, императорским двором) позволило Л. Г. Рогушиной — как и в случае с другими вольными обществами (Санкт-Петербургское ученое фармацевтическое общество, Общество ботанических и естественных наук, Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения Белля и Ланкастера) — прийти к аргументированному заключению о значительно более тесной связи этого социального института с государственной властью и политикой.

Еще один важный контекст, намеченный в работе Рогушиной, — соположение просветительских и благотворительных обществ, тем более оправданное, что многие ученые и литературные объединения (например, ВОЛРС) включали «благотворение» в свою уставную деятельность и способствовали развитию различных филантропических проектов. Разработка этой проблематики представляется перспективной и с точки зрения изучения истории благотворительности, которое активно развивается в последнее время, в том числе на русском материале — ср., например, пионерские работы А. Линденмайер[60] и обобщающее исследование Г. Н. Ульяновой.[61]

Такое расширение контекста позволяет связать материал литературных объединений с более широкой и актуальной социально-исторической проблематикой — определением и описанием «публичной сферы» («public sphere»), истории ее формирования и роли в становлении гражданского общества, институциональным ядром которого Ю. Хабермас и его последователи считают добровольные ассоциации. Эта проблематика, особенно применительно к российской ситуации, вызывала острые дискуссии в исторических, социологических, политологических работах последних десятилетий.[62] Интерес к истории становления российской «публичной сферы» привел как к росту исследований конкретных институций этого типа, так и к стремлению обобщить специфику имперского опыта общественной жизни,[63] отличительной чертой которой было сильное государственное влияние и, как следствие, более активное взаимодействие или даже интеграция многих общественных ассоциаций с государственными структурами. В силу своего промежуточного статуса объединения такого типа — в отличие от «частных» литературных кружков или тайных обществ и, шире, «революционного движения» — до недавнего времени были изучены едва ли не хуже всех, между тем именно они, по мнению авторитетного исследователя этой темы Дж. Брэдли, были одним из тех институтов, который на протяжении всего XIX века и в предреволюционные годы обеспечивал опыт самоорганизации, социального взаимодействия, постановки и решения общественно значимых задач, тем самым способствуя формированию гражданского

---

[60] *Lindenmeyr A.* 1) Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 807); 2) Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.

[61] *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской Империи: XIX — начало XX века. М., 2005.

[62] Краткое изложение различных точек зрения на понятие «гражданское общество» применительно к истории дореволюционной России см., например: *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia. Cambridge, Mass., 2009. P. 6–8 (в примечаниях к этому разделу см. основную литературу вопроса); *Туманова А. С.* Введение // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011. С. 6–9.

[63] См. прежде всего коллективную монографию «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.» (М., 2011).

общества.[64] Брэдли подчеркивает многочисленность и развитость системы общественных организаций в дореволюционной России (согласно его подсчетам, их к началу XX века в России насчитывалось около 10 тысяч[65]), а также на примере ряда добровольных обществ (Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, Русское техническое общество) показывает многоаспектность взаимодействия (часто взаимовыгодного) добровольных обществ и государства, их роль в формировании государственной повестки в отношении науки и просвещения и, одновременно, настороженность власти в отношении любых общественных объединений. Существенно, что все эти особенности взаимодействия социальных институтов с институтами власти не являются российской спецификой. Привлекая европейский материал (прежде всего историю научных и просветительских обществ Франции и Германии XVIII–XIX веков), Брэдли демонстрирует, что «сочетание покровительства с подозрительным отношением со стороны властей, система уступок и обязательность правительственного разрешения и регистрации ассоциаций, опасение невинной, на первый взгляд, деятельности как прикрытия для вмешательства в политику» составляли «типичные черты» существования добровольных обществ XVIII–XIX веков по всей Европе.[66] Работа Брэдли, сочетающая глубокий анализ конкретного материала с широкой контекстуализацией (в том числе европейской) и установкой на историческую институциональную интерпретацию, представляется важным образцом для описания деятельности литературных объединений.

Подобное описание литературных обществ кажется тем более необходимым, что они в меньшей степени привлекали внимание социальных историков. Брэдли в своих работах практически не касается литературных объединений; поверхностно и частично с опорой на устаревшие источники описаны «объединения деятелей литературы и искусства» в обобщающей монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.», причем сделано это только на материале конца XIX — начала XX века.[67] В свою очередь опора на разработанный в рамках этой дисциплины язык институционального описания позволит встроить историю литературных объединений в историю «публичной сферы», а с другой — даст возможность уйти от идеологически неприемлемого советского социологического языка внутри истории литературы.

Институциональный подход представляется тем более перспективным, что позволяет рассматривать деятельность различных участников литературного процесса как в рамках собственно литературы, так и в их взаимодействии с другими инстанциями — прежде всего с государством и с формирующейся «публичной сферой». Ориентированный на описание социальных взаимодействий, он позволяет анализировать различные связи (литературные, дружеские, служебные и т. д.) внутри общества и за его пределами (взаимодействие институции и отдельных участников с органами государственного управления, цензурой и т. д.). Подобный подход даст возможность комплексно описать разные аспекты деятельности литературных обществ и отрефлексировать их соотношение, а также проследить эволюцию этого типа общественных объединений.

---

[64] См.: *Bradley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia. P. 1–5; русский перевод, с полезной вступительной статьей А. С. Тумановой: *Брэдли Д.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 25–35.

[65] *Bradley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia. P. 1.

[66] Цит. по: *Брэдли Д.* Общественные организации в царской России. С. 89.

[67] См. соответствующий раздел: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. С. 432–467.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-19-54

ПЕРЕПИСКА Ю. Г. ОКСМАНА И Н. К. ГУДЗИЯ (1930–1965)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. А. ФРОЛОВА)

(*Окончание*)*

30[1]

5/I 59 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Только сегодня, явившись на заседание Комиссии по истории филологич<еских> наук в ОЛЯ,[2] узнал твой адрес, и потому только сегодня получил возможность сердечно поблагодарить тебя за новогоднее поздравление и — со своей стороны — поздравить тебя с Антониной Петровной с новым годом и обоим вам пожелать всего того, что может пожелать друг своим дорогим друзьям.

Я лишь неделю назад вернулся из Чехословакии, где пробыл свыше трех недель, все время испытывая самые приятные впечатления и от страны, и от людей, и от большой культуры. Жил в Праге и в Брно. В Праге гостил, в Брно — читал 5 лекций по древнерусской литературе и одну — о Толстом. При свидании расскажу тебе подробно о своих впечатлениях от путешествия, а видеть тебя очень хочу.

Жаль, что не могу связаться с тобой по телефону.

Сегодняшнее заседание бюро Комиссии прошло при очень малочисленном составе членов и не было очень продуктивным. Кроме меня, присутствовали Горнунг, Абаев, Бархударов. Отсутствовал секретарь Козьмин, т. к. вчера скоропостижно (от инфаркта) скончалась его мать — Тамара Николаевна. Всего полгода после смерти Бориса Павловича она прожила.[3] Сколько смертей за короткий срок выпало на долю этой семьи!

Числа около 15-го бюро соберется вновь, и я прошу тебя на этот раз посетить заседание.

Обнимаю тебя. Искренний привет Антонине Петровне.

Твой Н. Гудзий

[1] За 1957–1958 годы в архиве Н. К. Гудзия сохранились лишь три поздравительные телеграммы Ю. Г. Оксмана: датированные 3 мая 1957 года, днем 70-летия Гудзия («СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ДРУГА ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО УЧЕНОГО БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА ЖЕЛАЕМ СЧАСТЬЯ НОВЫХ ДОСТИЖЕНИЙ = ОКСМАН»), 22 декабря 1957 года и 20 декабря 1958 года. В архиве Оксмана письма и телеграммы Гудзия за этот период отсутствуют.

* Начало публикации см.: Русская литература. 2020. № 4. С. 136–185.

[2] В 1957 году Оксман стал членом Бюро Комиссии по истории филологических наук при Отделении литературы и языка АН СССР (далее — ОЛЯ), но активно участвовал в ее работе уже с осени 1956 года («Искренне ваш Юл. Оксман»: Письма 1914–1970 годов / Публ. М. Д. Эльзона; предисловие В. Д. Рака; прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2004. № 1. С. 170; далее ссылки на эту публикацию приводятся сокращенно, с указанием года выхода и номера журнала и номеров страниц). Председателем Комиссии был Гудзий. В его архиве сохранилось большое количество материалов, связанных с деятельностью Комиссии в 1954–1965 годах (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 12. № 9–19), в том числе — проект 1-го выпуска «Трудов» Комиссии (1959–1960 годы; Там же. № 9) и приложения «О задачах и типах изданий трудов филологов прошлого» к проблемной записке «История филологической науки», составленной Б. В. Горнунгом (Там же. № 13).

[3] Горнунг Борис Владимирович (1899–1976) — лингвист, поэт, мемуарист, переводчик; Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — лингвист, педагог, в 1953–1975 годах — заместитель академика-секретаря ОЛЯ; Абаев Василий Иванович (1900–2001) — иранист, этимолог, с 1950 года работал в Институте языкознания АН СССР в Москве (ранее — в Яфетическом институте, Институте языка и мышления, Институте языкознания АН СССР в Ленинграде); Козьмин Мстислав Борисович (1920–1992) — литературовед, в 1954–1960 годах — ученый секретарь ОЛЯ, сын Б. П. Козьмина (скончался 5 июля 1958 года) и египтолога, специалиста по античной истории и культуре Тамары Николаевны Козьминой (урожд. Бороздиной; 1889 — 4 января 1959). См. о ней: *Томашевич О. В.* Т. Н. Бороздина-Козьмина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди: Сб. / Науч. ред. К. К. Искольдская. М., 2003. С. 122–140. 14 августа 1958 года Оксман откликнулся на смерть Козьмина в письме И. Г. Ямпольскому: «Умер Б. П. Козьмин, смерть которого была ускорена страшными квартирными условиями, безденежьем, провалом в Инст<итуте> истории его кандидатуры в члены-кор<респондент>ы. А ушел он из жизни — и образовалась пустота, всеми явственно ощутимая, ибо это был настоящий большой человек, незаменимый специалист, ученый самого высокого класса» (Русская литература. 2004. № 1. С. 189).

31

Дорогой друг,

Спасибо тебе сердечное за прекрасную книгу.[1] Желаю тебе от души скорее физически обновиться так, чтобы скинуть с себя раз и навсегда бремя всяческих недугов. Удач тебе всяческих в жизни, в науке, во всем, во всем. Обнимает тебя, вдуваемый кислородным нагнетанием, как и ты,

16/III 60 <Москва> Н. Гудзий

P. S. Пожалуйста, дай окончательные инструкции Лиде,[2] как написать проспект издания «Воскресения» в «Лит<ературных> пам<ятниках>».[3]

Н. Г.

[1] *Оксман Ю. Г.* От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева: Пушкин — Рылеев — Кольцов — Белинский — Тургенев: Исследования и материалы. Саратов, 1959.

[2] Л. Д. Опульской.

[3] Речь идет о начальных этапах подготовки издания: *Толстой Л. Н.* Воскресение / Изд. подг. Н. К. Гудзий и Е. А. Маймин; отв. ред. Л. Д. Опульская. М., 1964 (сер. «Литературные памятники»). В этом томе Опульской принадлежат также несколько страниц комментария к роману. В сентябре 1959 года Оксман был введен в редколлегию академической серии «Литературные памятники», впоследствии подготовил к изданию «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина и том избранных литературно-критических статей Н. А. Добролюбова «Русские классики», участвовал в редактуре работ своих коллег, писал отзывы и внутренние рецензии на заявки и намеченные к выпуску тома серии (*Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 408).

32

19/IV <1960 года. Ялта>

Дорогой Николай Каллиникович,

из вьюжной, холодной и больничной Москвы я без всяких переходов очутился вдруг у самого синего моря, в солнечной весенней Ялте, где все цвело, все радовало глаз, все будило к жизни. Прошло после этого уже две недели сладкого кейфа, полной беззаботности, безответственности и покоя*. Погода изменилась, второй день идет дождь, солнце перебралось в Москву, но меня и это не печалит: «чувство выздоровления есть одно из самых сладостных».[1] Надолго ли я возвращусь к жизни — сказать трудно, календарные 65 лет оказались для меня и в самом деле вехой большого перелома, но <я> пока что не в силах изменить ни свой быт, ни свой нрав, хотя понимаю, что это совершенно необходимо.

Вот, напр<имер>, прочел в «Известиях» от 16 апреля статью П. А. Зайончковского «О честности в науке» — и мне захотелось написать в те же «Известия» нечто вроде продолжения этого исключительно актуального фельетона.[2] Написал о Самарине, о Волкове, о Бабкине, о Григоряне и других отставных топтунах, бесчестящих нашу науку. Не дашь ли ты еще на заправку пару украинских светочей — вроде Кирилюка?[3] Хотелось бы написать и о головенченках — их ведь в Москве «несть числа»...[4] Написал об А. А. Волкове — и вспомнил, что мы с тобой в долгу перед памятью Романа Мих<айловича> Волкова. Надо что-ниб<удь> дать в сборник его памяти, организуемый в Черновицах. Поройся в своих закромах — и переделай в небольшую статью какую-ниб<удь> «внутреннюю рецензию» — их у тебя ведь хватит на пять томов.[5] Мы обязаны с тобой сорганизовать и сб<орник> по ист<ории> фил<ологической> науки.[6] Обязательно напиши Н. К. Пиксанову — он может дать и статью историографическую, и рецензию, и даже материалы (напр<имер>, письма Сакулина, Луначарского, Венгерова).[7] В Москве я буду 2 мая.

Сердечный привет Татьяне Львовне и тебе от нас обоих

Твой Юл. Оксм.

* Я очень подружился здесь с Паустовским.[8]

Год установлен по содержанию.

[1] Пушкин. <Из автобиографических записок> («...лины печатью вольномыслия...») <1826>.

[2] 16 апреля 1960 года в газете «Известия» была опубликована статья историка, источниковеда, библиографа Петра Андреевича Зайончковского (1904–1983) под названием «О честности в науке». Основываясь на критике литературоведческих и философских работ, а именно — В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского» (М., 1956), И. В. Гуторова «Философско-эстетические взгляды А. С. Пушкина» (Минск, 1957), работ И. Я. Щипанова о Фонвизине, статья обличала плагиат, фальсификацию и вульгаризацию в научной литературе. В частности, работа Баскакова о Чернышевском была названа автором статьи образцом «самого бесцеремонного обращения с фактами». Задолго до появления статьи Зайончковского, в 1956 году, Оксману дважды представилась возможность выступить на обсуждении книги Баскакова. 3 августа Чуковский записал в дневнике: «Я прочитал стенограмму речи, произнесенной Оксманом 18 июня 56 г. в Саратовском университете при обсуждении книги В. Баскакова. Речь, направленная против „невежества, воинствующего, грубо претенциозного, выращенного в столичных инкубаторах, воспитанного годами безнаказанного конъюнктурного лганья и беспардонного глумления над исторической истиной“. Речь потрясающая — и смелая, и великолепно написанная» (*Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 13. Дневник (1936–1969) / Комм. Е. Чуковской. С. 216). Помимо этого, упомянутого Чуковским, выступления Оксмана на открытом заседании кафедры русской литературы Саратовского государственного университета (далее — СГУ), в декабре того же года он принял участие в обсуждении книги Баскакова в Институте философии АН СССР (*Оксман Ю. Г.* Отчеты о научно-исследовательской работе за 1954–1963 годы // РГАЛИ. Ф. 2567.

Оп. 1. № 1090. Л. 10; *Неводов Ю.* Обсуждение книги В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского» // Новая Волга: Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. Саратов, 1956. Кн. 25. С. 167–172. См. также: *Неводов Ю., Островский В.* Рецидив старых ошибок (О книге В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского») // Сталинец (Саратов). 1956. 23 июня. № 23. С. 2).

[3] В 1960-е годы Оксману удалось осуществить этот замысел лишь частично. Сохранились его заметки, объединенные общим заглавием «Литературные портреты» (но имеющие отдельные подзаголовки) и посвященные И. И. Анисимову («Памяти одного псевдо-ученого гангстера») и И. Л. Гринбергу («Фигуры не имеет»). Подобным одиозным фигурам, среди которых — В. В. Ермилов, Ф. Н. Петров, К. Л. Зелинский, посвящены несколько набросков и дневниковых записей Оксмана (см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 7, 8). О литературоведе Анатолии Андреевиче Волкове (1909–1981), авторе целого ряда директивных, разгромных статей, Оксман упомянул, выступая на заседании Совета по критике при Правлении Союза писателей СССР и ИМЛИ 20 сентября 1962 года: «...Волков не принадлежит к светлым явлениям нашего литературоведения, его труды отражают период самой бессовестной конъюнктурности. Разверните его книги — серые, мертвящие, дискредитирующие нашу советскую науку» (*Фролов М. А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и А. В. Флоровского (1962–1968) // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 623–624). Также в письме упомянуты: литературовед, специалист по творчеству Т. Г. Шевченко, с 1957 года — член-корреспондент АН УССР Евгений Прохорович Кирилюк (1902–1989); литературовед, издательский работник, специалист по творчеству А. Н. Радищева Дмитрий Семенович Бабкин (1900–1989), на момент написания письма — старший научный сотрудник ИРЛИ. О нем упомянула в своих воспоминаниях Л. М. Лотман: «„Начальственный“ литературовед Бабкин написал книгу о Радищеве, и пошли слухи, что часть его работы — плагиат, что он „заимствовал“ ее у своих предшественников. Б. В. <Томашевского> привлекли как эксперта. Он „защитил“ Бабкина, но своеобразно. Его заключение состояло в том, что работа очень плохая, и так плохо мог написать только Бабкин, т. е. плагиата не было» (*Лотман Л.* Воспоминания. СПб., 2007. С. 137); Григорьян Камсар Нерсесович (1911–2004) — литературовед, специалист по армянской литературе, творчеству М. Ю. Лермонтова, на момент написания письма — старший научный сотрудник ИРЛИ; Самарин Роман Михайлович (1911–1974) — специалист по западноевропейской литературе, заведующий Отделом зарубежной литературы ИМЛИ (1953–1974), декан филологического факультета МГУ (1956–1961); активный участник политических кампаний, проработок и «чисток» (см.: Русская литература. 2005. № 4. С. 162). Особый сюжет в биографии Оксмана, связанный с затронутой темой, — подготовка с 1962 года и распространение в 1963 году его меморандума «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых» (Социалистический вестник. 1963. № 5/6. С. 74–76, подп.: NN; Новое русское слово. 1963. 8 июля. С. 2, подп.: NN; Русская мысль. 1963. 3 авг. (в сокращении под заглавием «„Сталинисты“ среди советских писателей и ученых», подп.: NN); в английском переводе Г. П. Струве анонимно: Forum Service. 1963. 29 июня; республиковано: Русская литература. 2005. № 4. С. 161–163). Текст меморандума Оксмана посвящен Я. Е. Эльсбергу, Н. В. Лесючевскому, Р. М. Самарину, Д. С. Бабкину, В. В. Ермилову и их жертвам.

[4] Оксман упоминает в нарицательной форме имя Федора Михайловича Головенченко (1899–1963) — литературоведа, специалиста по древнерусской литературе, творчеству Белинского, Чернышевского; в 1945–1948 годах он возглавлял Гослитиздат, с 1948 года — заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), организатор и активный участник разгромных политических кампаний, в частности по борьбе с космополитизмом.

[5] Оксман написал заметку о литературоведе, фольклористе Романе Михайловиче Волкове (1885–1959) для «Краткой литературной энциклопедии»: *Оксман Ю. Г.* Волков Роман Михайлович // КЛЭ. 1962. Т. 1. Стб. 1019–1020. По всей видимости, упоминаемый в письме сборник памяти ученого не вышел в свет. Вместе с тем в 1960 году в Черновцах была издана его монография: *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960. См. также письмо Оксмана П. Н. Беркову от 8 мая 1959 года (Русская литература. 2004. № 2. С. 194).

[6] Судя по письмам 1959–1961 годов, Оксман принимал большое участие, как организационное, так и составительское, в попытках вернуться к подготовке этого, так и не вышедшего в свет сборника — привлекал к участию коллег, разрабатывал предварительный композиционный план (см.: Русская литература. 2004. № 2. С. 199, 210, 218, 234).

[7] Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — государственный и общественный деятель, публицист, драматург, литературный и художественный критик; Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературовед, библиограф, педагог, основатель Пушкинского семинария при Петербургском университете, учитель Оксмана.

[8] Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) — писатель, сценарист, журналист.

33

22/IV 60 <Москва>

Дорогой друг!

Получив от тебя сегодня письмо, спешу поблагодарить тебя за внимание, за память и тороплюсь ответить тебе, т. к. в день твоего приезда в Москву (2-го мая) я уезжаю (улетаю) в Вену в качестве председателя международной комиссии по истории филологических наук на первое заседание, на которое съедутся члены комиссий по одному из каждой славянской страны, затем — из Англии, Франции, Италии. В виде исключения кроме меня, по моему представлению, едет и В. В. Виноградов, если только неудача с получением Ленинской премии не отобьет у него желание ехать в «чужие края». По моим расчетам пребывание наше в Австрии займет не больше недели. В связи с предстоящим отъездом я занят написанием доклада об изучении истории филолог<ических> наук в России и в СССР.[1] Одновременно штопаю книжку о Толстом.[2]

Завидую тебе, мой друг, по поводу твоего пребывания на Южном берегу, у моря. Там проводил я годы своей молодости в 1918–1921 гг.[3] Это было мое Wanderjahre,[4] там я познакомился и сблизился с моей первой женой, когда-то красавицей, а сейчас жалкой старушкой, одинокой и не знающей, куда ей приткнуться, ищущей забвение в водке. Крым я люблю больше Кавказа: в нем больше седой древности, тут и античные реминисценции, и Бахчисарай, и Инкерман, и дивный Севастополь с изумительным по величественности и красоте подъездом к нему со стороны Симферополя. Мечтаю пойти по твоим стопам и в апреле — мае побывать в Ялте, но для этого нужно окончательно порвать с университетом, привязывающим к себе принудительным расписанием, которое нарушал только поездками в Киев и иногда за рубеж.

Разделяю вполне твое весьма положительное отношение к статье П. А. Зайончковского. Я позвонил ему, получив твое письмо, но, оказывается, ты сам ему написал. Что тебе сказать о твоем решении написать в «Известия» о тех, о которых ты мне сообщил. Зайончковский все-таки написал о «выдающихся» фигурах со знаком уголовников от науки. Я бы исключил из них прежде всего Кирилюка. Он мало талантлив, но добропорядочен. Остальные еще не достигли того уровня, которого достигли Гуторов, Щипанов, Баскаков. Таких, как ты упоминаешь, бесконечное множество. К примеру еще — Сидельников, Василенок («фольклористы»), да мало ли кто! Едва ли «Известия» пойдут на сплошную чистку, на освобождение нашей науки от плевел.[5]

Постараюсь придумать что-нибудь для сборника памяти Р. М. Волкова.

В комиссии у меня вместо бездействовавшего Козьмина энергичная пока — год З. С. Шепелева,[6] рекомендованная мне Н. Ф. Бельчиковым. Бывает и так.

Дружески тебя обнимаю. Сердечный привет Антонине Петровне и тебе.

Твой Н. Гудзий

Как это ни странно, я и Паустовский — оба киевляне — знакомы не лично, а только по однократной переписке.[7] К<онстантина> Г<еоргиевича> я очень ценю и уважаю. Привет ему от меня.

[1] В списке работ за 1960–1961 годы Гудзий указал: «Основные моменты в изучении истории славянской филологии в России — СССР, 1960, Вена, 30 стр.» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 13. № 6. Л. 16). Этот доклад был опубликован: Wiener slavistishes Jahrbuch (Wien). 1960. Bd 8. S. 9–27. Там же на с. 200–202 опубликовано и заключительное слово Гудзия на заседании комиссии.

[2] *Гудзий Н. К.* Лев Толстой: Критико-биографический очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1960. Книга была сдана в набор в июле, а в свет вышла в ноябре.

[3] В годы Гражданской войны Гудзий был профессором Таврического университета, активным членом Таврической ученой архивной комиссии, Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете, с июля 1920 года был председателем Литературного общества им. А. П. Чехова; подробнее см.: *Филимонов С. Б.* 1) Интеллигенция Крыма времен Гражданской войны об исторических судьбах России и Украины // Историческое наследие Крыма: научный журнал. 2006. № 12/13. С. 171–175; 2) Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010. С. 43–47, 96–98, 241–272.

[4] Годы скитаний (*нем.*).

[5] Гудзий называет, в частности, имена фольклористов Виктора Михайловича Сидельникова (1906–1982), в 1951–1960 годах — профессора Литературного института им. А. М. Горького, с 1960 года — заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы в Московском университете дружбы народов им. П. Лумумбы, и Сергея Ивановича Василенка (1902–1982), в 1947–1961 годах — доцента кафедры фольклора МГУ. В 1947 году статьей Сидельникова, в то время доцента Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике» (Литературная газета. 1947. 29 июня. № 26. С. 3) начался длительный период травли Азадовского и шельмования его имени в печати, см.: «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 66. Василенок же, работая на кафедре, руководимой в 1942–1952 годах фольклористом, этнографом, переводчиком Петром Григорьевичем Богатыревым (1893–1971), участвовал в общем потоке обвинительной критики, обрушившейся на него в 1947 году, см.: *Василенок С.* Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. 1947. 15 нояб. № 55. С. 3. В этой статье автор, нагромождая одно за другим опасные политические обвинения, раскритиковал составленную Богатыревым в 1947 году программу высшего образования по дисциплине «Русский фольклор», для которой, по мнению Василенка, «характерно не только преклонение перед буржуазными школами Запада, но открытое отрицание мирового значения русской науки». Уже в следующем году Богатырев был отстранен от занимаемой должности. См.: *Дружинин П. А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 году. Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 385, 387, 416–419.

[6] Шепелева Зинаида Сергеевна (1911–1963) — литературовед.

[7] В архиве Паустовского сохранилось письмо Гудзия от 31 мая 1957 года (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. № 725). Два письма Паустовского к Гудзию (1943, 1957) хранятся в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ (Ф. 7. Оп. 2. № 131).

34

Ялта 16/X <1960 года>

Дорогой Николай Каллиникович,

приехав 30 сентября из Ленинграда, я все собирался позвонить тебе, но, когда, наконец, собрался, узнал о том, что ты лег на операцию.

Все говорят, что операция не очень болезненная, но все же, как любая операция, в наши годы она вносит в жизнь что-то неприятное, связанное с непривычными ощущениями и досадными тревогами. Поэтому мне прежде всего хочется пожелать тебе возможно скорее вернуться домой, за свой письменный стол, к твоим книгам и картинкам. Ну, а круг посетителей можно и сократить. Если с Кирилюком встретишься в Киеве, не дублируя душеспасительных бесед с ним в Москве, ты только выиграешь.

Надеюсь, что к толстовским юбилейным дням ты будешь уже в самой хорошей форме. Вспомни слова Пушкина: «Чувство выздоровления одно из самых сладостных...».[1]

Пишу тебе из Ялты, где мы еще раз в этом году пытаемся продлить лето, такое короткое в Москве. В самом деле, приехали мы сюда на апрель — и я ожил, хватило до сентября. Авось новой зарядки хватит до марта.

А здесь чудесно — как в ленинградском июле или в августовской Москве. Море, солнце, все еще зелено, гуляю без пиджака, на днях начну купаться. Приехал сюда в тяжелейшей меланхолии со спазмами сосудов головн<ого> мозга,

ни к чему не способный, а через четыре дня уже ожил, — ничто не гнетет, ничто не тревожит, надеюсь через недельку сесть за работу (останемся здесь до 8/XI).

В Ленинград ехал в расчете освободиться и от академического Тургенева, и от Пушкинской Комиссии,[2] но меня склонили остаться, наговорив хороших слов, на которые мы с тобою оба падки. С Мих<аилом> Павл<овичем> помирился — он так сердечно капитулировал, что мне трудно было играть в Катона.[3]

Но из Комиссии по истории филол<огической> науки я все-таки уйду. Это ведь не мемуарная серия, редакция которой существует только на бумаге (к тому же серой, как Владыкин,[4] а это ведь предел серости). Хочу заняться всерьез своей предсмертной монографией — «Политическая лирика и сатира Пушкина 1817–1825 гг.». Числится за мной эта тема в ИМЛИ с 1957 г., и мне захотелось эту книжку сделать в года полтора-два.[5]

Будь здоров, дорогой Николай Каллиникович, это сейчас самое главное, остальное «приложится».

Твой Юл. Оксм.

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

Год установлен по почтовому штемпелю отправления на конверте: «16.10.60. Ялта».

[1] См. прим. 1 к п. 32.

[2] В июне 1959 года Оксман был включен в состав редколлегии академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах (М., 1960–1968). См.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1078. Л. 14. Главным редактором и председателем редколлегии этого издания был М. П. Алексеев. В письме Оксман, вероятно, говорит о своем желании прекратить дальнейшее (сверх заключенных договоренностей) сотрудничество с редколлегией (см. п. 36). В 1933–1936 годах Оксман был заместителем председателя Пушкинской комиссии АН СССР, в сентябре 1958 года, после ее восстановления в структуре Академии, ученый вновь вошел в ее состав на правах члена Бюро. Председателем комиссии был избран В. В. Виноградов, одним из его заместителей стал Алексеев (в декабре 1959 года он, в свою очередь, был избран председателем). См. также: Русская литература. 2005. № 4. С. 142–143; комм. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона к письму Оксмана И. Г. Ямпольскому от 3 марта 1962 года.

[3] Письма Алексеева за этот период, адресованные Оксману (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 254), не дают возможности установить суть и причину их размолвки. В письме Беркову от 13 ноября 1960 года Оксман сходным образом описал свою ленинградскую встречу с Алексеевым (Русская литература. 2004. № 2. С. 224–225).

[4] Владыкин Григорий Иванович (1909–1983) — партийный и издательский работник, с 1957 года — главный редактор издательства «Художественная литература».

[5] Этот замысел не был в полной мере реализован. См. прим. 2 к п. 5.

35

20/X 60 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Спасибо тебе за письмо, за память, за добрые пожелания. Всячески приветствую твою поездку в Ялту и от души желаю тебе и Антонине Петровне как следует окрепнуть и набраться сил для суетливой московской жизни.

С 9-го окт<ября> я в Боткинской больнице. Выбор ее определился тем, что главный оператор — уролог, орудующий здесь, — проф<ессор> Фрумкин, во власти которого я нахожусь. 10-го мне сделана первая операция, а затем предстоит вторая, — когда точно — не могу сказать, в лучшем случае — в конце месяца, после чего около месяца при благоприятных условиях я должен еще тут пролежать или просидеть. Сейчас я уже на ногах, могу ходить; идет подготовка ко второму туру <...>[1] В моей палате, кроме меня, еще 3 человека, и один из них ночью храпит. Стараюсь его рулады заглушать нембуталом, но борьба не всегда бывает успешной.

Благодаря моей болезни <...> рушились все мои планы — и поездка в Болгарию в первой половине ноября, и участие в Толстовских празднествах, и поездка по Толстовским делам за границу — на выбор — во Францию, Англию или Данию. Не говорю уж об украинской декаде.[2] Такие-то дела.

Очень убыточно будет для комиссии по истории филолог<ических> наук, если ты ее покинешь, но об этом поговорим после моего выздоровления. Сам я хотел бы избавиться от нее.

Мой дружес<кий> привет тебе и Антонине Петровне.

Твой Н. Гудзий

[1] Здесь и далее при публикации письма нами исключены из текста медицинские подробности операции Гудзия.

[2] Имеются в виду мероприятия, приуроченные к 50-летию со дня кончины Л. Н. Толстого и Вторая декада украинской литературы и искусства, происходившая в Москве 12–21 ноября.

36

15/XII <1960 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

сегодня встретил, возвращаясь из Института Истории, З. С. Шепелеву, вручившую мне твою книжку о Толстом.[1]

Вечером с большим удовольствием перелистал ее, а частью и прочитал, хотя перемен в ней очень мало. Думается мне, что во всей научно-популярной литературе о Л. Н. Толстом твоя книжечка остается самой умной и содержательной. Впрочем, о моем отношении к ней ты хорошо знаешь уже давно. Мне кажется, что в последних страницах следовало бы только упомянуть о Чехове не «через запятую», как говорят газетчики, а чуть больше, дать хотя бы три-четыре строки, в которых сам Чехов сказал о значении Толстого для рус<ской> лит<ературы> нач<ала> XX века.

В числе откликов на творчество Толстого современных мировых писателей надо было бы дать строки Хемингуэя, Синклера Льюиса. Нельзя пройти мимо и «Семьи Тибо» Роже дю Гара, одного из самых замечательных учеников Толстого во Франции.

Вот видишь, что я все-таки не просто кладу твои работы на полку — я их читаю и даже думаю о них.[2]

Недавно возвратился из Ленинграда, где видел Алексеевых, Жирмунского, Виноградовых (в Москве последние менее приятны, чем в Европейской гостинице). На бюро ОЛЯ недавно выступил против тех канцелярских методов руководства Благим «Известиями ОЛЯ», которые привели к полному падению этого органа, не читаемого даже членами его редколлегии, не говоря уже о рядовых подписчиках.[3]

«А жизнь, знай себе, идет...».[4] Чувствую себя плохо, старею, слабею, болею. Работаю много, но результатами этой непосильной уже для меня большой работы не могу быть довольным. На днях сдал в Издательство второй том академического Тургенева — «Сцены и комедии», над кот<орым> работал весь год. В текстолог<ическом> отношении это интересно, но, конечно, в мои годы такими вещами заниматься просто смешно. От «Зап<исок> Охотника» я поэтому отказался, но в редколлегии остался.[5]

Бюллетени о ходе твоего выздоровления получаю регулярно от разных людей. Рад, что ты возвращаешься в строй помолодевшим и окрепшим.

Всегда твой Юл. Оксм.

Письмо пролежало два дня. Забыл его на столе.

Год установлен по почтовому штемпелю отправления на конверте: «17.12.60. Москва».

[1] См. прим. 2 к п. 33.

[2] Эрнест Хемингуэй (1899–1961) писал о Толстом в своем очерке «Пишет старый газетчик» (1934), в книге «Зеленые холмы Африки» (1935), в предисловии к антологии «Люди на войне» (1942). Роже Мартен дю Гар (1881–1958) упоминал о Толстом в своей Нобелевской речи (1937). См.: Слово писателей // Лит. наследство. 1965. Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. С. 157–161, 166–169 (в том числе — в сопроводительной статье И. А. Кашкина и заметке Л. А. Зониной). Синклер Льюис (1885–1951) посвятил Толстому несколько строк в предисловии к американскому изданию романа «Отцы и дети» Тургенева (*Turgenev J.* Fathers and sons / Pref. by Sinclair Lewis. New York, 1943), а также в статье «На Олимп не взлетают» (1948). См. первую русскоязычную публикацию предисловия: *Гиленсон Б.* Синклер Льюис о Тургеневе // Вопросы литературы. 1958. № 9. С. 89–91. См. также: *Лакшин В. Я.* 1) Толстой и Чехов. М., 1963; 2) Чехов и Лев Толстой: Сб. М., 1980; *Катаев В. Б.* Литературные связи Чехова. М., 1989.

[3] Из протокола № 15 заседания Бюро ОЛЯ от 6 декабря 1960 года: «90. Отчет редколлегии журнала „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“ о работе журнала. Докладчик — член-корреспондент АН СССР Д. Д. Благой. В обсуждении участвовали: Н. И. Пруцков, Н. И. Балашов, член-корреспондент АН СССР А. К. Боровков, В. А. Ковалев, Ю. Г. Оксман, член-корреспондент АН СССР А. С. Бушмин, Г. С. Черемин, член-корреспондент АН СССР Н. Ф. Бельчиков, М. Б. Козьмин, академик В. В. Виноградов. Бюро Отделения ПОСТАНОВЛЯЕТ: Поручить комиссии в составе членов-корреспондентов АН СССР — М. Б. Храпченко (председатель), Д. Д. Благого, Н. Ф. Бельчикова, В. И. Борцовского, докторов филол. наук Ю. Г. Оксмана, Н. И. Пруцкова и кандидата филол. наук С. И. Козлова подготовить проект решения с учетом замечаний и пожеланий, высказанных при обсуждении доклада» (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. № 656. Л. 79). Из выступления Оксмана: «Наша задача подумать о том, что нужно сделать, чтобы „Известия“ — журнал, находящийся в исключительно трудных условиях, несущий огромную ответственность перед мировой наукой, перед мировой славистикой, а не только перед работниками наших учреждений, отвечал тем ожиданиям, надеждам и требованиям, которые, естественно, с этим органом связаны <...> Отражение деятельности Отделения и его институтов, отражение деятельности огромной армии академических специалистов-литературоведов — это первая и основная задача журнала. Задача информационная тесно связана с задачами и направлениями дальнейшей работы, потому что информация — это не механическая часть хроники и не созерцательная хроника того, что делается. Задачи научно-исследовательские соединяются с задачами организационными <...> в работе, в руководстве органом Отделения литературы и языка перестали принимать участие его крупнейшие работники — В. В. Виноградов и М. Б. Храпченко <...> В редакционном аппарате не принимают активного участия другие сотрудники Отделения литературы и языка. Ученый секретарь — М. Б. Козьмин, много делавший для журнала, очень опытный и талантливый руководитель и литературовед, в последнее время не участвует так, как должен участвовать ученый секретарь. Фактически в аппарате в распоряжении Дмитрия Дмитриевича оказываются одни молодые начинающие работники... Имена членов редколлегии занимают обложку „Известий“, это имена крупнейших ученых и авторитетнейших специалистов, но я, как читатель — один из старейших читателей этого журнала, я не знаю, в чем сказывается их участие в этом журнале <...> Контакт с читателями, связь с широкими кадрами филологов Москвы, Ленинграда и периферии — это слабое место журнала <...> Активное участие специалистов-литературоведов, работающих в институтах Академии наук, в журнале должно быть их обязанностью, а не только доброй волей <...> Реорганизация журнала должна идти по пути пополнения его редакционной коллегии, в коллегию должны войти специалисты, которые будут отвечать вместе за журнал, а не украшать своими фамилиями его заглавную страницу» (Там же. № 655. Л. 112, 113, 114, 115, 117, 118, 120). О решении выступить на заседании Бюро ОЛЯ и о единственно возможной, по его мнению, кандидатуре на пост главного редактора «Известий» — М. П. Алексееве Оксман писал Беркову 13 ноября (Русская литература. 2004. № 2. С. 225).

[4] Неточная цитата из четвертого действия комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» (1903): «Мы друг перед другом нос дерем, а жизнь знай себе проходит» (реплика Лопахина).

[5] Оксман, подготовив второй и третий тома, содержащие «Сцены и комедии» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1961. Т. 2. Сцены и комедии. 1843–1849 / Подг. текста и прим. Ю. Г. Оксмана; 1962. Т. 3. Сцены и комедии. 1849–1852 (общая редакция тома, подготовка к печати и комментарии к «Завтраку у предводителя», «Провинциалке», «Разговору на большой дороге», «Вечеру в Сорренте» и к большей части приложений к тому принадлежат Оксману)), отказался от участия в подготовке четвертого тома академического собрания сочинений Тургенева, содержавшего «Записки охотника» (1847–1851): *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1963. Т. 4. Записки охотника. 1847–1874 / Тексты подг. и прим. сост. А. Л. Гришунин и др.

37

13/III <1961 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

«буря промчалась»,[1] — и я могу выглянуть из своего больничного гнезда, предвкушая радости возвращения на волю. А в больнице есть много общего с благоустроенной тюрьмой (разумеется, с культурной тюрьмой, а не со сталинскими застенками).

Чувствую себя я с каждым днем лучше и лучше, но, конечно, возвращение к обычному для меня распорядку дня уже не гарантирует прочности моих больших достижений. Лечат здесь, кстати сказать, очень хорошо, да и быт налажен культурный — кормят вкусно, разрешаются прогулки; в большой камере, светлой и хорошо отапливаемой, даже с вентиляцией, две постели, причем вторая чаще пуста, чем занята. Можешь даже принимать у себя гостей по вечерам.

Получил на днях выписку из протокола Учен<ого> совета Горьковского унив<ерситета> о выдвижении моих работ на премию им. Белинского. Слыхал, что такие же решения готовятся и в Саратове, и в Ленинграде. В этих условиях что-то должно сделать ИМЛИ, хотя отношения мои с нашим начальством, начиная с Благого и кончая Щербиной и Анисимовым,[2] очень ухудшились в последние месяцы. Но все же я твердо решил, в случае отказа дирекции ИМЛИ поддержать мое выдвижение на премию им. Белинского, немедленно уйти из института.[3] Между нами говоря, это было бы чудесно, так как Герцен (четыре тома в год!) меня убивает.[4] Убивает настолько, что я не успел подготовить к юбилею ни сборника статей о Белинском, ни книжки «Письмо Белин<ского> к Гоголю» (8 листов исследования, 2 листа — текст и варианты, ½ л. примечания). Последняя книжка стоит в планах Германской и Венгерской Акад<емий> Наук (переводы, для кот<орых> до сих пор не готов оригинал!).[5] В одной из ближайших книг «Zeitschrift für Slawistik» будет статья обо мне и о моих послед<них> работах о Пушкине, Белинском и Тургеневе. Статья написана д<окто>ром Цигенгайстом, при участии Дорнахера и нашего Е. И. Покусаева.[6] Если Самарин к тому времени оправится от своего инфаркта, то несомненно заболеет вновь, так как немцы рассматривают мои работы в аспекте задач, стоящих перед герман<ской> славистикой. А Самарин ведь специально приставлен для затемнения этих задач в ГДР.[7]

Посылаю тебе бумажки по Комиссии, кот<орые> прошу передать З. С. Шепелевой, которую ты увидишь 15-го марта.

Я очень соскучился по тебе, хотя ты меня и огорчал иногда своей слепотою в некоторых оттенках человеческих отношений. В первые же дни после возвращения домой постараюсь заехать к тебе.

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне!

Твой Юл. Оксм.

Год установлен по штемпелю отправления на конверте: «14.3.61. Москва».

[1] Цитата из стихотворения Пушкина «Туча» (1835): «Земля освежилась, и буря промчалась...».

[2] Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — специалист по теории и истории литературы, литературный критик, зам. директора, и. о. директора ИМЛИ (1953–1988); Анисимов Иван Иванович (1899–1966) — специалист по западноевропейской литературе, член-корреспондент АН СССР (1960), директор ИМЛИ (1952–1966).

[3] Академическая Премия имени В. Г. Белинского была учреждена в 1947 году, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 года № 3963 «О 100-летии со дня смерти В. Г. Белинского», с формулировкой «за выдающиеся научные работы в области литературной

критики, теории и истории литературы». С 1959 года присуждалась раз в три года (размер ее составлял 20 000 р.). См. прим. 5 к п. 39.

[4] В августе 1956 года Оксман был включен в состав редколлегии академического собрания сочинений и писем А. И. Герцена по представлению главного редактора В. П. Волгина. В июле 1958 года, в связи с кончиной Козьмина, на Оксмана были возложены обязанности заместителя главного редактора издания. Впоследствии, в 1958–1964 годах он был ответственным редактором — как персонально, так и совместно с Л. М. Долотовой, И. Г. Птушкиной, В. А. Путинцевым и И. Ю. Твердохлебовым — восьми томов издания (14, 15, 18, 19, 24, 26, 28, 30). Как комментатор он принял участие в подготовке двух томов — 7-го (комментарий к двум разделам книги «О развитии революционных идей в России») и 13-го (композиция материала тома, большая часть редакционной преамбулы, редакция примечаний и установление структуры статьи «Правда ли?» в первом номере «Колокола»). См.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана. С. 391–397, 410–419; *Ptouchkina I.* Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Œuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires // Revue des études slaves. 2012. Vol. 83. № 1. P. 41–64.

[5] Предысторию замысла монографии, получившей уже в 1955 году рабочее название «Письмо Белинского к Гоголю. Текст. Варианты. Исследование», план ее содержания, краткую авторскую аннотацию, приблизительный объем, а также указание на сохранившиеся подготовительные материалы см.: Там же. С. 429–430. См. также прим. 8 к п. 50.

[6] *Pokusaev E. I., Usakina T. I., Ziegengeist G.* J. G. Oksman — ein hervorragender Repräsentat der sowjetischen Literaturwissenschaft (Zu einem neuen Sammelband Oksmans) // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Bd VI. H. 3. P. 452–461. Усакина Татьяна Ивановна (1931–1966) — специалист по русской литературе, журналистике, литературной критике и общественной мысли XIX века, ученица Оксмана, доцент кафедры русской литературы СГУ (1959–1966). Цигенгайст Герхард (Ziegengeist; 1927–2005) — историк и литературовед-славист. Дорнахер Клаус (Dornacher; 1929–1990) — литературовед-славист. И Дорнахер, и Цигенгайст состояли в переписке с Оксманом в 1956–1963 годах, см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 483, 981.

[7] См. прим. 3 к п. 32. Р. М. Самарин в 1965 году был избран членом-корреспондентом Академии искусств ГДР.

38

13/III 61 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

За твоим здоровьем слежу, справляясь о нем по телефону у Антонины Петровны. Вчера А. П. сказала мне, что дело у тебя успешно идет на поправку, что печень приходит в норму, что кислородные инъекции восстанавливают нарушение ножного пульса. Все это меня очень радует. Не понимаю, откуда у тебя непорядки в ногах. Они вдруг два года назад обнаружились у меня, но это потому, что я 50 лет курил. Спешно прекратил это занятие и подлечил себя заграничным препаратом <нрзб.> и кислородом, избавился от этого недуга, причинявшего мне боль в ногах. А вот 10-го в Большом театре на торжественном вечере, посвященном Шевченко,[1] встретился с Л. В. Никулиным,[2] жалующимся на то, что он не в состоянии пройти 200 шагов: начинается у него нестерпимая боль. Лечится также какими-то лекарствами. А ведь он так же, как и ты, никогда не курил.

Меня очень тянуло навестить тебя в больнице, но не смог этого сделать — по причине почти каждодневной занятости днем, когда, по словам Антонины Петровны, тебя можно повидать во время твоей прогулки. Надеюсь побывать у тебя дома в ближайшее время после твоего возвращения к себе на квартиру (А. П. говорит, что это будет в ближайшую субботу).

Прошли Шевченковские торжества, в которых пришлось принять участие и мне как члену всесоюзного комитета по чествованию памяти Шевч<енко>. Пришлось даже написать статью о нем для «Литературы и жизни»[3] по настоятельной просьбе Полтарацкого.[4] Кажется, я единственный обмолвился и об ошибках Ш<евченко> (напр<имер>, его отношение к Богдану

Хмельницкому). Вообще же все писавшие о нем обсахарили его с ног до головы. 9-го выступал с маленьким докладом о Ш<евченко> в Союзе писателей, где на концерте фигурировали «Амурские волны», «Блоха» Мусоргского и почти ничего, касающегося с какой-либо стороны самого Шевч<енко>. 16-го делаю доклад в Толстовском музее. 23-го — заседание в ОЛЯ, на котором выступает А. И. Белецкий.[5]

Завтра — чествование Н. И. Конрада по случаю его 70-летия,[6] а послезавтра провожу заседание комиссии по ист<ории> филолог<ических> наук по вопросу об издании соч<инений> Веселовского. Подачка ли это заседание к Конрадовскому юбилею в надежде <заполучить?> на следующий день Жирмунского, Алексеева.[7] Сам я на юбилее не буду — послал телеграмму. Вот, кажется, и все новости, кроме той, что на две недели в Узкое уехал Д. Д. Благой. Я две недели назад вернулся из Малаховки, где пробыл 13 дней, встретившись там с Т<атьяной> Льв<овной>, пробывшей полный срок (28 дней). В Узкое попасть мне не удалось: не оказалось для меня места.

Надеюсь, что Ант<онина> Петр<овна> передаст тебе это письмо.

Обнимаю тебя.

Твой Н. Гудзий

[1] 10 марта 1961 года в Большом театре состоялся, как было указано в напечатанной по этому случаю программке, «концерт, посвященный памяти великого украинского поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко». Мероприятие было приурочено к 100-летию со дня кончины Шевченко.

[2] Никулин Лев Вениаминович (1891–1967) — прозаик, журналист, драматург, сценарист, поэт.

[3] Великий кобзарь // Литература и жизнь. 1961. 10 марта. № 30. С. 1.

[4] Полтарацкий Виктор Васильевич (1907–1982) — писатель, журналист, в 1958–1961 годах — главный редактор газеты «Литература и жизнь».

[5] 100-летию со дня кончины Шевченко была посвящена двухдневная научная сессия, организованная в Москве ОЛЯ. Доклады, прозвучавшие на сессии, были изданы в 1962 году: Тарас Шевченко: [Доклады науч. сессии. 23–24 марта 1961 года]. М., 1962. Белецкий выступил на сессии 23 марта с докладом «Мировое значение творчества Т. Г. Шевченко». Кроме того, 9 марта в ИРЛИ состоялось заседание Ученого совета, посвященное этой памятной дате. См.: *Баскаков В., Козлов С., Павлюк Н.* Научные сессии и конференции, посвященные 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко // Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 5. С. 440–444. См. отзыв о прошедшей сессии в письме Оксмана Беркову от 30 марта 1961 года (Русская литература. 2004. № 2. С. 230).

[6] 14 марта 1961 года в Москве в Доме ученых АН СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности историка, востоковеда, действительного члена АН СССР Николая Иосифовича Конрада (1891–1970). См.: *Миронов С. А.* Чествование Николая Иосифовича Конрада // Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 4. С. 361; отчет Ф. Ф. Кузьмина и Г. В. Строковой: Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 144–145.

[7] См. п. 39.

39

15/III 61 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Очевидно, мы одновременно решили друг другу написать. Это очень симптоматично. Значит, мы настоящие друзья. Сегодня состоялось довольно длительное заседание,[1] посвященное одному вопросу — изданию сочинений Веселовского. На нем присутствовали М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, В. Е. Гусев (всё ленинградцы), Д. Е. Михальчи[2] и Н. Ф. Бельчиков. Я сообщил твое мнение относительно желательности продолжения полного собр<ания>

соч<инений> Веселовского, начатого еще до революции,[3] но все присутствовавшие, в том числе и я, высказались в том смысле, что нерационально и неприемлемо будет для издательства издание таких трудов В<еселовско>го, как «Разыскания в обл<асти> русск<их> дух<овных> стихов», «Южно-русские былины», «Из истории романа и повести», в которых колоссальное количество текстов на греческом, латинском и многих других иностранных языках — без перевода. Все доступное для знаний даже высококвалифицированного читателя, в том числе обе диссертации, войдет в издание.[4]

И Алексеев, и Жирмунский горячо поддерживают выдвижение твоей Летописи жизни и творчества Белинского на премию Белинского. Они сделают соответственное представление.[5] Условлено было, что и я присоединю свою подпись, что доставило бы мне большое удовлетворение, но сейчас вспомнил, что представление на премию, кроме учреждений, могут подать лишь академики и члены-корреспонденты АН *СССР*. Значит, моя подпись, возможно, окажется неуместной.

Сейчас звонил ко мне Б. В. Нейман[6] — справлялся о твоем здоровье и просил передать тебе привет.

Выздоравливай, дорогой мой, поскорее и настолько прочнее, чтобы никогда не приходилось тебе знаться с больницей.

Обнимаю тебя.

Твой Н. Гудзий

Как самоотверженно ухаживает за тобой чудесная Антонина Петровна!

Мои тебе очень кланяются.

[1] Заседание Комиссии по истории филологических наук ОЛЯ АН СССР (см. п. 50).

[2] Гусев Виктор Евгеньевич (1918–2002) — фольклорист, этнограф, педагог, в 1955–1969 годах — ученый секретарь и старший научный сотрудник ИРЛИ. В соавторстве с ним Гудзий написал статью об А. Н. Веселовском для 1-го тома «Краткой литературной энциклопедии», вышедшего в 1962 году. Михальчи Дмитрий Евгеньевич (1900–1973) — литературовед, специалист по западноевропейской литературе Средних веков и Возрождения, лингвист, лексикограф.

[3] Речь идет об издании трудов историка литературы и педагога, ординарного академика Петербургской Академии наук Александра Николаевича Веселовского (1838–1906) — собрании сочинений (в трех тематических сериях), выпускавшемся Императорской Академией наук с 1908 года (последние два тома вышли уже в 1920–1930-е годы): Сер. 1. Поэтика. Т. 1 (1870–1899). СПб., 1913 (т. 1 по сквозной нумерации собрания сочинений); Т. 2. Вып. 1 (1897–1909). СПб., 1913 (т. 2); Сер. 2. Италия и Возрождение. Т. 1 (1870–1899). СПб., 1908 (т. 3); Т. 2. Вып. 1 (1871–1905). СПб., 1909 (т. 4); Т. 2. Вып. 2 (1861–1876). СПб., 1909 (т. 4); Т. 3 (1893). Боккаччьо, его среда и сверстники. Т. 1. Пг., 1915 (т. 5); Сер. 3. Роман и повесть. Т. 1. Вып. 1 (с. 1–416). Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Пг., 1921 (т. 8); Т. 1. Вып. 2 (с. 417–606). Л., 1930 (т. 8).

[4] Несколько лет откладывалось и в итоге так и не вышло в свет намеченное к подготовке Комиссией по истории филологических наук академическое издание избранных трудов Веселовского. Говоря о двух диссертациях ученого, Гудзий подразумевает следующие работы: «„Вилла Альберти“: новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV–XV вв.» (М., 1870); «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (СПб., 1872).

[5] 19 марта 1961 года Алексеев писал Оксману: «Будучи в Москве я беседовал с Антониной Петровной и просил ее сообщить Вам, что я предпринял по поводу Вашей „Летописи Белинского“. 23-го мы с Гудзием и Жирмунским соберем остальные подписи. Будем надеяться, что все это дело закончится ко всеобщему удовольствию» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 254. Л. 5). 30 марта Оксман, благодаря Беркова за «дружеское участие» в этом деле, особо отметил также «большую заботу» Гудзия и Волгина (Русская литература. 2004. № 2. С. 230). В фонде ИМЛИ в Архиве РАН сохранилось официальное представление, направленное 6 апреля 1961 года в ОЛЯ АН СССР: «Ученый совет Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР представляет на соискание премии АН СССР имени В. Г. Белинского труд доктора филологических наук Ю. Г. Оксмана „Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского“ (Гослитиздат, 1958) и монографию доктора филологических наук И. М. Лаврецкого „Эстетика Белинского“ (Издательство АН СССР, 1960 г.). Это решение принято единогласно на заседании Ученого совета ИМЛИ

им. Горького 31 марта 1961 г. В связи с тем, что в этом году исполняется 150-летие со дня рождения великого критика, и учитывая научную ценность обеих работ, равно достойных быть отмеченными премией им. В. Г. Белинского, Ученый совет Института возбуждает ходатайство о разделении премии и присуждении ее двум ученым, внесшим значительный вклад в изучение жизни и творчества Белинского. Директор Института чл.-корр. АН СССР И. И. Анисимов» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 518. Л. 2). Премия была присуждена Оксману в июне 1961 года: «Президиум Академии наук СССР 30 июня 1961 г. утвердил решение экспертной комиссии и решение Бюро Отделения литературы и языка о присуждении премии им. В. Г. Белинского Ю. Г. Оксману за книгу „Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского“» (*Чукалов Н.* Присуждение премии имени В. Г. Белинского // Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 5. С. 451–452). Монография Лаврецкого была отмечена премией Президиума АН СССР им. Н. Г. Чернышевского в 1962 году (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 564. Л. 50).

[6] Нейман Борис Владимирович (1888–1969) — литературовед. В фонде Оксмана сохранилось 8 писем Неймана за 1959–1965 годы: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 716. В фонде Гудзия, знакомого с Нейманом еще с 1910-х годов, а в 1920-е годы связанного с ним совместной работой в ГАХН, сохранились несколько десятков его писем: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 34. № 11, 12; Разд. II. Карт. 10. № 35.

40

13/VI <1961 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

я несколько раз звонил тебе после возвращения из Ленинграда, но никто у тебя в квартире на звонки не откликается. Видимо, вы все на даче. Переехал в Подрезково и я, так как Антонину Петровну пришлось отвезти в академ<ическую> больницу, а я стал безпризорным в самом точном смысле этого слова — наша квартира без хозяйки развалилась, а на даче меня все-таки кормят, я могу работать и дышать «воздухом садов и лугов». Закончив свою юбилейную проповедь о делах и днях Белинского (я прочел 4 больших доклада,[1] имевших некот<орый> успех и вызвавших большой шум), я сейчас опять сел за Тургеневские тома. Был бы рад тебя видеть в Подрезкове (м. б. с Велчевым?)[2] — сговорись с Лид<ией> Дм<итриевной>,[3] кот<орая> тебя привезет к обеду или на вечер — как тебе удобнее («Есть о чем поговорить!»). Будь здоров и благополучен. Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Кал<линиковне>.

Твой Ю. О.

Год и место написания установлены по почтовому штемпелю отправления на открытке: «13.6.61. Москва».

[1] 1 июня 1961 года ученый выступил на юбилейной сессии ИМЛИ, посвященной 150-летию со дня рождения Белинского с докладом «Белинский и литературно-политические традиции декабристов» (спустя два года Оксман напечатает одноименную статью, написанную им еще в 1956 году: Декабристы в Москве: Сб. статей / Под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1963. С. 185–219); 7 июня на XIII Всесоюзной Пушкинской конференции в ИРЛИ сделал доклад на тему «Пушкин и Белинский» (тезисы доклада см.: XIII Всесоюзная Пушкинская конференция. Л., 1961. С. 9–12); 8 июня в Государственном литературном музее в Москве выступил с докладом «Письмо Белинского к Гоголю, как исторический документ»; 9 июня на объединенной сессии Отделений экономических, философских и правовых наук, ОЛЯ, Отделения исторических наук АН СССР прозвучал доклад Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю. Итоги и проблемы изучения» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1090. Л. 25).

[2] Велчев Велчо Петров (1907–1991) — болгарский литературовед, занимался изучением русской, украинской и болгарской литератур.

[3] Л. Д. Опульской.

41

14/VI 61 <Москва>

Дорогой друг, спасибо тебе за письмецо. Очень досадно, что твои звонки по телефону по возвращении твоем из Л<енингра>да оказались бесплодными. Никто из нас не уезжал на дачу, и я никуда не собираюсь до начала или середины июля, когда наметили с Т<атьяной> Льв<овной> отправиться в Дубулты, на Рижское взморье. Просто — меня не было дома (экзамены, заседания), а дамы мои или не слышали звонков, или тоже отсутствовали. Очень грустно знать о болезни Антонины Петровны и о том, что она легла в больницу. От всей души желаю ей скорейшего и полного выздоровления.

С большой охотой приехал бы в Подрезково, чтобы навестить тебя, но не уверен, что из-за скопившихся экзаменов и заседаний я смогу осуществить это свое острейшее желание. Компенсирую почти годичное ничегонеделание в У<ниверсите>те, и это мешает, разумеется, собственной работе. 16-го предстоит лекция на Ленинских горах для иностранцев, 30-го выступление на докторской диссертации Клибанова.[1] А ты молодец — плодотворно и очень интересно работаешь.

Весь твой Н. Гудзий

Вчера присутствовал в Большом театре на торжеств<енном> вечере Белинского.[2] Удачно выступал Дима.[3] Тебя недоставало в Президиуме из-за Подрезково.

[1] 30 июня 1961 года в Институте истории АН СССР историк Александр Ильич Клибанов (1910–1994) защитил монографию «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.» (М., 1960) в качестве докторской диссертации. Гудзий откликнулся на монографию рецензией: Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 6. С. 527–530.

[2] Торжественный вечер был приурочен к 150-летию со дня рождения Белинского. Очевидно, со слов коллег и друзей Оксман сообщал Скафтымову 16 июня: «Утешительно, что в Большом театре никто не пришел слушать Благого, а ложа партии и правительства была пуста, как будто бы все забыли о Белинском» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / Предисловие, сост. и подг. текстов А. А. Жук; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры. 1995. Vol. 1. № 2. С. 317).

[3] Д. Д. Благой.

42

10/VII 61 <Москва>

Дорогой друг!

Я и Татьяна Львовна сильно огорчены состоянием здоровья Антонины Петровны. От всего сердца желаем ей скорейшего выздоровления, а пока — всяческого облегчения ее состояния. Просим тебя передать дорогой Антонине Петровне наши чувства самой глубокой симпатии и самого искреннего сочувствия. Знаем очень хорошо, как и тебе нелегко, как ты взволнован болезнью твоего большого друга. Шлем и тебе наше самое дружеское сочувствие.

Позавчера у нас был В. П. Велчев. Узнав, что ты в Москве, я неоднократно звонил тебе, но ты, очевидно, уже уехал к себе на дачу. Нечего говорить о том, как мне приятно было бы видеть тебя у себя вместе с Велчевым и тебя одного. Сам я не мог быть у тебя в позапрошлую субботу, т. к. в этот вечер третий выпуск ИФЛИ праздновал в «Праге» двадцатую годовщину окончания этого приснопамятного вуза. Отказать моим ученикам и себе в этой праздничной встрече я не мог, поелику в ИФЛИ в ту пору я был и профессором и деканом

филологич<еского> ф<акульте>та.[1] В следующую субботу мы с Велчевым воздержались от поездки к тебе на дачу из-за неважной погоды, да и уверены были в том, что из-за болезни Антонины Петровны тебе не до гостей, даже самых приятных тебе.

В субботу, 15-го, с Т. Л. уезжаю на Рижское взморье (Дубулты, Латвийская ССР, Дом творчества писателей). Возможно, что, пробыв там 24 дня, недели на две поедем в Друскеники, близ Вильнюса, куда меня приглашает моя ученица, ныне доцент Вильнюсского у<ниверсите>та.

Спасибо тебе за критические замечания (благожелательные) о статье П. Н. Беркова, написанной им для записки по истории филологич<еских> наук. Теперь нужно отредактировать записку в целом. Частично это сделали З. С. Шепелева и я. Нужно привлечь еще П. Н. Беркова.[2] Порой я не совсем понимаю, почему я должен состоять председателем комиссии — при том что, как мне передавали, не так давно Виноградов прошелся не очень уважительно по адресу моего учебника. Так, походя, без всякой нужды, по инстинктивной потребности лягнуть лишний раз ближнего.[3]

Очень жалею, что твой сегодняшний звонок по телефону не застал меня дома: пошел пройтись. Если позвонишь в ближайший свой приезд в Москву, буду очень рад.

Твой Н. Гудзий

[1] См. прим. 1 к п. 10.

[2] Речь идет о составленной Берковым (совместно с другими членами комиссии) записке «Проблемы изучения истории отечественного литературоведения», на основе которой и предполагалось развернуть работу комиссии в 1960-е годы (*Шепелева З. С.* В комиссии по истории филологических наук // Известия ОЛЯ. 1962. Т. XXI. Вып. 6. С. 567–568).

[3] Возможно, упомянут устный отзыв, поскольку в опубликованных подробных библиографиях печатных трудов Виноградова подобный отзыв не зафиксирован.

43

1/VIII 61 <Дубулты>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Что у тебя делается? Прежде всего — как здоровье Антонины Петровны? Вернулась ли она домой из больницы? Как твое самочувствие, как работа? Как видишь, я на Рижском взморье, в писательском доме, в котором, впрочем, сколько-нибудь заметных писателей не видно. Живу я тут с 16 июля. Путевка моя кончается 8 августа. Со мной Тат<ьяна> Льв<овна>. Литфонд продлил мне путевку еще на *целый* срок, т. е. по 2–3 сент<ября>, но я просил о продлении лишь на полсрока, т. е. на 12 дней, но по коммерческим расчетам Литфонд на это не соглашается. Пока еще не решил, что мне предпринять. У вас сегодня 33° тепла, а у нас непрерывные дожди, редко выглядывает солнце, пасмурно, холодно и в воздухе, и в воде. Читаю, <плотно?> читаю «Войну и мир» и кое-что другое. Ввиду неопределенности моего пребывания здесь отвечай, если захочешь, по московскому адресу. Сердечный привет Антонине Петровне и тебе.

Твой Н. Гудзий

44

9/VIII <1961 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

живу я по-прежнему, как во сне. Антонина Петровна все еще в больнице, я — в Подрезкове. Каждый день езжу к ней, два раза в неделю бываю по четыре часа в ИМЛИ, в редакции Герцена.[1] На даче работаю над вторым томом «Сцен и комедий» Тургенева для академич<еского> издания (Первый том уже вышел — я надеюсь, что ты его перелистаешь — я потратил на этот том около года жизни)...[2]

Антонина Петровна вышла из кризисного состояния, которое в течение двух недель было почти безнадежным. Но и сейчас еще она в очень тяжелом положении. Больница ее очень тяготит, а потому я решил перевезти ее домой, вместе с двумя сиделками. Но у нас нет кухарки, да и вообще никого нет — сейчас занят сам поисками экономки, без которой ни Ант<онине> Петр<овне>, ни мне возвращаться нет возможности в так называемый дом. Устал я безмерно, не столько физически, сколько психически. Надо на сентябрь–октябрь куда-ниб<удь> смыться, но для этого я должен быть спокоен за Ант<онину> Пет<ровн>у. Вызвал ее сестру — все-таки ей будет с нею спокойнее.

Умер Александр Иванович...[3] Прощаясь с ним в последний раз у Дейчев (в Шевченковскую сессию),[4] я понял, что больше его не увижу. Это же чувство у меня было и в мартовскую нашу встречу. Он был уже тогда не то, что очень больным, но до конца опустошенным человеком. Его, конечно, не могла не тяготить его роль — декоративного академика и патентованного глашатая газетных истин, которым пользовались на Украине только как ширмой. Никаким *подлинным* авторитетом (или весом?) он в тех кругах, которым подчинил свою жизнь, конечно, не пользовался, хорошо это понимал, но уж выйти из привычной колеи, обеспечивавшей ему «стол и дом» в необходимых ему бюджетных формах, не мог. Замечательный человек, умный, тонкий, высокообразованный филолог, он давно разменялся на мелочи и отписки — и ушел из жизни, не отмеченный объявлением о кончине его даже в «Правде»... Жестокие люди у нас управляют и жизнью и смертью своих слуг!

Твой Юл.

Год и место написания установлены по штемпелю отправления на конверте: «11.8.61. Москва».

[1] См. прим. 4 к п. 37.

[2] См. прим. 5 к п. 36.

[3] См. прим. 6 к п. 7 и прим. 4 к п. 20. Гудзий откликнулся на смерть Белецкого: Большой советский ученый (Памяти А. И. Белецкого) // Вопросы литературы. 1961. № 12. С. 187–192. В 1964 году, к 80-летию со дня рождения Белецкого, под общей редакцией Гудзия вышел в свет том «Избранные труды по теории литературы», подготовленный А. А. Гозенпудом.

[4] См. прим. 5 к п. 38. В письме упомянуты друзья Оксмана и Гудзия, супружеская чета Дейчей — литературовед, театровед, переводчик, мемуарист Александр Иосифович Дейч (1893–1972) и его супруга, литератор Евгения Кузьминична Дейч (урожд. Малкина; 1919–2014).

45

19/IV 62 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

В надежде, что тебе в больницу доставляется твоя корреспонденция, а также в уверенности, что ты сам скоро вернешься домой, сообщаю тебе, что

сегодня на заседании экспертной комиссии удалось утвердить докторскую диссертацию Лотмана. Несмотря на очень положительную рецензию А. Н. Соколова, утверждение прошло не без трений. Не сомневаюсь, что в ВАКе все пойдет теперь нормально. Подробности сообщу тебе при встрече или по телефону. Пока все между нами. Сообщи о самом факте утверждения Лотману. Сделал бы это я сам, да не знаю его точного адреса и имени и отчества.[1]

Обнимаю Твой Н. Г.

[1] Литературовед, историк, культуролог Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) в 1961 году защитил в ЛГУ докторскую диссертацию «Пути развития русской литературы преддекабристского периода». Официальным оппонентом на защите был Г. П. Макогоненко, рецензентом — литературовед, с 1951 года профессор МГУ Александр Николаевич Соколов (1895–1970). 5 марта 1962 года Лотман писал Оксману: «Юлиан Григорьевич! У меня к Вам просьба: ВАК пока на мою диссертацию не дает ни ответа, ни привета, а я лично не знаком с Н. К. Гудзием (хотя мы и здороваемся), и мне неудобно спросить, в чем там дело. Если Вас это не затруднит и не составит неудобства, Вы бы очень меня обязали, узнав у Н. К., что там с нею». 20 марта: «Дорогой Юлиан Григорьевич, большое спасибо за письмо и за звонок Н. К. Гудзию. Признаюсь, что я уже начал было беспокоиться». 20 мая: «Большое спасибо за сведения о моих ВАК'овских делах. Как бы теперь из-за новых постановлений не захрясло дело» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 639. Л. 29 об., 31, 35).

46

26/V <1962 года. Ялта>

Дорогой Николай Каллиникович,

из Москвы я поехал в Ялту через Таганрог, где пробыл два дня. Город этот раскинулся в степи у самого Азовского моря, сохраняя, как Помпея, Чеховские места, — целые ансамбли домов 60–80-х годов, в которых Чехов жил, бывал, учился, писал, вероятно, любил, которые вместе со своими обитателями перешли в его повести и драмы. Этот изумительный чеховский заповедник, напоминая о России нашего с тобой детства, нашей юности, окружен фабриками и заводами России советской, гигантами социалистической индустрии. Причудливую контаминацию старого и нового демонстрируют и те города, которые я проехал в «Победе» (ее вел Миша Громов), двигаясь из Таганрога в Ялту. Маршрут был такой: Мариуполь, Бердянск, Мелитополь, Сиваш, Юшукские высоты, Симферополь, южный берег Крыма. Видел так много интересного, что Ялта — пасмурная, туманная, чуть-чуть холодноватая — показалась мне каким-то прибалтийским районным центром. Это было, правда, только ночью — утром я почувствовал себя счастливым, беззаботным, безответственным, даже не очень старым. Воздух — «лимоном и лавром пахнет».[1] Правда, это не лимон и не лавр, а розы, акация, каштаны, жасмин — именно это цветет без обмана, не как декорация, а всерьез, по-настоящему. Из окна моего вижу море и горы, никуда не надо спешить, никто меня никуда не вызовет, никто не огорчит, не обидит. Никогда не думал, что я так смертельно устал, хотя последний год был для меня годом не менее страшным, чем первые колымские годы. А передышки не было и летом — в прошлом году я отдыхал только в больнице.

Рассчитывал остаться здесь до 10 июня, с тем, чтобы потом прожить лето около Антонины Петровны. Но 15 мая получил телеграмму, подписанную Виноградовым, с просьбою выступить 5/VI на сессии ОЛЯ в Ленинграде с докладом об издании Герцена. Сессия посвящена проблеме акад<емических> изданий классиков, я об этой сессии слыхал, но никто меня на нее не приглашал.[2] Разумеется, Бушмины, Приймы[3] и Овчаренки, руководящие сейчас

текстологией и источниковедением, не очень склонны делить свои лавры с более сведущими специалистами, а Храпченко[4] должен считаться с ними, а не с нами. И все же я не считаю себя вправе уклониться от присутствия на этом форуме новоявленных источниковедов. При мне и они не очень распоясаются, да и те, кто им протежирует, будут осторожнее. Это ведь не проблемы анисимовского гуманизма, разрешаемые фашистами, предателями, мародерами и клеветниками. Вылетаю в Москву 3/VI. Не знаю, собираешься ли и ты в Ленинград, но мне казалось бы, что твой голос должен зазвучать на этой сессии. Не уверен, что приглашен Бонди,[5] но и он должен был бы выступить хотя бы в прениях по докладам.

С большой грустью прочел статью юного Машинского «Литературоведение и современность». Конечно, она обеспечит ему согласие Щербины на вхождение в ИМЛИ, но неужели для этого надо было ходить колесом, заверяя публично в своей холуйской преданности своих будущих хозяев. Чем Машинский в этой статье лучше Бровмана?[6]

Рад триумфальной поездке Корнея Ивановича. Лондон стоит даже двух обеден в районе Архангельского собора. Перед отъездом он прислал мне свой новый сборник — «Современники», о кот<оро>м обязательно буду писать.[7]

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне. Будь здоров и счастлив!

Твой Юл. Окс.

Год и место написания установлены по почтовому штемпелю отправления на конверте: «26.5.62. Ялта».

[1] Реплика Лауры из второй сцены трагедии Пушкина «Каменный гость» (1826–1830): «Недвижим теплый воздух — ночь лимоном и лавром пахнет...».

[2] 5 июня 1962 года на выездном заседании Бюро ОЛЯ в Ленинграде Оксман выступил с докладом, посвященным изданию сочинений и писем Герцена, см.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана. С. 410–419. Повестка заседания была сформулирована следующим образом: «О типах академических изданий собраний сочинений русских классиков (опыт издания собрания сочинений А. И. Герцена и И. С. Тургенева). Прозвучали доклады Алексеева и Оксмана и содоклады: С. А. Макашина, Л. Д. Опульской, Н. В. Измайлова» (Там же. С. 410, 418). См. письмо Оксмана Беркову от 13 мая 1962 года (Русская литература. 2005. № 4. С. 146). Вскоре после этого совещания, в июле 1962 года Оксман вместе с Гудзием были включены в состав Бюро Научного совета по изданию собраний сочинений русских классиков при ОЛЯ АН СССР (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1078. Л. 24).

[3] В 1961–1977 годах литературовед Федор Яковлевич Прийма (1909–1993) был заместителем директора ИРЛИ. Об А. И. Овчаренко см. прим. 5 к п. 49.

[4] Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — государственный и общественный деятель, литературовед, член-корреспондент (1958), академик (1966) АН СССР, с 1957 года заместитель, с 1963 года исполняющий обязанности, в 1967–1986 годах — академик-секретарь ОЛЯ; с 1963 года — член Президиума АН СССР; член Правления Союза писателей с 1954 года и Президиума ВАК СССР с 1959 года.

[5] Бонди Сергей Михайлович (1891–1983) — литературовед, пушкинист, текстолог, с 1950 года — профессор МГУ; на сессии не выступал. Одна из предшествующих фраз письма отсылает к дискуссии о гуманизме, организованной Союзом писателей СССР и ИМЛИ в мае 1962 года. Открыли дискуссию вступительные доклады А. А. Суркова и И. И. Анисимова, см.: *Козлов С. И.* Дискуссия о гуманизме // Известия ОЛЯ. 1963. Т. XXII. Вып. 2. С. 158–162.

[6] Вероятно, имеет место оговорка Оксмана. Во втором сборнике серии под общим названием «Литературоведение и современность» (М., 1962) были опубликованы статья «Мастерство о мастерстве: о книге К. Чуковского „Мастерство Некрасова“» историка литературы, литературного критика, с 1960 года — заведующего кафедрой русской литературы Литературного института им. А. М. Горького Семена Иосифовича Машинского (1914–1978) и статья «Люди в большом пути: о романе В. Фоменко „Память земли“» литературоведа Григория Абрамовича Бровмана (1907–1984).

[7] 19 мая 1962 года Чуковский вылетел в Англию; 21 мая в Оксфорде состоялось присуждение ему степени «Доктора литературы» (honoris causa). 25 мая датировано письмо Оксмана к дочери Чуковского, в котором он писал: «Я очень рад, что Корней Иванович все-таки поехал

в Лондон <...> Я очень был обрадован его новым сборником — „Современники“. Разумеется, заготовлю для него длинный лист вопросов, замечаний и поправок» (*Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисловие и комм. М. А. Фролова; подг. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6. С. 163). Речь идет о книге «Современники», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». Тогда же, в мае 1962 года, Оксман отправил Чуковскому подробное письмо с приложением списка вопросов, замечаний и поправок (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969] / Предисловие и комм. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 116–119).

47

29/V 62 <Москва>

Дорогой друг!

Вернувшись вчера из Ленинграда, куда ездил (вместе с Т<атьяной> Льв<овной>) на неделю на совещание по древней русской литературе в Пушк<инском> доме и где читал свой доклад о традициях литературы Киевской Руси в литературах восточных славян XIII–XVII вв.,[1] получил твое подробное, обстоятельное письмо. Тороплюсь ответить тебе с благодарностью так, чтобы письмо мое застало тебя в Ялте. Очень заразительно пишешь ты и о Таганроге, и об Ялте. Чувствуется, что ты физически и душевно помолодел и полюбил жизнь юношеской любовью. Рад за тебя и сам хотел бы быть на твоем месте.

В Ленинграде, за исключением двух последних дней моего пребывания в нем (суббота и воскресение), было холодно и дождливо, в противоположность Москве, где стоит и стояла большая жара (до 29°). Встретила меня с женой целая делегация из древников во главе с Лихачевым.[2] Поместили в Европейской гостинице, куда, как и в «Асторию», я больше не ездок, т. к. ежедневно живешь там и тут под угрозой, что тебя выселят ввиду приезда иностранцев.

Заседания прошли сносно, довольно насыщенно, несмотря на то, что значившиеся на повестке Виноградов и Голенищев-Кутузов[3] не приехали в Ленинград — первый из-за того, что укатил в Польшу, второй — по болезни. В субботу В. М. Жирмунский с женой увезли меня и Т<атьяну> Льв<овну> к себе в Комарово. Тут же мы встретились с Алексеевыми, которые попрекают меня в охлаждении к ним. Как мог, старался разубедить их <в их> подозрениях. В четверг обедали у Мейлахов вместе с Лихачевым. Там узнал подробности выдвижения в Пушк<инском> доме кандидатов в члены-корресп<онденты>. Больше всех голосов получил Мейлах, затем Городецкий (sic!) и еще меньше Базанов (!).[4] В разговоре со мной Мих<аил> Павл<ович> защищал кандидатуру Базанова, утверждая, что он «думающий» исследователь. При вторичном свидании с ним я рассказал ему о той бурной неприязни, которая обнаружена была по отношению к нему на заседании в Отделении числа 18-го, когда его буквально измордовали все честные и даже получестные фольклористы.[5] Это мое сообщение заставило Мих<аила> Павл<овича> призадуматься и даже как будто поколебаться. В Москве, как я слыхал, в Институте миров<ой> лит<ературы> выдвинули Щербину и тебя.[6] Нечего говорить о том, что твоя кандидатура вызывает наибольшую симпатию. Объективно говоря, кто же лучше тебя? Но мы знаем, что браки совершаются на небесах. Будем молить небеса, чтобы они были справедливы в оценках литературоведческих заслуг.

По приезде в Москву я оказался заваленным текущей работой, к которой прибавилось еще предложение Копелева[7] присоединить свою подпись к пись-

му в «Новый мир» А. А. Ахматовой, Всев<олода> Иванова и Бонди по поводу заметки Назаренко в «Октябре», уже опротестованной Андрониковым в «Лит<ературной> газете». Прежде чем решить это сделать, сейчас примусь за чтение вновь материалов Герштейн.[8] Ни на какие текстологические заседания не пойду и не поеду: нет времени. Обнимаю тебя. До скорой встречи!

Твой Н. Гудзий

Перед отправлением письма позвонил в Болшево, Дурылиной,[9] чтобы узнать о здоровье Антонины Петровны, но к телефону никто не подошел: очевидно, все на воздухе.

[1] В сентябре 1963 года Гудзий выступил на V Международном съезде славистов в Софии с докладом «Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах» (Славянские литературы: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963). М., 1963. С. 14–46).

[2] Речь идет о Пятом Всесоюзном совещании по древнерусской литературе, проходившем с 22 по 26 мая в ИРЛИ. Председательствовал на совещании член-корреспондент АН СССР и заведующий Сектором древнерусской литературы Д. С. Лихачев. Гудзий выступил с докладом «Традиции литературы Киевской Руси в литературах восточных славян XIII–XVII вв.» (*Салмина М. А., Творогов О. В.* V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. 1962. Т. XXI. Вып. 5. С. 460–462).

[3] Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) — поэт, переводчик, специалист по западноевропейской литературе Средних веков и Ренессанса, с 1955 года — старший научный сотрудник ИМЛИ; до 1955 года — в эмиграции.

[4] Городецкий Борис Павлович (1896–1974) — литературовед, пушкинист, в описываемое время — заведующий Сектором новой русской литературы ИРЛИ. Базанов Василий Григорьевич (1911–1981) — литературовед, фольклорист, в 1955–1960, 1963–1965 годах — заместитель директора ИРЛИ; был избран членом-корреспондентом АН СССР по ОЛЯ в июне 1962 года.

[5] Речь идет о заседании Бюро ОЛЯ 15–16 мая 1962 года (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. № 725. Л. 1–98 (15 мая), 99–197 (16 мая)). Описываемый Гудзием эпизод относится к первому его дню. Повестка была обозначена следующим образом: «О задачах советской фольклористики и деятельности комиссии по народному творчеству». Председательствовал Виноградов, с основным докладом выступал Базанов, в обсуждении участвовали: А. А. Петросян, Б. Н. Путилов, К. С. Давлетов, М. Б. Храпченко, Е. М. Мелетинский, В. Е. Гусев, П. Г. Богатырев, В. Я. Пропп, Н. И. Кравцов, Э. В. Померанцева, А. М. Астахова, В. М. Сидельников, А. В. Руднева. Речь во вступительном слове Виноградова шла о «неблагополучии» в деятельности Комиссии по народному творчеству при ОЛЯ, которая вызывает самые разнообразные «нарекания», о предполагавшемся создании в 1966–1967 годах Института народного творчества (или фольклористики) в Саратове для «сосредоточения изучения народного творчества в пределах одного института» (л. 2–3). Свое выступление Базанов начал с того, что ему ничего не известно о «нареканиях» в адрес Комиссии, а затем, затронув вопрос о современном положении и перспективах развития фольклористики в СССР, высказал ряд критических замечаний в адрес Б. Я. Рыбакова и Проппа, в трудах которого, как утверждал Базанов, «история иногда приносится в жертву авторской концепции», Рыбаков же «настаивает на более расчлененной и конкретной исторической и социальной характеристике». С другой стороны, продолжал Базанов, «следуя за Рыбаковым, легко оказаться в плену эмпирического историзма, повторить ошибки старой школы». Критика докладчика коснулась и Путилова («вольное обращение с историей и фольклором»). Наряду с этой критикой, доходящей до обвинений, Базанов упомянул и о результативности сравнительно-исторического метода при изучении фольклора в работах В. М. Жирмунского, Проппа и др., похвалил статью Путилова об историческом изучении русского фольклора (л. 4–11). В изучении фольклора Базанов призывал переходить «от вопросов историко-генетических к вопросам общественно-политическим, не отрывая их от эстетики»: такие исследователи, как Гусев, считал Базанов, «возводят ложную теорию заострений и реалистических открытий» (докладчик ссылался в данном случае на работы Ф. И. Буслаева, которым, по его мнению, не хватает «настоящей и принципиальной критики») в «некую закономерность, подкрепляя ее более интеллектуальной фразеологией <...> Академическая фольклористика слишком замкнулась в понятия, привитые традиционным представлением о народном творчестве» (л. 18). Говорил Базанов и о необходимости созыва Всесоюзного совещания фольклористов, помощи Комиссии со стороны академических институтов и наличия собственного печатного органа (л. 26, 28). Завершая свой доклад, он обвинил Путилова (заведующего сектором фольклора ИРЛИ в 1957–1967 годах) в срыве, «при поддержке и одобрении» Астаховой, заседания Комиссии, которое предполагалось провести в конце апреля в ИРЛИ и на котором должен

был обсуждаться план и заслушиваться доклад Базанова (л. 27). Виноградов, отвечая на обвинения Базанова, заявил, что получил письма от Жирмунского, Путилова, Астаховой, Мелетинского, Гусева и готов познакомить докладчика с их содержанием (л. 29). Из выступления Петросян: «...этот доклад — это не сообщение председателя, это выступление одного из фольклористов, причем русского фольклориста, это не выступление главы Комиссии всесоюзного масштаба, здесь нет ни звука о том, что сейчас делается в области науки о фольклоре народов Советского Союза» (л. 33–34). Путилов: Базанов «свел все к проблеме историзма», говорил о «заострении оценок» («Заострение не должно идти в рамках оглупления идей оппонентов» (л. 37–38)). «Базанов был заместителем директора ИРЛИ и никакого участия в Координационной комиссии прежнего состава не принимал <...> Он высказывался в скептическом и ироническом плане по поводу Координационной комиссии». Путилов отметил и крайнюю неосведомленность докладчика, оперировавшего именами «двух-трех фольклористов» (л. 44, 45). Базанову захотелось встретиться с членами Комиссии для того, чтобы подготовить основные положения своего доклада, но члены Комиссии ему в этом отказали: Комиссия фактически бездействовала, а Базанов хотел представить дело так, что велась определенная работа. Путилов заявил, что Базанов не может быть руководителем Научного совета по фольклору, и выразил общее пожелание коллег о наиболее подходящей кандидатуре — Жирмунском (л. 48). Давлетов в своем выступлении возразил Путилову и рассказал о том, что Комиссия собиралась, хотя и в малочисленном составе (он привел некоторые результаты ее работы), и посетовал на поведение членов Комиссии: для Астаховой и Путилова Базановым были устроены командировки от ИРЛИ, они же не пожелали поехать на совещание, заместителем председателя официально избрали Мелетинского, а он написал письмо в ОЛЯ о кандидатурах Сидельникова и М. И. Богданова (л. 52–57). Храпченко, заменивший покинувшего заседание из-за срочных дел Виноградова, привел письмо Путилова, а также коллективное письмо Гусева, Мелетинского и Богатырева. Речь в его выступлении шла о признании неправомочности выбора председателя на совещании и самого совещания в целом ввиду отсутствия целого ряда основных его членов — Богатырева, Померанцевой, Астаховой и Жирмунского: «Базанов самовольно произвел реконструкцию комиссии, назначив новых заместителей и введя новых членов» (л. 61). Мелетинский: выборы не состоялись как некий юридический «акт», были лишь предложения, вынесенные на обсуждение. Заявление Базанова о том, что вопрос о выборах он передаст в ОЛЯ, оказалось ложным (л. 62–63). Пропп: координационная комиссия не оправдала ожиданий, возложенных на нее, ученый совет должен выбрать председателя «из своей среды» (л. 67–68). Померанцева: фольклористами ведется активная работа, но она никоим образом не координируется ни одной комиссией АН СССР, работа секретаря комиссии Давлетова никак не может быть признана удовлетворительной. В качестве председателя Научного совета или Комиссии Померанцева предложила кандидатуру Путилова или Астаховой (л. 75, 78). Линию защиты Базанова продолжил Сидельников, заявив в своем выступлении, что его кандидатура была утверждена Бюро ОЛЯ. Были также выдвинуты кандидатуры Путилова, Гусева, Емельянова, Богдановой, но кандидаты либо отказались, либо их не утвердили. «Путилов совершает элементарную бестактность: самому уйти в кусты, а потом выступить на авторитетном собрании и пропеть Лазаря» (л. 92, 95). Гусев еще раз поднял вопрос о неудовлетворительности работы ученого секретаря Комиссии и подтасовке фактов Базановым: в действительности он был утвержден заместителем, а не работал в порядке самодеятельности и не считает возможным работать при новом председателе Базанове (л. 97). Заседание закончилось 16 мая решением оставить председателем Комиссии Базанова, но ввести в ее состав Путилова, Мелетинского, К. В. Чистова и др. (л. 196).

[6] В переписке и в достаточно обширном собрании документов по выдвижению ученых в члены-корреспонденты и академики АН СССР за 1962 год (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. № 717, 730) имя Оксмана не фигурирует — очевидно, его кандидатура была отклонена на этапе рассмотрения Экспертной комиссией. Кандидатура Щербины фигурирует в целом ряде документов как рекомендованная лично Г. Л. Абрамовичем и поддержанная Л. И. Тимофеевым, В. О. Перцовым, Р. М. Самариным и У. Р. Фохтом (см. протокол заседания Ученого совета ИМЛИ № 7 от 25 мая 1962 года: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 564. Л. 24–25).

[7] Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) — филолог-германист, литературный критик, правозащитник, к моменту написания письма — научный сотрудник Московского Института истории искусств. См.: «...Все гуще мрак...»: (Переписка Ю. Г. Оксмана с Р. Д. Орловой и Л. З. Копелевым) / Вступ. заметка, публ. и комм. В. Н. Абросимовой // Известия ОЛЯ. 1995. Т. 54. № 2. С. 81–89.

[8] *Назаренко В.* В покоях императрицы [фельетон, посвященный статье Э. Г. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина» (Новый мир. 1962. № 2. С. 211–226)] // Октябрь. 1962. № 5. С. 153–154; *Андроников И.* Улыбка без причины (По поводу заметки В. Назаренко) // Литературная газета. 1962. 26 мая. № 62. С. 2; *Ахматова А., Иванов Вс., Бонди С., Маршак С.* В редакцию «Нового мира» [в связи с фельетоном В. Назаренко] // Новый мир. 1962. № 7. С. 286.

[9] Комиссарова Ирина Алексеевна (1899–1976) — литератор, вдова С. Н. Дурылина, в подмосковном доме в Болшеве проживала вместе с мужем с 1936 года; впоследствии хранила, изучала и систематизировала архив Дурылина для дальнейшей передачи части его на государственное

хранение. При ее ближайшем участии в Болшеве была открыта библиотека, куда были переданы книги из собрания ученого. Гудзия и Дурылина в 1920-е годы связывала работа в ГАХН. В 1929 году намечался к выходу сборник статей по истории русского символизма под редакцией Гудзия, но он не вышел в свет по причине близящейся ликвидации ГАХН и связанных с нею притеснений как в отношении руководства академии, так и в отношении ее действительных членов. Между Дурылиным и Гудзием сложились доверительные и дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка: *Торопова В. Н.* «Душой с Вами...»: о дружбе двух ученых — историка литературы Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) и писателя, литературоведа Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) // Московский журнал. 2018. № 7 (331). С. 75–83.

48

10/V <1963 года. Ялта>

Дорогой Николай Каллиникович,

приветствую тебя с брегов Салгира, когда-то милых твоему сердцу. Я здесь уже две недели, но никак не могу прийти в себя. За этот год я постарел лет на десять — вдруг понял, что такое старость, вдруг понял, что сопротивляться ей бессмысленно, что жить осталось очень недолго, что все равно ничего уже не успею сделать путного. Все эти ощущения мешают наслаждаться весною, морем, горами, лесами, парками, соловьиной песнью, цветущей черемухой и сиренью. Люди здесь собрались хорошие — Каверины, Паустовские, Шкловские, Виктор Некрасов, Степанов, Орлов, Ермолинские. Внизу, в Ореанде, живут Ивановы.[1] Каждый день хожу в кино — смотрю все, что не увидел в Москве. Работать не собирался, но читаю журналы — это тоже ведь работа, да к тому же не очень легкая. Возвращаюсь в Москву 24-го. В Ленинград не собираюсь. Получил от Рива первый номер «Slavic Review» за 1963 г., в котором помещен его обзор лучших советских работ по классич<еской> рус<ской> лит<ератур>е. Он выделяет книги Чуковского, Скафтымова, твоего Толстого, «Евг<ения> Онегина» Бонди, мой саратов<ский> сборник, посмертные издания Эйхенбаума и Томашевского, еще что-то.[2] Нет в этом обзоре ни Благого, ни Ермилова, ни Щербины, ни Тимофеева.[3] Но нет и Виноградова.

С нетерпением жду твоей статьи в «Новом мире».[4] Книжку Храпченко не жду, хотя уже ее получил.[5]

Надеюсь, что все у тебя благополучно. Письма Ант<онины> Петровны меня радуют — она, видимо, уже почти здорова.

Всегда твой Юл. Оксм.

Год установлен по почтовому штемпелю получения на конверте: «14.5.63. Москва».

[1] Упомянуты: Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) — писатель; его путевые очерки «По обе стороны океана» (Новый мир. 1962. № 11–12) Хрущев резко раскритиковал 8 марта 1963 года на встрече представителей партии и правительства с художественной интеллигенцией (см.: *Лазарев Л.* Верность правде: Творческий путь Виктора Некрасова // Литература — Первое сентября. 2002. 8–15 мая. № 18. С. 5–9); Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — историк литературы, писатель; Ермолинский Сергей Александрович (1900–1984) — драматург, сценарист; Луговская Татьяна Александровна (1909–1994) — театральная художница; Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель, драматург; Иванова Тамара Владимировна (урожд. Каширина; 1900–1995) — актриса, литератор, переводчица.

[2] *Reeve F. D.* Recent Soviet Studies in Russian Classical Literature // Slavic Review. 1963. March. Vol. XXII. № 1. P. 126–134. В этом обзоре литературовед-славист Франклин Рив (1928–2013) рассказал, помимо упоминавшегося ранее сборника статей Оксмана «От „Капитанской дочки“ А. С. Пушкина к „Запискам охотника“ И. С. Тургенева» (Саратов, 1959), о следующих книгах: *Скафтымов А. П.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958; *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова. Л., 1959; *Чуковский К.* Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960; *Гудзий Н. К.* Лев Толстой: Критико-биографический очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1960; *Эйхенбаум Б. М.* 1) Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1960; 2) Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961;

Томашевский Б. Пушкин: [В 2 кн.]. М.; Л., 1961. Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837); *Громов П. П.* Герой и время. Л., 1961; *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах / Предисловие, прим. и пояснит. статьи С. Бонди. М., 1960. Рив встречался с Оксманом, бывая в СССР (в частности, в 1961 и 1962 годах), и состоял с ним в переписке, см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 825.

[3] Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — литературовед, специалист по теории литературы, педагог, переводчик, член-корреспондент АН СССР, заведующий Отделом советской литературы ИМЛИ.

[4] Речь идет о статье Гудзия «Что считать „каноническим“ текстом „Войны и мира“», напечатанной в апрельской книжке журнала «Новый мир». См. прим. 4 к п. 57.

[5] *Храпченко М. Б.* Лев Толстой как художник. М., 1963.

49

14/V 63 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Спасибо тебе за письмо, сегодня мной полученное. Знаю, что писать письма на отдыхе труднее, чем на месте постоянного жительства, и потому особенно дорожу твоим эпистолярным подвигом.

Не могу я поверить, чтобы ты утратил чувство мужской молодости и романический пыл и романическую инициативу, идущую не от легкомысленной авантюры, а от сердца и воображения. Убежден в том, что, вернувшись в Москву, ты запоешь другие, более жизнерадостные песни — на смену тем, какие навевают кладбищенские кипарисы.

Что сказать о себе? Живу однообразно, в трудах и в суете. Вчера на объединенном заседании ОЛЯ и Отд<еления> историч<еских> наук читал доклад об изобретении Кириллом и Мефодием славянской азбуки и о переводе ими священного писания.[1] Это вместо доклада в Зальцбурге, где я должен был представлять Советский Союз и куда по высшим соображениям Иностранного отдела АН Советскому Союзу не рекомендовано представительство.[2] Застарелый педагог, читаю и рецензирую дипломные работы наших студентов, вожусь со стажерами из Франции и США, прибывшими к нам со своими темами и с примитивной методологией. Во имя человечности и в борьбе за элементарную порядочность с отвращением два раза в месяц посещаю заседания экспертной комиссии,[3] где приходится вступать в состязания с молодцами среднего общественного уровня, nomina которых суть odiosa,[4] а фамилии — Бельчиков, Овчаренко, Петров, Ревякин и К°.[5]

Рив прислал мне оттиск своей рецензии на наши работы. Если бы об этой рецензии отозвался критик из «Октября», он сказал бы, что от нее пахнет «групповщиной». По ассоциации с «Октябрем» вспомнил ленинградскую «Неву» с сенсационной статьей Абрамова «Вокруг да около», написанной под впечатлением успеха Солженицына, но с запозданием, и потому получившую очень энергичный окрик откуда следует.[6]

Статья моя о «Войне и мире» должна появиться в № 4 «Нового мира», который вот-вот должен выйти.

Сегодня приобрел 2-й том «Истории русской литературы» под ред<акцией> Д. Д. Благого, но ощутить его еще не успел.[7]

Радуюсь выздоровлению Антонины Петровны. Был бы рад, если бы то же мог сказать о Т<атьяне> Льв<овне>.

Завидное у тебя общество. Передавай мой привет Шкловским, Каверину, Некрасову, Степанову, Орлову, Паустовскому.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Н. Гудзий

[1] О заседании и о выступлении Гудзия см.: *Князевская О. А.* Объединенная научная сессия Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук АН СССР, посвященная 1100-летию славянской письменности // Известия ОЛЯ. 1963. Т. XXII. Вып. 5. С. 455–458.

[2] В 1963 году, судя по материалам, сохранившимся в фондах ОЛЯ и Главного управления внешних связей АН СССР, академической и партийной администрацией было не рекомедовано советское участие в целом ряде крупных зарубежных научных мероприятий (Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. № 413, 737–739). Это коснулось представителей не только гуманитарных, но также естественных, точных и технических наук. Гудзий был вынужден 13 апреля 1963 года отправить одному из организаторов конгресса в Зальцбурге, посвященного Кириллу и Мефодию, извинительное письмо с отказом от участия в нем и с указанием ложных причин отказа — к такой фигуре умолчания приходилось часто прибегать представителям советской художественной и научной интеллигенции: «Многоуважаемый Коллега! С огорчением должен Вам сообщить, что я не смогу принять участия в Зальцбургском Конгрессе в память славянских первоучителей Кирилла и Мефодия по состоянию своего здоровья, которое заставит меня летние месяцы провести в санатории. По причине того же недомогания я не смог бы и приготовить доклад на тему, подходящую для Конгресса. Специально Кирилло–Мефодиевским вопросом или близкими к нему проблемами я не занимался, и подготовка соответствующего задачам Конгресса доклада отняла бы у меня много времени, а главное — сил, которыми, к сожалению, я теперь не могу похвастаться. Прошу прощения у организаторов Конгресса, если я не оправдал их ожиданий. С искренним уважением к Вам Ник<олай> Гудзий» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 2. № 30. Л. 1).

[3] Гудзий был членом Литературоведческой экспертной комиссии ВАК СССР.

[4] От *лат.* «Nomina sunt odiosa». Буквальный перевод: «имена ненавистны». В русский язык это выражение вошло в следующей форме: «Не будем называть имен».

[5] Овчаренко Александр Иванович (1922–1988) — литературовед, специалист по творчеству М. Горького, в 1965–1988 годах — заведующий редакцией Полного собрания сочинений М. Горького ИМЛИ. Причины такого отношения Гудзия к Овчаренко отчасти проясняют воспоминания Е. М. Евниной: *Яневич Н.* Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы // Память. Исторический сборник. Париж, 1982. Т. 5. С. 86–87, 144–148. Ревякин Александр Иванович (1900–1983) — литературовед, педагог, с 1960 года — профессор, впоследствии — заведующий кафедрой теории и истории литературы МГПИ им. В. И. Ленина.

[6] *Абрамов Ф.* Вокруг да около // Нева. 1963. № 1. С. 109–137. Речь идет об очерке Ф. А. Абрамова «Вокруг да около», имевшем огромный успех у читательской аудитории, но вскоре вызвавшем грубую директивную критику в печати, см.: *Колесов В.* Действительно, вокруг да около // Советская Россия. 1963. 13 апр.; *Беляев Н.* Нет, это не правда жизни // Ленинградская правда. 1963. 28 апр.; *Степаков В.* Сельская тема в очерках писателей // Коммунист. 1963. № 13. С. 50–58. В письме также упомянута публикация в № 1 «Нового мира» за 1963 год рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» (вместе с рассказом «Случай на станции Кречетовка» (у автора: «Кочетовка»), под общим заголовком «Два рассказа»).

[7] История русской литературы. М.; Л., 1963. Т. 2. Литература первой половины XIX века / Глав. ред. Д. Д. Благой; редколл.: А. М. Лаврецкий, У. Р. Фохт, А. Г. Цейтлин.

50

11/VI 63 <Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

в своем больничном уединении я раздумался о разных академических делах, в которых приходится мне принимать то или иное участие. Естественно, что в этих размышлениях некоторое место должна была занять и наша Комиссия по истории филологической науки.[1] В отличие от аналогичной Комиссии при Отделении исторических наук, развернувшей серьезную систематическую работу, наша Комиссия в последние два года существовала, в основном, только на бумаге. Все ее члены — люди, бесконечно перегруженные, старые, не очень уже энергичные и не очень влиятельные. У нас нет молодого актива, нет аппарата, а сейчас нет уже и оргсекретаря («ученого» у нас фактически и не было).[2] Организовать издание полуграмотных экспромтов Луначарского (да еще в неправленых стенограммах) — это не значит «научная организация научно-исследоват<ельской> работы», тем более,

что кроме скандала это издание, если бы оно не дай бог совершилось, не принесло бы <ничего>.[3]

Итак, без умного, энергичного, работящего, знающего наши академические джунгли секретаря — нам не обойтись. В первую очередь нам необходимо собрать и сдать в производство первый том наших трудов по истории филолог<ической> науки.[4] Я выслушал твои мысли о возможных кандидатах на должность ученого секретаря — и пришел в ужас! Разве можно *в данной ситуации* думать об интересах тех или иных случайных лиц, жаждущих штатного места, а не о большой и ответственной работе, без которой Комиссию надо распустить. Единственным человеком, который отвечает всем требованиям (энергия, инициатива, преданность делу, связи с акад<емическим> аппаратом, самоотверженная работа в области истории филологической науки, высокая порядочность), является Андрей Леопольдович Гришунин, секретарь Науч<ного> Совета по классикам* и млад<ший> науч<ный> сотрудник сектора текстологии. Его хорошо знают В. В. Виноградов, М. П. Алексеев, Л. Д. Опульская, П. Н. Берков, Д. С. Лихачев. Тяжелые отношения его с В. С. Нечаевой позволяют надеяться, что он принял бы наше предложение.[5] Еще раз повторяю, что вопрос о секретаре Комиссии по ист<ории> филологич<еской> науки — это вопрос о жизни и смерти нашей Комиссии. А с Гришуниным ты легко сработаешься и получишь в его лице самого подходящего помощника. С ним легко будет работать и мне, и Павлу Наумовичу, и всем другим. Подумай, посоветуйся, поговори с В<иктором> Влад<имировичем>[6] — ведь у нас все стоит без движения уже два года!

В больнице мне стало легче, сбит сахар, стала свежа голова, болят только ноги. Лечат меня энергично. Много гуляю (с 12 до 2-х, с 5 до 7, а иногда и с 7 до 9). Читаю «Ист<орию> рус<ской> лит<ературы>» Благого и К° (жуть! Саводник гораздо умнее и богаче материалом), книжку Храпченко о Толстом (толково, хотя и скучновато, без взлетов и без общей культуры), воспоминания Сергея Маковского «На Парнасе серебряного века» (Мюнхен, 1962) и Федора Степуна (не так интересно, как рассказы о поэтах и литераторах XX века С. Маковского).[7]

С Антониной Петровной опять очень плохо. Ее необходимо перевезти в больницу, а здесь ремонт — поэтому мест нет, новых больных не принимают. Навещает меня ежедневно Люда Шаргина[8] — она же ведет и мои «дела», поддерживая связь с квартирой и внешним миром.

Будь здоров и благополучен.

Весь твой Юл. Окс.

* Эта работа не оплачивается и не учитывается!

[1] Создание Комиссии по истории филологических наук в структуре ОЛЯ АН СССР относится к середине 1950-х годов (первоначально, в 1951 году была основана Комиссия по подготовке издания «История филологических наук в СССР», которое в конечном счете так и не вышло в свет). Возглавлял ее Н. К. Гудзий, а основной состав участников включал Ю. Г. Оксмана, В. В. Виноградова, М. П. Алексеева, В. П. Адрианову-Перетц, П. Н. Беркова, Н. Ф. Бельчикова, Д. С. Лихачева, Г. М. Фридлендера, В. И. Абаева, С. Г. Бархударова, В. Д. Кузьмину и др. Задачи Комиссии формулировались следующим образом: «изучение архивных фондов русских филологов, труды которых сыграли выдающуюся роль в истории науки»; подготовка к изданию «вновь найденных рукописей» и введение в научный оборот «ценнейших материалов по истории науки»; проведение «исследований по истории филологической науки» («изучение отдельных этапов истории отечественного литературоведения», проблем «международных литературных связей в историческом аспекте», «монографические исследования научной деятельности филологов прошлого»).

[2] Речь идет о секретарях комиссии — М. Б. Козьмине и скончавшейся в 1963 году З. С. Шепелевой.

[3] Эта книга, включившая стенограммы лекций по истории русской литературы, прочитанных Луначарским в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в 1924–1929 годах, вышла в свет спустя тринадцать лет: *Луначарский А. В.* Очерки по истории русской литературы /

Вступ. статья Е. А. Мельниковой; подг. текста и прим. С. П. Красновой, Е. А. Мельниковой, Ф. Н. Пицкель, С. А. Розановой, Н. А. Трифонова, Л. М. Хлебникова. М., 1976.

[4] Коллективный научный труд «Из истории русской филологии XVIII–XX веков», авторы которого ставили перед собой «задачу опубликовать исследования по отдельным этапам истории филологической науки, работы о значении филологических школ в развитии науки, о роли русской Академии наук как главного научного центра в истории отечественной филологии, обзоры жизни и научной деятельности крупных литературоведов», был анонсирован в научной печати, но не вышел в свет (*Шепелева З. С.* В комиссии по истории филологических наук. С. 568). О трудностях, связанных с его подготовкой, Оксман писал 17 сентября 1962 года Беркову, с 1959 года — члену Бюро и заместителю председателя Комиссии (Русская литература. 2005. № 4. С. 157). Основные издания, подготовленные членами Комиссии или изданные под ее наблюдением: *Азадовский М. К.* Из истории русской фольклористики. М., 1958. Т. 1 / Вступ. статья В. М. Жирмунского; *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2 / Общ. ред., предисловие и вступ. статья В. И. Борковского. М., 1958; *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков / Предисловие В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962; *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине / Сост. сб., ред. и прим. Т. Г. Цявловской; отв. ред. Ю. Г. Оксман. М., 1962; Письма И. В. Ягича к русским ученым. М., 1963. [Т. 1]. 1865–1886 гг. / Изд. подг. Г. П. Блок и Т. И. Лысенко; под ред. В. В. Виноградова и Г. П. Блока; *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII в.: Материалы к истории русской литературы XVIII в. / Предисловие, подг. к печати, ред. и прим. В. Д. Кузьминой. М., 1963; Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский; отв. ред. Н. Ф. Бельчиков. М., 1963; *Азадовский М. К.* Из истории русской фольклористики. М., 1963. Т. 2 / Подг. к печати Л. В. Азадовская; под общ. ред. Э. В. Померанцевой; *Бродский Н. Л.* Избр. труды / Под ред. Н. К. Гудзия; [подг. текста и прим. Е. С. Смирновой-Чикиной]. М., 1964; *Гиппиус В. В.* От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридлендер. М.; Л., 1966; *Еремин И. П.* Литература Древней Руси (Этюды и характеристики) / Вступ. статья Д. С. Лихачева. М.; Л., 1966; *Толстой И. И.* Статьи о фольклоре / Сост. В. Я. Пропп. М.; Л., 1966.

[5] Гришунин Андрей Леопольдович (1921–2006) — литературовед, текстолог, с 1958 года — сотрудник Сектора текстологии ИМЛИ, возглавляемого В. С. Нечаевой, с 1962 года — ученый секретарь Научного совета по изданию классиков ОЛЯ АН СССР. См. п. 51.

[6] Виноградовым.

[7] В письме также упомянуты: труды В. Ф. Саводника «Очерки по истории русской литературы XIX в.» (М., 1906) и «Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века» (М., 1913; 2-е изд.: 1914); *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; *Степун Ф.* Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен, 1962. Последние два издания, как мы предполагаем, были получены Оксманом от Г. П. Струве либо по почте, либо с оказией — через американского историка Мартина Малия (1924–2004) или американскую славистку Кэтрин Фойер (см. вступительную статью к настоящей публикации и письмо Оксмана к Фойер от 22 июня 1963 года, не достигнувшее адресата в США и вернувшееся обратно: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 235): Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 42, 53 (письмо Оксмана от 3 января 1963 года и ответное письмо Струве); *Колобов Е. Ю.* «Я подчиняюсь этому страшному приговору»: Как был исключен из Союза писателей СССР Ю. Г. Оксман. 1964 г. // Исторический журнал. 2017. № 4. С. 73, 79.

[8] Шаргина (в браке Немети) Людмила Борисовна — специалист по венгерской литературе, русско-венгерским литературным связям, творчеству А. А. Блока и А. Йожефа, проблемам символизма в русской, венгерской, чешской и польской литературах, переводчица, член редколлегии журнала «Vilâgirodalmi Figueló», в котором были напечатаны отклик на «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского» (Vilâgirodalmi Figueló. 1960. № 6. P. 285–288, автор рецензии: L. Nyiro) и написанная самой Шаргиной рецензия на саратовский сборник статей Оксмана (J. Oksman és ûj Kòngve // Ibid. 1962. № 1. P. 62–64; см. письмо Оксмана Беркову от 18 июня 1962 года: Русская литература. 2004. № 5. С. 148). Шаргина жила в Будапеште, работала в Институте литературы Венгерской Академии наук, была посредником в переговорах венгерских ученых с Оксманом о переводе саратовского сборника его статей и отдельного монографического комментированного издания письма Белинского к Гоголю — эти замыслы не были реализованы (см. письма Шаргиной Оксману от 1 марта и 27 апреля 1960 года // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1010. Л. 1, 4 об.). О полученных им предложениях об издании сборника на немецком и венгерском языках и затруднительной для него переработке книги для иностранного читателя Оксман информировал Б. Я. Бухштаба 4 августа 1960 года (Русская литература. 2004. № 2. С. 221). В письме Скафтымову 20 августа 1960 года он писал о принятом им решении отказаться от этих предложений (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 306). Тем не менее 20 марта 1961 года Шаргина сообщила Оксману, что в план венгерского издательства «Gondolat» включены эти две работы Оксмана, и просила прислать рукописи для переводов (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1.

№ 1010. Л. 9). Весной 1962 и летом 1963 года, как и в прежние годы, Шаргина приезжала в Москву и Ленинград в командировку и в отпуск, гостила у Оксмана и его супруги, помогала им в быту и в работе (Там же. Л. 22–30, 49).

51

21/VI 63 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Вернувшись позавчера из Киева с заездом в город Могилев-Подольский, откуда я выехал 60 лет назад («и дым отечества...»),[1] я застал твое раздраженное письмо по поводу возглавляемой мной комиссии. Вероятно, ты формально прав, хотя и не посчитался с тем, что болезнь и смерть Зин<аиды> Серг<еевны> Шепелевой невольно затормозила работу комиссии и что я «работаю» в комиссии на добровольных началах, будучи обременен многими другими обязательствами. Я очень охотно передал бы руководство комиссией в другие руки, более энергичные, о чем и говорил с В. В. Виноградовым под впечатлением твоего письма, но кому? Был бы тебе очень благодарен, если бы ты стал у кормила этого учреждения. Что ты скажешь на это?

Ты, вероятно, помнишь, что я не преминул посоветоваться с тобой о кандидатуре уч<еного> секретаря комиссии. Ты очень неопределенно назвал имя А. Л. Гришунина, а тем временем поступило ходатайство научн<ого> сотрудника Аксаковского музея А. И. Кузьмина, поддержанное энергичными рекомендациями П. Н. Беркова, В. И. Малышева, Вильчинского, одобренное В. В. Виноградовым, и я согласен с этой кандидатурой, а Виноградов предложил Кузьмина зачислить.[2] Но сам вопрос о бытии Комиссии висит еще в воздухе, и ходят неопределенные слухи о ее ликвидации, благодаря чему Кузьмин (он кандидат филолог<ических> наук, специалист по XVIII в.) находится пока в выжидательном состоянии.

Дружески радуюсь тому, что тебе физически лучше и от души желаю тебе полного выздоровления. Опечален состоянием здоровья Антонины Петровны. Ей желаю всего самого лучшего. Дай Бог ей поскорее поправиться. Состояние здоровья и моей Татьяны Львовны очень не блестяще, хотя я и брал ее с собой и в Киев, и в Могилев-Под<ольский>. Какой упадок экономический и всяческий в провинции!

Всегда твой Н. Гудзий

[1] Ср.: «Окончив в 1900 г. 2-классное городское уч-ще в Могилёве, поступил в реальное уч-ще в с. Комрат Бендерского у. Бессарабской губ., откуда был переведен в Винницкое реальное уч-ще. В 1903 г. в связи с переходом отца на службу в Киев продолжил обучение в Киевском реальном уч-ще, из к-рого в 1906 г. ушел, „не поладив с начальством“» (*Артамонов Ю. А.* Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 424). В письме Гудзий цитирует «Горе от ума» Грибоедова (слова Чацкого, действие 1, явление 7).

[2] Кузьмин Александр Иванович (1916–2010) — музейный работник, писатель, литературовед, в 1960–1963 годах — научный сотрудник Музея-заповедника «Абрамцево», с 1963 года — старший научный сотрудник ИМЛИ; кандидатура Кузьмина на должность ученого секретаря Комиссии по истории филологических наук была тогда же утверждена. Вильчинский Всеволод Пантелеймонович (1916–1978) — историк литературы, в 1958–1968 годах ученый секретарь ИРЛИ.

52

Дубулты, 20/VII 63

Дорогой Юлиан Григорьевич!

Если ты и Антонина Петровна находитесь теперь в Москве, очень вам сочувствую: судя по сообщениям радио, жара в Москве зверская — до 30°! С 11 июля я с Татьяной Львовной — в Дубултах, на Рижском взморье, в Доме творчества писателей. Здесь стоит необычная для Балтики хорошая погода, в море можно купаться, к чему я на днях приступил. Приехал я сюда не по собственному влечению, а ради Т<атьяны> Льв<овны>, для которой — в связи с ее гипертонией — Рижское взморье должно быть целительным, но пока что особого облегчения она не испытывает. Настроение у меня не блестящее: около месяца мой брат провел в клинике <...>[1] Не очень радует меня и то, что в Москве осталась одна на всю квартиру, без домашней работницы, сестра.

Путевка наша кончается 3-го августа. Не знаю, попытаюсь ли продлить ее недели на две. Если это не произойдет, в начале августа вернусь в Москву.

Кроме погоды, ничего завлекательного в Дубултах нет. Живу я очень уединенно, кое-что пишу, кое с кем общаюсь (здесь Бялик с женой, Поспелов с женой, Чаковский и еще кое-кто из случайных знакомых; на днях должен приехать Храпченко, занятый пока в Москве своими новыми обязанностями; пока тут его жена; книга его о Толстом — неплохая).[2]

В свое время никак не мог дочитать «Поднятую целину» Шолохова.[3] Одолеваю ее теперь и не знаю, кто, кроме самого автора, в состоянии понять его язык, как эту книгу можно перевести на иностранные языки. Темпераменты некоторых персонажей (Нагульнова, Разметнова и др.) напоминают героев трагедий Сумарокова.

Как твое здоровье? В такой ли ты хорошей форме, в какой был при нашей встрече у Л. П. Гроссмана? Как чувствует себя Антонина Петровна? Ей и тебе от нас обоих сердечный привет.

Будь здоров, дорогой друг!

Твой Н. Гудзий

[1] В тексте письма исключены описанные Гудзием медицинские подробности операции его младшего брата, Михаила Каллиниковича Гудзия (1900–1965), военного врача (по специальности — дерматолога), подполковника медицинской службы.

[2] Бялик Борис Аронович (1911–1988) — литературовед, критик, с 1961 года — заведующий Сектором изучения творчества М. Горького и его супруга, Бялик Людмила Васильевна (1922–2009; благодарю за сообщенные сведения Е. В. Иванову и П. А. Каца); Поспелов Геннадий Николаевич (1899–1992) — специалист по теории литературы, профессор МГУ (в 1960–1977 годах — заведующий кафедрой теории литературы) и его супруга, Васильева Евгения Борисовна (1904–1992); Чаковский Александр Борисович (1913–1994) — писатель, журналист, главный редактор «Литературной газеты» в 1962–1988 годах. О Храпченко и его книге, упомянутой в письме, см. прим. 4 к п. 46 и прим. 5 к п. 48. Цытович Тамара Эрастовна (1907–1992) — музыковед, педагог, супруга М. Б. Храпченко.

[3] Упомянут роман «Поднятая целина» (1930–1959; 1-й том опубликован в 1932 году, 2-й том — в 1959 году) Михаила Александровича Шолохова (1905–1984).

53

26/VII <1963 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

твое письмо меня очень обрадовало. Ты правильно сделал, что окунулся в «балтические волны». В Москве душно, нечем дышать, а «заседания»

продолжаются, академический год затянулся, литературный — тоже. Институты пока не закрываются, но секцию критики и литературоведения распустили за полной ненадобностью. Оно и спокойнее. Редакцию «Лит<ературной> Энциклопедии» осенью постигнет та же участь по тем же основаниям.[1]

На кинофестивале был раза три-четыре. Смотрел и фильм Феллини «8 с ½». Мне кажется, что премирование этого собачьего бреда очень наглая насмешка над всем тем, что у нас делалось последние месяцы в области кино. Вам не нравится «Застава Ильича», вам противно «Иваново детство», вы под корень рубите все ростки нового, не отвечающие нормам «Стряпухи» и «Секретаря обкома» — так мы вас заставим увенчать первой премией Феллини за его демонстрацию распада сознания, за его фрейдистско-сюрреалистический бред сноба, одуревшего от «сладкой жизни». Это ответ наших гостей на бездарность последних советских фильмов типа «Знакомьтесь Балуев». Не хотим знакомиться![2]

20-го забрал Ант<онину> Петровну из больницы и перевез вчера в Болшево. До 1/VIII буду в городе, потом перееду недели на три тоже в Болшево. Работаю над «Капит<анской> дочкой» для Лит<ературных> памятников.[3]

Все восхищены твоей статьей в «Лит<ературной> газете».[4] С большой нежностью тебя вспоминали сегодня у Шкловских,[5] где были и Лида и Люда.[6]

Сердечный привет Татьяне Львовне и тебе от нас обоих!

Твой Юл.

Год установлен по штемпелям на конверте: «26.7.63. Москва», «29.7.63. Дубулты», «30.8.63. Дубулты», «21.9.63. Москва». На конверте отметка красным карандашом: «В Москве», им же зачеркнут адрес Гудзия в Дубултах.

[1] 13 июля Оксман сообщал В. В. Пугачеву: «Ждем ликвидации Союза писателей — и все же втайне не верим в возможность такого удара по совет<ской> культуре. Хорошо, что реорганизация перенесена на осень <...> Гуманитарные институты АН должны пройти особую чистку. Из-за финансового кризиса штаты с 1 января будут сокращены на 35–40 %» (*Герасимова Л. Е.* Проблемы гуманитарной науки в неопубликованной переписке В. В. Пугачева и Ю. Г. Оксмана // Герасимова Л. Е. Пунктирная линия жизни. Саратов, 2018. С. 192). Тревога Оксмана относительно судьбы «Краткой литературной энциклопедии» связана с тем, что первый том, вышедший в 1962 году (второй был издан лишь в 1964 году), вызвал в печати целый ряд критических откликов, см.: *Кравцов Н. И.* [Рец. на кн.: Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962. Т. 1. Аарне–Гаврилов] // Известия ОЛЯ. 1963. Т. 22. Вып. 3. С. 249–254; *Гура В., Поляков М.* В ожидании второго тома // Вопросы литературы. 1963. № 5. С. 208–217; *Андриевский А.* Энциклопедия... ошибок // Октябрь. 1963. № 5. С. 198–200. О «нервной обстановке», в которой проходила работа над томами энциклопедии, и о серьезных проблемах, с которыми редакция столкнулась после выхода первого тома, Оксман писал Струве 21 декабря 1962 года (Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Р. 35–36).

[2] Речь идет о Третьем московском международном кинофестивале, открывшемся 7 июля 1963 года. Упомянуты фильмы, участвовавшие в конкурсной программе фестиваля: «8 ½» («Otto e mezzo»; Италия–Франция, реж. Федерико Феллини, 1963), получивший большой приз, и «Знакомьтесь, Балуев!» (СССР, реж. Виктор Комиссаржевский, 1963). Также упомянуты фильмы «Иваново детство» (реж. Андрей Тарковский, 1962), «Застава Ильича» (реж. Марлен Хуциев; снимался с 1959 года, вышел на экраны в 1965 году под названием «Мне двадцать лет»), комедия «Стряпуха» А. В. Софронова (1960), экранизированная в 1965 году (реж. Эдмонд Кеосаян), роман В. А. Кочетова «Секретарь обкома» (1959–1961), экранизированный в 1964 году (реж. Владимир Чеботарев).

[3] *Пушкин А. С.* Капитанская дочка / Изд. подг. Ю. Г. Оксман. М., 1964 (сер. «Литературные памятники»). Книга была подписана к печати в мае 1964 года.

[4] *Гудзий Н. К.* Входящие в науку // Литературная газета. 1963. 25 июля. № 89. С. 2. Статья посвящена проблемам работы аспирантур в высших учебных заведениях и положению дел с защитами кандидатских диссертаций.

[5] У В. Б. Шкловского и его супруги, Серафимы Густавовны (урожд. Суок; 1902–1982).

[6] Л. Д. Громова-Опульская и Л. Б. Шаргина.

54

30/IV <1964 года. Ялта>

Дорогой
Николай Каллиникович,

поздравляю тебя, старый и испытанный друг, с днем рождения, а обеих твоих дам с новорожденным. Будь здоров, бодр, весел, радуй своих друзей, знакомых, читателей, почитателей тем, что ты живешь и работаешь так, как этого уже почти никто не умеет.

Здесь Шкловские, Степанов, В. М. Ходасевич,[1] Ермолинские, В. Н. Орлов, много режиссеров и около-литер<атурных> девушек, кот<орые> нам уже ни к чему.

Весь твой Ю. О.

Год установлен по почтовому штемпелю отправления на открытке: «2.5.64. Ялта».

[1] Ходасевич Валентина Михайловна (1894–1970) — художница, мемуаристка, племянница В. Ф. Ходасевича.

55

7/V 64 <Москва>

Дорогой друг, спасибо сердечное за твое теплое письмо. Желаю тебе всяческих радостей — научных, литературных, житейских, всего того, что ты всем своим умственным и душевным существом заслужил.

Три дня с утра до позднего вечера с 4-го до 6-го мы обсуждали, вернее — осуждали книгу Зимина о «Слове». Из 32-х выступавших только 4–5 человек третьего сорта поддержали его. Жалок он был, чувствуя, что потерпел большую неудачу. В. В. Виноградов отсутствовал...[1] Дружеский привет мой тебе, Шкловским, Н. Л. Степанову. У меня по-прежнему мрачно. Кланяйся и А. И. Ходасевич.[2]

Обнимаю тебя. Твой Н. Гудзий

[1] Речь идет об обсуждении монографии историка Александра Александровича Зимина (1920–1980) «Слово о полку Игореве (Источники. Время создания. Автор)» (М., 1964, ротапринтное издание Института истории АН СССР; тираж: 101 экз.), состоявшемся в Отделении истории АН СССР. См. обстоятельные и богато документированные недавние публикации: *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 65–118; *Афиани В. Ю.* Дискуссия вокруг книги А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» в 1964 г.: По документам Архива РАН // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В. П. Козлова. М., 2012. С. 51–62; *Базанов М.* К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335–349. Гудзий в своем письме несправедлив по отношению к тем коллегам, которые на обсуждении высказались о монографии положительно, а среди них были такие выдающиеся ученые, как В. Л. Янин, А. И. Клибанов, Я. С. Лурье. Основная часть тиража монографии Зимина была уничтожена, сохранились лишь несколько экземпляров в Архиве РАН. Спустя сорок лет монография была опубликована: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве / Отв. ред. В. Г. Зимина, О. В. Творогов. СПб., 2006. О содержании своей беседы с Гудзием (в связи с докладом Зимина на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ 27 февраля 1963 года) Оксман рассказывал в письме Струве 2 июня 1963 года, подчеркивая, что он, как и Гудзий, не допускал «никаких сомнений в подлинности „Слова“» (Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Р. 63–64). Примечательно в этой связи также письмо Оксмана к Беркову от 26 декабря 1963 года, в котором упоминается и сам Зимин, произведший на Оксмана благоприятное впечатление, и его работа, машинописный экземпляр

которой автор передал ему при личной встрече (Русская литература. 2005. № 4. С. 186). Гудзий был знаком с Зиминым еще с середины 1950-х годов. В его архиве сохранился оттиск статьи Зимина «О приемах научной реконструкции исторических источников X–XVII вв.» (Исторический архив. 1956. № 6. С. 133–143) с надписью: «Глубокоуважаемому Николаю Каллиниковичу Гудзию на добрую память от автора 19/III 57 г.» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 59. № 14. Л. 33). Знакомясь с этой статьей, Гудзий подчеркнул, в частности, фразу Зимина о том, что «Слово о полку Игореве» является литературным образцом для автора «Задонщины».

[2] Описка Гудзия, речь идет о В. М. Ходасевич.

56

8/VIII 64 <Москва>

Дорогой друг,

Шлю тебе привет из Переделкина, где рассчитываю пробыть до 19–20 августа, т. е. один срок в 26 дней, вопреки настояниям моих родичей во главе с Татьяной Львовной, уговаривающих меня остаться тут хотя бы на полсрока. Не вижу в этом ни пользы, ни удовольствия. Интересующего меня народа тут мало. Вот разве Корней Иванович да Белинков,[1] но Чуковский недомогает, не выходит за пределы своей дачи, по предписанию врачей мало общается даже с друзьями, хандрит особенно после смерти Маршака.[2] Белинков тоже невесел: жена[3] его уронила бутылку с боржомом на ногу, и в результате перелом, уложивший ее в постель. На этих днях уезжает отсюда симпатичный Волькенштейн, приехал с женой лингвист Кацнельсон, но с ним я пока мало общался.[4] На этих днях ездил в Москву, чтобы навестить Татьяну Львовну в больнице. Состояние ее здоровья не лучше и не хуже; нужна еще третья кардиограмма, пока еще не сделанная, чтобы определить, инфаркт ли у нее или только стенокардия.

Всю первую неделю занят был писанием ответа Жданову и Зайденшнур (17 страниц), который вчера послал в «Русскую литературу».[5] Время уходило не только на писание, но и на поиски машинистки, на довольно далекое путешествие к ней, на такое же путешествие на почту.

Я не пойму, дорогой друг, твоего непротивленческого отношения к этой гнусной паре. Сам ты когда-то писал мне о желании пересмотреть свои знакомства, сам ты непримирим по отношению к тем, кого ты не считаешь порядочными людьми, а мне рекомендуешь благодушное отношение к людям, которым я не только не сделал зла, но, наоборот, был благожелателен к ним. Если я что-нибудь нужное сделал в своей научной работе, то прежде всего — по редактированию Толстого, а Жд<анов> и Зайд<еншнур>, во многом шедшие по моим стопам, не в первый раз отплатили мне черной неблагодарностью, написав не только гнусную, но и безграмотную и стилистически, и по существу статейку. Чего стоят хотя бы выдумки о Страхове, о том, как нужно печатать «Дьявола», «Отца Сергия», «Живой труп», о том, как нужно считаться с интересами широкого читателя. Демонстрации не собираюсь устраивать, но всякое общение, включая чисто внешнее даже, всячески постараюсь прекратить с этой нечистью.

Будь здоров, мой сердечный привет Антонине Петровне.

Твой Н. Гудзий

Звонил мне П. Г. Богатырев, сообщивший о том, что приехавший в Москву на конгресс Р. О. Якобсон хотел бы встретиться со мной, но в Москву я ехать не могу, устал, пригласил его приехать в Переделкино.[6]

[1] Белинков Аркадий Викторович (1921–1970) — литературовед, писатель, литературный критик, ученик Шкловского; в 1944–1955 годах подвергался арестам, находился в заключении.

В 1960 году опубликовал книгу «Юрий Тынянов», в 1961 году, по рекомендациям Шкловского, Оксмана и Е. Ф. Книпович, был принят в Союз писателей СССР. В 1965 году вышло из печати второе издание книги о Тынянове, а в начале 1968 года две главы его новой книги, над которой он тогда работал, — «Юрий Олеша. Сдача и гибель советского интеллигента» — увидели свет в улан-удэнском журнале «Байкал» (под заглавием «Поэт и толстяк»). В результате редколлегия журнала была переформирована, номера журнала с публикацией Белинкова изымались из библиотек, а сама книга была подвергнута жесткой критике в печати (издана в Мадриде только в 1976 году). В том же году, находясь с женой в Болгарии, Белинков принял решение остаться на Западе, поселиться в США, где он читал лекции в университете штата Индиана и преподавал в Йельском университете. Белинков — автор статьи об Оксмане, написанной для пятого тома «Краткой литературной энциклопедии» (1968), опубликованной не в первоначальном авторском, а в сильно сокращенном редакцией варианте. Имя в подписи под статьей «Б. И. Колосова» принадлежит домработнице В. В. Жданова, заказавшего Белинкову статью об Оксмане. См.: *Белинков А. В., Белинкова Н. А.* Распря с веком: В два голоса. М., 2008. С. 163–165, 287–292, 309–310 (полная первоначальная редакция текста энциклопедической статьи об Оксмане), 569–570. См. также: *Struve G.* Russia Abroad // The Russian Review. 1976. Vol. 35. № 1. P. 95–97.

[2] С. Я. Маршак скончался 4 июля 1964 года.

[3] Белинкова-Яблокова Наталья Александровна (урожд. Дергачева) — литератор, редактор; хранительница и публикатор наследия Белинкова.

[4] Упомянуты: Волькенштейн Василий Михайлович (1883–1974) — поэт, критик, драматург, сценарист, театральный деятель, искусствовед; Кацнельсон Соломон Давидович (1907–1985) — лингвист, специалист по грамматике и лингвистической типологии и его супруга, Брауде Людмила Юльевна (1927–2011) — литературовед, специалист по скандинавским литературам, переводчица.

[5] Речь идет о статье Гудзия «По поводу статьи В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур об издании сочинений Л. Н. Толстого», являющейся откликом на статью Жданова и Зайденшнур «Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого». Об их полемике см. прим. 4 к п. 57, а также прим. 13 к письму Оксмана Беркову от 15 ноября 1963 года (Русская литература. 2005. № 4. С. 185).

[6] Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — литературовед, лингвист, педагог. Летом 1964 года приезжал в СССР для участия в Седьмом международном конгрессе этнологических и антропологических наук (3–10 августа, Москва).

57

13/VIII <1964 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

спасибо за твое хорошее письмо, оно заменило мне хоть немножко живую беседу с тобою.

В последние недели я почти не выхожу из дому и никого не вижу. Был как-то у меня, правда, Шкловский, но я очень охладел к нему. От самовлюбленности он стал слеп, пишет не о том, что было, а о том, что могло бы задним числом его возвеличить. Имею в виду его «Жили-были» и совсем чудовищные воспоминания о Ю. Н. Тынянове.[1] Ему хочется создать впечатление, что он был единственным другом Юрия, хотя они не виделись годами, тем более что В. Б. резко отрицательно высказывался всегда о романах Тынянова (даже в печати),[2] а Ю. Н. считал его ренегатом и предателем после известных выступлений Шкловского с отречением от идей Опояза.[3] Поразительная пробойная сила В. Б., смелость мысли и боевой задор всегда в нем же совмещал<и>сь с угодничеством, с далеко идущими этическими компромиссами, с паникерством. Всего этого Ю. Н. ему не прощал, да и я сейчас прощать не намерен.

Кстати, ты напрасно меня упрекаешь в защите В. А. Жданова и его музы. Я очень рад, что ты резко ответил им на их безобразную и претенциозную статью, но, повторяю, у тебя нет оснований для прекращения знакомства с ними. Вернее, знакомство ты можешь и прервать, т. е. уклоняться от встреч и переписки с ними, но для *декларации* об этом у тебя все же нет достаточных

оснований. Они могут упрекнуть тебя в желании закрыть им рот, в нетерпимом отношении к критике.[4] Я и имел в виду только это. А вообще я нетерпим более тебя. Так, меня глубоко возмутили Асмус и Шкловский, выступившие против Дымшица «вкупе и влюбе» с таким грязным кондотьери, как Ермилов. Всякому соглашательству есть предел, особенно если речь идет о печатных выступлениях.[5]

Закончил чтение сборн<ика> в честь В. В. Виноградова. Хороших работ в нем очень мало, — количество не перешло в качество. С литературоведами совсем беда: есть Городецкий и Кирилюк, но нет Бонди, Макашина, Богатырева, Чуковского. Нет ни одной статьи по советской литературе. Почему-то нет ни Асмуса, ни Дружинина. Нет и Бурсова.

Прочел еще раз твою статью — и опять убедился в ее самых высоких качествах. Она очень интересна, хорошо аргументирована и к тому же прекрасно написана.[6]

От всей души желаю тебе хорошо отдохнуть, не скучать и скорее вернуться к большой работе.

Антонина Петровна очень благодарит тебя за привет.

Весь твой Юл. О.

Год установлен по сопоставлению с содержанием предшествующего письма Гудзия.

[1] *Шкловский В.* Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени с конца XIX в. по 1962 г. М., 1964. Несколько страниц главы «Юность кончается» в этой книге посвящены Ю. Н. Тынянову, и, справедливости ради, стоит отметить, что они не производят описываемого Оксманом впечатления. Впоследствии воспоминания Шкловского о Тынянове (датированные 1964 годом), с которыми Оксман мог познакомиться в рукописи и о которых, по всей видимости, идет речь в письме, вошли в сборник: Юрий Тынянов: Писатель и ученый. М., 1966. С. 48–72 (сер. «Жизнь замечательных людей»); дополненный текст с публикацией фрагментов их переписки под названием «Город нашей юности» см.: Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М., 1983. С. 5–37. В декабре 1943 года Шкловский написал пронзительный некролог Тынянову (*Шкловский В.* Памяти Юрия Тынянова // Знамя. 1944. № 1–2. С. 211). Оксман сообщал Л. Н. Тыняновой 30 мая 1945 года (находясь на вольном поселении в Магадане в ожидании окончания срока): «Я прочел в „Знамени“ то, что написал о Ю<рии> Шкловский и, как всегда в его писаниях, почувствовал „второй план“ его некролога, который дал мне гораздо больше первого, как всегда не очень членораздельного. И горько, горько стало мне, гораздо больше, чем тогда, когда опрокидывалась восемь лет назад моя собственная жизнь» (Из переписки Ю. Г. Оксмана / Вступ. статья и прим. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 163–164). См. также: *Шкловский В.* Юрий Тынянов // Шкловский В. Встречи. М., 1944. С. 71–74. Переписка Оксмана и Шкловского 1954–1969 годов опубликована: Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / Подг. к печати, предисловие и прим. А. В. Громова // Звезда. 1990. № 8. С. 128–141. Прояснить еще одну причину такого отношения Оксмана к Шкловскому позволяет, в частности, дневниковая запись Л. К. Чуковской от 22 октября 1964 года (*Чуковская Л. К.* Из дневника. Воспоминания / Подг. текста Е. Чуковской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 292).

[2] См.: *Шкловский В.* 1) О людях, которые идут по одной и той же дороге и не знают об этом // Литературная газета. 1932. 17 июля. № 32. С. 4; 2) Об историческом романе и о Юрии Тынянове // Знамя. 1933. № 4. С. 167–174; 3) Об очерке и романе // Литературный критик. 1935. № 8. С. 167–176; 4) Роман Юрия Тынянова «Пушкин» // Там же. 1937. № 8. С. 123–133.

[3] Наиболее верным комментарием к этим словам могут служить воспоминания Оксмана о Тынянове, написанные в 1960-е годы (первые записи и попытки мемуарного повествования о нем относятся к 1940-м годам): «Отношения Ю. Н. с В. Б. Шкловским были неровными, полными недоговоренности и взаимных подозрений. Ю. Н. был оскорблен недооценкой Шкловским его романов, его менторскими интонациями и впоследствии его готовностью на далеко идущие компромиссы. Статьи Шкловского периода 1934–1936 гг. (отречение от формалистической поэтики) обычно вызывали прямое возмущение Тынянова, но личное обаяние Шкловского было сильно и в эту пору» (*Чудакова М. О., Тоддес Е. А.* Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сборник: Первые тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 96). Подразумевается статья Шкловского «Памятник научной ошибке» (Литературная газета. 1930. 27 янв. № 4. С. 1) и последующие его статьи той же направленности: О формализме // Литературный Ленинград. 1936. 26 апр. № 20. С. 3; Разговор с друзьями (О формализме в кино) // Звезда. 1936. № 8. С. 187–198. См. так-

же письма Шкловского Тынянову 1929–1937 годов, в некоторых из них действительно присутствуют отмеченные Оксманом «менторские интонации»: Из переписки Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума с В. Б. Шкловским / Вступ. заметка, публ. и комм. О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185–218; Почта века. Из переписки В. Шкловского // Грани. 2003. № 207–208. С. 401–409.

[4] Полемика по вопросам текстологии произведений Л. Н. Толстого, развернувшаяся между Гудзием и В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшнур в 1959–1964 годах, нашла свое отражение в печати в целом ряде статей: *Зайденшнур Э. Е.* По поводу текста «Войны и мира» // Новый мир. 1959. № 6. С. 278–282; *Гудзий Н. К.* 1) Что считать «каноническим» текстом «Войны и мира» // Новый мир. 1963. № 4. С. 234–246; 2) Еще раз о каноническом тексте «Войны и мира» // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 190–200; *Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е.* Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого // Русская литература. 1964. № 2. С. 133–139; *Гудзий Н. К.* 1) По поводу статьи В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур об издании сочинений Л. Н. Толстого // Там же. 1964. № 4. С. 200–205; 2) Текстологические пояснения // Толстой Л. Н. Воскресение / Изд. подг. Н. К. Гудзий и Е. А. Маймин. М., 1964. С. 548, 550 (сер. «Литературные памятники»). См. также: *Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // Русская литература. 2012. № 3. С. 70–84; *Опульская Л. Д.* Как же печатать «Войну и мир»? // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 306–315.

[5] Это не вполне справедливое замечание Оксмана касается еще одной полемики, связанной с вышедшей в 1963 году книгой литературоведа, философа Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) «Проблемы поэтики Достоевского» (впервые опубликована в 1929 году под названием «Проблемы творчества Достоевского»). Началась она со статьи, в которой во главу угла были вновь поставлены имеющие давнюю историю обвинения Бахтина в формализме: *Дымшиц А.* Монологи и диалоги // Литературная газета. 1964. 11 июля. № 82. С. 2–3. Статья открывается критикой самого исследовательского метода Бахтина, которая по тону и лексике больше напоминает политическое обвинение: «Расхождения с М. Бахтиным серьезные и принципиальные. Они лежат в сфере эстетики, в области методологии. Это спор, направленный против формального, метафизического мышления, против субъективистских и формалистических мотивов в исследовании». Полемика была продолжена весьма убедительной по аргументации статьей, авторы которой писали о том, что статья А. Л. Дымшица «вызывает ряд недоуменных вопросов <...> Читатель ждет объективного разбора книги. Он уверен, что если М. Бахтин сделал значительные открытия, то автор статьи скажет об этих открытиях. Но А. Дымшиц ничего о них не говорит. Ибо они не укладываются в его схему. И невозможно понять, как смог формалист, который только стремился уйти от формализма, сделать открытия, прочно вошедшие в нашу науку» (*Василевская И., Мясников А.* Разберемся по существу // Литературная газета. 1964. 6 авг. № 93. С. 2–3). Оксман в письме Гудзию упоминает коллективную статью: *Асмус В., Ермилов В., Перцов В., Храпченко М., Шкловский В.* В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1964. 13 авг. № 96. С. 2. Основная ее мысль была выражена следующим образом: «...в целом статью А. Дымшица нельзя признать удачной. В ней слишком много досадных противоречий и неубедительных выводов <...> Критик не исходит из какой-либо своей позитивной концепции творчества великого русского писателя, а целиком остается лишь в пределах негативной полемики с высказываниями М. Бахтина». В данном случае приходится признать, что Оксман был неправ (не принципиально, а по существу), ставя в упрек В. Ф. Асмусу и В. Б. Шкловскому печатное выступление против Дымшица «вкупе и влюбе» с действительно одиозной фигурой — В. В. Ермиловым (прим. 7 к п. 25). В том же номере «Литературной газеты» была опубликована ответная реплика Дымшица «Восхваление или критика?» на статью И. Василевской и А. Мясникова, содержащая примечательный постскриптум, в котором автор, решив, что авторы письма «В редакцию „Литературной газеты“» уличили его в защите «идеолога символизма Вяч. Иванова» от критики Бахтина, поспешил повторить характеристику Иванова как «философа-ИДЕАЛИСТА» и откреститься от безосновательных обвинений «в симпатиях к известному реакционеру». Третья часть текста ответной статьи Дымшица представляет собой цитаты из его июльской статьи с дополнительными разъяснениями, с некоторыми критическими замечаниями и риторическими вопросами такого рода: «Соавторы пытаются убедить нас в том, что М. Бахтин связывает Достоевского с традициями русского реализма. Но это не так. Наоборот, у М. Бахтина Достоевский противопоставляется всей русской литературе <...> можно ли исследовать поэтику, условно отделяя ее от конкретно-исторической действительности? <...> Можно ли доводить противопоставление монологического и диалогического мышления до абсурда?» (*Дымшиц Ал.* Восхваление или критика? // Литературная газета. 1964. 13 авг. № 96. С. 2–3).

[6] Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. Сборник вышел в свет в самом начале 1965 года. Оксман рецензировал это издание в рукописи для РИСО АН СССР в августе 1964 года, о чем свидетельствует его письмо Беркову от 26 августа (Русская литература. 2005. № 4. С. 195). В сборнике опубликована статья Оксмана «К вопросу о перечнях анонимных произведений Добролюбова, составленных

Н. Г. Чернышевским» и статья Гудзия «К вопросу о пушкинских текстах (О посмертном издании сочинений Пушкина)». В письме также упомянуты статья Б. П. Городецкого «Пушкин после восстания декабристов. (Загадочная запись Пушкина 1826 г.)» и статья Е. П. Кирилюка «Мировое признание Шевченко (конец XIX — начало XX столетия)». Всего в книге увидели свет статьи и сообщения 76 авторов (что, по-видимому, и вызвало ироничное замечание Оксмана), не считая предисловия Н. Ю. Шведовой и библиографического списка работ Виноградова 1955–1964 годов (составленного Ф. Ф. Кузьминым). В письме названы, помимо упоминавшихся ранее, философ, литературовед Валентин Фердинандович Асмус (1894–1975) и историк, академик АН СССР Николай Михайлович Дружинин (1886–1986).

58

<10 января 1965 года. Москва>

ДОРОГОГО ДРУГА ТАЛАНТЛИВОГО УЧЕНОГО СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ САМЫЕ ДУШЕВНЫЕ МОИ ПОЖЕЛАНИЯ ВСЯЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДУШЕВНОГО ПОКОЯ ТВОРЧЕСКИХ УДАЧ = ГУДЗИЙ[1]

Телеграмма. Штемпель отправления: «10.01.65. Москва».

[1] В январе 1965 года Оксману исполнилось 70 лет.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-55-70

© *Марчелло Гардзанити* (*Италия*)

«СЛОВО О НЕСТРОЕНИЯХ И БЕЗЧИНИЯХ» МАКСИМА ГРЕКА. К ИСТОЧНИКАМ ПЛАЧА ВАСИЛИИ*

«Слово, пространнѣе излагающе съ жалостью нестроениа и безчиниа царей и властелехъ послѣдняго вѣка сего»[1] (далее — Плач) — одно из самых захватывающих сочинений Максима Грека. В этом произведении гармонично сливаются темы и мотивы, которые пронизывают все его творчество и которые свидетельствуют о его гуманистическом образовании, обширной эрудиции и в то же время о развитии оригинального мышления. С одной стороны, в Плаче очевидны следы полученного автором в Италии образования, с другой, как это было недавно отмечено, — он уделяет определенное внимание ситуации в России в контексте изменений, которыми ознаменовано начало Нового времени в Европе.

Мы не будем останавливаться на обширной литературной и исторической критике, посвященной произведению. Тем не менее нам кажется важным подчеркнуть, что до сих пор заявляют о себе два различных направления в интерпретации Плача. Первое из них опирается на полученное автором итальянское образование и в особенности на его знакомство с «Божественной комедией»[2] или с песней «De ruina ecclesiae» Джироламо Савонаролы.[3] Второе направление подчеркивает социальные и политические мотивы, анализируя конкретные исторические обстоятельства, которые могли подтолкнуть афонского монаха к созданию текста.

Согласно некоторым исследователям, произведение возникает из драматической ситуации первых лет царствования Ивана Грозного,[4] в то время как другие ученые больше принимают во внимание последующие годы, связанные с прогрессивным восстановлением социального и политического порядка в эпоху митрополита Макария, в особенности проведение Стоглавого собора.[5] Следы Плача можно найти

---

* Данная статья представляет собой расширенную и доработанную русскую версию исследования, ранее опубликованного на итальянском языке: *Garzaniti M*. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach) di Massimo il Greco. Alle fonti del lamento della Vasilija // Studi slavistici. 2019. T. XVI. № 2. P. 157–175.

[1] Последнее издание Плача было подготовлено Н. В. Синициной на основе кодекса: РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 42; см.: *Максим Грек, преп*. Соч.: [В 2 т.] / Под ред. Н. В. Синицыной. М., 2014. Т. 2. С. 264–271 (см. также комм. на с. 390–393).

[2] *Picchio R*. La letteratura russa antica. Milano, 1968. P. 218; *Baracchi M*. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? (Confronto di uno «Slovo» di Maksim Grek con motivi e tecniche della «Divina Commedia») // Mondo Slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli Slavisti. Kiev 1983 / A cura di J. Křesálkova. Roma, 1983. P. 13–37.

[3] *Висковатый К*. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // Slavia. 1939. T. XVII. № 1–2. С. 128–133; *Иванов А. И*. Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 223–224. М. Баракки, кажется, не знаком с работой Висковатого, который писал о влиянии песни Савонаролы на произведение Максима Грека, подчеркивая литературные отношения между текстами обоих авторов.

[4] *Иконников В. С*. Максим Грек и его время: Историческое исследование. Киев, 1915. С. 450–455; *Ржига В. Ф*. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 50–59.

[5] Учитывая композицию сборников его сочинений, Н. В. Синицына полагала, что «„Слово о нестроениях и безчиниях“ было включено в Иоасафовское собрание на заключительном этапе

в синодальных документах, в письме юного царя Ивана, обращенном к участникам Собора и открыто говорящем о «вдовъствующем царстве».[6]

При работе над статьей использовалась книга под редакцией Н. В. Синицыной,[7] но учитывалось также издание, подготовленное Л. И. Журовой, вышедшее несколькими годами ранее и предлагающее в приложении варианты различных кодексов.[8] К сожалению, в это последнее издание не было возможности включить интересный парижский кодекс Man. Slav. 123 (хранящийся в Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque nationale de France)), список, содержащий аннотации, которые с высокой степенью вероятности принадлежат самому Максиму или работавшим под его руководством сотрудникам.[9]

Плач открывается рассказом от первого лица некоего путника («преходникъ»), который, совершая суровый путь («по пути жестоцѣ»), встречает одинокую плачущую женщину, одетую во вдовьи одежды и окруженную дикими зверями. Итальянскому читателю воображение тут же неизбежно подскажет различные произведения итальянской литературы, начиная с «Божественной комедии», с которой молодой Михаил Триволис (т. е. Максим Грек), конечно, познакомился во время своего пребывания во Флоренции. В то же время глубокие размышления, которые порождает плач главной героини, с его многочисленными библейскими цитатами, направленными на интерпретацию социальных и политических потрясений эпохи, подталкивают к более точному изучению источников и их использования и заставляют воспринимать произведение как в контексте творчества Максима Грека, так и в свете исторических событий того времени в России и в Европе.

Образ вдовствующей женщины мог вызвать в памяти человека византийской культуры ассоциации с традиционной классической литературой, начиная с плача Пенелопы, которая горюет о своем вдовстве, окруженная женихами (Гомер, Одиссея, песнь I, ст. 325–364),[10] а также, в рамках библейской литературы, с Плачем Иеремии, который открывается образом горько плачущей вдовы, представляющей Иерусалим.

Известно, что этот образ свидетельствует и о тесной связи Плача с творчеством Савонаролы. Прямым источником вдохновения для Максима Грека стала песня «De ruina ecclesiae» (1475), на которую в прошлом указал К. Висковатый. К этому, однако, следует добавить предшествующее сочинение феррарского брата — «De ruina mundi» (1472), которое образует с первым текстом своего рода диптих.[11] Этот источник

его формирования, когда оформлялся Краткий вид (в нем 26-я глава отсутствует); но вместе с тем уже начиналась работа по составлению второй части Хлудовского собрания (главы 26–73, где 26-я глава — тоже «Слово о нестроениях»). Вероятно, это происходило в эпоху Стоглавого собора, около 1551 г.» (*Максим Грек, преп*. Соч. Т. 2. С. 390, см. также с. 30). Ср.: *Журова Л. И*. Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции: [В 2 ч.]. Новосибирск, 2011. Ч. 1. С. 216–217; *Емченко Е. Б*. Священство и царство в XVI в. (Максим Грек и Стоглавый Собор) // Вопросы религии и религиоведения. М., 2010. Вып. 2. Кн. 1. Религиоведение в России в конце XX — начале XXI в. С. 90–102.

[6] В этой связи надо отметить важное исследование: *Емченко Е. Б*. Священство и царство в XVI в. С. 99.

[7] *Максим Грек, преп*. Соч. Т. 2. С. 264–271. Далее Плач цитируется по этому изданию.

[8] *Журова Л. И*. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 26–43. Ученая скрупулезно проанализировала рукописную традицию и показала, что антиграф двух главных рукописей, современных автору (РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 42; РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 264), был ближе к оригинальному произведению, но что кодекс из собрания Большакова (РГБ. Ф. 37. Т. Ф. Большаков. № 285) содержит изменения, сделанные самим автором, которые не основываются на предшествующем антиграфе, но представляют собой новый вариант произведения (*Журова Л. И*. Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 224–232).

[9] О глоссах в кодексе BNF. Man. Slav. 123 см.: *Гардзанити М*. Глоссы сборника Максима Грека в Национальной библиотеке Франции: между лексикографией и экзегезой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2019. С. 202–212.

[10] В связи с византийской литературой А. С. Орлов ссылается на поэтические произведения Иоанна Геометра и на «Историю» Никиты Хониата (см.: *Висковатый К*. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 129).

[11] О песнях см. национальное издание стихотворений брата-доминиканца под редакцией М. Мартелли (*Savonarola G*. Poesie / A cura di M. Martelli. Roma, 1968. P. 3–9). Мы не можем подробно останавливаться на поэтическом творчестве Савонаролы, важный автограф которого

надо обязательно учитывать не столько для того, чтобы подчеркнуть преемственность произведения Максима Грека, сколько для того, чтобы обозначить способность автора перерабатывать и развивать тематику, используя специфические формы и способы. Оригинальность подхода начинается уже с существующих формальных различий между поэтическим сочинением и прозаическим повествованием, а ярко проявляется в проницательной экзегезе Священного Писания, прилагаемой к новому русскому контексту.

В рассказе путник, приблизившийся к женщине, вежливо ее спрашивает, кто она, почему находится «при пустѣм семъ пути» и какова «вина плача и скръби ея есть». Хотя она и упорствует в нежелании раскрыть свою личность, читатель может легко угадать аллегорический характер этой фигуры и обстановки, совмещающей классические реминисценции и библейские мотивы. По нашему мнению, это ясно указывает на глоссу, которая в упомянутом парижском кодексе объясняет слово «срѣтение» через «видѣние» (BNF. Man. Slav. 123. Л. 68 об.).[12] Этот термин, выходя за границы стилистической синонимии, представляет собой фундаментальное понятие пророческой ветхозаветной литературы, которая, как мы увидим, берет на себя основополагающую роль в Плаче.

Вначале главная героиня, кажется, не хочет отвечать путнику. Не говоря, кто она, женщина предлагает собеседнику замолчать и продолжить свой путь, заявив, что ее рана «неисцѣлна от человѣков». Тем не менее из ее слов можно извлечь два указания, важных для дальнейшего восприятия сюжета. Героиня подчеркивает, что если путник попытается понять причины ее нынешнего положения, то это ввергнет его в беды, и отмечает тот факт, что среди этих причин есть и «многыя <...> жестости» тех, кто должен бы ее направлять, потому что они слушают «мало общеполезное съвѣтование» и обуреваемы страстями, становясь таким образом пленниками тех, кто их окружает. Так в Плач вводятся важнейшие мотивы ветхозаветной литературы, в которой постоянно присутствует фигура пророка, тяжко страдающего от того, что распространял божественное послание.

Чтобы убедить вдову, путник, тем не менее, уговаривает ее, призывая «честнѣишии в женах» облегчить свое страдание, обратившись к нему «съ дрьзновениемъ», с очевидной отсылкой к апостольской парресии. Ее речь может быть полезна ему и всем тем, кто может узнать ее через его посредничество, избежав таких же тяжелых последствий. Героиня энергично отвергает это предложение, снова подчеркивая уже упомянутый мотив опасности распространять ее послание (особенно в письменном виде) из-за возможных преследований со стороны тех, кто ненавидит истину и «поучение старческое» и кто в состоянии пагубно воздействовать на правителей.

Наконец героиня, движимая божественной любовью и добротой, соглашается возвестить все причины своей печали в надежде, что правители раскаются и посвятят

был обнаружен в 1970-е годы (Biblioteca Ambrosiana (Milano). S.P.II.5; см.: *Cattin G*. Il primo Savonarola. Poesie e prediche autografe dal codice Borromeo. Firenze, 1973), а тем более на анализе двух песен. Однако надо отметить не только изысканную метрику, но и подтекст, восходящий к Священному Писанию, особенно к Книгам пророков, а также влияние Данте и особенный петраркизм (*Martelli M*. Savonarola poeta // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / A cura di G. Garfagnini. Firenze, 2001. P. 133; *Savonarola G*. Rime / A cura di G. Tuccini. Genova, 2015). В своих интерпретациях Плача К. Висковатый и А. И. Иванов упоминают только «De ruina ecclesiae» (по изданию: *Savonarola G*. Poesie / A cura di V. Piccoli. Torino, 1926), таким образом упуская из виду общий герменевтический кругозор этого сочинения Максима Грека (*Висковатый К*. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 128–133; *Иванов А. И*. Максим Грек и Савонарола. С. 223–224). По мнению первого исследователя, это произведение говорит только о царстве, тогда как доминиканский брат интересовался церковью, поэтому в Плаче «было заимствование не литературного сюжета, а лишь литературного образца, структуры определенного литературного произведения, которую взял у Савонаролы Максим, разработав детали по-своему» (*Висковатый К*. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 133).

[12] Н. В. Синицына выражает мнение, что речь идет о «стилистической замене, уточняющей смысл, его аллегорический характер» (*Максим Грек, преп*. Соч. Т. 2. С. 392).

себя благим делам, которые не только принесут честь и славу, но даже обеспечат «възрастение дръжавы». Не может укрыться от внимания ясная отсылка к сопутствующим библейским и классическим источникам: «истина», как обычно для Максима Грека, — это «евангельская истина», всегда объясняемая в свете учения пророков и отцов Церкви, тогда как «возрастание державы» является недвусмысленным указанием на политическую мысль Римской империи.[13]

Теперь женщина может, наконец, представиться как одна из благородных и славных дочерей Царя всех, Создателя и Владыки, от которого происходит «всяко даание благо и всяк даръ съвръшенъ» и «всяко отечьство на небеси и на земли». Библейская цитата о божественном источнике каждого дара (Иак. 1: 17) является лейтмотивом византийской политической литературы и в размышлениях Максима Грека становится важным понятием, которое занимает ключевое место уже в одном из его первых сочинений на церковнославянском — Послании великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири (1522).[14] Героиня обладает различными именами — «начяльство наричюся и власть и владычьство и господьство», однако ее настоящее имя «Василия» — обращение, в котором объединены все эти значения. Божественное избрание, присутствующее в имени, полученном от Всевышнего, проявляется через тех, кто ей подчинен и кто таким образом становится «крѣпость и утвержение сущим под рукою их людемъ».

В кодексе МДА 138,[15] который содержит собрание сочинений с примечаниями самого Максима Грека, имя аллегорической фигуры Василии объясняется глоссой, которая делает явным библейский источник размышлений: «толк: сирѣчь царство, а тлъкуется утвержение люудемъ» (ср.: Прем. 6: 24).[16] Книга Премудрости в реальности отсылает к «царю премудрому»,[17] который представляет собой «утверждение людям». В Плаче замещение термина ‘царь’ термином ‘царство’ было направлено на аллегорическую экзегезу, которая понимается во вселенском и мессианском ключе. В словах героини это имя имеет значение, которое соответствует греческому смыслу слова ‘василеево’, но которое все-таки непонятно тем, кто ведет себя недостойно, превращаясь из царей в «мучители» и принося этим Василии бесчестье. В качестве возмездия они получали скорби и болезни, заслужив Божье наказание.[18]

Представление главной героини, содержащееся во вступлении произведения, завершается выражением подобающего почитания со стороны путника, который узнает

---

[13] Понятие *civitas augescens* e *civitas amplianda,* присутствующее в кодексе Юстиниана, было предметом рассмотрения на Международной конференции «От Рима до Третьего Рима» (Roma 1996; см.: *Catalano P.* Il. Roma, Costantinopoli, Mosca: 1981–2000 // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law. 2002. Vol. 30. P. 81–93). Чтобы подчеркнуть преемственность этого понятия в византийской традиции, мы можем сослаться на «Послание Фотия к хану Борису», считающееся в русском Чинквеченто чем-то вроде *speculum principis*, который сам Максим ввел в обращение в славянском варианте (*Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 82–94, ср. *infra*). В этом случае, как и в предшествующих цитатах, необходимо специальное исследование об отношениях между Плачем и византийскими источниками.

[14] В этом послании цитата сопровождается ссылками на учение Платона и на законодательство Юстиниана, в котором утверждается, что императорская власть и священничество — наибольшие дары Бога (Послание великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири // Максим Грек, преп. Соч. Т. 1. С. 151–166; ср.: *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 178–200; *Garzaniti M.* Sacra scrittura, *auctoritates* e arte traduttoria in Massimo il Greco // Studi slavistici. 2010. Vol. VII. P. 349–363).

[15] РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 138. Л. 179 об.

[16] *Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 390. Интересен вариант, присутствующий в рукописи РНБ. Соловецкое собр. № 494/513: «Толк. Царство Василия съ бо тлъкуется утвержение» (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 228). Д. М. Буланин предлагает другое объяснение. По его мнению, автор предлагает этимологическое толкование, но в литературе невозможно найти происхождение такой интерпретации (*Буланин Д. М.* Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // Studi slavistici. 2019. Vol. XVI. № 2. С. 132).

[17] Эта цитата не указана ни Синицыной, ни Журовой.

[18] Еще вначале Василия, как мы видели, высказывалась о жестокой власти и о ее неизбежных последствиях. Ср. выше.

в ней царское достоинство и просит снова рассказать о причинах горя и ухода «на пути пустѣ».[19] Еще одна отсылка к пустыне становится новым важным указанием, чтобы четче обрисовать контуры аллегорической фигуры. Образ женщины в пустыне действительно вызывает в памяти женщину из Апокалипсиса (Откр. 12: 1–6) — фигуру церкви воинствующей и гонимой, использованную в одной из самых важных песен Савонаролы «De ruina ecclesiae». Феррарский проповедник так представляет встречу с героиней:

Così io dissi a la pia Madre antica
Per gran disio ch'io ho di pianger sempre;
E Lei, che par che gli occhi mai non tempre,
Col viso chino e l'anima pudica,
La man mi prese, et a la soa mendica
Spelonca mi condusse lacrimando.[20]

Так молвил я благой древней Матери
С великой жаждой всегда плакать;
И она, похоже, никогда не осушающая очей,
Со склоненным ликом и целомудренной душой,
Взяла меня за руку и в свою убогую
Пещеру повела, проливая горькие слезы.[21]

Этот текст, хотя и сочинен на много лет раньше, исполнялся, как и другие произведения доминиканского брата, во время религиозных процессий и в обители Св. Марка (Сан-Марко),[22] где Микеле Триволис был послушником в 1502–1503/1504<?> годах.[23]

Сходство в описании персонажа и встречи в Плаче и в «De ruina ecclesiae» находит подтверждение в обращении нашего путника к главной героине: «честнѣишии в женах» — это отзвук обращения, с которого начинается песня Савонаролы: «Vergene casta, ben che indegno figlio, / Pur son di membri de l'eterno Sposo» («Чистая Дева, хоть я и недостойный сын, / но и я принадлежу телу (дословно: членам. — *М. Г.*) вечного Жениха»).[24] «Чистая дева» — выражение, которое апостол Павел употребляет, чтобы определить христианскую общину, представленную с помощью метафоры жены на

[19] Два слова, *путь* и *пустъ*, благодаря которым возникает аллитерация, объединены темами «пути» и «пустыни». Они снова появляются в конце произведения, становясь его ключевым топосом. М. Баракки возводит выражение из вступления «по пути жестоцѣ» к «Божественной комедии», но на самом деле это понятие отсылает к основному библейскому мотиву, который присутствует прежде всего в Псалмах и которым воспользовался Данте в своей поэме (*Baracchi M*. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? P. 14–15).

[20] *Savonarola G*. De ruina ecclesiae // Savonarola G. Poesie. P. 7. Песня сопровождается серией примечаний, которые содержатся в автографе и восходят, возможно, к флорентийскому периоду (*Savonarola G*. Rime. P. 97–98). Так объясняет образ сам Савонарола: «La Chiesa vera, cioè la congregazione di veri cristiani, li quali piangono sempre li peccati de li altri, e se dogliono de tanta ruina» («Истинная Церковь, т. е. собрание истинных христиан, всегда оплакивающих грехи других и скорбящих о таком падении»; Ibid. P. 102).

[21] Здесь и далее перевод текстов Савонаролы на русский язык выполнен А. В. Топоровой, которой выражаю искреннюю благодарность.

[22] В декрете, который устанавливал в Сан-Марко *damnatio memoriae* (проклятие памяти) феррарского реформатора (10 марта 1502 года), давались недвусмысленные распоряжения, касающиеся процессий, песен и всего, связанного с Савонаролой (*Schnitzer G*. Savonarola: In 2 vol. Milano, 1931. Vol. 2. P. 437–438).

[23] См.: *Синицына Н. В*. Новые данные об итальянском периоде жизни преподобного Максима Грека // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 193–199. Об исторических обстоятельствах, которые связывают Микеле Триволиса с обителью Сан-Марко, см.: *Garzaniti M*. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // I Domenicani e la Russia. Roma, 2019. P. 41–74.

[24] *Savonarola G*. De ruina ecclesiae. P. 6.

основе аллегорической интерпретации Песни Песней (2 Кор. 11: 1–2). В последующих стихах, которые Максим несколько раз использует в своем Плаче, Савонарола жалуется, что современники не прислушиваются более к советам прошлых поколений:

Però mi duol asai che l'amoroso
Antiquo tempo, e il dolce suo periglio
Or mai sia perso; e non par più consiglio
Che ristorar il possa, on forsi ardisca;
L'ardente voce prisca
Più non cognosce i Greci nè' Romani;
El lume de' primi ani
È ritornato in ciel cum la Regina
Et a noi, lasso me! più non se inchina.[25]

Я весьма скорблю, что возлюбленное
Былое время с его сладостной опасностью
Ныне утрачено; и, похоже, никакой совет
Не поможет его восстановить, никто не имеет дерзновения;
Прежний пламенный глас
Уже не вспомнит о греках и римлянах;
Свет первых лет
Вернулся на небеса вместе с Царицей,
И нам, увы, уже не сияет.

Впрочем, ту же просьбу о молчании, которую Максим Грек вложил в уста героини, мы находим именно в «De ruina ecclesiae», где Савонарола, сочувствуя участи жены Христа, противопоставляет ее вавилонской блуднице, используя апокалиптические и дантовские образы и интонации:

Do poi Madona, dissi: Se 'l ve piace,
Di pianger con voi l'alma si contenta.
Qual forza ve ha così del regno spenta?
Qual'arrogante rompe vostra pace?
Rispose sospirando: Una fallace
Superba meretrice, Babilona
E io: — Deh! per Dio, Dona,
Se romper se potria quelle grande ale!
E lei: Lingua mortale
Non pò, nè lice, non che mover l'arme.
Tu, piangi e taci: e questo meglio parme.[26]

Затем я молвил Мадонне: Если вам угодно,
Душа находит утешение, рыдая вместе с вами.
Какая сила отняла у вас царство?
Какой наглец нарушил ваш покой?
Она ответила, вздыхая: Падшая
Горделивая блудница, Вавилон.
А я: Увы! Госпожа, ради Бога,
Если бы можно было сломать эти огромные крылья!
Она же: Смертный язык
Не способен на это, ему не дозволено — не то что поднять оружие.
Ты же плачь и молчи: это мне представляется лучшим.

[25] Ibid.
[26] Ibid. P. 8. Автор так объясняет образ Вавилона: «Cioè la superbia, la lussuria e la avarizia» («То есть гордыня, сладострастие и скупость») (*Savonarola G.* Rime. P. 102).

В этих стихах к тому же присутствует форма диалога, которой воспользуется и Максим Грек в своем Плаче. В концовке той же песни находим мотив невыслушанного пророчества, хотя и адаптированный к специфическому историческому контексту:

Canzione, io non fo stima
Di scorpio ponto. Non pigliar impresa,
Se non serai intesa.
Forsi è meglio: sta' pur contenta al quia,
Dopoi che fa mestier che così sia.[27]

Песня, я пренебрегаю
Укусом скорпиона. Не надо браться за дело,
Если тебя не поймут.
Может, лучше довольствоваться вопросом «почему»,
Ибо тому надлежит быть.

Невозможно, однако, отождествлять как таковую аллегорию женщины в пустыне в Плаче с образом воинствующей и гонимой церкви, который предлагает Савонарола в своей «De ruina ecclesiae», поскольку эта аллегория становится, как мы видели, метафорой «управления» и «власти», т. е. Божьего дара, который правители получают от самого Бога и который в настоящее время недостойно используют. Аллегорическая конструкция, таким образом, встраивается в размышление о ситуации в мире и его правителях, явно обозначенное уже в названии произведения. В этом размышлении Максим Грек черпает вдохновение в предшествующей песне Савонаролы «De ruina mundi» (1472). Ее пролог тематически совпадает с Плачем Максима Грека:

Vedendo sottosopra volto el mondo
Ed esser spenta al fondo
Ogne vertute e ogne bel costume:
Non trovo un vivo lume,
Né pur chi dei suoi vizi si vergogni:
Chi te nega, chi dice che tu sogni.[28]

Я вижу, что весь мир перевернут,
в нем окончательно угасла
всякая добродетель и добрый обычай.
Я не нахожу живого света,
и нет никого, кто стыдился бы своих пороков:
Кто-то опровергает тебя, кто-то говорит, что ты бредишь…[29]

В финальной части той же песни Савонарола вводит ветхозаветный топос пророчества, которое противопоставляется светской власти:

Canzion, fa' che sia acorta,
Che a purpureo color tu non te apogie;
Fugi palazi e logie

[27] *Savonarola G.* De ruina ecclesiae. P. 9. Савонарола добавляет здесь две очень интересные пояснительные глоссы. Одна касается «почтения»: «Cioè, non mi curo che di me sia detto male, e che io sia punto» («То есть я не забочусь о том, что обо мне плохо говорят, что меня уязвляют»). И вторая, когда говорит о «pigliar impresa» («браться за дело»): «Cioè, non disputare, quasi volendoti defendere quanto è detto da li cechi che non sono vere queste cose, e che non verranno tribulazione; ma sta' in pace» («Итак, не надо вступать в дискуссии, как будто ты хочешь защитить себя от того, что говорят слепцы, а это ложные вещи, они не стоят переживаний; пребывай в мире») (*Savonarola G.* Rime. P. 110).

[28] *Savonarola G.* De ruina mundi // Savonarola G. Poesie. P. 3.

[29] *Савонарола Д.* Проповеди на книгу пророка Аггея / Изд. подг. А. В. Топорова; отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2014. С. 216 (сер. «Литературные памятники»).

E fa' che toa ragion a pochi dica,
Ché a tuto el mondo tu serai nemica.[30]

Песня, следи за тем,
Чтобы не опираться на пурпурный цвет,
Беги дворцов и лож
И лишь немногим объясняй свой смысл,
Ибо всему миру ты станешь врагом.

Сопутствующая переработка мотивов Савонаролы о гонимой церкви и о критике развращенной власти, которые можно прочитать в Плаче Максима Грека, могла иметь связующее звено в «Божественной комедии» Данте. В наиболее политической Песни Данте объединяет образ плачущей вдовы с образом имперского города — Первого Рима, ожидающего императора, который освободит его: «Vieni a veder la tua Roma che piagne vedova e sola, e dì e notte chiama: „Cesare mio, perché non m'accompagne?"» («Приди, взгляни, как сетует твой Рим, / Вдова, в слезах зовущая супруга: / „Я Кесарем покинута моим!"»).[31] Можно отметить, что посредством Плача Максима Грека, даже несмотря на его тесную связь с песнями Савонаролы, в Россию проникает первый отзвук «Божественной комедии», и в особенности ее самой политической Песни. Впрочем, молодой Михаил Триволис не только познакомился с произведением Данте в годы пребывания во Флоренции, но, более того, мог знать и опубликованные во Флоренции в 80-е годы XV века комментарии к нему Кристофоро Ландино (1425–1498), преподававшего в Платоновской Академии.[32]

Эта первая часть Плача содержит продуманное рассуждение Василии о правосудии. В первую очередь, героиня радуется, узнав, что путник «ревнует по Боге» и воодушевлен «нелицемерною любовью», — черты, которые являются основополагающими характеристиками пророческих фигур, и она сама присваивает ему роль провозвестника и посредника для тех, кто желает достичь «бесконечного Его царства». Дочь Царя и Создателя всех таким образом различает своих «возлюбленных в истине», которые достойны царского звания, и тех, кто, наоборот, попал в зависимость от стяжательства и лихоимства и строит роскошные дворцы, не заботясь об утверждении их державы («ничим же пособствующихъ къ утвержению дръжавѣ их», ср.: Прем. 6: 24). Осуждая такое поведение, Максим Грек цитирует различные отрывки из Псалмов и сопровождает их краткими экзегетическими комментариями, отсылающими к несправедливости, богатству и ростовщичеству, используя также и новозаветные выражения: Пс. 73: 20, Пс. 61: 11 (ср.: Ин. 1: 9), Пс. 118: 105, 121, 163.[33] Им противопоставлены в конце блаженство милостивых и тех, кто «алчет и жаждет правды» (Мф. 5: 6, 7), что автор поясняет цитатой из Первого послания к коринфянам (1 Кор. 1: 30). Это были «древнии рачителие» Василии, начиная с первого «блаженного царя» и первого благочестивого священника Мелхиседека, образ

[30] *Savonarola G.* De ruina mundi. P. 5.

[31] *Данте А.* Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 182. На эти строки ссылается также М. Баракки: *Baracchi M.* Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? P. 21.

[32] Ср.: Ibid. P. 26–28.

[33] Касательно разночтений библейского текста, которые использует Максим Грек, мы в настоящее время указываем на наблюдения Синицыной о глоссе из Man. Slav. 123. Л. 70 об. На основе данных, предложенных Журовой, исследовательница выявляет, что глосса «неправедных», которая отсылает к цитате из Пс. 73: 20, только кажется синонимом «(домов) безаконых», в реальности же отражает особый вариант Геннадиевской Библии (*Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 391). Не будем забывать, что среди первых сотрудников Максима Грека в его переводческой деятельности мы встречаем Дмитрия Герасимова, который работал в Новгороде над созданием первой Библии на церковнославянском языке (*Гардзанити М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017. С. 57–65). Текстуальный анализ библейских цитат мы оставим для будущей работы, хотя уже Журова сравнила их с разночтениями Геннадиевской Библии и Острожской Библии (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 41–43).

которого строится в русле новозаветной экзегезы и на основе этимологии имени и топонима Иерусалима, вызывая в памяти словарную статью из византийского Лексикона Суды, переведенную самим Максимом.[34]

Сосредоточившись в первую очередь на понятии правды, которая преумножает мир, Василия продолжает свою обвинительную речь против стяжательства и лихоимства, ополчаясь против «насилникы, <...> пастырие», которые сурово критиковались ветхозаветными пророками, сначала Иеремией, а затем Иезекиилем и Исайей (Иер. 12: 10, 23: 1; ср.: Иез. 34: 3–4; Ис. 1: 21, 23, 24). Особое значение имеют приводимые слова Исайи: «О, како бысть блудникъ^к^ градъ вѣрныи Сионъ исполненъ суда, в нем же правда успе, нынѣ же убиици князи твои противятся обещници татемъ любяще мзду, презѣлны мьстители, сиротам не судяще и суду вдовиць не внимающе; сего ради глаголеть Господь: горе сущимъ силнымъ въ Израили, не престанетъ ярость Моя в супротивных».[35]

Василия упрекает правителей не только в том, что они взбунтовались против того, кто удостоил их чести и обязанности, но также в том (как уже было отмечено в начале), что они отмахнулись от советов «богодухновеных апостолъ и пророкъ», таким образом противопоставив себя самому Богу. Их ожидает Божий суд (Пс. 74: 9) не только за то, что «богочестныи царскыи санъ растлѣвають и досажаютъ» несправедливостью, но и за то, что молчали (Пс. 49: 21), не заботясь о несправедливости в адрес обиженных. Бог придет на помощь к тому, кто о ней взывает (Лк. 18: 7,[36] Пс. 11: 6), и поставит каждого перед лицом собственной ответственности (Пс. 49: 21, Пс. 9: 27, 34, Пс. 93: 1, 5, 6, 23).

Обширная цитата из второго Псалма, основополагающего текста по данной тематике, — призыв, обращенный к правителям (Пс. 2: 10–12), говорящий о «пути праведном» и ставший, как мы видели, центральным мотивом Плача: «И нынѣ, царие, разумѣите, накажитеся вси судящеи земли, работаите Господеви съ страхомъ и радуитеся Ему съ трепетом; приимите наказание, да не когда прогнѣвается Господь, и погыбнете от пути праведнаго, егда възгорится въскорѣ ярость Его?» Пояснению этого Псалма, интерпретируемого в мессианском ключе ввиду царского достоинства Христа, Максим Грек уделяет особое внимание в письме одному другу, в котором ученый монах объясняет некоторые выражения из Божественного Писания, с трудом поддающиеся пониманию.[37]

В первой части мы можем таким образом прочитать инвективы, подобные тем, что присутствуют в поэтической, а значит, в очень сжатой форме в песне «De ruina mundi»:

---

[34] Ср.: *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. С. 53–82; для издания славянской версии: с. 142–143, 168.

[35] В пророческом выражении Исайи (Ис. 1: 21) можно наблюдать превращение «верного Сиона» в «блудницу», таким образом Максим Грек вновь отсылает к Апокалипсису, к образу вавилонской блудницы, с которой «цари земные блудодействовали» (ср.: Откр. 17: 1–18). Вавилонскую блудницу упоминает и «Божественная комедия» в отрывке, который, как нам кажется, уместно процитировать за его созвучность размышлениям Максима Грека: «Di voi pastor s'accorse il Vangelista, quando colei che siede sopra l'acque puttaneggiar coi regi a lui fu vista…» («Вас, пастырей, провидел Иоанн / В той, что воссела на водах со славой / И деет блуд с царями многих стран...») (*Данте А.* Божественная комедия. С. 87). Использование метафоры на церковнославянском затруднено по той причине, что слово «градъ» мужского рода. Именно поэтому в нашем тексте читаем «блудник» мужского рода, в то время как Острожская Библия, более близкая к греческому тексту, предлагает женский вариант «блудница». Можно было бы даже подумать, что выбор Максима Грека намекает на грех содомии, неоднократно осуждаемый афонским монахом вслед за Савонаролой.

[36] В своих комментариях Журова отмечает присутствие в этом отрывке варианта с *ли*, который указывает на вопрошание, делая текст более близким к евангельской цитате, которая, тем не менее, не была отмечена исследовательницей (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 227).

[37] Речь идет о «Послании к нѣкоему другу его, в нем же тлъкование нѣкоихъ рѣчении неудобь разумѣваемых, в божественом писании» (*Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 320–321). Мы будем еще писать о роли этого Псалма в размышлениях афонского монаха.

Felice or mai chi vive di rapina,
E chi de l'altrui sangue più se pasce,
Chi vedoe spoglia e soi pupilli in fasce
E chi di povri corre a la ruina!
Quella anima è gentil e peregrina,
Che per fraude o per forza fa più acquisto,
Chi spreza il ciel cum Cristo
E sempre pensa altrui cacciar al fondo;
Colui onora el mondo,
Che ha pien di latrocini libri e carte,
E chi d'ogne mal far sa meglio l'arte.[38]

Ныне счастлив тот, кто живет грабежом,
Кто питается кровью других людей,
Кто раздевает вдов и их чад
И кто разоряет бедных!
Та душа любезна и благочестива,
Что обманом и насилием богатеет,
Что презирает небо вместе с Христом
И всегда стремится столкнуть ближнего в пропасть;
Того почитает мир,
У кого книги и бумаги исполнены воровства
И кто лучше других владеет искусством зла.

Максим Грек повторяет те же мотивы не своими словами, а цитируя ветхозаветных пророков, и, основываясь уже на размышлениях Савонаролы,[39] сосредотачивается главным образом на теме несправедливости по отношению к сиротам и вдовам. В размышлениях монаха, как и у Савонаролы, проявляется тесная взаимосвязь между состоянием вдовства Василии и призывом к защите вдов, — основополагающей теме проповедей Савонаролы и сочинений греческого автора.[40]

Вторая часть начинается с того, что речь Василии резко обрывают: путник перебивает ее, чтобы попросить объяснения кажущемуся противоречию из только что процитированного второго Псалма (Пс. 2: 11): «како есть възможно работающему съ страхом Вышнему, тому же и радоватися съ трепетом?» Его слова не просто формулируют экзегическую тонкость, а подразумевают богословско-духовное размышление, связанное с деликатным вопросом взаимоотношений между Ветхим и Новым Заветом. Цитируя пророка Аввакума: «и вниде трепетъ въ кости моя» (Авв. 3: 16), путник еще более ярко подчеркивает это противоречие в Священном Писании. Отвечая своему собеседнику, героиня прежде всего обращается к учению Иоанна о любви, побеждающей страх (1 Ин. 4: 18), и напоминает, что тот, кто следует заповеди о любви к Богу (Мк. 12: 30), «радуется Ему съ трепетомъ», т. е. достигает состояния «радости духовной», которое сильно отличается от «радости плотской». Возвращаясь к Ветхому Завету, тот же самый Аввакум подтверждает это (в последующих строках), когда объявляет, что «Азъ же о Господѣ възвеселюся, възрадуюся о Бозѣ Спасѣ моем», потому что «Господь Богъ мои сила моя» (Авв. 3: 18, 19), поскольку, поясняет Максим Грек, ведет человека к совершенству мудрости.

Это объяснение, которое можно отнести к практике духовной экзегезы, открывает возможность другой интерпретации нравственного характера, применимой к конкрет-

[38] *Savonarola G.* De ruina mundi. P. 4.

[39] Это отмечает Дж. Туччини в своем комментарии к «De ruina mundi»: *Savonarola G.* Rime. P. 88–89.

[40] Ср.: *Garzaniti M.* Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze). P. 41–74. Я благодарен О. Кудрявцеву, прекрасному знатоку флорентийского Кватроченто, за его указание на присутствие образа вдовы на одной из последних картин Боттичелли «Последнее чудо и смерть Св. Зиновия», созданной в начале XV века, именно в те годы, когда Максим Грек жил во Флоренции и Венеции.

ной ситуации. С одной стороны, Священное Писание показывает Божественную снисходительность в отношении человеческих слабостей,[41] позволяя человеку наслаждаться едой и питьем, при условии, что он будет благословлять Бога (1 Кор. 10: 31). С другой, следуя призыву Павла, которого Василия определяет как «моего проповедника», необходимо отвергать любую безнравственность (Рим. 13: 12–14).[42]

Эта нравственная экзегеза порождает суровое обвинение Василией застолий и оргий. Начав со слов пророка Исайи (Ис. 5: 11, 12) и вызывая в памяти Страшный Суд, героиня упоминает не только праздник Ирода, который, как повествуют Евангелия, был вынужден обезглавить Иоанна Крестителя, чтобы сдержать клятву, данную «отроковицѣ пляшущей», но и идолопоклонническое застолье народа Израиля в пустыне (Исх. 32: 6, 1).[43]

Для воодушевленной Василии — это все последствия лихоимства и пьянства и «плотских нечистот», которым предаются цари и князья. Экзистенциальное состояние грешника описано в соответствии с восточной традицией, которая видит его полностью замкнутым на себе самом, что подчеркивается такими понятиями, как «самоволие» и «самоугодие». В результате этого грешник оказывается неспособен услышать советы священников и старцев или «боговдохновенных писаний», что только веселит бесов, видящих его гибель (Пс. 70: 11).[44] Страшный Суд неизбежен для царей и князей, которые «иже ложнѣ обложени суть моимъ царскымъ саном от многаго своего безумиа же и бесчювствиа».

Тема суда, которая встречается неоднократно, присутствует с самого начала также и в «De ruina mundi», где, хотя и в другом контексте, вводится осуждение наиболее распространенных безнравственных и предосудительных обычаев:

On pur ch'è forsi appresso, e tu l'aspetti,
L'estremo dì che fa tremar l'inferno.
A noi virtù non tornarà in eterno:
Quivi si estima chi è de Dio nemico;
Catone va mendico;
Ne la man di pirata è gionto il scetro;
A terra va san Pietro;
Quivi è lussuria ed ogne preda abunda,
Che non so come il ciel non si confunda.
<...>
Deh! Mira quel cinedo e quel lenone
Di porpora vestito, un istrione
Che 'l vulgo segue e il cieco mondo adora!
Non ti ven sdegno ancora
Che quel lussurioso porco gode,
E le toe alte lode
Usurpa, <ha> assentatori e parasciti,
E i toi di terra in terra son banditi?[45]

Может, он уже близко, и ты его ждешь, —
Последний день, сотрясающий ад.
Добродетель уже никогда не вернется к нам:

[41] Даже имея знак письменной цитаты («рече»), невозможно определить точный отрывок, на который ссылается автор (возможно, это отзвук 1 Фес. 5).

[42] В длинной цитате из Рим. 13: 12–14 Журова отмечает для варианта «въ ложах» вариант «гнусодѣании» (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 231).

[43] Эта цитата не указана Синицыной. Добавим также отсылку к тексту Песни Моисея, которая не отмечена ни Синицыной, ни Журовой: «боговъ, их же не вѣдаша отци ихъ» (Вт. 32: 17).

[44] В конце второй части Журова обращает внимание в цитате из Псалма на вставку «рече», которая подчеркивает наличие цитаты (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 228).

[45] *Savonarola G.* De ruina mundi. P. 4.

Здесь определяют, кто враг Божий;
Катон нищенствует;
В руки пиратов попал скипетр;
На землю спускается святой Петр;
Здесь изобилует сладострастие и хищение,
И непонятно, как небо не приходит в смятение.
<...>
Увы, взгляни на этого развратника и сводника,
Облаченного в пурпурные одежды,
На гистриона, за которым следует чернь и которого обожает слепой мир!
У Тебя еще не вызывает омерзения,
что эта похотливая свинья наслаждается,
И хвалы, Тебе предназначенные,
Присваивает себе, окружена льстецами и паразитами,
А Твои люди гонимы отовсюду?

Василия здесь собирается попрощаться с путником такими словами: «нынѣ убо шествуи, радуяся, путем твоимъ» — даже если в реальности очень мало поводов для радости после того, как становится понятным, какими несчастиями охвачена вселенная («толикыми лютыми обдержиму вселенную»).

Диалог можно было бы так и закончить. Однако автор добавляет третью, и последнюю, краткую часть, где путник обращается к вдове с просьбой объяснить причины ее пребывания «при пути семъ пустѣ <...> обступаема толь лютыми звѣри», с ясной отсылкой к начальному образу «львов, медведей, волков и лисиц».[46] По мнению Висковатого, Максим Грек, возможно, при создании образа зверей был вдохновлен проповедью феррарского брата о Псалме 72 (Quam bonus Israel Deus).[47] Речь идет о проповеди XXIII, которая была произнесена в 1498 году и сосредотачивается на Псалме 73 «Ut quid Deus repulisti in finem» в связи с плохим примером прелатов. Можно отметить, в частности, следующий отрывок: «Levati su Signore; vieni a liberare la Chiesa tua dalle mani de' diavoli, dalle mani de' tiranni, dalle mani de' cattivi prelati. Non vedi tu che l'è piena d' animali, piena di bestie, leoni, orsi e lupi, che l'hanno tutta guasta? Quare oblivisceris tribulationem nostram?» («Восстань, Господи; приди освободить Церковь из рук бесов, из рук тиранов, из рук плохих прелатов. Разве Ты не видишь, что она полна животных, диких зверей, львов, медведей и волков, которые всю ее изгрызли? Почему Ты забываешь о нашем мучении?»).[48]

Иллюстрируя переносный смысл сочинения в целом, заключительная реплика Василии отсылает к образу «окааннаго вѣка сего послѣдняго», в котором нет больше «цареи благовѣрномудреных и ревнителех славѣ» (с использованием неологизма «благоверномудрый») с того момента, как все «своих си ищут, а не яже Вышня-

[46] В связи с этим отрывком Баракки ограничивается только указанием, что выражение «Иди своей дорогой» восходит к Данте (*Baracchi M*. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? P. 25).

[47] *Висковатый К*. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 133.

[48] *Villari P., Casanova E*. Scelta di prediche e scritti di Fra Girolamo Savonarola. Con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze, 1898. P. 51. Можно задаться вопросом, почему Максим добавляет ко «львам, медведям, волкам», взятым у Савонаролы, также и «лисиц». Из-за того, что метафора накладывается на образы правителей, а не прелатов, можно предположить, что он не мог упустить этого образа лисы — олицетворения хитрости. Его можно найти уже в Евангелиях в словах Иисуса об Ироде (Лк. 13: 32). Образ лисицы встречается также и в «Божественной комедии» в Песни XXXII Чистилища, в которой центральное место занимают образы колесницы и блудницы — аллегория церкви, происходящая из Апокалипсиса. Однако более подходит, с нашей точки зрения, указание, которое предлагает нам Савонарола. Он говорит о Папе Бонифации VIII («вошел как лиса и умер как собака») и отсылает к идее тирании, представленной прототипом фараона, который мучает народ Израиля (*Savonarola G*. Prediche sopra l'Esodo / A cura di P. G. Ricci: In 2 vol. Roma, 1955. Vol. 1. P. 179; *Marietti M*. La figura del tiranno nella predicazione di Girolamo Savonarola // Chroniques Italiennes (Série Web). 2006–2007. № 11 (1). P. 1–27).

го»,[49] т. е. хотят «себѣ разширят предѣлы дръжавъ своихъ», развязывая войны между собой и проливая кровь верующих народов, ведя себя как «дикие звери», не заботясь о христианах, преследуемых в исламском мире. В то время как вновь смыкаются темы пути и пустыни («Пустъ убо сеи путь») и обыгрывается, как отметила Журова, созвучие между этими словами,[50] автор красочно описывает унылую картину христианских держав, погрязших в междоусобной войне и игнорирующих угрозы Османской империи, — тревожная тема греческой диаспоры, а также проповеди Савонаролы.

Василия, «вдовьства ризами одѣана <...>, от дивиихъ звѣреи объемлема, и лютѣ от них растерзаема», представляется образом, который находит соответствие, хотя и в иной форме, в описании воинствующей Церкви, предложенном Савонаролой в его «De ruina ecclesiae»:

Povra va con le membra discoperte,
I capei sparsi e rotte le girlande;
Ape non trova, ma a le antique giande
Avidamente, lasso, si converte.
Scorpio la punge e l'angue la perverte,
E le locuste le radice afferra:
E così va per terra
La coronata e le soe sante mani
Biastemata da cani...[51]

Бедная, идет она с обнаженными членами,
Растрепанными власами и разорванными гирляндами;
Пчел не находит она, но к старым желудям,
Увы, жадно припадает.
Ее жалит скорпион и поражает змея,
И саранча уязвляет ноги (дословно: корни. — *А. Т.*):
И так шествует по земле,
Увенчанная, <воздев> свои святые руки,
Облаянная псами...

Савонарола так комментирует свой текст: «Da li Infedeli, li quali dicono: s'el fusse vera la Fede Cristiana, non viveriano li cristiani a questo modo» («От неверных, которые говорят: если бы христианская вера была истинной, то христиане так бы не жили»).[52] Эта тема указана Максимом Греком среди главных аргументов проповеди Савонаролы в сочинении «Повѣсть страшна и достопамятна и о съвръшеном иночьскомъ жительствѣ». В ней автор уделяет большое внимание суду над феррарском братом: «и глаголаше часто: „Аще бы мы жительствовали достоино Еуаггелию Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языкы обратилися бы къ Господу, зряще наше равноаггельно житие, и было убо бы нам сие вь спасение велико и наслажение вѣчных благъ. Нынѣ же, супротивно еуаггельскых заповѣдеи живуще, и ниже себе исправляемымъ, ниже иныхъ к благочестию руководити печемся, — что ино мы слышатио чаемъ от праведнаго Судии, развѣ сего: «Горе вамъ, книжници и фарисее, лицемѣры, яко затворяете Царство Небесное пред человекы; сами не входите и хотящая внити възбраняете имъ»“ (Мф. 23: 13)».[53]

---

[49] Очевидна отсылка к Фил. 2: 21, которая, однако, не отмечена в изданиях Плача (*Максим Грек, преп*. Соч. Т. 2. С. 270).

[50] Семантическая емкость понятия «путь» подчеркивается присутствием в Слове цитат из Псалма 118, в композиции которого этот образ является важным мотивом (см.: *Журова Л. И*. Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 223).

[51] *Savonarola G*. De ruina ecclesiae. P. 8.

[52] *Savonarola G*. Rime. P. 106.

[53] Это произведение опубликовано: *Журова Л. И*. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 239–258 (в особенности см. с. 252). Для толкования части Повести страшной, посвященной

«Послѣдняя печаль» Василии возникает из-за отсутствия пророков, которые были бы охвачены «божественною ревностью», как это было в прошлом, и умели бы поправлять «обручникы моя бесчинствующих».[54] Максим Грек перечисляет фигуры наиболее важных пророков из Ветхого Завета наряду с правителями, которых они обличали и направляли, начиная с Самуила и Саула, Нафана и Давида. Процитировав Илию и Елисея и переходя далее к священной истории, героиня взывает к свидетельству епископов первых веков: Амвросия, который сумел противостоять императору Феодосию,[55] Василия Великого во времена Валента и, наконец, Иоанна Златоуста, «сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксию изъбличившаго, не стерпевша презрѣти теплыя слезы бѣдныя оны вдовыне».[56] И заключает: «Како убо неправеднѣ ли вдовѣющеи женѣ подобна сѣжу, при пути пустѣ окааннаго, глаголю, вѣка нынѣшняго, таковых поборниковъ и ревнителех лишена. Сицева убо безгодная моа, о преходниче, достоина рыдании многъ».

Справедливо было отмечено, что образ вдовы традиционно появляется в произведениях церковных писателей, чтобы обозначить христианскую общину, лишенную своего епископа. В истории русской митрополии можно указать на период, следующий за удалением митрополита Исидора и предшествующий решению московского Синода избрать митрополитом Иону, что фактически открыло путь к автокефалии Русской Церкви.[57] Новая перспектива, предлагаемая греческим монахом в России, состоит именно в семантическом смещении от вдовства некой христианской общины, лишенной епископа, к обществу, в котором отсутствует гражданская власть, гарантирующая порядок и безопасность.[58] С этой точки зрения мы можем соотнести письмо царя Ивана Грозного к Стоглавому собору с идеями Максима Грека, корни которых надо искать в его итальянском опыте, хотя и переработанном применительно к размышлениям об императорской власти в византийской традиции. Не случайно и то, что Максим Грек советует юному царю читать сочинения византийского происхождения: от Поучения монаха Агапита до письма патриарха Фотия.[59]

Плач завершается призывом Василии к путнику молиться о том, чтобы ее супруги наконец-то отвратились от их дурных деяний и «да сподобятся, праведною и богоугод-

---

Савонароле, см.: *Garzaniti M.* Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze). P. 41–74.

[54] Идея, что «цари и правители» все по призванию «обручникы» с Василией, не только возникает из понимания «тела» в теологии ап. Павла, но и подтверждает влияние Савонаролы в Плаче, когда в начале «De ruina ecclesiae» говорится о «membri de l'eterno Sposo» («членах вечного Мужа»), и в особенности напоминает приведенное выше дантовское видение вдовствующего Первого Рима.

[55] Надо помнить, что миланский епископ Амвросий порицал поведение императора именно в течение своего пребывания во Флоренции, когда освящал Базилику Сан-Лоренцо (393), в которой был погребен Лоренцо Великолепный (1492) после пышных похорон в церкви Сан-Марко.

[56] О знаменитом эпизоде, подтолкнувшем Златоуста к сравнению императрицы с ветхозаветной Иезавелью, см.: *Ommeslaeghe F. van.* Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. Le dossier et les origines d'une légende // Analecta Bollandiana. 1979. Vol. 97. № 1–2. P. 131–159.

[57] Предложив очень ценную подсказку, П. Гонно делает отсылку к письму митрополита Ионы, написанному после его избрания Синодом, собравшимся в Москве в 1448 году (*Gonneau P.* [Rezension über:] Michail M. Krom, «Vdovstvujuščee carstvo». Političeskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2012. № 1. P. 27–28), в котором прелат жаловался, что «коликое лѣтъ церковь Божія вдовствовала безъ болшаго Святителя, безъ Митрополита» (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 86, № 43). О культурных и социальных последствиях автокефалии в русской истории см.: *Garzaniti M.* Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della «santa Russia» // Giorgio La Pira e la Russia / A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005. P. 223–239.

[58] По нашему мнению, в обстоятельном труде о детских и юношеских годах Ивана Грозного М. М. Кром не уловил основополагающее новаторство, которое Максим Грек ввел в Россию по следам западной традиции (*Кром М. М.* «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 7).

[59] *Garzaniti M.* Michele Trivolis / Massimo il Greco (1470 circa — 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // Cristianesimo nella storia. 2015. № 2. P. 361.

ною властию ихъ земскою, получити бесконечнаго царствиа небеснаго съ всѣми, иже благовѣрно и богоугодно устроишя земскую сию царскую дръжаву».

Если принимать во внимание речи Василии и представление персонажа в начале диалога, можно разделить сочинение Максима Грека на вступление и три части, которые развивают три вида размышлений о драматическом состоянии мира в настоящем и о главных исполнителях — царях и князьях.[60] В первой части через аллегорический образ описывается человеческое общество, погруженное в пороки и управляемое несправедливыми и жестокими правителями, и иллюстрируются идеалы справедливости и мира через образ Мелхиседека, царя Шалема, в мессианской перспективе, подчеркнутой обширной цитатой из второго Псалма. Во второй части поднимается этический вопрос на основе одной изысканной библейской экзегезы, в которой утверждается возможность выйти из драматической ситуации посредством радикальных изменений, избегая пагубных примеров, таких, например, как Ирод и народ Израиля в пустыне. Наконец, в третьей части, в которой доминирует эсхатологическая перспектива, в свидетели призываются ветхозаветные пророки и отцы Церкви, которые, даже будучи преследуемыми, направляли народ в Царство Божие, не боясь противостоять власти.

Таким образом, мы выходим за границы исключительно политического и земного пространства русского царства, хотя и очень подробно представленного внутри интерпретации общей истории человечества, в которой определяются отношения между властью земной и Царством Божьим. Пророческие фигуры берут на себя основополагающую роль, так как способны призвать сами власти к их миссии. Что касается настоящего времени, то звучит призыв преодолеть разногласия между христианскими державами, открывающие двери исламской опасности.

С самого начала пророческая литература берет на себя важную роль в произведении посредством различных цитат и некоторых основных топосов, а равно посредством обращения к отдельным фигурам и перечитывания в пророческом ключе истории Церкви. Не случайно и то, что Максим в ходе своей деятельности собрал ряд отрывков из пророческих книг, которые впоследствии были помещены в его собрание сочинений.[61] Сама роль путника — авторская персонификация — должна быть интерпретирована как преследуемый/гонимый (?) и несправедливо обвиненный пророк. Сам Максим Грек прямо идентифицирует собственную судьбу с судьбой ветхозаветного патриарха Иосифа, проданного фараону своими братьями, но «спасенного Богом».[62]

Поэтому оказывается сложно на основе названных тем определить, когда произведение было задумано. Конечно, глубоко печальная жалоба Василии и апокалиптическое видение, в котором описывается современный мир, заставляют думать о периоде, достаточно отдаленном от того времени надежд, которыми было ознаменовано прибытие Максима в Москву (1518), и отсылают скорее к годам после долгого заключения в Волоколамском монастыре, когда уже человеческие утешения растаяли и упования на примирение христианского мира и его совместные действия против исламской опасности угасли. Размышление становится глубоко тревожным, но в то же время более отстраненным в общем видении истории, в которой с большей ясностью проступают те пророческие фигуры, которые умели указать путь даже в самые темные времена. Именно роль *старца* в монастыре Св. Троицы вместе с уважением и заступничеством

---

[60] Принимая во внимание диалогическую форму произведения, Журова формально выделила в нем пять частей на основе чередования вопросов и ответов главных героев (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 220).

[61] Рукописной традиции этой антологии, которая, кроме прочего, присутствует в Собрании Иоасафа (РГБ. Собр. МДА. Ф. 173. № 42), Х. М. Олмстед посвятил важное исследование, в котором делает несколько интересных замечаний о присутствии этих текстов в оригинальных сочинениях афонского монаха (*Olmsted H. M.* A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. № 3. P. 1–73).

[62] Эту параллель между собственной судьбой и судьбой патриарха Иосифа можно прочесть в письме 1542 года к князю П. И. Шуйскому, который проявлял интерес к его участи (*Максим Грек, преп.* Соч.: В 3 т. Казань, 1894–1897. Т. 3. С. 415–420; особенно с. 416–417).

митрополита Макария могли позволить Максиму Греку написать такое смелое и суровое произведение в отношении правителей своего времени, подтверждая косвенным образом его создание в годы, примыкавшие к Стоглавому собору.

Приблизительно в те же годы переживание сходного отстранения от мира, погруженного во зло, и тревожного мессианского ожидания испытывал, будучи уже глубоким старцем, другой почитатель Савонаролы — Микеланджело Буонарроти:

Il mondo è cieco e 'l tristo esempio ancora
Vince e sommerge ogni perfetta usanza.
Spent'è la luce e seco ogni baldanza,
Trionfa il falso e 'l ver non surge fora.
Deh, quando fie, Signor, quel che s'aspetta
Per chi ti crede? c'ogni troppo indugio
Tronca la speme e l'alma fa mortale.[63]

Мир — в слепоте: постыдного урока
Из власти зла не извлекает зрак,
Надежды нет, и все объемлет мрак,
И ложь царит, и правда прячет око.
Когда ж, Господь, наступит то, чего
Ждут верные тебе? Ослабевает
В отсрочках вера, душу давит гнет...[64]

[63] *Michelangelo Buonarroti*. Rime / A cura di E. N. Girardi. Bari, 1960. P. 139 (sonetto 295).
[64] *Микеланджело Буонарроти*. Поэзия / В пер. А. М. Эфроса. М., 1992. С. 295.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-70-73

© *Л. А. Трахтенберг*

БАСНЯ И. И. ХЕМНИЦЕРА «МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК»: ИСТОРИЯ СЮЖЕТА

Басня «Метафизический ученик», не предназначавшаяся автором для печати и изданная лишь посмертно в редакции В. В. Капниста,[1] — одно из наиболее известных произведений И. И. Хемницера. Ее цитирует, в частности, А. С. Пушкин, критикуя литературную позицию журнала «Московский вестник».[2] Как образец творчества Хемницера вспоминают ее и сегодня.[3]

В критических изданиях источники басни не комментируются.[4] Представляется, что они могут быть установлены. Задача работы — определить возможные источники

[1] *Хемницер И. И.* Басни и сказки: [В 3 ч.]. СПб., 1799. Ч. 3. С. 38–40. № 21 (под заглавием «Метафизик»).
[2] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827. С. 320 (письмо А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 года).
[3] *Лесин Е., Щербак-Жуков А.* В метафизическом беснуясь размышленьи: 275 лет со дня рождения первого русского сатирика и баснописца Ивана Хемницера // Независимая газета. 2020. 15 янв.
[4] *Хемницер И. И.* 1) Соч. и письма по подлинным его рукописям / С биографической статьей и прим. Я. Грота. СПб., 1873. С. 261; 2) Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост. Л. Е. Бобровой; подг. текста и прим. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963. С. 324–325 (Библиотека поэта. Большая сер.); Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. статья и сост. А. Н. Соколова; подг. текста и прим. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969. С. 628 (Библиотека поэта. Большая сер.).

басни «Метафизический ученик» и показать, как на их основе формируется замысел поэта.

В басне Хемницера сын, которого отец посылал учиться за границу, возвращается глупее, чем был, зараженный пустыми и потому вредными умствованиями. Идя по дороге и предаваясь бесполезным размышлениям, он падает в яму. Отец приносит веревку, чтобы вытащить сына, но тот, вместо того чтобы принять помощь, продолжает вопрошать: «Веревка вещь какая?» Веревка кажется ему слишком простым орудием; на слова отца о том, что нет времени придумывать другое, он отвечает еще одним вопросом — на сей раз о природе времени. Раздосадованный отец уходит со словами:

— «А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».[5]

Основная сюжетная ситуация: один персонаж, предаваясь раздумьям и не смотря под ноги, падает в яму, другой укоряет его — зафиксирована в диалоге Платона «Теэтет» (Plat. Theaet. 174a)[6] и широко известна благодаря басне Эзопа «Звездочет»[7] (Perry 40,[8] см. также TMI J2133.8[9]). Сюжет распространен не только в античной литературе,[10] но и в новой. Например, басня «Астролог, упавший в колодец» есть у Ж. Лафонтена (liv. 2, fab. 13). Подобная басня входит в состав русской версии эзоповского корпуса, созданной С. С. Волчковым.[11] Тот же сюжет представлен русской интермедией «Астролог».[12] Астрологическая тема сохранена и у Хемницера, хотя смещена в другую точку сюжета. Уже сидя в яме, герой басни размышляет о причинах своего падения:

«Что оступился я, — ученый заключал,—
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенье».[13]

Аналогии находит и другое, начальное звено сюжета вместе с расстановкой персонажей. Самоуверенный сын, будто бы многому научившись, возвращается к отцу, но быстро обнаруживается, что его ученость мнимая — такой сюжет знаком фольклору.

---

[5] *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 140.

[6] *Plato.* Theaetetus. Sophist / With en English translation by H. N. Fowler. Cambridge, Mass.; London, 1921. P. 120 (ser. «Loeb Classical Library»; № 123); *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; прим. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М., 1993. Т. 2. С. 230 (сер. «Философское наследие»).

[7] Aesopi fabulae / Recensuit Aemilius Chambry. Paris, 1925. Pars prior. P. 140. № 65 (sér. «Nouvelle collection de textes et documents publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé»); Басни Эзопа / Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 75. № 40 (сер. «Литературные памятники»).

[8] *Babrius, Phaedrus.* Fables / Translated by B. E. Perry. Cambridge, Mass., 1965. P. 428 (ser. «Loeb Classical Library»; № 436).

[9] *Thompson S.* Motif-index of Folk-literature: a Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-books, and Local Legends. Revised and enlarged edition: [In 6 vols.]. Bloomington, Ind.; London, 1966. Vol. 4. J–K. P. 184.

[10] *Rodríguez Adrados F.* History of the Graeco-Latin Fable / Translated by L. A. Ray & F. Rojas del Canto. Leiden; Boston, 2003. Vol. 3. Inventory and Documentation of the Graeco-Latin Fable. P. 57–58.

[11] Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Р. Летранжа вновь изданные, а на российский язык переведены ... С. Волчковым. СПб., 1747. С. 294–295. № 90 («Астроном и прохожий»). Летранж — английский писатель; Волчков пользуется немецким переводом его книги, см.: *Николаев С. И.* «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 14–15.

[12] Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк; под ред. О. А. Державиной. М., 1972. С. 287–289 (сер. «Ранняя русская драматургия»; т. 2).

[13] *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 140.

В народном анекдоте «Ученый сын» (AA *2082[14] = СУС 1628,[15] см. также TMI J1511.11[16]) юноша, якобы пройдя курс наук, притворяется, что говорит только по-латыни, и, очевидно считая теперь недостойным себя ручной труд, на просьбу отца поработать отвечает отказом — но, случайно наступив на грабли, тут же вспоминает, как они называются на его родном языке. (Этот сюжет использует Л. Н. Толстой в «Первой русской книге для чтения».[17])

Пример подобного сюжетного синтеза Хемницер, возможно, находит в творчестве Х. Ф. Геллерта, с которым заведомо знаком: сюжеты двадцати трех его басен восходят к творчеству немецкого автора.[18] В басне Геллерта «Крестьянин и его сын»[19] на ситуацию взаимоотношений отца и сына переносится сюжет «Рыцарь и его лживый оруженосец» (Perry 707,[20] см. также TMI X904.2,[21] СУС –1921*[22]) — о мосте, которого будто бы не может перейти обманщик, известный, например, по басне И. А. Крылова «Лжец».[23] Кроме того, завязкой этой басни Геллерта служит возвращение сына из путешествия. Однако темы ложной учености, ключевой и у Хемницера, и в сюжете «Ученый сын», там нет: ее источником русскому поэту, вероятно, служит народный анекдот.

Не ограничиваясь синтезом известных традиции ситуаций, Хемницер разрабатывает финал. Сюжет расширяется за счет диалога, характерного для басенного жанра в его эпоху. Здесь подчеркивается глупость сына, который упорствует в своем заблуждении: он по-прежнему увлечен умствованиями в самый неподходящий для этого момент. Так подготовляется заключающая басню мораль:

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
Да яма надобна большая![24]

Наложение ситуации из басни об астрологе на персонажную модель сюжета о мнимо ученом сыне принципиально меняет смысл. Сюжет о вредных последствиях ложной учености проецируется на проблематику патриархальной морали. На место комически-пародийной трактовки архетипа мудрого старца ставится другой архетип — блудного сына. Но, в отличие от притчи, в басне Хемницера вернувшийся в родной дом герой не раскаивается в своих заблуждениях.

Два сюжетных источника басни Хемницера различает восприятие протагонистом своей учености. Астролог считает, что его мудрость подлинная; непутевый сын лишь притворяется образованным. Протагонист у Хемницера в этом отношении напоминает астролога у Эзопа. В фигуре же отца-резонера соединяются образы обоих источников. Он осуждает сына одновременно с позиций здравого смысла и родительского авторитета.

---

[14] *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 112.

[15] Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979. С. 337. См. также: The Types of the Folktale: a Classification and Bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson. 2nd revision. Helsinki, 1961. P. 462–463. № 1628 (ser. «Folklore Fellows Communications»; № 184).

[16] *Thompson S.* Motif-index of Folk-literature. Vol. 4. P. 119.

[17] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. М., 1957. Т. 21. С. 123 («Ученый сын»).

[18] *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Хемницер Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века: [В 3 вып.]. СПб., 2010. Вып. 3. С. 342.

[19] *Gellert C. F.* Sämmtliche Schriften. Neue verb. Aufl.: [In 10 Teile]. Leipzig, 1775. T. 1. Fabeln und Erzählungen. S. 149–150.

[20] *Babrius, Phaedrus.* Fables / Translated by B. E. Perry. P. 603–605. См. также: Басни Эзопа / Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. С. 234–235. № 58 (17) (средневековая басня «Воин, лиса и оруженосец»).

[21] *Thompson S.* Motif-index of Folk-literature. Vol. 5. L–Z. P. 517.

[22] Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. С. 377.

[23] *Крылов И. А.* Басни / Изд. подг. А. П. Могилянский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. С. 53–55. Кн. 2, басня 13 (сер. «Литературные памятники»). О сюжетных параллелях см. также комм. А. П. Могилянского на с. 362.

[24] *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 140.

Басенные и фольклорные источники не объясняют проблематики, к которой обращается Хемницер. Но она обычна для его эпохи. Одна из основных проблем русской сатиры XVIII века — ложное просвещение в противопоставлении истинному.

Ложное просвещение понимается, прежде всего, как бездумное подражание иностранцам.[25] Для русской культуры эта проблема особенно актуальна благодаря вестернизации — наследию Петровской эпохи. Впрочем, подобную проблематику разрабатывают и зарубежные писатели — например, Л. Гольберг в комедии «Jean de France». В это время русские сатирики не раз выводят молодого человека, вернувшегося из-за границы хуже, чем был до отъезда. Таков, например, Иванушка из «Бригадира» Д. И. Фонвизина (комедия Гольберга, видимо, служит русскому драматургу образцом[26]). Сатирические «Ведомости» в журнале Н. И. Новикова «Трутень» изображают «молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею».[27] Подобный герой действует и у Хемницера.

Применение сюжетов басни и народного анекдота к этой проблеме раскрывает ее с неожиданной стороны. Обычно сатирики XVIII века обличают подражание иностранной (прежде всего французской) моде, внимание к внешности, а не к уму. Типичный сатирический персонаж этой эпохи — щеголь, который принимает за просвещение знание французского языка, умение вести светскую беседу и петь любовные «арии». У Хемницера вопрос ставится иначе. Речь действительно идет о философских размышлениях;[28] бесполезными сатирик признает именно их.

Характер этих абстрактных, оторванных от реальности раздумий персонажа ведет еще к одному аспекту проблемы ложного просвещения. Возможно, здесь можно видеть антимасонскую полемику. Как и многие современники, Хемницер отвергает претензии масонов на мудрость, противопоставляя их умозрительным рассуждениям естественно-научное знание.[29]

Соединяя знакомые сюжеты, Хемницер формулирует актуальный общественный вопрос своей эпохи на языке древней литературной и фольклорной традиции. Проблема современности переносится в сферу архетипов. Возможно, этот синтез и определяет исторический успех его басни.

---

[25] *Рогов К. Ю.* Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 3–4.

[26] *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд., доп. М., 1916. С. 82–83.

[27] Трутень. 1769. № 6. Статья 8. С. 45–46.

[28] См.: *Вацуро В. Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. С. 134.

[29] *Марасинова Е. Н.* И. И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 234.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-73-86

© ***Н. А. Хохлова***

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 1

С. Ф. Платонов в «Лекциях по русской истории» так описывал становление русской исторической школы: «Впервые ряд научно-критических приемов в изучение русской истории внес <...> *Шлецер* (1735–1809). <...> Выехав из России и будучи

профессором Геттингенского университета, он неустанно работал над теми выписками из летописей, которые ему удалось вывезти из России. Результатом этой работы был знаменитый труд, напечатанный под заглавием „*Нестор*“. <...> Труд его далеко оставлял за собою все прочие по степени научного сознания и приемов автора. Эти приемы создали у нас как бы школу учеников Шлецера, первых ученых исследователей, вроде М. П. Погодина. После Шлецера стали возможны у нас строгие исторические изыскания, для которых, правда, создавались благоприятные условия и в другой среде, во главе которой стоял *Миллер*. Среди собранных им в Архиве Иностранной коллегии людей особенно выдавались Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. Они создали первую школу ученых архивариусов, которыми Архив был приведен в полный порядок и которые <...> производили ряд серьезных ученых изысканий <...>.

В начале XIX века создался, наконец, и первый цельный взгляд на русское историческое прошлое в известной „Истории государства Российского“ *Н. М. Карамзина*. <...> Свою систему русской истории Карамзин изложил увлекательным для своего времени языком, а свой рассказ он основал на многочисленных изысканиях, которые и до нашего времени сохраняют за его Историей важное ученое значение».[1]

Биография А. И. Тургенева-историка уникальна: ему довелось пройти все эти «школы». Первым местом его службы был Московский Главный архив Коллегии иностранных дел, а первым «начальником по службе» — легендарный ученый-архивариус Н. Н. Бантыш-Каменский. Впоследствии Тургенев стал деятельным «разработчиком» этого Архива.[2]

Его научные интересы сложились в Геттингенском университете под руководством профессора А.-Л. Шлецера. Тургенев был не только лучшим его русским студентом, но и личным другом; принимал посильное участие в составлении «Нестора».[3]

Вернувшись в Россию, он стал очевидцем работы Карамзина над «Историей государства Российского», а вскоре — его самым ревностным помощником. Тургенев — современник и непосредственный участник эпохи небывалого научного энтузиазма — деятельности исторических обществ, Румянцевского кружка, экспедиций К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, Археографической комиссии.

Результатом его собственной работы, которой он посвятил около 20 лет жизни, проведенных за границей, стало двухтомное издание «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым», осуществленное Археографической комиссией в 1841–1842 годах, а также ряд публикаций. Тургенев собрал огромную коллекцию копий с исторических документов, которая при его жизни была открыта всем заинтересованным лицам и которая поныне хранится в его архиве.

Он не был академическим ученым, точнее, не стал им, отказавшись от той стези, которую предначертал ему Шлецер. Однако несомненно, что биография Тургенева, уникальная с точки зрения научных достижений, богатства событий и разнообразия знакомств, должна быть предметом специального изучения, о чем писал А. А. Сабуров еще в 1939 году: «У Ал. И. Тургенева есть еще одна заслуга, оцененная значительно менее, чем его заграничные корреспонденции. Он — один из основоположников русского исторического источниковедения. Если бы он не был либеральным посетителем европейских салонов и плодовитым корреспондентом русских писателей, а только

---

[1] *Платонов С. Ф.* Очерк русской историографии // Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 10–11.

[2] Служба в Архиве (в должности юнкера, а затем переводчика) продолжалась полтора года: с июня 1800-го по январь 1802 года, когда Тургенев надолго уехал с родителями в Петербург, а затем отправился в Геттингенский университет. Хотя о ее фактической стороне практически ничего не известно, можно утверждать, что для 16-летнего Тургенева, как и для других «архивных юношей», она была, в сущности, номинальной, являясь начальной ступенью к статской службе. В иной проекции — в перспективе научной биографии Тургенева — этот краткий период предстает не как формальный эпизод, а как своего рода пропилеи его археографической деятельности.

[3] Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache / Verglichen, von Schreibfelern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von A. L. von Schlözer. Göttingen, 1802–1809. T. 1–5.

собирателем исторических актов, касающихся России, если бы эта его работа не была заслонена образом беспорядочного интеллигента, историческая наука, наверное, дала бы ему надлежащую оценку».[4]

«Надлежащей оценки» до сих пор нет. Тургенев-литератор и общественный деятель «заслоняют» Тургенева-историка даже в специальных работах. По интересующей нас теме существует лишь одно исследование — диссертация М. Б. Мокроусовой «Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева».[5] Первую ее часть, в высшей степени идеологически ангажированную, следует признать устаревшей. Вторая представляет интерес как свод фактических сведений, собранный с большой тщательностью и структурно хорошо организованный. В сжатом изложении диссертация увидела свет в виде статьи (к сожалению, крайне ограниченного объема) «А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России». Свои задачи автор определила так: «...по свидетельствам дневников, писем, корреспонденций и коллекции исторических источников, принадлежавшей А. И. Тургеневу, восстановить историю его работы в архивах Европы и дать представление о содержании, публикации и использовании найденных им исторических документов».[6] Исследование Мокроусовой, отнюдь не исчерпав тему, заложило основы для ее дальнейшего изучения. Вне поля зрения оказался биографический аспект, личные и служебные обстоятельства, в которых разворачивалась деятельность Тургенева-археографа. «Главной причиной, — писала М. Б. Мокроусова, — помешавшей полному осуществлению его замыслов, были препятствия со стороны царских чиновников при издании документов. Все это ограничило рамки работы А. И. Тургенева частным собирательством».[7]

Попытаемся, по возможности, восстановить подлинную картину. В настоящей статье мы ставим весьма частную задачу — исследовать обстоятельства (главным образом служебные), в которых протекала археографическая деятельность Тургенева.[8]

Отправляясь в Германию, в Геттингенский университет, Тургенев мыслил себя литератором. За два учебных года, которые он провел там (1802–1804), произошли колоссальные изменения в его мировоззрении, интеллектуальных устремлениях, во всем духовном облике. Шлецер «влил в меня охоту ко всему, что касается до Истории великого моего Отечества», — признавался Тургенев в дневнике 1803 года.[9] «Именно в первый осенний семестр 1802–1803 гг., — пишет Е. Л. Рудницкая, — Шлецер начал читать „Историю северных государств. Наиболее Российской империи“. Это был вообще первый университетский курс русской истории».[10]

Как известно, основным источником сведений о взаимоотношениях Шлецера и Тургенева являются дневники и письма последнего, относящиеся к геттингенскому периоду (они составляют второй выпуск «Архива братьев Тургеневых»). Достаточно сказать, что на 500 страницах этой книги имя Шлецера — подлинно кумира — упоминается 312 раз!

Под его руководством Тургенев сложился как историк-источниковед, археограф, у него появились первые публикации и серьезные научные замыслы. Сохранился

---

[4] *Сабуров А. А.* Александр Тургенев // Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подг. текста, вступ. статья и комм. А. А. Сабурова. М., 1939. С. 21.

[5] *Мокроусова М. Б.* Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

[6] *Мокроусова М. Б.* А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4. С. 37.

[7] *Мокроусова М. Б.* Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева. С. 17.

[8] Работа основана на материалах архива братьев Тургеневых (Ф. 309), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Далее при цитировании материалов этого фонда указываются номер единицы хранения (с пометой «ст.», т. е. по старому описанию) и лист.

[9] Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введением и прим. В. М. Истрина. С. 244.

[10] *Рудницкая Е. Л.* Александр Иванович Тургенев // Тургенев А. И., Тургенев Н. И. Избр. труды. М., 2010. С. 11.

объемный «журнал» под названием «Выписки. 1803–1804», дающий зримое представление о научной подготовке геттингенского студента (Ед. хр. ст. 2063. 114 л.). Он содержит обширные реестры книг по русской истории, выписки, мысли, проекты предполагаемых работ. Вот некоторые из них: «описать системы Гоббса, Пуфендорфа и Руссо и представить различия их» (л. 69); «выдать в России снова Шлецеровы сочинения на русском» (л. 70); подготовить «Собрание трактатов: торговых, мирных и пр., заключенных Россиею с прочими как европейскими, так и азиатскими государствами, расположив по хронологическому порядку» (л. 70 об.); «постараться с помощью Московского архива и особенно Каменского выдать начало русской дипломатики» (л. 76);[11] «написать особую диссертацию о крещении Владимира вел<икого>» (л. 79).

Путешествие по славянским землям, предпринятое вместе с А. С. Кайсаровым во второй половине 1804 года, было в точном смысле научной экспедицией — первым опытом применения на практике пройденной в Геттингене школы (заметим: спустя десятилетие подобные экспедиции станут неотъемлемой частью работы Румянцевского кружка). В ходе путешествия велись исторические, лингвистические, фольклорно-этнографические и археографические разыскания. Недавние студенты стали первыми русскими исследователями монастырских библиотек, где снимали копии с документов.[12]

В Геттингене Тургенев начал собирательскую деятельность: посещал аукционы, приобретал рукописи и книги. «Приехав в Москву, первое мое старание будет собирать, сколько можно, совершенную библиотеку для Русской Истории, между прочим, и источников ее (Urkunden), особливо в Московском архиве, где еще и по сю пору множество лежит неизвестных сокровищ...» — записал он в дневнике 9 июня (28 мая) 1803 года.[13] Изучение истории России, коллекционирование источников было органической частью просветительских воззрений, усвоенных Тургеневым еще в отеческом доме, а в сословном отношении могло рассматриваться как обязанность русского просвещенного дворянина.

Шлецер-публицист, признанный авторитет в европейской политике, оказал также мощное воздействие на формирование историософских и политических взглядов своего студента. По образному выражению Г. Леман-Карли, последний «не только получил в Геттингене образование историка „старой“ России, но и обрел статус свободно мыслящего государственного деятеля „новой“ России».[14] По-видимому, именно в эти годы Тургенев впервые высказал сомнение в легитимности крепостного права: «приехав в Россию, — записал он в упомянутом выше „журнале“, — задать вопрос русским историкам: с какого времени и по какому случаю произошло в России рабство? Можно доказать, говорит Шлецер, из Судебника, что при Иване Васильевиче еще его не было» (Ед. хр. ст. 2063. Л. 71).

Безусловный сторонник просвещенной монархии, видя «дней Александровых прекрасное начало», он воспринимал свое студенчество как необходимый «приуготовительный» этап к государственной службе. Эта тема — один из лейтмотивов его писем к родителям; зачастую она приобретает полемический оттенок, как, например, в письме от 25 января 1804 года: «По приказанию вашему и зная à peu près ход дел в России, я, конечно, должен готовиться ко всякому роду службы; но ведь вам известно, что здесь

---

[11] Имеется в виду Н. Н. Бантыш-Каменский. Свыше 35 лет он работал над сводом документов по истории русской дипломатии, который увидел свет лишь на рубеже XIX–XX веков: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год): В 4 ч. М., 1894–1902.

[12] Об этом путешествии см.: *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 9. С. 104–106; *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1958. Вып. 1. С. 191–193 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 65).

[13] Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 225.

[14] *Леман-Карли Г.* Взгляды геттингенских историков на российскую историю и проблема «древней» и «новой» России (А.-Л. Шлецер, А. И. Тургенев, Н. М. Карамзин) // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. С. 56.

нельзя получить навыку или способности работать со временем по делам Канцелярии.[15] Мне хотелось приготовиться к одной какой-нибудь части более, нежели к другой, иначе я бы ни в чем не успел порядочно, а за поверхностными знаниями не за чем было ездить в Геттинген; этого добра и у нас довольно. <...> Мне кажется, что теперь в России всякой имеет право выбирать такой род службы, к какому он себя находит способным, и в царствование Александра I-го нельзя бояться, чтобы из генералов-инфантерии пожаловали кого-нибудь в генерал-прокуроры. Впрочем, я смотрю на предметы издали и могу легко ошибаться. <...> Только мне кажется это теперь невозможным, иначе зачем же, когда хотели наградить Карамзина, не произвели его по-прежнему в чин, а поручили талантам его сообразную должность русского Историографа?»[16]

Тургенев не без настояния родителей, которые с тревогой наблюдали за его «чрезмерным» увлечением науками, выбрал стезю государственной службы, но с очень существенной оговоркой: «Что же касается до моего определения к Ник[олаю] Ник[олаевичу] Новосильцову, <...> я этому очень рад, естьли буду употреблен по делам учености».[17]

В 1806–1824 годах, в эпоху блестящего карьерного восхождения, когда он занимал высокие должности, это желание могло осуществиться только отчасти. Волею судеб он оказался определен «по делам учености» в тот период, который исследователи его биографии обычно именуют «годы странствий». Собственно археографическая деятельность — самостоятельная и целенаправленная, которая завершилась в начале 1840-х годов изданием «Актов исторических...», составивших Тургеневу имя в научном мире, началась в 1832 году. Между тем исследовательский сюжет, определивший его научную судьбу, завязался гораздо раньше — «путевку в жизнь» он получил от Н. М. Карамзина.

Карамзина и Тургенева объединяли многообразные личные и дружеские связи, восходящие еще к кругу И. П. Тургенева. Постепенно почтительное, сдержанное отношение к историографу сменилось у Тургенева и его ближайших друзей, прежде всего у Жуковского, чувством благоговейного почитания. О «культе Карамзина» написано много и в разных жанрах.[18]

Существует внушительный корпус документальных материалов, который раскрывает картину их взаимоотношений.[19] Центральное место принадлежит письмам Карамзина к Тургеневу; впервые они были опубликованы М. П. Погодиным в 1855 году, а в 1899-м изданы с дополнениями и уточнениями В. И. Саитовым.[20]

Сосредоточившись на изучении личных, дружеских, литературных связей, исследователи практически обошли вниманием важнейшую ипостась взаимоотношений Карамзина и Тургенева — их научное общение, столь ярко запечатлевшееся в письмах, опубликованных Саитовым. Можно утверждать, что переписка Карамзина и Тургенева

---

[15] Имеется в виду Канцелярия товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцева, куда Тургенев был «перемещен» из Архива Коллегии иностранных дел в апреле 1805 года (из формулярного списка от 1839 года: Ед. хр. ст. 1234. Л. 1 об.). Шлецер, узнав о предполагаемом месте службы Тургенева, писал: «Я вовсе не безутешен: и в политической, и в придворной карьере <...> Вы всегда останетесь неоценимы для русской истории, Вы будете там (на службе. — *Н. Х.*) изыскивать работников в более низких классах, ободрять и наставлять их» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 305–306; письмо от 18 (30) июля 1804 года; перевод наш. — *Н. Х.*).

[16] Там же. С. 146–147. A peu près (*фр.*) — почти, приблизительно.

[17] Там же. С. 134 (из письма родителям от 28 декабря 1803 года).

[18] См., например: *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 132–167.

[19] Там же. См. также: *Карамзин Н. М.* Письма к братьям. 1786–1826 / Сост., подг. текста и прим. В. А. Сукайло. Ульяновск, 2013. С. 605–621; *Сапченко Л. А.* Зеркало души: Н. М. Карамзин по его письмам. Ульяновск, 2016.

[20] Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Публ. <М. П. Погодина> // Москвитянин. 1855. Январь. № 1; Декабрь. № 23–24; Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Публ. В. И. Саитова // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3; Т. 98. № 4. Об истории этой публикации см.: Новонайденные письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Вступ. статья, подг. текста и прим. Н. А. Хохловой // XVIII век. СПб., 2020. Вып. 30. С. 413–448.

была в значительной степени научной. О правомерности темы «Тургенев — помощник Карамзина в подготовке „Истории государства Российского“» заявлялось не раз, но до сих пор она остается неразработанной. Так, например, А. А. Сабуров писал о Тургеневе: «В период петербургской жизни (1806–1825 гг.) он <...> успевал помогать Карамзину в собирании источников русской истории, и еще неизвестно, какова его доля в труде знаменитого историографа».[21]

Карамзин особенно нуждался в помощи своих друзей, в том числе Тургенева, до переезда в Петербург (1816) и до блестящего успеха, которым ознаменовался выход в свет первых восьми томов «Истории государства Российского» (1818). В лице Тургенева он обрел не только безусловного почитателя и эрудированного помощника, но и весьма сановного петербургского «поверенного в делах» — как научных, так и житейских.

Связи Тургенева, прежде всего с Н. Н. Новосильцевым, курировавшим работу историографа, собственный интерес к историческим изысканиям, богатая личная библиотека,[22] а также административные полномочия, которыми он был наделен как один из руководителей Министерства духовных дел и народного просвещения, позволяли выполнять многочисленные поручения Карамзина по отысканию необходимых книг и рукописей. «Карамзин с тех пор, как начал писать Историю, — утверждал М. П. Погодин, — все нужные для себя книги получал посредством Тургенева, который посылал ему иные даже без его указания и тем содействовал очень много успеху его труда».[23] Поиск источников для «Истории государства Российского» и их критика — одна из центральных тем их переписки.

С ней тесно связана другая. Тургенев, по собственному выражению, «старался быть посредником между теми, кои в то время разрабатывали темное поле древней российской истории <...> и нашим историографом».[24] Как ранее он помогал поддержанию научных контактов между Шлецером и Карамзиным,[25] так в описываемый период стал посредником между историографом и высоко им чтимыми петербургскими академиками А. Х. Лербергом, Ф. И. Кругом, Х. Д. Френом. (Здесь уместно отметить, что общее руководство делами Академии наук осуществлялось Департаментом народного просвещения «Объединенного министерства».)

Важнейший эпизод научного общения с Карамзиным связан с приобретением Тургеневым так называемых «Актов Альбертранди», которые вошли в корпус источников «Истории государства Российского». Фактическая сторона этого события достаточно известна; между тем его значение для археографической деятельности самого Тургенева, более того, для его личной и служебной биографии не оценено.

25 ноября 1809 года он писал брату Николаю, студенту Геттингенского университета: «На сих днях приехавший из Москвы Александр Я[ковлевич] Булгаков, который также со мною живет, привез мне славную рукопись, состоящую из 72-х пиес, выписанных из Ватиканской библиотеки по повелению последнего Короля Польского тогдашним аббатом, а после бывшим епископом Албертранди. Это единственное сокровище в Европе! Все сии выписки касаются только русской истории и сношений наших с Папским и Польским двором, начиная с 1075-го по 1672-й год. Булгаков позволил

---

[21] *Сабуров А. А.* Александр Тургенев. С. 22.

[22] 2 ноября 1809 года Тургенев писал брату Николаю Ивановичу: «Когда мы, наконец, все соберемся под одну кровлю, наши книги составят прекрасную и редкую библиотеку. Моими книгами пользуется даже Императрица. <...> Впрочем, это мое единственное утешение, и книги мои приносят мне даже пользу по службе. Я работаю по таким частям, для которых материалы только у меня есть» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 402).

[23] Воспоминание М. П. Погодина об А. И. Тургеневе // Русский архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 461.

[24] Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 227.

[25] В последние годы жизни Шлецера, в 1808–1809 годах, Тургенев поддерживал связь с ним через брата Николая Ивановича, в ту пору студента Геттингенского университета (см.: Письма к Николаю Ивановичу Тургеневу в Геттинген. 1808–1810 гг. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 357–440).

мне списать с этого копию. Выписки писаны собств. рукою Албертранди на латинском, итальянском и польском языках».[26]

Владельцем рукописи был известный русский дипломат Я. И. Булгаков. Будучи послом России в Варшаве в 1790–1792 годах, он получил ее в дар от польского короля Станислава Понятовского (или, по сведениям Тургенева, от самого Альбертранди (Ед. хр. ст. 1076. Л. 54)). Выйдя в отставку, Булгаков поселился в Москве. Александр Иванович был вхож в гостеприимный дом этого просвещенного вельможи, а его сыновья — впоследствии знаменитые почт-директоры А. Я. и К. Я. Булгаковы — были его «вечными спутниками», начиная с Архива Коллегии иностранных дел. Я. И. Булгаков скончался 7 (19) июля 1809 года, и его сын, зная об увлечении Тургенева, показал, а позже подарил ему раритет из богатого книжного собрания отца.

Оказавшиеся в руках Тургенева «Акты» были лишь частью обширного наследия Яна Баптиста Альбертранди (1731–1808), о котором писал, в частности, Н. А. Полевой: «Имя Альбертранди должен с почтением произносить каждый историк как имя трудолюбца беспримерного. Посвятив всю жизнь свою собиранию исторических материялов, он долго занимался Ватиканским архивом, объехал Польшу, Германию, Швецию; всюду сам, своею рукою списывал акты и оставил, как говорят, более ста огромных фолиантов мелкой скорописи всего им собранного. Трудолюбие непостижимое! Альбертрандиевы выписки драгоценны еще тем, что он был приготовлен к труду обширным учением. <...> том собрания его, находившийся у г-на Тургенева, <...> был одним из самых важнейших пособий Карамзину, а между тем материялы для русской истории Альбертранди собирал мимоходом, ибо главный предмет его был история Польши».[27]

Карамзин пользовался «Актами» при работе над III и VII–XII томами «Истории государства Российского». Историограф подверг их научной критике — известны его замечания на «Акты» (они вошли в публикацию Саитова в качестве дополнений).[28] «С удовольствием сообщу вам, — писал Карамзин Тургеневу 27 июня 1814 года, — некоторые замечания на грамоты булгаковские <...> Хвалю ваше намерение издать их: это полезно и нужно».[29] В одном из примечаний к девятому тому «Истории» Карамзин вполне определенно анонсировал будущую книгу: «Сии любопытные бумаги на языке лат<инском>, итал<ьянском> и польском скоро будут изданы Александром Ивановичем Тургеневым с русск<им> переводом».[30]

Эти строки сыграли в биографии нашего героя значительную роль. Восприняв их как завещание историографа, он заверял: «Постараюсь исполнить священную для меня волю».[31]

Служебная деятельность Тургенева пришлась на время государственных реформ Александра I, на эпоху создания министерств (1802), учреждения Государственного совета (1810), активной деятельности Комиссии составления законов,[32] надежд на преобразование России в конституционную монархию. В этот период служба отнюдь не была рутинной. Она давала возможность практической реализации либеральных устремлений, накопленных знаний, кипучей энергии молодого Тургенева. Впоследствии он

---

[26] Там же. С. 403.

[27] [Полевой Н. А.]. <Рец. на кн.>: Historica Russiae monumenta... Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек д. ст. сов. *А. И. Тургеневым*. Ч. I. СПб., 1841 // Русский вестник. 1842. № 2. Разд. 3. С. 112–113.

[28] Указатель статей в сборнике: «Извлечение из библиотеки Ватикана» с примечаниями историографа // Русская старина. 1899. Т. 98. № 4. С. 235–238 (автограф: Ед. хр. ст. 125. Л. 124–126 об.).

[29] Там же. Т. 97. № 2. С. 466.

[30] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. С. 146 (прим. 408).

[31] Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Т. 97. № 2. С. 466 (прим. Тургенева к упомянутому письму Карамзина от 27 июня 1814 года).

[32] Во главе Комиссии в 1803–1811 годах стоял Н. Н. Новосильцев, а затем М. М. Сперанский, после опалы которого с 1812 года место ее директора занял совет из трех членов, одним из которых был Н. И. Тургенев.

писал: «Жизнь нашего Александра была лучшим временем нашей жизни; время наших надежд, нашей деятельности принадлежит его веку; он был слит со всем нашим лучшим».[33]

1806–1816 годы — период стремительного карьерного роста Тургенева (в 1806-м — коллежский асессор; в 1816-м — действительный статский советник). Вся его служебная деятельность была связана с высшими законодательными и административными органами. Согласно формулярному списку, с 1806 по 1826 год он служил в Комиссии составления законов (помощником референдария, членом Совета, ст. членом Комиссии). Для нашей темы важно, что в качестве помощника референдария он главным образом занимался историей русского права.[34] В Государственном совете исполнял должность статс-секретаря Департамента законов (1812–1825, с перерывами). С момента учреждения Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (1810), а затем преобразования его в «объединенное министерство» духовных дел и народного просвещения был директором Департамента духовных дел (1817–1824).

Тургенев состоял в более или менее тесных служебных отношениях со многими государственными деятелями Александровской эпохи: Н. Н. Новосильцевым, М. М. Сперанским, П. В. Лопухиным, А. Н. Голицыным, а также с представителями высшего церковного клира. Как правитель дел Женского патриотического общества, созданного в 1812 году попечением императрицы Елизаветы Алексеевны, был известен в кругу самых влиятельных петербургских дам.[35] В 1807 году во время поездки Александра I в Тильзит находился в его свите. К 1820 году он был кавалером четырех орденов: Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степени и ордена Св. Анны 2-й степени; в 1818-м (вслед за Карамзиным) удостоен звания почетного члена Академии наук.[36] В 1819 году пожалован в камергеры.

Почти вся служебная деятельность Тургенева прошла под начальством кн. Александра Николаевича Голицына (1773–1844). Она продолжалась с 1810 по 1842 год, исключая «бессрочный» отпуск (1825–1831). Будучи одним из первых лиц государства, Голицын стал для своего подчиненного могущественным покровителем. Отношение князя к Тургеневу было окрашено глубокой личной симпатией, а участие в судьбе полуопального «брата декабриста» после катастрофы 1825 года было поистине отеческим. Голицын известен как выдающийся государственный деятель эпохи Александра I: обер-прокурор Св. Синода (1803–1817); член, а в отдельные периоды — председатель Государственного совета; главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1810–1817); председатель Библейского общества (1813–1826); министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824); член Следственного комитета и Верховного уголовного суда над декабристами; главноуправляющий Почтовым департаментом (1819–1842); канцлер российских орденов (1830–1842).

Переписка Голицына с Тургеневым имеет внушительный объем — более 30 единиц хранения, содержащих около 230 писем.[37] Тем не менее история их взаимоотношений практически не исследована. В связи с этим служебная биография Тургенева известна только до 1824 года; картина его археографической деятельности существенно искажена; влияние Голицына на его религиозные, духовные воззрения не изучено, как недооценены и важные черты его психологического портрета. Причина подобного упущения лежит в идеологической сфере: фигура Голицына, мистика, «гасильника

---

[33] Из письма С. И. Тургеневу при получении известия о кончине имп. Александра I (Ед. хр. ст. 775. Л. 3 об.).

[34] «Определен <...> для преподавания эклектического юридического курса учения и вместе с тем помощником директора высшего Училища правоведения» (из формулярного списка: Ед. хр. ст. 1234. Л. 1 об. — 2 об.).

[35] Был уволен от этой должности 26 июля 1825 года.

[36] Карамзин был избран 28 января, а Тургенев — 18 февраля 1818 года (*Модзалевский Б. Л.* Список членов Императорской Академии наук. 1725–1907. СПб., 1908. С. 86).

[37] В частности, ед. хр. ст. 1059^{12}, $1063_{а}$, 1076, $1076_{д}$, $1102_{а}$, 1103^{4}, 1992.

просвещения», была крайне неудобна в советский период.[38] В наше время интерес к нему возрождается.[39]

К концу 1810-х годов духовная жизнь России во всех своих институциях (официальные учреждения, общества, учебные заведения, цензура) оказалась в ведении Голицына. В 1810 году было создано особое ведомство — Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий. Будучи обер-прокурором Св. Синода, его возглавил Голицын, директором исполнительного органа (департамента) стал Тургенев.[40] Так началась его служба при князе, продлившаяся, как уже упоминалось, почти до конца жизни.

С 1813 по 1826 год в России действовало Библейское общество. Инициатором его учреждения и бессменным президентом был Голицын, а секретарями — Тургенев и В. М. Попов.[41] «За несколько лет работы, — пишет Ю. Е. Кондаков, — Российское библейское общество негласно стало важнейшим учреждением империи. <...> Активным членам Библейского общества давались награды и чины, многие таким образом делали карьеру».[42]

Следующий этап служебной деятельности Тургенева связан с Министерством духовных дел и народного просвещения (1817–1824). Именно это поприще выдвинуло его в ряд государственных деятелей России.

Объединить управление духовной сферой и сферой просвещения следовало на основании монаршей доктрины: «...Чтобы христианское благочестие состояло всегда основанием истинного просвещения, а просвещение способствовало сему благочестию».[43] Структура Министерства отвечала идее его создания — оно состояло из двух департаментов: духовных дел и народного просвещения. Директором первого Департамента (духовных дел) был Тургенев. В мероприятиях Министерства, начиная

---

[38] Вот только некоторые иносказательные характеристики Голицына, встречающиеся в переписке и мемуарах: «известный придворный шут», «типичный иезуит», «покровитель иллюминатов», «милосердный христианин».

[39] Сошлемся на монографию Ю. Е. Кондакова «Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин» (СПб., 2014). По мнению автора, Голицын был прежде всего придворным, фаворитом. Друг детства и юности будущего императора, он был воспитан при дворе Екатерины II и впоследствии пользовался исключительной доверенностью венценосных особ — Александра I и Николая I. От других фаворитов — А. А. Аракчеева и М. М. Сперанского его отличало то, что он был не просто лично предан императору, но относился к нему с чувством любовного обожания, ревниво отстаивая свой приоритет на монаршее внимание. Близость к императору и борьба за нее стали «двигателями карьеры князя» (с. 16). Анализируя природу этих стремлений, исследователь апеллирует в том числе к широко известному факту гомосексуальных наклонностей князя (в связи с этим обычно упоминается эпиграмма Пушкина «На кн. А. Н. Голицына»; 1822). С 1806 года Сперанский начал «теснить» Голицына, который не мог противостоять ему в сфере реформ и законотворчества. Уловив дух времени и все более возрастающую тягу Александра I к мистицизму, Голицын избрал особое поле для нового сближения с императором — поле духовных поисков, пророчеств, мистических предсказаний.

[40] См.: *Арапов Д. Ю., Пономарев В. П.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 14. С. 419–420. Назначение Тургенева последовало 3 сентября 1810 года «с оставлением и в Комиссии законов» (из формулярного списка: Ед. хр. ст. 1234. Л. 3 об.).

[41] В задачи Тургенева как секретаря Общества входили составление годовых отчетов и переписка с отделениями обществ. В этой связи несомненный интерес представляет письмо-отклик Тургенева на известную речь М. Ф. Орлова в киевском отделении Библейского общества в августе 1819 года. Сообщая об «истинном удовольствии», полученном от чтения речи, он отклонил просьбу М. Ф. Орлова о ее публикации в «Русском инвалиде»; равно как и его ходатайство об употреблении средств Библейского общества на содержание ланкастерской школы в Киеве. По мысли Тургенева, «занятия Библейского общества» не следует смешивать «с предметами других обществ» — они идут «к одной, может быть, цели», но «*разными путями*» (Ед. хр. ст. 1456. Л. 1). В период заграничных странствий Тургенев вновь стал членом Библейского общества, куда его ввел барон де Сталь, муж Ж. де Сталь (*Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 88).

[42] *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. С. 92.

[43] Там же. С. 105.

с разработки манифеста об его учреждении,[44] он был «правой рукой» Голицына. Впоследствии свои «правила и главные действия <...> по Департаменту духовных дел» Тургенев «изобразил» в обширном письме-отчете Александру I.[45] В фонде бр. Тургеневых отложились документы, относящиеся к делу о высылке иезуитов из России в 1820 году (Ед. хр. ст. 1154), к известному «делу Госснера» (Ед. хр. ст. 1308), переписка и другие материалы выдающегося эрудита пастора И. А. Фесслера, в судьбе которого Тургенев принимал участие (Ед. хр. ст. 1919), и многие другие.

Консервативный курс, возобладавший в политике Александра I в 1820-е годы, обеспечил успех наступления на Министерство Голицына так называемой «православной оппозиции», а в соединении с внешнеполитическими обстоятельствами стал причиной его падения (май 1824).[46]

В связи с указом о расформировании Министерства Тургенев 19 мая 1824 года писал Александру I: «Семнадцатого текущего месяца, не предваренный никем, узнал <...>, что я снова имел несчастие подпасть гневу Вашего Императорского Величества и что причиною оному *формально* принесенная Вам на меня жалоба преосвященного митрополита Серафима. Слова сии поразили меня».[47] П. А. Вяземскому спустя два дня он сообщал: «Я — жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невероятной. Тебе признался бы я во всем; но говорю искренно, что и тени правды нет во всех обвинениях митрополитом формально, лично Государю, на меня особенно принесенных. Я уверен, что истина восторжествует и, может быть, очень скоро».[48] В чем так горячо оправдывался Тургенев? Сводились ли выдвинутые против него обвинения лишь к тому, что он «нетверд в православии»? Как сын известного масона, он естественным образом мог подпасть под подозрение. (По данным А. И. Серкова, Тургенев был членом «Ложи Полярной звезды», которая работала в 1807–1810 годах и была связана с Комиссией составления законов.[49]) Но вероятнее, что либерального образа мыслей, которому Тургенев не изменил в наступившую консервативную эпоху, было достаточно для обвинения в политической неблагонадежности. Из письма московского генерал-губернатора Д. В. Голицына А. А. Аракчееву от 18 ноября 1824 года явствует, что за ним был установлен тайный надзор.[50]

Мы не располагаем сведениями об увлечении Тургенева мистицизмом, хотя знакомство с его адептами не подлежит сомнению и могло произойти, так сказать, «домашним образом».[51] Тургенев жил с братом Николаем на казенной квартире в доме Министерства духовных дел и народного просвещения (ныне: наб. Фонтанки, д. 20). Голицын занимал здесь два этажа, поэтому в обиходе часто этот дом именовался «домом Голицына» (например, Карамзин многие письма Тургеневу адресовал именно

---

[44] Подробнее см.: Там же. С. 107.

[45] Всеподданнейшее собственноручное письмо действительного статского советника Александра Тургенева от 19 мая 1824 г. // Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I (с 1807–1829 год) / Сост. Н. Дубровин. СПб., 1883. С. 384–388.

[46] Архимандрит Фотий, член триумвирата, возглавившего «оппозицию», в нападках на Тургенева, доходивших до требования его отставки, мог руководствоваться и личными мотивами: в 1820 году «после одной проповеди в Казанском соборе, обратившей на себя внимание директора Департамента духовных дел А. И. Тургенева, Фотий был удален из столицы и назначен настоятелем Деревяницкого монастыря близ Новгорода» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 961 (комм. к эпиграмме «<На Фотия>»)).

[47] Всеподданнейшее собственноручное письмо действительного статского советника Александра Тургенева. С. 384.

[48] Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 46.

[49] *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 814, 1088.

[50] Перевод всеподданнейшего письма князя Дмитрия Голицына 18 ноября 1824 года // Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. С. 394.

[51] Сошлемся на суждение Д. Н. Свербеева, который полагал, что из дневника Тургенева «...открылись бы нам подробные сведения о библейских обществах, о тогдашних мистиках — Лабзине, Голицыне, г-же Крюденер и Татариновой, равно как и о смертной борьбе с ними изуверов Шишкова и Фотия...» (*Свербеев Д. Н.* Мои записки / Изд. подг. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М., 2014. С. 493).

так). Бытие этого дома в конце 1810-х — начале 1820-х годов представляет собой историко-культурный феномен, требующий специального изучения. Достаточно сказать, что в его стенах собирались «интимный кружок» Голицына,[52] Библейское общество, члены «Арзамаса», кружок, сформировавшийся вокруг Н. И. Тургенева и ставший одним из самых значительных центров «либерализма». Не является ли подобная амальгама символическим отражением эпохи Александра I?

Несомненный сторонник просвещения, Тургенев оказался у руля ведомства, прославившегося своим обскурантизмом. Как он относился к чисткам университетов, к разгрому Царскосельского лицея, к драконовской цензурной практике, возобладавшим при Голицыне? Формально Тургенев не отвечал за эти действия — они находились в компетенции Голицына как главы ведомства и В. М. Попова, директора Департамента народного просвещения. Можно утверждать, что перечисленные деяния, получившие резко отрицательную оценку современников (причем с обеих сторон — либеральной и консервативной), не омрачили отношений Тургенева с его патроном, хотя «побуждали огорчаться тем, что он (Голицын. — *Н. Х.*) часто по части просвещения делает».[53] С некоторой досадой Тургенев писал Вяземскому: «Я не имел счастия жить в твоей чистой атмосфере, то есть с средствами личной независимости, но не провонял и на Фонтанке и остался чистым Арзамасцем, не изменил ни одному».[54] Остаться «на Фонтанке» «чистым Арзамасцем» — значит быть человеком компромисса. Это качество, как мы увидим далее, стало спасительным не только для него самого, но и для его близких.

Высочайшим указом от 12 августа 1825 года Тургенев был «уволен для излечения болезни в чужие краи бессрочно». За границу он выехал месяцем раньше: «Прости, Россия, обожаемое отечество, — записал он в дневнике 14 июля, переехав границу. — Что бы ни было со мною, в тебе и вне пределов твоих, везде я сын твой, везде будет биться Русское сердце во мне, и жизнь 25 лет, службе твоей посвященная, — тебе же посвятится...» (Ед. хр. ст. 3. Л. 4). Это были не сакраментальные фразы сентиментального путешественника, а обет, которому Тургенев следовал до конца жизни.

Относительно заграничного периода его биографии существует убеждение, что после 1824 года он нигде не служил; был непримиримым оппозиционером;[55] собирал источники по истории России как историк-энтузиаст. Все эти положения или неверны фактически, или нуждаются в существенной корректировке.

«Бессрочный» отпуск продолжался шесть с половиной лет: с августа 1825-го по январь 1831 года. Это был именно отпуск, а не отставка. Впоследствии в одном из ходатайств за Тургенева Голицын писал: «...он в отставке вовсе никогда не был, напротив, даже в течение бессрочного отпуска состоял на службе и пользовался всеми окладами прежних штатных мест, какие занимал по Государственному совету и под моим начальством по Министерству духовных дел» (Ед. хр. ст. 1990. Л. 1 об.).

Падение Министерства не стало крахом карьеры Голицына. Указом от 15 мая 1824 года он увольнялся от управления Министерством с оставлением в должности главноуправляющего над Почтовым департаментом (каковую исполнял с 1819 года).

---

[52] К нему принадлежали мистики и «пророки» Р. А. Кошелев, П. Д. Маркелов, А. И. Ковальков, исповедовавшие «внутреннее» христианство с его «келейной» практикой, к которой был приобщен и Александр I (совместные моления Голицына с императором изображены Д. С. Мережковским в романе «Александр I»).

[53] Цит. по: *Рудницкая Е. Л.* Александр Иванович Тургенев. С. 33. В 1821 году по поводу «дела профессоров» Петербургского университета Н. И. Тургенев писал: «...Суд над профессорами ужасен не по лицам, которые его производят, но по духу, кот<орый> он свидетельствует» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 304).

[54] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 351.

[55] М. И. Гиллельсон писал: «Пожалуй, трудно найти, кроме А. И. Тургенева, другого деятеля, который бы так неизменно выказывал свое отрицательное отношение к политике Николая I на протяжении двух десятков лет; в свою очередь, царь и его ближайшее окружение настороженно и неприязненно относились к нему...» (*Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. С. 455).

«На целые десятилетия, — утверждает Ю. Е. Кондаков, — Главное управление почт стало прибежищем масонов и розенкрейцеров. <...> На следующий день после увольнения А. Н. Голицына с занимаемых им постов он получил разрешение создать при себе Особую канцелярию. В этом новом учреждении Голицын мог вести любые дела, разрешаемые им непосредственно у императора. <...> Туда были переведены директор Департамента народного просвещения В. М. Попов, чиновник для особых поручений Соединенного министерства А. И. Ковальков, чиновники П. Д. Маркелов, Ф. И. Прянишников. <...> К почтовому ведомству был прикомандирован и директор Департамента духовных дел А. И. Тургенев. Все эти люди и при Николае I получали чины и награды, половина закончила службу в чине тайного советника».[56]

Согласно формулярному списку, размер окладов Тургенева в период заграничного отпуска составлял 9 тыс. руб., а изменения по службе были следующие: «Уволен из Комиссии законов по преобразованию ее во II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 4 апреля 1826 г.»; «Отчислен из ведомства Государственной канцелярии 14 июня 1827 г.»; «Оставаясь затем в одном Придворном ведомстве по званию камергера и не прерывая продолжения действительной службы общей с получением всех окладов прежних званий и мест, воспользовался предназначенною в 1822 году на 12 лет арендою, пожалованною с 12 апреля 1828» (Ед. хр. ст. 1234. Л. 6 об. — 8 об.).[57]

Как видим, служба в данный период была номинальной, но приносила необходимые материальные средства ему самому и брату Николаю, который, как известно, после 1825 года фактически остался на попечении Тургенева. Все его помыслы были сосредоточены на попытках политического и гражданского оправдания Николая[58] и на болезни Сергея, который умер 1 июня 1827 года и был похоронен в Париже. При этом Тургенев вынужден был получать милости из рук тех, кто приговорил его брата к смертной казни — ситуация поистине драматическая... Особенно тягостно для него было придворное звание камергера.

С 1826 по 1831 год Тургенев буквально исколесил всю Европу. Первыми читателями его европейских корреспонденций были Карамзин, Жуковский, Вяземский. По настоянию последнего он стал активным вкладчиком «Московского телеграфа».[59] С самого начала в его письмах отчетливо обозначились археографическая и библиофильская темы.

Июльская революция 1830 года во Франции и вызванные ею меры российского правительства привели к неожиданному повороту в судьбе братьев. Всем находящимся во Франции русским подданным предписано было выехать из нее.[60] В их числе оказался и Тургенев, проживавший в Париже. Напротив, политический эмигрант Н. И. Тургенев, нашедший убежище в Англии, получил от правительства «короля-гражданина» Луи-Филиппа разрешение поселиться во французской столице. Отныне и до конца жизни Франция стала его второй родиной.

Таким образом братья оказались разлучены. Тургенев упорно искал способы, которые позволили бы им соединиться. В июне 1831 года он отправился в Россию. Эта поездка стала самым продолжительным — более года — пребыванием на родине (в Москве и Петербурге), где задержали имущественные дела.[61] Не менее остро стоял

---

[56] *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. С. 228–229.

[57] Сохранился черновик «Справки об окладах, получаемых с 1825 г.», составленной Тургеневым по запросу Голицына в 1839 году (Ед. хр. ст. 1991). Особую группу представляют бумаги, касающиеся пожалованной Тургеневу в 1828 году аренды (Ед. хр. ст. 1974–1982). Она состояла из двух имений («держав») в Виленской губернии — Линге и Гержоды.

[58] В архиве отложились подготовительные материалы, черновые и беловые рукописи всех трех редакций оправдательной записки Н. И. Тургенева (Ед. хр. ст. 117, 594, $702_а$, $741_а$, $762_б$, 767, 1612, 1613).

[59] См.: *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 461–462.

[60] См., например: *Молок А.* Царская Россия и Июльская революция 1830 г. // Лит. наследство. 1937. Т. 29–30. Русская культура и Франция. [Кн.] 1. С. 727–762.

[61] С. П. Жихарев, дальний родственник и официальное доверенное лицо Тургенева, был уличен в махинациях и растратах. Нависла угроза потери значительной части движимого и не-

другой вопрос — следовало «придумать» должность, которая бы давала российскому подданному Тургеневу весомые в глазах правительства основания подолгу находиться за границей. Благодаря сохранившейся переписке можно детально проследить за тем, как в биографии Тургенева открылась новая страница.

Состояние отчаяния, которое он пережил во время пребывания в Москве, передает письмо Жуковскому от 5 сентября 1831 года: «...Что Голицын? Есть ли на него надежда, — и могу ли я рассчитывать на Париж или, по крайней мере, на Германию, хотя присутствие Николая и гроб Сережи и очень влекут меня в Париж; <...> до удобнейшего случая — у меня еще есть в виду Италия. <...> мне надобно избирать или сенаторское ничтожество в Москве <...> или деятельность в пользу некоторых частей управления там, где открыты для всего удобные и богатые средства. <...> готов я всего себя посвятить не литературе и не бесплодным занятиям какого-то чужеземного соглядатайства, но богадельням, но училищам и университетам, но больницам, но всему, что к какому-нибудь усовершенствованию полезного или к новому знакомству с полезным вести может, <...> я готов <...> донести <...> обо всем, что не укроется от моего энциклопедического взгляда. Лишь бы польза, надежда пользы, отдаленная надежда на отдаленную пользу, лишь бы не в тунеядстве для России жить там, где жизнь сноснее, чем в тунеядной Москве. — Я деревенею, я здесь тоскую беспрестанно по тем ежедневным занятиям, коими жили душа и ум почти 6 лет! <...> Отпустите, отпустите меня!»[62]

Своему бывшему патрону он писал 23 декабря 1831 года: «Прослужив более 14 лет под начальством вашего сиятельства и не зная ныне, к кому я должен обратиться в затруднительном моем положении, прибегаю к вам. <...> Я решился, не кончив дел моих, ехать отсюда опять в чужие края для устройства находящегося там моего капитала. Отпуск мой бессрочный. <...> Если запрещение русским жить во Франции еще существует, то я свято буду <...> сообразоваться с оным; но осмеливаюсь представить вашему сиятельству, что как устройство дел моих, так и спокойствие духа за <...> судьбу оставшегося моего брата требуют моего присутствия в Париже, и позволение на сие принял бы я как благодеяние. <...>

Как бы ни решилась участь моя, — везде сохраню верную преданность государю и уставам его; верную, святую любовь к отечеству <...> Приведите, милостивый государь, на память мою жизнь под вашим начальством и дайте мне свидетельство по сердцу вашему и по правде, которую видит Бог. <...>

По силам моим я старался не терять времени и в чужих краях: осматривал, замечал, собирал, описывал многое общеполезное. Когда страшная для России година наступила и холера в ней начала свирепствовать, — я не оставался в праздности. По совещании с медиками в Париже и Лондоне я выслал их мнения и все, что только мог найти в публичных и частных библиотеках <...> Я <...> почту себя счастливым, если меня удостоят употребить там на дело, смотря по способностям моим».[63]

Ответ Голицына последовал 31 января 1832 года. Он извещал, что А. Х. Бенкендорф «доложил Государю все то, что Вы мне писали в рассуждении отъезда в чужие краи <...> как и расположение Ваше не иначе ехать в Париж, как с Высочайшего разрешения». Ответ Николая I (в пересказе Бенкендорфа), который Голицын приводит далее, был таков: «Его Величество позволяет ему <Тургеневу. — *Н. Х.*> выехать из России, но не желает, чтобы он отправился во Францию».[64] «После сего ответа, — продолжает Голицын, — я говорил Государю сам, и, получа на сие подтверждение, я предложил по вашему желанию быть полезным, давая сведения Министерству просвещения и внутренних дел по благотворительной части <...> Государь на сие согласился,

---

движимого имущества. Сохранился большой комплекс документов, относящийся к так называемому «делу Жихарева» (Ед. хр. ст. 305, 1335, 1363, 2150, 2151 и др.) Доверенность на получение жалованья Тургенев оформил в 1826 году на имя К. Я. Булгакова (Ед. хр. ст. 2279). Братья Булгаковы также были уличены в недобросовестности (*Жихарев С. П.* Записки современника / Изд. подг. С. И. Штрайх. М.; Л., 1934. Т. 2. С. 531).

[62] Там же. С. 531–533.

[63] Два письма А. И. Тургенева А. Н. Голицыну // Русская старина. 1904. Т. 120. С. 714–715.

[64] В подлиннике по-французски.

только ему угодно, чтоб Вы сносились со мною, а я уже буду передавать по принадлежности...» (Ед. хр. ст. 2123. Л. 1–2 об.).

В ответ Тургенев 6 февраля 1832 года направил Голицыну два письма: официальное[65] и частное. Приводим последнее с небольшим сокращением по сохранившемуся в архиве черновику: «Я не ошибся в чувстве моего сердца и знал, кому вверил судьбу мою. Будущее мое для меня уже не так мрачно. Я могу жить и действовать естьли и не в России, то для России; сею надеждою я вам обязан. Она усладит горесть одиночества и разлуки с отечеством. Даю вам слово не только не жить праздно, но и не празднословить вне России и отклонять от себя не только повод к малейшему справедливому упреку, но и к подозрению в моих правилах. Буду жить и действовать так, чтобы и самое сильное предубеждение против меня не могло ко мне привязаться. Но жизнь лучше, нежели слова мои, будет свидетельствовать за меня пред вами» (Ед. хр. ст. $1076_{д}$. Л. 3–3 об.).

[65] Два письма А. И. Тургенева А. Н. Голицыну. С. 716.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-86-117

© *Марк Альтшуллер* (*США*)

ТРАГЕДИЯ БЫТИЯ И ПОИСКИ СПАСЕНИЯ «МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ» И «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»

Два пушкинских цикла «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», как назвали их редакторы, создавались в знаменитую Болдинскую осень почти одновременно. И связь между этими двумя циклами прослеживается достаточно явственно, что неоднократно, но как-то вскользь отмечалось исследователями.[1] В предлагаемой работе мы попытаемся проследить эту связь более детально и последовательно. Вначале рассказывается о трагедиях, начиная с «Моцарта и Сальери», а затем анализируются возможные связи каждой из них с «Повестями».

Нужно сразу заметить, что «Маленькие трагедии» были задуманы Пушкиным гораздо ранее 1830 года. Существует список из десяти сюжетов. Три названия, несомненно, относятся к будущим маленьким трагедиям:

Скупой («Скупой рыцарь»)
Моцарт и Сальери
Д<он> Жуан

[1] См., например: «Два своеобразных цикла — драматический и прозаический — создаются почти одновременно и во многом сходны по художественной проблематике, — сходны и в своих глубинных основах и даже внешне» (*Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 31); «Перед „Маленькими трагедиями“ были написаны „Повести Белкина“, и в них опробывалось другое, не трагическое, а эпическое пространство, пространство счастливых развязок, в котором всему в конце концов находится свое законное место. Не случайно в повестях Белкина это представлено в формах несколько условных и идеальных. Эпический порядок, сулящий личное счастье, — только искомое и желаемое. Прийти к нему как к полнокровной реальности невозможно, минуя те трагические конфликты, с которыми уже сплетена жизнь» (*Беляк Н. В.*, *Виролайнен М. Н.* «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 79). Специально этой проблеме посвящена маленькая статья С. Давыдова, которая начинается словами: «„Повести Белкина“ и „Маленькие трагедии“ роднит ряд созвучных мотивов» (*Давыдов С.* Тайны счастия и гроба: «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии» // Континент. 1999. № 4 (102). С. 380–387).

Список составлен, по-видимому, в 1826 году, но не позднее 1828 года.[2] Так что эти трагедии уже существовали в творческом сознании поэта, когда он в первых числах сентября отправлялся в Болдино.

«Повести Белкина» написаны раньше «Маленьких трагедий» (сентябрь–октябрь). Едва завершив последнюю («Метель» — 20 октября), Пушкин сразу же приступает к трагедиям: 23 октября написан «Скупой рыцарь». Такая тесная временна́я связь свидетельствует о том, что замыслы, идеи двух циклов (прозаического и драматического) сосуществовали в сознании Пушкина одновременно и стремились как можно скорее вылиться на бумагу. О параллельном существовании замыслов свидетельствует и не случайное (по всей очевидности) созвучие имен персонажей в обоих циклах. Так, Адриан «рифмуется» с Дон Гуан, а Сильвио с Сальери и др. Хотя первые имена появились на бумаге раньше, чем вторые, они, очевидно, вторичны по сравнению с европейски известными именами Дон Жуана и Сальери.

Мы полагаем, что в «Маленьких трагедиях» Пушкин исследует основные вечные неразрешимые конфликты бытия: любовь и смерть; жизнь и смерть; вдохновение и «труд упорный»; молодость и старость. Эти конфликты трагичны, принципиально неразрешимы для человечества. Их столкновение и составляет самую суть человеческой жизни, человеческой цивилизации. Снятие этих противоречий означало бы смерть человечества.

Принципиальная обобщенность, всечеловечность поставленных проблем подчеркнута намеренной литературностью сюжетов. Автор переносит нас в хорошо известный русскому читателю европейский литературный мир, намеренно удаленный от повседневной, обыденной жизни.

Здесь на обобщенных знакомых и вместе далеких моделях (рыцарский мир романов Вальтера Скотта, похождения и гибель Дон Жуана, пленительная музыка В. А. Моцарта и К. В. Глюка) Пушкин исследует эти трагические конфликты.

Принципиально неразрешимое для человечества в целом может быть, по Пушкину, хотя бы частично, компромиссно разрешено в частном человеческом бытии. И поэт противопоставляет четкие, опирающиеся на давнюю традицию конструкции «Маленьких трагедий» — «Повестям Белкина» с их хорошо знакомыми читателям реалиями и деталями повседневного русского быта. В этих маленьких повестях традиционный литературный материал разрушается и переосмысляется во имя счастья отдельной личности, индивидуума, хотя это благополучие в большинстве случаев все же оказывается далеко не полным.

1

Итак, 1 сентября Пушкин выехал в Болдино, чтобы вступить во владение частью имения, выделенного ему отцом по случаю предстоящей свадьбы. Настроение у него было тяжелое. Будущая женитьба порой представала в мрачном свете. Возникал вопрос: «Зачем?» В мае 1830 в автобиографическом отрывке «<Участь моя решена, я женюсь...>» «счастливый» жених вдруг написал: «...я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством. <...> Я никогда не хлопотал о счастии — я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих — а где мне взять его».[3] В вариантах проскальзывает самое страшное опасение: женитьба убьет (уменьшит) даже творческий потенциал: «жертвую вдохновениями (вдохновением)» (VIII, 952). Были и сомнения не только в любви, но вообще в расположении, хорошем добром

[2] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. Драматические произведения. С. 243, 996. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием года выхода, номера тома и страницы.

[3] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 8. С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

отношении невесты: «...если она согласиться отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (XIV, 404).[4]

Это были вопросы капитальные. Неясно было, как сложится, как строить будущую жизнь. Но помимо этих главных сомнений и размышлений в жизнь поэта вторгалась мощным потоком пошлость обыденной жизни, психику изнуряли отвратительные мелкие дрязги, переменчивый и капризный нрав будущей тещи. Сама свадьба была под вопросом.

Буквально накануне отъезда (31 августа) он пишет Плетневу: «...грустно, тоска, тоска... Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я *хладею*,[5] думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. Осень подходит. <...> пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданном да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда» (XIV, 110).

Поэт въезжает в Болдино. И лучше всего о трагическом внутреннем настрое свидетельствуют не письма, не откровенные признания друзьям, а стихи, то, что непроизвольно выливается на бумагу из самой глубины души. Кажется, ничего страшнее и мрачнее Пушкин доселе не писал:

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

И не понять, то ли это мелкие бесы житейской суеты: теща, равнодушная невеста, полусумасшедший дед ее, Бенкендорф, царь... то ли это вселенский ураган разыгравшихся злых сил, «вихрь мировой бессмыслицы»:

Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

В мире царит хаос, свадьба и похороны мешаются и становятся единым трагическим действом, да и занимаются и тем, и другим бесы («Домового ли хоронят / Ведьму ль замуж выдают?»). В мире царит дьявольщина, «боль, великий надрыв, чувство какого-то всеобщего ущерба, обреченности». Весь этот мир есть воплощение зла:

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

(III, 226–227)

«Надрывные, щемящие звуки „Бесов“ являются своего рода увертюрой, вводящей нас в круг болдинских настроений и переживаний поэта».[6] Здесь «мрачное, безотрадное созерцание получает своего рода космический размах <...> Все сущее предстает как некий вихрь мировой бессмыслицы. Сами злые духи, сбивающие с пути путников, совсем не рады успеху своей бесовской игры».[7]

С такими настроениями въезжает в Болдино жених красавицы Натали накануне своей свадьбы. Эти жуткие строки он записал 7 сентября, через три дня после приезда в Болдино. Начинался сентябрь. Никакой метели быть еще не могло.[8] Стихи отражали внутреннее смятение поэта: «что делать нам?»

---

[4] Письмо Н. И. Гончаровой от 5 апреля 1830 года. Оригинал по-французски.

[5] Здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) курсив в пушкинских текстах мой. — *М. А.*

[6] *Благой Д.* Социология творчества Пушкина. Этюды. 2-е изд., доп. М., 1931. С. 199–200.

[7] *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 479.

[8] Задуманы были «Бесы» гораздо раньше. Первые наброски относятся к 1828 и 1829 годам (см.: *Фомичев С. А.* К творческой истории стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» // Памяти Геор-

И на следующий день, 8 сентября, он пишет в знаменитой «Элегии» уже прямо о себе, о своей личной трагедии, о своем бытии в этом вселенском мировом хаосе:

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Жених молодой красавицы перед свадьбой провидит в будущем только *труд* и *горе*. Единственное не спасение, а утешение в этом мире, где воют бесы, где заботы одолевают — наслаждение творчеством:

Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...
(III, 228)

И поэт обращается к созданию «прекрасных вымыслов», пытаясь разрешить в них трагедии бытия, писать о которых он будет чуть позднее. Сразу за «Элегией» 9 сентября написан «Гробовщик», а затем, до 20 сентября, — остальные «Повести Белкина».

Так в течение десяти дней были сочинены несколько маленьких историй, в которых поэт пытался сконструировать оптимистическое разрешение жизненных коллизий. А затем, погруженный во вдохновенную созидательную работу Болдинской осени, он создал те трагические шедевры, параллелями которым явились маленькие прозаические этюды, ранее написанные.

2

Наши размышления мы начнем с трагедии «Моцарт и Сальери», созданной 26 октября. Задумана она была значительно раньше. «Замысел относится ко времени михайловской ссылки», т. е. к 1824–1826 годам (2009, VII, 777). Сначала она была названа «Зависть» в соответствии с очевидной коллизией: «бездарный» Сальери завидует Моцарту и убивает его. Этот лежащий на поверхности конфликт абсолютно не соответствует внутреннему, куда более глубокому содержанию: Сальери не бездарен, и обуревающие его страсти гораздо сложнее и глубже элементарной зависти. И Пушкин быстро отказался от первоначального названия. А имена двух протагонистов обозначили неразрешимое противоречие, лежащее в основе любого творческого процесса.

Сальери — труженик. И это главная черта его творческого облика:

...предался
Одной музыке. Труден первый шаг,
И скучен первый путь. Преодолел
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию.

Старания Сальери не остались безрезультатными. Он достиг в искусстве высоких степеней:

гия Пантелеймоновича Макогоненко. СПб., 2000. С. 50–51). Там эти щемящие строфы отсутствуют. Только страх одинокого путника отмечен несколькими вариантами: «Сердцу грустно поневоле / Средь белеющих равнин»; «Путник стонет поневоле...» и пр. (III, 832).

Усильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась…
<…> я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей…

В основе творческого процесса у Сальери лежит *ремесло*, постоянный упорный *труд*. Он сознательно совершенствует свое умение, непрерывно учится:

<…> Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны <…>,
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним,
Безропотно…
(2009, VII, 123–124)

Сальери подробно, в деталях рассказывает о своем беспрерывном и упорном труде, принесшем труженику в конце концов глубокое и заслуженное удовлетворение.

А у Моцарта ничего этого нет. По словам Сальери, он «гуляка праздный». И действительно, о своем творчестве он говорит гораздо меньше, чем Сальери, и достаточно небрежно: «В голову пришли мне две, три мысли. Сегодня их я набросал». А эти две-три мысли — гениальная музыка, и потрясенный Сальери восклицает: «Какая глубина, какая смелость, и какая стройность! Ты, Моцарт, бог…». Сальери искренен. Он только что, перед приходом Моцарта, говорил о его «священном даре, бессмертном гении».

Гений творит спонтанно, непосредственно. То, что рождено им, не требует труда, усилий, о которых только что так выразительно рассказывал Сальери. И сам русский гений, создатель «маленькой трагедии» о Моцарте, спустя три года вполне по-моцартиански легко и вдохновенно описал нам создание шедевров:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем.
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец *свободным* проявленьем <…>

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы стройные навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи *свободно* потекут.
(III, 321)

Таков, по признанию самого гения, этот волшебный свободный «моцартианский» процесс. Однако все не так просто. К нашему счастью, Пушкин думал с пером в руке, и мы можем посмотреть, *как* он создает свои шедевры. Открывается странная картина. Свободному «моцартианскому» вдохновению, описанному в двух строфах, предшествует тяжелая «сальерианская» работа, зафиксированная в черновиках. Трем страницам (III, 318–321) основного текста «Осени» соответствует двадцать <!> (III, 916–936) страниц черновиков. И даже строки о вдохновении, наверное, действительно вылившиеся наиболее свободно, сразу, тоже родились в результате кропотливой (может быть, не столь кропотливой, как другие строки, насчитывающие десятки вариантов) работы.

«Минута и стихи свободно потекут», — рассказывает нам вдохновенный автор. Однако заглянем в его тетради, где «свободно» изливались стихи. Там читаем: «Из-

литься <...> ищет в тишине»; «излиться ... выраженьем»; «излиться рифмами рассказами виденьем»; «излиться как-нибудь — иль словом иль виденьем» (III, 929).

А вот другая, тоже радостная, легкая строка о чудесных мгновениях, когда «мысли в голове волнуются в отваге». Как, оказывается, не просто рассказать словами, что чувствует гений в счастливейшие минуты своей жизни:

И мысли в голове толкаются в отваге
И яркие слова готовы
И мысли в голове стесняются в отваге
Так хмель во браге
Как челны носятся в бурной влаге
Так мысли носятся — то станут — то плывут

(III, 932)

Спустя два года (1835) Пушкин прозой расскажет о том же поэтическом вдохновении, которое описал стихами, и даже иногда теми же словами: «Чарский чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами, и вы обретаете живые неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли» (VIII, 264).

Однако и прозаическое описание вдохновенного состояния, уже описанное совсем недавно гениальными стихами, состояния, когда в спонтанном порыве без труда, напряжения и усилий рождаются такие строки, снова потребовало от самого гения достаточно упорного труда. Каждое предложение явилось результатом нескольких вариантов. Вот только один пример.

В тексте мы читаем: «для воплощения видений ваших». Словам этим предшествовали три варианта:

для воплощения живой и новой мысли
для воплощения живых и новых чувств
для воплощения ваших видений

Предложение со *звучными рифмами* (которые в «Осени» были *стройными*) появилось в результате семи вариантов:

когда рифмы легко ложатся
когда рифмы легко бегут ложиться
и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли
и мысли вылетают вооруженные рифмами
и мысль выходит вооруженная рифмами
и звучная рифма бежит
и звучные рифмы бегут на встречу мысли

(VIII, 841)

Даже описание «моцартианского» вдохновения рождается из «сальерианской» работы над текстом. Оказывается, даже у гения самые великолепные и вдохновенные замыслы требуют усиленного труда. То, что в трагедии показано как оппозиция труда и вдохновения, Моцарта и Сальери, в жизни действительной оказывается неразрешимым противоречием любого творческого труда: противостоящие антагонистические персонажи воплощаются в одном человеке.

Автобиографизм трагедии давно отмечался исследователями. Г. П. Макогоненко писал: «Биографическое начало является ядром всей эстетической концепции „Моцарта и Сальери“».[9] Ю. Н. Чумаков заметил: «...поэт персонифицировал свои черты

[9] *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974. С. 172.

сразу в Моцарте и Сальери».[10] Можно «видеть в Моцарте и Сальери две стороны, две ипостаси одной души, души автора».[11] «Двум реально существовавшим людям Пушкин доверил свои самые сокровенные мысли о сущности творческого труда, о его великих, до конца неразрешимых противоречиях...»[12]

Творения рождаются в мозгу гения в гораздо более великолепном виде, чем они воплощаются в словах, звуках, красках или мраморе. Один эпизод, сохранившийся в памяти Пушкина, подтверждает эту банальную истину. Он надолго запомнился Пушкину и рассказывался поэтом много раз. В этом эпизоде замысел и воплощение оказались разделены во времени. Поэтому несоответствие задуманного и сотворенного проявилось особенно разительно.

П. В. Нащокин вспоминал: «...читая Бориса Годунова, на сцене у фонтана Пушкин сказывал, что эту сцену он сочинил, едучи куда-то на лошади верхом. Приехав домой, он не нашел пера, чернила высохли, это его раздосадовало, и сцена была записана не раньше, как недели через три; но в первый раз сочиненная им, она, по собственным его словам, была несравненно прекраснее».[13]

О том же Пушкин рассказывал после чтения «Годунова» у Веневитинова 12 октября 1826 года: «...сцену (о Марине Мнишек с Самозванцем. — *М. А.*) <...> создал он в голове, гуляя верхом на лошади, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел».[14] Погодин позднее заметил, что сам слышал от Пушкина этот рассказ.[15]

Анненков передал ту же историю очень выразительно: «...раз, возвращаясь из соседней деревни верхом, обдумал всю превосходную сцену свидания Димитрия с Мариной в *Годунове*. Какое-то обстоятельство помешало ему положить его на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принялся за нее через две недели, многие прежние сцены уже изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим <...>, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, которую он написал».[16]

Воплощаясь в материале, творение утрачивает свою первоначальную, первозданную, непередаваемую прелесть. («Мысль изреченная есть ложь», — заметил другой гениальный поэт). Таково трагичное для всякого художника неразрешимое противоречие творческого процесса. Можно сколь угодно приближаться к совершенству, соединяя вдохновение с неустанной работой, но воплотить в материале то, что рождается волшебным видением в мозгу гения, очевидно, невозможно. Пушкин разделил две ипостаси творческого труда между двумя художниками и показал неразрешимость этого противоречия гибелью обоих. Моцарт отравлен, а Сальери намертво приговорен умирающим: «Гений и злодейство — две вещи несовместные».

Такова действительность. Но в «вымыслах» «Повестей Белкина» Пушкин делает попытку примирения двух противоборствующих начал в жизни людей ординарных. Здесь нет речи о внутреннем единстве двух персонажей — неразрешимой коллизии творческого труда. Старание, подражание, следование правилам отданы одному, спонтанность, вдохновенность, неожиданность, внутренняя свобода, раскованность — другому.

В повести «Выстрел» параллели с «Моцартом и Сальери» — очевидны. На это уже обращали внимание исследователи.[17] В том числе даже на не случайную близость фа-

---

[10] *Чумаков Ю. Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 258.

[11] *Листов В. С.* «Воспоминание» // Лирика Пушкина. Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 177.

[12] *Устюжанин Д. Л.* Маленькие трагедии А. С. Пушкина. М., 1974. С. 48.

[13] *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 360.

[14] *Погодин М. П.* Из «Воспоминаний о Степане Петровиче Шевыреве» // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 29.

[15] *Цявловский М.* Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» П. В. Анненкова // Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 354.

[16] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 118 (репринт: М., 1985).

[17] См. тщательный комментарий А. А. Долинина к «Моцарту и Сальери»: *Пушкин А. С.* Соч. Комментированное издание. М., 2016. Вып. 3. Стихотворения. Из «Северных цветов» 1832 год. С. 64–65.

милий: Сальери — Сильвио.[18] Вчитаемся в начало «исповеди» Сильвио. Чтобы добиться успеха, славы (в гусарской среде), он сознательно по принятым в обществе правилам строит свою жизнь, стремясь занять в ней, как Сальери, первенствующее положение. «...Буйство было в моде; я был первым буяном по армии. <...> Дуэли в нашем полку случались поминутно; я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом» (VIII, 69).

Глюк указал Сальери новые пути в музыке. Сильвио тоже следует путями, указанными популярнейшим в его среде поэтом: «Мы хвастались пьянством: я перепил славного Б<урцова>, воспетого Д<енисом> Д<авыдовым>».

Денис Давыдов воспел гусарскую лихость, пьянство, буйство, которые «не почитались пороком и не помрачали чести офицера».[19] Героем популярных стихов Давыдова был А. П. Бурцев, «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков».[20] Давыдов писал ему:

Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и ... арака
Посети домишко мой.

Или в другом стихотворении, ему же посвященном:

Собирайся в круговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши...

И в стихотворении с характерным названием «Гусарский пир» снова обращение к Бурцеву:

Бурцов, брат! Что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твое здоровье:
Будь гусар век пьян и сыт![21]

Вот этого знаменитого выпивоху и победил своим усердным старанием «труженик» Сильвио. Он наслаждается своим положением в буйном гусарском мире так же и рассказал об этом буквально теми же словами, как и Сальери, который «наслаждался мирно / Своим трудом, успехом, славой...». И Сильвио рассказывает: «Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моею славою...» (VIII, 69).[22]

И вдруг на славном, «спокойном» пути Сильвио так же «вдруг», как в жизни Сальери, возникает его «моцарт»: «...определился к нам молодой человек богатой и знатной фамилии <...> Отроду не встречал счастливца столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета...» (VIII, 69).

Как и настоящий Моцарт, молодой человек обладает всем, чего не хватало или чего добивался Сильвио, не в силу «трудов, усердия, молений», а получил все это

---

[18] См.: *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. С. 43–44.

[19] Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 2. С. 136.

[20] *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 74 (сер. «Литературные памятники»).

[21] *Давыдов Д.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. В. Э. Вацуро. Л., 1984. С. 56, 57, 59 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[22] Возможно, спустя полтора месяца, рассказывая о Сальери, Пушкин вспомнил слова Сильвио.

«даром», от рождения. И знатность (во второй части мы узнаем, что молодой человек — граф; рассказчик называет его «ваше сиятельство»), и деньги («богатой фамилии»), и личные достоинства его (храбрость, веселость, беспечность) не выработаны в результате усиленной работы над собой, а даны от рождения «счастливцу столь блистательному». Столкновение таких двух натур было неизбежным. Граф Б. ведет себя на дуэли с удивительным спокойствием, хладнокровием и самообладанием, что особенно бесит разъяренного Сильвио: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня» (VIII, 70).

При этом Пушкин отдает графу существенную деталь своей собственной биографии. В Кишиневе произошел у него поединок с офицером генерального штаба Зубовым. Пушкин обвинил его в нечестной карточной игре и «по свидетельству многих, в том числе В. П. Горчакова, бывшего тогда в Кишиневе, на поединок с З<убовым> Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял».[23]

Кажется, что неразрешимая ситуация, описанная в трагедии, в повести разрешилась более или менее благополучно: «моцарт» остался жив, «сальери» проявил благородство, пощадив врага. И одержал моральную победу. Все, однако, не так просто.

Граф Б. действительно остался жив. Прекрасная женщина не потеряла любимого. Семейная жизнь спокойна и благополучна. (Возможно, такой виделась самому Пушкину в мечтах предстоящая женитьба и семейная жизнь. Поэтому и отдал он графу выразительную деталь собственной биографии.) Но... этот покой куплен жестоким компромиссом. Испуганный граф согласился снова метать жребий и снова выстрелил в противника, не имея на то никакого права. Ради мирного семейного счастья граф поступился честью.[24] «Предаю тебя твоей совести», — торжествуя, бросает Сильвио, уходя победителем с поля боя.

Однако и победа Сильвио оказывается «пирровой». Сальери потратил жизнь на овладение высотами искусства. Он вкусил «восторг и слезы вдохновенья». Сильвио истратил свою жизнь, лелея мечту о мести. Ничтожная цель оказалась достигнутой. Сильвио не убил, но одержал моральную победу над врагом. И... жизнь прожита, позади жалкое первенство (недолгое) в гусарском буйстве и годы, проведенные в пальбе по мухам для тренировки.[25] Впереди только смерть.

Часто последние строки повести рассматривались как возвышенная смерть (погиб, подобно Байрону, сражаясь за свободу греков), победа бедняка-разночинца над великосветским щеголем: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами» (VIII, 74).

Нужно сказать, что Пушкин довольно быстро разочаровался в романтической эйфории, с которой борьба греков за независимость рассматривалась сквозь призму героической истории древних греков. В конце июня 1824 года он писал Вяземскому: «Греция мне огадела. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно и тем, и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но, чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я переменил свое мнение, приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада, и ты бы со мною согласился» (XIII, 99). Процитировав это письмо, Д. Бетеа и С. Давыдов вполне справедливо и остроумно замечают: «Этот текст бросает странную тень на

---

[23] *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914. С. 102–103.

[24] Печорин размышляет: «...двадцать раз жизнь свою, *даже* (курсив мой. — *М. А.*) честь поставлю на карту... но свободы моей не продам» (*Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 427; «Княжна Мери», 14 июня). Для дворянина «золотого века» само собой разумелось, что честь дороже жизни.

[25] Позволю себе напомнить читателю: «Бывало увидит муху и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавит муху в стену!» (VIII, 72).

эпилог повести и на попытки советских исследователей канонизировать Сильвио как борца за свободу».[26]

Сама битва под Скулянами была последним актом этой безнадежной борьбы, актом героического самопожертвования без малейшей надежды на победу. Тем более что русская граница для этеристов была открыта: повстанцы могли перейти ее и спастись. Пушкин описал эту битву три года спустя (1834) в очерке «Кирджали»: «Вообразите себе 700 человек арнаутов, албанцев, греков, булгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве и отступающих в виду пятнадцати тысяч турецкой конницы» (XIII, 255–256). Сильвио с его военным прошлым не мог не понимать обреченность горстки людей, среди которых он находился. Он приносил в жертву благородному и безнадежному делу жизнь, которая была ему не нужна, фактически совершил самоубийство.[27]

То же столкновение «правил» и спонтанного, неожиданного, «по вдохновению», решения жизненных ситуаций мы находим в «Метели», следующей в книге «Повестей» непосредственно за «Выстрелом». Вчитаемся в начало повести: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и *следственно* была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик <...> *Само по себе разумеется*, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать...» (VIII, 77).

Мы видим, что экспозиция рассказа не без иронии описывает шаблонную литературную (по правилам!) ситуацию. Как положено, воспитанная дворянская дочка из романов черпает правила жизни и поэтому, естественно, влюблена в бедного молодого человека. Совсем недавний образец был перед глазами молодой девушки. Вторая глава «Евгения Онегина» появилась в 1826 году. И прелестная провинциальная (как и Марья Гавриловна) барышня, которой романы «заменяли все», за четыре года успела полюбиться читательницам. А бедный возлюбленный тоже был налицо в одном из романов, которые читала Татьяна, влюблявшаяся в «обманы и Ричардсона, и Руссо». У последнего в «Новой Элоизе» молодой Сен-Пре влюблен в богатую наследницу Юлию. (Марья Гавриловна вспомнит «Новую Элоизу» в момент драматического объяснения с Бурминым.)

Вся любовь молодых людей представляет собою не что иное, как доморощенную модель избитых романтических литературных ситуаций включая Ромео и Джульетту. Кстати, и в любимой пушкинский комедии Я. Б. Княжнина,[28] которую он только что цитировал в «Гробовщике», описано похожее книжное моделирование действительности. Милена трогательно рассказывает о любви своей к сыну Честона:

С Замиром в низкости стократ счастливей буду;
Забыта всеми, я с ним целый свет забуду.

Умная горничная Марина по поводу этой тирады скептически замечает:

А мне смешно. Она ведь это все твердит
Из книг, которые по всякий день читает.[29]

---

[26] *Bethea D.*, *Davydov S.* Pushkin' Saturnine Cupid: The Poetics of Parody in The Tales of Belkin // Publications of Modern Language Association. 1981. № 1. P. 11.

[27] См.: *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина. Л., 1987. С. 145–146. Ср.: «Сделав идею мести своей маниакальной „idée fixe“, он полностью исчерпал себя в ней; его смерть в сражении есть символический акт самоубийства» (*Вацуро В. Э.* Записки комментатора. С. 277).

[28] Пушкин хорошо знал и помнил «Хвастуна». Эпиграф из этой комедии он взял для первой главы «Капитанской дочки». В критических заметках, написанных тогда же (октябрь–ноябрь) в Болдине, поэт дважды вспоминает реплику г-жи Чванкиной, которая не желает узнавать хорошо знакомого ей человека: «Так что ж что ты Честон? хоть знаю да не верю» (XI, 158). Подобно этому неудачливые критики не желают верить в любовь Марии к старику Мазепе (исторический факт). Вспоминает и цитирует он комедию Княжнина и позднее, в 1833 году, в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (XI, 234).

[29] *Княжнин Я. Б.* Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 338–339 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Естественно, влюбленные строят свои планы по готовым книжным моделям (этот вариант предлагает возлюбленной Владимир): «...венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые *конечно* будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастием любовников, и скажут им *непременно*: „Дети! придите в наши объятия“» (VIII, 77–78).

А кульминация повести (венчание) тоже напоминает читателю готовую литературную модель. В знаменитом романе Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды» в центре повествования был очень важный эпизод венчания в церковном полумраке одного брата вместо другого. На очевидное сходство этих двух эпизодов давно обратили внимание исследователи.[30] Следует заметить, что у Вальтера Скотта ситуация описана несколько более правдоподобно: сходство двух братьев, свидетели, включая священника, осведомлены об обмане. У Пушкина в церкви тоже темно, но священник, с которым Владимир «насилу уговорился», должен был хорошо его запомнить, служанка, наперсница Марьи Гавриловны, принимает за Владимира близко подошедшего незнакомца и торопит его: «Насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». А свидетели, хорошие знакомые жениха, с готовностью согласившиеся содействовать романтической женитьбе, даже при слабом свете свечей не могли не заметить, что венчается незнакомец.

В следование правилам, готовым моделям, регламентированным представлениям о действительности врывается стихия. Сначала это природные силы — разбушевавшаяся метель, срывающая все размеченные, рассчитанные по прочитанным книгам планы героев. А затем в эти планы врываются спонтанные романтические, неожиданные, по-своему «моцартианские» поступки Бурмина, похожие на гусарскую браваду Сильвио.

И снова, как и в «Выстреле», трагическое столкновение «сальерианского» и «моцартианского» начал в отличие от трагедии кончается как будто благополучно. Бурмин, «ужасный повеса» в прошлом, а ныне «очень милый молодой человек», обрел и любовь, и счастье, неожиданно завершившее его хулиганскую эскападу — моцартианское начало победило. Но... в сознании читателя остается некоторый тяжелый осадок: погиб — честный и добрый Владимир, павший жертвой и стихии, и своего антагониста, человека раскованного, веселого, бесшабашного разрушителя правил.

При этом на всей повести лежит налет какой-то искусственности, книжности (не только в поведении героев в начале повести), авторской иронии, которая относится и к персонажам, и к описываемой ситуации. Совсем не правдоподобна счастливая концовка («чудное сцепление обстоятельств в судьбе одной молодой дворянки», — заметил современник[31]).

Сам автор обозначает не без иронии влюбленность Марьи Гавриловны цитатой из Петрарки: «Если это не любовь, так что же?» И далее все объяснения новой пары влюбленных носят, как и в начале повести, характер какого-то искусственного подражания готовым литературным образцам.

Маша ожидает Бурмина романтической барышней, сидящей «у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа» (VIII, 85). Такой месяцем раннее (25 сентября, «Метель» — 23 октября) изобразил свою музу Пушкин в восьмой (тогда девятой) главе «Евгения Онегина»:

И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

(VI, 167)

И герой в соответствии с заданной мизансценой начинает свое объяснение в любви реминисценцией из «Юлии», того самого романа Руссо, которым упивалась Татья-

[30] Д. П. Якубович, Н. В. Измайлов. См., например: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 209.

[31] Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2003. С. 127.

на и который непременно входил в круг чтения романтически настроенных барышень. «Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...». И продолжает: «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...». А Марья Гавриловна тут же «вспомнила первое письмо St.-Preux» (VIII, 85).[32] Так «моцартианство» превращается в свою противоположность, становится банальностью, чуть ли не пародией на «сальеризм».

И в то же время какой-то меланхолический, даже печальный налет, как проницательно заметил В. Э. Вацуро, лежит на счастливой развязке повести.[33] Тем более что читатели, конечно, держали в уме популярнейший роман «Сент-Ронанские воды» с его обманной свадьбой и помнили о несчастной Кларе Мобрай, жертве этого обмана.[34]

«Боже мой! Боже мой!» — совсем не радостно, а потрясенно восклицает Марья Гавриловна, а «побледневший» Бурмин скорее в раскаянии, чем осчастливленный, бросается к ее ногам.

Но все-таки вымыслами, искусственными построениями, литературными реминисценциями если не разрешается, то смягчается неразрешимая проблема «маленькой трагедии».

С той же ситуацией (следование правилам, нормам, литературным моделям и вторжение не подчиненной нормам и правилам веселой свободной воли) встречаемся мы и в повести «Станционный смотритель».

В размеренную, спокойную и по-своему даже счастливую жизнь старика Вырина и его красавицы-дочери врывается лихой гусар Минский (снова гусар, носитель спонтанного непредсказуемого начала, опрокидывающий установленные общепринятые привычные нормы поведения, как граф Б. из «Выстрела», Бурмин в «Метели»). В одно мгновение, внезапно увлекшись красавицей с почтовой станции, Минский «заболевает», в течение трех дней очаровывает молодую девушку, увозит ее. Так и Бурмин («непонятная, непростительная ветреность») в мгновение ока вдруг женился на девушке, в первый раз увиденной.

В «Станционном смотрителе» перед нами ситуация, издавна встречающаяся в литературе и в жизни: богатый повеса обольщает молодую неопытную красавицу. Исследователи называют предшественниками Пушкина Прево, Мармонтеля, Голдсмита.[35]

Если автор «Станционного смотрителя» как-то учитывал в своем рассказе этих европейских писателей, то Самсон Вырин, конечно, о них и слыхом не слыхал. Он руководствуется двумя другими хорошо известными моделями и за пределы их выйти по складу своего характера не может.

С точки зрения Вырина, судьба Дуни может свершиться только в двух вариантах, точнее в одном: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою <...> поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы» (VIII, 105). Других вариантов бедный смотритель, думающий только в привычных твердо заданных правилами обыденного существования категориях, — не видит.

---

[32] В первом письме Сен-Пре пишет Юлии: «...мы ежедневно встречаемся, и вы невольно, без всякого умысла усугубляете мои терзания...» (*Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1961. Т. 2. С. 14).

[33] См.: *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. С. 38–39.

[34] О популярности романа Скотта свидетельствует очень хорошее стихотворение В. И. Красова «Клара Моврай», напечатанное уже после смерти Пушкина, в 1839 году. Читателям запомнился его конец: «...бедная Клара, безумная Клара, / Злосчастная Клара Моврай!» (Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. И. Машинского. М.; Л., 1964. С. 233–234 (Библиотека поэта. Большая сер.)). А спустя еще сорок с небольшим лет в повести «После смерти (Клара Милич)» (1883) И. С. Тургенев вспомнил и роман Скотта, и стихи Красова, которые процитировал.

[35] См.: *Шарыпкин Д. М.* Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1978. Т. 8. С. 127–136; *Разумовская М. В.* К вопросу о некоторых литературных традициях в «Станционном смотрителе» // Русская литература. 1986. № 3. С. 124–134.

И далее несчастный отец конструирует по готовым литературным моделям два исхода совершившегося несчастья. Один — трагический конец несчастной девушки, описанный в знаменитой повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», — несчастная жертва любви покинута соблазнителем и погибает. Повесть эта была столь популярна, что и Самсон Вырин вполне мог ее читать, да и содержание повести вполне совпадало с печальной аксиомой («не первая, не последняя»), сформулированной им в разговоре с проезжим титулярным советником А. Г. Н.

Эту печальную модель сознание бедного смотрителя решительно отвергает. Он усиленно цепляется за другую более значительную модель — евангельскую притчу о блудном сыне (Лука 15: 11–32). В самом начале повести тщательно описаны картинки, украшающие «смиренную, но опрятную обитель».[36] Они изображают историю блудного сына. На последней «представлено возвращение его к отцу; добрый старик <...> выбегает к нему навстречу, блудный сын стоит на коленях» (VIII, 99). А в евангельском тексте, который, несомненно, хорошо знал Вырин, еще выразительнее: «...еще же ему далече сущу, узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его, облобыза его».

Таким любящим, прощающим блудную дочь отцом видит себя Вырин в выстроенной по евангельскому образцу модели. Именно этот вариант (что Дуня будет брошена, отец ее не сомневается ни на мгновение) как единственно возможный благополучный исход упрямо вынашивает он в своем сознании. Моля о возвращении блудной дочери, он уговаривает Минского: «Что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню» (VIII, 103). Даже обещания смущенного Минского («...не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово») ни на йоту не колеблют прочно сидящей в его голове модели. «Сальерианское» следование правилам ведет Вырина к гибели.

В виртуальном мире «Повестей Белкина» все происходит не так, как в той настоящей действительности, которая образует мир «Маленьких трагедий». Здесь торжествует смелое «моцартианское» нарушение правил. В бесхитростном рассказе «оборванного мальчика» вырисовывается счастливая семейная жизнь (как в «Выстреле»), о которой пытался грезить Пушкин в болдинском затворничестве. Посрамлена и печальная модель «Бедной Лизы», не состоялась и лелеемая бедным смотрителем евангельская модель примирения с блудной дочерью.

И тем не менее грустной нотой заканчивается это мнимое торжество свободной молодой жизни над строгой регламентацией «правильного», лишенного стихии, вдохновения бытия. Погибает одинокий, не дождавшийся появления красавицы-дочери старик. Безутешно рыдает на его могиле счастливая, любимая добрым мужем дочь. Да и сам Минский, встретивший Вырина «в крайнем замешательстве», готовый «просить у него прощения», вряд ли забывает смертельную обиду, нанесенную несчастному старику, как и граф Б. не забывает уступку собственной чести.

3

Трагедия «Скупой рыцарь» была задумана еще в 1826 году. Она несла в себе некоторые автобиографические мотивы. Сергей Львович был скуповат,[37] правда, в отличие от Барона, совсем не богат. Денег он сыну почти не давал, и тот жаловался брату Льву почти как Альбер: «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. <...> Всё и все меня обманывают — на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. <...> крайность может довести до крайности — мне больно видеть равнодушие

[36] О значении этих картинок для Самсона Вырина, которого «сгубила ходячая мораль», см.: *Гершензон М.* «Станционный смотритель» // Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 125–126 (репринт: Ardis, 1983).

[37] Роман Тынянова «Пушкин» начинается короткой фразой об отце поэта: «Маиор был скуп».

отца моего к моему состоянию — хоть письмы его очень любезны».[38] В 1826 году, в Михайловском, когда был задуман «Скупой рыцарь», еще свежа была в памяти безобразная сцена с отцом, который согласился надзирать за собственным сыном, читать его переписку. Разразился грандиозный скандал, когда отец кричал, что сын его бил (хотел побить), убил словами и пр. (Так и Барон жалуется, что сын хотел его убить, обокрасть).[39]

Очевидно, из «боязни применений и неосновательных толков»[40] Пушкин добавил подзаголовок, делавший трагедию переводом из несуществующей пьесы неведомого английского драматурга: «Сцены из Ченстоновой траги-комедии: The covetous Knight»,[41] — и напечатал трагедию только в 1836 году.

Естественно, что вышедшее из-под пера поэта произведение оказалось несравненно глубже и значительнее биографических мотивов, возможно стимулировавших его создание. Мы полагаем, что в основе трагедии лежит неразрешимый конфликт старости и молодости, конфликт отношения к бытию и повседневной жизни (быту), непримиримое столкновение мировоззрений. Оселком, на котором проверяется несовместимость этих взглядов, являются деньги, важнейший компонент повседневной жизни любой человеческой особи.

Центральными строками, формулирующими основной конфликт трагедии, являются слова Жида:

...деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И, не жалея, шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

(2009, VII, 109)

Конечно, ни умный Соломон («друзья надежные»), ни пылкий юный Альбер («отец им служит, как пес цепной») не понимают глубокой философии злата, которой одушевлен Барон Филипп. Но отношение к деньгам молодого жаждущего наследника определено старым евреем достаточно точно.

Альбер хочет одеваться «в атлас да бархат», как другие рыцари за герцогским столом. Он жаждет носить такой же дорогой «нагрудник венецианский», какой носит поверженный им «проклятый граф Делорж». Мечтающий о наследстве юноша хорошо знает, как он распорядится золотом, как только доберется до него: «Оно послужит мне, лежать забудет». Барон прозорливо описывает грядущую судьбу своих богатств, поминая с презрением те мирские блага, которых жаждет его наследник: «И потекут сокровища мои / В атласные диравые карманы. / Он разобьет священные сосуды, / Он грязь елеем царским напоит — / Он расточит...» (2009, VII, 114).

Барон Филипп отнюдь не «цепной пес» при своих деньгах. Он не «алжирский раб» при них и «им не служит». Если сын хочет, чтобы золото не «лежало», то барон, высыпая очередную порцию монет в сундук, наставляет их:

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.[42]
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги...

(2009, VII, 113)

---

[38] Письмо от 25 августа 1823 года, Одесса (XIII, 67).

[39] См. письма к Жуковскому от 31 октября и 29 ноября 1824 года (XIII, 116, 124). См. также комментарий к «Скупому рыцарю» (2009, VII, 764, 770).

[40] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 287.

[41] См. исчерпывающую статью А. Долинина «О подзаголовке „Скупого рыцаря“» (*Долинин А. А.* Пушкин и Англия. М., 2007. С. 95–102).

[42] Или прихотям расточителя-сына.

Золото — это *сила*, деньги — подобны *богам*. Они дают Барону возможность *воздвигнуть чертоги*, разбить *великолепные сады*, населить их прекрасными *нимфами*, заказать поэтам их вдохновенные труды («музы дань свою мне принесут»), покупается все: и *Добродетель*, и *бессонный Труд*, и *окровавленное злодейство*... Упоенный своим величием Барон с полным правом заявляет:

Мне всё послушно, я же — ничему <...>
Я царствую <...>
Послушна мне, сильна моя держава...

(2009, VII, 113–114)

Нужды нет, что все, о чем говорит Барон, не материально, не осязаемо, не пробуется на вкус, не видимо физическому (но не внутреннему) взору. Это совсем не виртуальный мир, он действительно, можно сказать, в реальности, потенциально существует и в любое мгновение, по желанию повелителя, может материализоваться. Но умудренному жизненным опытом, много познавшему старику Барону «довольно сего сознания». Это сознание, это ощущение власти над миром дает Барону золото.

При этом молодость, жаждущая злата, щедра и великодушна, видит в деньгах только средство для обретения реальных осязаемых вещей (атлас и бархат, конь, шлем и пр.). Во владении этим осязаемым, вещным миром молодой Альбер щедр и великодушен — отсылает *последнюю* бутылку вина *больному кузнецу*.

Старость жестока и жадна. Барон, владелец сундуков, набитых златом, суров и беспощаден. Несчастная вдова

С тремя детьми полдня перед окном
<...> стояла на коленах, воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел.

Владыка великолепных чертогов, садов и прелестных нимф, повелитель Добродетели и Злодейства, царь — терпеливо ждет, чтобы отобрать у несчастной матери ее *последнее* достояние — *дублон старинный* (2009, VII, 113).

Эти два жизненных начала — непримиримы. И молодость, таков закон природы, побеждает старость. В сознании Барона, вполне самодостаточного («послушна мне, сильна моя держава», «при мне мой меч: за злато отвечает честной булат»), существует лишь одна червоточина: наследник «сундуки со смехом отопрет <...> украв ключи у трупа моего». Так и происходит. Барон умирает (не дождавшись смерти от руки сына) с воплем «Где ключи? / Ключи, ключи мои!» (2009, VII, 120).

Но и победитель Альбер терпит моральное поражение. Он чуть было не повесил Жида за предложение отравить отца, а теперь с радостью, вожделея отцовских сокровищ, хватает перчатку, готовясь сам, своей рукой, вонзить в отца смертельный клинок («Так и впился в нее когтями! — изверг» (2009, VII, 119)).

Трагедию завершает мрачная ремарка Герцога: «Ужасный век, ужасные сердца!» «Нет правды на земле», — скажет чуть позже, 26 октября, герой другой «маленькой трагедии» — Сальери.

Кажется, смертельный поединок молодости со старостью мирно разрешается в самой спокойной, по сути бесконфликтной повести, о которой В. Г. Белинский писал: «Особенно жалка из них («Повестей Белкина». — *М. А.*) одна — „Барышня-крестьянка“, неправдоподобная, водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения...»[43]

Как и другие повести, «Барышня-крестьянка» изобилует литературными реминисценциями и погружает нас в виртуальный мир русской и европейской литературной жизни.

[43] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1955. Т. 7. С. 577.

Начинается она с забавного конфликта, который иронически переосмысляет одну из величайших трагедий мировой литературы и превращает смертельную вражду двух могущественных кланов Монтекки и Капулетти в пустяшную ссору двух русских помещиков Ивана Петровича Берестова и Григория Ивановича Муромского. Один из участников этого конфликта, смеясь, спрашивает дочь: «...ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романическая героиня? Полно, не дурачься...». Походя в повести цитируется сатира А. А. Шаховского, упоминаются Д. И. Фонвизин, Жан Поль (И.-П. Рихтер). Насмешливым переосмыслением литературных штампов романтизма является и рассказ о молодом герое: «Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным <...> говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы». Перечислив все эти штампы, автор не без иронии добавляет: «Всё это было чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нем с ума» (VIII, 111).

Для самого младшего Берестова все это — лишь более или менее искренняя игра, о которой он, «стройный, высокий, с румянцем во всю щеку», мгновенно забывает при виде хорошеньких молодых крестьянок. Сам автор сообщает: «Алексей, несмотря на роковое кольцо <...> и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое...» (VIII, 116). Тем не менее он старается добросовестно играть свою романтическую роль. Даже собаку свою называет Сбогаром, именем протагониста популярного романа Шарля Нодье.

Важную роль в литературном антураже повести играет и Карамзин с его уже утрированной для образованного читателя XIX века сентиментальной «Натальей, боярской дочерью», которую читает с подачи своего возлюбленного мнимая крестьянка. Влюбившись в очаровательную «Акулину», молодой Берестов предлагает «безграмотной» крестьянке, естественно, не романтическую, а сентиментальную литературную модель, для него самого уже безнадежно устарелую. Он не мог предложить ей популярную «Бедную Лизу», чтобы милая «Акулина» не увидела в трогательном рассказе собственной судьбы. Другое дело любовная повесть с легким налетом эротики и благополучным концом. А Лиза в простосердечном старом рассказе могла неожиданно увидеть наивный намек на собственную судьбу. Ее романтическому воображению могло представляться, как, вместо таинственного незнакомца, таинственной незнакомкой благородного происхождения обернется для своего возлюбленного она сама, кроме того, она тоже мечтала о романтической ситуации: «увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца» (VIII, 117).

Вызывает литературные ассоциации и центральная сцена повести. Выше уже отмечалось, что неузнавание мнимого жениха в «Метели» напоминает о трагическом эпизоде известного романа Вальтера Скотта. Смешная сцена, в которой влюбленный Алексей днем («в два часа ровно») не узнал за обеденным столом свою «Акулину», вызывает подобные же ассоциации. Только и у Скотта, и даже в «Метели» они были более правдоподобными (сходство братьев, темная церковь, метель, свечи). Как бы ни маскировала себя Лиза сурьмой и белилами, париком, жеманством и французской речью, трудно поверить, что влюбленный Алексей, проведя несколько часов (днем!) в обществе накрашенной, неестественно манерной барышни, не узнал в ней свою любимую Акулину.

На этом фоне литературных увлечений и идиллических встреч молодых влюбленных вдруг возникает ситуация, напоминающая трагические конфликты «Скупого рыцаря», внутри, в тексте которого (как и в других «Маленьких трагедиях») нет никаких литературных отсылок.[44]

Сталкиваются в ожесточенном поединке отец и сын Берестовы. Оба они обладают твердыми характерами и достаточно упрямы («...если отец заберет что себе в голову, то уж того <...> у него и гвоздем не вышибешь <...> Алексей был в батюшку...» (VIII, 123)). Кстати, может быть, не случайно есть некоторое сходство между именами *Аль*бер — *Ал*ексей. Правда, и героя карамзинской «Натальи...» зовут Алексеем.

[44] Исключением является «Моцарт и Сальери», но там общаются люди искусства, и упоминание композиторов, художников и писателей — естественно.

В «Скупом рыцаре» причина конфликта — деньги. В «Барышне-крестьянке» конфликт гораздо романтичнее — любовь. Альберу не до любви, красавицы не занимают его (мимоходом упоминается Клотильда как воплощение того мира, куда Альберу трудно попасть без денег — «*сама* Клотильда»[45]). Он вожделеет золота.

Для Алексея главное — любовь. Он готов пренебречь богатством, отказаться от наследства (немыслимо для Альбера!), социального статуса: «...романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более он думал о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия» (VIII, 123). Благородная решимость Алексея вознаграждается благоприятным стечением обстоятельств. Коллизия разрешается счастливой развязкой.

Заметим еще, что в идиллической повести рядом с конфликтующим семейством (отец — сын) изображается другая, вполне благополучная семейная пара (отец — дочь).

Таким образом, кажется, «Барышня-крестьянка» является единственной в цикле повестью, где нет никакого щемяще-грустного подтекста, как в «Выстреле», «Станционном смотрителе», «Метели». Торжествует молодость, любовь, счастье. Не случайно Пушкин заключил ею весь белкинский цикл, как бы пытаясь безоблачностью сельской идиллии смягчить неразрешимые трагедии бытия и проблемы собственной творческой, общественной и (будущей) семейной жизни.

4

Основной конфликт трагедии «Каменный гость» — любовь и смерть. Со-/противопоставление этих двух начал, их единство и взаимоуничтожение занимали Пушкина всю его жизнь. Так, он обратил самое пристальное внимание на максиму Л. Стерна о сочетании наслаждения и боли в физиологии любовных отношений. В 1828 году Пушкин напечатал в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» «Отрывки из писем, мысли и замечания». На третьем месте находилась заметка: «Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончается содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б»[46] (XI, 52). У Стерна: «...некоторые солиднейшие наши богословы решаются даже утверждать, что само наслаждение сопровождается вздохом и что величайшее из им известных наслаждений кончается обыкновенно содроганием почти болезненным».[47]

Это проницательное и откровенное наблюдение снова отразилось, спустя несколько лет, может быть, в последние годы жизни в одном из самых пронзительно-интимных стихотворений, которое при жизни поэта не было напечатано и для печати никогда не предназначалось:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем <...>
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змеей <...>
Она торопит миг последних содроганий!
О, как милее ты, смиренница моя!
(III, 213)[48]

[45] Определительное местоимение *самый*, *сам*, *сама* указывает на исключительно высокое положение этой дамы в обществе по красоте (всего вероятнее), происхождению, богатству... Именно это важно для Альбера, когда он говорит: «...все дамы / Привстали с мест <...> сама Клотильда, / Закрыв лицо, невольно закричала...» (VII, 106).

[46] Эта запись не попала в печатный текст, вероятно, по цензурным соображениям. Или, может быть, друзья решили не печатать эротичную цитату. Не напечатали они и восторженную оценку идиллий Дельвига. Заметка о Стерне была впервые опубликована только в 1924 году (XII, 535).

[47] *Стерн Л.* Жизнь и приключения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 619 (в оригинале: «convulsion»).

[48] Стихотворение при жизни не было опубликовано. Автограф не сохранился. Текст известен в списках. Самый авторитетный — рукой С. А. Соболевского, с датой — 1830 год. Эта дата принята большинством исследователей. Однако Б. В. Томашевский включил его в стихи 1827–1836 годов (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 3. С. 531, 557). Я думаю, что весь

Неразрывная связь любви не только с болью, но и со смертью проходит в творческом сознании Пушкина от юношеских творений практически до конца жизни, достигая апофеоза в «Каменном госте». Остановимся лишь на некоторых эпизодах.

Уже в раннем юношеском лицейском стихотворении «К молодой вдове» (1817) возникает образ, напоминающий трагический финал «Каменного гостя»:

...разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

(1999, I, 260)

В 1820 году, в Петербурге, пишет Пушкин балладу «Русалка». В ней он шутливо отталкивается от баллады И. В. Гете «Рыбак», только что (1819) переведенной В. А. Жуковским. В грустных стихах Жуковского рыбак погибает, плененный чарами русалки: «Она поет, она манит — / Знать час его настал! / К нему она, он к ней бежит... / И след навек пропал». Стихи Пушкина носят скорее насмешливый характер. Старый монах проводил время «всегда в занятия суровых, / В посте, молитве и трудах». Он уже «лопатою смиренной себе могилу <...> рыл», когда вдруг увидел:

....легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у брегов.

Как у Жуковского, «она *манит* его рукою». Любовь прекрасной девы погубила даже старого пустынника, который до того «святых угодников молил» о совсем другой «смерти вожделенной». Вместо этого:

На третий день отшельник страстный
Средь очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной <...>
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

(II, 96–97)

Несмотря на озорную концовку, основная мысль стихотворения достаточно трагична. Любовь, боль, смерть — неразделимы. И далее тема смертельной любви к русалке, переплетаясь с другими разработками темы любви и смерти, проходит через все творчество поэта.

На эту сквозную у Пушкина тему обратил внимание Е. Г. Эткинд. В частном письме от 26 марта 1999 года[49] он писал: «Оказывается, тема любви к русалке — центральная

текст этих необычайных по откровенности стихов говорит именно о супружеских отношениях, свидетельствует, что они обращены к жене (так в некоторых списках) и, следовательно, написаны после свадьбы (18 февраля 1831 года) и, видимо, не вскоре после нее. Можно предположить, что Соболевский, ближайший друг Пушкина в последние годы его жизни (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 407–408), не хотел, чтобы слишком откровенные признания его друга относились читателями к его личной жизни, и поставил более раннюю дату. Поэтому трудно согласиться с итоговой репликой О. С. Муравьевой: «Установить адресата пушкинского стихотворения вряд ли возможно — скорее всего, это собирательный образ» (Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2017. Вып. 3. С. 356).

[49] Письмо к С. И. Ельницкой. В печати (альманах «Connaisseur», Praga). Благодарю адресата за разрешение напечатать отрывок письма до публикации.

у Пушкина: „Русалка“ — 1819, гениальный монолог князя (черновой) — 1824, драма „Русалка“ — 1829, „Яныш-королевич“ — 1834… 15 лет живет в его сознании один сюжет! О чем? О том, что за любовь платят жизнью! И этот сюжет связан с другим любимым: Клеопатрой («…ценою жизни ночь мою»). И сюда же — „Пир во время чумы“:

И девы-розы пьем дыханье
Быть может, полное Чумы.

Не удивительно ли? Да ведь и сам он погиб, отдав жизнь за любовь. Нет сомнений, что за любовь — почти что к Русалке («Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем…»); неужели это свойство Нат. Ник. он предчувствовал <…>».[50]

В самый разгар «Болдинской осени», 17 октября возникает «Заклинание», где мучительно, самозабвенно звучит призыв к мертвой возлюбленной встать из гроба, покинуть кладбище, явиться вживе. Этот страшный мотив явно предваряет «Каменного гостя», который будет написан чуть позднее, 4 ноября:

О, если правда, что в ночи <…>
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

(III, 246)

А за десять дней до «Каменного гостя» был написан «Скупой рыцарь», о котором мы уже говорили. И там тоже возникают зловещие темы переплетения любви (эротики) и смерти (нож, жертва). Когда Барон говорит: «Ключ в замок влагаю» — это действие вполне может восприниматься как символическое изображение соития («впадаю в жар и трепет»). Барон явно испытывает при этом наслаждение, «какое-то неведомое чувство», «приятность».[51] Однако в извращенном сознании скупца величественный акт созидания превращается в губительный акт убийства. Когда Барон «влагает ключ в замок», в мозгу его возникают не эротические коннотации (а ведь он сейчас испытает истинное блаженство: «какой волшебный блеск», «я царствую»), а ему кажется, что он «вонзает в жертву нож» (2009, VII, 113). Смерть в его сознании торжествует над любовью.

Со страшной силой подобные ощущения воплотятся в «Каменном госте». Ощущение близости стихий любви и смерти в Болдинскую осень были у Пушкина особенно обострены. Еще 5 апреля 1830 года он писал будущей теще: «…я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад» (XIV, 76, 405).[52]

В «Каменном госте» смерть, мысль о смерти, как это блестяще показал еще Д. Д. Благой в своем филигранном анализе трагедии,[53] сопровождает буквально каж-

[50] Ср.: *Эткинд Е. Г.* Любовь к Русалке (Гёте — Жуковский — Пушкин) // Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 528–538.

[51] Любовно-эротические коннотации возникают уже в самом начале его монолога: «Как молодой повеса ждет свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой…» (2009, VII, 112). Эти строки, как проницательно заметил Е. Г. Эткинд, почти повторяют строки молодого Пушкина из знаменитого послания к Чаадаеву: «Мы ждем <…> / Минуты вольности святой, / Как ждет любовник молодой / Минуту верного свиданья» (*Эткинд Е. Г.* Божественный глагол. С. 412).

[52] Оригинал по-французски. А. А. Ахматова пишет: «…это письмо Пушкин написал сразу после получения согласия родителей невесты на его брак с Н. Н. Гончаровой, когда эти слова звучали, по крайней мере, неожиданно. Ими Пушкин совершенно точно предсказал свою судьбу…» (*Ахматова А.* Гибель Пушкина. М., 2019. С. 65 (статья «Каменный гость»)).

[53] *Благой Д.* Социология творчества Пушкина. С. 210–218. Меня очень удивило, что в совсем недавней работе «Социология…» была названа «ныне забытой книгой» (*Есипов В. М.* Между «Онегиным» и «Дмитрием Самозванцем» (царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина с Булгариным) // Homo liber: Сборник памяти Л. Г. Фризмана. Киев, 2020. С. 220). Работа Благого ни в коей мере не забыта. О. С. Муравьева *справедливо* называет ее «блестящей и бесстрашной кни-

дый шаг любовных похождений героя. В дальнейшем мы будем в значительной степени опираться на этот анализ.

Действие трагедии в отличие от всех предыдущих повествований о Дон Жуане начинается на кладбище. В окончательном тексте мы узнаем об этом позже, в середине, ближе к концу первой сцены, когда монах сообщает, что Дона Анна приедет «на мужнину гробницу». Однако в черновике уже в начале первой сцены (стих 41–42; 2009, VII, 399) Лепорелло узнает *Антоньев монастырь* и *монастырское кладбище.* И тут же Дон Гуан вспоминает свою умершую возлюбленную и говорит о своей любви к меланхоличной, чуть ли не полумертвой красавице:

<...> Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвелых губах. <...>
А голос
У ней был тих и слаб — как у больной...
(2009, VII, 136–137)

А в черновиках возникает еще более странный, страшный портрет давно умершей женщины. Взор у нее был «дикий», а губы «посинелые» (2009, VII, 399–400).

В 1826 году были написаны (не закончены) стихи, которые потом отозвались в воспоминаниях Дон Гуана. Б. В. Томашевский считал, что они «относятся к первоначальному замыслу „Русалки“».[54] Князь перед смертью (Русалка готовится погубить обидчика: «Я каждый день / О мщенье помышляю, / И ныне, кажется, мой час настал» (2009, VII, 200)) видит выходящую на берег возлюбленную, утопленницу-русалку:

Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
(III, 36)

У мертвой Русалки дыханья нет, губы синие, глаза меркнут. У бедной умирающей Инезы — уста помертвелые, а голос тих и слаб, взор печален. «Муж у нее был негодяй суровый, / Узнал я поздно... Бедная Инеза!..» (2009, VII, 137) — вспоминает Дон Гуан. Перед нами маленькая новелла о горькой трагической любви. Гуан был по-настоящему влюблен и искренне горюет о несчастной женщине. Однако эти настроения недолго его волнуют. Лепорелло справедливо замечает: «Недолго нас покойницы тревожат». Гуан отправляется к молодой талантливой красавице Лауре.

И декорации, и настроения резко меняются:

...Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной...
(2009, VII, 144)

гой» (*Муравьева О. С.* Образ «Мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 17). Отсылок на эту одну из лучших книг Д. Д. Благого — довольно много. Автор этих строк помнит, как В. Э. Вацуро на вопрос, какая лучшая работа о «Каменном госте», без колебаний ответил: «Социология творчества Пушкина». Современный читатель легко может отбросить вызванные временем социологические, марксистские рассуждения, объясняющие пессимизм Пушкина принадлежностью к умирающему дворянскому классу.

[54] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 573.

Забыт суровый ревнивый муж и болезненная давно умершая Инеза. Следует быстрый обмен шутливыми репликами (ни ревности, ни боли): «А сколько раз ты изменяла мне?» — «А ты, повеса?» (2009, VII, 147–148).

Молодая, красивая, блистательно талантливая Лаура дважды поет гостям. 8 октября написаны два стихотворения «Я здесь, Инезилья» и «Пред испанкой благородной». Естественно предположить, что именно эти две песни и исполняет перед гостями талантливая актриса.[55] В первой песне возникает картинная, яркая романтическая Испания с ее обязательными атрибутами: шпага, гитара, плащ, мантилья и пр.[56] — все здесь весело, романтично, влюбленно. Даже смерть воспринимается лишь как легкая проказа, безобидное продолжение любовного развлечения:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

(III, 239)

Однако атмосфера бесшабашной веселости, наслаждения всеми радостями жизни: любовью, искусством, вином — начинает сгущаться. Молодость проходит, грядет старость и смерть. Дон Карлос, которому суждено скоро умереть, предупреждает Лауру:

...твои глаза
Впадут, и веки, сморщась, почернеют,
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой...

(2009, VII, 144)

Появляется Гуан. Он только что оставил кладбище, гробницу убитого им командора, вдову, оплакивающую мужа, сам с грустью вспоминал умершую возлюбленную. Здесь — роскошное жилище красавицы-актрисы, атмосфера праздника, любовных желаний, близких к осуществлению. С Гуаном в эту роскошную обитель вместе с любовью врывается смерть.

Через несколько минут убит Дон Карлос, и у еще не остывшего трупа обнимает Гуан следующую возлюбленную. «Постой... при мертвом!» — ужасается та. «Оставь его — перед рассветом, рано, / Я вынесу его под епанчою / И положу на перекрестке» (2009, VII, 147), — отвечает Гуан. Ему нужно, чтобы все наслаждения любви протекали рядом со смертью.

И снова кладбище.[57] Гробница Командора. Здесь, в обители смерти, готовит Дон Гуан новое любовное приключение: «...сегодня / Впущуся в разговоры с ней; пора. /

---

[55] И уж никак не может она петь «Жил на свете рыцарь бедный» (как в телефильме «Маленькие трагедии», 1979, режиссер Михаил Швейцер), балладу о возвышенной платонической любви (по крайней мере, в редакции «Сцен из рыцарских времен») к Богоматери.

[56] Лаура поет в Мадриде, а в песне почему-то появляется Севилья, «объятая мраком и сном». Маленькое несоответствие объясняется тем, что поначалу действие трагедии происходило в Севилье, откуда родом были предшествующие Дон Жуаны. И у Пушкина Дон Жуан (так!) сначала говорит: «Достигли мы ворот Севиллы! <...> Я никого в Севилле не боюсь» (2009, VII, 399). Затем Пушкин перенес действие в Мадрид (а Жуан стал Гуаном), возможно, из-за каких-то автобиографических ассоциаций: «Тайное возвращение из ссылки — мучительная мечта Пушкина 20-х годов. Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи <...> в Мадрид: ему нужна была столица» (*Ахматова А. А.* Гибель Пушкина. С. 51). В черновике Лаура говорит, объясняя упоминание родины всех Дон Жуанов: «Их (стихи. — *М. А.*) сочинил в Севилье Дон Гуан, / Мой верный друг, мой ветреный любовник» (2009, VII, 404). Кстати, эта реплика Лауры подтверждает, что, по замыслу Пушкина, она поет именно песню «Я здесь, Инезилья / Я здесь, под окном / Объята Севилья / И мраком и сном».

[57] Многократно отмечалась удивительная симметрия, точно выверенная композиция трагедии: кладбище — покои Лауры — кладбище — покои Доны Анны.

С чего начну?» (2009, VII, 147). И быстро отбрасывает все заготовки. Как истинный поэт не только в стихах, но и особенно в любви, он полагается на вдохновение, становясь «импровизатором любовной песни». И из уст его льются гениальные любовные излияния:

Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мрамор бледный
Рассыплете, — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил. <...>
И думаю: счастлив, чей хладный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами...

(2009, VII, 150)

Трудно представить себе, что эта вдохновенная любовная песнь есть лишь результат холодного, рационального расчета. Дон Гуан по-настоящему влюблен, конечно, не в первый раз, как он будет позднее уверять Дону Анну. Но чувство его, по крайней мере в данный момент, — истинно.[58] И поэтому тут же, в те же вдохновенные мгновения возникает в его сознании тема неизбежной гибели.

«Ну? Что? Чего вы требуете?» — спрашивает смущенная, покоренная волшебным напором страсти женщина. Чего поначалу может попросить после откровенного признания влюбленный? Разрешения поцеловать краешек платья, может быть, поцелуя, пока *холодного*, *мирного,* как он попросит чуть позднее. Нет! Упоенный страстью любовник просит... «Смерти. / О, пусть умру сейчас у ваших ног, / Пусть бедный прах мой здесь же похоронят...» (2009, VII, 151).

Покоренная пылкими речами Дона Анна назначает влюбленному свидание в своих покоях. Но и там Дон Гуану необходимо дыхание смерти. Он призывает мраморного покойника покинуть гробницу и у дверей охранять любовное свидание собственной жены. Дон Гуан упоен победой, он храбр, его не смущает согласие (кивок) статуи исполнить дерзкую просьбу. Кладбище еще раз должно стать свидетелем торжества любви.

И в покоях Доны Анны влюбленный Гуан продолжает рискованную игру со смертью. Он открывает свое настоящее имя и готов умереть от руки любимой женщины: «Где твой кинжал? Вот грудь моя. <...> Вели — умру; вели — дышать я буду. <...>Что значит смерть? За сладкий миг свиданья / Безропотно отдам я жизнь» (2009, VII , 160–162).

Когда Анна падает в обморок после страшного признания, он любуется (в черновике) полумертвой женщиной и даже «целует ее»:

О как она прекрасна в этом виде!
В лице томленье, взор полузакрытый,
Волненье <...> груди, бледность этих уст...

(2009, VII, 408)

Разительно в этот момент сходство Доны Анны с *бедной* Инезой. *Помертвелые губы* у одной, *бледные уста* у другой, *взор печальный — взор полузакрытый*. Может быть, это сходство и послужило причиной, что описание осталось в черновике. Умирающую Инезу Дон Гуан любил. С искренней печалью он вспоминает ее. Любит он (по крайней мере, в этот момент) и Дону Анну. Это та грань на краю любви и смерти, в которой существует и находит наслаждение пушкинский женолюб.

Это очень существенный и очень важный для понимания трагедии вопрос: любит ли Гуан Дону Анну, или перед нами очередной образец высокого искусства

[58] Б. В. Томашевский справедливо отмечал у Гуана «неясность границы, на которой кончается умышленный обман и начинается непосредственность и правдивость признаний» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [Л., 1935]. Т. 7. Драматические произведения. С. 564).

профессионального соблазнителя. Слава Гуана в этой области общеизвестна. «И я поверю / Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз, / Чтоб не искал во мне он жертвы новой!» (2009, VII, 162) — восклицает Дона Анна, заслушиваясь пламенными речами влюбленного и хорошо зная его репутацию. О том же свидетельствует и хладнокровная реплика «про себя» («Идет к развязке дело»), когда Гуан собирается открыть свое истинное имя.

В то же время если все пламенные стихи, с которыми Гуан обращается к женщинам, есть лишь холодное искусство профессионального развратника, то финал трагедии представляет собою лишь заслуженное наказание грешника, как у всех предшественников русского поэта.

Белинский отказался от анализа «Каменного гостя», заменив его пересказом содержания, обильными цитатами и восхищением пушкинским шедевром, «богатейшим, роскошнейшим алмазом в его поэтическом венке <...> дивной гармонией между идеею и формою <...> стихом, прозрачным, мягким и упругим, как волна, благозвучным, как музыка!» и пр.[59] Однако при этом в конце своего разбора он высказал важную мысль о катарсисе финала трагедии, объяснимом именно в том случае, если мы признаем истинным чувство Гуана в последний трагический миг его земного существования: «Самым естественным наказанием Дону Хуану могла бы быть истинная страсть к женщине, которая или не разделяла бы этой страсти, или сделалась бы ее жертвою. Кажется, Пушкин это и думал сделать: по крайней мере так заставляет думать последнее, из глубины души вырвавшееся у Дона Хуана восклицание: „О, донна Анна!“, когда его увлекает статуя...».[60]

Уверена в перерождении Гуана, в его подлинном и искреннем чувстве Анна Ахматова: «Последнее восклицание Дон Гуана, когда о притворстве не могло быть и речи:

Я гибну — кончено — о Дона Анна!

убеждает нас, что он действительно переродился во время свидания с Доной Анной <...> Заметим еще одну подробность: „Брось ее“, — говорит статуя. Значит, Гуан кинулся к Доне Анне, значит, он только ее видит в этот страшный миг».[61] И немного позднее Ахматова заметила: «Для Дон Гуана — Дона Анна ангел и спасение...»[62]

Насчет *перерождения* Гуана говорить достаточно сложно. Мы видели искренность и глубину его чувства в воспоминаниях об Инезе, по-своему искренна, конечно на совсем другом уровне, и любовь/привязанность к Лауре. Скорее справедлива давно высказанная и четко сформулированная Ю. М. Лотманом мысль: «Образ Дон Гуана двоится: он хитрый соблазнитель, расчетливый циник <...>. Но он же Дон Кихот любви, и каждое слово лжи чудесным образом становится в его устах словом искренности и правды. Он каждую минуту настолько верит в то, что говорит, что речи его делаются истинными...»[63]

А поскольку его *истинная и искренняя* любовь к Доне Анне оказывается и последней, то здесь и происходит катарсис, который почувствовал и о котором не очень внятно рассказал Белинский. Состоялся апофеоз любви и смерти, к которому в каждом любовном приключении стремился герой. И покидая землю (буквально!), герой в экстазе и в упоении смертельной любовью погибает с именем последней и истинной возлюбленной на устах. Пушкинские тире после каждого слова последней реплики Дон Гуана подчеркивают торжественное величие финала: «Я гибну — кончено», — и последнее восклицание любви и смерти: «— о, Дона Анна!»

Исследователи давно уже обратили внимание на сходство центральных сцен в «Гробовщике» и «Каменном госте»: приглашение мертвецов, приглашение надгроб-

---

[59] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 569.
[60] Там же. С. 575.
[61] *Ахматова А.* Стихи и проза. Л., 1976. С. 533.
[62] Там же. С. 344–345.
[63] *Лотман Ю. М.* Типология характера реализма позднего Пушкина // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988. С. 140.

ного памятника. От трагической ситуации любви/смерти, столь беспокоившей его в месяцы помолвки, уходил Пушкин в спокойный мещанский мир «Гробовщика».

За несколько дней до женитьбы, 10 февраля 1831 года, он пишет Н. И. Кривцову: «Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. <...> До сих пор я жил *иначе* как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes.[64] Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться» (XIV, 150–151).

Мысль Шатобриана о возможности счастья только в жизни обыденной («на путях обыкновенных») очень занимала Пушкина в эти годы. Он снова повторил слова Шатобриана в июне 1831 года (т. е. вскоре после свадьбы) в неоконченном тексте «Рославлев». Рассказчица вспоминает слова Шатобриана, говоря о неуемном характере героини: «Увы! К чему привели ее необыкновенные качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказал мой любимый писатель: „*Il n'est de bonheur que dans le voies communes*“»[65] (VIII, 154).

В беседах с Александрой Россет Пушкин неточно вспомнил (или мемуаристка) эти слова Шатобриана: «Когда разговорились о Шатобриане, помню он говорил:[66] „Из всего, что он написал, мне понравилось одно. <...> Если бы я мог еще верить в счастье, я бы искал его в единообразии житейских привычек <dans le monotonie des habitudes de la vie>“».[67]

К «вымыслам»[68] о «путях обыденных» и обращается он сразу после жуткого кошмара, запечатленного им в «Бесах». Девятого сентября, на следующий день после «Элегии», в которой сулил себе «труд и горе», была написана маленькая повесть «Гробовщик».

Ничто не может быть обыкновеннее, заземленнее, чем мир, описанный в этой маленькой повести. Автор даже помещает своего героя в самую реальную обстановку на улицу Большая Никитская, где жили Гончаровы, куда поэт из Болдина посылал невесте свои письма. Напротив их дома находилась лавка гробовщика, которому автор сохраняет его реальное имя (может быть, именно потому, что оно слегка напоминает протагониста «Каменного гостя»: Адриан — Дон Гуан): «Как вам не стыдно оставаться на Никитской во время чумы. Это хорошо для вашего соседа, Адриана, который от этого большие барыши получает», — пишет он невесте 4 ноября 1830 года (XIV, 120, 418).[69]

Однако торжественный и мрачный эпиграф:

Не зрим ли каждый день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной? —

как бы предупреждает читателя, что кажущаяся заземленность и обыденность повествования достаточно обманчивы — все не так просто. Это и некоторый ироничный оксюморон: торжественные державинские строки предваряют рассказ о переезде ремесленника (правда, немножко необычного — гробовщика) в новый «желтый домик». Здесь гробы «дряхлеющей вселенной» противостоят гробам деревянным, везомым мирными клячами из старого дома — в новый. Эпиграф связывает гробы метафорические с деревянными.

Обычно эпиграфы дают возможность цитатой афористически-кратко выразить суть излагаемого ниже. В «Повестях» их роль несколько иная: они подчеркивают «литературность», искусственность рассказываемого, будто бы описывающего жизнь

---

[64] Цитата из повести Ф. Р. Шатобриана «Рене» (1802): «Нет счастья, кроме как на путях обыкновенных».

[65] Внизу в сноске: «*Примеч.<ание> Изд.<ателя>*: „Кажется, слова Шатобриана“» (VIII, 154).

[66] Далее в оригинале по-французски.

[67] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 25 (сер. «Литературные памятники»).

[68] Вспомним «Элегию»: «Над вымыслом слезами обольюсь...».

[69] Оригинал по-французски.

сугубо обыкновенную, а на самом деле некоторую искусственность, удаленность описываемой повседневности от реальной действительности.

Строки взяты из знаменитой оды Державина «Водопад», знакомой наизусть всем грамотным современникам Пушкина. Вот их продолжение:

Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Ремесленник сколачивает из досок гробы, сосновые или дубовые. Это его повседневное и обыденное занятие. Но гробы суть символ конца, смерти, гибели всего окружающего мира. И в связи с эпиграфом из Державина наверняка вспоминались читателю и гениальные стихи из оды «На смерть князя Мещерского». «Где стол был яств, там гроб стоит», — говорит Державин в этом стихотворении и чуть ранее рисует впечатляющую картину всеобщего апокалипсиса:

Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Державину вторил в выразительных стихах С. А. Ширинский-Шихматов (1812):

И грады зиждутся от камений надгробных;
Мы жнем насущный хлеб от персти нам подобных, <...>
Гробами нашими вселенная полна,
И места нет на ней, не бывшего могилой.
Трепещет целый мир пред страшной Смерти силой...[70]

Примеры легко можно многократно умножить. Эпиграф уводит нас к глубинным неразрешимым трагедиям бытия, о которых Пушкин будет думать и писать немного позднее. А сейчас, пока этот эпиграф создает некоторый комический контраст с содержанием повести: старые клячи волочат с одной квартиры на другую жалкий скарб, в том числе и гробы «всех цветов и всякого размера». Они размещаются на самых видных местах, «в кухне и гостиной». А в эпиграфе речь идет о вселенной, и гробовая метафора является символом всеобщей гибели.

И далее, с постоянной легкой иронией повествуя о быте своих непритязательных героев, автор не дает забыть о литературной природе создаваемого им мира *обыкновенного*, куда прокладывает он *пути* (voies communes) своими повестями: «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми <...> принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу. Адриян Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив» (VIII, 89).

Правда, могильщики и в «Гамлете» не столько веселы, сколько циничны. Поют и спокойно рассуждают, как долго мертвецы гниют в земле, и при всяком удобном случае отправляются за выпивкой. И у Вальтера Скотта (в одном из самых мрачных его романов)[71] могильщик тоже не столько весел, сколько хитер и навязчив. Существенно, что он одновременно и гробокопатель, и скрипач: роет могилы и играет на свадьбах:

---

[70] *Ширинский-Шихматов С. А.* Ночь на гробах. Подражание Юнгу (*Отрывок*) // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биографические справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 421 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[71] «Ламермурская невеста», гл. XXIV. Главу предваряет эпиграф из «Гамлета», где Гамлет и Горацио рассуждают о равнодушии могильщиков, привыкших к своему печальному ремеслу.

жизнь и смерть идут рядом. То же мы увидим и в пушкинской повести, а спустя некоторое время это аукнется трагическим бытием в «Пире во время чумы».

Дело, однако, не в противопоставлении Адриана шекспировским персонажам. Начиная с эпиграфа, Пушкин, кажется, говорит, что его «пути обыденные», с нормальной и достаточно спокойной жизнью обыкновенных людей и благополучными развязками всех коллизий суть явления не столько жизни действительной, сколько, по современному сказать, виртуальной, а по-тогдашнему — литературной, выдуманной.

И, как увидим, с упоминания Шекспира и Вальтера Скотта вхождение мира литературного в мир действительный только начинается. Адриан с дочерями собирается в гости к сапожнику Шульцу. И автор, вторгаясь в повествование, напоминает читателю, что перед ним не реальная жизнь, а вымышленный, сочиненный текст: «Не стану описывать ни русского кафтана Адрияна Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами» (VIII, 91).

Под «нынешними романистами» в первую очередь, наверное, подразумевается Фаддей Венедиктович Булгарин, литературный противник и личный враг Пушкина. Он только что (1829) выпустил с шумным успехом роман «Иван Выжигин». Человек небесталанный, Булгарин был превосходным бытописателем, и изображение деталей, мелочей повседневной жизни очень хорошо ему удавалось. В частности, и костюмы он превосходно описывал. Вот взятый наудачу пример: «Венгерка, то есть сертук, убранный шнурами по-гусарски, или казачий чекмень, длинные плисовые или нанковые шаровары и черный галстук составляли весь наряд уездного щеголя».[72]

Среди гостей находится будочник Юрко, который «лет двадцать пять служил в сем скромном звании верой и правдою, как почталион Погорельского». На этот раз называется уже и имя писателя, чей литературный герой упоминается. Алексей Алексеевич Перовский (псевдоним Антоний Погорельский) в 1825 году выпустил повесть «Лефертовская маковница». Пушкин был от нее в восторге: «...я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Тр.<ифоном> Фал.<елеичем> Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину».[73] Как видим, и спустя пять лет Пушкин хорошо помнил эту повесть. В самом ее начале говорится об отставном почтальоне Онуфриче, отце героини, который, как и Юрко, *верою и правдой* двадцать лет прослужил в московском почтамте и «никогда или по крайней мере ни за какую вину не бывал штрафован».[74]

И в том же самом абзаце несколькими строчками ниже снова появляется литературная реминисценция. На этот раз точная цитата выделена курсивом, который в XVIII — начале XIX века заменял кавычки. Юрко расхаживает около своей будки «с секирой и в броне сермяжной».

Строка взята из стихотворения А. Е. Измайлова «Пьяница» (1816; потом он повторил ее в сказке «Дура Пахомовна» (1826)). После пьяной драки дебошира

...по улице ведут
Два воина осанки важной
С секирами в броне сермяжной.[75]

Сермяга — бурое, черное грубое некрашеное крестьянское сукно и кафтан из такого сукна (Даль). В такой одежде и с секирой на длинном древке ходили будочники, поддерживая порядок на улицах.

Юрко, вполне второстепенный персонаж «Гробовщика», играет известную роль в нарочито заземленном, бытовом контексте пушкинской повести. Даже в своем

---

[72] *Булгарин Ф.* Соч. М., 1990. С. 178.

[73] Письмо Л. С. Пушкину от 27 марта 1825 года.

[74] *Погорельский А.* Двойник, или Мои вечера в Малороссии. Монастырка. М., 1960. С. 102.

[75] Русская басня XVIII–XIX веков / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост., подг. текста, прим. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова. Л., 1977. С. 338 (Библиотека поэта. Большая сер.).

страшном сне Адриан то видит Юрко на улице, то собирается позвать его на помощь, заметив непорядок в собственном доме. При этом будочник как-то подчеркнуто связан с литературными мотивами и помимо своей «сермяжной брони». Когда его, пьяного, после пирушки отводят в будку, то книжная ассоциация снова неожиданно возникает: лицо тоже подвыпившего переплетчика, сопровождавшего пьяного будочника, «казалось в красненьком сафьяновом переплете». Это цитата из комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун». Верхолет (отрицательный протагонист комедии) описывает человека, которого никогда не видел и которого хочет унизить. Он изображает его не только отвратительным внешне, но и пьяницей (и у Пушкина цитата употреблена для описания пьяных Юрко и сопровождающего его переплетчика):

Так я ж вам сделаю его изображенье.
Лицо широкое его, как уложенье,
Одето в красненький сафьянный переплет;
Не верю я тому, но, кажется, он пьет…[76]

В начале повести, как будто продолжая ее мрачный эпиграф, появляется зловещий символ: «Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью: „Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются напрокат и починяются старые“» (VIII, 89).

Фигура Амура, античного божка любви, вызывает целую цепь прелестных литературных реминисценций (и Апулея, и Лафонтена, и Богдановича, эпиграф из которого взял Пушкин для «Барышни-крестьянки»). Эти достаточно высокие литературные ассоциации сильно снижаются несколько вульгарным оксюморонным эпитетом античного божества — *дородный*.

Но самое главное не то, что амур весьма непоэтично — толстый. Главное, что факел его повернут книзу, *опрокинут*. Амур обычно изображался с горящим факелом в руке — символ пламенной, неугасающей любви. Другая эмблема амура — факел опрокинутый, погасший. Эта картина символизировала смерть.[77] Последнюю эмблему Пушкин знал очень хорошо. В 17 лет он писал, вспоминая только что умершего знаменитого драматурга (октябрь 1816 года), в смерти которого обвиняли его литературных врагов:

Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает…

(1999, I, 362, 184, 692–693)[78]

Таким образом, смешной дородный Амур, появившийся в самом начале повести, своим погашенным факелом предупреждает читателей, что никаких любовных мотивов в рассказе не будет. И действительно, в тексте появляется было мимолетный намек на любовное приключение. Адриану показалось, что «кто-то подошел к его воротам, отворил калитку, и в нее скрылся». «Не ходят ли любовники к моим дурам?» (VIII, 93) — подумал гробовщик. Вскоре выясняется, что не любовники — к дочерям,

---

[76] *Княжнин Я. Б.* Избр. произведения. С. 373.

[77] Ср. в изящной статье С. Давыдова: «Эрос/Амур/Купидон с факелом в руке — классическая аллегория, имевшая два значения, в зависимости от положения факела. Зажженный и поднятый вверх факел означал земную любовь и принадлежал к свадебной символике, в то время как встречавшийся реже погасший опущенный факел обозначал смерть…» (*Давыдов С.* Веселые гробокопатели: Пушкин и его «Гробовщик» // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева. Новгород, 1997. С. 43). Подробнее см.: *Сазонова Л. И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012. С. 153–163; *Кардаш Е. В.* «Амур с опрокинутым факелом»: заметки о повести Пушкина «Гробовщик» // Slavica Revalensia. 2017. Vol. 4. С. 9–39.

[78] В этом последнем академическом издании предлагается новая текстология послания «К Жуковскому». См. указанные страницы.

а мертвецы на новоселье входят в ворота. Никакого даже малейшего намека на любовную стихию в тексте нет. Есть лишь смерть, но какая-то обыденно смешная, можно сказать — заземленная.

Кульминацией повести является давно известный в европейской литературе мотив: все (почти) Дон Жуаны зовут надгробную статую с кладбища в дом. В том числе, конечно, и в «Каменном госте». В «Гробовщике» Пушкин тоже заставляет своего героя пригласить с кладбища *всех* своих клиентов (а не *одну* статую). Спустя полтора месяца после «Гробовщика» он создаст в том же Болдине свой шедевр о великом распутнике.

Центром легенды о Дон Жуане является наказание распутника каменной статуей, увлекающей грешника в преисподнюю. Пушкин вряд ли знал текст пьесы де Молино, но с переработкой ее сюжета Мольером («Дон Жуан, или Каменный гость») он был знаком очень хорошо. У де Молино и следом за ним у Мольера Дон Жуан приглашает статую на вечернюю трапезу: «Не угодно ли сеньору командору отужинать у меня?»[79] В «Каменном госте» Дон Гуан приглашает мертвеца, выполненного в мраморе, сторожить любовное свидание своего убийцы со своей женой. В «Гробовщике» же сохраняется мотив Мольера: мертвых зовут на вечернюю пирушку. «А созову я тех, на которых работаю: мертвецов православных», — запальчиво возглашает пьяный Адриан. — «Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попировать; угощу, чем бог послал» (VIII, 92).

Мертвецы приходят к Адриану, как статуя командора к Дон Жуану. И так же грозят ему гибелью. У Мольера: «О небо! Что со мной? Меня сжигает незримый пламень, я больше не в силах его терпеть, все мое тело, как пылающий костер. О!»[80] У Пушкина: «Между мертвецами поднялся ропот негодования; все <…> пристали к Адрияну с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криком и почти задавленный, потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств» (VIII, 94).

Правда, этот утрированно страшный мир мертвецов не лишен иронии, чересчур реалистических деталей, поэтому не очень страшен. Сержанту, на чьи кости упал бедный Адриан, он некогда продал сосновый гроб за дубовый, мертвецы одеты «благопристойно» и пр. Не удивительно, что этот заземленный мир благопристойных мертвецов, копеечной выгоды лишен духовного бытия, любви, страсти, он оказывается лишь сном злоупотребившего спиртным ремесленника. Он разительно отличается от истинно трагедийного мира «Каменного гостя», где явление гробовой статуи внушает подлинный ужас.

В отличие от Дон Жуана (Дон Гуана) Адриан не гибнет, а… просыпается. На «путях обыкновенных», в обыденной жизни обычного человека трагедия разрешается (может разрешиться) мирно и благополучно. Нет вечернего пиршества с мертвецами, зловещего ужаса с ожившей статуей. Даже купчиха Трюхина, которая «уже около года находилась при смерти», вовсе не умерла, смерть ее лишь один из призрачных фантомов, привидевшихся Адриану. А частный пристав сегодня именинник, и новая пирушка, такая же, как накануне, ожидает Гробовщика, и никаких приглашений мертвецов более не предвидится. Сам благополучный герой маленькой повести проснулся к завтраку и зовет к столу не мертвецов, а собственных чад: «…давай скорее чаю, да позови дочерей» (VIII, 94).

В сущности в «Гробовщике» нет и смерти. Она только приснилась Адриану. Наутро все рассеялось и началась обычная, повседневная, лишенная трагических поворотов, любви и духовности жизнь.

Вряд ли такое счастье на таких «путях обыкновенных» могло быть хоть минимальным разрешением глубоких конфликтов бытия, описанных в «Маленьких трагедиях». Особенно такого конфликта (жизнь и смерть), который разворачивается в последней из написанных «Маленьких трагедий» и, пожалуй, самой страшной — «Пире во время чумы».

---

[79] *Мольер*. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 140.
[80] Там же. С. 160.

5

Эта пьеса была последней из «Маленьких трагедий». Уезжая в Болдино, Пушкин вез с собою книгу «The Poetical Works of Milman, Boweles, Wilson, and Barry Cornwall; Complete in One Volume» (Paris, 1829). В этой книге находилась большая драматическая поэма Джона Вильсона «Город чумы» («The City of the Plague»). Тщательно прочитав начало пьесы, Пушкин перевел/переделал четвертую сцену первого действия, превратив ее в последнюю из четырех «Маленьких трагедий». Она представляет собою довольно точный, но сильно сокращенный перевод.

Поэт назвал ее «Пир во время чумы». Оксюморонное название подчеркивало самый трагический конфликт человеческого бытия — противостояние жизни и смерти. Пир, симпозиум, мудрое общение людей за пиршественной чашей — эту радость земного существования хорошо понимал и чувствовал Пушкин.[81] Он часто об этом писал. Приведу лишь два (любимых) примера:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

(II, 428)

И:

Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

(II, 420)

Давно и многими было замечено, что через все «Маленькие трагедии» проходит мотив пира, «гибельного пира», как определил этот мотив Ю. М. Лотман.[82] Каждый «пир» в трагедиях сопровождается смертью.[83] Отравлен за обедом Моцарт, Барон, устраивая «праздник», пиршество в подвале, собирается смотреть «на блещущие груды» золота и испытывает чувства убийцы, вонзающего в жертву нож: «приятно и страшно вместе» (2009, VII, 113). А в доме Лауры веселая пирушка молодых людей, восхищенных талантами прекрасной актрисы, быстро заканчивается смертью Дона Карлоса, и последующая вакханалия любви (уже за сценой) происходит «при мертвом». Апофеозом слияния пира, праздника жизни, и ужаса смерти становится последняя «маленькая трагедия».

«Пиршественное торжество универсально: это торжество жизни над смертью», — писал Бахтин. Чуть ранее он заметил, что «пир всегда торжествует победу — это принадлежит к самой природе его».[84] У Бахтина речь идет о мире раблезианском, фольклорном, связанном с языческими, самыми глубинными изначальными представлениями человеческой психики.

Мир Пушкина — мир цивилизованный, гораздо более сложный и противоречивый. Здесь первобытное торжество пира сталкивается с ощущениями зыбкости бытия, близости смерти. Поэтому уже в названии пушкинской трагедии сопоставляются,

---

[81] «Образ пира в прямом значении этого символа присутствует на всем протяжении творчества Пушкина как положительный» (*Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М., 1996. С. 128).

[82] Там же. С. 21. См.: *Долинин А.* Пушкин и Англия. Цикл статей. С. 105–107. Там же см. литературу вопроса.

[83] Ср., например: «Через все трагедии проходит тема пира, вершащегося в трагических обстоятельствах, пира как момента высшего наслаждения жизнью на пороге гибели героя (моральной или физической)» (*Устюжанин Д. Л.* Маленькие трагедии А. С. Пушкина. С. 49).

[84] *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневекового Ренессанса. М., 1965. С. 307.

сталкиваются два основных начала бытия: пир как воплощение полноты и радости жизни и Чума — олицетворение смерти. (Вспомним, что у Вильсона его обширное сочинение называлось просто «Чумной город»).

Поэтому естественно, что основными идейными центрами трагедии становятся тексты, сочиненные самим Пушкиным. Это две песни: песня Мэри и знаменитый «Гимн Чуме» Вальсингама. Обе они имеют очень мало общего с оригинальными текстами Вильсона. Песня Мэри в оригинале говорит о полной победе смерти. «Вокруг каждого дома было холодно <...> На скамье у входа каркал дикий ворон <...> У горного загона для овец лежит бездыханный пастух» и пр. (2009, VII, 873–874).

Текст песни Пушкина много короче, 40 стихов вместо 64. Сами строки гораздо короче и выразительнее: 4-стопный хорей вместо 5-стопного амфибрахия.[85]

В этой песне, находящейся в самом начале трагедии, сформулирована главная проблема: оппозиция, противостояние жизни и смерти. В первой строфе возникает картина мирной, спокойной, счастливой жизни в недавнем прошлом:

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресение бывала
Церковь Божия полна,
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса...

Далее рассказывается о победе смерти: «Ныне церковь опустела, / Школа глухо заперта <...> одно кладбище / Не пустеет, не молчит — / Поминутно мертвых носят...». А в последних двух стихах возникает тема инобытия, загробной жизни, но пассивно, без идеи выбора, альтернативы: «А Эдмонда не покинет / Дженни даже в небесах» (2009, VII, 168–169).

Главные проблемы (неразрешимые, как и во всех «Маленьких трагедиях») сосредоточены в песне Вальсингама. У Вильсона Вальсингам поет о гибели людей в морском бою, в сражении, в болезнях. Смерть от Чумы — лучше, и Вальсингам призывает ее «оставаться подольше» («Since thou art come I wish thee long» — 2009, VII, 869, 878). Кажется, единственное не совпадение, а сходство двух текстов мы находим в припеве у Вильсона: «...leaning on this snow-white breast, / I sing the praises of the Pest» («припадая к белоснежной груди, я пою хвалу чуме» — 2009, VII, 867, 877). Заключительные строки у Пушкина похожи: «И Девы-Розы пьем дыханье. / Быть может — полное Чумы» (2009, VII, 172).

Герой Пушкина смотрит на мир по-другому. Главные строки его «Гимна» — знаменитое:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Речь идет не о смелом противостоянии смерти-чуме: пусть придет, а мы пока будем наслаждаться вином и любовью, — а о гораздо более глубоком, по-гамлетовски сложном вопросе о соотношении жизни и смерти:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог...

[85] *Яковлев Н. В.* Комментарий // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [Л., 1935]. Т. 7. Драматические произведения. С. 604.

Для Гамлета, который размышляет о самоубийстве, мир страшен и отвратителен: неправосудие тирана, презрение невежд, боль отвергнутой любви, медлительность закона («The oppressor's wrong, the proud man's contumely, / The pangs of despis'd love, the low's delay...»). Смерть — лучше, но страшно, что будет там, в стране, откуда никто не возвращался, какие сны привидятся в смертном сне.

Оппозиция жизни и смерти присутствует и в пушкинском «Гимне» Вальсингама. Но и жизнь, и смерть рассматриваются по-иному, чем у Гамлета. Отвратительная для Гамлета, для Вальсингама жизнь прекрасна:

Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

(2009, VII, 171)

И смерть, непонятная и страшная для Гамлета, у Пушкина становится притягательной, и смертельные опасности вызывают у человека *неизъяснимы наслажденья*. Если у Гамлета страх смерти борется с отвращением к жизни, то в пушкинской трагедии не отвергаются ни жизнь, ни смерть, причем последняя едва ли не привлекательней радостей бытия: «для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья». Инобытие после смерти — это прекрасный мир, и гибель привлекательна, потому что сама смерть — *бессмертья залог*. Правда, вводный оборот «может быть» вносит в эти размышления существенный корректив: никто не знает (как и Гамлет), что ждет нас за гробом. Может быть, лучше безо всяких надежд на... просто уйти от опостылевшей жизни в небытие.

Только Старый Священник уверен, что обладает этой Истиной. Он заклинает Вальсингама именем его любимой умершей жены: «Матильды чистый дух тебя зовет!» И Вальсингаму видится в небесных сферах его любимая:

...Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не досягнет уже...

(2009, VII, 173)

Слова Вальсингама и имя его любимой ведут нас в мир «Божественной комедии» из Ада в Чистилище и Рай. В песне 28 «Чистилища» Данте встречает прекрасную женщину, подобную Венере. Имя ее — Мательда. Она очищает поэта от грехов прошлого и ведет его в рай.[86]

Однако Вальсингам не внемлет призыву священника (вспомним его «может быть») покинуть пир и ласки «погибшего, но милого созданья». «Отец мой, ради бога, оставь меня» (2009, VII, 174), — просит он. У Вильсона после ухода священника идут еще диалоги Вальсингама с Мэри Грей, происходит ссора с Молодым человеком, появляются персонажи, которых нет у Пушкина (Франкфорт и Вильям).[87] Пушкин отбрасывает конец сцены и заканчивает его ремаркой, отсутствующей у Вильсона: «Председатель (Вальсингам. — *М. А.*) остается *погружен в глубокую задумчивость*» (2009, VII, 174).

Трагические противоречия жизни и смерти, «тайны вечности и гроба» остаются неразрешенными, как и другие неразрешимые конфликты «Маленьких трагедий».

Параллелей «Пиру во время чумы» в «Повестях Белкина» — нет.

---

[86] *Давыдов С.* Дыханье девы-розы: автобиографизм «Пира во время чумы» // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 196–197. См. также комментарий: 2009, VII, 895–896.

[87] См. текст и перевод этой сцены: *Яковлев Н. В.* Комментарий. С. 604.

* * *

Мир трагичен. Противоречия, которые несет в себе жизнь, принципиально неразрешимы. Так думал и чувствовал Пушкин в 1830 году, вступая в самую зрелую и совершенную пору своих творческих сил. В «Маленьких трагедиях» он с каким-то сверхреализмом показал глубины и мощь этой трагедии человечества.

В «Повестях Белкина» великий поэт попытался спастись от трагедии бытия на «путях обыкновенных», в полувиртуальной созданной им реальности. Не получилось...

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-117-124

© *С. В. Березкина*

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПОСЛАНИЕ С. П. ШЕВЫРЕВА К МОЛОДЫМ ПРОФЕССОРАМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В рукописях С. П. Шевырева (1806–1864), филолога, критика, публициста, поэта и переводчика, несмотря на большой интерес, проявляемый современными исследователями к его творческому наследию, остается немало неопубликованных сочинений, в том числе стихов «на случай», чаще всего на разного рода застолья, собиравшие видных представителей образованного московского общества. Стихи эти писались в канун подобных собраний или же непосредственно в «пиршественной» зале и достойны внимания, во-первых, как проявление живого общественного темперамента, который был свойственен Шевыреву, а во-вторых, как историческое свидетельство о событии, которое они освещают. Для публикации стихов «на случай» чрезвычайно важна точная дата: они могут быть интересны сами по себе, но без нее теряют не только соль, но порой и смысл. В этом отношении послание Шевырева «В народе, к знанию готовом...» представляет отрадное исключение, поскольку насыщено информацией, не оставляющей сомнения в том, когда оно было создано. Послание написано в начале 1836 года и является откликом на важное событие в жизни ученого сообщества всей России:

В народе, к знанию готовом,
Надежной младости полны,
Науку сеять в поле новом
Мы рано, други, призваны.

Науке русской много дела,
И жатва будет нам славна!
С утра до ночи станем смело
Бросать живые семена,

Да взыдет истина святая
На ниве русского ума,
Сынов России осеняя,
И да бежит пред нею тьма!

Ты наш старшой, ты нам поведай,
Как наша Русь жила-была,
И простодушною беседой
Нам оживи ее дела!

Пандектов чтец — ты наш Ириери́й!
Младой питомец Савиньи,
Ты — в римский разум настежь двери
Российским смыслом распахни.

А ты, лати́нян однодомец,
Ты с ними будто merum[1] пил,
Заставь, чтоб Та́цит, твой знакомец,
По-скифски нам заговорил.

Юрист-философ! Ты ль обидишь
Народный ум в своих речах?
Ты в ясном свете то увидишь,
Что Гегель видел лишь впотьмах.

Толмач законов уголовных!
Да будет правдою Наказ!
Учи скорей прощать виновных,
Чем осуждать невинных нас!

Физиолог мудрый и глубокий,
О тайнах жизни и души
Ты написал трактат высокий:
Так не ленись же и пиши.

Ты — честь своих и зависть немцев!
Нас славой русскою утешь!
Гони не наших, Иноземцев,
Врачуя нас, ты их зарежь!

Пируйте, други, и шумите,
Да осенит вас правды Бог!
Певца на пире помяните:
Он духом бодр, да телом плох.

В народе, к знанию готовом,
Надежной младости полны,
Науку сеять в поле новом
Мы рано, други, призваны.[2]

Беловой автограф заключается авторским примечанием: «Стихи, посланные вечером на пир к профессорам, праздновавшим свое профессорство. Сам был болен». Послание густо населено персонажами, у него фактически семь адресатов. Сведения о них, сообщаемые автором, сходятся как в фокусе на 1836 годе. Все профессора, о которых говорит послание и примечание к нему, молоды, как и тридцатилетний автор, адъюнкт (с 1833) Московского университета;[3] в стихе «Мы рано, други, призваны» второе слово подразумевает именно возраст героев. По-видимому, ко встрече с ними относятся записи от 4 и 8 февраля 1836 года в дневнике М. П. Погодина, еще одного профессора Московского университета, которые привел его биограф: «На блинах у Морошкина, — гласила одна из них. — Приятно разговаривать с нашею

[1] Merum (*лат.*) — цельное, неразведенное вино.
[2] РНБ. Ф. 850. № 22. Л. 42–43 об.
[3] Об истории получения Шевыревым, не имевшим университетского образования, должности адъюнкт-профессора см.: *Петров Ф. А.* С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999. С. 6–8.

ученою молодежью».[4] Масленичная неделя приходилась в 1836 году на 3–8 февраля, когда, вероятно, и было написано это стихотворение.

Одновременное продвижение на московские кафедры целого ряда молодых профессоров позволяет видеть в послании приветствие не только счастливому повороту их личных судеб. Шевырев укрупняет проблематику текста, вводя в него образ «готового к знанию» народа. В оптимистичном призыве «смело бросать живые семена» в почву, в его надежде на славную «жатву» и большие дела «науки русской» звучит радостная весть о том свежем ветре, который пахнул в университетских аудиториях. Шевырев приветствует вступление в действие нового университетского устава 1835 года, определенное датой 1 января 1836 года. Все, кому адресовано послание, были утверждены в звании экстраординарных профессоров Московского университета 31 декабря 1835 года[5] (кроме хозяина, у которого они праздновали это событие и которого упоминал в своем дневнике Погодин, о чем мы скажем ниже). На должность ординарных профессоров молодые ученые были избраны несколько позднее, в 1837 году, однако само положение и адъюнктов, и экстраординарных профессоров (еще до защиты ими докторских диссертаций) получило в новом уставе более прочное основание. Во втором семестре 1835/1836 учебного года все герои послания Шевырева были определены на соответствовавшие их научной специализации кафедры, для которых они готовились с конца 1820-х годов.

Устав 1835 года сохранял доступность университетов для всех сословий, за исключением крепостных крестьян, а также значительно расширял объем преподаваемых в университетах дисциплин, что способствовало дифференциации научных знаний и увеличению числа кафедр. Были открыты кафедры российской и всеобщей истории (ранее они преподавались вместе со статистикой и географией), российской словесности и истории российской литературы (вместо кафедр «красноречия, стихотворства и языка российского»), истории и литературы славянских наречий и др. Новым уставом была проведена реорганизация преподавания на юридическом факультете (в соответствии с кодифицированным Сводом законов Российской империи 1832 года). Количество кафедр, а значит, и профессоров было увеличено в университетах на треть, жалованье же профессорско-преподавательскому составу — в два с половиной раза.[6]

Чтобы все это воплотить в жизнь, Министерство народного просвещения осуществило ряд шагов, сделавших возможным формирование к середине 1830-х годов поколения молодых ученых высокой научной квалификации (организация Профессорского института в Дерпте, обучение молодых правоведов под руководством гр. М. М. Сперанского во II Отделении с. е. и. в. Канцелярии, заграничные стажировки). Оглядываясь на историю Московского университета в юбилейный для него 1855 год, Шевырев писал об этой стороне деятельности правительства: «Беспримерной щедроте монаршей, благоразумным действиям исполнителей великодушной воли государя не один университет московский, но и все русские университеты обязаны тем

---

[4] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1891. Кн. 4. С. 350, 447.

[5] См.: Летопись Московского университета. Торжественное собрание в университете [9 июня 1836 года] // Ученые записки Московского университета. 1836. № 12. С. 585–587. Дата 31 декабря 1835 года, «при введении в действие нового устава», присутствует в автобиографиях всех героев послания Шевырева и статьях о них (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: В 2 ч. М., 1855).

[6] В отзыве Н. И. Надеждина на новации в жизни университетов, введенные уставом 1835 года, говорилось, что материальное обеспечение профессоров избавляет их теперь «от нужды работать вне университета» (Телескоп. 1836. Т. 33. № 9. С. 108). О новом уставе см.: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М., 2003. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. С. 271–351; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. С. 16–66. Работа Ф. А. Петрова оснащена обширным комментаторским отделом, дающим исчерпывающее освещение истории изучения российских университетов.

значительным числом специальных русских ученых, которые поставлены теперь в решительную возможность возделывать науку в России и насаждать ее семена между своими соотечественниками».[7] А. Д. Галахов (1807–1892) в своих «Записках человека» (публ. с 1847 года) с пиететом вспоминал о времени гр. С. Г. Строганова, попечителя Московского университета с 1835 года, когда университет приобрел «новых профессоров, молодых и талантливых, умевших поднять уровень высшего научного образования и возбудить в студентах не только любознательность, но и нравственные чувства, стремление к благородным идеалам».[8] Именно к этой когорте и принадлежали те, к кому Шевырев обращался в своем послании.

Назовем по порядку его адресатов. Исключением в ряду вновь испеченных профессоров был Федор Лукич Морошкин (1804–1857), выпускник Тверской семинарии (1823) и Московского университета (1828), отказавшийся после его окончания от обучения в дерптском Профессорском институте. Он начал службу в Московском университете в 1833 году адъюнктом на кафедре прав знатнейших древних и новых народов и в марте 1835 года был утвержден в звании экстраординарного профессора. Именно поэтому Шевырев называет его в послании «старши́м». Постановлением от 31 декабря 1835 года Морошкин был утвержден в том же звании, но на новую кафедру гражданских законов. Предложение Шевырева поведать пирующим о том, «как наша Русь жила-была», было связано с темой его докторской диссертации «О владении по началам российского законодательства» (1837). Обращение к Морошкину в послании Шевырева отражает особость его натуры, охарактеризованную им в автобиографии (все они для «Биографического словаря...» писались от третьего лица) словами: «Он всегда благодарит Святое Провидение, что оно призвало его к жизни среди мужественного и славного русского народа, просветило его христианскою верою и наукою на служение церкви, престолу и отечеству»; здесь же он утверждал, что «не рожден для чистой философии».[9]

Далее в стихотворении говорится о Никите Ивановиче Крылове (1807–1879), выпускнике Ярославской семинарии (1827), в 1829 году отозванном из Духовной академии для обучения правоведению во II Отделении с. е. и. в. Канцелярии, выпускнике Петербургского университета (1831), в том же году отправленном для «дальнейшего образования в науках юридических» в Берлинский университет. В Берлине молодые «русские ученые препоручены были личному руководительству знаменитейшего современного юриста» — упоминаемого в послании Ф. К. фон Савиньи (1779–1861), который стал для Крылова высочайшим авторитетом. В 1834 году Крылов защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию и 31 декабря 1835 года был определен в Московском университете на кафедру римского законодательства и его истории.[10] Шевырев относит к нему в послании определения «Пандектов чтец» (имеется в виду систематизированный сборник извлечений из трудов римских юристов, являющийся важнейшей частью римского гражданского права) и «наш Ириери́й» (подразумевается, скорее всего, Ирнерий (ок. 1050 — после 1125), болонский правовед, о значении которого для разработки римского права писал Савиньи).

«Лати́нян однодомец», отличавшийся особым изяществом своего жизненного облика и в совершенстве владевший латинским языком, — это Дмитрий Львович Крюков (1809–1845), выпускник со званием кандидата Казанского университета (1827), закончивший Профессорский институт в Дерпте, где защитил в 1832 году докторскую диссертацию на латыни о Таците («Та́цит, твой знакомец»), затем слушавший лекции в Берлинском университете; в 1835 году он начал преподавание

[7] *Шевырев С. П.* История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 558.

[8] *Галахов А. Д.* Записки человека / [Вступ. статья, подг. текста и комм. В. М. Боковой]. М., 1999. С. 210. Н. И. Надеждин назвал появившихся в Московском университете профессоров «новыми жрецами в лице молодых ученых, прибывших из Германии, после многолетнего искуса, с свежим усердием и силами» (Телескоп. 1836. Т. 33. № 9. С. 109).

[9] Биографический словарь... Ч. 2. С. 112–113, 110.

[10] Там же. Ч. 1. С. 435–437.

в Московском университете и 31 декабря того же года был определен на кафедру римской словесности и древностей.[11]

«Юрист-философ» — это Петр Григорьевич Редкин (1808–1891), выпускник Нежинской гимназии (впоследствии лицея) высших наук кн. А. А. Безбородко (1826), затем студент Московского университета, в 1828 году направленный в Профессорский университет и учившийся там до 1830 года; в 1831–1832 годах он был прикомандирован ко II Отделению с. е. и. в. Канцелярии, в 1832–1834 годах учился в Берлинском университете, где слушал лекции выдающихся ученых и, как указано в автобиографии, «у Гегеля логику и историю философии»,[12] автор первой в России работы о нем; в 1835 году начал читать лекции на кафедре энциклопедии или общего обозрения системы законоведения, 31 декабря 1835 года утвержден на кафедре энциклопедии законоведения и государственных законов.

В обращении Шевырева к Редкину сделан выпад против философии Гегеля. В конце 1820-х годов близкий Шевыреву круг «любомудров» оценивал «стремление к философии немецкой», распространяющееся в России, весьма позитивно, но только как «важный шаг» на пути к созданию русской философии. «Нам *необходима* философия <...> *Наша* философия должна развиваться из *нашей* жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов *нашего* народного и частного быта», — писал И. В. Киреевский в «Обозрении русской словесности за 1829 год» (1830).[13] В 1836 году сходное воззрение Шевырев формулирует в виде жесткого неприятия того немецкого учения, которое все более и более овладевает умами русских людей: оно противопоставляется «народному уму», освещенному «ясным светом», как нечто — «что Гегель видел лишь впотьмах»...[14] Отношение автора послания к Гегелю в аргументированной форме, со ссылкой на отсутствие в его философии «живого чувства природы», глубинную связь с поэзией Шиллера и Гете и проч. было выражено в статье Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841), где он высказался о «совершенной невозможности подчинить эту философию христианской религии».[15]

Далее в послании говорится о «толмаче законов уголовных» — это Сергей Иванович Баршев (1808–1882), выпускник Московской семинарии (1826), отозванный из Духовной академии в 1828 году для обучения правоведению во II Отделении с. е. и. в. Канцелярии, выпускник Петербургского университета (1831), три года усовершенствовавший свои знания в Берлинском университете, доктор правоведения после защиты в 1834 году диссертации «О мерах наказаний» («Учи скорей прощать виновных, / Чем осуждать невинных нас!»), в 1835 году начал преподавать на кафедре законов уголовных и полицейских в Московском университете, утвержден на той же кафедре 31 декабря 1835 года.[16] В связи с Баршевым любопытно упоминание в послании Шевырева Наказа Екатерины II (издан в 1767 году), написанного как руководство созванной ею комиссии для составления нового Уложения законов. Призыв сделать Наказ «правдою» подразумевает ту программу гуманизации законодательства, которая не имела воплощения в российской действительности.

«Физиолог мудрый и глубокий» — Алексей Матвеевич Филомафитский (1807–1849), из Ярославской семинарии перешедший в Харьковский университет (выпускник медицинского факультета, 1828), в дерптском Профессорском институте был в 1828–1833 годах, затем проходил стажировку в Берлинском и других германских

---

[11] Биографический словарь... Ч. 1. С. 438–443.

[12] Там же. Ч. 2. С. 383. П. Г. Редкин упоминал о слышанных им лекциях Гегеля и в статье «Обозрение Гегелевой логики» (Москвитянин. 1841. № 8. С. 411–412).

[13] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 27.

[14] В своей докторской диссертации (1837) Шевырев писал: «...должно признаться, что из всех философов немецких Гегель принадлежит к числу самых темнейших по изложению» (*Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. 2-е изд. СПб., 1887. С. 165).

[15] Москвитянин. 1841. № 1. С. 271, 275, 282. На ту же тему была опубликована затем в журнале еще одна статья, автором которой был другой профессор Московского университета: *Давыдов И. И.* Возможна ли у нас германская философия? // Там же. № 4. С. 385–401.

[16] Биографический словарь... Ч. 1. С. 63–66.

университетах, в 1835 году начал преподавать в Московском университете, 31 декабря того же года утвержден на кафедре физиологии и общей патологии. Упоминаемый в послании Шевырева «трактат высокий» Филомафитского — «Физиология, изданная для руководства своих слушателей» (1832). Автор статьи в «Биографическом словаре...» 1855 года писал о ранней смерти Филомафитского: «Потеря Филомафитского в русском учено-медицинском мире важна и в том отношении, что он был один из немногих врачей-писателей». Его «Физиология» задумывалась в четырех частях, из которых были изданы лишь первая, вторая и половина третьей.[17] Вероятно, Шевырев видел некое предвестие этого замедления в работе молодого профессора, известного своим добродушием, поэтому взывал к нему в своем послании: «Так не ленись же и пиши».

Далее в послании речь заходит о Федоре Ивановиче Иноземцеве (1802–1869), выпускнике словесного (1822) и медицинского отделений (1828) Харьковского университета. Он проходил обучение в Профессорском университете, где защитил в 1833 году докторскую диссертацию, и стажировку в ведущих германских университетах; с 1835 года Иноземцев преподавал на кафедре практической хирургии Московского университета, на которой был утвержден 31 декабря 1835 года.[18] Автобиография его в словаре 1855 года показывает путь человека из низших социальных слоев, который, пройдя через бесправное положение казеннокоштного студента, отправляемого начальством по своему усмотрению на отделение словесное вместо медицинского, поднимается к высотам научного знания. К нему Шевырев обращает свой призыв: «Гони не наших, Иноземцев, / Врачуя нас, ты их зарежь!», что относится, конечно, не к врачебной деятельности Иноземцева, к этому времени уже главы факультетской хирургической клиники, а к давней конкуренции двух профессорских корпораций — русской и немецкой, причем именно на медицинском, самом многочисленном факультете, где, в отличие от других, немцы и в это время составляли треть преподавательского состава.[19]

Послание к молодым московским профессорам было призывом Шевырева к развитию самобытной русской науки и просвещения. Его автор был окрылен уваровской триадой «православие, самодержавие, народность»,[20] которая была в области государственной идеологии важной новацией и к 1836 году приобрела большую популярность в университетской среде. После встречи в 1832 году министра народного просвещения гр. С. С. Уварова с попечителями учебных округов опиравшаяся на нее идея национальной самобытности русского образования начинает определять выступления профессоров на торжественных университетских актах.[21] 9 июня 1836 года И. И. Давыдов (кстати, адъюнктом именно этого профессора был Шевырев) говорил в речи «О содействии Московского университета успехам отечественной словесности» об уставе 1835 года как о начале нового периода в истории высшего образования в России. В речи вновь прозвучали слова Николая I о воспитании питомцев университета «*истинно* русскими», сказанные при посещении университета в сентябре 1826 года, причем то, что было сделало для возможности обновления в 1836 году преподавательского состава университета, подавалось как одно из важнейших достижений в деятельности правительства: «Ученые, *из природных русских*, обогащенные современными знаниями Европы по всем отраслям ведения человеческого, приносят

[17] Там же. Ч. 2. С. 517.

[18] Там же. Ч. 1. С. 353–359.

[19] См.: *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 125–150 (гл. «Немецкие профессора-медики»).

[20] См.: *Зорин А. Л.* Заветная триада: Меморандум С. С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие — самодержавие — народность» // Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 337–374; *Шевченко М. М.* 1) Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104; 2) Официальной народности теория // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 374–376; 3) Уваров // Там же. С. 562–565.

[21] Анализ выступлений профессоров различных российских университетов, начиная с речи П. А. Плетнева 1833 года и до 1840-х годов, см.: *Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. М., 1989. С. 14–22.

к нам свежие плоды наук; изложением их на отечественном языке распространится новый живительный свет их и теплота. Проникаются все элементы гражданственности, из которых слагается народность. Уж мы не доверяем сказаниям иностранцев о себе самих, но сами исследуем элементы вещественные — природу, нами обитаемую, небо, под которым мы благоденствуем, родство наше по происхождению с разными народами; испытуем и элементы духовные: нравы и обычаи предков наших, мудрость их и законы, понятия религиозные».[22]

Шевырев надеялся найти в лице молодых московских профессоров соратников в деле развития национальной научной школы. Действительность оказалась намного сложнее, что отметил уже Н. П. Барсуков, помещая в своем труде выписку о встречах Погодина с «научной молодежью» на блинах у Морошкина: «Вскоре Погодин вместе с Шевыревым сделался противником молодых профессоров».[23] О том же противостоянии в 1840-х годах Погодина и Шевырева, с одной стороны, и «прибывших из-за границы профессоров», «космополитов», с их «германскими симпатиями» и стремлением «стереть с лица земли всякие различия отдельных народностей», а в особенности «народности русской и вообще славянской», вспоминал Ф. И. Буслаев в речи «Погодин как профессор», прочитанной в 1876 году в Обществе любителей российской словесности.[24] Написанное Буслаевым носит субъективный характер, поскольку речь шла не о желании «стереть с лица земли» особость славянской народности, а о позиции более сложной, характеризующей целое направление в русской культуре и определенной термином «западничество»: «Немалое число либеральной университетской профессуры, — пишет современный исследователь, — сознательно дистанцировалось и отмежевывалось от „партии“ министра, в большей мере ориентируясь на западные модели политических свобод,[25] нежели на призывы к консолидации всех представителей ученого сословия, научной интеллигенции России вокруг уваровской триады „православия — самодержавия — народности“, с добавочным компонентом „просвещения“, активно пропагандируемого в общественном сознании и исподволь внедряемого в официальную доктрину С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным при негласном одобрении и поддержке со стороны самого Уварова».[26] Послание «В народе, к знанию готовом...» свидетельствует, что в концепции Шевырева это движение имело четкие идеологические контуры уже на грани 1835–1836 годов и было связано со вступлением в действие нового университетского устава.

В первом же своем лекционном курсе Шевырев, призвав слушателей к многостороннему изучению мировой поэзии на основе достижений европейской философской эстетики, так сформулировал задачи современной русской науки: «Наше самобытное воззрение последует тогда, когда мы, устранив посредников, отказавшись от всякого

---

[22] Ученые записки Московского университета. 1836. № 12. С. 541–542. Речи профессоров на университетском собрании 9 июня 1836 года были изданы отдельной брошюрой, на которую откликнулся Н. И. Надеждин, критически оценивший выступление И. И. Давыдова как «явление случайное, вытребованное обстоятельствами» (Телескоп. 1836. Т. 33. № 9. С. 112).

[23] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 350.

[24] *Буслаев Ф. И.* Мои досуги: В 2 ч. М., 1886. Ч. 2. С. 244.

[25] Молодые профессора, критично воспринимавшие уваровскую реформу университетского образования, руководствовались не только «западными моделями политических свобод». Показательно построение автобиографии П. Г. Редкина, опубликованной в «Биографическом словаре...» 1855 года, что важно, еще при Николае I (сам Редкин в это время уже не служил в Московском университете, поскольку после обвинения в вольнодумстве был вынужден уйти из него в 1848 году). В автобиографии было дано подробное перечисление курсов (по-видимому, всех), которые он слушал в дерптском Профессорском институте и университетах Германии, Швейцарии, Италии (Биографический словарь... Ч. 2. С. 382–383). Эта информация, подаваемая в нарочито отстраненном духе, показывала, что проведенная уставом 1835 года дифференциация научного знания в связи с увеличением университетских кафедр была весьма избирательна и обрекала преподавание правоведения и философии в России на отставание от общеевропейского уровня. Понимание этого было доступно всем молодым профессорам, пришедшим в российские университеты в момент и после введения в действие университетского устава 1835 года.

[26] *Ратников К. В.* Холопы или собеседники?: Профессорские вояжи в Поречье (Идеологическая стратегия С. С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006. С. 210–211.

предварительного мнения, или лучше, предубеждения, внушенного нам нашими западными соседями, обратимся прямо сами к произведениям слова и поверим на деле все то, что нам о них сказано и нами сначала принято на веру».[27] В научной области, где работал Шевырев, его вера в то, что «на ниве русского ума» взойдет новая наука, оправдалась богатством русских филологических школ, которые оставил в наследие России XIX век.

[27] *Шевырев С. П.* История поэзии. Чтения: [В 2 т.]. М., 1835. Т. 1. С. 10.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-122-144

© *К. А. Кумпан*

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 1*

Тема «Мережковский-гимназист» до сих пор не привлекала специального внимания исследователей. Обращаясь к ранним годам жизни писателя, биографы[1] использовали сведения из одних и тех же автобиографических источников.[2] Это — мемуарная книга жены писателя, З. Н. Гиппиус, где рассказ о детстве Мережковского базируется на им же сообщенных кратких сведениях.[3] «Автобиографическая заметка» (1913),[4] со столь же краткими сведениями о детстве и юности, по сути дела являющаяся единственной автобиографией писателя.[5] И наконец, автобиографическая

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00602.

[1] См.: *Зобнин Ю. В.* Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М., 2008. С. 10–43; *Холиков А.* Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб., 2010. С. 8–16. В этих работах учитываются и некоторые архивные сведения из нашей статьи и примечаний в книге: *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000. Далее стихотворения цитируются по этому изданию, с указанием номера страницы.

[2] В книге В. Н. Быстрова «Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография» (СПб., 2009. С. 3–23) эти источники дополнены несколькими краткими цитатами (без ссылок, что диктуется популярным жанром книги): из прозаического наброска Мережковского-гимназиста «Детство» (РНБ. Ф. 150 (Арх. К. К. Владимирова). № 378) и из опубликованных, но не попавших в поле зрения исследователей воспоминаний бывших учеников третьей гимназии в издании: За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923. К последнему источнику мы будем прибегать неоднократно.

[3] *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. Эти мемуары в редакции секретаря Мережковского В. А. Злобина многократно переиздавались в России в 1990-х годах.

[4] «Автобиографическая заметка» многократно перепечатывалась при жизни писателя в дореволюционных изданиях с незначительными стилистическими расхождениями, см.: Русское слово. 1913. 19 марта. № 65; Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 288–294; *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 107–116, а также в эмигрантской прессе: Иллюстрированная Россия (Париж). 1935. № 50; Сегодня (Рига). 1935. 15 дек.; Новое русское слово (Нью-Йорк). 1941. 11 дек. № 10523.

[5] Если не считать краткую раннюю автобиографическую справку в письме Ф. Ф. Фидлеру от 4 апреля 1888 года (РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 1. № 156) и бессодержательную анкету от 13 апреля 1915 года, где на ряд вопросов содержится отсылка к той же «Автобиографической заметке» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 41). Несколько изъятых из печатного варианта сведений содержится в рукописном варианте «Автобиографической заметки» (ИРЛИ. № 24384); отчасти они учтены в статье: *Холиков А.* «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д. С. Мережковского // Toronto Slavic quarterly.

поэма «Старинные октавы», целиком посвященная детству и юности. Она в основном и будет предметом комментирования, а именно та часть, где речь идет о гимназии.

Поэма «Старинные октавы» (середина — конец 1890-х) завершила серию поэм Мережковского «из современной жизни» с автобиографическим контекстом или отдельными автобиографическими мотивами. Образ гимназии исключительно в негативном ключе рисуется уже в первой из них, поэме «Вера»:

XXIV

В гимназии невыносимый гнет
Схоластики пришлось узнать Сереже…
Словарь да синтаксис; из года в год
Он восемь лет твердил одно и то же.
Как из него не вышел идиот,
Как бедный мозг такую пытку вынес,
Непостижимо. «Panis, piscis, crinis», —

XXV

Вот вся наука… Иногда весной
Он ласточкам завидовал. Не учат
Они Aorist первый и второй,
Грамматикой латинской их не мучат.
Пока бедняга с жгучею тоской
Смотрел, как в синем небе реют птицы,
Он получал нули да единицы.

XXVI

Когда зимой пленяло солнце взор
Сквозь дым багровый ласковым приветом,
И душный класс, и мрачный коридор
Был озарен янтарным полусветом, —
О, как Сережа рвался на простор,
И как хотел он, весь отдавшись бегу,
Лететь в санях по блещущему снегу!

(с. 275–276)

Противопоставление душной гимназии миру природы легло в основу детского стихотворения «В школе» (март 1882), сохранившегося среди гимназических опусов поэта. Стихотворение выдержано в образно-стилистическом и просодическом ключе народнической поэзии, где гимназия предстает «душной и мрачной» «темницей» и ей противопоставлен мир свободы, солнца и моря:

Эти душные, мрачные стены,
Этот бледный, болезненный свет,
Что мерцает сквозь тусклые окны.
Нет простора и воздуха нет.

Нездоровы печальные лица,
Утомленные гнетом тоски.
Неподвижно, безмолвно и чинно
Молодые сидят старики. <…>

2016. № 57. P. 11–25 (http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Kholikov57.pdf; дата обращения: 31.12. 2020).

Заунывный, безжизненный голос
Утомительно-вяло звучит;
Надоевшие, мертвые речи
Он твердит, беспрерывно твердит.

Вереницею чисел ненужных
И рядами нам чуждых имен,
Подавляющей грудою книжек
Бедных юношей мозг иссушен. <...>

И раздастся свободная песня:
Мы желаний и силы полны,
Не хотим этой душной темницы,
Дайте света, любви и весны.

Полетел бы я к вечному солнцу,
Чтоб с восторгом святым окунуть
В лучезарное море сиянья
Молодую усталую грудь.

Полетел бы я к синему морю,
Оглянул бы его кругозор,
Мою грусть шумный ветер умчал бы
И развеял в прибрежный простор.[6]

Это же противопоставление, но в ином стилистическом регистре неоднократно присутствует и в поэме «Старинные октавы» (см., например, строфы VIII—XI второй песни).

Поэма в целом построена на бинарных оппозициях, свойственных мышлению и творчеству Мережковского. Значительное место в ней занимает противопоставление летней и городской жизни.[7] Острова, где поэт со своими братьями и сестрами проводил каждое лето и где (в одном из дворцовых флигелей на Елагином острове) он родился, — в поэме становятся островами свободы («Люблю тебя, Елагин, старый друг», с. 547). К условным «островам свободы» относится и Крымский полуостров, описанный в финале поэмы: в Ливадию Мережковский попал первый раз после окончания четвертого класса гимназии. Этому миру противостоит «мрачный» дом Бауэра, в центре столицы, в огромной «скучной, казенной квартире» которого прошло детство поэта. К этому же миру принадлежит гимназия, которая в поэме является квинтэссенцией «мертвенной скуки» и «невыносимого гнета схоластики». Духовная темница превращается в реальную в одном из кульминационных эпизодов поэмы — в рассказе о «сыром, холодном карцере», куда «сторожа» за ничтожную провинность отвели гимназиста-Мережковского.

Поэтическое пространство поэмы организует романтическая оппозиция — внутреннего мира героя и внешнего бытия. Внутренняя жизнь — книжные фантазии, детские молитвы, «безотчетные грезы», мистические страхи («неугасимый жар мистического бреда», с. 560) и неизбывное одиночество, а позже, как выход из него — поэтическое творчество («от всех скорбей лекарство», с. 556). Внешний мир в поэме — мир «людства», к которому относится не только гимназия с ее «убийственной зубрежкой и выправкой», с ее учителями, вызывающими страх, скуку и даже омерзение, с чуждыми автору соучениками.[8] К этому «внешнему миру» относились и все члены семьи (кроме матери): ду-

[6] ИРЛИ. № 24267. Л. 23–24.

[7] Заметим, что эта оппозиция также присутствовала уже в детском сочинении поэта «Деревенская жизнь сравнительно с городской» (РНБ. Ф. 150 (Арх. К. К. Владимирова). № 378).

[8] См. в «Автобиографической заметке»: «С товарищами я мало сходился» (Русская литература XX века. С. 290). Отметим, что для многих соучеников Мережковского по третьей гимназии именно дружба осталась самым светлым гимназическим воспоминанием, см., например, воспо-

ховно далекие герою братья и сестры[9] и деспотический отец, искоренявший «сердечную нежность» в семье,[10] гости, семейные празднества. «Злость» у героя поэмы вызывает даже «толпа» детей, играющих в Летнем саду у памятника Крылову; играм он предпочитает прогулку по «пустынной аллее» сада («Стремясь туда, где нет людей, к свободе», с. 545). Центральное место в поэме занимает противопоставление образа матери и отца героя.

Следует иметь в виду, что идейный пласт поэмы «Старинные октавы» аккумулирует основные темы творчества Мережковского середины — конца 1890-х годов, в частности, двух первых романов трилогии «Христос и Антихрист». Это и уже упомянутая тема *одиночества* («Я не люблю родных моих, друзья / Мне чужды, брак — тяжелая обуза. / В томительной пустыне бытия / Гонимая отверженная Муза — / Единственная спутница моя», с. 579). Это и образ *скуки*, который в поэме, как в романе «Воскресшие боги», приобретает метафизический и онтологический оттенок (см. XV и XVI строфы второй песни поэмы). Из мотивов третьего стихотворного сборника («Новые стихотворения: 1891–1895», 1896) здесь проходит также тема брака, как «семейной пытки, битвы без конца, без отдыха, где нет врагу прощенья» (с. 565) и т. д.

Главная оппозиция, нашедшая отражение в поэме и писавшихся одновременно романах, — противопоставление «нирванических» («*шопенгауэрских*») и бунтарских («*ницшеанских*») начал в мире. Оба эти мотива в поэме звучат приглушенно, но вполне прочитываются. Так в начале поэмы (в седьмой строфе первой песни) поэт останавливается на двух типах творчества и отдает предпочтение не тревожному, бурному и страстному творческому началу, а «вечной святой тишине» (ср. глубокое мудрое спокойствие Леонардо и утверждение Юлиана, что Бог является «не в бурях, а в тишине»). Мотивы всепрощения и умиротворения пронизывают поэму.

В то же время лирическому герою поэмы присущи «ницшеанские черты». Например, ему свойственен антидемократизм: он признается, что ему на пасхальных гуляниях, куда его водила няня, «до тошноты» был «чужд и гадок» народ. Он наделен ярко выраженными индивидуалистическими чертами: в его характере подчеркивается гордость, веселье и отвага, презрение к филистерскому дачному миру и т. д. Все это выглядит в поэме вполне естественно, во всяком случае, без экзальтации, характерной для «ницшеанских» стихотворений третьего сборника, поскольку эти «героические» черты нарисованы через призму романтического воображения ребенка и пронизаны иронией.[11]

Рельефнее и уже без иронии декадентские мотивы звучат во второй песне «Старинных октав», которая, судя по всему, писалась одновременно с романом «Воскресшие боги» или сразу после его завершения.

Просматриваются в поэме и значимые для Мережковского этого периода темы Христа и Антихриста, христианства и язычества и религиозных сомнений. Тема Антихриста в разных песнях поэмы звучит по-разному. В первой — повествуется, как *Он* часто по ночам являлся мальчику, запуганному страшными рассказами няни «о бесах» и борьбе с ними «угодников святых» (что опять-таки соотносится с темой

минания бывшего ее выпускника, известного педагога Л. Н. Модзалевского (Из педагогической автобиографии Л. Н. Модзалевского // За сто лет. С. 50); см. также роман выпускника этой гимназии А. Яроша «До университета: Из жизни средней школы» (СПб., 1905), где, по свидетельству бывших учеников, воссоздан дух третьей гимназии, как дух особого дружества, и довольно точно нарисованы портреты учителей и надзирателей (*Страхович В.* Листки из воспоминаний // За сто лет. С. 144).

[9] Отсутствие связей между детьми акцентируется в XV и XVI октавах первой песни. В «Автобиографической заметке» Мережковский корректирует акцентировку отчужденности, указывая: «В детстве мы жили довольно дружно» (Русская литература XX века. С. 289).

[10] В «Автобиографической заметке» Мережковский смягчает эту оценку отца: «Мне теперь кажется, что в нем было много хорошего» (Там же).

[11] Такие декадентские чувства, как «наслаждение волею преступной», герой испытал, взбираясь с братьями на крышу дома (строфа LXIX, с. 544), а размышление о любви к греху («С младенчества людей пленяет грех») предшествует рассказу о воровстве с дачных огородов незрелого крыжовника (строфа LXXX, с. 547).

аскетического христианства в первом романе): «Все кто-то длинный, длинный и туманный, / Чернее мрака в комнате стоял…» (с. 534). Это ночное видение можно было бы признать за детские фантазии, но далее вдруг резко меняется тон повествования, и видение превращается в реальность, а незваный пришлец, так же как Антихрист в романе «Смерть богов», получает божественное имя Неведомого («*Он* исчезал; но жду я новой встречи / С Неведомым и знаю, что опять / Его пред смертью должен увидать», с. 534).

Бог и Демон, соединенные в первой песне поэмы в лице Неведомого, во второй предстают как разные начала, причем автор осознает себя навеки приверженцем Злого Духа, духа свободы и мщения, тогда как традиционный Бог становится Богом казни. Мы имеем в виду авторский «комментарий» к отмеченному выше эпизоду наказания героя, который за расстегнутую пуговицу на гимназическом «мундирчике» был посажен в карцер и там впервые «познал» «демона возмущенья», которого называет «темным» и «прекрасным» Богом и которому признается в верности:

LVII

Как жаждал сердцем правды я и мщенья!
Не все ль равно за что восстать — за мир
И все его обиды и мученья,
Или за право расстегнуть мундир?
Тебя познал я, демон возмущенья:
Утратив сердца прежний детский мир,
Я чувствовал, — хотя был бунт напрасен, —
Что ты, Злой Дух, мой темный Бог — прекрасен!

LVIII

Тебе остался верен я с тех пор…

(с. 568)

К обсуждению роли демонического и божественного начал в человеческой душе Мережковский еще раз возвращается в конце поэмы, комментируя рассказ о своей детской влюбленности одновременно в барышню-«принцессу» («елагинскую фею») и прачку Лену. Противопоставление любви земной и любви небесной, «плоти» и «духа» предстает в поэме (строфы XC–XCIII) хоть и не без мягкого юмора, но более четко, чем в романах. Размышляя о двух безднах в душе человека, автор впервые фиксирует изначальную двойственность своей души и равную возможность для себя двух путей:

XC

Зачем ты дал нам две души, Господь?
Друг друга ненавидя и страдая,
Напрасно в людях спорят дух и плоть,
Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не может побороть.
С Владыкой Тьмы враждует Ангел рая <…>

XCIII

<…> О, если бы решить я только мог,
Кого душа моя сильнее любит,
Кто сердцу ближе: Демон или Бог!
Их двойственный соблазн меня погубит:
Я все еще стою меж двух дорог,
И с прачкой Леной борется богиня —
С кощунством вечным — вечная святыня.

(с. 576)

Неоднократно в поэме Мережковский возвращается и к теме религиозных сомнений, рассказывая о муках неверия героя. И Бог в «Старинных октавах», как и в первом романе, предстает взорам ребенка суровым и непреклонным, подменяющим чаемое героем чудо — смертью («Ужель подарок Бога — только смерть?», с. 558). Имеется здесь и противопоставление «страшного лика Христова», который пугал мальчика в елагинской дворцовой церкви, — зелени садов за ее окнами, завершающееся признанием: «Любовью, чуждой Богу, мир любя, / Язычником я чувствовал себя» (с. 573). «Языческие призраки былого» (с. 577) вновь являются в самом конце поэмы при описании крымских пейзажей.

В какой мере этот идейный каркас деформирует отраженную в поэме реальную биографию Мережковского? Конечно, невозможно отрицать истинность воссозданной в поэме семейной атмосферы, как неправомерно считать «безотрадность» и одиночество детских лет лишь данью литературной традиции или элементом дуалистического концепта. Сам поэт во вступительных октавах подчеркивает исповедальный характер поэмы, определяя ее жанр как «бесхитростный дневник»: «Бесхитростный дневник пишу, не повесть. / Зову на суд я жизнь мою и совесть» (с. 529).

Напомним, что З. Н. Гиппиус считала «Старинные октавы» лучшей автобиографией поэта, подчеркивая, что в ней дано «очень правдивое изображение его детства, юности, семьи».[12] Отталкиваясь от свидетельства самого близкого человека, современные биографы повторяют оценки и пересказывают факты из поэмы в своих исследованиях. Однако в мемуарах, а тем более в поэтическом дневнике (*художественном* тексте) факты, требуют документальной проверки, а субъективные оценки — корректировки. Лирический герой не равен реальному автору.

Цель настоящей работы — ввести в научный оборот документы и сведения, уточняющие и дополняющие известные автобиографические факты, которые, в частности, следовало бы учесть в связи с подготовкой «Летописи жизни и творчества Д. С. Мережковского (1865–1941)»,[13] а также для создания в перспективе полноценной научной биографии писателя.

Предварительные общие замечания

Третья петербургская мужская гимназия считалась «самой классической из классических».[14] Она располагалась на углу Мещанской улицы и Демидова переулка (совр. адрес: Казанская ул., д. 27; учебный корпус: Гагаринская ул., д. 23). Гимназия была преобразована в 1822 году по проекту С. С. Уварова из Учительского института[15] и продолжала оставаться единственной в Петербурге гимназией с двумя древними языками вплоть до 1918 года, т. е. и после отмены «классического» образования в 1849 году, и после смягчения «толстовско-деляновской» классической системы в 1890-е годы, и после коренного пересмотра классического образования в 1901 году.

Гимназия имела репутацию одного из лучших учебных заведений Петербурга. Но именно ее классический статус, столь непопулярный в либеральных кругах интеллигенции, был определяющим при оценке методики обучения в ней, отразившейся и в приведенных выше стихах поэмы «Вера», и в негативных характеристиках гимназии

---

[12] *Гиппиус З.* Собр. соч. М., 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. С. 28.

[13] Подготовка летописи объявлена группой научных сотрудников ИМЛИ, см.: https://istina.msu.ru/projects/58536237/; дата обращения: 31.12.2020.

[14] *Оппель В. А.* Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия // За сто лет. С. 130.

[15] См.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. Б. В. Федоров. СПб., 2011. С. 6; Из воспоминаний Викт. П. Острогорского // За сто лет. С. 74. Острогорский Виктор Петрович (1840–1902) — известный педагог.

в «Старинных октавах». Наиболее четко и кратко эта оценка сформулирована в «Автобиографической заметке», которую постоянно цитируют биографы Мережковского: «Я воспитывался в (петербургской) 3-й классической гимназии. То был конец семидесятых и начало восьмидесятых годов, — самое глухое время классицизма: никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка. Директор — выживший из ума, старый немец Лемониус, очень похожий на свою фамилию. Учителя — карьеристы. Никого из них добром помянуть не могу, кроме латинского учителя Кесслера, автора известной грамматики; он тоже добра нам не делал, но, по крайней мере, смотрел на нас глазами добрыми».[16]

Что же собой на самом деле являла эта гимназия, каковы были ее программы, методы преподавания и учителя?

Мережковский учился по новому учебному плану 1872 года, который был разработан после внедрения классической системы. План предусматривал введение (а для третьей гимназии — увеличение) часов на изучение древних языков (они вместе с математикой были признаны профилирующими предметами гимназического курса) за счет сокращения часов по истории, закону Божьему и новым языкам и изъятия естественно-научных дисциплин, а также рисования, черчения и чистописания. Кроме того, как раз в год поступления Мережковского в гимназию (1875) семилетний курс был расширен до восьмилетнего.

Однако в 1877 году учебные планы снова подверглись пересмотру. Главные перемены коснулись истории и словесности. По новой программе был введен шестилетний курс истории. Она изучалась с третьего по восьмой класс, и, кроме древней истории, в план был включен систематический курс всеобщей и русской истории, а также расширен курс истории средних веков с изучением фактов из славянской и византийской истории. В качестве домашних заданий, судя по всему, предлагалось писать пересказы и рефераты по пройденным темам. В фонде Мережковского сохранилось несколько его сочинений по истории Древней Греции и Рима. Новая программа по русскому языку и словесности предусматривала изучение грамматики с 1-го по 4-й класс (с начальными сведениями по грамматике старославянского языка в 4-м классе). С 5-го класса начались уроки по теории и истории литературы — обширный и полновесный курс, тогда как прежде словесность сводилась к кратким замечаниям при чтении образцовых произведений древнерусской и русской литературы. К гимназическим занятиям по истории и русской словесности мы вернемся в дальнейшем.

Эти предметы не упомянуты в поэме. Однако представляется не случайным, что у будущего автора историко-литературных исследований и критико-литературных статей, а также исторического романа о римском императоре-отступнике в архиве бережно сохранилось более двух десятков гимназических сочинений и изложений, где он впервые обращается к этим предметам. По всей видимости, Мережковской относился к своим детским работам не без ностальгии и сантиментов, как и к первым поэтическим творениям, в большом объеме отложившимся в его фонде.[17] Серьезное отношение к сохранности архива, вероятно, было связано также с опытом собственных источниковедческих разысканий при создании историко-литературных монографий и исторических романов.[18]

---

[16] Русская литература XX века. С. 290.

[17] Одна из объемных тетрадей с гимназическими стихотворениями была подарена в 1895 году известному коллекционеру рукописей Ф. Ф. Фидлеру с надписью: «Дорогому Федору Федоровичу Фидлеру на вечные времена и на добрую память этот первый детский лепет, стихотворения, никогда не напечатанные и не предназначенные для печати, дарятся Д. С. Мережковским» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234).

[18] См. стихи в заключительной части поэмы «Старинные октавы»:

А может быть и то: под слоем пыли
Меж тех, чьи книги только мышь грызет,
Кого давно на чердаке забыли,
Историк важный и меня найдет...

(с. 581)

Число предметов увеличивалось от класса к классу.[19] В первом классе изучали: закон Божий, русский язык, латынь, математику (арифметику) и географию. Во втором — прибавились иностранные языки: французский и немецкий. Укажем в скобках, что при поступлении в гимназию один из родителей (или наставник) ученика в «Прошении» указывал, будет ли его подопечный изучать оба этих языка или какой-то один и какой именно. Отец Дмитрия в этом прошении указал оба языка.[20] В третьем классе прибавились греческий язык и история; а вместе с арифметикой — алгебра, в четвертом, наряду с алгеброй, — геометрия, в пятом классе русский язык сменился словесностью, в шестом классе прибавляется физика, в седьмом — тригонометрия, а в восьмом — математическая география (т. е. отдел космографии, основы астрономии) и логика.

В первый класс могли поступать мальчики, достигшие 10 лет. При гимназии в эти годы был открыт одногодичный приготовительный класс, куда принимали с 9 лет.

Кроме того, в гимназии с самого момента ее основания был открыт пансион для детей из малообеспеченных семей, а также для детей дворян и чиновников, живущих в провинции, и, по воспоминаниям бывших пансионеров, между ними (в отличие от «приходящих учеников») была особая сплоченность и дружба. Пансионеры отпускались домой (или в семьи столичных родственников) только на выходной день и «содержались на казенном коште», т. е. на казенном питании. «Приходящие» ученики приносили завтрак из дома.[21]

Гимназия славилась своим образованием и гордилась тем, что из ее стен вышло много известных государственных и общественных деятелей (крупных сановников, знаменитых юристов, дипломатов, сенаторов, губернаторов и т. д.), хоть она изначально была демократической и дешевой:[22] ставка делалась на «несостоятельные семейства».[23] Социальный состав ее учеников был очень пестрым, и детей из привилегированных семей было очевидное меньшинство (в отличие, например, от первой гимназии). И, что интересно, дети из провинциальных и наименее обеспеченных семей, как правило, оказывались медалистами и учились более ревностно. По воспоминаниям пансионеров, они регулярно после занятий готовили уроки в специальных учебных комнатах и повторяли задание перед уроками рано утром. За этим следили гувернеры и воспитатели, а кроме того, у пансионеров было меньше отвлечений

---

[19] Список предметов устанавливается по рукописным «Программам преподавания по всем предметам гимназии на оба полугодия», сохранившимся в фонде третьей гимназии за 1876/1877 и 1877/1878 учебные годы (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5058 и 5089), и уточняется по журналам четвертных отметок, а также по экзаменационным ведомостям; журналы сохранились в фонде гимназии только за 6–8-й классы обучения Мережковского с 1880/1881 по 1882/1883 (Там же. № 1712, 1727, 1743), а экзаменационные ведомости — за все 8 лет, с 1875/1976 по 1882/1883 учебные годы (Там же. № 2299, 2303, 2302, 2301, 2300, 2304, 2305, 2306).

[20] Там же. № 5315. Л. 15.

[21] См. в первой песне «Старинных октав» описание изысканного завтрака, который Дмитрию готовила мать и который для него был овеян материнской любовью и заботой:

На завтрак белый рябчика кусок,
Обсахаренный вкусный померанец,
Любимую конфету, пирожок
Она тихонько прятала мне в ранец;
Когда я в классе вынимал платок
С ее духами, вспыхивал румянец
Любви стыдливой на моих щеках,
Сияла гордость детская в очах.

(с. 552)

[22] Возможно, этим обстоятельством (а не только относительной близостью к дому и хорошей репутацией) руководствовался при выборе гимназии для своих детей С. И. Мережковский, который, как известно, не отличался щедростью.

[23] Очерк истории гимназии см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 6–13.

и развлечений, чем у «приходящих», хоть на переменах они были куда более шумными, часто затевали драки и шалости и чаще подвергались наказаниям.

56-й выпуск (выпуск Дмитрия Мережковского) соответствовал общему социальному составу гимназии. Из 15 учеников, окончивших в 1883 году, пятеро (среди них Дмитрий и Александр Мережковские) были из семей крупных чиновников и военных. Кстати, к этому социальному кругу принадлежал упомянутый Мережковским в рукописном варианте автобиографии Корибут-Кубитович, «очень благородный юноша», с которым поэт сошелся «несколько ближе других» (как удалось установить, он приходился двоюродным братом Д. В. Философову).[24] Остальные воспитанники были из семей мелкого чиновничества и недворянского сословия. Двое медалистов — соответственно из купцов и мещан, еще один ученик — из духовного звания (тот самый Евгений Соловьев, которого Мережковский упоминает в своей «Автобиографической заметке»),[25] а более трети списка (6 человек) — дети мелких чиновников; об одном из учеников этого класса сведений вообще не сохранилось.[26]

Интересно отметить социологический парадокс. Из выпускников третьей классической гимназии, ставших знаменитыми деятелями науки и культуры, собственно филологов и историков оказалось почти вдвое меньше, чем «естественников»: медиков, физиков, математиков и инженеров (16 против 31), что, безусловно, свидетельствует не только о высоком уровне преподавания точных наук, но и о нежелании большинства выпускников продолжить специализироваться в классическом образовании.

Ретроспективные оценки системы воспитания в гимназии и отзывы о ее педагогах были неоднозначны. Но оценка качества образования в целом была высокой. Приведем замечание беспристрастного и авторитетного «судьи», А. Ф. Кони: «Хотя я не принадлежал к воспитанникам III-й гимназии <...>, но, в качестве петербургского старожила, был всегда исполнен особого уважения именно к III-й гимназии. Она всем казалась самою серьезною по направлению и, вместе с тем, самою трудною, так как в ней, кроме латинского языка, обязательного для всех гимназий Уваровского типа, было широко поставлено преподавание греческого языка. Житейские встречи с бывшими ее воспитанниками подтверждали основательность даваемого ею образования. <...> Несмотря на ее классический характер, из нее выходили на арену высшего образования люди разнообразных в будущем профессий. Между ними оказались медики, математики и естествоиспытатели, хотя все-таки преимущественно *юристы*, приученные классиками и их языком к ясному, точному и сжатому выражению своих мыслей, что столь необходимо для деятельности, в которой живое слово играет такую роль, — выходили *педагоги*, как носители и развиватели приемов, завещанных III-й гимназией — выходили *представители искусства*, так тесно связанного в своих источниках с античным миром».[27]

---

[24] ИРЛИ. № 24384. Л. 8. Юрий Георгиевич Корибут-Кубитович (1863–1918), сын подполковника Г. Д. Корибут-Кубитовича (ум. 1872), учился с 1873-го с приготовительного класса по 1883 год. Его мать, урожд. Дягилева, была родной сестрой Анны Павловны Философовой, он воспитывался в семье дяди Владимира Дмитриевича Философова, главного военного прокурора Российской империи и члена Государственного совета. По окончании юридического факультета Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23275) служил в лейб-гвардии Волынском полку.

[25] «С товарищами я мало сходился: был нелюдим и застенчив. Несколько ближе — и то не очень — сошелся с Евг. Соловьевым, впоследствии публицистом и критиком (теперь уже покойным); но и с ним — не по сходству, а по противоположности: он был скептик, я уже и тогда немного мистик» (Русская литература XX века. С. 290). Имеется в виду Евгений Андреевич Соловьев (1866–1901), пансионер в гимназии; по окончании историко-филологического факультета Петербургского университета (учился вместе с Мережковским) учительствовал в Сибири, в 1890-е годы известный литературный критик-фельетонист и публицист, печатавшийся под разными псевдонимами, в частности под псевдонимом «Скриба» в «Русской жизни» и «Новостях»; в последние годы жизни преподавал историю в той же третьей гимназии.

[26] Список этого выпуска см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 625.

[27] Почетный академик А. Ф. Кони о Петербургской 3-й гимназии // За сто лет. С. 150.

Если же обратиться к воспоминаниям известных выпускников, то и те из них, кто отрицал систему классического образования, в целом положительно оценивали плоды обучения в этой гимназии.

Вот какую оценку образованию в своей alma mater дал В. А. Оппель, знаменитый профессор медицины, хирург и основатель отечественной эндокринологии. Он был младше Мережковского, но учился по той же классической системе и у тех же учителей: «Если я спрошу себя, питаю ли я к классическому образованию какую-нибудь привязанность, то спокойно отвечу: никакой. Это не значит, что в моей памяти нет места для приятных, радостных воспоминаний. Это не значит, что я отрицательно отношусь ко всем педагогам, которые меня обучали „классическим“ предметам. <...> Среди моих воспоминаний много отрадного. Я благодарен гимназии, что она меня все-таки научила учиться, научила и мыслить, но ко всей системе классического образования в той постановке, которая существовала с тяжелой руки графа Толстого, я до сих пор не питаю ничего, кроме ненависти». И далее он так завершает свои воспоминания: «3-я С.-Петербургская классическая гимназия <...>, благодаря умелому подбору умных преподавателей, давала чуть не лучшее образование и давала учеников, которые, после окончания гимназии, умели мыслить и работать. Гимназия многим сохранила самое ценное в деятельности человека — уменье мыслить. При том гнете, который существовал, это было главным. Главное гимназия сделала».[28]

Приведем еще свидетельство историка, т. е. представителя «филологического направления», В. О. Страховича. Говоря о бытовавшем негативном отношении к классическому образованию среди учеников гимназии, он признается: «В этом отношении я представляю исключение, так как у меня нет недоброго чувства к моей тогдашней alma mater. Объясняю это <...>: во-первых — хорошими традициями гимназии, а во-вторых — хорошим составом преподавателей. Если отделить высшую политику и циркулярные предписания министерства, нивелирующие гимназии всей России <...>, то можно положительно сказать, что учебное и воспитательное дело обстояло в ней много лучше и гуманнее, чем можно было ожидать при существовавших условиях. Учебное дело, правильнее, учеба была поставлена хорошо <...>. Каждый педагог учил в меру своих сил и приобретенных знаний, но ни один из них никогда не пытался, хотя бы намеком, повлиять на наши политические и общественные взгляды. <...> В дисциплине не было ни чрезмерной строгости, ни боязливых поблажек, доводящих нередко до распущенности. И вот этот „умеренный режим“ я ставлю за счет директора В. Хр. Лемониуса. Очевидно, такой порядок был им заведен за много лет назад, во дни его директорской молодости, совпадавшей с началом эпохи великих реформ, и таковым держался, по инерции, до наших дней».[29]

Эти объективные и взвешенные суждения о гимназии (и о директоре) расходятся с приведенными выше негативными характеристиками, данными Мережковским. Можно предположить, что определенную роль здесь сыграли воспоминания первых лет обучения, которые оставили тяжелый след в памяти не только Мережковского. Позитивные же воспоминания о старших классах не встраивались в общий дискурс, в ту дихотомическую структуру поэмы, о которой мы говорили выше. Что же касается «Автобиографической заметки», то в ней Мережковский явно ориентируется на художественно деформированную картину гимназического обучения, которая нарисована в поэме, отчасти вследствие понятной амнезии, отчасти сознательно «следуя символическому принципу жизнетворчества и реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий — произведения писателя».[30]

Действительно, судя по воспоминаниям гимназистов, обучение в младших классах было намного тяжелее, чем в старших. Перегруженность школьной программы

---

[28] *Оппель В. А.* Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 130, 141.

[29] *Страхович В. О.* Листки из воспоминаний. С. 141–142. Страхович учился в гимназии на 10 лет позднее Мережковского, но никаких серьезных изменений в методе преподавания до 1893 года в гимназии не произошло. Теми же остались и почти все преподаватели.

[30] *Холиков А.* «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д. С. Мережковского // http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Kholikov57.pdf.

влекла переутомление учеников, поскольку при новой системе именно на младшие классы приходилась огромная нагрузка по древним языкам. В первый класс поступали уже подготовленные домашним образованием мальчики, умевшие писать и читать, знавшие азы арифметики, читавшие (а иногда и говорившие) на одном или двух иностранных языках. Но груз механического заучивания слов и грамматических правил мертвых языков и чрезвычайно высокие требования, предъявляемые к гимназистам третьей гимназии, — все это для многих оказалось непосильным. На младшие классы, кроме того, падало изучение грамматик русского, старославянского и новых языков. Нельзя не учитывать и стресс от новой обстановки казенного заведения, от общения с множеством разношерстных одноклассников и от дисциплинарных требований (например, неукоснительного ношения формы везде, кроме дома), казавшихся казарменно суровыми после домашнего воспитания.

Следует также учесть, что в третьей гимназии по традиции уроки начинались раньше, чем в других гимназиях Петербурга, не с девяти, а с половины девятого, т. е. примерно половину учебного года (поздней осенью и зимой) в суровом петербургском климате ученики приходили в школу до рассвета. И первыми уроками в эти темные часы были именно древние языки, что не могло не влиять на психику ребенка.

Вот как вспоминал об этом знаменитый медик, основоположник учения об инфекционных заболеваниях Н. Я. Чистович:[31] «В воспоминаниях моих первые годы гимназии оставили тяжелое впечатление. Это был период утрированного классицизма, видевшего задачей преподавания не усвоение миросозерцания классических авторов, а исключительно изучение самых языков, тонкостей их грамматики. <...> Мы усвоили грамматику этих языков так, что могли хорошо переводить не только с латинского и греческого на русский, но и обратно. Ценой невероятных усилий мы овладевали этими мертвыми языками, свободно читали классических авторов, но, к сожалению, нас очень мало знакомили с духом читаемых произведений <...>. Первые годы гимназии были почти сплошною зубрежью: зубрили латинские слова и грамматику, зубрили по-гречески, по-немецки, по-французски. Зубрили и географию. И так шли первые пять лет: утром отсиживали 5 часов на уроках, вечером должны были готовить уроки по 5 предметам, и так изо дня в день. Эта монотонность детской жизни и непрерывный труд были так нелепы и противоестественны, что, я помню, мой брат Алексей говорил, что завидует собакам, что они свободно бегают, а он вынужден сидеть весь день. Требования были так велики, что большая часть воспитанников не доходила до конца курса. Из моего первого класса до конца курса, не оставаясь на второй год, дошло только двое <...>. Это непрерывное сиденье над ничего не говорящими сердцу древними языками и вся бездушная система Толстовской школы вела к тому, что у воспитанников гимназии назревало отрицательное отношение к ней, у некоторых доходившее почти до ненависти. <...> И, действительно, <...> первые пять классов гимназии были сплошным страданием».[32]

В одной из черновых школьных тетрадей Мережковского сохранилось расписание уроков за пятый класс, которое подтверждает мемуарные свидетельства Чистовича. Правда, древние языки в пятом классе уже не являли собой одну ничем не одухотво-

---

[31] Н. Я. Чистович поступил в гимназию в 1870 году (см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 464–465), т. е. учился на пять лет раньше Мережковского.

[32] Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича // За сто лет. С. 94. Заметим, что Мережковский уже в конце четвертого класса втянулся в занятия: в одном из школьных сочинений он дает такую оценку гимназических занятий: «Но не одними каникулами и праздниками разнообразятся занятия: в них самих еще больше различных видов и оттенков. Это целый фантастический мир, который, по мере того как его узнаешь и стараешься понять, делается все более заманчивым и привлекательным. В труде есть свои недостатки и неудовольствия, но зато взамен этого, сколько он дает нам радостей, как разнообразит нашу жизнь!» («Сравнение первой половины года со второй» // ИРЛИ. № 24360. Тетрадь для изложений Д. Мережковского, уч<еника> IV кл<асса> прих<одящего> 3-й СПГ. 1878/1879 г. Л. 31).

ренную грамматику,[33] но и при разборе и чтении античных авторов акцент все равно делался на грамматику и синтаксис. В расписании они поставлены первыми уроками четыре дня в неделю.

Понедельник

Латынь — Саллюстий
Математика — алгебра
Греческий — Киропедия
История
Французский — перевод с французского

Вторник

Греческий — Киропедия
Латынь — Овидий
Русский
Математика — геометрия
Закон Божий

Среда

Немецкий — перевод с немецкого
Греческий — грамматика (тетрадь)
Французский — грамматика, перевод с русского
Латынь — грамматика
Математика — алгебра

Четверг

Греческий — Киропедия
Немецкий — перевод с русского
Латынь — Саллюстий
Французский — грамматика
Русский

Пятница

Греческий — Киропедия
Латынь — Овидий
Русский
Математика — геометрия
Закон Божий

Суббота

Немецкий — готика
Греческий — грамматика (тетрадь)
История
Латынь — грамматика[34]

Таким образом, уроки по древним языкам были каждый день: по 6 часов латыни и по 6 часов греческого в неделю, из которых по 2 часа выделялось на грамматику, а 4 часа на чтение и разбор текста.

На уроках греческого 4 часа переводили и разбирали «Киропедию» Ксенофонта. Судя по программе преподавания греческого языка,[35] речь идет о чтении и разборе пятой книги. Однако в той же тетради Мережковского за пятый класс, среди черновиков домашних заданий, имеется много разрозненных страниц переводов из других книг «Киропедии» (например, третьей).[36]

На уроках латыни — 2 часа читали и разбирали «Югуртинскую войну» (Bellum Iugurthinum) Гая Саллюстия[37] и 2 часа Овидия; в черновом варианте программы по латыни пояснялось: «Чтение „Метаморфоз“ Овидия из VI книги с 176–318 стих (Niobe) с предварительными сведениями о жизни <и> произведениях Овидия и главнейшие правила латинской просодии».[38]

Специально не останавливаясь на других предметах за пятый класс, продолжим цитату Чистовича: «Оживать мы стали лишь с 6-го класса, когда между преподавателями стали попадаться истинные педагоги. О них считаю своим долгом сказать несколько слов».[39]

Именно «истинные педагоги» остались в памяти многих учеников. В их оценке мемуаристы проявляли редкое единодушие. Впрочем, они, как правило, сходились и в оценке плохих учителей.

---

[33] По выражению Блока в «Исповеди язычника» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 41).

[34] ИРЛИ. № 24360а. Л. 129.

[35] ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 21–23.

[36] ИРЛИ. № 24360а. Л. 2–2 об., 7, 13–14, 53 об. Возможно, текст штудировался по изданию: *Xenophontis.* Cyropaedia / Текст со словарем сост. для гимназий Я. Кремером, преподавателем древних языков при 4 Московской гимназии. М., 1870 (2-е изд. — 1877).

[37] ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 18–20 об.

[38] Там же. № 5058. Л. 24 об. — 25.

[39] Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 95.

Портреты учителей даны во второй песне поэмы. Следуя в комментаторских заметках за текстом «Старинных октав», отметим сначала несколько реалий, требующих комментария в первой песне, где речь идет именно о младших годах обучения.

Младшие классы

Стихи, посвященные гимназическим занятиям, появляются в конце первой песни:

LXXXVII

Стучится дождь однообразно в стекла.
К экзаменам готовлюсь я давно,
Зевая, год рожденья Фемистокла
Твержу уныло и смотрю в окно:
В грязи шагая, охтинка промокла…
И сердце скукой мертвою полно.
Решить не в силах трудную задачу,
Над грифельной доской едва не плачу.

(с. 548)

Можно было бы предположить, что здесь речь идет о подготовке к экзаменам для поступления в гимназию, так как следом идет строфа:

LXXXVIII

Но вот пришел великий грозный час:
Вступая в храм классической науки,
Чтобы держать экзамен в первый класс, —
Я полон дикой робости и муки.
Смотрю в тетрадь, не подымая глаз,
Лицо в чернилах у меня и руки,
И под диктовку в слове «осенять»
Не знаю, что поставить — е иль ѣ.

(с. 548–549)

Однако две эти строфы хронологически не связаны между собой. Биография *Фемистокла*, даты жизни которого герой «уныло» зубрит, не имеет отношения к вступительному экзамену. Скорее всего, речь идет о подготовке к экзамену по истории Древней Греции, которую изучали в общем курсе истории в третьем классе.[40] *Трудная задача*, вероятно, относится к алгебре, которую, как мы указывали ранее, как и историю, начали изучать в том же третьем классе.

Что же касается вступительных экзаменов, то их Дмитрий держал 1 августа 1875 года: этим числом подписано прошение отца, С. И. Мережковского, на имя директора гимназии В. Х. Лемониуса о приеме его «сына Дмитрия» «в вверенную Вам гимназию».[41] Дмитрий сдавал (как и все, поступающие в первый класс) закон Божий, русский язык и арифметику. В процитированной выше строфе речь идет о диктанте (письменном экзамене) по русскому языку. Будущий поэт не продемонстрировал особой грамотности, получив по русскому тройку с минусом. В журнале под заглавием «Экзаменационные отметки за 1874–1875 гг.» в списке «вновь поступивших» имеется запись: «Мережковский Дмитрий 10 л<ет>. Закон Божий — 5, Русский — 3–, Математика — 4».[42]

---

[40] О программе по всеобщей и русской истории см. во второй части статьи.

[41] Прошение подшито в папку «Дело об экзаменах и выпуске воспитанников. 1883 г.» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 15).

[42] Там же. № 2298. Л. 129 об.

Заметим кстати, что в сохранившихся письменных работах Мережковского, гимназиста младших классов,[43] большое количество ошибок именно на написание -е и -ѣ.

Итак, в первой песне всплывают воспоминания о поступлении в гимназию, о младших классах, о казенной обстановке, скуке и бессмысленности «свирепого» классического образования:

LXXXIX

Я помню место на второй скамейке,
Под картою Австралии, для книг
Мой пыльный ящик, карандаш, линейки,
Казенной формы узкий воротник,
Мучительный для детской тонкой шейки.
Спряжение глаголов я постиг
С большим трудом; и вот я — в новом мире,
Где божество — директор в вицмундире.

XC

От слез дрожал неверный голосок,
Когда твердил я: lupus… conspicavit…
In rupe pascebatur… и не мог
Припомнить дальше; единицу ставит
Мне золотушный немец-педагог.
Томительная скука сердце давит:
Потратили мы чуть не целый год,
Чтобы понять отличье quin и quod;

XCI

А говорить по-русски не умели.
И, в сокровенный смысл частицы ut
Стараясь вникнуть, с каждым днем глупели.
Гимнастика ума — полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

XCII

Так укрощали в молодых сердцах
Вольнолюбивых мыслей дух зловредный;
Теперь уже о девственных лесах,
О странствиях далеких мальчик бедный
Не помышлял: потухла жизнь в очах.
В мундир затянут, худенький и бледный,
По петербургской слякоти пешком
Я возвращался в наш холодный дом.

(с. 549–550)

Некоторые детали в приведенных строфах требуют реального комментария. Безусловно, в них речь идет о младших классах, когда изучались части речи и грамматические правила употребления и различения латинских союзов, местоимений и частиц.[44]

[43] Список школьных сочинений Мережковского см. во второй части статьи.

[44] См. в «Программе по латыни» во втором классе: «Главнейшие правила синтаксиса в сжатой форме, из синтаксических правил обратится <так!> особое внимание на косвенный

Точную отсылку на время действия дает строфа XC, в которой герой вспоминает ответ на уроке латыни.

Фраза «*Lupus conspicavit... In rupe pascebatur*» («Волк заметив... на скале пасшуюся», *лат.*) является неточным переложением начала прозаического пересказа на латинский язык басни Эзопа «Волк и Коза» («Lupus et capra»): «Lupus, capram conspicatus est, quae in rupe pascebatur» (у Мережковского пропущены три слова и ради рифмы искажено окончание глагола — *conspicavit* вместо *conspicatus*). Этот текст из «Хрестоматии при грамматике Кюнера»[45] заучивался по программе латинского языка во втором полугодии второго класса.[46]

Что же касается латиниста («*золотушный немец-педагог*»), поставившего герою единицу, то, по всей видимости, речь идет об Александре Андреевиче Кеммерлинге (1852–1916),[47] преподавателе древних языков (с 1876 года) в младших классах. Он преподавал в гимназии латынь и греческий (с первого по третий класс): его подпись стоит на экзаменационном листе у Мережковского третьеклассника.[48] Бывшие ученики гимназии вспоминали, какой ужас он вызывал у них и как «свирепо» ставил нули и единицы: «Это было что-то небольшое, невзрачное, что-то шершавое и лохматое, украшенное малинового цвета носом и очками. Его уроки <...> были самыми ранними уроками. В зимнее время в эти часы полутьма. В классе зажжены керосиновые лампы, свисающие с потолка, с абажурами. Гимназисты полусонные, напуганные, не шумят, а только шепчутся».[49]

Кеммерлинг относился к типу «мучителей-педантов», которых в третьей гимназии среди педагогов, к счастью, было немного: «Он <...> был слегка кривобок, лицо у него было красноватое, несколько напоминавшее куафюрою и обликом очень искаженный портрет Пушкина, с золотыми очками на носу. Говорил он по-русски <...> с некоторым немецким акцентом. Тиранил он учеников ужасно. <...> Когда он входил в класс, большинство воспитанников находилось в лихорадочном состоянии. Медленно разгибал он журнал, как-то угрожающе ударял по кафедре большим перстнем с вензелем, медленно клал на кафедру золотые часы, открывал их и произносил такую страшную фразу: „Кто, по произнесении мною русского текста, будучи вызван, будет медлить более одной минуты, получит единицу, кто сделает ошибку против синтаксиса, получит единицу, кто сделает ошибку против грамматики, получит нуль“. После такого вступления он брал немецкую книгу, из которой делал сам тут же перевод фразы на русский язык. Фразы были тяжелые, удобопонятные лишь для тех, кто освоился с его своеобразным языком. Произносилась фраза, вроде следующей: „Ведь известно, что в древнем Вавилоне сложенные из кирпича стены были столь широки, что две расскакавшиеся квадриги навстречу друг другу могли проехать, не задев одна другую концом оси“.[50] Затем он вел пером по списку учеников, положительно замиравших от чаяния грядущих зол. <...> Вызывался один, другой, третий ученик. Поочередно они вставали, лепетали слова, судорожно пытались справиться с фразою, под страшным взором Кеммерлинга, и гибли, гибли, — полу-

---

вопрос, последовательность времен, обороты acc<usativus> и nom<inaivus> c<um> inf<initivo> и abl<ativus> abs<olutus>, а также союзы ut, ne, quin, quominus, quam etc.» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 18 об.).

[45] Имеется в виду многократно переиздававшийся учебник: Латинская грамматика с примерами и упражнениями, латинской хрестоматией и словарями латинско-русским и русско-латинским. Сост. по Р. Кюнеру и доп. Я. Кремер. Ч. 1–2. М., 1868 (9-е изд. — 1887); указанный текст см., например, в пятом издании (М., 1873. Ч. 1. С. 209).

[46] ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 18 об. — 19.

[47] См. личное дело Александра Кеммерлинга: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 167. Л. 1 об. Укажем на допущенную нами ошибку в комментарии к этой поэме в издании: *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы. С. 878 (здесь этот педагог идентифицирован как В. Х. Лемониус, см. о нем ниже).

[48] См. ниже, отметки Мережковского за третий класс и ссылку на источник в прим. 57 и 58.

[49] *Оппель В. А.* Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 137.

[50] Эти сведения восходят ко второй книге «Истории» Геродота.

чая единицы и нули. Как жестоко суров был он в отношении баллов, видно из такой справки: из 30 воспитанников V класса к концу учебного года 22 имели неудовлетворительные отметки по латыни и обречены были или оставаться на второй год, или держать осенью переэкзаменовку».[51]

Приведем характеристику этого педагога из мемуаров уже цитировавшегося выше В. О. Страховича: «Это был не умный и неуравновешенный человек, которого и близко к детям подпускать было нельзя, а между тем он более десятка лет был преподавателем и классным наставником именно младших классов. <...> Кеммерлинга можно было перевести в старшие, или хотя бы в средние классы, если казалось жестоким удалить его вовсе из гимназии, что он вполне заслуживал. <...> Старшие ученики сумели бы постоять за себя; но малыши, отданные ему под руководство, ничего не могли предпринять, кроме слез, молитв и постоянного трепета перед грядущим классным наставником. Кеммерлинг не щадил ни самолюбия, ни человеческого достоинства ребятишек, был придирчив и жесток. Он пугал ребят своим страшным криком, обращавшимся на высоких нотах в визг, своим багровым от крика, прыщеватым лицом, своими угрозами и наказаниями».[52]

У Кеммерлинга Мережковский по латыни имел в среднем четверку, т. е. учился хорошо и старательно, описанная в поэме сцена вряд ли имела к нему отношение. Скорее всего, он воспроизводил одну из типичных ситуаций на уроке древних языков в младшем классе, которая навеки запала в его душу.

Можно попытаться прокомментировать и идущие следом октавы поэмы, также имеющие отношение к гимназии: в них рисуется подготовка домашнего задания или, скорее, подготовка к экзамену, и вновь недобрым словом помянуты гимназия и учителя:

XCIV

В тот час, как темной грифельной доски
И словарей коснулся луч последний
Туманного заката, и тоски
Напев был полон в комнате соседней
Старухи няни, штопавшей чулки, —
Далекий шум послышался в передней...
Мне было скучно, и на груды книг
Я головой усталою поник...

XCV

Вдруг голос мамы, шорох платья милый,
Ее шагов знакомый легкий звук...
Я побледнел и алгебры постылой
Учебник на пол выронил из рук.
Не от любви с неудержимой силой
Забилось сердце, — это был испуг;
Я в классицизме, в мертвом книжном хламе
Так одичал, что позабыл о маме

XCVI

За год разлуки: как угрюмый зверь,
Со злобою смотрел на злые лица
Учителей; казалася теперь
Мне падежей неправильных таблица

[51] *Ордин Б.* Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии // За сто лет. С. 121. Историк и переводчик Борис Кесаревич Ордин (1866 — после 1935, репрессирован) учился в гимназии на год младше Мережковского (золотой медалист) и потом окончил тот же историко-филологический факультет, что и Мережковский; после революции был сотрудником Публичной библиотеки.

[52] *Страхович В. О.* Листки из воспоминаний. С. 143.

Важней любви… От матери за дверь
Я спрятался; как пойманная птица,
Дрожал в углу, безмолвие храня, —
И вдруг она увидела меня…

XCVII

Но я уж сам к ней бросился в объятья,
Про все забыв, — сестер не слышал крик
И не видал, как прибежали братья,
Закрыв глаза, к ее груди приник…

(с. 550–551)

Скорее всего, эта драматическая встреча произошла в конце обучения Мережковского в 4-м классе. Именно весь 1878/1879 учебный год он не видел матери. С лета 1878-го по лето 1879 года его отец по долгу службы жил в Ливадии вместе с женой, которую всегда брал с собой в длительные командировки.[53] Судя по датам в формулярном списке, С. И. Мережковский вернулся на службу в Петербург в начале июня 1879 года, а до середины июня в гимназии шли экзамены.[54] Кстати, на устном и письменном экзаменах по «алгебре постылой» за четвертый класс Дмитрий получил четверки.

На этом кончаются упоминания гимназии в первой песне поэмы. Приведем отметки Мережковского за четыре первые года обучения (первую половину гимназического курса), которые выводились по пятибалльной системе, но с добавочными дробями, указывающими на более высокую оценку знаний, чем выставленный балл. За первый (1875/1876 учебный год) и четвертый классы (1878/1879 учебный год) сохранились отметки по успеваемости за год, а также на экзаменах и общие; за второй и третий классы (1876/1877 и 1877/1878 учебные года) — только суммарные отметки.

1-й класс[55]

Закон Божий	Русский	Латынь	Математика	Геогр.
5	3	4	4	4

Русский язык	За год	3 3/4	За экз.	3	Общая	3
Латынь	За год	3 3/4	За экз.	4	Общая	4
Математика	За год	4	За экз.	4	Общая	4

2-й класс[56]

Закон Божий	Русск.	Латынь	Математ.	Геогр.	Франц.	Нем.
5	3	4	3	4	4	3

[53] Этот факт подтверждает, со слов мужа, и З. Н. Гиппиус (*Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 16 (дополнительный). С. 31).

[54] Эти даты по формулярному списку Сергея Ивановича Мережковского впервые введены в научный обиход в книге: *Золотоносов М. Н.* Братья Мережковские. М., 2003. С. 17 (глава «Отец»). С. И. Мережковский и позже уезжал в Ливадию, в частности, был там все первое полугодие следующего учебного года и коротко летом 1880 года, но столь долгих отлучек уже не было. Заметим, что в этом учебном году Мережковский оказался первым учеником класса по сумме общих баллов. Может быть, в качестве поощрения успехов отец этим летом, вняв просьбам матери, взял его с собою в Крым; сохранилось много гимназических стихотворений с крымской тематикой, датированных 1879 годом.

[55] ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2299. Л. 116–120.

[56] Там же. № 2303. Л. 96.

3-й класс[57]

Закон Божий	Русск.	Латынь[58]	Греч.	Мате-мат.	История	Геогр.	Франц.	Нем.
5	4	4	3	3	3	4	4	3

4-й класс[59]

Закон Божий	Русск.	Латынь	Греч.	Мат.	Истор.	Геогр.	Франц.	Нем.
5	4	4	4	4	4	3	4	5

Закон Божий	За год	3 1/3	Экз.			5	Общая	5	Педагог Ветвеницкий
Русск. язык	За год	3	Экз. письм.	4	Экз. уст.	4	Общая	4	<Педагог не вписан. — *К. К.*>
Латынь	За год	3 1/4	Экз. письм.	4–	Экз. уст.	5	Общая	4	Педагог Кесслер
Греческий	За год	3	Экз. письм.	3	Экз. уст.	4	Общая	4	Педагог Бюриг[60]
Математика	За год	3 3/4	Экз. письм.	4	Экз. уст.	4	Общая	4	Педагог Семенников
География	За год	3	Экз.			3	Общая	3	<Педагог не вписан. — *К. К.*>
Нем. язык	За год	3 3/4	Экз. письм.	4	Экз. уст.	5	Общая	5	Педагог Э. Буш
Франц. язык	За год	3 3/4	Экз. письм.	4	Экз. уст.	5	Общая	4	Педагог А. Тепфер

Средние и старшие классы

Во второй песне «Старинных октав» гимназические занятия впервые появляются в стихах, по поводу которых следует сделать небольшую ремарку.

Отец любил детей, но издали:
Он каждую субботу педантично,
Просматривая баллы, за нули
Нотации читать умел отлично.

(с. 559)

Эти стихи получили художественное толкование в книге Ю. В. Зобнина, увидевшего в них проявление особой заботы отца об успехах сыновей. Отец, по мнению исследователя, входит «во все подробности <...> детского *труда*»; «пространно обсуждая успехи и неудачи <...>, он прозорливо угадывает личные пристрастия и склонности каждого, незаметно и заботливо направляя усилия в правильное русло».[61] Однако, судя по контексту, автор хотел сказать этими стихами как раз противоположное: нотации за нули — тоскливый еженедельный ритуал, атрибут «унылой картины», олицетворение «немой скуки долгих вечеров», царящей в «мрачном и холодном доме» (см. предыдущие строфы XV и XVI). Заметим, кстати, что проверка отметок входила

[57] Там же. № 2302. Л. 97.
[58] Между отметками по латыни и греческому внизу стоит подпись: «Кеммерлинг».
[59] Там же. № 2301. Л. 83–91.
[60] Герман (Георгий Васильевич) Бюриг преподавал у Мережковского с шестого класса. Возможно, он замещал педагога на экзамене. См. о нем во второй части статьи.
[61] *Зобнин Ю. В.* Дмитрий Мережковский. С. 12.

в формальные обязанности отца или опекуна воспитанников третьей гимназии: С. И. Мережковский, определяя сыновей в это учебное заведение, давал письменное обязательство не только «снабжать их формой, учебниками и вносить плату за обучение», но и «следить за процессом обучения».[62] И в конце каждой недели инспектор раздавал ученикам «недельные ведомости с отметками, для предъявления родителям».[63]

Братья

В сохранившемся плане второй песни поэмы имеется пункт: «Характеристика Саши, Сережи, Коли, Кости».[64] Остановимся на трех первых братьях, обучавшихся в той же третьей гимназии.[65]

Двум из трех упомянутых братьев в поэме уделено по октаве, а третьему — две.

XVIII

С Сергеем мы ходили в тот же класс.
Напоминая бойкую лисичку,
Зрачки зеленоватых быстрых глаз
Лукаво щурить он имел привычку;
Лицо в веснушках помню как сейчас,
Пронырливый и острый носик; кличку
Всему давал он метко; был актер
И дипломат, насмешлив и хитер.

(с. 559)

Сразу отметим неточность: Сергей Сергеевич Мережковский (1863–1930), будущий микробиолог и бактериолог, поступил в первый класс третьей гимназии в 1873 году, т. е. двумя годами ранее Дмитрия. Однако на следующий год, не будучи аттестован,[66] он остался на второй год во втором классе, и в четвертом классе снова был оставлен на второй год, получив двойки по русскому, латыни и греческому.[67] Далее его имя не встречается ни в «Журналах четвертных оценок», ни в «Экзаменационных списках и ведомостях». Видимо, из-за неуспеваемости по древним языкам он перешел в другое учебное заведение.

XIX

А неуклюжий Саша, молчаливый,
С лицом румяным и тупым, в очках, —
Как медвежонок, дикий и ленивый;
В монахи собирался он, в делах

[62] ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 5315. Л. 16.

[63] Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 91. Если ведомости не были подписаны родителями или опекуном, ученики несли наказание, как гласят записи в «Кондуитном журнале» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2344).

[64] ИРЛИ. № 24270. Л. 61. Опубликовано в примечании к поэме, см.: *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы. С. 876.

[65] Из пятерых братьев Мережковского двое учились в других учебных заведениях: старший, упомянутый в плане Константин (1855–1921) закончил Училище Правоведения (см. о нем подробно в книге М. Н. Золотоносова «Братья Мережковские»), следующий, Владимир (р. 1857) — Павловское военное училище.

[66] См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1874–1875 уч. г.» прочерк против фамилии «Мережковский Сергей» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2298. Л. 67), а в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1875/1876 уч. г.» отмечено, что он учится во втором классе второй год (Там же. № 2299. Л. 103). В связи с какими обстоятельствами он оказался не аттестован, установить не удалось.

[67] См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1877/1878 уч. г.» (Там же. № 2302. Л. 78).

Земных не видя толку; горделивый
Тот замысел погиб, и стал монах —
Немало в жизни всяких превращений —
Чиновником особых поручений.

(с. 559)

Александр Сергеевич Мережковский (1862—?), впоследствии мировой посредник и младший ревизор контрольной палаты,[68] в 1874 году поступил сразу во второй класс (ему было 12 лет),[69] но дважды оставался на второй год: в третьем классе, имея двойки по русскому, латыни, греческому и математике,[70] и в пятом классе, получив двойки по латыни и греческому.[71] Таким образом, Саша сначала оказался в одном (третьем) классе с Сергеем, а потом в одном (пятом) классе — с Дмитрием и вместе с ним закончил в 1883 году гимназию с таким же общим баллом, как младший брат.[72]

XX

Благоразумен, важен, как старик,
Был Коля гимназистом идеальным;
Премудрость всех учебников постиг.
С лицом худым, бескровным и печальным,
Питая страсть, как первый ученик,
К пятеркам с плюсом и листам похвальным,
Смиряться он умел, терпеть и ждать
И всякому начальству угождать.

(с. 559–560)

Николай Сергеевич Мережковский (1860—?) — чиновник при градоначальнике Санкт-Петербурга, а потом секретарь при командире Отдельного корпуса жандармов, статский советник в отставке.[73] Поступил в гимназию в 1871 году и действительно, судя по «Экзаменационным спискам и ведомостям», за все годы обучения имел почти исключительно четверки и пятерки (только в шестом классе получил единственную тройку по математике).[74] Он кончил гимназию с серебряной медалью, имея в аттестате большинство пятерок. В характеристике, приложенной к аттестату, значилось: «Работы его по латинскому языку были лучшими, а по другим предметам — в числе лучших. Особенно любил древние языки».[75]

Николай явно имел способности к языкам, в частности, известно, что кроме латыни он был лучшим учеником в гимназии по французскому. В воспоминаниях историка и археографа В. Г. Дружинина рассказывается о чествовании 52-м выпуском учеников (1879 года) любимых учителей, среди которых был учитель французского языка Г. Г. Вильд.[76] И выпускнику Николаю Мережковскому, как лучшему и любимому ученику «француза», поручили произнести в его честь спич на французском языке.[77]

---

[68] Биографические сведения о нем см.: *Золотоносов М. Н.* Братья Мережковские. С. 20.

[69] Для поступления во второй класс следовало знать программу первого класса, т. е. сдать 5 экзаменов: закон Божий, русский, математику, латынь и географию; по всем предметам Александр получил тройки, кроме географии, которую сдал на четверку (см.: «Экзаменационные списки и ведомости за 1873–1874 г.» — ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2297. Л. 143 об.).

[70] См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1875/1876 уч. г.» (Там же. № 2299. Л. 86).

[71] См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1878/1879 уч. г.» (Там же. № 2301. Л. 66).

[72] Александр имел три пятерки, одну четверку и остальные тройки; пятерки — по закону Божию, немецкому и французскому, а четверку — по греческому (Там же. № 1743. Л. 5 об. — 6; № 5313. Л. 32). Отметки в аттестате Дмитрия см. во второй части статьи.

[73] См.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 285.

[74] ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2303. Л. 36.

[75] Там же. № 2301. Л. 17 об. — 18.

[76] Вильд Георгий Рудольфович (1816–?) — с 1857 по 1888 год учитель французского языка в третьей гимназии (Там же. № 66).

[77] *Дружинин В. Г.* Гимназические годы И. А. Шляпкина // За сто лет. С. 104.

Вероятно, Николай помогал младшему брату, который был менее успешен в языках, готовить домашние задания по-французски. В тетради Дмитрия с черновыми домашними работами за пятый класс[78] можно не однажды заметить правку ошибок в словах и грамматике на черновиках французских изложений, сделанную более взрослым, но похожим почерком и теми же чернилами. Она была сделана кем-то из домашних и, скорее всего, Николаем. Интересно, что, когда в старших классах у Мережковского французский начал преподавать тот же Вильд, Дмитрий постепенно из троечника стал отличником.[79]

Образ Николая в поэме не однозначен. Описанный не без сарказма в процитированной XX октаве, он предстает в следующей строфе духовно близким автору — романтиком и мистиком:

XXI

Но иногда, романтик добродушный,
Про все забыв, каких-то ведьм и фей,
И рыцарей, и замок их воздушный
Чертил пером в тиши воскресных дней,[80]
Воображенью странному послушный,
Он на полях латинских словарей,
Влюбленный в этот мир необычайный:
Он верил в сны, пророчества и тайны…

XXII

У нас в крови — неугасимый жар
Мистического бреда; это — сходство
Семейное, опасный людям дар,
Наследственный недуг иль превосходство,
Под пеплом жизни тлеющий пожар, —
Не ведаю — талант или уродство…
Вольнолюбивый, непокорный дух,
Доныне в нас огонь твой не потух.[81]

(с. 560)

(*Продолжение следует*)

[78] ИРЛИ. № 24360а.

[79] В младших классах французский у Мережковского преподавал А. И. Тепфер, а в старших — Вильд. У менее требовательного Тепфера Мережковский получал во всех классах четверку (см. выше), у Вильда в пятом классе — тройку, в шестом и седьмом — четверки, а в последнем — пятерку (см. отметки во второй части статьи).

[80] Тетради с черновиками и со стихотворениями гимназиста Дмитрия Мережковского испещрены подобными рисунками.

[81] Такую же непоследовательность можно заметить и в характеристике брата Саши, когда в конце второй песни появляется рассказ об их совместных, увлекательных летних играх и прогулках на Елагином острове:

LXXVII

Катались мы на лодке с братом Сашей:
Покинув весла, зонтик дождевой
Мы ставили, как парус, в лодке нашей;
Казался купол неба над водой
Лазурной опрокинутою чашей,
И на пустынной отмели порой
С гниющим остовом ладьи рыбачьей
Картофель мы пекли в золе горячей.

(с. 573)

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-145-157

© *Д. К. Поливанова,* © *К. М. Поливанов*

ТЕМА РОЖДЕНИЯ ИСКУССТВА И ВАРИАЦИИ ШЕКСПИРА В ЦИКЛЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»*

Анализ и интерпретация отдельных стихотворений русских поэтов, и в частности стихов Бориса Пастернака, — достаточно давний жанр филологических исследований, можно вспомнить давно ставшие классическими разборы К. Ф. Тарановского, Н. О. Нильсона, А. К. Жолковского, Л. С. Флейшмана, М. Л. Гаспарова. Особенностью поэзии рубежа XIX–XX веков стала особая принципиальная связность и смысловое единство лирических циклов и книг лирики. Циклам и подциклам Пастернака были посвящены работы П. А. Бодина, А. А. Долинина и многих других исследователей. Нам уже доводилось писать о циклах «Зимнее утро» и «Тема с вариациями» из четвертой книги лирики поэта «Темы и вариации».[1] В настоящей работе мы предлагаем последовательный анализ цикла «Сон в летнюю ночь» из той же книги, который к тому же входит в бóльший раздел книги — «Нескучный сад». Отдельные стихотворения этого цикла уже рассматривались исследователями, в частности, третье «Пианисту понятно шнырянье ветошниц...» стало предметом специального разбора как одно из пяти стихотворений «Тем и вариаций», посвященных теме художественного вдохновения, в книге Йессики Карлзон.[2] Исследовательница вычленяет сложную логику метафор, метонимий и сравнений и одновременно постоянное обращение к многозначным словам и конструкциям в этом стихотворении. Последнее же стихотворение «Пей и пиши непрерывным патрулем...» подробно анализируется, в том числе на основе реального комментария и исторического контекста, А. А. Долининым в работе «Где спрятан Маяковский?».[3] Однако мы полагаем, что сопоставление с другими стихотворениями цикла позволит и в них разглядеть дополнительные оттенки.

В основе нашего подхода — последовательное пристальное чтение, выделение принципов композиции и особенностей разворачивания основной темы: возникновения искусства, — описанной с присущей Пастернаку парадоксальностью. Мы исходим из предположения, что тема возникновения искусства «варьирует» сюжет и отдельные микросюжеты и эпизоды шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» (для сопоставления с текстом Пастернака мы пользовались, возможно, известным ему переводом Аполлона Григорьева), а также предлагаем возможное объяснение логики появления упоминаний других «художников» — прежде всего Шопена и его музыки, а также Рембрандта — в тексте цикла. Как и во многих стихотворениях книги «Темы и вариации», тема искусства тесно переплетается с темой окружающей поэта послереволюционной повседневности (что отмечалось в отношении цикла «Сон в летнюю ночь» и Карлзон, и Долининым), что также, на наш взгляд, можно объяснить и через шекспировский подтекст. Власть, могущество искусства в цикле приобретает и «медицинское» метафорическое, и гиперболическое измерение — музыка способна противостоять болезни подобно карантину — «прикосновение руки — и полвселенной в изоляции» — чему в свою очередь предшествует необходимость исцелить «врачевателя» — музыку — «когда ее не излечить, все лето будет в дифтерите» (неожиданно эти смыслы приобретают новое звучание сегодня, впрочем, не забудем, что в годы писания

* Мы чрезвычайно признательны за множество важнейших советов и рекомендаций С. Витт, А. Долинину, Б. Кацу и А. Немзеру, которые взяли на себя труд внимательного чтения первоначальной версии нашей работы.

[1] *Поливанова Д., Поливанов К.* Темы и вариации Чайковского: К интерпретации цикла «Зимнее утро» Бориса Пастернака // Russian Literature. 2018. Vol. 100–102. P. 235–251.

[2] *Carlzohn J.* Entagled Figures: Five Poems from *Temy i variacii* by Boris Pasternak. Lund, 2009.

[3] *Долинин А.* Где спрятан Маяковский? (Заметки об устройстве «Тем и варьяций») // Новое о Пастернаках: Материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / Под ред. Л. Флейшмана. М., 2017. С. 374–396.

пастернаковского цикла в России свирепствовала эпидемия тифа, а во всем мире — эпидемия «испанки»).

«Сон в летнюю ночь» — один из самых загадочных циклов четвертой книги стихов Бориса Пастернака «Темы и вариации». Заглавие книги — название музыкальной формы или жанра, и вариации на темы Гете и Пушкина в ней эксплицитно заявлены. Шекспир, тексты которого многократно обыгрываются в книге и которому посвящено отдельное стихотворение, также играет, безусловно, важную роль.

Как показал в своей работе А. А. Долинин,[4] за словами о Шекспире (как, впрочем, и о Пушкине и Гете) и обыгрыванием шекспировских мотивов и сюжетов всегда так или иначе стоят одновременно и мотивы творчества как такового, а также сюжеты, связанные с обстоятельствами современной для Пастернака действительности: так, в стихотворении «Шекспир» рядом с автором и его героями угадывается портрет Маяковского (о чем писала ранее и Е. В. Пастернак[5]).

Цикл «Сон в летнюю ночь» представляет собой пять стихотворений, все они, кроме второго, отчетливо связаны с картинами окружавшей Пастернака московской жизни. Цикл разворачивается в городском пространстве конца весны — начала лета; если время года легко определяется — то год, возможно намеренно, не определим — можно допустить, что даты под стихотворениями как раз и указывают не столько на время написания, сколько на разные московские лета — в первом 1918 года, а в последнем 1922-го.

Во всех пяти стихотворениях демонстрируется высокая степень метрического разнообразия — использованы все пять классических метров — сперва двусложники: шестистопный хорей (исключительно с женскими клаузулами) и четырехстопный ямб с тремя разными типами окончаний строф (ММЖЖ, МЖМЖ (2–4 строфы) и МДЖМ); затем трехсложники уже без вариаций в окончаниях строф: четырехстопный амфибрахий (со стандартной рифмовкой ЖМЖМ), трехстопный анапест и четырехстопный дактиль (ЖДЖД).

На первый взгляд, в пастернаковском цикле не видно никакой отчетливой связи с шекспировской комедией. Однако при внимательном разборе связей оказывается довольно много: как было сказано выше, основным временем действия является лето, в трех стихотворениях действие происходит именно ночью, можно отметить и композиционное сходство с комедией на уровне пространства: город (в первом стихотворении) — сельское пространство (во втором) — и вновь город (в третьем, четвертом и последнем). Во втором и пятом стихотворении прямо упомянуты сны. Наконец, в третьем стихотворении толпа тряпичниц — люди явно из другого социального слоя, чем появляющийся там же пианист, — может напомнить о шекспировских актерах-мастеровых, причем именно в стихотворении, где они присутствуют, наиболее отчетливо говорится о процессе создания произведения (музыкального) — так и у Шекспира внутри комедии отдельной линией представлено создание спектакля. Появляющиеся ужонок, розан, баллада, наделенные человеческими чертами, могут напоминать о волшебных эльфах из свиты Титании (Горох душистый, Моль, Горчичное зерно и Паутинка), олицетворяемый же забор из четвертого стихотворения (как, впрочем, и баллада из второго) может напоминать о прологе, стене и луне, которых в шекспировской пьесе будут исполнять как отдельные «роли» актеры. Наконец, страшные последствия для всей земли от размолвки Титании и Оберона могут прочитываться как параллель к последствиям Гражданской войны, которая тянется в Советской России с 1918 до 1921 года. Помимо этого, значительные связи обнаруживаются и на уровне центральных тем. Так, важными для Пастернака и находящими аналогию в пьесе Шекспира здесь оказываются дождь, размолвка влюбленных, сновидения, музыка, место художника

[4] *Долинин А.* Где спрятан Маяковский? С. 374–396.

[5] *Пастернак Е.* «Ты — царь, живи один...». К истории отношений Пастернака и Маяковского // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. М., 2015. Вып. 3 / Отв. ред. А. С. Акимова. С. 173–176.

и происхождение его творений. В «зеленоглазой жажде гигантов» также угадывается Шекспир (вспомним «Чудовище с зелеными глазами» в «Отелло»). К сугубо пастернаковским чертам при этом нужно отнести присутствующий мотив влаги, дождя, грозы, который оказывается сопряжен и с мотивами творчества, и с мотивами истории.

Перейдем к последовательному анализу пяти стихотворений.

Крупный разговор. Еще не запирали,
Вдруг как: моментально вон отсюда! —
Сбитая прическа, туча препирательств,
И сплошной поток шопеновских этюдов.

Вряд ли, гений, ты распределяешь кету
В белом доме против кооператива,
Что хвосты луны стоят до края света
Чередой ночных садов без перерыва.

Первое стихотворение воспроизводит жизнь современной Москвы, в которой парадоксальным образом из самых «непоэтических» явлений, и прежде всего городских звуков: крупного разговора (перебранки), запирания дверей, «моментально вон отсюда!», ссоры, метонимически представленной «сбитой прической», кооператива, «распределения кеты» (выдачи продуктов по карточкам; возможно, дополнительно о распределении продуктов напоминает и «*круп*ный разговор», в котором присутствует «крупа») — возникает музыка, причем ее появление метафорически разворачивается и в природе с отчетливым тождеством с мотивом воды/влаги: «*туча* препирательств» завершается «*потоком* этюдов». И дальше несколько волшебный природный мир (луна и ночные сады) в свою очередь приобретает черты людской жизни: *хвосты* луны стоят *чередой* ночных садов (хвосты — и названия очередей, причем очереди в военной и революционной России становятся регулярной частью повседневности, тут возможна дополнительная ассоциация с рыбьим хвостом). Волшебство или фантастичность картины дополнительно мотивированы общим заглавием — «сон», впрочем, она возникает после «потока этюдов», можно допустить, что парадоксально возникшая музыка начинает менять мир вокруг себя.

Все утро с девяти до двух
Из сада шел томящий дух
Озона, змей и розмарина,
И олеандры разморило.

Синеет белый мезонин.
На мызе — сон, кругом — безлюдье.
Седой малинник, а за ним
Лиловый грунт его прелюдий.

Кому ужонок прошипел?
Кому прощально машет розан?
Опять депешею Шопен
К балладе страждущей отозван.

Когда ее не излечить,
Все лето будет в дифтерите.
Сейчас ли, черные ключи,
Иль позже кровь нам отворить ей?

Прикосновение руки —
И полвселенной — в изоляции,

И там плантации пылятся
И душно дышат табаки.

Второе стихотворение отличается от первого (и от остальных) не только пространством (сад с мызой), но и временем — «утро с десяти до двух». Здесь снова возникают музыка, Шопен и дополняются прелюдией и балладой. Рядом с появлением музыки — «отворить черные ключи» — и предшествуя ей возникают загадочно и не вполне логично переплетенные запахи, цвета, цветы и созвучия, создающие грунт — почву возникновения искусства. Наполняющие сад запахи (дух сада: озона, змей, розмарина, олеандра, дышащие табаки), цвета (синеет белый, лиловый грунт, седой малинник) превращаются в созвучия, образуемые названиями находящегося в саду: мыза — мезонин — розмарин — розан; плантации — пылятся. Цветам, запахам, всему состоянию сада свойственна (возможно, мотивированная сном) размытость и в то же время слитность (синестезия) — дух объединяет разные запахи, белизна переходит в синеву, плантации покрываются пылью («пылятся»), малинник оказывается «седым» (впрочем, в осенних стихах Пастернака уже был раньше такой цвет: «засребрятся малины кусты»).

В этом саду нет людей («кругом безлюдье») — Шопен «депешею отозван» (из сада) от «грунта <...> прелюдий» (т. е. от почв музыкального творчества) к «страждущей балладе», а затем он появляется метонимически — через «прикосновение руки» (видимо, к клавиатуре фортепьяно). Причем его излечению «баллады» — отворению ключей придается вновь водная и музыкальная природа: «ключи» — источник воды, «ключи» — знаки, открывающие нотный стан.

Обилие цветов и слово «грунт» могут указывать на появление не только музыки, но и живописи, искусства вообще; причем возникновение красок в стихотворении подобно «процессу» создания картины: сначала неопределенный туманный фон, поверх которого тут же появляются краски («синеет белый мезонин»), а дальше появляются отчетливые цвета, как будто прочерчиваются детали («черные ключи», «отворить кровь», естественно, красную). Это можно связать и в принципе с происхождением жизни из эдемского сада, и с традиционной метафорой — поэзия-сад.

Отметим, что дополнительно Шопен и его музыка акцентированы подчеркнуто фонетическими полонизмами (*пшп, пш, шп*) — прошипел, депеша, Шопен.

Эффект загадочности или алогичности (вспомним заглавие «Сон...») создается задаваемыми вопросами без ответов — кому машет? кому прошипел? сейчас ли отворить?

Стихотворение завершается отчетливо возникающей темой способности музыки (искусства) управлять окружающим миром. Исцеление баллады становится условием избавления мира от болезни — «когда ее не исцелить — все лето будет в дифтерите». Музыкант «прикосновением руки» оказывается способен изолировать «полвселенной».

В стихотворении возникают метаморфозы, подчеркивающие тему создания, возникновения искусства (отчасти перекликающиеся и с Шекспиром, и с его античными «претекстами»), — как будто змея превращается в ужонка, а из розмарина возникает розан.

Как уже было отмечено выше, здесь можно увидеть сходства с Шекспиром на разных уровнях: от центрального мотива сна — как и в других стихотворениях, до очеловечивания обитателей загадочного сада (у Шекспира леса). Можно отметить и сходство пространственно-композиционное — действие второго стихотворения в саду, а не в городе, — подобно этому у Шекспира герои перемещаются из Афин в лес, а затем снова оказываются в Афинах. Наконец, именно здесь возникающая столь явно тема искусства опять-таки связана с разнообразнейшими вариациями этой темы в комедии Шекспира.

Фантасмагоричность, присущая сну, в этом стихотворении подчеркнута странностью и времени (парадоксальное утро — «до двух»), и пространства (сад, из которого музыканта отзывают к больной).

Пианисту понятно шныряньe ветошниц
С косыми крюками обвалов в плечах.
Одно прозябанье корзины и крошни
И крышки раскрытых роялей влачат.

По стройкам таскавшись с толпою тряпичниц
И клад этот где-то на свалках сыскав,
Он вешает облако бури кирпичной,
Как робу на вешалку на лето в шкаф.

И тянется, как за походною флягой,
Военную карту грозы расстелив,
К роялю, обычно обильному влагой
Огромного душного лета столиц.

Когда, подоспевши совсем незаметно,
Сгорая от жажды, гроза четырьмя
Прыжками бросается к бочкам с цементом,
Дрожащими лапами ливня гремя.

В третьем (центральном) стихотворении цикла описывается непосредственно возникновение музыкального произведения. Отметим, что и в комедии Шекспира одной из центральных сцен (в третьем действии!) является создание пьесы, репетиция, где достаточно абсурдно актеры обсуждают вымышленность происходящего, говорят о создании пролога, в котором нужно было бы объяснить зрителям, что лев не настоящий и не стоит его бояться, что убийство происходит понарошку.[6] Также говорят о невозможности внести на сцену настоящую стену и луну и договариваются о том, что один из них будет стену изображать.[7]

На этом фоне логично, что после строк «прикосновение руки — и полвселенной в изоляции», которые свидетельствуют о силе и власти музыки, Пастернак обращается к описанию того, как, собственно, музыка возникает. Создание музыки здесь сопоставляется со сбором ветоши в корзины на свалках, а также со строительством (стройки, буря кирпичная, бочки с цементом). Однако пианист, появляющийся в первой строфе, который как раз, подобно ветошницам и тряпичницам, находит «клад» и затем «вешает облако бури кирпичной», как будто бы исчезает, и во второй половине стихотворения музыка начинает создаваться сама, движимая какой-то высшей силой, подобно ливню: рояль уподобляется огромной грозовой туче, кирпичное облако преображается, и начинается «подоспевшая» гроза, которая гремит лапами ливня. (Стоит, конечно, обратить внимание на игру слов: склад — клад, строй — стройка, опять музыка связана с дождем: буря, гроза, ливень, жажда; духота и пыль еще из прошлого стихотворения.)

---

[6] «Р ы л о. Значит, нужен еще другой пролог, на счет льва. — О с н о в а. Нет! Надобно только по имени его назвать и чтобы половина человеческого лица видна была из-за львиной гривы и сам он пусть скажет вот что, или что-нибудь в этом роде: „Сударыни, дескать“, или „прекрасные госпожи, — убеждаю“ мол „вас я“ или: „прошу вас я“, или „умоляю“, мол „вас я, не извольте пугаться, не извольте дрожать: жизнию“ дескать „за вас отвечаю. Если вы полагаете, что я заправский лев, — это, я вам скажу, жалкое заблуждение. Нет! я вовсе не такая дикая, необузданная скотина; я человек, как все люди“. Ну, и потом, пусть назовет себя по имени и объявят, как следует, что он дескать Бурав — столяр» (Библиотека для чтения. 1857. Т. 144. С. 222); см. также: «Напишите мне пролог — ну, и в прологе-то пусть будет сказано, что мы нашими обнаженными мечами никому дурно не сделаем и что Пирам зарежется не взаправду, а так, для примера, и, для большего обеспечения, сказать, что Пирам дескать не настоящий Пирам, а Основа ткач. Это их избавит от всякого страха» (Там же).

[7] «Р ы л о. Ведь не ухитримся притащить стену в комнату, как вы, Основа, скажете? — О с н о в а. Кто-нибудь должен представлять стену — и пусть он будет обмазан известью, или глиной, или, пожалуй, облеплен штукатуркой, чтобы ясно обозначалось, что он, дескать, стена, и пусть его держит пальцы, растопыря вот эдаким манером: таким образом и выйдут щели, через которые будут шептаться Пирам и Тизба» (Там же. С. 223).

«Понимание» пианистом «ветошниц» строится, видимо, на сходстве кажущихся беспорядочным («шнырянье») движений рук или пальцев пианиста по клавиатуре и ветошниц, «отыскивающих» что-то ценное в хламе. Причем пианист здесь, похоже, не исполнитель, а скорее импровизатор или композитор, его руки должны отыскать, извлечь из инструмента (как ветошницы извлекают из хлама) музыку. Сходство судеб крышек открытых роялей и корзин на плечах ветошниц в том, что они способны рождать прекрасное (ср. «дольней лозы прозябанье»), и оно тоже может быть вызвано зрительными ассоциациями: внешним подобием провалов плеч ветошниц, крышек роялей и плеч пианиста у рояля; также и подобие внутреннее — рояли (метонимическая замена музыки) вбирают в себя разнообразную жизнь (прошлое и настоящее), как корзины ветошниц. Йессика Карлзон отмечает в понимании пианистом ветошниц еще и важную примету первых послереволюционных лет — возникающее единство судеб женщин-старьевщиц и художника (пианиста), вспоминая письмо Пастернака 1921 года, где он описывает необходимость воровать дрова.[8] Это, очевидно, продолжает уже возникший в первом стихотворении мотив художника в новой советской бытовой жизни — «гений», «распределяющий кету».

Во второй строфе герой (пианист, музыкант) уже не только «понимает», но и сам вместе с «тряпичницами» занят поисками «клада», который отыскивается «на свалках», но при этом «таскается» в компании с тряпичницами «по стройкам». Обратим внимание на несколько каламбурное лексическое родство «строек» и музыкального строя, т. е. пианист на стройках отыскивает основу для музыки (Й. Карлзон предполагает здесь еще метафорическое строительство нового социального мироустройства). Причем результат прогулок определяется достаточно естественно — «клад», но само это приобретение парадоксально — «облако бури кирпичной», которое, как отмечает Карлзон, помещается в нарочито привычный и будничный контекст — уборки зимних вещей в шкаф.[9] И здесь снова склеиваются Пастернак и Шекспир — «буря кирпичная» может быть аналогом парадоксов из пьесы английского драматурга: актер, исполняющий роль стены, которая разделяет влюбленных, или луны, или «не настоящего льва». Не забудем также, что одним из популярных у русских переводчиков творений Шекспира была «Буря» (Н. М. Карамзин в 1803 году, Н. М. Сатин в 1840-м, Л. А. Мей в 1862-м, П. А. Каншин в 1893-м), причем именно в ней речь идет о способности музыки врачевать и исцелять (как в предыдущем стихотворении). Возможно, что «облако бури кирпичной» — это метафора впечатления художника не столько от городских строек и свалок, а от «метеорологического» симптома строительства нового мира. И буря, и гроза в литературе революционных лет превратились в устойчивую метафору революции и революционных преобразований (ср. у Пастернака «Нашу родину буря сожгла»). Так, Блок в революции видел музыку и циклон.

В третьей строфе пианист показан в своей комнате рядом с инструментом — сравнение «как за походною флягой, военную карту грозы расстелив» может представлять движение его рук к клавиатуре, из которой извлекается музыка (как вода из «походной фляги») и над которой стоят ноты («военная карта») — Й. Карлзон в военной карте видит прямой отголосок недавней революции и Гражданской войны (тем более, добавим от себя, что в 1920-х уже существовало в метеорологии понятие «грозового фронта»), отметим, впрочем, что к фляге тянутся скорее одной рукой. Соответственно здесь пианист уподобляется «демиургу», если не прямо Богу (идея, близкая пастернаковскому кумиру Скрябину), который извлекает звуки из рояля — черной грозовой тучи (или напротив, грозовая туча подобна звучащему роялю), подспудно музыка уподобляется дождю (ливень и «походная фляга») и грозе (и одновременно гроза сама подобна музыканту). Вспомним, что уже в первых стихотворениях музыка оказывалась «влажной»: «поток этюдов» из «тучи препирательств», ключи — соединявшие значения влаги, музыки (открывающие нотный стан) и крови (отворить).

К последней строфе становится ясно, что напряжение, появившееся в первом стихотворении, томление, духота из второго, явно связанные с ожиданием грозы, создаю-

[8] *Carlzohn J.* Entagled Figures. P. 141.
[9] Ibid. P. 153.

щие поток этюдов и прелюдии, доходят до максимума — разражается гроза и «гремит» музыка, а ливень устремляется к строительным бочкам с цементом в максимальном эмоциональном напряжении — «дрожащими лапами <...> гремя». Й. Карлзон отмечает переход от беспорядочных, но неинтенсивных движений: «шнырянье», «таскавшись», «тянется» — к энергичнейшим действиям грозы и ливня и видит здесь и деятельное участие возникшей музыки в строительстве нового мира.[10]

За этой сверхнапряженной картиной появляется четвертое стихотворение, где впервые появляется «Я» автора, но так же, как в третьем стихотворении, музыка начинает звучать самостоятельно, равная силам природы, автор здесь лишь инструмент в руках высшей творческой силы. «Я» висит и крепится «на пере у творца». Напряжение в этом тексте, казалось бы, спадает, после прошедшей грозы все успокаивается — появляются слезы — доносятся лишь загадочные звуки из канав.

Я вишу на пере у творца
Крупной каплей лилового лоска.

Под домами — загадки канав.
Шибко воздух ли соткой и коксом
По вокзалам дышал и зажегся,
Но, едва лишь зарю доконав,
Снова розова ночь, как она,
И забор поражен парадоксом.

И бормочет: прерви до утра
Этих сохлых белил колебанье.
Грунт убит и червив до нутра,
Эхо чутко, как шар в кегельбане.

Вешний ветер, шевьот и грязца,
И гвоздильных застав отголоски,
И на утренней терке торца
От зари, как от хренной полоски,

Проступают отчетливо слезки.
Я креплюсь на пере у творца
Терпкой каплей густого свинца.

При подчинении «Я» автора «Творцу» он (поэт / художник / композитор) уподобляется капле, «лиловость» которой может ассоциироваться с чернилами и, соответственно, рукописью словесного или нотного текста, а «лоск» с тем, как он — художник-творец должен будет представить окружающий мир. Лоск может быть связан и с блеском предметов, облитых дождем. Само уподобление капле подчеркивает связь автора с водяными мотивами музыки в трех предшествующих стихотворениях.

Располагающийся в этом стихотворении под пером творца город (сам по себе подобный поэтическому или музыкальному произведению — вспомним о «стройках» в предыдущем стихотворении) состоит из домов, загадок канав, торцов, вокзалов, застав и звуков.

Звуки складываются из отголосков «гвоздильных застав» — городских окраин, где располагались заводы, в том числе и производящие гвозди. Город наделен способностью «бормотать» и одновременно воспринимать и слушать: «Эхо чутко, как шар в кегельбане».

Пространство под пером творца таинственно организовано (как и у Шекспира): канавы под домами — становятся загадками, парадоксом поражен забор, дышит здесь сам воздух — как и поэт парадоксально висит на пере, а не пишет им, и висит не

[10] Ibid. P. 149.

«каплей воска», а «каплей лоска», крепится терпкой каплей свинца, вместо того чтобы «опьянеть» от терпкой капли (не забудем при этом, что уже в хрестоматийном тексте «Сна» Лермонтова читатели склонны были видеть двусмысленность «свинцом — с винцом»).

«Свинец» может напоминать о подспудно присутствующем в цикле мотиве войны, распри: *депеши*, *военной карты*, *горнистов Самсонова*, — а отчасти и ссоры, распри в первом стихотворении цикла (впрочем, свинец неподалеку от «сохлых белил» может создавать и отголосок живописной парадигмы творчества).

Пространство города находится в «переходном» времени и суток — заря (вечерняя, на смену которой приходит розовая ночь и хренная полоска новой зари — не забудем про классическое «одна заря сменить другую...»), и года — поздняя весна.

«Переходность» не только временная, но пространственная — вокзалы, заставы — и метонимически присутствующий поезд/паровоз — вокзальный воздух, отдающий запахом угля — коксом и, видимо, водочным перегаром — сотка, единица измерения водки, создают реализацию классического пастернаковского инварианта — «творчество требует перемещения за город» («Февраль...», «Я их мог позабыть...», «Сестра моя жизнь...»).

Впрочем, и этот мотив связи творчества с перемещением в загородный мир может заимствоваться Пастернаком из «Незнакомки» Блока, и тогда, соответственно, в «загадках канав» можно увидеть параллель к сниженным картинам «среди канав гуляют с дамами», над которыми потом замерещится «очарованный берег», а от «иль это только снится» недалеко и до Шекспира, в пере же творца — едва ли не отзываются «перья страуса» на фоне «терпкой капли» и питья пива в следующем стихотворении.

Время перед рассветом, тем более, видимо, на границе сна и яви, определяет размытость и неопределенность картины — не вполне ясно, кто «бормочет», почему ночные туманные сумерки названы колышущимися сохлыми белилами — все это вместе вытекает из представления о ночном городе, на который только что обрушился «творческий» ливень, и все в городе еще никак не может вернуться в свое прежнее состояние.

Четвертое стихотворение (как и следующее за ним) возвращает читателя в ночное время суток, продолжая изображение полного парадоксов города, который исчезал только во втором стихотворении. Это же продолжается и в последнем:

Пей и пиши, непрерывным патрулем
Ламп керосиновых подкарауленный
С улиц, гуляющих под руку в июле
С кружкою пива, тобою пригубленной.

Зеленоглазая жажда гигантов!
Тополь столы осыпает пикулями,
Шпанкой, шиповником — тише, не гамьте! —
Шепчут и шепчут пивца загогулины.

Бурная кружка с трехгорным Рембрандтом!
Спертость предгрозья тебя не испортила.
Ночью быть буре. Виденья, обратно!
Память, труби отступленье к портерной!

Век мой безумный, когда образумлю
Темп потемнелый былого бездонного?
Глуби Мазурских озер не разуют
В сон погруженных горнистов Самсонова.

После в Москве мотоцикл тараторил,
Громкий до звезд, как второе пришествие.
Это был мор. Это был мораторий
Страшных судов, не съезжавшихся к сессии.

Стихотворение начинается императивом, обращенным к поэту: «Пей и пиши...», подобным «достать чернил и плакать». Здесь автора провоцируют к творчеству ночные фонари и атмосфера городских улиц («...патрулем / Ламп керосиновых подкарауленный»), которые сами гуляют с пивными кружками («с улиц, гуляющих под руку в июле»; вспомним о «толстых пивных кружках» из «Где дамы щеголяют модами...» Блока — двойника «Незнакомки»), одну из которых пригубил поэт. Деревья, «зеленоглазые гиганты»,[11] обсыпают столы тополиными почками, которые уподоблены закуске к пиву. Деревья охвачены той же «жаждой», что и пьющие пиво улицы и автор. Как пишет А. А. Долинин, «в историческом контексте 1922 года, которым датировано стихотворение, мотив приобретает особый смысл. Дело в том, что в период с конца 1914 до начала 1922-го года из-за действия серии „сухих законов“ производство и продажа пива в России (а позже и в РСФСР), сначала были существенно ограничены, а затем и вовсе запрещены. Только 3 февраля 1922 г. было принято постановление ВЦИКа и Совнаркома, снимающее этот запрет, а в июне Моссовет разрешил торговать пивом в садах и парках. Таким образом, возможность выпить „бурную кружку“ трехгорного пива летом 1922 года не могла не восприниматься как знак нормализации, восстановления мирного быта, разрушенного войнами и революциями, частичного возвращения „к портерной“, то есть к старым довоенным порядкам. Даже само пиво, которое пьет Пастернак, пришло из прошлого, из дореволюционного „предгрозья“ — за несколько месяцев после снятия запрета закрытые или перепрофилированные пивоваренные заводы не успели наладить производство, а выставляли на продажу сохранившиеся на складах запасы. Так, 10 мая 1922 г. *Известия* напечатали объявление Моссельпрома, извещающее москвичей, что в магазинах Государственной колбасной фабрики № 1 (бывшая Чичкина) можно купить „пиво бывшего трехгорного завода“, хотя варка пива на нем возобновилась лишь больше полугода спустя. <...> Пастернак мог вспомнить знаменитую картину Рембрандта из Дрезденской галереи <...> На ней художник изобразил себя в момент полного счастья — с красивой женщиной на коленях и бокалом пива в поднятой руке; он смеется и смотрит на зрителя, как бы приглашая нас порадоваться его радости. В первой половине стихотворения угадывается подобное эйфорическое состояние поэта, испытывающего творческий подъем и наслаждающегося июльской вечерней идиллией. Однако трагические воспоминания о недавних ужасах „безумного века“ прерывают этот сладкий „сон в летнюю ночь“. Сначала Пастернак вспоминает солдат и офицеров разгромленной армии генерала Самсонова, полегших на подступах к Мазурским озерам[12] во время неудачного наступления в первый месяц войны, а затем красный террор («мор») — бессудные расстрелы на Лубянке под громкое тарахтение автомобильных (и мотоциклетных?) моторов».[13]

Обратим внимание, что гибель армии Самсонова в августе 1914 года должна была восприниматься как первое из катастрофических событий, а у Пастернака в финале стихотворения обозначается хотя бы временная «отсрочка» апокалипсиса: «мораторий страшных судов, не съезжавшихся к сессии». Этот относительно благополучный финал можно связать и со счастливыми развязками и «человеческой» линии шекспировской комедии (три «правильных» свадьбы), и ее линии «сверхчеловеческой» (примирение Оберона и Титании, после которого поля окрест Афин больше не будут страдать от их распри). Описанные у Шекспира несчастия могли напоминать Пастернаку о пришедших в запустение во время войны и революции пространствах его собственной страны: «И, вот уж с половины лета, где б мы / Ни встретились — в долине ль, на холму ли, / У тростников поросшего ль ручья, / На берегу ль утесистом морском, / Куда водить мы ходим хороводы, / Под музыку свистящую ветров, — / Ты вечно

[11] По наблюдению А. А. Долинина, метафора восходит к сравнению освещенных костром деревьев с пьяными гигантами у Фета. Ср.: «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер. / И, сжимаясь, трещит можжевельник; / Точно пьяных гигантов столпившийся хор, / Раскрасневшись, шатается ельник» (см.: *Долинин А.* Где спрятан Маяковский? С. 382).

[12] В докладе А. А. Долинина (Тыняновские чтения, август 2016 года) было отмечено, что озера «не разуют горнистов», так как русской армии не довелось искупаться в этих озерах.

[13] *Долинин А.* Где спрятан Маяковский? С. 382–383.

возмутишь своей несносной, / Неугомонной бранью наши игры. / От этого, наскучив понапрасну / Играть нам музыку свою, / В отмщенье ветры с моря нанесли / Зловредные туманы и пары, / Которые, на землю опускаясь, / Реченкам самым мелководным столько / Отваги дерзкой придали, что вдруг / Через края они перелилися. / С тех пор быки ярмо напрасно тащут / И пот оратая задаром гибнет, / Во цвете рожь завяла, не успев / На вешнем солнышке заколоситься; / Пустеют выгоны в затопленных полях, / От падежа скота вороны разжирели; / Покрылись тиною веселых игр места; / Извивистые лабиринты / Тропинок, по лугам протоптанных, уж ныне / Не различимы, нет по ним следов! / У смертных человеков отняты / Все радости зимы и даже ночь / Не восхваляется веселым гулом песен. / За это все луна, властительница вод, / От гнева побледневши, наводнила / Туманами и сыростию воздух, / И ревматической заразой дышит он; / И в хаосе стихий все года времена / Перемешались — иней седовласый / В шипки младые алых роз закрался; / На подбородке и на ледяном / Зимы-старухи черепе, порою / Благоуханная гирлянда лета / Виднеется, как будто бы насмешка. / Весна и лето — и плодами / Беременная осень и зима / Сердитая, — своей обычною одеждой / Меняются друг с другом: изумленный, / Их распознать не может ныне свет. / И это племя бед произошло / От наших ссор, от нашего раздора! / Злосчастий мы родители, творцы».[14]

Последнее стихотворение закольцовывает почти все мотивы цикла, «сон горнистов» (1914 года), «виденья» и «зеленоглазые гиганты» вновь напоминают нам о Шекспире. Упоминание «мазурских озер» встраивается в «шопеновский ряд» — за прелюдиями, этюдами и балладами появляется «тень» мазурки. О фамилии композитора напоминает «шепот» (угадывающееся шипение) пенящегося пива. Живописные мотивы второго стихотворения здесь воплощаются в изображенной Рембрандтом пивной кружке, «гуляющие под руку» вновь напоминают о «Незнакомке» Блока, предгрозье — о первых двух стихотворениях, изменившийся обиход Москвы — о первом с его кооперативом и распределением кеты (датировки, несомненно, указывают на разницу московской жизни в 1918 и в 1922 годах).

* * *

Подводя итог разбору пяти стихотворений, мы видим, что они соединяются мотивами сна, города, искусства, музыки и поэзии, вообще творчества и его происхождения, при этом обнаруживая немалое число параллелей друг с другом и с шекспировским текстом. Организация книги стихов «Темы и вариации» подразумевает наличие вариаций первого стихотворения в каждом из последующих, входящих в тот же цикл: так, если в первом стихотворении возникает поток шопеновских этюдов, то возможно предположить появление других опусов этого композитора далее. Как уже было сформулировано А. А. Долининым, творческое преображение видимого мира не имеет, казалось бы, прямого отношения к шекспировской комедии, однако отметим, что именно в ней представлено знаменитое определение поэтического воображения: «Лунатики, любовники, поэты / Как будто созданы из одного / Воображенья. Одни: чертей / Гораздо больше видят, чем в аду их / Найдется; таковы безумные! Любовник, / Такой же сумасброд, красу Елены / В египетской чернавке часто видит. / Поэта взор, в безумстве вдохновений, / То с неба на землю блистая упадет, / То воспарит с земли на небо, там же / Блистая: и когда воображенье / Зачнет во чреве и родить / Неведомого образ бытия, — / Перо поэта — тело даст сему / Воздушному ничто, укажет в мире место / И наречет по имени его».[15]

Помимо этого, как уже было сказано, центром шекспировской комедии оказывается создание пьесы (художественного произведения) — актеры подробно обсуждают все детали будущей постановки, а также в комедии неоднократно возникает очень важный для Пастернака мотив силы и могущества музыки: «Титания, кличь музыку! Вол-

[14] Библиотека для чтения. 1857. Т. 144. С. 209.
[15] Там же. С. 253.

шебный звон, / Да усыпит всех пятерых сильнее, / Чем самый крепкий, самый сладкий сон!»;[16] «Ипполита: С Ираклом я и Кадмом раз была / В лесу на Крите острове: медведя / Спартанскими собаками травили. / Ни разу слышать мне не удавалось / Такого шума звонкого. Не только / Леса, но даже небеса, ручьи / Окрестности гремели чудным гулом, / Я не слыхала никогда таких / Чудесных музыкальных диссонансов, / Такого усладительного шума».[17]

Мотив могущества искусства, сложно переплетенный с любовными сюжетами, завершающимися счастливой развязкой, также можно рассматривать как результат воплощения замысла Оберона — т. е. опять же как завершенное произведение.

Главной общей темой цикла оказывается рождение искусства вместе со свойственным Пастернаку центральным мотивом единства/слитности мира природного и человеческого, городского и сельского, неба и земли, где, соответственно, источниками искусства становятся грунт, опьяненные тополя и улицы, заборы и канавы, стройки и бочки с цементом, бранящиеся влюбленные и старьевщики, летние грозовые тучи и звуки городских застав и многое-многое другое.

В первом стихотворении рождение искусства наиболее отчетливо возникает из обстоятельств жизни города (причем подчеркнуто неопределенных — связаны или не связаны друг с другом «крупный разговор» (перебранка?) и «запирающиеся» двери лавки, магазина, препирательства — мужчины и женщины или двух женщин, приводящие к «сбитой» прическе). Вспомним, что музыка, в отличие от словесности, и не может однозначно указывать на «изображаемое». Причем музыка появляется сама по себе, без участия ее автора. «Сплошной поток шопеновских этюдов» как будто каламбурно «выливается» из перечисленных обстоятельств.

Рождение искусства во втором стихотворении отчетливо определено «пространством и обстоятельствами», из которых искусство должно возникнуть («вырасти», так как дело происходит в саду), наряду с музыкой появляется и живопись. Возникает вновь Шопен — причем музыканту отводится функция врачевания страждущего и одновременно власти над миром.

В третьем описывается собственно музыкальное произведение, которое возникает в значительной степени самостоятельно как явление природы, несмотря на присутствие пианиста, являющегося лишь исполнителем.

В четвертом стихотворении с подготовкой к рождению искусства связано положение автора (собственно впервые прямо появляющегося в цикле), который в начале полностью подчинен творцу («висит на пере», причем лиловость капли указывает на чернила, вместо которых появляется парадоксальная капля лоска, созвучная «капле воска»), а к концу обретает уже способность «крепиться» — «крепиться» связано семантически с «крепостью» и «терпкостью», которые подготавливают употребление пива в последнем стихотворении. Рядом с позицией автора появляются и традиционные обстоятельства рождения поэзии: весна («вешний ветер»), утренняя заря, вокзал, граница города («заставы»), последние скорее характерны именно для пастернаковских представлений о происхождении творчества. Городской воздух что-то бормочет (т. е. рождает звук), но одновременно все названное в стихотворении: и творец, и забор — сохлые белила — все напряжено для начала творчества — ухо чутко, грунт червив, утренняя терка торца городских площадей и улиц.

Приближение момента рождения произведения дается в нескольких «кодах», т. е. город во всех отношениях подготовлен к возникновению художественного текста.

Гастрономический код — утренняя терка, хренная полоска — одна из кодировок творчества.

Природный код — заря, утро.

Творческий код — перо, капля.

Собственно код живописного творчества — грунт и сохлые белила.

---

[16] Там же. С. 246.
[17] Там же. С. 248.

Код жертвенности искусства — «зарю доконав» — также может восприниматься как исторический код, связанный с творчеством как жертвенным служением богам и музам («треножник»).

Код «транспортный» — «шибко», коксом — паровоз набирает скорость.

В пятом стихотворении отчетливо появляется прежде всего литературный (поэтический) текст, рождающийся из опьянения (летом и пивом), но и музыка (горнисты, «МАЗУРсКие озерА») и живопись — Рембрандт — присутствуют бок о бок с поэтом и городом.

В «МАЗУРсКих озерАх» можно увидеть анаграммирование и шопеновской мазурки. Причем появление Шопена в первом стихотворении — «поток этюдов», задающий сквозное соединение музыки и влаги, и в частности дождя, может напомнить о его 15-й прелюдии («La goutte d'eau»,[18] «Raindrop prelude»). Этюды Шопена вывели этот жанр на новый уровень, до него этюды были лишь тренировкой перед большим произведением, у него же это самостоятельные произведения, причем в каждом максимально отрабатывались все виды существующих техник, что напрямую можно связать и с главной темой цикла (создание художественного/музыкального произведения), а также, возможно, именно с этой задачей (отработкой всех возможных техник) и связано столь явное метрическое разнообразие пяти стихотворений (пять разных метров). Отметим также, что одним из самых известных этюдов у Шопена считается двенадцатый этюд, который (в отличие от остальных безымянных) даже получил название революционного — что связывается и с темами прежде всего первого и пятого стихотворений, и всего цикла, а также с Блоком.

И в итоге мы имеем сложно организованный текст об искусстве, законах его возникновения одновременно с демонстрацией внутри него, как эти законы действуют. Эта принципиальная закольцованность текста подчеркивается, как отчасти уже отмечалось выше, еще и лексически: пять текстов как будто перетекают один в другой, благодаря использованию повторяющихся корней слов (мотивов) в последних строках предшествующего и первых следующего текста. Так «ночные сады» в конце первого стихотворения подготавливают появление сада во втором («из сада шел томящий дух»), пыль и духота в конце второго стихотворения подготавливают появление в третьем ветошниц, в том числе и фонетически («душно дышат» — «шнырянье ветошниц»), к тому же затем появляется и «*душное* лето», и «*пыльное* облако бури», а также соположенными оказываются «рука» композитора во втором стихотворении и «плечи» пианиста в третьем. Между концовкой третьего стихотворения и началом четвертого также отмечаем фонетическую связь «лапами ливня» — «лилового лоска», а более того, ливень оборачивается крупной каплей. Перо же и капля в конце четвертого стихотворения подготавливают «пей и пиши» в пятом. То есть все пять текстов, абсолютно разные метрически, разные содержательно, но объединенные общей темой, оказываются еще и таким образом связаны в один текст.

Говоря о рождении искусства (и прежде всего музыки) как одной из центральных тем пастернаковского цикла «Сон в летнюю ночь», наверное, нельзя не вспомнить о произведении Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», несомненно важном для всей литературы Серебряного века, — само название которого перекликается с пастернаковским пониманием шекспировской комедии. Также и пастернаковское видение *рождения творчества перекликается и непосредственно с формулировками Ницше.*

По Ницше, искусство рождается вследствие борьбы (и последующего перемирия) двух начал, а пастернаковский текст начинается именно с ссоры, сбитой прически, тучи препирательств, которые именно *превращаются* в музыку. Отметим, что и ссора в шекспировском тексте является ключом для понимания цикла Пастернака. Также важнейшими источниками творчества, согласно Ницше, становятся сновидение и опьянение. Отражение этого мы видим не только у Шекспира, где, собственно, дей-

[18] капля воды (*фр.*)

ствие всей комедии и создается благодаря сну, состоянию одурманивания (своего рода опьянению), и в этом сне происходит создание пьесы, но и у Пастернака все рождение творчества, как мы показали, происходит во сне или как во сне, и более того, мотив опьянения четко прослеживается в четвертом и пятом текстах (а возможно, в поисках «походной фляги» в третьем). Помимо этого, у Ницше большое место отведено объяснению того, как в момент творчества пишущий теряет свое «я» — уподобляясь, с одной стороны, божеству, с другой стороны, материалу, из которого это божество творит, и к этой философской идее может подталкивать парадоксальность, возникающая в четвертом стихотворении Пастернака, где впервые появляющийся автор представляется каплей на пере у Творца. Но наверное, к одной из самых близких Пастернаку идей, изложенных Ницше, можно отнести суждение о том, что музыка является первоначальной, именно из нее рождается творчество.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-157-160

АЛЕКСАНДР ИЛЬМЕНЕВ (А. М. РЕМИЗОВ)

НА РАСПУТЬЕ

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. М. ГРАЧЕВОЙ)

В 1994 году автор настоящей публикации была приглашена проф. Стэнли Рабиновичем, тогдашним директором Amherst Center for Russian Culture, для участия в предварительном разборе художественных материалов, входящих в состав обширного архива Алексея Михайловича Ремизова и его супруги — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (Alexej Remizov and Serafima Dovgello-Remizov papers). Среди этой части архива значительное место занимают творческие рукописи, связанные с многолетней работой писателя над частями романа-эпопеи «В розовом блеске» («Оля»),[1] основанного на канве жизни Серафимы Павловны (далее — С. П.) — от ее детства до смерти. Центральный источник художественного повествования о судьбе главной героини Оли Ильменевой (ее прототипом была С. П.) — краткие рукописные заметки-воспоминания, которые С. П. стала непериодически писать по просьбе Ремизова с 1905 года. Первые из этих записей касались периода ее учебы на Бестужевских курсах и участия в революционном движении. С 1909 года Ремизов начал создавать рассказы, сюжетно восходящие к мемуарным записям С. П. Но бóльшая часть этих произведений опубликована позднее.[2] В 1920-е годы ряд рассказов был переработан и включен в состав книги «В поле блакитном» (Берлин: Огоньки, 1922). С ее появления началась многолетняя история формирования эпопеи о судьбе Ольги Ильменевой.

Рукопись рассказа «На распутье» представляет собой недатированный беловой автограф, под текстом подписанный псевдонимом «Александр Ильменев». Имя героини прозы Ремизова «Оля Ильменева» впервые появилось в 1914 году в рассказе «Бочоночек».[3] В 1917 году писатель опубликовал рассказ «Ошибки», используя

---

[1] Часть этого романа-эпопеи — *повесть* «Оля» — была опубликована в 1927 году (Париж: Вол, 1927). Совпадение названия итогового произведения Ремизова начала 1950-х годов и повести 1927 года привело к тому, что по указанию «Издательства имени Чехова» писатель был вынужден изменить первоначальное заглавие эпопеи («Оля») на новое: «В розовом блеске» (опубл.: Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952). Подробнее об этом см.: *Грачева А. М., Обатнина Е. Р.* <Текстологическая преамбула к роману «В розовом блеске»> // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске. С. 719–734.

[2] См.: *Грачева А. М., Обатнина Е. Р.* <Текстологическая преамбула к роману «В розовом блеске»>. С. 712.

[3] Ежемесячный журнал. 1914. № 1. С. 41–42.

псевдоним «Ольга Ильменева».[4] В 1936 году Ремизов вновь с той же целью обратился к фамилии главной героини своей эпопеи, напечатав под псевдонимом «Василий Ильменев» рассказ «Толковый словарь».[5] Псевдоним «Александр Ильменев» использован только один раз — в рукописи «На распутье».

Источниками этого произведения являются тексты ранних мемуарных записей С. П.[6] Герой рассказа «На распутье» — революционно настроенный студент Владимир, находящийся в доме предварительного заключения. В центре произведения — повествование об идейном переломе в мировоззрении молодого человека, переходящего от религиозного безразличия и одержимости насильственным переустройством земного несправедливо устроенного мира к пониманию главенства христианских ценностей и к осознанию неизбежности своего дальнейшего отхода от пути революционера: «А когда вышел на волю, увидел своих бывших товарищей, рассказывал, расспрашивал, и понял одно несомненное, что жаль ему своей тюрьмы, потому что не знает теперь, как жить дальше, понял, как далеки все от него стали, все, забывшие или совсем не знавшие того, что он в тюрьме вспомнил. Мучился долго Владимир, и не было ему ниоткуда ответа, что дальше делать? <…> А знал он одно, по-прежнему он не может жить, потому что сам уж не прежний».

По тексту белового автографа рассказа проведена черновая правка. Автором было начато и брошено исправление текста о студенте Владимире на повествование о курсистке Оле. Кроме замены имени героя, частично откорректированы глагольные окончания и формы местоимений. В целом правка носит крайне небрежный характер. Это свидетельствует об изменении первоначального замысла писателя целиком использовать исходный текст для новых художественных задач, формально изменив, но оставив в неприкосновенности его идейно-художественную концепцию. Вероятно, в процессе работы над рукописью Ремизов пришел к выводу, что концепция «На распутье» не соответствовала образу Оли Ильменевой, уже в ранних рассказах о ней предстающей глубоко религиозной девочкой, а затем девушкой, сохранившей страстную веру в Бога, но не отступавшей от своих революционных убеждений. В итоге лишь незначительная часть текста рассказа (эпизоды езды на извозчике с жандармами и рассуждения героини о небе и звездах) в значительно переработанном виде вошла в состав впервые опубликованной в 1925 году главы «Под стук»[7] раздела «С огненной пастью», который был включен в повесть «Оля», впоследствии ставшую частью романа-эпопеи «В розовом блеске».[8]

По характеру почерка и типу бумаги беловой автограф можно с определенной долей вероятности датировать второй половиной 1910-х годов. Правка относится к 1920-м годам (крайняя дата — 1925 год).

В итоге обработки и описания архива Ремизовых рукопись рассказа «На распутье» осталась в составе черновиков и вариантов материалов, связанных с работой писателя над повестью 1927 года «Оля». В окончательной архивной описи «Alexej Remizov and Serafima Dovgello-Remizov papers» беловой автограф рассказа «На перепутье» не является отдельной единицей хранения. В настоящее время он находится в комплексе творческих материалов повести «Оля» (Several draft versions of «Olia». 1923 // Amherst Center for Russian Culture. Alexej Remizov and Serafima Dovgello-Remizov papers. Box 16. F. 9a; Several draft versions of «Olia». 1920s. // Ibid. Box 16. F. 9b).

---

[4] Россия в слове. 1917. 24 дек. № 3. С. [1].

[5] *Василий Ильменев* [Ремизов А. М.]. Толковый словарь // Новая Россия (Париж). 1936. 20 дек. № 18. С. 15. Об истории этой публикации см.: *Василий Ильменев* [Ремизов А. М.]. «Толковый словарь» / <Вступ. заметка и публ. А. М. Грачевой> // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 3. С. 379–391.

[6] *Ремизова-Довгелло С. П.* 1) «Какие враги были у русского правительства?» <Воспоминания о партии социалистов-революционеров, обстоятельствах тюремного заключения и ссылке>. 1905 год // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1034; 2) «Как это произошло?» <Воспоминания о тюремном заключении и подруге Наташе>. 1905 год // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1035; 3) «Петербург». <Воспоминания о годах учебы на курсах>. 1905 год // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1037.

[7] Первая публикация главы «Под стук»: Воля России (Прага). 1925. № 1. С. 28–53.

[8] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 15. С. 344, 358–359.

Приношу благодарность Дирекции Amherst Center for Russian Culture и лично профессору Стэнли Рабиновичу за разрешение на публикацию автографа рассказа А. М. Ремизова «На распутье».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Александр Ильменев [А. М. Ремизов]

На распутье

Когда Владимира везли два жандарма на извозчике, было утро. По дороге встречались гимназисты, студенты, и все особенно на него смотрели, — все знали, что везут в тюрьму.

А он сидел усталый и об одном думал:

«Хоть бы скорее привезли и дали отдых!»

Целую ночь обыск, — утомило, да и последние два месяца напряженной работы: не было минуты свободной, минуты для себя. А так давно надо ему что-то додумать, что-то решить. Время уходило куда-то в прорву, с утра начиналась беготня, езда на извозчиках по «делам», и не просто надо было ходить и ездить, а осматриваясь, чтобы вывернуться от шпиона. Так с утра до поздней ночи и бегал.

Теперь отдых — тюрьма.

Помещенный в отведенную камеру, Владимир повалился на койку и заснул.

А когда проснулся, обрадовался, что времени так много и все для себя.

Из-за чего привезли его в тюрьму? — Из-за того, что было целью его жизни; он всегда знал, что будет тюрьма в конце этого «светлого и радостного пути». Сам себе избрал дорогу, сам сейчас <?> и ответчик.

«Тюрьма, — рассуждал сам с собой Владимир, — тюрьма — не несчастье, тюрьма — неприятность, надо вынести эту неприятность и тогда еще светлее и радостнее будет тот начатый путь».

Так думалось в первый день заключения. А потом решетка на окне и глазок в двери, и вечные подсматривания навеяли мечты о воле; и представилась эта воля такой широкой и глубокой, такой дорогой и обещающей, что тяжелы стали тюремные стены. И стал он жизнь свою вспоминать, и стал и жизнь свою, и себя судить.

Вот люди все от него отняли, — отняли слова, отняли звуки, краски, все то, что есть жизнь, и за то отняли, что не мог стать рабом, не мог подчиниться, хотел себя за чужую волю отдать.

А Мерлов опять на воле! Да, этот человек купил себе волю тем, что других надолго лишил ее: все и про всех рассказал.

Раскрылась дверь. Повели Владимира на прогулку.

На тюремном дворе снег лежал, стояла недоделанная снежная баба, ее Владимир несколько дней делает и не может окончить, — коротки прогулки.

Стал доделывать бабу и вдруг взглянул вверх — на небо! Кусочек неба и несколько звезд.

«Вот чего от меня не отняли — подумал Владимир, — неба не отняли, и никто не властен отнять, а вот от Мерлова отняли, сам он от себя отнял. Для предателей нет неба».

Радостно вернулся Владимир в камеру, а бабы так и не доделал.

И теперь все вспоминалось ему небо и несколько звезд. Но чем оно так поразило его?

Да, вспомнил, он видел это небо давно-давно, еще в детстве: так же снег лежал, так же баба стояла снежная, а он с отцом шел в церковь к вечерне, так же смотрели звезды на него и тогда как теперь.

«Да, да, оно вечное, его люди не могут отнять, только сам человек может его уничтожить».

И ясно понял: тюрьма — не несчастье, а несчастье, когда неба не будет!

И заснул Владимир спокойным сном, и увидел во сне, как склонился над ним его лучший друг, его любимый друг, и в глазах его было столько любви, — смотреть больно. Точно и он, его лучший друг, говорил ему о небе и о том единственном, что страшно потерять.

С этого дня Владимир стал молиться. Он молился украдкой, боясь, как кто из товарищей или надзиратели не догадались, что он молится. Молился он бессвязно своими словами, и то благодарил Бога, то просил, то ликовал.

* * *

Вспоминал Владимир всю свою жизнь, и хотел отчет дать себе в том, как это началось, как решил раз навсегда, так казалось, отдать себя революционному делу. Вспоминает, как был он маленький, и как время от времени что-то саднило, будто душа болела, потом веселые гимназические годы, годы без дум и тревог, потом он в университете. В первый день, как пришел он в университет, была сходка: решали забастовку. Было и весело, и жутко, и чувствовал он себя так, будто участвует в чем-то важном и огромном. Многих студентов выслали, это грустью пало на душу. А потом кружки самообразования, вечеринки, рефераты, споры. Сразу потянуло к с-р, потому что они шире, глубже, значительнее, так думал. Читал все нелегальное, что попадалось. Помнит, как после лекции по русской истории, на которой профессор читал о царствовании Петра, он позвал в укромный уголок своего ближайшего товарища Мерлова, и волнующимся голосом стал просить его дать друг другу клятву, что оба они жизнь свою отдадут за то, чтобы правда пришла на землю. Мерлов поклялся. И с этого дня Владимир и Мерлов стали искать связей с партией, связи скоро были завязаны, они работали с жаром и у обоих была одна мысль: как можно дольше продержаться и как можно сильнее потом попасться. Иногда бывало так, будто что-то подумать, что-то проверить надо, но времени не было. А теперь хоть целые сутки думай.

«Но что же было такого, от чего сердце сжимается?»

Владимир вспомнил:

«Он неба не видел, весело и хорошо было и без неба, его, самое главное, забыл, на земле весь был, не только небо не помнил, но и на могилу к своей сестре не ходил с того самого дня, как клятву дал».

Как же это так вышло?

И опять вспоминал Владимир все сначала и не мог понять, почему дело такое святое, — всегда, бывало, называл себе в душе так свое дело, — заставило забыть, стерло то, что одно тебя никогда не покинет, значит, оно одно и есть правда не людская.

В таких думах провел Владимир все четырнадцать месяцев своего заключения, и уж не стала для него тюрьма неприятностью, она ведь ему опять открыла позабытое.

* * *

По обыкновению Владимир встал в семь и до десяти убирался, хотел было сесть заниматься, как вдруг открылась дверь, вошел надзиратель с известием:

— Вас освобождают!

Встрепенулся, обрадовался. Сердце сильно стучало. А когда вышел на волю, увидел своих бывших товарищей, рассказывал, расспрашивал, и понял одно несомненное, что жаль ему своей тюрьмы, потому что не знает теперь, как жить дальше, понял, как далеки все от него стали, все, забывшие или совсем не знавшие того, что он в тюрьме вспомнил.

Мучился долго Владимир, и не было ему ниоткуда ответа, что дальше делать? И небо спрашивал он, и оно молчало. А знал он одно, по-прежнему он не может жить, потому что сам уж не прежний.

«Но как же, как?»

Успокоился Владимир на том, что будет ждать приговора, а там уж и решит.

«Надо же успокоиться».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-161-169

© *Е. Р. Обатнина*

А. М. РЕМИЗОВ В БОРЬБЕ ЗА «СОН»: МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

А. М. Ремизову принадлежит существенный вклад в жанровую парадигму прозы первой половины XX века и единственный в своем роде опыт формотворчества в сфере нарратологии и литературного быта. Особая роль в его новациях отведена феномену сна. Легитимация дискурса бессознательного в форме самостоятельного жанра стала прерогативой писателя, за которым в истории русской литературы прочно закрепился статус непревзойденного практика и теоретика художественной гипнологии своего времени.[1] Начиная с 1903 года в ежедневных письмах к невесте С. П. Довгелло сформировалась многолетняя привычка записывать свои сновидения.[2] С катастрофическим ухудшением зрения в конце 1940-х годов вербальные фиксации заместились графическими зарисовками, составившими многосерийные тетради, которые являются как фактом творческого бытия, так и уникальным способом отражения жизни авторского «я» вне декартовой системы координат.[3] История неустанной культивации феномена сновидений, осуществлявшаяся на протяжении всей жизни, подтверждает значительность для творческой личности Ремизова литературной формы, фиксирующей абсурдистскую поэтику бесконтрольного творчества. Пафос его «борьбы» за жанр состоял в утверждении сновидений как экзистенциального пространства, в корне противоположного социальному, с его этическими нормами и законами общежития. Сны, наполненные образами повседневности, воспринимались им как неопровержимые свидетельства «другой жизни» «я» и обнаруживали один из способов самоидентификации в пространстве и времени.[4]

Ремизовская практика описания «изнанки» индивидуальной экзистенции имела свою эволюцию и разные уровни применения. Дискурс бессознательного встречал неоднозначную реакцию критики.[5] Со времени дебюта в печати миниатюр из цикла «Под кровом ночи: Сны» (1908)[6] писателю потребовались известная принципиальность и упорство для продолжения публикации собственных «снов», которые впоследствии составили неотъемлемую часть его литературного кредо.

На первых порах сам способ художественной адаптации «снов» еще был подчинен этическим законам социума: писатель, пересказывая свои «ночные приключения»[7]

---

[1] Подробнее см.: *Цивьян Т. В.* О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России: Избр. страницы. М., 1993. С. 299–311.

[2] Ср.: «Вчера долго не мог заснуть, все думал о сюжетах. Записывайте свои сны, „страшного“, страшного побольше. Наша повседневная жизнь с тысячью крохотных жалящих впечатлений затирает главное. Нужно высвободиться из-под налетающей пыли: и! тогда такие песни услышим. Тогда и жизнь сама явится в ином лике» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 345. Л. 8).

[3] Собрание тетрадей 1933–1937 годов под названием «Именинный графический полупряник. Тырло. 550 снов» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 46), а также тетради 1939–1940 годов, объединенные общим названием «Мой графический дневник» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 48, 49).

[4] См. рассмотрение философских понятий в статье: *Чередниченко И. П.* Экзистенциальный опыт реального существования // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. 151–141. Ср. письмо Ремизова жене от 26 июня 1926 года: «Думал о моем отвращении к „естественным законам“ или не так: о возмущении. Против: „нормально“. И главное — это такой круг, из которого не выйдешь: родился, значит, проходи — пей и ешь и болезни. Это ужасно! Против сна ничего не имею: потому что снится. И только через сон человек проникает на тот свет — это единственная дверка» («На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 17. С. 78).

[5] Подробнее см. в комментариях к тому: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 586–590.

[6] *Ремизов А.* Под кровом ночи: Сны // Золотое руно. 1908. № 5. С. 31–37.

[7] Ср. название цикла «снов»: «Бедовая доля: Ночные приключения» // Русская мысль. 1909. Кн. 5. Отд. 1. С. 9–23.

с участием действующих лиц, ограничивался лишь заглавными буквами фамилий известных персон, оказавшихся в поле его подсознания (ср. начало сна о М. Кузмине: «Ко мне пришел К., мой знакомый музыкант и сочинитель...»[8]). В эмиграции Ремизов коренным образом преобразовал концепцию литературного «я» и окончательно пренебрег условностями, отделяющими литературу и жизнь.[9] В результате пересмотра ценностей он принялся свободно оперировать именами современников на страницах своих произведений, создавая искусно выверенный баланс между реальностью, художественным вымыслом и фиксацией сновидений. Показательно, что выбор имен для героев подлинных снов имел спонтанный характер.[10] Подобная «документальность» стала нормой автобиографической прозы писателя и получила широкий спектр жанрового применения — от бытового рассказа до романа «Взвихренная Русь» (1927), где сны Ремизова выполняли функцию конструктивного элемента повествования.

Жанр «сна» как продукт творческого сознания писателя обратился в настоящий камень преткновения в 1925–1926 годах, когда на защиту литературной этики поднялись практически все редакторы парижской периодической печати, объявившие ремизовскому сновиденному «документализму» едва ли не бойкот. Переписка с редакциями подтверждает, что иногда ему приходилось идти на вынужденные уступки требованию «не переходить на личности». Тем не менее в истории рецепции ремизовского творчества имел место сюжет, обнаруживающий твердую позицию писателя, который, отстаивая свой жанр, защищал автобиографический принцип художественности и сны как неотъемлемый элемент этой системы. Обращая внимание на связь между жанром «сна» и биографией, приведем одно из высказываний Ремизова, которое впервые появилось в печати в 1926 году и отчасти выражало формировавшуюся в это время концепцию: «Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а „приключения“ — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще».[11]

В литературном цеху эмиграции подобную философию были бы и готовы принять, но с одной оговоркой — без реальных имен. О том, что современники по-разному реагировали на его «бессознательное» творчество, писатель хорошо знал. Одному из мемуаристов запомнился случай ультимативного заявления в связи с тем, что у Ремизова «выработалась неприятная, на границе с шантажом, практика: видеть разных важных персон — во сне!». Автор этих воспоминаний утверждал, что В. Ф. Ходасевич «даже раз был вынужден написать Ремизову: „Отныне я вам запрещаю видеть меня во сне!“ — и это, кажется, помогло».[12] Не лишено рационального зерна другое мемуарное свидетельство этого же «апокрифа», благодаря которому современница вскрыла один из основных мотивов ремизовского употребления подлинных имен. Вспоминая о факте публикаций «снов» в печати, она указала на целеполагание творческой стратегии писателя: «Так, кто-то из „известных“, сказав ему строго: „И помните, чтобы я не появлялся в смешном виде в ваших снах!“, — никогда в них действительно не появлялся, чем, впрочем, и не вошел для потомства *в ремизовский эпос*».[13]

---

[8] *Ремизов А.* Под кровом ночи: Сны. С. 36 (без названия, под номером 21). См. также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 449 (под названием «Сфинкс»).

[9] *Обатнина Е.* А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 27–45.

[10] См., в частности, прецеденты и характер использования имен в автобиографической прозе и снах: *Обатнина Е. Р.* Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.

[11] Впервые фрагмент вошел в текст рецензии на издание «Восточного сонника»: *Ремизов А. М.* <Рец. на:> Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis. Postdam: Muller Verlag, 1925 // Воля России. 1926. № 8/9. С. 232–233; см. также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная. С. 241–243 (под названием «Сонник»).

[12] *Яновский В. С.* Поля елисейские: книга памяти / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2016. С. 244. Письмо Ходасевича, несомненно, могло бы украсить коллекцию писем Ремизова, однако до сих пор не выявлено.

[13] *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 128. Курсив мой. — *Е. О.*

Сталкиваясь с раздражением не только героев его снотворчества, но и критиков, Ремизов занялся углубленным изучением вопроса о функции сна в произведениях русской литературы. В поисках обоснования жанра ему помог последний секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков, письмо которого сохранилось среди корреспонденции писателя за 1925 год. Их знакомство состоялось летом 1924-го, когда Ремизов побывал в Праге. Именно в это время для писателя идея взаимосвязи ночной и дневной реальностей приобрела особую актуальность в процессе работы над повестью «По карнизам» (1929). В Булгакове он нашел авторитетного консультанта, охотно откликнувшегося на предложенную ему тему воспоминаний о классике:

«Zbraslav, 19 февраля 1925.

Дорогой Алексей Михайлович,

Рад ответить на Ваше письмо и помочь чем могу, но боюсь, обману Ваши ожидания и сообщу не многое: я просто не все помню из Толстого, а сочинений его, даже отдельных книжек, у меня совсем нет — я все оставил в России.

Кстати, не посетуйте, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Меня дома не было. С 4-го по 18-е число я разъезжал по Австрии с немецкой лекцией о Толстом (личные воспоминания). И только вчера прочел я Ваше письмо.

— Скажу, прежде всего, что Толстой определенно интересовался снами или, вернее, *явлением сна*. „Сны — это удивительное явление“, — говаривал он. Он часто повторял изречение Паскаля о том, что если бы сны шли в последовательности, то мы не знали бы, что сон, что — действительность. И он находил, что это изречение совершенно верно.

Кроме того, Л. Н. находил, что часто во сне удивительно верно отражаются характеры людей, которые нам снятся. Приводил он, бывало, по этому поводу и примеры снов, которые ему снились.

Вообще, Л. Н. очень часто рассказывал свои сны. А т<ак> к<ак> изустные рассказы его тоже были часто не чем иным, как художественными произведениями (он говорил, что он пишет *хуже*, чем он говорит, и говорит *хуже*, чем думает), — то я думаю, что Вам надо исследовать и эту сторону толстовского творчества — в снах.

Из отдельных крупных произведений Толстого, где приводятся сны. Я вспомню следующие.

1) „Исповедь“. Там — чудный сон, которым кончается все произведение и который выразил для Толстого „в снятом образе все то, что он пережил и описал“. Собственно „Исповедь“ помечена 1879 г<одом>, относящийся к ней сон 1882 г<одом>. Все это Вы, конечно, найдете в издании „Слова“. 2) Чудный рассказ „Молитва“, половина которого — описание сна матери о судьбе ее дитяти. Это особенно важно! 3) В посмерт<ных> художеств<енных> произведениях Т<олстого> (изд<ание> А. Л. Толстой, есть и масса др<угих> изд<аний>) Вы найдете произведение, в кот<ором> ни слова не говорится о снах, но кот<орое> называется „*Что я видел во сне*“. Я думаю, что для Вас должно быть интересно и это произведение. 4) У Толстого есть *пьеса*, можно сказать вся построенная *на снах*. Я боюсь, что она Вам не известна. Она не вошла ни в одно собр<ание> соч<инений> Толстого и была однажды полностью опубликована Чертковым в „Русском слове“ (сытинской газете) и даже сыграна неск<олько> раз в москов<ском> драмат<ическом> театре Незлобина. Достать ее теперь — великая задача! Пьеса называется „Петр Хлебник“. Сюжет известный, старый: раскаяние богача и великого грешника, увидевшего во сне картину Страшного Суда. 5) Последний год жизни, при мне, Толстой написал в высшей степени интересные очерки, под названием „Три дня в деревне“. Три очерка, с отдельными подзаголовками. А ко всем этим очеркам он написал заключение, в форме и под названием *Сна*. — И я опять не знаю, *где* могли бы <мы> с Вами доставить сейчас эту вещь. Она даже в издании Ал<ександры> Л<ьвов>ны не была напечатана. Только Россия — мать наша могла бы нам помочь. Надо было бы растормошить „толстовские“ круги.

Если мое начальство по Обезвелволпалу будет настаивать, я вынужден буду за это приняться.

К сожалению, больше ничего не вспоминаю из больших произведений, хотя и убежден в душе, что это — вовсе не весь материал о снах, что я сообщаю. Надо попросить кого-н<ибудь> обыскать большие романы, повести, рассказы, притчи Толстого. Память нам может изменить. Там непременно что-нибудь найдется.

Я удивляюсь, Алексей Михайлович, что в изд<ании> „Слова“ нет „Двух старцев“ и „Трех стариков“. В томе с народными рассказами, в любом Собр<ании> соч<инений>, эти рассказы должны быть непременно. У меня их нет. Но я не сомневаюсь, что Вы их найдете в Париже, м<ожет> б<ыть> в библиотеках.

Я не сказал еще о материалах исследования изустного творчества Толстого, о снах. Тут на первом месте должен стоять дневник. 2 тома были изданы — Чертковым и Алекс<андрой> Львовной. Если не ошибаюсь, Ладыжников в Берлине переиздал их. Или торговал и торгует ими. М<ожет> б<ыть>, можно было бы выписать у него? В дневник Толстой, наверное, заносил свои некоторые сны.

Сны Толстого записывали часто всякие мемуаристы. Найдется ли у Вас мужество перелистать с этой целью дневники <Д. П.> Маковецкого, <П. П.> Гусева, <А. Б.> Гольденвейзера, <С. Н.> Булгакова? К величайшему сожалению, всё это книги, кот<орые> тоже оч<ень> трудно доставать. *М*<аковецкий> вышел в Москве, у „Задруги“. *Б*<улгаков> там же. *Гус*<ев> очень давно в Москве у „Посредника“. Только *Гольд*<енвейзер> вышел, хотя и в Москве, но недавно, и я знаю, что продается заграницей.

Мой ясноп<олянский> дневник имеется у меня, действительно, только в одном, испещренном поправками, экз<емпляре>, кот<орый> я берегу, как зеницу ока, на случай повторения издания заграницей. И опять-таки, если начальство потребует, то я сделаю все возможное, но, кажется, мне легче будет выслать все о снах, чем посылать книгу в Париж.

Вот и все, дорогой Алексей Михайлович, что́ я мог сообщить Вам.

Не обессудьте, если мало. Чем богат, тем и рад.

Шлю Вам сердечный искренний привет!

Уважаемой Серафиме Павловне — искренняя благодарность за память и душевное уважение и привет!

Ваш Вал<ентин> Булгаков

Мой обновленный адрес:
Zbroslow u Prahy, Žabovřesky, u pani Vykusové».[14]

Это обстоятельное письмо чрезвычайно воодушевило Ремизова, и вскоре был приготовлен к печати цикл под откровенным заголовком «Мои сны», в котором каждая миниатюра называлась по имени героя: 1. Брюсов, 2. Бальмонт, 3. Кузмин, 4. Философов, 5. Лев Шестов, 6. Мережковский, 7. Щеголев, 8. Алексей Толстой, 9. Вячеслав Иванов, 10. Сологуб, 11. Савинков, 12. Рерих, 13. З. А. Венгерова, 14. Jean Pougny.[15]

Для примера напомним одну из миниатюр, которая в писательской среде могла быть принята за рискованную эскападу: «Иду к З. А. Венгеровой зубы лечить. А у нее сидит Вяч. Шишков. Поздоровался я с Шишковым, и наши руки так плотно сжались, едва З. А. разняла их, и то клещами, что зубы рвут.

— Как бы вы не заразились, — сказала она, — клещи отравлены нафталином».[16]

---

[14] Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Ser. 2. B. 3. F. 15 (далее: Amherst, с указанием шифра). Курсивом воспроизводятся слова, подчеркнутые Булгаковым.

[15] Публикация снов была распределена между двумя изданиями: *Ремизов А. М.* 1) Мои сны // Звено. 1925. 26 окт. № 143. С. 3; 2) Мои сны: Литературные // Слово. 1925. 11 нояб. № 1. С. 3.

[16] Цит. по: *Ремизов А. М.* Сторона небывалая / Сост. И. Попов, Н. Попова; вступ. статья, комм. И. Попова. М., 2004. С. 104. Подтексты сна заслуживают отдельного рассмотрения. К на-

Подобного рода тексты были предложены в редакцию газеты «Звено». Писатель даже подготовился к критике и предварил свои миниатюры авторским вступлением, опережающим негативную реакцию. Он как будто заблаговременно выстраивал «линию защиты», однако его самые мрачные ожидания не заставили себя ждать. Неслучайно возвращенную из редакции наборную рукопись своей преамбулы Ремизов сохранил в специальном альбоме «Зарубежная цензура»[17] в качестве красноречивого факта, свидетельствующего о критическом отношении в парижских редакциях к его творческому эксперименту. Самый вид этого автографа, с вырезанными бритвой фрагментами, представляет собой результат драматических последствий, вынудивших писателя подчиниться редакционной правке, купировав вычеркнутые слова и предложения. Сверху этого многострадального документа осталась карандашная резолюция исполнявшего обязанности редактора литературного отдела газеты «Звено» М. Л. Кантора: «Зачеркнутого карандашом не набирать. Оригинал прошу вернуть мне. МК».[18]

Частично реконструируем текст рукописной преамбулы, в основном состоявший из прямого цитирования приведенного нами выше письма Булгакова. Поскольку Кантор посягнул на «лишние» предлоги и вводные слова эпистолярного источника, в квадратных скобках мы, во-первых, восстановим эти утраты, а во-вторых, отметим многоточием безвозвратно уничтоженные, по крайней мере три авторские строки, на места расположения которых в автографе наглядно указывают зияющие пустоты фрагментов бумаги:

> «Послу́шай-те! Это вовсе не такая ерунда, как сразу вам покажется.
> [...]

Вот — я получил письмо от Вал. Ф. Булгакова — ответ на мой вопрос, как Л. Н. Толстой относился к снам? А спросил я его о Толстом потому, что, на мой взгляд, ни один из русских писателей не передавал так ярко сна, именно сна, не видения (на это Достоевский), как Толстой, и ни для кого сон не имел такого важного значения для построения самого повествования — рассказа, как для Толстого («Анна Каренина», «Два старца», «Где любовь, там и Бог», «Много ль человеку земли нужно» и т. д.).

„Скажу, прежде всего, что Толстой определенно интересовался снами или, вернее, явлением сна. «Сны — это удивительное явление!» — говаривал он. Он часто повторял изречение Паскаля: [о том что]: «если бы сны шли в последовательности, то мы не знали бы, что — сон, что — действительность». [...] [Кроме того, Л. Н. находил, что] часто во сне удивительно верно отражаются характеры людей, которые нам снятся“».[19]

Как видим, цитаты из письма Булгакова были использованы в этом «воззвании» Ремизова, адресованном его оппонентам, в качестве неоспоримого аргумента в защиту жанра «снов» и законного элемента личного творческого пространства. Подвергшееся принудительному редактированию вступление и восемь снов писателя появились в «Звене» 26 октября (№ 143). Почти сразу Ремизов уж было приготовился к продолжению публикации, но неожиданно для себя получил отказ. Об этом редакционном решении свидетельствует недатированная записка сотрудника «Звена» К. Мочульского, сочувствующего ремизовским новациям. Молодой друг писателя сообщал, упоминая главного редактора «Звена» Максима Моисеевича Винавера:

стоящему времени сложилась значительная библиография научных работ, посвященных отдельным сновидческим текстам Ремизова, см. в частности: *Обатнина Е. Р.* Ремизов: Личность и творческие практики писателя. С. 177–182.

[17] См. также об альбоме: *Обатнина Е. Р.* Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика. С. 208–217.

[18] Amherst. Ser. 2. B. 16. F. 29. Курсивом выделены подчеркивания рукой Кантора.

[19] Ibid.

«Дорогой Алексей Михайлович,

Несмотря на все мои старанья *Винавер продолжения снов печатать не соглашается*. У него какие-то резонные соображения. Рукопись пришлют <...>».[20]

В своем стремлении опубликовать вторую часть «снов» Ремизов не унимался и попробовал договориться о публикации в газете «Дни», недавно передислоцировавшейся из Берлина в Париж. По-видимому, желая объяснить смысл своего отношения к абсурдистской эстетике сновидений, он даже повторил свой «зачин», уже напечатанный в «Звене». Шаг был, несомненно, ошибочным. Именно это обстоятельство и послужило основанием, которым воспользовался М. А. Алданов как редактор воскресного приложения, чтобы корректно отклонить предложение писателя:

«29. X. <19>25

Дорогой Алексей Михайлович.

Простите, что не ответил Вам раньше: как Вы знаете, редакция литературного отдела теперь коллективная — я должен был ждать ее решения. Решено было в общей форме, *что очерки, начало которых (или нечто вроде начала) уже появилось в другой газете, в „Днях“ не могут печататься*. Поэтому редакция вынуждена отказаться от Ваших „Снов“.

Шлю Вам привет и остаюсь преданный Вам и уважающий

М. Алданов».[21]

Парижские газеты отказались от второй серии «снов», очевидно, из-за употребления имен реальных лиц. Прямо противоположное отношение к этой этической проблеме продемонстрировала редакция только что созданной в Риге русской газеты «Слово». Уже 11 ноября в первом номере были напечатаны и вступительное «воззвание» (с небольшим сокращением), и шесть «отклоненных» парижанами миниатюр под общим заголовком «Литературные сны» (Вячеслав Иванов. Сологуб. Савинков. Рерих. З. А. Венгерова. Jean Pougny).[22]

Но и на этом история борьбы Ремизова за литературную жизнь реальных сновидений не закончилась. Насколько остро встала проблема регламентации личных творческих устремлений Ремизова, показывает еще одно письмо Алданова, подтверждающее, что дискуссия об этике продолжилась весной 1926 года. В это время вокруг писателя создалась неблагоприятная обстановка в связи с публикацией первых глав его повести «По карнизам», вызвавшей критические высказывания по поводу наводнивших ремизовские произведения реалий его личной жизни, абсурдистских снов и имен известных представителей эмиграции.[23] В конце апреля Ремизов, добиваясь реванша, предложил в газету «Дни», отклонившую вторую часть цикла «Мои сны», некий текст, о существовании которого и, отчасти, о его содержании мы узнаем из письма редактора воскресного приложения. И опять Ремизова поджидает фиаско. Если ранее Алданов сумел дезавуировать истинные причины своего отказа публиковать миниатюры Ремизова, то, познакомившись с его новым печатным выступлением, вынужден был объясняться более конкретно:

---

[20] Ibid. (альбом «Зарубежная цензура»); письмо написано не ранее 26 октября 1925 года. Курсивом здесь выделено подчеркивание красными чернилами рукой Ремизова.

[21] Ibid. Курсивом также выделено подчеркивание красными чернилами рукой Ремизова.

[22] Ср. письмо Ремизова Шестову от 4 декабря 1925 года: «Посылаю для развлечения продолжение „снов“. Здесь отказались печатать, пришлось в Риге — там для № 1 новой газеты приняли. Сны эти, как в „Звене“ которые, еще в Петербурге снились» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 173).

[23] В частности, см.: *Кульман Н.* Зачем молодиться? <Рец. на:> («Современные записки», кн. 27-ая и 28-ая) // Возрождение. 1926. 14 окт. С. 3.

«Вторник <конец апреля>

Дорогой Алексей Михайлович,

Вас благодарим, что не забываете „Дней“, — статью Вашу хотим напечатать в „Пасхальном“ номере,[24] но просим Вас разрешить выпустить собственные имена (Познер, Фондаминский, Мережковский): Вы знаете, что и пресса отнеслась неодобрительно к упоминанию собственных имен в таком „контексте“, и некоторые из этих частных лиц оказались недовольны. Так как у нас об этом писал член редакции „Дней“ — Самсонов (большой Ваш почитатель), то нам уж никак нельзя напечатать статью без соответствующих пропусков.[25] Очень Вас просим согласиться. Если от Вас до завтрашнего дня (часов до 5) не будет запрета выпустить фамилии названных лиц, то я статью отдам в типографию. Позвоните по телефону в редакцию. Шлю Вам и супруге Вашей самый сердечный поклон

Преданный Вам,

М. Алданов».[26]

Для того, чтобы понять, о какой «подцензурной» публикации шла речь в приведенном письме, нам придется обратиться к историко-литературному контексту весны 1926 года, факты из которого позволяют предположить, каков был ход действий «опального» писателя. Очевидно, не найдя понимания, Ремизов прибегнул к крайним формам борьбы с «цензурой», используя приемы сатирического эпатажа. Очередной отказ побудил его к провокационному поступку на страницах образованного тогда же сатирического журнала «Ухват», где писателю был предоставлен полный carte blanche. В разделе «Литературные новости» во втором номере журнала, выпущенном 1 мая, появилось анонимное «объявление», причастность к которому известного «сновидца» едва ли вызывала чье-либо сомнение: «А. М. Ремизов ищет новых знакомых, так как обо всех старых уже не раз упоминал и во сне их больше не видит» (с. 9). Здесь же была напечатана другая заметка, уже в форме авторизованной «реплики», написанная как будто в продолжение уже известного нам воззвания «Послушай-те!...», в которой проявился откровенный бунт против косности и псевдоэтики эмигрантской печати:

«Книжникам — и — фарисеям

Гонение на употребление знакомых мне совершенно непонятно. Вы только подумайте! Д. С. Мережковский с начала революции (вот уже десять лет на носу!) Тутанкамоном упражняется;[27] М. А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует, — и ничего, пропускают! А мне — нельзя помянуть С. В. Познера! А чем виноват Познер, что он не „фараон“ и не „граф“ и никакая придворная птица?

Алексей Ремизов».[28]

Судя по письму Алданова, просившего изъять имена Фондаминского, Мережковского и Познера, «второе ремизовское послание» «Книжникам — и — фарисеям» является нашим искомым текстом, отвергнутым редакцией «Дней». Со времени отказа в «Днях» «пасхальная» шутка претерпела добровольную авторскую редактуру «подцензурных» имен, в результате которой один из руководителей журнала «Современные записки» И. И. Фондаминский был заменен на другого, более критически настроенного оппонента — Марка Александровича Алданова.

---

[24] Пасха 1926 года пришлась на 2 мая.

[25] Речь идет о рецензии, посвященной рассказу Ремизова «La Matière» (*Самсонов М.* [Соловейчик С. М.]. Записки читателя («Современные записки», книга 27-я) // Дни. 1926. 11 апр. С. 3).

[26] Amherst. Ser. 2. B. 16. F. 29 (альбом «Зарубежная цензура»).

[27] Речь идет о романе Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924).

[28] Ухват. 1926. № 2. С. 11.

Сдается, что ультиматум редакции газеты «Дни», ограниченный временным порогом «часов до 5», Ремизов даже не думал исполнить, переведя в сатирический регистр свое отношение к «гонителям» его автобиографической прозы. Публикация этой заметки — акт волеизъявления писателя, пожелавшего предать огласке скрытую в частной переписке проблему признания его права на авторский жанр и собственное моделирование личного художественного пространства. В альбоме «Зарубежная цензура» Ремизов собственную деятельность по преодолению тупиковой, в сущности, ситуации документально не представил. Однако «воззвание» «Книжникам — и — фарисеям» осталось для него важным фактом творческой биографии и впоследствии было включено в книгу «Мерлог», составленную из выступлений в печати, определявших модус его литературного поведения.[29]

Как показывает ремизовская корреспонденция, его «заявление» в «Ухвате» получило резонанс в литературных кругах, хотя сам по себе протест не вызвал сочувствия даже среди доброжелательных наблюдателей.

Отношение к выходке Ремизова на страницах сатирического журнала находим в письме сотрудника газет «Дни» и «Последние новости» Михаила Осоргина. 6 августа 1926 года он делился своим глубоким впечатлением после прочтения ремизовского списка «Жития протопопа Аввакума», опубликованного во враждебном всему русскому Парижу журнале «Версты».[30] В невыгодном сравнении с этим значительным творческим достижением ему пришлось вспомнить и о ремизовском «бунте»: «...а в „Ухвате“ — не в том дело, что „запрещают“ вам „употреблять знакомых“. А в том, Алекс<ей> Мих<айлович>, что вы переупотребили. От этого и вам и нам нехорошо делается. Никак я вас не оправдываю, хотя я не книжник и не фарисей. Пред<анный> Вам Мих. Осоргин».[31] Собственно, и сам писатель отдавал себе отчет в том, что далеко не все редакции имели намерение ограничивать его творчество при помощи «цензурного» инструментария.[32]

Этим же летом Ремизов продолжил развивать свою гипнологию. В это время в круге его чтения оказался «Восточный сонник»,[33] иллюстрированный миниатюрами в ориенталистском стиле. Рецензию на него, частично уже процитированную выше, он поместил в журнале «Воля России» скорее для того, чтобы изложить собственный взгляд на природу сновидений и символику подсознательных видений:

«Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на „тот“ свет; это единственная дверка. Сны бывают ясные, яркие и смутные.

„Реальная“ жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство „свободы“ и сейчас же обнаруживаются чудеса „совместности“ и „одновременности“ действия, немыслимые в дневном состоянии. Принуждение остается и во сне, но оно совсем другое, и, пожалуй, тягостнее нашего дневного и, главным образом, по своей неожиданности и внезапности. («Вдруг» и «сразу» — характерные признаки сонного явления).

---

[29] Книга осталась неопубликованной при жизни писателя. См. текст, подготовленный А. д'Амелия, и ее комментарии в составе Собрания сочинений: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 14. С. 243.

[30] О полемике вокруг журнала «Версты» и участии Ремизова в этом журнале см.: «...с Вами беда — не перевести»: письма Д. П. Святополка-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2003. Вып. V. С. 335–401.

[31] Amherst. Ser. 1. B. 4. F. 6.

[32] Любопытно, что в Берлине, вокруг его рукописи «Во-сне» <sic!>, составленной из абсурдистских миниатюр, даже возник, скорее всего, искусственно созданный ажиотаж, о чем упомянул в своем письме от 21 февраля 1924 года сотрудник издательства «Грани» Б. Зельдович: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, к нам обращались из издательств Гржебина и „Эпоха“ с просьбой передать им Вашу рукопись <...> ввиду того, что Вам, да и нам нежелательно задерживать выхода этого Вашего произведения, мы решили издать его отдельной книжкой в соответствующей изящной обложке» (Amherst. Ser. 1. B. 3. F. 15). Эти планы не осуществились так же, как и аналогичное намерение парижского издательства «Плеяда».

[33] Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis. Postdam, 1925.

Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным „причинным“ сознанием, все-таки обогащает жизнь: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже. Надо научиться вспоминать сны: всякое утро тотчас после пробуждения следует рассказывать себе сон, молча, и стараясь не двигаться. (Во время сна человек делает определенное количество движений, связанных со сновидением, и всякое движение вслед за пробуждением сдвигает и путает сонную сетку).

Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а „приключения“ — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой пуповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвременье — по счету сонной многомерности. Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием „предсказывают“ и „открывают“ будущее».[34]

Вот так, не рассчитывая на поддержку, Ремизов прокладывал в эмиграции свой литературный путь. Творческая биография писателя с очевидностью доказывает, что борьба за жанр «снов» и право на автобиографическую литературу не была бессмысленной. В конечном счете сопротивление, которое не без трудностей преодолевалось в 1925–1926 годах, обеспечило ему ясную перспективу работы над будущими произведениями — автобиографическими романами «Учитель музыки» и «Мышкина дудочка», авторским сонником «Мартын Задека» и, наконец, исследованием литературных «снов» в книге «Огонь вещей», где, обращаясь к наследию Л. Н. Толстого, писатель не забыл рекомендаций, полученных от В. Ф. Булгакова.

[34] Воля России. 1926. № 8/9. С. 232–233. Позднее под названием «Сонник» текст рецензии занял место в неопубликованной при жизни писателя книге «Мерлог» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 14. С. 241–243, в комментариях к изданию печатный источник текста не учтен).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-169-177

© ***М. Ю. Коренева***

ОБ ОДНОМ ОТКЛИКЕ НА СМЕРТЬ РАЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ: «РУССКИЙ» ПОСТСКРИПТУМ

Райнер Мария Рильке уже при жизни вошел в канон немецкой литературы, довольно рано «присвоившей» себе этого австрийского поэта, стихи которого с конца 1910-х — начала 1920-х годов включались в немецкие школьные хрестоматии и обсуждались как «учебный материал» на страницах специализированных педагогических журналов.[1] С 1899 по 1925 год было опубликовано более 100 рецензий и свыше 200 статей и монографий, посвященных творчеству Рильке.[2] Очаровывавший своих читателей поэтическим «одиночеством», до самой своей смерти он был окружен восторженным вниманием многочисленных почитателей и почитательниц, для которых стал настоящим кумиром, что, в свою очередь, вызывало по временам раздражение

[1] Подробнее об этом см.: *Fritz B.* Rainer Maria Rilkes Leser in Schule und Gesellschaft: Rezeption 1904–1936. Bern, 2009.

[2] Первый развернутый обзор творчества Рильке был опубликован в 1904 году, а первая диссертация защищена в 1913 году в университете Фрайбурга. См.: *Löwenstein S.* Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004. S. 29; см. также: *Ritzer W.* Rainer Maria Rilke Bibliographie. Wien, 1951.

в тогдашней литературной среде,[3] порой выливавшееся в иронические комментарии по поводу популярности поэта преимущественно в кругу дам. Именно на этом сделал акцент известный австрийский писатель и влиятельный литературный критик Франц Бляй (Franz Blei, 1871–1942) в своем сатирическом «Литературном бестиарии», в котором имя Рильке дано с женским артиклем (Die Rilke) и вся «характеристика» развернута в сторону «феминности» поэта, уподобляемого автором «комнатной собачонке» — любимице «престарелых дам», «беспрестанно превозносящих ее до небес», от чего у той образовалась «склонность засовывать нос в теологические книги, легенды о Марии и тому подобное».[4] Позднее, в статье на смерть Рильке, опубликованной 7 января 1927 года на первой странице либеральной газеты «Die literarische Welt», Бляй снова вернется к теме дамской благосклонности к поэзии Рильке,[5] которая не оставляла его в покое и в дальнейшем: в своей автобиографической книге «Рассказ об одной жизни», вышедшей в свет в 1930 году, он дает развернутый «портрет» безвестных читательниц Рильке, которых сравнивает с большой церковной общиной, сгруппировавшейся вокруг поэта,[6] а в 1940 году в «Современных портретах» сочтет необходимым еще раз высказаться по поводу «женственности» Рильке и, словно оправдываясь перед своими критиками (прежде всего перед Робертом Музилем), пояснит, что он имел в виду в своей давней книге и в некрологе,[7] оставив без комментария собственный укол в адрес Рильке по поводу его «склонности к теологическим книгам», поскольку этот «тезис» даже при иронической подаче не нуждался ни в пояснениях, ни в оправдании: с момента выхода в свет «Часослова» («Stundenbuch», 1905), благожелательно встреченного критикой,[8] за Рильке на долгие годы закрепилась слава поэта религиозного, «богоискателя», как назвал его Стефан Цвейг в своей рецензии,[9] продолжателя традиций Ангела Силезского и Якоба Бёме,[10] зачинателя «новой мистики»[11] и выразителя новой «духовности».[12]

---

[3] Сложившийся культ Рильке вызывал раздражение и впоследствии. Это выразилось, к примеру, в полном отторжении поэта в послевоенную эпоху среди немецких писателей, объединившихся в «Группу 1947», и их сторонников, усилиями которых Рильке на короткое время был предан забвению. См. об этом: *Demetz P.* Noch einmal: «René Rilkes Prager Jahre» // Rilke: ein europäischer Denker aus Prag / Hrsg. von P. Demetz. Würzburg, 1998. S. 10.

[4] Bestiarium Literaricum, das ist: Genaue Beschreibung derer Tiere des literarischen Deutschlands, verfertigt von Dr. Peregrin Steinhövel. München, 1920. S. 52. Второе, расширенное издание вышло в свет в 1922 году. Здесь и далее перевод мой. — *М. К.*

[5] *Blei F.* Zu Rainer Maria Rilke // Die literarische Welt. 1927. Jg. 3. 7. Januar. № 15. S. 1.

[6] *Blei F.* Erzählung eines Lebens. Leipzig, 1930. S. 449.

[7] *Blei F.* Zeizgenössische Bildnisse. Amsterdam, 1940. S. 265–268.

[8] Только первому изданию 1905 года было посвящено 15 рецензий. См. их перечень: *Fullenwider H. F.* Rilke and his Reviewers: an annotated bibliography. Kansas, 1978. S. 31–32.

[9] *Zweig St.* Verse eines Gottsuchers // Nation. 1906. 9. Juni. № 36. S. 571–572.

[10] *Hoffmann C.* Das «Stundenbuch» von Rainer Maria Rilke // Die Zeit. 1906. 11. März. № 1242; *Schaukal R.* Rainer Maria Rilke // Nord und Süd: eine deutsche Montasschrift. 1908. Februar. Bd 124. № 371. S. 230–237.

[11] *Scholz W. von.* Neue Mystik // Der Tag. 1906. 2. August.

[12] Этот взгляд на Рильке как на религиозного поэта определил и эдиционную концепцию первого собрания его сочинений, которое вышло в свет вскоре после смерти Рильке в издательстве «Insel» (*Rilke R. M.* Gesammelte Werke: In 6 Bde. Leipzig, 1927). Владелец издательства Антон Киппенберг (Anton Kippenberg, 1874–1950) последовательно исключил из него все, что могло бы хоть как-то исказить возвышенный образ поэта (подробнее об этом см.: *Eschenbach G.* Ein Kulturautor im Klassikerverlag. Zur frühen Rezeptionsgeschichte Rainer Maria Rilke // Die Präsentation kanonischer Werke um 1900: Semantiken, Praktiken, Materialität / Hrsg. von Ph. Ajouri. Berlin; Boston, 2017. S. 31–42; об истории сложения этого образа Рильке в прижизненной критике см. также: *Löwenstein S.* Poetik und dichterisches Selbstverständnis. S. 29–32). Впоследствии, в 1950-е годы, вопрос о религиозности Рильке стал предметом бурных дискуссий, за которыми последовал радикальный пересмотр довоенных оценок, проходивший под знаком «демифологизации» творчества Рильке (см.: *Sieburg F.* Rilke, das Zeitsymptom // Sieburg F. Die Lust am Untergang. Hamburg, 1954. S. 337–356; *Boehlich W.* Lyrik als Religionsersatz. «Mir zur Feier»: Rainer Maria Rilke // Spiegel. 1956. 28. März. № 13. S. 34–48).

Этот читательский образ «просветленного» поэта присутствовал и в большинстве откликов на смерть Рильке, скончавшегося 29 декабря 1926 года в Швейцарии. Диссонансом на этом фоне прозвучал упоминавшийся выше некролог Бляйя, названный Вальтером Беньямином «плохим и наглым»[13] и вызвавший ответную реакцию со стороны Роберта Музиля, который, выступая на вечере памяти Рильке 16 января 1927 года в берлинском «Ренессанс-театре», разделался и со своим давним другом Бляйем, и с теми, кто подобно поэту Рудольфу Борхардту (Rudolf Borchardt, 1877–1945), не включившему в свою антологию «Вечный запас немецкой поэзии» («Ewiger Vorrat deutscher Poesie», 1926) ни одного стихотворения Рильке, отказывал поэту в подобающем месте на поэтическом Олимпе, и с теми, кто создавал культ Рильке, искажая само существо его поэзии. Значительную часть своего остро полемического выступления Музиль посвятил «абсолютному совершенству» поэзии Рильке, величие которой заключается, по его мнению, не столько в религиозном чувстве, сколько в «ином зрении»: «Он видел мир новым, нутряным способом. И когда-нибудь на пути, который ведет нас от религиозного мировосприятия средних веков через идеал гуманистической культуры к грядущему образу мира, он явится нам не только великим поэтом, но и великим вожатым».[14] При этом Музиль был не единственным, кто воспользовался печальным поводом, чтобы атаковать культ Рильке и встать на защиту его поэзии. До него это сделал швейцарский поэт и прозаик Роберт Вальзер (Robert Walser, 1878–1956), опубликовавший 4 января 1927 года нарочито безыскусный поэтический некролог, который при ближайшем рассмотрении оказывается своеобразным бурлеском, метившим в поклонников Рильке, досаждавших ему при жизни и оставивших его, наконец, в покое.[15] В этом же ряду стоит и один из откликов, помещенный в газете «Rigasche Rundschau», хотя он и отличается по своему посылу от высказываний Музиля и Вальзера: если оба писателя, каждый по-своему, попытались защитить Рильке от читателей, то рижская газета взялась защищать читателя от Рильке, используя при этом весьма примечательные аргументы.

Эта известная ежедневная газета, выходившая на немецком языке в Риге в 1894–1939 годах и широко распространявшаяся за пределами прибалтийского пространства, устроила литературные похороны Рильке по «первому разряду», если воспользоваться образом Музиля, который в своей речи посетовал на то, что смерть Рильке не стала поводом для национального траура, а все отклики в прессе напоминают похороны «второго разряда» — слишком уж их было мало и слишком уж они терялись на задах газетных полос, считал Музиль.[16] Упрекнуть «Rigasche Rundschau» в невнимании

---

[13] *Беньямин В.* Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; общ. ред. и послесловие М. Рыклина. М., 1997. С. 142. Прочитав этот некролог 21 января 1927 года, Беньямин в тот же день взялся писать возражение на него, которое, однако, так и не было доведено им до печати (опубликовано посмертно: *Benjamin W.* Rainer Maria Rilke und Franz Blei // Benjamin W. Gesammelte Werke: In 7 Bde / Hrsg. von T. Rexroth. Frankfurt a/M., 1972. Bd 4.1. S. 453.

[14] *Музиль Р.* Речь о Рильке / Пер. А. В. Белобратова // Музиль Р. Малая проза. Избр. произведения: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 314. Речь Музиля произвела глубокое впечатление на слушателей и вызвала широкий отклик в печати: за короткое время было опубликовано 16 статей, посвященных этому событию, а уже 14 февраля 1927 года текст выступления был издан отдельной брошюрой тиражом 2000 экз., из которых к 1938 году было продано 1741 экз. (Robert-Musil-Handbuch / Hrsg. von B. Nübel, N. Ch. Wolf. Berlin; Boston, 2016. S. 385).

[15] *Walser R.* Rilke // Prager Presse. 1927. 4. Januar. № 3. S. 6. Подробнее об ироническом подтексте этого стихотворения см.: *Stiemer H.* Feuilletonistische Reimereien auf «anspruchsvolle Jungen» und «hochgeschätzte Knaben». Der späte Robert Walser und die hohe Lyrik. Vortrag an der Jahrestagung der Robert Walser-Gesellschaft in Bern, 16. Oktober 2010 (https://www.robertwalser.ch/fileadmin/redaktion/dokumente/jahrestagungen/vortraege/Stiemer-2010.pdf; дата обращения: 31.10.2020).

[16] *Музиль Р.* Речь о Рильке. С. 311. В действительности к моменту выступления Музиля только на страницах немецких, австрийских и швейцарских периодических изданий было опубликовано около 50 откликов на смерть Рильке. См. их перечень: *Schoolfield G. S.* Rilke's last year. Kansas, 1966. P. 48–49. Продолжали они выходить и после берлинского вечера, их количество и разнообразие жанровых форм (стихи, критические этюды, научные статьи и т. п.) явно не соотносились с субъективным ощущением Музиля. Подробнее о реакции на смерть Рильке см.:

к произошедшему событию определенно было нельзя: только за первые несколько дней после смерти Рильке она опубликовала четыре материала, связанных с его кончиной, — ни одно периодическое издание ни в Германии, ни за ее пределами не проявило такого усердия в скорби. Сначала это было короткое известие в разделе «Последние сообщения» в номере от 30 декабря 1926 года.[17] Уже на другой день появился развернутый прочувствованный некролог, подписанный сотрудником газеты Вальтером Фальке, который в полном соответствии с жанром охарактеризовал в общих чертах творчество Рильке, отметив его «религиозность», значимую для многих читателей, представил краткую биографическую канву, не забыв упомянуть поездки поэта в Россию, с которой, как писал Фальке, его связывало «глубинное родство», и, подводя итог жизненного пути Рильке, указал на то, что под конец жизни поэт проникся ненавистью к Германии. «Причины такого трагического поворота в умонастроении более чем очевидны», — замечает автор в финале статьи, прежде чем перейти к последней «формальной» фразе со словами благодарности Рильке, который будет продолжать жить в своих книгах.[18]

За этим некрологом, который по своему тону не слишком выбивался из общего потока откликов, хотя и обращал на себя внимание несколько неожиданной концовкой, почти сразу последовал еще один — на сей раз поэтический. В первом номере газеты за 1927 год было помещено восьмистишие Эльфриды Скальберг (Экардт-Скальберг; Elfriede Skalberg (Eckardt-Skalberg), 1884–1964), известной в те годы немецкой поэтессы из Риги и переводчицы латышской поэзии на немецкий язык.[19] Озаглавленное подчеркнуто интимно «Райнер Мария», стихотворение это представляло собой изящный парафраз поэтического «Автопортрета 1906 года» Рильке, написанного «по мотивам» портрета кисти Паулы Модерзон-Беккер (Paula Modersohn-Becker, 1876–1907) и вошедшего в цикл «Новые стихотворения» («Neue Gedichte», 1907). Имя Эльфриды Скальберг было давно знакомо читателям газеты «Rigasche Rundschau», на страницах которой она дебютировала в 1902 году,[20] став впоследствии постоянным автором этого издания, где печатались ее стихи, статьи и рецензии на книжные новинки, в том числе и русских авторов, среди которых Скальберг особо выделяла М. А. Волошина, сравнивая его поэзию с поэзией Рильке: «Сочетание „широкой натуры“ (в тексте по-русски. — *М. К.*) русского с изысканнейшей западной культурой стиха и доведенный до совершенства простой, выразительный стиль, какой можно найти только у Рильке, производят пленительное впечатление», — писала Скальберг в развернутой рецензии на сборник Волошина «Демоны глухонемые», вышедший в свет вторым изданием в «Книгоиздательстве писателей в Берлине» в 1923 году, и опубликованные тогда же и там же «Стихи о терроре».[21] В ноябре 1927 года в Риге пройдут торжества по случаю 25-летия литературной деятельности Скальберг, о которых подробно будет писать прибалтийская немецкоязычная пресса, в том числе и газета «Rigasche Rundschau», поместившая по случаю юбилея очерк жизни и творчества

Panthel H.-W. 1) Bibliographie zu Rilkes Tod: Erste Stimmen der Freunde, Kritiker und Feuilletonisten aus den Jahren 1926–1928 // Blätter der Rilke-Gesellschaft. 1982. Bd 9. S. 111–127; 2) Poetische Nekrologe zu Rainer Maria Rilkes Tod // Literatur-und-Kritik. 1986. H. 201/202. Februar–März. S. 71–85; 3) Materialien zu Rainer Maria Rilkes Tod: Miszellen zur Rezeption seines Werkes der Jahre 1926–1928. Bonn, 1982.

[17] Rigasche Rundschau. 1926. 30. Dezember. № 294. S. 7.

[18] *Falke W.* Zum Tod Rainer Maria Rilkes // Rigasche Rundschau. 1926. 31. Dezember. № 295. S. 5.

[19] В 1940-е годы она начнет переводить и с русского на немецкий; в ее переводе выйдут басни И. А. Крылова (1948) и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1947, 1964). В 1949 году Скальберг эмигрировала в Германию. Подробнее о ней см.: Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C. L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007. Bd 1. S. 386–387; *Šilde A.* Mittlerin zwischen Ost und West. Zum Geburtstag der Dichterin Elfriede Eckardt-Skalberg in Überlingen // Linzgau-Zeitung. 1954. 6. April. № 81.

[20] Illustrierte Beilage der Rigaschen Rundschau. 1902. 1. December. № 12. S. 103.

[21] *Eckardt-Skalberg E.* Russische Emigrantenlyrik // Rigasche Rundschau. 1924. 7. April. № 81. S. 6.

поэтессы, написанный главным редактором газеты Паулем Шиманом (Paul Schiemann, 1876–1944), известным публицистом, видным латвийским политическим деятелем, депутатом сейма Латвии.[22] В этом этюде особо отмечалась роль Скальберг в становлении самобытной немецкой «балтийской поэзии», не зависимой и от «сомнительных гениев Запада и Севера», и от «литературных школ Москвы», где Скальберг провела некоторое время.[23] Публикация именно ее лирического некролога на смерть Рильке была своеобразным знаком высокого почтения к умершему поэту, которому посвятила свои стихи лучшая, как считалось, представительница нового поколения «балтийской литературы», заговорившего, по мнению Пауля Шимана, новым языком и «сделавшего искусство неотъемлемой частью жизни».[24] Казалось бы, все «поминальные» жанры были исчерпаны: и короткое информационное сообщение, и классический некролог В. Фальке, и камерный поэтический отклик Скальберг, — все эти приличествующие случаю тексты вполне позволяли больше не возвращаться к теме. И тем не менее через два дня после публикации стихотворения Скальберг, по прошествии недели после смерти Рильке, газета поместила еще один материал, связанный с именем поэта: 5 января 1927 года здесь было опубликовано его «Письмо русскому аристократу», «любезно предоставленное редакции», как сообщалось в преамбуле, собирательницей автографов Мари Штакле (Mary Stakle, 1877 — после 1940).[25] Письмо это, написанное Рильке 22 декабря 1900 года и адресованное князю Сергею Ивановичу Шаховскому (1865–1908), сегодня хорошо известно: оно было воспроизведено в 1969 году С. В. Житомирской по оригиналу,[26] хранящемуся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки,[27] куда поступило в 1948 году от некоего Максимова из Риги, как значится в описи,[28] и впоследствии включено в русском переводе в книгу «Рильке и Россия», подготовленную К. М. Азадовским, который в комментарии указал и на первую его публикацию в «Rigasche Rundschau».[29] При этом речь идет не просто о первой публикации именно *этого* письма, а о первой и к тому моменту единственной публикации эпистолярного документа, свидетельствующего о прямых личных контактах Рильке с русскими современниками и представленного широкой публике. Бóльшая часть этого послания посвящена разбору пьесы Г. Гауптмана «Михаэль Крамер» («Michael Kramer», 1900), на генеральной репетиции которой в берлинском «Немецком театре» Рильке побывал 19 декабря 1900 года и которая произвела на него неизгладимое впечатление. Русская линия в письме прочерчена лишь пунктиром: Рильке сообщает Шаховскому о своих занятиях, связанных с изучением творчества Александра Иванова, и уже в самом конце пишет о том, что часто думает «о Москве как о своей родине», а затем завершает текст пассажем, написанным на русском языке (с некоторыми ошибками): «Я весма часто уже думаю по русски, и думы этого рода очень трудно высказаются по немецки, потому что в этом языке нет ничего простого, сердечного, так что молиться с немецкими звуками кажется вовсе нелься».[30] Редакция газеты «Rigasche Rundschau» сочла необходимым предпослать

---

[22] Подробнее о нем см.: *Hatlie M. R.* Riga et War 1914–1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg, 2014. P. 218–221; Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Bd 3. S. 1129–1132.

[23] *Schiemann P.* Elfriede Skalberg zum 25-jährigen Dichterjubiläum // Rigasche Rundschau. 1927. 15. November. № 258. S. 5.

[24] Ibid.

[25] Ein Brief R. M. Rilkes an einen russischen Aristokraten // Rigasche Rundschau. 1927. 5. Januar. № 3. S. 2. Биографических сведений о Мари Штакле обнаружить не удалось.

[26] Письмо Р. М. Рильке к кн. С. И. Шаховскому / Публ. С. В. Житомирской // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 240–248.

[27] РГБ. Ф. 218. № 39.6.

[28] См.: РГБ. Опись фонда 218 (Отдел рукописей. Собрание). Т. 1 (№№ 7–119). С. 57.

[29] Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Изд. подг. К. М. Азадовский. СПб., 2003. С. 359–362.

[30] Рильке и Россия. С. 361, 362. В «Rigasche Rundschau» этот фрагмент также воспроизведен по-русски (с немецким переводом), но написание отдельных слов несколько отличается от того, как это дано в публикации С. В. Житомирской.

этой вполне «невинной» публикации пояснение, которое призвано было, по замыслу автора, расширить контекст приводимого здесь частного документа. «Данное письмо, — говорилось в преамбуле, — представляет вне всякого сомнения необычайный интерес в литературно-психологическом плане, причем не только в отношении Рильке, но прежде всего в отношении немецкого литературного мира в целом с его доходящим до национально-патологического мазохизма восторженным увлечением русскими, которое достигло своего апогея уже на рубеже веков и которое продолжает свирепствовать и ныне, почти с той же неослабевающей силой. Рекомендуем нашим читателям, ознакомившись с нашей публикацией, обратиться к чтению вышедшей в издательстве Альберта Лангена книги „Сэр Галахад. Путеводитель по идиотам русской литературы“».[31] Далее следовал текст письма.

Рекомендованная книга, имевшая посвящение «твердым основам мира» (*букв.* «хребту мира»),[32] в рекламе не нуждалась: выпущенная в свет в 1925 году огромным тиражом 20 000 экземпляров солидным мюнхенским издательством Альберта Лангена, издававшим среди прочего знаменитый сатирический журнал «Simplicissimus», она сразу же привлекла к себе внимание, вызвав смешанную реакцию — возмущенную в русской эмигрантской печати[33] и вполне одобрительную в печати немецкой. Одним из тех, кто с энтузиазмом встретил эту книгу, стал, к примеру, известный писатель Карл фон Осецкий (Carl von Ossietzky, 1889–1938), пацифист и лауреат Нобелевской премии мира (1935), умерший позднее от последствий пребывания в концлагере. На страницах лево-либерального еженедельника «Tage-Buch» он опубликовал рецензию, в которой, настоятельно рекомендуя читателям это сочинение, назвал «Путеводитель» «блестяще осуществленной атакой на русскую литературу от Пушкина до Горького и русскую сущность от Рюрика до Ленина, на обожествление Толстого и Достоевского за пределами России», а его «составителя» охарактеризовал как «страстный европейский ум, наделенный высоким пафосом и юмором» и сумевший показать, что «Россия — это не судьба, не религия, не образ, но дремотное состояние аморфной массы, с притупленной жизнью тела и невыполосканной душой».[34] «Евангелие от России перестало быть неприкасаемым. Критика началась», — подвел итог Осецкий.[35]

Автором «Путеводителя» была известная и популярная в те годы писательница Берта Экштайн-Динер (Bertha Eckstein-Diener, 1874–1948), писавшая под псевдонимом Сэр Галахад и прославившаяся в первую очередь историческими романами, а также очерками по истории культуры. Ее выступление по «русскому вопросу» было скорее неожиданным и выпадало из общего контекста ее творчества уже одним своим обличительным пафосом по отношению к русской культуре, которую она описывала в терминах расовой теории как продукт низшей расы, неспособной произвести ничего

---

[31] Ein Brief R. M. Rilkes an einen russischen Aristokraten. S. 2.

[32] *Sir Galahad*. Idiotenführer durch die russische Literatur. Gewidmet dem Rückgrat der Welt. München, 1925. Название этой книги переводится на русский язык в разных источниках по-разному: «Путеводитель по идиотству русской литературы», «Путеводитель по русской литературе для идиотов», возможен и более свободный вариант «Идиотизм русской литературы: путеводитель». В данной статье отдается предпочтение варианту «Путеводитель по идиотам русской литературы», поскольку автор персонифицирует это «явление» и дает в своей книге галерею портретов русских литературных «идиотов», так же как это сделают впоследствии и другие немецкие авторы, подхватившие введенный в оборот Б. Экштайн-Динер сатирический жанр для характеристики отдельных представителей политической и общественной жизни Германии 1960–1990-х годов (Г. М. Энценбергер, Г. Реццори, Йот Эс и др.).

[33] См., например: Вызывающая книга // Руль. 1926. 24 марта. № 1614. Память об этой книге сохранилась надолго: почти четверть века спустя о ней напишет А. И. Ильин в статье «Ненавистники России» (1953), назвав путеводитель «непристойным памфлетом» (*Ильин А. И.* Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. Париж, 1956. Т. 2. С. 533), и почти тогда же Н. О. Лосский в работе «Характер русского народа» (1957), в которой это сочинение приводится (в ряду других) как пример «бешенной ненависти» к России и «образец того, до какого ослепления доводит ненависть» (*Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М., 1991. С. 280–281).

[34] Tage-Buch. 1926. 13. März. № 11. S. 432.

[35] Ibid.

самостоятельного и зависящей от «мирового еврейства». Подкрепляя свои суждения многочисленными цитатами из разных источников, в том числе и русских (И. В. Киреевского, Н. К. Михайловского, М. А. Бакунина, А. В. Луначарского и др.), что создавало впечатление серьезности представленного «исследования» и осведомленности его автора, Экштайн-Динер дает краткий очерк истории России от варягов до Ленина, и, бегло охарактеризовав тех представителей русской литературы, которыми так гордятся русские (Пушкина, с его «негритянской кровью» и скучнейшим «Евгением Онегиным», «татарина Тургенева», «сатаниста Лермонтова» и т. д.), сосредотачивает свое внимание на фигуре Достоевского, который, как говорится в «Путеводителе», изгнал из литературы «героя» и навязал «идеал идиота», открыв тем самым путь к «мировой травле благородных людей и благородства как такового».[36] Именно в Достоевском автор видит главного выразителя экспансивного варварского духа, требующего к тому же, чтобы «все стали русскими». Соответствующая цитата из «Дневника писателя 1877 года»,[37] опубликованного в томе «Политических сочинений» немецкого собрания сочинений Достоевского,[38] вынесена в эпиграф и повторяется затем в тексте в качестве отправной точки для последующего доказательства опасности, исходящей от русской культуры с ее притязаниями на религиозно-духовное главенство и тотальную русификацию Европы, как показывала Экштайн-Динер, опираясь на вырванную из контекста фразу.

Для такой яростной атаки на культурного врага в лице Достоевского у писательницы, не стеснявшейся в выражениях, имелись свои причины и поводы. Одна из причин заключалась в перманентном присутствии Достоевского в немецком культурном пространстве начала XX века,[39] которое вызывало раздражение не у одной только Экштайн-Динер,[40] поводом же, вероятно, стала акция по покупке рукописей

---

[36] *Sir Galahad*. Idiotenführer durch die russische Lietratur. S. 132.

[37] В статье «Мы в Европе лишь стрюцкие» Достоевский, обращаясь к русским, писал, что презрение Европы по отношению к русским обусловлено презрением русских к самим себе в угоду Европе и что вернуть к себе уважение можно только одним: «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой. <...> Стать русским значит перестать презирать народ свой» (цит. по: *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: В 2 т. М., 2011. Т. 2 / Комм. А. И. Батюто, А. М. Березкина, В. Е. Ветловской, Е. И. Кийко, Г. В. Степановой, В. А. Туниманова. С. 28).

[38] *Dostojewski F. M.* Sämtliche Werke: In 22 Bde / Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkowskis; hrsg. von A. Moeller van der Bruck. München; Leipzig, 1907. Bd 13. Politische Schriften / Mit einer Einleitung von Dmitri Mereschkowski; Übertr. von E. K. Rahsin. S. 223.

[39] Помимо известного собрания сочинений Достоевского в 22 томах издательства Пипера, выходившего в 1906–1919 годах, имелось собрание сочинений в 25 томах, выпущенное в 1921–1922 годах лейпцигским издательством «Insel» (после широкого чествования Достоевского в Германии в связи со 100-летием со дня его рождения в 1921 году), а в 1923 году издательство «Hesse & Becker» приступило к публикации еще одного собрания сочинений в 18 томах, в новых переводах. Кроме того, регулярно печатались отдельные произведения Достоевского: только с января 1926 по сентябрь 1927 года вышло в свет 16 книг Достоевского в разных издательствах Берлина, Лейпцига, Штутгарта, Мюнхена, Вольфенбюттеля при участии разных переводчиков (см.: *Jonas H.* Bibliographie // Osteuropa. 1928. Bd 3. № 5. Februar. S. 398–399), и каждая книга, соответственно, обсуждалась в печати, не говоря уже о десятках исследований, посвященных Достоевскому. «Число антологий, сборников и прочих изданий о Достоевском увеличивается угрожающим образом», — писал в 1923 году известный переводчик произведений русской литературы Артур Лютер в статье «Достоевскому несть конца» (*Luther A.* Dostojewski und kein Ende // Das literarische Echo. 1923. H. 17–18. S. 953). Подробнее об этом см.: *Дудкин В. В., Азадовский К. М.* Достоевский в Германии (1846–1921) // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 700–716, 725–727; *Gerigk H.-J.* Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute. Tübingen, 2000.

[40] См., к примеру, суждение Франца Бляйя в письме к Карлу Шмитту: «...все русское, и в особенности Достоевский, для <...> немцев — большое зло, они бы лучше англизировались, тянулись к свету, а не к сумрачному христианству, Россия вытесняет остатки немецкого духа из умов» (*Blei F.* Briefe an Carl Schmitt 1917–1933 / Hrsg. von A. Reinthal in Zusammenarbeit mit W. Kühlmann. Heidelberg, 1995. S. 64).

Достоевского, приобретенных в Советском Союзе австрийским писателем Рене Фюлёп-Миллером (René Fülöp Miller, 1891–1963) в 1923–1924 годах.[41] Событие это широко обсуждалось в немецкой печати,[42] а в 1925 году в издательстве Пипера уже вышли первые тома архивных материалов из серии «Наследие Достоевского» («Dostojewski-Nachlass»).[43] Одним из тех, кто финансировал этот «проект», обошедшийся в 30 000 марок, и помогал организационно его реализовать, был Фридрих Экштайн (Friedrich Eckstein, 1861–1939), известный меценат, президент Венского теософского общества (с 1887 года), друг З. Фрейда и Г. Майринка, знакомый Р. Штейнера, Е. Блаватской, Г. фон Гофмансталя, Р. Музиля, К. Крауса, А. Шницлера, Ф. Верфеля и многих других представителей австрийского художественного, литературного и музыкального мира, венская «легенда» и — бывший муж Берты Экштайн-Динер, которая со времен развода находилась с ним в состоянии войны.[44] Имя Экштайна указано в качестве соиздателя серии, являвшейся, по мнению Берты Экштайн-Динер, не чем иным, как результатом «заговора еврейско-большевистских народных комиссаров», намеренно отправивших рукописи Достоевского на Запад для разложения европейской морали на радость «еврею, который посматривает, потирает руки и смеется».[45] То обстоятельство, что у писательницы имелись свои сугубо личные мотивы, побудившие ее разделаться с немецким русофильством в целом и со своим бывшим мужем в частности, несомненно, определило стилистический градус ее откровенно расистской, антисемитской книги, но даже если бы все то же самое было высказано в более пристойной, сдержанной манере, это не отменяло бы того факта, что представленный в «Путеводителе» комплекс «идей», созвучный тезисам Гитлера, изложенным им в «Моей борьбе» («Mein Kampf», 1925–1926), воспринимался как вполне конформный и вне национал-социалистического движения задолго до того, как он лег в основу государственной идеологии Германии: Берта Экштайн-Динер отнюдь не принадлежала к числу тех, кто станет активно поддерживать нацистский режим, по поводу которого она высказывалась весьма критически.[46] Никак не была связана с идейным кругом немецких националистов и либеральная рижская газета «Rigasche Rundschau», которая до самого ухода с поста главного редактора Пауля Шимана в июне 1933 года (по идеологическим причинам) скорее оказывала тихое сопротивление сначала нарождающемуся «народному», а затем «народно-политическому движению» в Германии,[47] а по отношению к России проявляла дистанцированную сдержанность, хотя и посвящала ей немало материалов по вопросам текущей политики и культуры, позволяя себе в лучшем случае иронические комментарии с соблюдением «языковых приличий». Преамбула к письму Рильке выпадала из этого общего тона и по своему стилю, и по своему посылу, плохо сочетавшимися с мемориальным контекстом. И хотя это «введение» было написано от редакции, едва ли его автором был Пауль Шиман. Даже в своей статье «Азиатизация Европы» («Asiatisierung Europas», 1919), опубликованной в Германии, где он, тогда еще российский поддан-

---

[41] Подробнее об этом см.: *Богданова О. А.* Какие рукописи Достоевского были в «Piper-Verlag»? // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 2. С. 54–69.

[42] Deutsche Allgemeine Zeitung. 1922. 23. Februar. № 92; Berliner Tagebatt. 1924. 19. Oktober. № 498; Berliner Tagebatt. 1924. 30. November. № 569; Rigasche Rundschau. 1925. 28. März. № 71; Vossische Zeitung. 1925. 16. August. № 196; Frankfurter Zeitung. 1926. 8. August. № 585, и др.

[43] «Dostojewski am Roulette» («Достоевский за рулеткой»), «Die Lebenserinnerungen der Gattin Dostojewskis» («Воспоминания жены Достоевского»), «Tagebuch der Gattin Dostojewskis» («Дневник жены Достоевского»). До 1931 года издательство Пипера выпустило еще пять томов.

[44] *Schmid U.* Die Dostojewski-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft / Hrsg. von M. Schult. Flensburg, 2007. Bd 14. S. 49.

[45] Цит. по: *Mulot-Déri S.* Sir Galahad. Porträt einer Verschollenen. Frankfurt a/M., 1987. S. 210.

[46] Ibid. S. 261.

[47] *Kause H.* Der publizistische Widerstand Paul Schiemanns gegen den Nationalsozialismus in den deutschen Volksgruppen // Deutsch-Balten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. von M. Garleff. Köln; Weimar; Wien, 2001. Bd 1. S. 197–216.

ный, оказался под конец войны, — даже в этой статье, призванной предостеречь «сделавшийся слепым культурный мир» Европы от русско-азиатского обмана, закутанного «в мантию клочков европейских идей»,[48] Шиман, при всей полемической заостренности текста, направленного против большевизма, сохранял «стилистический нейтралитет» и не искал обоснования своих тревог в русской литературе, влияние которой на немецкую культуру его, судя по всему, нисколько не смущало: этой теме он посвятит свой доклад на вечере памяти В. Г. Короленко (1853–1921), устроенном по случаю кончины писателя 22 января 1922 года Русскими университетскими курсами в Риге.[49] Более вероятно, что автором предисловия к письму Рильке был Гвидо Герман Экардт (Guido Hermann Eckardt, 1873–1951), поэт и прозаик, литературный и театральный критик, заведующий отделом культуры «Rigasche Rundschau»,[50] на страницах которой позднее появится его большая хвалебная рецензия на книгу «Матери и амазонки» («Mütter und Amazonen», 1932) Берты Экштайн-Динер, названной им «блестящей писательницей».[51] Влиятельный журналист, игравший важную роль в тогдашней культурной жизни Риги, выпускник Мюнхенского университета, тесно связанный с литературной «богемой» Мюнхена, он слыл убежденным «западником» и не боялся «порочить всеми уважаемых, знаменитых мужей старого доброго искусства», как напишет о нем Пауль Шиман в упоминавшемся выше очерке, посвященном Эльфриде Скальберг — жене Гвидо Германа Экардта.[52] Не исключено, что и здесь, как и в случае с Бертой Экштайн-Динер, речь идет о «семейном» обмене репликами, и в подтексте редакционной заметки к письму Рильке содержится «шпилька» в адрес Эльфриды Скальберг с ее русскими связями и явной любовью к Рильке, который впервые после выхода в свет «Часослова» в 1905 году был «идейно» соотнесен с Россией в широком публичном пространстве, за пределами научных исследований, где эта тема уже была обозначена — связь, очевидная сегодня, но не столь очевидная для читателей 1927 года, поскольку рассеянные по разным его текстам русские мотивы не складывались сами собой в единую картину, а личные контакты с Россией пока еще оставались фактом его частной биографии. То, что эта связь в данном конкретном случае преподносилась почти как культурная вина, притом не в виде личного высказывания, а в анонимной, «редакционной» форме, в ерническом стиле, без оглядки на репутацию газеты и явно в расчете на понимание аудитории, свидетельствовало о пресыщении русской культурой и готовности принять образ культурного врага, олицетворением которого виделся Достоевский с его будоражащими сознание нравственно-религиозными темами, впервые сопряженный с Рильке. Это сопряжение двух «симптомов эпохи», довольствовавшейся «поэтической религиозностью», заменявшей «подлинную веру», как скажет впоследствии литературный критик Ф. Зибург в связи с довоенным культом Рильке,[53] демонстрировало обостренную культурную тревожность, степень которой была столь велика, что даже смерть поэта не стала «прекрасным поводом», чтобы «загрохотал салют некрологов», как отметил с горечью Музиль в своей речи,[54] но стала поводом для выражения страха перед угрозой симбиотического слияния на религиозной почве немецкой и русской культур.

---

[48] *Schiemann P.* Die Asiatisierung Europas. Gedanken über Klassenkampf und Demokratie / Hrsg. vom Generalsekretariat zum Studium des Bolschewismus. Berlin, 1919. S. 8, 9.

[49] Русские университетские курсы в Риге (краткий отчет о деятельности). Рига, 1922. С. 6.

[50] См. о нем: *Lukas L.* Literary Queer Mésalliances in Riga around 1900 // Queer Stories of Europe / Ed. by K. Vērdiņš, J. Ozoliņš. Cambridge, 2016. P. 110–111, 119–121; *Mattiesen H.* Der Anteil der Deutschbalten am Münchener Kulturleben im 19. und am Anfange des 20. Jahrhunderts // Baltische Hefte. 1961. № 1. S. 170–190; *H. v. R.* Guido Hermann Eckardt [Nekrolog] // Baltische Blätter. 1952. № 1. S. 6; Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Bd 1. S. 380.

[51] Rigasche Rundschau. 1932. 27. Februar. № 46. S. 9.

[52] *Schiemann P.* Elfriede Skalberg zum 25-jährigen Dichterjubiläum. S. 5.

[53] *Sieburg F.* Rilke, das Zeitsymptom. S. 354.

[54] *Музиль Р.* Речь о Рильке. С. 314.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-178-190

© *Е. Н. Пенская*

ТЕАТРАЛЬНЫЕ АЛЬБОМЫ М. А. БУЛГАКОВА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ*

Хорошо известно, что среди литературных архивов XX века, пожалуй, самая противоречивая судьба выпала наследию Булгакова, вокруг которого разгорались острые дискуссии.[1]

Сейчас многие материалы булгаковского архива стали доступнее, благодаря оцифровке документов.[2]

Рецепция архива М. А. Булгакова относится не только к текстологическим разысканиям, но к попыткам репрезентации «архивного поведения» писателя, отчетливо проявившегося в том, что он создал особый вид авторского альбома. В альбомах Булгаков преимущественно фиксировал рождение замысла своих пьес, варианты, историю постановок, критические отзывы. Таких альбомов восемь: «Дон Кихот», «Последние дни», «Мольер», «Бег» и четыре альбома «Дни Турбиных».[3]

К свидетельствам, собранным в альбомах, театроведы и биографы М. А. Булгакова обращались и обращаются неоднократно.[4] Но, как правило, такие экскурсы носят целевой и фрагментарный, «служебный» характер и совсем не учитывают альбомные контексты. Показательно отсутствие упоминаний о практике составления театральных альбомов в материалах антологии «М. А. Булгаков: pro et contra», представляющей свод научных работ отечественных и зарубежных литературоведов и критиков, философов, социологов, искусствоведов, написанных преимущественно в последние 30 лет.[5]

Между тем «установку на архив» Булгакова, особенно воплощенную в его квинтэссенции — «архиве внутри архива» — театральных альбомах, — можно рассматривать как метажанр и перформативную форму творческой деятельности, коррелирующую с работой писателя и драматурга. Демонстрируя практику альбомного собирательства, Булгаков выступает в роли архивариуса. Он выстраивает композиции, оформляет и структурирует театральные альбомы как сообщающиеся архивы — книги с собственной логикой и фактурой. Этот фактор «архивного поведения» нельзя не учитывать при анализе формирования «литературной личности» и непосредственно самих произведений.

Театральный альбом Булгакова — это и архив, коллекция газетно-журнальных вырезок — рецензий, это и бытовые зарисовки, рисунки, записки, это и лаборатория, в которой апробировались принципиальные для Булгакова, и шире — культуры XX века — новые художественные формы, это и дневник, фиксирующий мелкие и важные для Булгакова события 1920–1930-х годов. Причем все эти элементы существуют не раздельно, а в ансамбле.

---

* Работа выполнена при поддержке РНФ. Проект 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

[1] *Житомирская С. В.* Еще раз об архиве М. А. Булгакова // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. С. 45–57; *Чудакова М. О.* 1) Архив М. А. Булгакова (Материалы для биографии писателя) // Записки отдела рукописей / Государственная библиотека им. В. И. Ленина. М., 1976. Вып. 37. С. 25–151; 2) Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М., 1988; *Яновская Л.* Записки о Михаиле Булгакове. М., 2007.

[2] Опись фонда М. А. Булгакова в Пушкинском Доме см.: http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/content/opis-fonda-ma-bulgakov-irli-ran; дата обращения: 31.10.2020.

[3] Собрание театральных альбомов в фонде Михаила Булгакова в РО ИРЛИ РАН (Ф. 369). См.: «Автограф» (http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/digital-archive/teatralnye-albomy; дата обращения: 31.10.2020).

[4] *Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989.

[5] См.: *Мишуровская М. В.* «Дни Турбиных» в репертуаре советских театров и в публикациях... советских периодических изданий (К истории постановки пьесы М. А. Булгакова в 1920–1930-х гг.) // М. А. Булгаков: pro et contra. Антология. СПб., 2019. С. 613–638.

Однако апелляция к этой скрытой от читателя/зрителя архивно-альбомной лаборатории Булгакова намечает перед исследователем ряд проблем, общих и локальных.

Один из первых вопросов, который необходимо поставить, касается семиотической природы театрального альбома, практической, прикладной и эстетической, обладающей собственной спецификой языка. Театральный альбом как уникальное целостное явление и сочетание стилей до сих пор не изучался. Его жанровая и эстетическая природа синтетична. Изучение принципов создания и условий бытования театрального альбома в отличие от альбома литературного в отечественной науке не имеет традиции.[6]

Мы не ставим своей задачей в данной статье восполнить эту лакуну, тем не менее попробуем предложить некоторые подступы.

Очевидно, что корни театрального альбома в европейской — особенно французской — традиции так или иначе восходят к середине XVIII века. В отечественной культуре генезис театрального альбома так или иначе связан:

1) с эстетикой натуральной школы, в частности с жанром физиологического очерка в его установках на изображение типажей, знаковых масок, закрепляющих тот или иной вид, характер, черты быта;

2) с расширением журнальной специализации;

3) со становлением театрального журнала как цехового[7] и укреплением центральных позиций театра в жизни общества.

В связи с содержательными качествами, обозначенными выше, можно условно наметить несколько типов театрального альбома как совокупности стилей, предъявленных аудитории.

Последовательность выявления таких альбомных групп носит нестрогий характер и не предполагает какой-либо иерархии. Напротив, по мере развития эти формы сосуществуют одновременно, взаимодополняя друг друга.

Очевидно, к таким «шедеврам» — штучным эталонам и «совершенствам» с точки зрения выразительного сочетания всех элементов — можно отнести театральный альбом 1840-х годов.

Показателен случай загадочного «Театрального альбома» (СПб., 1842–1843).[8] Четыре несброшюрованные тетради. Легендарное издание с портретами, крокадами, сценами из опер и балетов, биографиями людей театра, программами, партитурами, аранжированными для фортепиано. Блистательный состав. Художники — В. Тимм, А. Гау, К. Шрейнцер, Е. Житнев. Из литераторов — Н. Некрасов-Перепельский, Ф. Кони, В. Строев, Р. Зотов и А. Башуцкий. Считается, что это одно из самых таинственных изданий в истории антикварной книги в России. Современники разобрали его на партитуры и изображения кумиров, раскрашенные от руки. Альбом парадоксальным образом исчез с рынка и был окутан мифами, в которых ему приписывались зловещие свойства: якобы он ускорял смерть владельца. Н. П. Смирнов-Сокольский детально описывал историю своего поиска.[9]

Сейчас непросто назвать точное количество экземпляров, восстановленных собирателями, но в результате получились пухлые тома, не похожие на первоначальные. К крокадам Тимма добавлялись другие рисунки, литографии сцен из спектаклей,

---

[6] *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3–56; *Петина Л. И.* Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы: Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985. С. 20–23; *Царькова Т. С.* Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб., 1999; *Корнилова А. В.* Альбомы домашние // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. А–К. С. 26–31; *Михайлова Н. И.* «Альбом есть памятник души...» // Наше наследие. 2007. № 83/84. С. 65–69.

[7] *Федотов А. С.* Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu, 2016.

[8] Коллекция Н. П. Смирнова-Сокольского. Российская государственная библиотека. Музей книги. См.: http://marc21.rsl.ru/index.php?doc=918; дата обращения: 31.10.2020.

[9] *Смирнов-Сокольский Н. П.* Таинственный «Театральный альбом» // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1959. С. 320–325.

сделанные для журнала «Пантеон». Почти полувековая история этого — без преувеличения — произведения искусства говорит о феномене «Театрального альбома» — явлении, существующем в культурном пограничье журнального, сценического, частного быта, в пространстве интимного и публичного, раритетного, музейного и массового.

Для осмысления природы театрального альбома необходимо учитывать расцвет искусства фотографии в конце 1830-х — 1840-е годы, документально фиксирующей событие. Сьюзен Зонтаг, автор одной из первых книг, обсуждающих антропологию и феномен документальной фотографии,[10] писала об изготовлении снимков как способе коллекционирования мира, театрализованного в своей статичности. Исследователи философии искусства и фотографии отмечают прямую зависимость между литературными нарративами и фотографическим повествованием. Так, Нэнси Армстронг считает, что для викторианской эпохи фотография стала в каком-то смысле революцией. Она открыла «вторую реальность», в которой копия на снимке дублировала реальность живую — людей, природу, вещи, окружение. Живое и фотографическое начали конкурировать друг с другом. Но гораздо важнее, по мнению Армстронг, что подлинник стал напоминать фотографию, интерпретировался по ее законам, словно бы «подстраивал» себя под фотоязык. Литература «вступила в связь» с новым популярным искусством, превратившим мир в картину и театральные кулисы. К 1860-м годам ориентация на фотографические жанры стала общим визуальным приемом, условным клише для таких авторов, как Ч. Диккенс, Ш. Бронте, Льюис Кэрролл, Х. Р. Хаггард, О. Уайльд, Д. Х. Лоуренс, Э. М. Форстер и В. Вулф.[11] Фотография предполагает серийность, нередко закрепленную в альбомном цикле, архивирующем типажи, обыденное и выдающееся, норму и аномалии. Фотография создает и сохраняет большой визуальный архив культуры.[12] В этом смысле фотоальбом как целостность представляет собой как бы «архив в архиве», «театр в театре» благодаря особому — внятному для внешнего наблюдателя/зрителя — порядку, стилистике, расположению материала, структурированному хронологически, сюжетно, тематически. Ю. К. Олеша, увидевший Россию сквозь кадр снимка, точно передал болезненное переживание зачарованности фотографией: «Россия — это была фотографическая группа, какую можно было увидеть в чиновничьем доме. <...> Сорок остолопов расположились передо мной в виде усеченной пирамиды на картоне, уже начинающем приобретать оттенок мочи. Те, что помоложе и потоньше, возвышаются на заднем плане: видимо, они поставлены помощником фотографа на скамью. Каждый из них всем своим видом умоляет меня, пришедшего через годы обозревателя, увидеть его, только его — в отдельности. На каждом лице можно прочесть великое тщеславие, которое, бурно просуществовав одну сотую долю секунды, тотчас же прикидывается шуточным и разоблаченным. Даже царь на фотографиях выглядит таким, как будто говорит: „Вот и я“. <...> Какой потрясающий комизм исходит от этих „вот и я“, когда приходишь смотреть на них из своей современности. <...> А если вынуть картон из-под стекла, то на обороте окажется тиснутая золотом фамилия фотографа — надпись, похожая на летящий корабль, где каждая буква раздута, как парус».[13]

Очевидно, что в случае Олеши фотография отчасти порождает и концентрирует рецепцию прошлого. И этот способ гротескной артикуляции своего отношения ко всему, что олицетворяет Россию, апеллирует к фотографии как к метафоре истории. Практика метафоризации фотографии измеряется несколькими десятилетиями и уходит корнями в 1830–1850-е годы. В этот период раннего расцвета культурный статус фотографии меняется: она становится не только ремеслом, но искусством. В первые же годы начинает бурно развиваться коммерческая фотография, прежде всего портретная и видовая. Для создания портретов открываются многочисленные

[10] *Sontag S.* On photography. New York, 1977.

[11] *Armstrong N.* Fiction in the Age of Photography: The Legacy of British Realism. Harvard University Press, 2002.

[12] *Петровская Е.* Антифотография. М., 2003 (сер. «Artes et media»; вып. 2).

[13] *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 1999. С. 11–12.

фотоателье. В начале 1850-х годов А.-Э. Диздери, один из известных французских дагеротипистов, патентует технологию выпуска «визитных карточек» — небольших фотографий. В моду входит коллекционирование «визиток» влиятельных персон. Такие коллекции демонстрировались публично и повышали значимость владельца. Открываются студии и мастерские. Видовые снимки с «внутренними декорациями», пейзажами, архитектурными памятниками, жанровыми сценками, портретами — чем дальше, тем активнее тиражировались. Серии собирались в книги, альбомы. Статичность позирующей модели, постановочный характер изображения свидетельствуют о том, что стилистика ранней фотографии ориентировалась на традиции европейской живописи, в свою очередь повлиявшей на семиотические принципы организации материала в фотографическом альбоме, предполагавшем активное чтение визуального нарратива. Литература и театр в свою очередь испытывали воздействие оптических клише, приемов, создаваемых в результате распространения фотографии.

Язык жестов и мимики персонажей, запечатленный на фотокартинах в середине XIX века, складывался достаточно интенсивно благодаря участию мастеров, ставших создателями целого направления в этом искусстве. К таким крупным величинам можно отнести актера и художника Карла Бергамаско, одного из самых популярных фотографов среди артистической богемы и околотеатральной публики. Редкий дар его — убирать недостатки и делать свои модели привлекательными — оценили, в 1863 году предоставив право называться «фотографом Императорских театров». Стиль Бергамаско узнаваем: он отошел от фронтальных пластических композиций, умело работал со светом, аксессуарами. Одним из первых стал выстраивать мизансцены в павильонах, точно воспроизводил детали, использовал рисованный фон, различные наборы мебели и другие аксессуары, искусно размещая фигуры.[14]

Фотографическое наследие Бергамаско огромно. Его охотно приглашали на съемки коронованные особы России, Англии, Италии и других стран. По фотографиям публиковались альбомы в художественных изданиях. Так, например, журнал «Стрекоза» дважды — в 1887 и 1892 годах — выпустил альбом «Звезды в лицах» и «Театральный альбом в сценах и снимках». В 1880-е годы Бергамаско, искусный режиссер-постановщик фотографического действа, закрепил собственный изобразительный канон, осуществив грандиозную съемку особ русского императорского дома и русской аристократии в исторических и театральных костюмах.[15] В сущности, за полвека в результате такой беспримерной экспансии на сцене истории возникли серии застывших фотоспектаклей. Бергамаско принадлежит «изобретение» уникальной фотолетописи русского театра, обширного фотоархива истории театра, сквозь которую просматривается другой масштаб — история России.

Маскарад в фотографиях, разместившись в кулисах театральных альбомов, перекочевывал на газетно-журнальные страницы.

Театральная периодика и сцена взаимно дополняют друг друга. Находясь в тесной и неразрывной связи особенно начиная со второй половины XIX века, они все интенсивней ориентируются на альбомный изобразительный канон.[16]

---

[14] *Бархатова Е. В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства, 1839–1914. СПб., 2009. С. 312.

[15] Памяти Бергамаско Карла Ивановича // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1895–1896 гг. СПб., 1896. С. 489.

[16] Существует целый пласт исследований, посвященных русской театральной периодике. См., например: *Мухранели И. Л.* 1) Становление типа советского театрального журнала 1920-х — нач. 1930-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971; 2) Из истории советских театральных журналов (1918–1923) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. М., 1971. № 4. С. 38–49; *Трабский А. Я.* Советская театральная журналистика // Театральная критика 1917–1927 годов. Проблемы развития: Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 5–39; *Годер Д. Н.* Театральный журнал на фоне времени // Театр и русская культура на рубеже XIX–XX веков: Сб. науч. трудов. М., 1998. С. 7–29; *Петровская И.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971; Театр и зритель российских столиц. 1895–1917. Л., 1990; *Иокар Л. Н.*

В изданиях рубежа XIX–XX веков рецензенты именуют свои заметки как «Театральный альбом», что означает, по сути, «смесь» — арабески, зарисовки, фельетоны, а в прессе все чаще появляется одноименная рубрика. В конце концов она становится почти клише — обязательным элементом в номере и визитной карточкой обозревателя. Так, в 1900-х годах особой популярностью пользовался авторский раздел «Театральный альбом» А. В. Амфитеатрова (псевдоним Old Gentleman) в газете «Россия». Опыт газетного рецензирования, требующий быстрой аналитической реакции, нередко востребовался последующей режиссерской практикой. В. И. Немирович-Данченко, до встречи с К. С. Станиславским и создания МХТ, как известно, прошедший достаточно долгий путь литератора, драматурга, театрального критика, одну из своих заметок назвал «Театральный альбом. Артисты и критики»,[17] построив ее как миниьесу, монтаж реплик, остроумных высказываний актеров, известных и безымянных, уколов в адрес рецензентов.

«Лет десять назад я поставил в моем альбоме вопрос:

Чего артисты ждут от критики?

Сначала в альбом посыпались краткие ответы:

— Ничего!

— Честности!

— Правды!

— Чтоб она исчезла навеки!

— Понимания дела!

— Справедливой оценки моих трудов! И так далее.

Подписей я вам не сообщаю, так как это вопрос щекотливый. Мои друзья артисты вносили свои мнения в альбом откровенно. Они не рассчитывали, что я опубликую их имена.

Кроме таких коротких и общих ответов были и довольно оригинальные...».[18]

Заметка показательна во многом. В ней упоминается «альбом» Немировича-Данченко как некая «вещь», коллекция автографов, знакомая и понятная читателю/зрителю последней трети XIX века, участвующему в собирании документальных свидетельств.

Репертуар столичной и провинциальной прессы, посвященной театру 1880–1910-х годов,[19] богат, и просмотр разнообразных типов изданий — от солидных и дорогих журналов до летучих листков-объявлений — выявляет их родство и общую альбомную природу. По сути, данная категория представляет собой широкий диапазон культуры альбомов.

Театральный журнал/газета как альбом и альбом как журнал/газета пребывают в едином семантическом поле, где происходит «перекрестное опыление». Подобный взаимообмен информацией, материалами, а главное, один и тот же способ организации альбомно-журнального пространства снимают условные границы, превращая этот симбиоз в постоянно пополняемый коллекционный фонд. Фотография, афиша — репертуарный календарь, карикатура, рецензия, заметка, шарж текстовой и графический — вот тот типологический перечень, что составляет основу и насыщает коллекцию, сохраняя и в том, и в другом случае публичную приватность и приватную публичность высказывания. При этом следует учитывать и принципиальную разницу. Несомненная смысловая и структурная близость журнала/газеты и альбома предполагает в то же время очевидную альтернативность: «альбомность» журнала/газеты всегда подвижна, изменчива, динамична; каркас альбома допускает и статичность, «стоп-кадр», «остановку», фиксирующую выбранный ракурс — тематический или сюжетный срез, что придает выставляемой коллекции музейный статус.

Театральные журналы // Литературный процесс и русская журналистика XIX — нач. XX вв.: Сб. науч. трудов. М., 1982. С. 298–329. Но альбомная составляющая в них не упоминается.

[17] Новости дня. 1891. 24 сент. № 2962. С. 4.

[18] *Немирович-Данченко В. И.* Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки: 1877–1942. М., 1980. С. 155.

[19] К началу 1900-х годов более 50 наименований (см.: http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb3/bb3-3555.htm; дата обращения: 31.10.2020).

Журнальный контекст в свою очередь претерпевает предметное овеществление и, пройдя несколько стадий трансформации, порождает альбомный ресурс, хранилище экспонатов.

Большое распространение получает коллекционирование газетных вырезок. Подобные альбомные подборки, как правило, носят авторский характер и зеркально отражают персональные интересы художника, литератора, драматурга, артиста, режиссера. Пополняемые альбомы рецензий могут иметь и служебное назначение, информационно-справочное сопровождение или мониторинг, как мы бы сказали сейчас, инструмент наблюдения, отслеживания, необходимый для работы институции (театра, библиотеки, редакции).

Вырезки, рецензии, размещенные в альбоме, контаминируются в новой оболочке/упаковке и обретают метатекстовые связи и пересечения. Переход этих рецензионных массивов, нередко снабженных комментариями коллекционеров, владельческими пометами, в ипостась многослойного источника, содержащего разные «голоса», требует отдельного осмысления. Но очевидно, что газетно-журнальное сырье, оказавшееся в альбомной среде, нередко обнаруживает принципы внутренней группировки, каталогизирования, предоставляющие дополнительные ключи к пониманию эстетики и поэтики той или иной театральной или драматургической системы. К примеру, газетные подборки А. В. Сухово-Кобылина, скопившиеся за несколько десятилетий, хранившиеся в синем бархатном бюваре,[20] имеют какой-то внутренний стратегический смысл. Сгруппированные по нескольким параметрам — алфавитному, хронологическому, тематическому (Сухово-Кобылин отслеживает криминальные сюжеты, открытия в естественных науках, медицине — они напоминают набор каталогов, встроенных в какую-то более объемную интеллектуальную лабораторию, соотнесенную с его практикой переводов, написанием философского труда «Учение Всемира» и сочинительством для сцены). В любом случае эти артефакты требуют особого тщательного прочтения.[21] Следует учитывать, что альбомы газетных вырезок занимают двоякое положение в промежутке между «теневой», подготовительной деятельностью архивариуса и творчеством. Очевидно, и в альбомах Булгакова происходят подобные метаморфозы газетного сырья.[22]

Альбомное архивирование рецензий — знак повседневной домашней культуры, сохранявшейся многие десятилетия, но, очевидно, в 1920–1930-е годы произошла очередная «вспышка» подобного коллекционирования. Вспоминая свою молодость, Ростислав Плятт писал, что как раз в то время, еще будучи школьником, он «собирал и наклеивал в альбомы чужие рецензии», любил «актерские альбомы, иногда наивные, часто очень интересные — ведь в них „вклеена“, так сказать, актерская жизнь!». «...Тогда широко практиковалось иллюстрирование рецензий фотопортретами исполнителей данного спектакля, шаржами, рисунками на темы театра. Причем позволяла себе это не только „Вечерняя Москва“, но и „Правда“, и „Известия“ главным образом. Как бывало интересно, когда в день премьеры появлялись за кулисами популярные художники Костомолоцкий и Мордмилович со своими альбомами и тут же выполняли „заказ“ своей редакции. И это тоже ушло с газетных страниц».[23]

Процесс прорастания журнала и альбома друг в друга «отпочковывает» самостоятельные гибридные образования, так называемые «приложения», анонсируемые «театральные альбомы». В 1915 году вышел альбом журнала «Солнце России», полностью посвященный памяти В. Ф. Комиссаржевской. Семантически он представлял «альбомный Некрополь», «капище». Мемориальный коллаж соединил наброски

---

[20] *Сухово-Кобылин А. В.* Альбом газетных вырезок с авторскими пометками и приписками. На русском, немецком и французском языках // РГАЛИ. Ф. 438. Ед. хр. 332–354.

[21] *Пенская Е. Н.* Литературно-философское классическое наследие как доминанта альтернативной поэтики Сухово-Кобылина // Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе. М., 2000. С. 189–190.

[22] *Пенская Е. Н.* М. А. Булгаков и А. В. Сухово-Кобылин. Текстология театрального альбома // Имагология и компаративистика. 2020. № 4. С. 219–245.

[23] *Плятт Р. Я.* Без эпилога. М., 1991. С. 149.

воспоминаний, статьи, рецензии, иконографию великой артистки. Еще один типовой случай альбомной автономии в лоне журнала — серия номеров альбома «Театральной России» — приложения к изданию «Театральная Россия. Театральная газета и Музыкальный мир», бесцензурного еженедельного иллюстрированного «театрального, музыкального и художественного органа для театральной публики, любителей театра, сценических и музыкальных деятелей». С 1905 года И. М. Кнорозовский совмещал роль издателя и редактора, выпуская «театральную смесь» и альбомы-приложения.

Гастрольные сезоны В. Э. Мейерхольда и его труппы 1902–1905 годов подробно документировались провинциальной прессой. Анонсы и хроника, пространные рецензии и острые фельетоны, поэтические упражнения, посвященные столичным артистам, и эпиграммы-четверостишия заполняли газету «Юг», выходившее в Херсоне научно-литературное, политическое, сельскохозяйственное и коммерческое издание. Любопытно, что 17 февраля 1903 года редакция газеты «Юг» к завершению гастролей подготовила сюрприз, на прощание выпустив итоговый номер в альбомном формате; несколько экземпляров этого газетного «альбома» отпечатали на китайском шелке и преподнесли его труппе после финального спектакля.[24]

Становление режиссерского театра — театра авторских, индивидуальных решений, революционно перекроивших сложившиеся каноны, в начале XX века отчасти было подготовлено и стимулировалось взрывом альбомной культуры, сконцентрированной на трансляции личного опыта, визуальных «дневниках», публичной фотохронике. Распространение альбомной культуры может быть сопоставимо с тем, что мы сейчас называем иммерсивной средой, балансирующей на границе театра и кинематографа.

Сортировка альбомов актеров, художников и режиссеров в некоторой степени условна: структурно и типологически они во многом синонимичны друг другу, будучи необходимой частью регулярной рутинной работы и творческой биографии.

Возрастающая насыщенность альбомной среды питает и «личные истории» людей, причастных театру, кинематографу, и «макетирует» язык постановок, сценических прочтений. М. В. Добужинский вспоминает, что у дедушки хранились «альбомы, переполненные карточками тогдашних знаменитостей: тут была и красавица Патти, и Бисмарк, и Дизраэли, и Гарибальди, и Осман-паша, и даже Юлия Пастрана — дама с бородой. Помню также одну курьезную фотографию: король Виктор Эммануил II со своими страшными усищами и эспаньолкой под руку с улыбающимся римским папой (фотомонтаж?). Среди карточек „знаменитостей“ была фотография Комиссарова, спасшего жизнь имп. Александру II...»; а в альбоме матери, оперной певицы, «была целая галерея тогдашних артистов, многие сняты были в их театральных костюмах и гримах».[25] Память об альбомных впечатлениях детства проступает и в художественной стилистике Добужинского. Так, в 1907 году его костюмы и декорации, подготовленные для спектакля Алексея Ремизова «Бесовское действо» в театре В. Ф. Комиссаржевской, принесли успех постановке и прочитывались зрителями и критикой сквозь оптику узнаваемых картин из альбома. Альбомный «почерк» Добужинского во многом «спас» этот театральный эксперимент и обеспечивал цельность художественного языка в декорационных решениях. «Я говорю об авторах, — пишет один из критиков, — ибо их два. Сочинителем „Прения Живота со Смертью и бесовского действа над некиим мужем“ назван г. Ремизов, solo, но на самом деле рядом с ним или даже впереди его следует назвать г. Добужинского, которому принадлежит вся декоративная и обстановочная часть в пьесе. Он-то, г. Добужинский, и должен считаться ее настоящим „творцом“, если только может быть речь о творчестве там, где мы имеем дело с работой, которая выполняется обыкновенно с помощью зрительного прибора, именно волшебного фонаря. Вся пьеса — это как бы альбом картин, воспроизводящих в увеличенном виде миниатюрные изображения в старинных рукописных псалтырях,

[24] *Звенигородская Н. Э.* Провинциальные сезоны Всеволода Мейерхольда. 1902–1905 гг. М., 2004. С. 7, 74.

[25] *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 56, 115 (сер. «Литературные памятники»).

часословах, житиях святых и т. п. книгах духовного содержания, — это выставка примитивного искусства старинных иллюстраторов и каллиграфов».[26]

В альбоме С. Ю. Судейкина[27] собраны материалы за 10 лет (1906–1915). Они складываются в отдельные внутренние «комплексы-витрины», образующие самостоятельные метасвязи. Рецензии, газетные вырезки, эскизы декораций, портреты, перекликаясь между собой, переходят из альбома на сцену в восточных миниатюрах, мистификациях, в силуэтах игрушечных арапчат и путти, в пробах ярких цветовых орнаментов для комической оперы М. А. Кузмина «Забавы дев» в Малом драматическом театре в 1911 году, в масках комедии дель арте для пьесы Х. Бенавенте «Изнанка жизни». Многочисленные альбомные варианты занавеса напоминают эпиграфы к спектаклю. Альбом Судейкина времен Первой мировой войны заполняется эскизами к постановкам «Проказы вертопрашки» и «Женитьба Фигаро»; принцип живых картин в спектакле «Торжество держав» в Мариинском театре рождается в макетах «альбомной сцены», а для оформления инсценировки по рассказу Г. де Мопассана «Мадемуазель Фифи» на листках альбома скрупулезно прочерчивается интерьер роскошный, но сохраняющий печать военного времени. Дух бесшабашного эксперимента виден и в поисках решений оформления комической оперы Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана», сосредоточенных Судейкиным во «внутреннем альбоме-вкладыше» в 1915 году для несостоявшейся постановки театра С. И. Зимина. Графические «репетиции» капустников в театрах кабаре «Привал комедиантов» и «Бродячая собака» составляют отдельный блок в альбоме Судейкина. Здесь собраны и программы вечеров, и калейдоскоп костюмов Тамары Карсавиной, и гротескный маскарад торжественного заседания в честь пятидесятилетия со дня смерти Козьмы Пруткова в 1913 году. Рукодельный синтез альбома дополняет коллекция автографов (Ахматовой, Маяковского, Кузмина и др.). Альбомное закулисье Судейкина дает возможность реконструировать целые пласты театральной культуры.[28]

Пытаясь выстроить типологию театральных альбомов, мы отдаем отчет, насколько критерии условны и нуждаются в уточнении. К какой категории, к примеру, отнести роскошный объемный альбом «Юрий Анненков. Семнадцать портретов», выпущенный Государственным издательством в 1926 году? В альбоме два портрета Троцкого, четыре портрета Г. Зиновьева и по одному портрету Вс. Мейерхольда, К. Радека, В. Антонова-Овсеенко, Э. Склянского, К. Ворошилова, В. Зофа, Н. Муралова, А. Енукидзе, М. Роя, а также А. Луначарского. «Положительно химеричен, фантастически и сверкающе виртуозен портрет т. Мейерхольда, взятого в плоскости самоуверенного и талантливого эксцентрика», — писал Луначарский в своем предисловии.

В 1926 году он еще не предвидел трагической судьбы этого «эксцентрика».

Ю. П. Анненков, наделенный многими талантами, обладал острым театральным чутьем. Театральный декоратор, сценограф, режиссер-постановщик, теоретик авангардного перформанса, он отразил этот «сверхтеатр» и в серии пророческих портретов, прозревавших скорую гибель изображенных персонажей. Эта альбомная серия прочитывалась как драма рока.

В 1928 году альбом был по приказу Сталина изъят в СССР из всех библиотек, магазинов и частных собраний и «предан уничтожению, за исключением страницы с портретом К. Ворошилова, ставшего сталинским приверженцем. До следующих поколений мой альбом не дошел. Троцкий был убит, Мейерхольд погиб в тюрьме, Каменев расстрелян, Радек умер в тюрьме, Антонов-Овсеенко расстрелян, Зиновьев расстрелян, Склянский погиб при странных обстоятельствах, Зоф расстрелян, Муралов

---

[26] *Икс* [Амфитеатров А. В.]. Бесовское действо // Речь. 1907. 6 дек. № 211. С. 3.

[27] *Судейкин С. Ю.* Альбом со статьями и заметками о С. Ю. Судейкине и с упоминанием о нем (вырезки из газет и журналов), материалами к биографии, фотографиями, письмами, телеграммами и дарственными надписями А. А. Ахматовой, С. М. Городецкого, С. К. Маковского, В. Ф. Нижинского и др. С. Ю. Судейкину, материалами к биографии С. Ю. Судейкина, фотографиями С. Ю. Судейкина и др. // РГАЛИ. Ф. 947. Оп. 1. Ед. хр. 300.

[28] *Коган Д. З.* Сергей Юрьевич Судейкин: 1884–1946. М., 1974. См. также: The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Ed. by J. E. Bowlt. Princeton, 1995.

расстрелян, Енукидзе расстрелян. Во время сталинских „чисток“ за исключением Ворошилова только две из этих моих моделей уцелели: Луначарский, назначенный послом в Испанию, но, не успев доехать туда, скончавшийся на юге Франции, и Рой, представлявший в Москве, в Центральном Комитете 3-го Интернационала, индусскую коммунистическую партию, но сумевший вовремя выбраться из Советского Союза и вернуться в Индию, разойдясь со сталинской генеральной линией».[29]

Так, «альбом художника» — особая сцена, пограничная ипостась в феноменологии театрального альбома. И случай Юрия Анненкова тому подтверждение.

В режиссерских альбомах, с одной стороны, отчетлива прикладная лабораторная прагматика, а с другой — их окружает ореол легенды, встроенной в общую мифологию личности режиссера, автора, творца, демиурга новой вселенной режиссерского театра.

Альбомы художников и режиссеров схожи тем, что в них исследуются новые методы прочтений, сопоставляются и выявляются смысловые величины.

Природа режиссерского альбома трудно поддается определению. Это и дневник, и «бортовой журнал», и лаборатория со своими «колбами и препаратами». Разумеется, это — капитальная тема. Самостоятельного исследования ожидают многолетние альбомные разработки Всеволода Мейерхольда, Александра Таирова, Михаила Фокина, Бориса Сушкевича и многих других.

«Альбомными намерениями» выложен путь к театру Алексея Попова.

Он собирал серии открыток, посвященные МХТовским постановкам, изготавливал собственные альбомы-пособия, куда вклеивал портреты артистов, тех, у кого учился, — А. Р. Артема, В. Ф. Грибунина, И. М. Москвина, В. И. Качалова, Л. М. Леонидова — «после того как я познал Художественный театр *хотя бы по слухам*»,[30] вырезал из газет и журналов «натуру», «типы из жизни» — характерные лица крестьян, горожан, врачей, военных.

Приведем фрагмент его творческой биографии, реконструированной исследователем во многом через изучение его «альбомной мысли»: «Сохранился и альбом в холщовом сером переплете с плотными листами. Зная последующую судьбу молодого актера (сам он ее, естественно, еще не предвидел), альбом можно назвать его режиссерскими заготовками. Здесь собрана целая коллекция — МХТ глазами Алексея Попова <...> Он перерисовывал в свой холщовый альбом эскизы Гордона Крэга с той же доверчивостью и увлеченностью, что и декорации Симова. <...>

В архиве Театра Революции сохранился еще один в своем роде уникальный документ: альбом 1934 года, где с тщательностью и полнотой, какие только возможны при переводе на бумагу живого театрального зрелища, зафиксирован весь ход спектакля „Мой друг“. <...> На больших листах ватмана дан сценический текст пьесы, размеченный условными знаками звуковой, световой, музыкальной партитуры. В списках — весь реквизит, костюмы. Шестнадцать эпизодов спектакля предстают воспроизведенными в планировках, декорациях и их сменах, более того — линиями и стрелками на чертежах, приложенных к каждому эпизоду, показаны все мизансцены, траектории движения персонажей, их изощренный, сложный и ясный узор».[31]

Индивидуальные режиссерские альбомы нередко соотнесены с более крупным институциональным корпусом театральных документов и становятся частью биографии театра.

Альбом, рожденный театром, может быть предназначен как для ограниченного внутреннего пользования, так и для публичного бытования.

«Цеховой» формат рассчитан на «свой круг», отвечает регламентам сообщества, сопровождает события театральной жизни, зеркально отражая их — нередко пародийно — в альбомной летописи.

Деятельность кружка во всей его прелестной непринужденности любительства, дилетантства, где накапливаются порой предпосылки для серьезных художественных

---

[29] *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. С. 266.

[30] *Попов А. Д.* Воспоминания и размышления о театре // Попов А. Д. Творческое наследие: В 3 т. М., 1979. Т. 1. С. 114.

[31] *Зоркая Н. М.* Алексей Попов. М., 1983. С. 177, 188.

прорывов и открытий в искусстве, хорошо подкрепляется постоянством таких кружковых альбомов.

Абрамцевский художественный кружок (Мамонтовский), неформальное творческое объединение художников, музыкантов, театральных деятелей, может служить выразительной иллюстрацией того, как существование кружка «обрастало» альбомной документацией, а повседневные события, даты обретали символический смысл и становились фактом искусства. Знаменательно, что рождение Мамонтовского сообщества началось в новогодний вечер 31 декабря 1878 года постановкой «живых картин» в доме С. И. Мамонтова. Археолог А. В. Прахов ставил картину «Юдифь и Олоферн», В. Д. Поленов — картины «Демон и Тамара» и «Апофеоз искусств». С тех пор почти два десятилетия с 1878 по 1897 год ставились любительские спектакли. К пятнадцатой годовщине выпустили альбом «Хроника нашего художественного кружка», подготовленный к изданию В. Д. Поленовым в 1893 году. «В альбоме помещены эскизы и фотографии основных постановок, ряд текстов исполнявшихся пьес, принадлежащих большей частью перу самого С. П. Мамонтова».[32]

Морфология камерного артистического альбома как коллективного дневника, «домашнего» журнала при всех отличиях близка строению внутритеатральной прессы. Совпадают функции составных частей, параметры композиционной организации, атрибуты постоянных персонажей, языковой стиль.

Внутритеатральная пресса системно практически не изучалась, несмотря на давнюю западную и российскую историю. Приведем достаточно корректное определение, предложенное одним из немногочисленных исследователей: «Внутритеатральная пресса — явление, возникшее в XX веке и впрямую связанное с рождением режиссерского театра. Первые внутритеатральные издания инициировались самими режиссерами, становились их развернутыми во времени, меняющимися, развивающимися режиссерскими манифестами и программами. В эпоху формирования новой творческой профессии авторское режиссерское издание выполняло функцию прежде всего саморефлексии и автокомментирования (и здесь уместна аналогия с писательскими авторскими изданиями XIX века — например, журналом «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского). Театр размышлял сам о себе, о своей природе и границах, изнутри подготавливая и порождая театральную мысль (в частности, театральную критику), способную на аналитическое описание нового театрального языка (для каждого крупного режиссера — иного)».[33]

Отчеты о деятельности императорской сцены в Ежегодниках Императорских театров, издававшихся с 1890 года, сопровождались иллюстрациями. К 1900–1910-м годам периодичность выхода составляла три выпуска в год и сама внутренняя структура стала оживленней, а полемический мотив, введенный Мейерхольдом в 1909 году в связи со спорами вокруг оперы «Тристан и Изольда» Мариинского театра, снял некоторую статичность и монументальность издания, придав этой серии динамизм.

В Литературно-художественном обществе (театр А. С. Суворина) с 1906 года выходили иллюстрированные программы, которые постепенно переросли в журнал-альбом. Позднее в нем размещались и пьесы, и «разговор со зрителем».

«Записки Передвижного общедоступного театра» П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской (Пг., 1914, 1917–1924) напоминали альбом фотографий и заботливо просвещали читателя/зрителя. Конструктивистская логика московского альбома Вс. Мейерхольда «Афиша ТИМ» (1926–1927) была более резкой и эпатажной: насыщенная смесь анонсов, рисунков, объявлений, программы спектаклей сопровождалась лозунговыми характеристиками явлений театральной жизни как хроникерского, так и сатирического, пародийного типа. Ритм выпусков нарушался. Всего вышло 4 номера.

---

[32] *Пожарская М. Н.* Русское театрально-декорационное искусство конца XIX — начала XX века. М., 1970. С. 83.

[33] *Купцова О. Н.* Пресса Камерного театра: журнал «Мастерство театра» и газета «7 дней МКТ» //«...Глядеть на вещи без боязни». К столетию Камерного театра: Сб. статей. Материалы Международной науч. конф., посвященной 100-летию Камерного театра / Ред.-сост. В. В. Иванов. М., 2016. С. 120–133.

После революции наиболее интересным было издание московского Камерного театра. Сначала — журнал «Временник», который вышел несколько раз, а затем — регулярная газета «Семь дней» или «7 дней МКТ» (1923–1924). В газете работали художники Камерного.

«Журнал был большого (альбомного) формата, в нем для наглядности помещались в черно-белом цвете рисунки художников, фото, чертежи (например, чертеж новой сценической коробки, сконструированной В. и Г. Стенбергами и К. Медуницким в октябре 1923 года, за год до десятилетнего юбилея Камерного театра)».[34]

Для завершения краткого обозрения театральных альбомов во многих функциональных ипостасях остановимся на двух, пожалуй, самых крупных и значительных явлениях, позволяющих понять неразрывность «альбомной Атлантиды», затонувшей, разрозненной, утраченной или, наоборот, сохранившейся, и открывающих связь с публичным, так сказать, видимым образом театра и его историей.

Так, альбомы афиш и программ спектаклей, автографы которых хранятся в Музее Театра им. Евг. Вахтангова, сравнительно недавно введены в научный оборот и позволяют воссоздать деятельность Вахтангова на любительской сцене в 1910-е годы. На многих афишах сохранились более поздние краткие комментарии Вахтангова. Вахтанговские альбомы тех лет (Альбом афиш и газетных вырезок, к примеру) типологически близки одновременно и личным дневникам, и «летучим листкам» — информационным изданиям, и записным книжкам. Там же размещались полнотекстовые пародии, предназначавшиеся для исполнения в кабаре.

«*Из Альбома афиш и программ*

11 апреля 1911 г. Шуя. Труппа московских драматических артистов. „Вечер, чтобы смеяться!“. I отделение. „На лоне природы“ («Дитя природы») Н. А. Хлопова. Бегичев — Е. Б. Вахтангов. II отделение. Кабаре. Песнь о чуде XX века, „Телефон для публики“, „Синематограф без экрана“. Режиссер Е. Б. Вахтангов».[35]

Непременное документирование в альбомах летописи текущих театральных событий дополняется и обязательным созданием «аккомпанемента» — альбомной среды. Режиссер Н. В. Петров (ему Вахтангов посвятил шуточную эпиграмму, в которой альбом неслучайно назван как знаковый режиссерский атрибут, режиссерская «визитная карточка»: «Я режиссером давно звался. / Альбомов куча у меня. / Я много важности набрался...»[36]) вспоминал творческую молодость, совместные посещения литературно-артистического кафе «Бродячая собака». Они закреплялись в альбомной памяти кабаре. В двух основных альбомах-хранилищах — «Свиной книге» и «Поросячей книге» — произвольно размещались программы и тексты капустников, пародий, что составляли насыщенный «соляной раствор» искусства импровизаций, стилистических переходов, свободной смены языковых регистров, столь востребованных позднее театральной системой 1920-х годов.

Помимо записей Вахтангова, на страницах «Поросячьих тетрадей» сохранились автографы Всеволода Мейерхольда и Натана Альтмана, Серафимы Бирман и Софьи Гиацинтовой, Лидии Дейкун и Анны Поповой, режиссеров Вл. Соловьева, Константина Тверского, Алексея Грипича, Сергея Волконского, молодого студента консерватории Юрия Шапорина... И множество других фамилий тогда еще молодых людей, впоследствии ставших активнейшими работниками творческого фронта, можно прочесть на листах «Поросячьих тетрадей».[37]

Альбомы в театре — это одновременно и фойе, и закулисье, где снимается условность границ между «своими» и «чужими», сценой и зрительным залом, формируется постоянная аудитория, без которой художественное развитие театра невозможно.

---

[34] *Литвиненко Н. Г.* Вспомним Сигизмунда Кржижановского — деятеля театра и театрального критика // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века: Исторический альманах. М., 2006. Вып. 2. С. 356.

[35] Евгений Вахтангов: Документы и свидетельства: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 244.

[36] Там же. С. 178.

[37] Там же. С. 292–293.

МХТ — МХАТ в этой богатой альбомной культуре XIX–XX веков, очевидно, занимает исключительное место прежде всего в силу объективных процессов, связанных, с одной стороны, с демократизацией, появлением массового зрителя/читателя, а с другой — со становлением советской элитарности и закреплением центрального положения «театра номер один» в культурном ландшафте и в иерархии государственной политики.

Альбом Художественного театра прошел все стадии эволюции, начиная от частных вполне традиционных ученических эпизодов, локализованных в юношеских упражнениях создателей МХТ. Театральная «катехизация» во многом готовилась и репетировалась посредством альбомов, альбомным пространством закреплялась.

Обладание собственным альбомом считалось непременным атрибутом режиссерских «доспехов».

Известно, что гастроли мейнингенского театра в России в 1885 и в 1890 годах потрясли К. С. Станиславского. В его архиве в Музее МХАТ сохранился не только альбом с записями и зарисовками мизансцен, декораций, бутафории, сделанными практически на всех спектаклях мейнингенцев,[38] но также известный альбом рисунков немецкого художника Аллерса с зарисовками отдельных сцен из спектаклей и закулисного быта мейнингенской труппы. «Этот альбом переплетен в одну папку с фотографиями актеров в ролях и листами, на которых помещены цветные зарисовки декораций, деталей обстановки и планировки „Смерти Валленштейна“, „Пикколомини“, „Двенадцатой ночи“ и др. По свидетельству К. К. Алексеевой, эти зарисовки были сделаны для Станиславского художником-архитектором В. А. Мазыриным (принимавшим участие в работе Общества искусства и литературы) во время гастролей мейнингенской труппы в 1890 году. К альбому Аллерса приложены также три небольших блокнота с собственноручными записями и заметками Станиславского и зарисованными им планировками декораций спектаклей, виденных во время этих гастролей («Орлеанская дева», «Заговор Фиеско», «Смерть Валленштейна», «Кровавая свадьба»).[39]

В режиссерской библиотеке Станиславского обнаружено более десяти альбомов с эскизами и планировками декораций, зарисовками костюмов и предметов бутафории, рисунками с натуры и поисками гримов. Альбомное мышление оказывается основополагающим при подготовке спектакля, да и в реформе русского театра в целом.[40]

МХАТовская театральная империя «репетировалась» на альбомных площадках, порождавших «альбомных» людей, имеющих вкус и навыки производства подобной продукции, поддерживалась и воспроизводилась ими.

Почти каждая постановка Художественного театра 1900-х — начала 1920-х годов напоминала «живой альбом великолепных жанровых картин и картинок, бытоизобразительных шедевров. Причем одинаково увлекал и напрягал творчество быт отечественный («Власть Тьмы», «На Дне», «Дети Солнца»), наших ли дней или прошлого («Горе от ума», первый «Ревизор» 1908 г.), и быт чужой, иноземный («Геншель», «Столпы общества»)».[41]

Это театральное вторжение в культуру осуществлялось в том числе и посредством накопления «альбомной массы». Вот лишь некоторый перечень — 16 альбомов за полтора десятилетия. Список хотя бы отчасти позволяет вообразить экспансию идеи театра — «Пантеона» — храма искусств, где присутствуют все боги, универсального театра,[42] мечту о котором вынашивал Станиславский. Практически все альбомы изготовлены по общему лекалу. В каждом несколько десятков фототипий, программа спектакля, портрет автора, фотографии исполнителей. Так сделаны: «Трагедия А. К. Толстого „Царь Федор Иоаннович“ в исполнении артистов Художественного театра» (М., 1900); «„Чайка“ А. П. Чехова» (М., 1900); «„Власть тьмы“ Л. Толстого»

---

[38] *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1993. Т. 5. Кн. 2. Дневники. Записные книжки. Заметки. С. 318.

[39] *Пожарская М. Н.* Русское театрально-декорационное искусство... С. 113.

[40] *Бубнова М. Н.* Неизвестный Станиславский. Материалы к постановкам, мотивы декораций, эскизы костюмов, гримы. М., 2019.

[41] *Эфрос Н. Е.* Московский Художественный театр: 1898–1923. М.; Пг., 1924. С. 152.

[42] *Соловьева И. Н.* Художественный театр: Жизнь и приключения идеи. М., 2007. С. 335.

(М., 1900–1903); «„На всякого мудреца довольно простоты“ А. Н. Островского»; «„Бранд“ Г. Ибсена»; «„Юлий Цезарь“, трагедия Шекспира» (М., 1905); «„Синяя птица“. Сказка М. Метерлинка» (М., 1908–1910); «„Ревизор“. Комедия в 5 д. Н. В. Гоголя» (М., 1909); «„Борис Годунов“ А. Пушкина» (М., 1910); «„Месяц в деревне“ И. С. Тургенева» (М., 1910); «Пьесы А. П. Чехова „Чайка“, „Дядя Ваня“, „Три сестры“, „Вишневый сад“, „Иванов“. Альбом „Солнца России“ № 7» (СПб., 1914).

Московский Художественный театр, как ни один другой, породил целую литературу и мифологию. Ее составляют исторические очерки, монографии об отдельных деятелях и спектаклях, летописи жизни и творчества, театральная критика, материалы пародий и капустников, юбилейные издания, собрания сочинений и избранное самих основателей театра — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. В этом богатстве особое место, как видим, занимают театральные альбомы. Мир отдельного спектакля, вселенная Художественного театра, воплощенная в альбомах, — это «урны с вечным прахом, блистательный склеп, мавзолей, некрополь, где покоится то недолговечное, неуловимое и разрушающееся мгновенно, что мы называем „театр“».[43] Это фиксация театральной памяти, парадоксальным образом остановившаяся в альбоме и через альбом обращенная к современникам и потомкам. Театральный альбом и альбом Художественного театра как мета-архив, пополняемый корпус легенд театральной повседневности, являл собой грандиозный живой памятник в его непрекращающемся строительстве.

Монумент — «Альбом Московского Художественного театра» как визитная карточка, марка, эталон, платформа и фундаментальная кладка театрального храма во всей суетности и величии, — его архитектура, бесспорно, прочитывается и в личных альбомных собраниях Михаила Булгакова, впитавших стилистическое своеобразие архивной эпохи. Топика его постановочных альбомов и особенно альбома пьесы «Дни Турбиных» узнается и в его «Театральном романе»,[44] и в других произведениях.

[43] *Мейерхольд В. Э.* Запись в альбоме Л. Е. Лазаренко // РГАЛИ. Ф. 2437. Оп. 3. Ед. хр. 894. Л. 17.

[44] *Булгаков М. А.* Записки покойника (Театральный роман) / Подг. текста, вступ. статья, прим. А. Кобринского. СПб., 2002 (сер. «Текст–Подтекст–Контекст»).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-190-205

«КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ»: СВЕРДЛОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В. В. МАЯКОВСКОГО. ЧАСТЬ 2

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © Л. В. ХАЧАТУРЯН)*

В Свердловской записной книжке В. В. Маяковского (№ 55),[1] помимо завершенных в путешествии Казань — Свердловск — Пермь — Вятка стихотворений,[2] находятся тексты, публикация которых была отложена. Именно эти фрагменты представляют наибольшую сложность для датировки, нередко вызывая полемику текстологов и ис-

* Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

[1] Подробнее см.: «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского. Часть 1 / Вступ. статья, подг. текста и комм. Л. В. Хачатурян // Русская литература. 2020. № 4. С. 252–268.

[2] К ним относятся «Екатеринбург — Свердловск», «Десятилетняя песня», «Император», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Сердечная просьба», «Лицо классового врага», «Парижская коммуна», «Две культуры» и др.

следователей поэта. Одним из самых известных незавершенных стихотворений можно назвать знаменитую строфу, четко, без сокращений и помарок, записанную на одной из последних страниц:

Уже второй
должно быть ты легла
Покой благой
в ночи млечпуть серебряной
окою
Я не спешу и молниями
телеграмм
Мне незачем тебя
будить и беспокоить.[3]

О датировке и, соответственно, лирической героине этих строк существуют два противоположных мнения. Одно из них в своих работах излагает текстолог Маяковского, редактор девятого тома Полного собрания сочинений, в который входят стихотворения 1928 года,[4] В. А. Арутчева; второе аргументированно выстраивает человек, фактически сопровождавший Маяковского во всех поездках, не исключая сибирскую, — П. И. Лавут.

Позиция Арутчевой базируется на эволюции черновых текстов в записных книжках поэта. Первый вариант этого стихотворения появляется в записной книжке № 55 (январь–февраль 1928 года), затем работа над текстом переходит в записные книжки № 69 и 70 (1929–1930), и наконец, последняя прижизненная правка зафиксирована в записной книжке № 71 (1930).[5] При этом даже последний вариант сохраняет нехарактерный для Маяковского элегический тон:

Уже второй должно быть ты легла
В ночи млечпуть серебряной окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
Как говорят инцидент исперчен
Любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему
перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданью.[6]

Важный аргумент в пользу эволюции текста — появление правки в последней строфе, в то время как первые две переписаны полностью сложившимися. И если в варианте 1928 года открытое «я не спешу» все-таки рассматривает возможность телеграмм в более подходящее время в будущем, то две последние строфы никакого «земного» будущего уже не предполагают.

Версия Лавута основывается на точном анализе событий уральской поездки января–февраля 1928 года. Полемизируя с Арутчевой в третьем издании своей книги

---

[3] РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 23. Далее ссылки на эту единицу хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Этот документ оцифрован и доступен на портале «Автограф. XX век»: http://majakovskiy.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-s-nabroskami-stihotvoreniy; дата обращения: 31.10.2020.

[4] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 9.

[5] См.: Там же. Т. 10. С. 377 (комм.).

[6] Фотографическую вклейку разворота страницы из записной книжки № 71 см.: Там же. С. 280–281. Слова «какая в мире» вписаны под «сейчас такая».

«Маяковский едет по Союзу»,[7] Лавут проводит «ревизию памяти», сопоставляя собственные воспоминания с расшифровкой записных книжек в «Литературном наследстве»:[8] «Эта датировка (В. А. Арутчевой. — *Л. Х.*) мотивируется лишь тем, что они вписаны в записную книжку рядом со стихами, действительно созданными во время пребывания Маяковского в Свердловске. <...> Предсмертные же наброски из так называемого „Неоконченного“ так же, как и ранее приведенные, появились, конечно, в 1930 году, а точнее, незадолго до катастрофы. <...> Еще факты: в этой же книжке имеется подробный адрес второго МГУ, записанный с моих слов рукой Маяковского ввиду того, что он никогда там не бывал и не выступал, а за три дня до смерти, то есть 11 апреля, ему предстояло там выступать».[9]

Факты приведены точно. Действительно, на обороте этой же страницы записной книжки внизу отчеркнута запись: «девичье поле малая пироговская / второе МГУ ленинская аудитория» (л. 22 об.).

Таким образом, Свердловская книжка содержит записи и начала 1928 года, и весны 1930-го. И здесь возникают сразу два вопроса к исследователю, имеющему возможность «более тесного общения с текстом, чем то, которое позволяют ныне существующие издания».[10] Первый: могла ли в записной книжке появиться полностью завершенная и написанная без единой помарки строфа? И второй: когда этот отрывок мог быть вписан? Во время работы над остальными текстами — зимой 1928 года — или позже?

В «Альбоме для стихов» мы встречаем несколько записей завершенных строф. Среди них тексты опубликованных к тому моменту стихотворений, которые Маяковский набросал по памяти:

Сия история была
в некоей республике
Баба на базар плыла
А у бабы бублики.

(л. 3 об.)

Это первая строфа стихотворения «История про бублики и про бабу, не признающую республики».[11] Текст предельно сжат: нужно было записать его внизу страницы после черновых строф «Десятилетней песни». На одной странице «Альбома для стихов» Маяковский намеренно разместил два отрывка, которые он планировал прочесть на юбилейном вечере: новые стихи, написанные к 10-летию революции, и собственное стихотворение времени Гражданской войны.

Но есть и другие тексты. Их фиксация происходила не синхронно с созданием. Что-то мешало Маяковскому записать строфы сразу, и в альбом они попадали уже post creationem — после того, как полностью сложились в уме поэта. Именно о такой записи существуют подробные воспоминания Н. А. Брюханенко. В них можно найти точную дату, место и даже обстоятельства записи; более того, в мемуарах появляется и сам «Альбом для стихов»: «21 февраля у меня с Маяковским был разговор по телефону <...> На следующий день, как всегда верный слову и аккуратный, Маяковский заехал ко мне с билетами в театр Корша, на спектакль „Проходная комната“. <...> В те-

---

[7] *Лавут П. И.* Маяковский едет по Союзу. 3-е изд., доп. М., 1978.

[8] *Арутчева В. А.* Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65. Новое о Маяковском. С. 325–396.

[9] *Лавут П. И.* Маяковский едет по Союзу. С. 117–119.

[10] *Гаспаров Б. М.* Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 116 (https://magazines.gorky.media/nlo/2001/6; дата обращения: 31.10.2020). В этом отношении оптимальным источником цитирования становится «интегрированный» текст, представляющий собой расшифрованный исследователем текст рукописного автографа, сверенный с его опубликованной в Интернете цифровой копией. Об этой финальной стадии работы см.: Валерий Брюсов. Дневник 1890 г. / Предисловие Н. А. Богомолова, подг. текста и прим. В. Л. Гайдук и Н. А. Богомолова // Studia Literarum. 2020. Т. 5. № 3. С. 335.

[11] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 3. С. 142; впервые: Окно сатиры РОСТА № 241. Август 1920 года.

атре мы сидели где-то в первых рядах, на виду у всех. Когда опускался занавес после первого действия, Маяковский начал очень громко свистеть. В публике шипели и возмущались. Тогда он встал во весь рост и еще громче пересвистел аплодисменты зала. После третьего действия мы ушли из театра, не досмотрев пьесу до конца, Маяковский, как бы грозясь, сказал:

— Теперь я им напишу про это…

Уже возвращаясь из театра, Маяковский написал четыре строчки. Он шел, бормотал, останавливался и писал. Записывал, прямо на Петровке, поднося к свету магазинных витрин альбомчик с розовенькими и желтыми листочками, как у гимназисток для стихов».[12]

Как и воспоминания Лавута, мы можем сопоставить память мемуариста с источником текста — записной книжкой. Вот эти «четыре строчки» из альбома «гимназистки»:

Я бежал от сих
насилий
Но вполне уверен в
этом
Что в дальнейшем
кот Василий
Будет жить с велосипедом.
(л. 15)

Первой родилась ключевая, полная иронии строфа. Она записана в блокноте сверху на отдельном листе, поскольку не продолжает работу над текстом, а начинает ее. Впоследствии она вошла в беловой текст практически без изменений (появились знаки препинания, исчезли прописные буквы в начале строк). Буквально за десять дней вокруг нее сложилось стихотворение-рецензия «Даешь тухлые яйца!»,[13] пунктуально выполняющее обещание «всегда верного слову и аккуратного» Маяковского. Финал стихотворения практически дословно цитирует Н. А. Брюханенко:

…но мы, —
где пошлость,
везде, —
должны,
а не только имеем право
негодовать
и свистеть.[14]

Дополнительным аргументом при обращении к источнику текста становится автокоммуникация. Рабочий текст, «производство» которого происходит в записной книжке, записывается скорописью. В нем отсутствует строфика, сокращены слова; «ускоряется» даже сам почерк. Подобную особенность черновой записи отметил Н. А. Богомолов в своей работе, посвященной ранним дневникам Брюсова: «Если официальный его (В. Я. Брюсова. — *Л. Х.*) почерк очень легко читаем и по-своему красив, то делавшиеся для себя записи чрезвычайно неразборчивы. <…> Усугубляют дело сокращения и недописанные слова, во множестве встречающиеся в рукописи».[15]

«Официальный» почерк Маяковского мы можем увидеть в рукописи незавершенного стихотворения, первая строфа которого связана или с Н. А. Брюханенко (если

---

[12] *Брюханенко Н.* Пережитое // «Имя этой теме: любовь!»: Современницы о Маяковском / Сост., вступ. статья и комм. В. В. Катаняна. М., 1993. С. 203.

[13] Стихотворение «Даешь тухлые яйца! (Рецензия № 1)» опубликовано под названием «Товарищи, где свистки? (Вместо рецензии)»: Рабочая Москва. 1928. 4 марта. № 55.

[14] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. С. 59. В черновом варианте: «Должны а не только имеем право / В десять пальцев свистеть» (л. 9).

[15] Валерий Брюсов. Дневник 1890 г. С. 334.

верна датировка Арутчевой), или с Т. А. Яковлевой (версия Лавута). Строфа написана крупно, четким, практически прямым почерком. Очень важно и расположение записи. Она ориентирована вертикально: начинается на верхней странице блокнота и свободно движется вниз. Между строк двойные интервалы — девять строчек занимают практически всю альбомную страницу. Нижняя часть листа отчеркнута. Там, теснясь через один интервал, быстрым «рабочим» почерком с правкой, почти сливающейся с основным текстом, записан черновой вариант стихотворения «Сердечная просьба»:

Нагоняя одурь сонную
Он вещает/повторяет впав в азарт
Снова речь произнесенную
8 месяцев назад.

(л. 23)

Стихотворение «Сердечная просьба» опубликовано в газете сразу после создания,[16] поэтому мы можем определить датировку: не позднее 21 февраля. Черновой автограф «Сердечной просьбы» позволяет датировать верхнюю запись, сделанную ранее. А в результате предпринятое нами «близкое знакомство с текстом» делает возможным соотнести время создания и адресата первой строфы. В начале 1928 года «молнии телеграмм» должны были направляться не в Париж, а в Москву. Остановив их, Владимир Маяковский не хотел «будить и беспокоить» Наталью Брюханенко.

* * *

В настоящую публикацию входит вторая часть Свердловской записной книжки, включающая стихотворения «Парижская коммуна», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Лицо классового врага», «Две культуры» и др. (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 10–23 об.). Орфография приведена в соответствие с современными нормами, сохранен ряд особенностей авторского правописания, графики и пунктуации, отражающих процесс работы Маяковского над текстом. Зачеркнутые слова переданы графически, вертикальное зачеркивание — курсивом. В текстах стихотворений сохранена строфика (тогда, когда она появляется), а также авторское деление страницы короткой горизонтальной чертой. Маргиналии размещаются нами внизу текста.

Альбом для стихов
(часть вторая)

Храни эту память бережно[1]
Слушай истории топот
Учитывай в днях теперешних
Прошедших восстаний опыт

———

Через два коротких месяца
Почуяв коммуна свалится[2]
~~Волками~~ Волком ~~которые~~ который бесится
Бросились на коммуну версальцы[3]

———

~~И явится война~~ Будет война кануном
~~Кануном того что близкая~~ за войнами явить<ся>
За войнами явится близкая

[16] Комсомольская правда. 1928. 21 февр. № 44. В «Полном собрании произведений» черновой автограф из записной книжки № 55 датирован «между 13 и 20 февраля 1928 г.». См. также: *Маяковский В. В.* Полн. собр. произведений: В 20 т. М., 2014. Т. 3. С. 375, 505.

Вторая парижская коммуна
Лондонская римская и берлинская

Густятся военные тучи.
~~Каркаю<т> чемберлены~~[4] *и кулиджи*[5]
Каркают воронам
Но ~~умных~~ зрячих история учит
Что она приходит повторно

Напрасно буржуева ставленника
Молит поднимая ладони
30 тысяч кандальников
[*пошли*] *звенело по Новой Каледонии*[6]

———

<На полях:> за него явится близкая

(л. 10[7])

Пощады восставшим рабочим нет
Падают сраженными
Их тридцать тысяч пулей
к стене
Пришито с детьми и женами.[8]

~~Когда ружейные дулица~~
Пускай аппетит у пушек велик
Насытились до отвала
~~Сорок тысяч~~ и 40 тысяч в плевках повели
в ~~сыр<ость>~~ темень тюремных подвалов

На нас эксплуататоры
смотрят дрожа
И многим бы очень хотелось
Чтоб мы кулак диктатуры
разжав
рассыпались в мягкотелость

Но мы себя провести не дадим
Верны большевистскому знамени
Мы помним версальских
выстрелов дым
И кровью залитые камни

<На полях:>
~~праздновать~~
~~плясать~~
~~на рвани~~ знамени красного

легла не сумев
Полков дисциплиной
выкрепить гнев

(л. 10 об.)

И вот выползает веселья/дворянства лиса
Пошла осмотревшись праздновать
~~Буржуи начали праздновать~~
И сам~~ими пошел~~ галифе[9] *~~сапогами~~ припустился плясать*
На клочьях знамени красного

Погибла коммуна легла не сумев
партией силы собрать
одною громадой бушуя
полков дисциплиной
выкрепив гнев
разбить дворян и буржуев
(л. 11)

Улица рада[10]
весной омытая
Шагаем отрядом
И мы и ты и я
~~за~~ Зеленые листики
И нет зимы
~~идем~~ раздольем чистеньким
Идем и я и мы
На ситцах на бумаге
Огонь на всем
Красные флаги несем
несем несем
(л. 12[11])

Уймет его
Пулеметов

держу его
буржуево

показывая
газовые
(л. 13)

Я бежал от сих
насилий[12]
Но вполне уверен в
этом
Что в дальнейшем
кот Василий
Будет жить с велосипедом
(л. 15)

Малая Бронная Спиридоновский
~~15~~ 13 кв. 25 Третьяков[13]
(л. 14)

В одном кране[14]
холодная крайне
Кран другой не тронуть рукой
Во ~~в~~ ширину вышина во
Проветрена освещена и согрета
Все хорошо но больше всего
Мне понравилось это

Хоть грязь на тебе десятилетнего стажа
С тебя корою с дерева
Чуть не лыками сходит сажа
Смывается стерва

Как будто пришел
К социализму в гости
От удовольствия захватывает
дых
Брюки на крюк блузу
на гвоздик
Мыло в руки и бултых

<На полях:> хотелось мягкотелость ладони
каледонии
<каждым камнем?>

(л. 16[15])

~~К~~ Студенецкая ул. Шмидтовский
проезд[16] д. 2 Г<ородок> Трехгорный[17]
кв. 14 (красн<ый> боль<шой> с балконами)
от конца 3-ий под<ъезд>
3-ий этаж вторник 4 ч.

(л. 16 об.)

Сядешь и моешься долго
долго
Словом моешься пока охота
Просто в комнате лето
и волга
Только что рыбы нет нет стерляди
и пароходов

Придешь усталый вешаться
хочется
Ни щи не радуют ни
чая клокотанье
а чайкой поплещешься
и мертвый расхохочется
от этого плещущего щекотания

Себя разглядевши в зеркало
вправленное
в рубашку чистую
~~чистый~~ влазь
Влажу с удовольствием
~~и думаю~~ очень правильная
Эта самая советская власть

<На полях:>
<u>хочется</u>
<u>расхохочется</u>

(л. 17)

И уж расжаришься, распаришься
уж
Тут вертай ручки
и каплет прохладой дождик~~ом~~
душ
Из дырчатой железной тучки

Я пролетарий
объясняться лишне
Жил[18] как мать произвела
родив
И вот мне квартиру дает
жилищный
Мой рабочий кооператив

Нуж <так!> и ласковость в этом душе
Никакой тебя не возьмет
упадок
погладит волосы ~~поплещет~~ потреплет уши
и течет по жолобу промежду
лопаток[19]

<На полях:>
Подумаешь
тоже Маркс

(л. 17 об.)

<2 строфы стерты>

И в ванну влазь
влез и думаю очень
~~интересная~~ правильная
Эта самая советская
власть

Желтые краны блестящие крайне
———

На каждом кране
———

(л. 18[20])

Сажа
Как кора с дерева
См<ывается>
Слезает стерва
———

можешь холодной мыть хохол
горячей пот пор
на кране одном написано хол
на кране другом гор

Это белее лунного света
Удобней чем земля обетованная
Это да что говорить об
этом
Это ванная

Стираете воду с ~~вашего~~ мокрого[21] с тельца
~~Мохнатой простыней и~~ полотенцем как зверь
мохнатым[22]

Чтоб суше
~~подошвам~~ пяткам[23] *полы сделаны*
Извините за выражение пробковым
матом
(л. 18 об.)

Распознать буржуя просто[24]
он настоен на спирту
толстый низенького роста
И с сигарою во рту
А из лысенных целин
поднимается цилиндр
так буржуев за днями дни
Карикатурил товарищ дэни[25] <так!>

А буржуй сегодня кроткий
Зря соваться нет причин
Шляется в косоворотке
И ничем не отличим
~~Кроткий~~ взгляд приятный и худ с лица
Не узнаешь подлеца

———

таких буржуев за днями дни

———

преподносит нам товарищ
дэни[26]

он мечтает ~~увидеть~~ узреть романова
не второго а пантилеймона[27] <так!>

<На полях:>
он вшой копошится на вашем
теле
никак не лезет в тузы
~~он лезет~~ гнездясь под вывески разных артелей
дутых как пузырь

вот он верьте в правоту
сова
зёва
зава
нажив
ножи
выкате
выгоде
(л. 19)

Это зав у частника
прибылей участником
~~Миллион оттопырил~~

———

миллионом набит карман его
а не прежним советским
лимоном

на ложу в окна театральных
касс
тыкая ногтем лаковым
он дает социальный
заказ
на дни турбиных булгаковым[28]

Он лавку украсит сотнею ваз
Куда государственным
органам
в такую любезность обсахарит
вас
что вы ~~уйдете~~ прослезитесь растроганным

не прямо штурмует волк матерый
твой канцелярский замок
шлет он сначала парламентеров
своих расфуфыренных самок
Бывает раскиснет работник/партиец иной
еще ничем не замаран
~~нэпач~~ а он уж стоит за его спиной
как демон сзади тамары

<На полях:>
грузно
узнан

(л. 19 об.)

подойду да погляжу я[29]
офицера буржуя
За границей мерзкая
Порода офицерская
Лапа панская груба
Бьет ~~рабочих~~ солдата по зубам
Фашист не любит дерзких
Отрядов пионерских
Мальчишки и девчонки
Вверх ручонки
За границею попы[30]
Всем в глаза пускают пыль
~~Мои полки~~
Сам господь велел вам братцы
За буржуев крепче драться
Ноги вытянув широко
Занялися маршировкой
Пыль ногой до неба дуй
Маршируй да не бунтуй

(л. 20)

Не угодно ли взаймы[31]
что вы ах сочтемся мы
~~прет росток от червонного сева~~
И идет о заве слава
что одни слова из зева
у свихнувшегося зава
Получает заказ на сии дрова
Артель гражданина сидорова

~~Сей заказ получает~~ сидоров
~~*При*~~ *больше сидоров* ~~*приносит*~~ *подноси даров*[32]
~~*Вот и*~~ *зав теперь у частника*
~~*всех делов*~~ *участником*
Пайщик и участник
Он купил у дворника брюки
прозодежа <так!> *для фининспектора*
а в театре сияют руки
всей игрой бриллиантного спектора

———

Не тешься товарищ мирным<и> днями
~~И пузо его не грузно~~ что кроет времени мрак
Товарищи помните между нами
таится классовый враг

———

он не любит открытых лон
по задворкам ищите хвата
где-то он закупает лен
где-то хлеб у нас перехватывает

———

Пускай он лицо свое перекрасил
и пузо его не грузно
он враг как и прежде рабочего класса
он должен быть понят и узнан

Обеспечены советские рублики
всем достоянием республики

Там где речь о личной выгоде
у него глаза на выкате
там где речь о трудах для своих
нажив
у него не зубы — ножи

<На полях:>
Произрос росток из сева

(л. 20 об.)

В париже мадам и
ее родня[33]
а новый советский быт
ведет работницу к новым дням
от примусов и плит
Культура у нас не роман
да балы
Не в танце снующие
пары
Мы будем варить и
мыть полы
Но только совсем не <для?>
барынь
Работа не знает ни баб ни мужчин
ни белой ~~работы~~ труд и ни черный
ткачихе с ткачом одинаковый
чин
на фабрике раскрепощенной

растет революция <в> нашей
стране
другую дорогу давая
и голова другая на ней
осмысленная
и трудовая

(л. 21)

Новая культура здравствуй
смотри и москва и харьков
в советах управляет государством
~~ткачиха и швея туз~~ крестьянка швея и кухарка

———

И отдавая дань годам
роман сменяя кухней
~~жила~~ сидит/живет культурная мадам
и с жиру мордой пухнет

———

~~такую даму~~ мадам хозяйку ~~помнит~~ знает
всякий
~~К чему~~
Я был у дамы в те года
не вспомню имя отчества
но собиралось у мадам
культурнейшее общество
поевши душу веселя
они одной ногой
разделывали вензеля
увлечены тангой
А после пучили живот
утробным низким ржанием
слушая кто с кем живет и
у кого на содержании

<На полях:>
Еда и поэтам
вещь нужная
и я поэтому
сижу и ужинаю

———

(л. 22[34])

~~Сижу Я был~~ Гляжу культурой поражен
Умильно губки сжав
Никто не режет рыб~~ищу~~ ножом
~~И не едят~~ Никто не ест с ножа

словесностью
с глашею
торгашей
быт уводит от плит
ногою
аргентинской тангой
а вечером с кухаркой глашею
Белой работой стала черная раскрепощенная

———

Потом внимали с мужеством
Напившись разных зелий
~~*ждущую*~~ *замужества* ~~*игру*~~ *романсы двух мадмузазель* <так!>

Она как горила <так!>
орет от гнева
розовая
суп переварила
у мужичье рыло
дура стоеросовая

<На полях:>
графине граф дает манто
сияет снег манжет
чего еще сплошной
бонтон
сплошное бламанже <так!>

девичье поле малая пироговская 7
второе МГУ ленинская аудитория[35]

278-52 Гор<б>ов[36]

(л. 22 об.)

Уже второй
должно быть ты легла[37]
Покой благой
в ночи млечпуть серебряной
окою
Я не спешу и молниями
телеграмм
Мне не зачем тебя
будить и беспокоить

———

Нагоняя одурь сонную[38]
Он вещает/повторяет впав в азарт
Снова речь произнесенную
8 месяцев назад

(л. 23)

Вослед гостям ~~ушли~~ идут когда[39]
два заспанных лакея
Вызывается к мадам
кухарка пелагея
Пелагея что такое
Где еще кусок жаркое

<На полях:>
Воронцова 3-64-72

Черныш
Миша[40]
Любарский[41]

(л. 23 об.)

[1] Черновой вариант стихотворения «Парижская коммуна». Опубл.: Труд. 1928. 18 марта. № 66; Ленинградская правда. 1928. 18 марта. № 6. 18 марта — день Парижской коммуны.

[2] Период самоуправления Парижа продолжался 72 дня — с 18 марта по 28 мая 1871 года.

[3] Речь идет о наступлении на Париж войск, подконтрольных маршалу А. Тьеру, базировавшихся в Версале. 21 мая 1891 года войска вошли в Париж, началась оборона на баррикадах. 28 мая Парижская коммуна пала. 29 мая был взят последний укрепленный пункт коммунаров — форт Венсен.

[4] Невилл Чемберлен (1869–1940) — лидер консервативной партии Великобритании.

[5] Джон Калвин Кулидж (1872–1933) — президент США в 1923–1929 годах, лидер республиканской партии.

[6] Новая Каледония — принадлежащая Франции группа островов в Тихом океане. После падения Парижской коммуны более 50 000 человек были приговорены к каторжным работам и сосланы в Новую Каледонию.

[7] Л. 9 об. не заполнен.

[8] Речь идет о расстреле сторонников Парижской коммуны в период «Версальского террора» (21–28 мая 1871 года). По оценке различных источников, было убито до 35–40 тысяч человек.

[9] Гастон Огюст Галифе (1830–1909) — маркиз, французский кавалерийский генерал. В 1871 году командовал бригадой Версальских войск. Принимал участие в расстреле сторонников Парижской коммуны, в том числе и невиновных.

[10] Черновой вариант стихотворения «Майская песенка». Опубл.: Еж. 1928. № 4 (апрель). С. 1.

[11] Сбой архивной нумерации страниц. Далее пронумеровано без оборотных листов, перепутаны листы 14 и 15.

[12] Фрагмент стихотворения «Даешь тухлые яйца!». Опубл.: Рабочая Москва. 1928. 4 марта. № 55. Начало находится в этой книжке на л. 9 (см.: «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского. С. 266).

[13] Третьяков Сергей Михайлович (1890–1937) — поэт-футурист, драматург. Один из создателей группы ЛЕФ. После ухода Маяковского (1928) редактировал журнал «Новый ЛЕФ». Соавтор поэм Маяковского «Рассказ про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей» и «Рассказ про Клима из черноземных мест, про Всероссийскую выставку и Резинотрест». Репрессирован и расстрелян в 1937 году. В записи указан его адрес (ныне: ул. Малая Бронная, дом 13/21, стр. 1).

[14] Черновой вариант стихотворения «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Опубл.: Правда. 1928. 18 февр. № 42. Стихотворение написано в Свердловске 28 января 1928 года.

[15] Далее в архивной единице восстановлена нумерация с оборотными листами.

[16] С января 1931 года — Шмитовский проезд, названный в честь Н. П. Шмите (1883–1907).

[17] Московская улица Трехгорный вал, пересекающаяся со Шмитовским проездом. Далее записан адрес Александры Алексеевны, Людмилы Владимировны и Ольги Владимировны Маяковских (матери и сестер поэта), которым в 1928 году Маяковский купил квартиру. Организатор поездки Маяковского на Урал П. И. Лавут связывал приобретение этой квартиры в Москве с замыслом стихотворения «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»: «Сестра поэта — Людмила Владимировна — рассказывала, что брат помог приобрести им <...> квартиру в новых кооперативных домах Трехгорной мануфактуры. Впервые войдя в нее, он спросил: „Это у всех рабочих квартиры с ванной?“ Тогда, вероятно, и родилась мысль написать стихотворение о вселении в новую квартиру. Здесь, в Свердловске, побывав в хорошем общежитии и в новых домах, куда вселялись рабочие Верхне-Исетского завода, он снова вернулся к этой теме» (*Лавут П. И.* Маяковский едет по Союзу. С. 116). В работе А. Р. Пудваля упоминается о том, что к приезду Маяковского «4-й дом горсовета» был еще не достроен, а в остальных новых домах (ул. Ленина, 36) ванные комнаты были не предусмотрены (*Пудваль А. Р.* Поиск: Рассказы литературного следопыта. Свердловск, 1974. С. 68–69; см. также: *Лукьянин В.* Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1. С. 177–208).

[18] Исправлено чернилами. Было: живу.

[19] Внизу страницы карандашный набросок одноэтажного дома и дерева.

[20] В правом верхнем углу помещается геометрический рисунок.

[21] Исправлено чернилами.

[22] Исправлено чернилами.

[23] Исправлено чернилами.

[24] Черновой вариант стихотворения «Лицо классового врага» (с подзаголовком «Буржуйнуво»; опубл.: Комсомольская правда. 1928. 29 февр. № 51).

[25] Виктор Николаевич Дени (наст. фам. Денисов, 1893–1946) — художник-график, карикатурист.

[26] Под этой строкой помещен геометрический рисунок.

[27] Речь идет о писателе Пантелеймоне Сергеевиче Романове (1884–1938).

[28] Премьера пьесы состоялась 5 октября 1926 года. В апреле 1929-го пьеса была исключена из репертуара МХТ, в 1932 году восстановлена.

[29] Фрагмент стихотворения «Прочти и катай в Париж и Китай», не вошедший в окончательный текст, впервые опубликованный в газете «Пионерская правда» (1928. 29 февр. № 17; 3 марта. № 18). См.: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 10. С. 257.

[30] В оригинале: паны. Вероятно, ошибка или описка Маяковского.

[31] Черновой вариант стихотворения «Лицо классового врага». Начало на л. 19.

[32] Маяковский обыгрывает настоящую фамилию поэта-футуриста Вадима Баяна (В. И. Сидоров). 22 июля 1929 года в «Литературной газете» (№ 4) было опубликовано письмо Вадима Баяна, выступавшего против использования его литературного псевдонима в пьесе «Клоп». Рифма «Сидоров — не н*еси даров*» зафиксирована Чуковским в дневниковой записи от 5 мая 1921 года (*Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. Дневник 1901–1921. С. 334). См. также: *Маяковский В. В.* Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. С. 516–517. По свидетельству другого мемуариста, эти строки могли относиться к поэту Г. А. Сидорову (псевдоним: Окский) и звучали так: «Поэт Гурий Сидоров, / Не носи даров» (*Спасский С. Д.* Москва // Спасский С. Д. Маяковский и его спутники. Л., 1940. С. 104). Благодарю за указание на этот факт Г. В. Обатнина.

[33] Черновой автограф стихотворения «Две культуры». Опубл.: Труд. 1928. 8 марта. № 58; Звезда. 1928. 8 марта. № 58.

[34] Л. 21 об. не заполнен.

[35] Второй Московский государственный университет создан в 1918 году, реорганизован 18 апреля 1930-го. По воспоминаниям организатора поездок Маяковского П. И. Лавута, запись сделана с его слов в апреле 1930 года и связана с планируемым выступлением Маяковского во Втором МГУ 11 апреля. Выступление не состоялось. Восстановивший хронику последних дней Маяковского Бергт Янгфельдт связывает отмену выступления с произошедшей в этот день ссорой с В. В. Полонской. См.: *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. М., 2016. С. 569–570.

[36] Возможно, речь идет о литературном критике Дмитрии Александровиче Горбове (1894–1967), персонаже стихотворения «Соберитесь и поговорите-ка вровень...» (1928) и полемических выступлений Маяковского. См., к примеру: «Вчера т. Горбов <...> сказал, что нет контрреволюционных произведений, потому что каждое наследие можно использовать, так как оно состоит из двух моментов: из объекта и отношения субъекта к объекту. Но есть такие поэтические произведения, где и субъект — дрянь, и объект — сволочь» (*Маяковский В. В.* Выступление на конференции МАПП 8 февраля 1930 года // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. С. 407).

[37] Набросок незавершенного стихотворения. В дальнейшем был переработан в записных книжках № 69–71 (1929–1930). В. А. Арутчева относит его к 1927–1928 годам, П. И. Лавут — к 1929–1930-му.

[38] Фрагмент стихотворения «Сердечная просьба». Начало в этой книжке на л. 7 об. — 9. См.: «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского. С. 265–266.

[39] Фрагмент стихотворения «Две культуры». Начало на л. 21.

[40] Установить, кто имеется в виду, не удалось.

[41] Возможно, речь идет о Льве Георгиевиче Любарском (1910–1929), дело которого в 1928–1929 годах активно обсуждалось в газетах. 16 августа 1928 года Любарский застрелил в трамвае Р. С. Шапошникова, заместителя начальника Политического управления РККА. По словам 18-летнего Любарского, признанного медицинской экспертизой психически невменяемым, выстрел был связан с неудачной попыткой самоубийства, после которой он решил «убить кого-нибудь из руководителей государства, чтобы наверняка быть расстрелянным». Выбор пал на Шапошникова, потому что «он был военный с большим количеством ромбов». 18 августа Любарский добровольно явился в ОГПУ и признался в убийстве. В ходе следствия была «раскрыта» «террористическая организация», по делу которой 12 июня 1929 года было расстреляно 12 человек: сам Любарский, его родственники и друзья. Лев Любарский реабилитирован 19 сентября 1991 года. Дело Л. Г. Любарского находится в Центральном архиве ФСБ России. См.: *Смолич А.* Трагедия семьи Любарских // https://amsmolich.livejournal.com/282906.html; дата обращения: 31.10.2020.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-206-213

© *А. В. Сысоева*

«ТЕМУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕЛЬЗЯ СДАВАТЬ В АРХИВ»: ОБ ОТНОШЕНИИ ЛБО ЛОКАФ К ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ МАКСИМА ГОРЬКОГО*

Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ) представляло собой структуру, соединившую черты государственного проекта, подконтрольного политическому управлению армии, и собственно литературной организации. Объединение призывало профессиональных писателей обратиться к оборонной тематике и занималось обучением начинающих красноармейских и краснофлотских авторов. Руководители организации приглашали для консультаций и лекций специалистов из Военно-политической академии, выпускали статьи, в которых разъяснялись идеологические установки партии по военному вопросу. Успешность организации привела к ее быстрому росту и к тому, что она максимально безболезненно пережила появление Союза писателей и перевоплотилась в его Оборонную комиссию с прежними задачами и бóльшими возможностями.

Объединение разрабатывало среди прочих тему Гражданской войны (что было упомянуто в уставе организации). Появление в этот же период поддержанного государством и инициированного Максимом Горьким проекта по изданию «Истории Гражданской войны» делало, кажется, неизбежным их сотрудничество.

Д. С. Московская отметила, что этот издательский проект вывел «на первый план военно-оборонную тематику как мощное политико-воспитательное средство».[1] И это отношение к историческому материалу идентично подходу ЛОКАФ к оборонной литературе.

Горький был заочно избран в Президиум Ленинградско-Балтийского отделения (ЛБО) организации. Отделение посылало «активнейшему локафовцу» приветственные письма и телеграммы, просило делиться замечаниями по поводу ежемесячника «Залп», который обещали регулярно отправлять писателю.[2]

Милитаристская атмосфера эпохи, политическая ситуация внутри страны и на международном уровне оказали значительное влияние на тематику художественных произведений, появление «Истории Гражданской войны» и ЛОКАФ. В то же время нельзя говорить о равнозначности этих организаций. 30 июля 1931 года на заседании ЦК ВКП(б) было сформировано Постановление «Об издании „Истории гражданской войны“», 31 июля оно было опубликовано вместе со статьей-обращением Максима Горького «Участникам Гражданской войны».[3] В Постановлении перечислен состав главной редакции издания: в нее, помимо М. Горького, входили члены Политбюро ЦК и члены ЦК А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, Я. Б. Гамарник, С. М. Киров, В. М. Молотов,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00104 «„Задача писателя — укрепление обороноспособности страны“: институализация военной литературы в Ленинградско-Балтийском отделении Литературного объединения Красной армии и флота»), ИРЛИ РАН.

[1] *Московская Д. С.* История Гражданской войны в зеркалах памяти и документах // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018. С. 7.

[2] Ленинградско-Балтийское отделение. Первая конференция. Заседание третье // ИРЛИ. Ф. 498 (ЛБО ЛОКАФ). Фонд находится в научно-технической обработке.

[3] Постановление ЦК ВКП(б) «Об издании „Истории гражданской войны“» // Известия. 1931. № 209. 31 июля. С. 2; *Горький М.* Участникам Гражданской войны // Там же. Об истории проекта см. подробнее: *Быстрова О. В., Закружная З. С., Московская Д. С.* «История Гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. С. 15– 31; «История гражданской войны в СССР» (1935): история текста и текст истории / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер; под науч. ред. М. П. Ирошникова. М., 2017.

И. В. Сталин. Такой состав неизбежно подчинял работу литературной организации над темой Гражданской войны издательскому проекту. Как отметил в своем выступлении 12 февраля 1932 года критик объединения С. Рабинович, «нет ни одной другой темы локафовского порядка, об огромном значении которой мы имели бы специальное указание директивных органов нашей партии».[4] Намерение использовать в проекте ЛОКАФ было заявлено на одном из первых обсуждений издания у Горького 10 августа 1931 года.[5]

В Постановлении шла речь о «сборниках научно-исторических статей и литературно-художественных произведений».[6] Характер участия писателей в историческом проекте активно обсуждался на заседаниях организаторов издания. Этот вопрос был поднят и критиком ЛБО ЛОКАФ С. П. Варшавским, который определил роль писателей как равную роли историков. Он говорил о принципиальном объединяющем значении «идеологии, одной из форм которой является художественная литература», при этом разницу между историком и художником видел в «форме выражения единой идеологии»; в лучших работах «историк сливается в одном лице и в одном произведении с художником».[7]

Отделение сразу же отреагировало на призыв помочь Горькому. Ответственный секретарь ЛБО Н. Г. Свирин обратился 8 августа 1931 года в Центральный совет организации с вопросами, куда отправлять собранные воспоминания, каков план издания, сколько предполагает листов, «сколько из них художественных? Какие намечены произведения по художественной части?». В письме от Центрального совета были подчеркнуты два ответа. Судя по вопросительному знаку на полях, недоумение вызвал отклик: «Пока еще нет необходимости оформлять какой-нибудь координирующий центр на местах. Возьмите в свои руки инициативу и собирайте необходимый материал», — высказанный на предложение ЛБО о координации работы на местах: «Нам думается, должны быть созданы филиалы центр<альной> редколлегии из представителей военн<ых>, научных и литорганизаций». Второе подчеркивание маркировало ответ на вопрос о том, можно ли на местах «создавать спец<иальные> серии для выпуска литературы о гражданской войне»: «Работа комиссии Горького по изданию „Истории гражданской войны“ не должна ограничивать деятельность ЛОКАФ по выпуску литературы о гражданской войне».[8] Эта переписка уточняет хронологию взаимодействия организации с проектом Горького. Согласно обсуждениям теоретиков и руководителей ЛОКАФа, изложенным З. С. Закружной, участие организации в проекте Горького сначала виделось в работе с воспоминаниями очевидцев, затем — в создании художественных произведений, которые преследуют цель «идеологическую, воспитательную, уже не связанную с историей и реальными событиями прошедшей войны».[9] Обе линии работы были намечены сразу. А для координации деятельности на местах были сформированы комиссии содействия изданию «Истории Гражданской войны».

Уже в октябре 1931 года ЛБО обращалось в редакцию многотомника с просьбой сообщить о судьбе отправленных туда рукописей, а в ноябре составило прошение о допуске члена организации к архивным материалам для работы над историей

---

[4] *Рабинович С.* Доклад на Втором Всесоюзном Пленуме ЛОКАФ («Гражданская война и художественная литература») // ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 37. Л. 1. «Локафовского порядка» исправлено на «в оборонной художественной литературе», «директивных органов» зачеркнуто.

[5] Труды редколлегии «Истории Гражданской войны» в архивных документах / Сост. и публ. Д. С. Московской, подг. текста Н. В. Петровой // Историография Гражданской войны в России. С. 73.

[6] Постановление ЦК ВКП(б) «Об издании „Истории гражданской войны“». С. 2.

[7] *Варшавский С.* Борьба продолжается // Залп. 1932. № 2. С. 38, 41.

[8] ЛБО ЛОКАФ. Переписка с ЦС ЛОКАФ // ИРЛИ. Ф. 498.

[9] *Закружная З. С.* Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 175. Описание документов ЛОКАФ, связанных с проектом, см.: *Закружная З. С.* История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 237–246.

Гражданской войны. В программу литературных кружков, разветвленная сеть которых функционировала под руководством ЛОКАФ, была включена тема «Создание „Истории гражданской войны“ и гражданская война в художественной литературе»,[10] так как объединение понимало, что кружки играют ведущую роль в деле сбора материалов для горьковского издания. Кружковцам предлагалось выявлять участников Гражданской войны, записывать их воспоминания, создавать истории частей. Сохранился проект плана книги по истории Артиллерийской школы. Стоит отметить, что наиболее полно в проекте была описана текущая ситуация в школе, а из четырех целей сборника всего одна затрагивала освещение темы Гражданской войны. Работы, выполненные кружками, не были опубликованы.

Рассмотрим, какой творческий вклад был внесен в проект членами отделения, писателями.

Значимой для ЛОКАФ книгой оказалась работа о Гражданской войне П. И. Ипполитова[11] «Перекоп», выпущенная в организованной ЛБО серии «Литература и война» Государственного издательства художественной литературы. Секретариат организации 1 апреля 1931 года просил прислать произведение на отзыв в Москву: «Первая ведь, ЛОКАФом созданная вещь. Надо отпраздновать, как следует».[12] Ипполитов с натуралистическими подробностями описывал болезни, недостатки обмундирования и вооружения красных, которые зачастую приводили к большим потерям. Автор не идеализировал ни войну, ни главного героя: попав в плен, герой сумел скрыть, что является большевиком, и выжил. Подзаголовок «роман-хроника о двадцатом годе» подчеркивал документальность произведения. В рецензии, помещенной в «Залпе», «суровая скупость книги» была отмечена как ее несомненное достоинство. В то же время стремление Ипполитова приблизить текст к мемуарам критиком порицалось; по его мнению, из-за этого автор допустил ряд ошибок, изображая единичные, не вписывавшиеся в уже сложившуюся картину Гражданской войны случаи. Такой тезис рецензента оставлял нерушимым миф о Гражданской войне и в то же время позволял частично оправдать автора, сохраняя отзыв скорее положительным, несмотря на перечисленные серьезные ошибки: автор не показал влияние партии, политическую сознательность бойцов, которые даже «не задумываются над целями и смыслом той борьбы, которую ведут», более того, допустил осуждающую решение партии реплику красноармейца, что зря «трудармию повыдумали» (конечно, рецензент разъяснил, почему боец не прав), и пр. Также спасло ситуацию появление еще одного героя, который действовал согласно идеалам красных без колебаний, в противовес повествователю, отличавшемуся «интеллигентским малодушием».[13] Книгу с интересом читали красноармейцы, она была переиздана в 1932 году. Так что победила документальность, а не идеологическая выверенность.

Роман вышел в свет до официального объявления о проекте Горького, а вот второе произведение Ипполитова о Гражданской войне, повесть «Товарищи петроградцы», было издано в серии «Литература и война» в 1932 году. Тексты отличаются местом действия, но похожи установкой на документальность и фигурой главного героя. Автор, вероятно, прислушавшись к критике, добавил в бытовые разговоры рассуждения о политике. Герой только начал службу в действующей армии, и его страх быть убитым или убить показан ярче, чем в первой книге. Это произведение было оценено менее благосклонно. Документальность текста новым рецензентом не воспринималась как смягчающее обстоятельство; подчеркивалось, что мемуарист, хотя и является коммунистом, обладает «нехарактерными для массы коммунистов-бойцов чертами». В за-

---

[10] Программы литературных кружков // ИРЛИ. Ф. 498.

[11] Ипполитов Павел Иванович (1899 — после 25.04.1947) — член литературной группы «Красная Звезда», ЛБО ЛОКАФ, Союза советских писателей. Публиковался в журнале «Залп». Были изданы его роман-хроника «Перекоп» (1931) и повесть «Товарищи петроградцы» (1932). Роман «Лишние люди» остался неопубликованным. Творческие планы были связаны с оборонной тематикой (повесть «Корабельщики», рассказы о современной Красной армии).

[12] Письмо секретариата ЛОКАФ в ЛБО ЛОКАФ // ИРЛИ. Ф. 498.

[13] *Витин Н.* «Перекоп» П. Ипполитова // Залп. 1931. № 4. С. 53–56.

ключение критик от оценки героя перешел к оценке личности автора, увидев причину неудачи в том, что «на многое он смотрит все еще с позиций растерянного и ошеломленного мелкобуржуазного интеллигента», еще одним важным ограничением посчитав «узость» таланта, художественного мастерства.[14] Более мягко оценена была книга ведущим теоретиком отделения Свириным: правдивость названа ее сильной стороной, отмечено стремление перерасти «Перекоп» в идеологическом плане. В то же время рецензент указал на то, что сознательность бойцов описана недостаточно полно, рассуждения о классовой ненависти выглядят искусственно, а также упрекнул в небрежности работы в целом.[15] Но и эта повесть была запланирована до призыва помочь проекту Горького, — она упоминалась автором как находящаяся в работе еще в анкете, заполненной 30 мая 1931 года.[16]

Традиционно быстро реагировал на запросы времени один из руководителей ЛБО Вс. Вишневский. Еще до образования объединения он выпустил имевшую успех пьесу «Первая конная» (1929), которую автор позиционировал как художественный ответ «Конармии» И. Бабеля. Эти произведения сопоставлялись в разных вариантах программы литературных локафовских кружков при разборе показа темы Гражданской войны пролетарским писателем и попутчиком. Замысел популярной, до сих пор привлекающей внимание режиссеров пьесы «Оптимистическая трагедия» появился у Вишневского в январе 1932 года, она была написана в августе 1932 года, опубликована в 1933 году.[17] Пьеса стала самым известным произведением локафовца о Гражданской войне, выпущенным после расформирования объединения, но созданным во время его работы.

Большое число произведений о Гражданской войне вышло в свет на следующий год после прекращения деятельности организации. В статье, подводящей итоги 1933 года, в журнале «Залп» были перечислены 15 книг о Гражданской войне, в том числе произведения ленинградских авторов: помимо «Оптимистической трагедии» Вишневского и «Товарищей петроградцев» Ипполитова, это «Песчаный брод» И. Зельцера, «Князь Мстислав удалой» И. Прута, «Падение Кимас-озера» Г. Фиша.[18] В этом же году должен был выйти первый том «Истории Гражданской войны». Популярность темы объясняется празднованием 15-летия Красной армии. Годовщине была, в частности, посвящена пьеса Вишневского.[19]

Отчетные статьи в журнале «Залп» (в 1931 году было отмечено «недостаточное участие в создании истории гражданской войны», в 1932-м сказано, что произведения есть, но, в отличие от других разрабатывавшихся тем, ни одно не названо, в 1933-м этот список появился[20]) демонстрируют рост числа произведений о Гражданской войне. Однако появление названных текстов скорее связано с празднованием 15-летия Красной армии и обсуждениями в печати «Истории Гражданской войны», чем с целенаправленной деятельностью отделения по привлечению писателей к работе в русле проекта Горького.

---

[14] *Голубь П.* «Товарищи петроградцы» Ипполитова // Залп. 1933. № 2–3. С. 63, 66.

[15] *Свирин Н.* Литературный дневник // Залп. 1933. № 4. С. 63, 64.

[16] ЛБО ЛОКАФ. Анкеты членов организации // ИРЛИ. Ф. 498.

[17] *Гайдовский Г.* Примечания // Вишневский Вс. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 1. Пьесы 1929–1950 гг. С. 574–575.

[18] [Б. п.]. Некоторые итоги литературного года, задачи оборонного писателя и массового литдвижения в РККА // Залп. 1933. № 11. С. 4. Была названа также поэма Н. Брауна «Мюнхен», в которой речь идет о гражданской войне в Германии, так что к проекту Горького она отношения не имеет.

[19] Тема войны пронизывает все произведения Вишневского, в его дневниках так выражено отношение к Гражданской войне: «О, моя родная юная гражданская война!» (*Вишневский Вс.* Записные книжки. 1939 год // Вишневский Вс. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 6 (Дополнительный). Выступления и радиоречи. Записные книжки. Письма / Сост. тома, подг. текстов и прим. С. К. Вишневецкой. С. 282).

[20] [Б. п.]. За решительную перестройку // Залп. 1931. № 12. С. 2; [Б. п.]. Два года работы // Там же. 1932. № 11–12. С. 3; [Б. п.]. Некоторые итоги литературного года, задачи оборонного писателя и массового литдвижения в РККА.

Единственное произведение, на формирование замысла которого оказало влияние обсуждение готовившегося многотомника, — книга локафовца Г. С. Фиша «Падение Кимас-озера». Автор, собирая материал, опросил участников лыжного рейда интернациональной школы в Карелии и обработал их воспоминания. Во время обсуждения книги на литературном декаднике Оборонной комиссии Ленинградского отделения Оргкомитета Союза писателей Фиш сообщил, что толчком для работы послужила газетная статья, выпущенная осенью 1931 года, вскоре после постановления о проекте Горького.[21] В ней шла речь об этом рейде и о необходимости написать историю Гражданской войны для молодежи. В то же время эта книга была подготовлена писателем не по заданию ЛБО ЛОКАФ: автор работал над ней в ходе организованной Ленинградским отделением Государственного издательства художественной литературы поездки писательской бригады в Карелию, так что в случае с этим произведением отделение включилось только на стадии обсуждения опубликованного текста.

Наличие у ЛБО собственного печатного органа, ежемесячника «Залп», позволяло оперативно реагировать на новые обстоятельства, в нем публиковались критические статьи, очерки, стихотворения, рассказы, в том числе кружковцев, и результаты работы над проектом могли найти отражение в этом издании.

В следующем за Постановлением месяце вышел номер с тремя текстами об интересующем нас периоде. Журнал продолжил публикацию работ участников военизаторских курсов,[22] в том числе в номер вошел рассказ В. Ганибесова, созданный во время военно-писательской игры, материал для рассказа — Гражданская война — был оговорен в задании. В этом же номере был опубликован перевод зарисовки А. Барбюса о русских солдатах, попавших во время мировой войны за границу и желавших вернуться в Россию, чтобы бороться на стороне красных во время Гражданской войны. Теме Гражданской войны было посвящено также рассмотренное П. Федотовым произведение С. Колбасьева «Салажонок». В сентябрьском номере об этой теме говорилось только в рецензиях, журнал стремился следить за всей литературой военной тематики. Более того, в этом же номере в связи с разбором творчества членов литературных кружков было высказано замечание, свидетельствовавшее о том, что рассматриваемая тема находилась на вторых ролях: «Не отрицая того, что показ армии мирного периода имеет первенствующее значение, нужно отметить, что тему гражданской войны нельзя сдавать в архив».[23] В этом же журнале дано объявление о первом Всесоюзном конкурсе ЛОКАФ «на лучшую повесть, рассказ, очерк, стихи, пьесу, инсценировку о современной Красной армии и флоте»,[24] т. е. уже после начала подготовки «Истории Гражданской войны» ЛОКАФ организовывал работу в другом направлении.

В следующих номерах 1931 года тема появилась в одном тексте на весь выпуск. Впервые именно о необходимости содействия ЛОКАФ проекту Горького речь зашла только в январском номере 1932 года, издательский проект упоминался также в февральском и мартовском выпусках. После интерес к проекту в журнале не проявлялся, с апреля по август не было опубликовано ни одного художественного или критического текста в связи с темой Гражданской войны, и журнал вернулся к неторопливым темпам разработки темы.

Таким образом, ежемесячник откликнулся на проект критическими статьями с призывами тему разработать. Но заявление Варшавского: «на участке оборонной

---

[21] Оборонная комиссия Ленинградского отделения Оргкомитета Союза советских писателей. Литдекадники. Стенограммы заседаний // ИРЛИ. Ф. 498.

[22] Подробнее об этом см.: *Сысоева А. В.* Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 123–134; об организации игры: *Сысоева А. В.* Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями // Русская литература. 2019. № 4. С. 159–165.

[23] *Витенсон М., Танина Э.* Итоги творческого смотра низовых локафовских кружков // Залп. 1931. № 9. С. 47.

[24] Объявление о конкурсе // Там же. С. 52.

литературы, на участке литературы о Гражданской войне — ЛОКАФ принимает бой»[25] — не было подкреплено творческими итогами.

Работа над другими проектами показывает, что отделение могло быстро и результативно направлять творчество профессиональных и начинающих писателей в заданное русло. Так, в один год с Постановлением о проекте Горького политическими управлениями армии и флота была дана задача написать новую краснофлотскую и красноармейскую песню. Объявление о конкурсе, появившееся 17 февраля 1931 года, было приурочено к 13-й годовщине Красной армии. На конкурс было прислано около 300 песен разного художественного уровня. В июле была завершена корректура сборника «Песня бойцу»,[26] состоявшего из шести премированных песен, в августовском номере «Залпа» вышла четвертая часть сценария фильма «Песнь», одной из задач публикации было «дать музыку к тексту Н. Тихонова, премированному на конкурсе красноармейской песни».[27] В следующем, 1932 году был издан сборник «Шагай да шагай»,[28] также включавший присланные на конкурс песни. Работа над созданием новых песен в короткие сроки завершилась публикацией.

Издание сборников на случай было распространенным явлением. В 1933 году вышло в свет несколько коллективных изданий, посвященных Гражданской войне: «В огне Гражданской», «В огне революции. Сборник воспоминаний комсомольцев, участников гражданской войны» и др.[29] Такие книги выходили в период функционирования организации. В 1931 году в Ленинграде и в 1932 году в Москве были подготовлены одноименные издания «Красная армия».[30] Однако оба сборника были наполнены текстами о современной армии и флоте, только в первой книге малая часть текстов посвящена Гражданской войне. Не приняла организация участия в инициированном горьковским проектом сборнике материалов об октябрьских событиях в Петрограде. В марте 1933 года, когда издание готовилось, на совещании издателей «Истории» было сказано, что Оборонная комиссия еще никакой помощи проекту не оказала.[31] Горький сам посылал письма с просьбами написать воспоминания для сборника.[32] Книга вышла в 1937 году, во вступлении отмечено, что материалы собирались Ленинградским отделением редакции «Истории фабрик и заводов».[33]

Таким образом, при провозглашенном интересе к теме и стремлении помочь издательскому проекту Гражданская война осталась на периферии внимания руководителей отделения, а позже и Оборонной комиссии. Такая ситуация сложилась под влиянием нескольких факторов.

Некоторое сомнение мог вызывать у отделения состав задействованных в проекте писателей. Конечно, кандидатура Вишневского как участника работы над 7-м и 8-м томами[34] должна была ЛБО ЛОКАФ устроить (об этой выдвинутой Горьким кандидатуре

---

[25] *Варшавский С.* Борьба продолжается. С. 46.

[26] Песня бойцу. Л., 1931.

[27] [Б. п.]. От редакции // Залп. 1931. № 8. С. 25.

[28] Шагай да шагай. М.; Л., 1932.

[29] В огне Гражданской / Под ред. А. Шишко. М., 1933; В огне революции: Сб. воспоминаний комсомольцев, участников гражданской войны / Под ред. Л. Гурвича. [М.], 1933.

[30] Красная армия. Художественно-литературный сборник / Сост. В. Вальдман. Л.; М., 1931; Красная армия. Литературно-художественный альманах к XIV годовщине РККА / Отв. ред. А. Лейтес. М.; Л., 1932.

[31] Труды редколлегии «Истории Гражданской войны» в архивных документах. С. 110. В одном из номеров журнала вышла близкая сборнику по тематике публикация: В борьбе за Октябрь. Воспоминания рабочих путиловцев — участников октябрьских событий // Залп. 1932. № 11–12. С. 61–69.

[32] Письма А. М. Горького к участникам проекта «История Гражданской войны» / Сост., подг. текста и публ. О. В. Быстровой // Историография Гражданской войны в России. С. 137, 138, 140, 141.

[33] [Б. п.]. От издательства «История Гражданской войны» // В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. М., 1937. С. 1.

[34] Темы, согласно плану, сданному в набор уже 4 августа 1931 года, «Деникинщина» и «Война с белополяками» ([Б. п.]. Оглавление всех томов «Истории Гражданской войны» // История гражданской войны. Проект плана издания. М., 1931. С. 10), в плане 1932 года — «Деникинщина» и «Борьба за Петроград и интервенция на Севере» (История Гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией. М., 1932. С. 7).

было сообщено в ноябре 1931 года в письме Гамарника Сталину).[35] Но творчество члена художественной редакции Всеволода Иванова в журнале «Залп» было охарактеризовано как «враждебные произведения, разрабатывающие с чуждых нам классовых позиций тематику Гражданской войны».[36]

Свой вклад в слабую связь между организацией и издательским проектом внесла также позиция издателей «Истории» — им было достаточно присланных от участников событий материалов, к литературным организациям не предъявлялись конкретные требования, так что роль их в проекте так и осталась непроясненной. Первый том должен был выйти в 1933 году, к годовщине Красной армии, но выпущен был в 1935 году. Сталин разбил подготовленную книгу на два тома (вместо подзаголовка «Октябрь» появились «Подготовка Великой пролетарской революции» и «Великая пролетарская революция»). Второй том вышел уже после смерти Горького. Замысел издания был подвергнут значительной переработке, так что его удалось выпустить в пяти томах вместо запланированных четырнадцати (в 1932 году уже шестнадцати). Изменение замысла произошло после передачи проекта в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, издание было завершено только в 1960 году, когда ситуация в стране и мире значительно изменилась. Горьковскими в издании были первые два тома, в следующих не указаны ни он, ни Сталин. Так что, хотя название проекта осталось прежним, в том виде, в каком он задумывался Горьким, он завершен не был, не получилось и «до новой войны издать историю старой».[37]

Наконец, определило неготовность поддержать разработку темы уже сложившееся в ЛБО отношение к ней как ко второстепенной. Такой подход ярко проявился в тематике журнала «Залп». В первом номере нет ни одного произведения о Гражданской войне, эта тема не поднимается и в критических статьях. Произведения о Гражданской войне или рецензии на них встречаются изредка, не в каждом выпуске. Главная тема журнала — современные армия и флот.[38] Предшественник ежемесячника — литературно-художественный сборник красноармейского творчества «Первый Залп» — открывался программной статьей Свирина с названием «Нетронутая целина», относящимся к теме современной Красной армии. Материал завершался словами: «И если, наконец, этот сборник хоть отчасти заполнит зияющий пробел, осветив некоторые стороны жизни Красной армии — авторы будут считать, что работа проделана ими не впустую».[39] И в статье, подводящей итоги 1933 года (года, когда журнал стал печатным органом не ЛБО ЛОКАФ, а Ленинградского оргкомитета Союза советских писателей), было подчеркнуто, что «основной наш тематический участок — *современная Красная армия*».[40] Так что ранжирование военных тем по их значимости не изменилось со временем: на первом месте стояла современная армия и флот. Разработка этой темы постоянно и целенаправленно организовывалась отделением: писателей отправляли на маневры, в части и на корабли, с ними заключали контракты на создание произведений нужной тематики; ЛОКАФ проводил творческие конкурсы, которые привлекали не только профессиональных писателей, но и любителей; при ЛБО была организована литературная консультация, работавшая с красноармейцами и краснофлотцами; при военных школах, в частях и на кораблях

---

[35] [Б. п.]. Документы по созданию «Истории гражданской войны» // «История гражданской войны в СССР». С. 514.

[36] *Варшавский С.* Борьба продолжается. С. 45.

[37] Эта цель заявлена в нескольких письмах Горького. Например, к К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову (Письма А. М. Горького к участникам проекта «История Гражданской войны». С. 144).

[38] В московском журнале организации «ЛОКАФ» (с 1933 — «Знамя») ситуация складывалась иначе: произведения на тему Гражданской войны появлялись регулярно, могли занимать около половины листажа выпуска, одно из них даже открывало первый номер издания. Московские локафовцы участвовали в обсуждениях проекта Горького, в работе секретариата издания.

[39] *Свирин Н.* Нетронутая целина // Первый Залп. Литературно-художественный сборник красноармейского творчества. Л., 1930. С. 4.

[40] [Б. п.]. Некоторые итоги литературного года, задачи оборонного писателя и массового литдвижения в РККА. С. 3.

действовали литературные кружки. Значительно меньше внимания уделялось теме Гражданской войны.

Организация изначально была создана при участии политического управления армии. Стояла задача воспитательной работы с призывниками и обучающимися командирами, во вторую очередь внимание обращалось на формирование лояльности населения к армии. Тема Гражданской войны на фоне таких задач выглядела менее актуальной.

Издатели же «Истории» говорили о своевременности обращения к теме. По мнению исследователей, рассматривавших первый том издания, новый подход к истории в проекте заключался в том, что актуализировалась «идея абсолютной гражданской войны как мирового явления, как постоянного состояния общества».[41] С точки зрения Горького, Гражданская война еще не была завершена, а крестьянство оставалось «питательной почвой для гражданской розни».[42] Проект Горького был адресован широкому кругу читателей, в первую очередь крестьянству, сопротивлявшемуся нововведениям советской власти. Произведения ленинградских локафовцев и журнал «Залп» обращались к иной целевой аудитории, прежде всего к красноармейцам и краснофлотцам. Так что проект и отделение работали с разными темами и разными аудиториями. И именно тот факт, что ЛБО только формально включилось в поддержанный партией издательский проект, говорит о неизменности и неслучайности в выборе главной темы отделения. Его руководители работали над пополнением советской оборонной литературы произведениями о современных армии и флоте, а тему Гражданской войны готовы были сдать в архив.

[41] *Зеленов М. В., Бранденбергер Д.* Оформление идеи постоянной революции и гражданской войны. «Проект плана издания. История гражданской войны». Лето–осень 1931 г. // «История гражданской войны в СССР». С. 11.

[42] *Быстрова О. В., Закружная З. С., Московская Д. С.* «История Гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции. С. 18.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-213-224

© *А. Б. Бильдюг,* © *А. И. Васкул,* © *Н. Г. Комелина*

«ПАМЯТЬ МЕСТА»: ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ В РАССКАЗАХ ОБ АНУФРИЕВСКОМ СКИТЕ НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ*

Первые упоминания об Ануфриевском ските, располагавшемся в верховьях р. Койда и по берегам Койдозера, относятся к началу XVIII века.[1] Скорее всего, его основателем был старец Ануфрий, бежавший при разгроме старообрядческого центра на р. Керженец. В 1847 году скит получил официальное название Ануфриевский выселок, с этим названием он и просуществовал до 1980-х годов, когда его покинули последние жители.[2]

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты», № 17-78-20194.

[1] Известно, что в других деревнях Зимнего берега существовали старообрядческие скиты. Например, недалеко от д. Ручьи был Игнатьевский скит, но рассказов и воспоминаний о нем нам не удалось записать. Историю этого скита см.: *Окладников Н. А.* Поборники древлего благочестия. Архангельск, 2012. С. 185–192.

[2] История Ануфриевского скита затрагивается в следующих работах: *Ивановский А. А.* Страничка из истории раскола в Архангельской губернии. (Ануфриевский скит) // Архангельские губернские ведомости. 1912. Ч. неоф. 15 мая. № 10. С. 264–271; *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона.

Рассказы о жизни Ануфриевского выселка в последние годы его существования нами были записаны во время фольклорно-археографических экспедиций Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН от жителей с. Койда в 2014, 2016 и 2018 годах.[3] Всех информантов, которые сообщили сведения о ските, можно разделить на две группы: прихожане старообрядческой общины с. Койда[4] и «келейные», семья последних жителей Ануфриевского выселка.[5] С точки зрения жанровой природы и удаленности по времени от момента нашего разговора в нарративах о ските выделяются, во-первых, рассказы о посещении Келий, содержащие описания природных и культурных объектов, во-вторых, биографические нарративы, характеризующие кельи как дом, в-третьих, предания, легенды.

Причинами особого внимания к прошлому в XX столетии стали ностальгия и травма.[6] Французский историк П. Нора ввел понятие «места памяти».[7] Работы А. Ассман[8] и П. Нора демонстрируют огромный интерес наших современников к прошлому. Память может концентрироваться в определенных местах, праздниках, ритуалах и пр.[9] Согласно концепции М. Хальбвакса,[10] зафиксированные в наших экспедициях биографические нарративы и рассказы о посещении келий относятся к актуально-оперативной или «коммуникативной» памяти, а предания, легенды и устно-исторические нарративы о старцах — к памяти о далеком прошлом или «культурной» памяти.

Архангельск, 1999. С. 439–464; *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII в. // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003. С. 102–115; *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30–40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 74–83; *Окладников Н. А.* Поборники древлего благочестия. С. 172–185; *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016. С. 130–134; *Васкул А. И.* «Живите. Бог благословит»: о браках насельников старообрядческого Ануфриевского скита Зимнего берега Белого моря (по материалам архива Русского географического общества) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2018. Вып. 11. С. 318–329; *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря // Русская литература. 2019. № 4. С. 52–63, и др.

[3] С 2007 года авторы настоящей статьи практически ежегодно бывали в экспедициях в различных населенных пунктах Зимнего берега Белого моря, подробнее о поездках см.: *Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Васкул А. И., Комелина Н. Г.* Обзор фольклорных и археографических экспедиций Пушкинского Дома 2008–2013 годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3. С. 215–224.

[4] В 1910-е годы после издания манифеста о веротерпимости староверами-поповцами австрийского согласия в Койде была построена Никольская церковь. После закрытия храма в 1930-е годы местные старообрядцы имели тесные контакты с общиной белокриницкого согласия, располагавшейся в Орехово-Зуеве, поскольку именно там в 1940-е годы продолжил свою службу последний старообрядческий священник с. Койда И. М. Сахаров.

[5] Во время Великой Отечественной войны на фронт ушли два брата, и женщины с детьми переехали жить в Койду. Однако еще в 1980-е годы там проживал один из членов семьи, он снимал метеорологические показания, охотился и рыбачил, изредка наведываясь в Койду. Он же был нашим ключевым информантом. Его интервью дополнены разговорами с родственниками.

[6] См.: *Ушакин С.* Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 603–639; Травма: пункты. Сб. статей / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М., 2009.

[7] *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

[8] *Ассман А.* Трансформация нового режима времени / Пер. В. Кучерявкин // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. М., 2014. Т. 1. С. 16–31.

[9] На русском материале исторической памяти посвящено множество работ, например: *Gessat-Anstett E.* Identity Territories and Russian Family Memories // Ethnology Francaise. 2002. Vol. 32. № 1. P. 133–148; *Власов А. Н.* «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. М., 2015. С. 70–82; *Мельникова Е.* Финские кладбища в России: кросс-граничные группы памяти и новый моральный порядок // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 11–40, и др.

[10] *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.

Различные аспекты исторической памяти у старообрядцев нашли отражение в работах А. А. Пригарина[11] и Н. С. Душаковой.[12] Сопоставительный материал представляют работы о Великопоженском ските на р. Пижма[13] и скитах в Сибири.[14]

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые сюжеты и мотивы, выделенные нами в рассказах об Ануфриевском ските. Местные жители воспроизводят исторические нарративы, в которых по-разному пересобирается история места, включающая легендарные сюжеты о первых поселенцах и быте насельников скита, богатстве староверов, эсхатологические мотивы накладываются на рассуждения об упадке поморских деревень. В терминологии А. Ассман, причиной рассказывания о Кельях становится ностальгия, нежели травма.

Кто такие «старцы»: первые насельники и/или святые?

Общими для большинства нарративов о переселении старообрядцев, в том числе и в рассказах о возникновении Ануфриевского скита, являются сюжеты о том, что люди вынуждены были скрываться от реформ патриарха Никона:[15] «Жители заселилися в Кельи, когда они бежали от Никона, от щепоти. <...> И они бежали, наверное, <...> с Новгорода, с Великого Новгорода и, наверное, с Нижнего Новгорода».[16] В приведенном фрагменте интервью информант подтверждает исторические сведения о том, что первые жители скита бежали с Керженца, а также упоминает Великий Новгород, что объясняется распространенной теорией о колонизации Русского Севера новгородцами.

Рассказы, возводящие название скита к имени основателя — старца Ануфрия, соотносятся с топонимическими преданиями, в которых происхождение названий населенных пунктов связывается с именами основателей: «Он первый заселялся. <...> Ануфрий. И вот с этого все Кельи эти по его имени так и названы».[17] Как пишет

---

[11] *Пригарин А. А.* «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 4. С. 116–148.

[12] *Душакова Н. С.*: 1) В чем виноват Никон, или роль современных нарративов о расколе в поддержании старообрядческой идентичности // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 12–20; 2) Антропология городского пространства: старообрядческий Тирасполь в воспоминаниях и практиках // STRATUM. 2019. № 6. С. 369–405; 3) Память запечатленная: предметы «старины» в нарративах старообрядцев // Живая старина. 2019. № 1. С. 5–7. Биографическому повествованию в старообрядческой среде посвящен сборник «О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI века» (М., 2012).

[13] *Канева Т. С., Матвеева Л. Е.* Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2005. Т. 2. С. 234–240; *Дронова Т. И.* Легенды и предания о местночтимых святых и поклонных местах Пижемского края (по материалам исследований нижнепечорских староверов-беспоповцев) // Рябининские чтения — 2007. Петрозаводск, 2007. С. 33–35; *Канева Т. С.* История Усть-Цилемского края в устной традиции (по результатам системного описания) // Первые Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009. С. 116–124.

[14] *Рыговский Д. С.* Ритуальная наррация: практики трансляции памяти о сакральном ландшафте // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 4. С. 150–161; *Стороженко А. А.* Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 4–15.

[15] Предания о «бежавших от щепоти» старообрядцах также записаны и в других деревнях Зимнего берега, см.: *Дранникова Н. В.* Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 года). Архангельск, 2002. С. 83–92. Текст, записанный в Усть-Цилемском районе Республики Коми: «Когда Никон-патриарх гонил из веры, тогда эти набожные люди сбегали туда» (*Канева Т. С.* Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 427).

[16] Цифровой фонд Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — FA DF). FA DF 905. A003–01.

[17] FA DF 905. A027–01.

А. И. Леонтьев, первое упоминание названия Ануфриевский скит встречается в исторических документах в 1744 году.[18]

Память о насельниках скита сохранилась в названиях небольших пустыней, из которых он состоял:[19] Нифонтово, Борисово/ы, Пашенькина поляна, Минодорины, Николаевская поляна, Святые отцы и др. Необходимо отметить, что в настоящее время место, где располагался скит, жители Койды называют Кельи, таким образом, в современной памяти актуализируется собирательное наименование, связанное с жившими в отдельных сельбищах старообрядцами.

Особенным местом в структуре скита выступают Святые отцы, где находятся гробницы основателей и наставников келий: «Ну, там они, они... вот эти вот святые, как домик такой, ну, как, прямоугольный, и там крыша такая, вот они такими домиками. [Надгробия так сделаны, домики и крыша?] Да-да-да».[20]

В рассказах наших информантов сохранилось описание устройства одной из гробниц, от которой происходил «колокольный» звон, производимый за счет стука колом: «В этой гробнице еще был такой кол. <...> Кол он вот как эти, как помпа такая накачанная. Почему-то ему вот это самое делали, и звон такой был такой, как колокольный из гробницы. <...> Вот я, дак, хорошо помню, как-то вот так его поднимали и там че-то как звон такой вот, какой-то глухой такой вот. <...> И так, как эхо такое раскатистое».[21] Схожий сюжет встречается в преданиях о провалившихся церквях и колокольном звоне, доносящемся из-под земли при определенных действиях.[22] Кроме того, в деревне Родома Мезенского района отмечаются похожие практики: пришедший на кладбище звонит в колокол или стучит по могильному кресту палкой. Этими действиями гости сообщают покойным о своем приходе и «будят» их.[23]

По словам жителей с. Койда, на гробницах сохранились надписи с именами наставников скита. В записанных нами интервью фигурируют чаще всего пять, иногда семь или одиннадцать старцев. Среди них: основатель скита Ануфрий, старцы Пахомий, Никодим и Иоанн.[24]

Сведения о существовании гробниц в Ануфриевском ските есть уже в доносе крестьянина Окладниковой слободки архиепископу Архангелогородскому и Холмогорскому Варсонофию, датируемом 1743 годом. Артемий Ванюков, в числе прочего, сообщал, что в одной из пустыней за святые мощи почитается тело безымянного человека. «У самого же наставника Пахомия построена часовня с надлежащим яко церковным убором, в той же часовне поставлена гробница с мертвым телом и покрыта сукном зеленым, и на ней поставлена лампадка со свещею, которая горит непрестанно, и почитают в той гробнице тело яко за святые мощи, о котором теле того жительства старцы Акинфей да Никодим сказывали ему, Ванюкову, что в той гробнице подлинно тело положено, привезенное к ним по явлению некоторым в том жителстве людем во сне

---

[18] *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона. С. 455.

[19] «Старец Ануфрий расположил кельи своего скита на большом расстоянии друг от друга. Монахи этого скита свидетельствовали в домовой канцелярии архиепископа о том, что скит был растянут на 40 верст и разбит на небольшие скитки, расположенные по рекам Койде и Майде» (*Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря. С. 106).

[20] FA DF. MOM. Койда. 2018 год.

[21] FA DF 905. A033–01. Нами записан еще один вариант рассказа: «Так там стоял кол из одной-то из этих могил <...> И помню, как папа стучал, и там прямо всё вот так вот... звук такой. А то дерево, дерево листвица была, наверное... Там звон такой, что, это самое, вот... эти гроба, они сгнили, мне кажется» (FA DF 905. A006–01).

[22] *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 128, 141–151.

[23] *Шанина Ю.* Акустический код кладбища д. Родома Лешуконского района // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М., 2015. С. 162–181.

[24] Пахомий умер в 1743 году. После него наставником стал схимонах Варлаам, имя которого в устной памяти не сохранилось. Старец Никодим упоминается в доносе А. Ванюкова, о котором речь пойдет ниже («Доношение» архангельского архиепископа Варсонофия в Синод о посылке в Мезенский уезд экспедиции для розыска «раскольников», отчет о ней канцеляриста И. Попова // РГИА. Ф. 796. Оп. 28. № 79. Л. 4).

назад тому лет с восем от моря, якобы Двинскаго уезда и Мудьюжской (?) волости, а оное тело мужеска или женска полу, того ему не сказали».[25]

Экспедиция, учинив разбирательства по делу о поклонении мощам в Пахомиевской пустыни, получила сведения, отличные от версии Ванюкова. Наставник скита схимонах Варлаам с братиею сообщили, что «в прошлых-де годах, тому тритцать пять лет, ехал ис керженских расколнических пустынь <...> схимонах Ануфрии. А отколи был родом, и ис каких чинов, и где пострижен, не знают. А от рождении ему было например лет восмьдесят. И будучи у города Архангелского, умре в судне, а тело его тогда привезено вверхь Мегры реки в расколническую пустынь, где и погребено было, до которой разстояния до их скита более тритцати верст. И когда их скит населился, и почал бысть наставником означенной монах Пахомий, уведав о оном умершем схимонахе, которой ему был по пострижении отец келейной, оное тело по погребении минув двенатцать лет, взяв из вышеозначенной верхь Мегры реке пустыни, привез к себе в скит. <...> И по привезении, сняв с него схиму, положа другую, погребли оное тело в вышеозначенной часовни с надгробным пением. <...> А никакова явления от того тела о перенесении и никаковых от него чюдес не бывало, и за святаго они не почитали, и служба никакова ему сложена не была, токмо чинили они, как и по протчих умерших, поминовение и пели панихиды, а молебнов не певали».[26]

В результате действий карательной экспедиции тело Ануфрия было изъято, «кости привезены в Холмогоры и зарыты в убогом дому в землю весма глубоко <...>, так что расколщиком отнюдь вырыть нельзя».[27] Рассказ об обретении тела безвестного человека, изложенный в донесении Ванюкова, сопоставим с историями обретения мощей святых, названных в исследовательской литературе «народными святыми», «святыми без житий», «святыми из гробниц», «недоведомыми святыми».[28] Кроме того, явление святого «от моря» ставит этот нарратив в один ряд с житиями святых Белого моря: Иоанна и Логгина Яренгских, Вассиана и Ионы Пертоминских, Безымянного инока Терского.

Подробный рассказ, изложенный насельниками пустыни, из которого становится известно, что в гробнице покоится тело старца Ануфрия, умершего «у города Архангелского <...> в судне», также имеет некоторые параллели с житиями святых Белого моря. Однако обретение тела Ануфрия Пахомием и его перенесение не связываются с явлением святого или чудесами от его мощей, а любые «обвинения» в почитании старца как святого отрицаются.

Неизвестно, насколько могут быть достоверны сведения, сообщенные насельниками Пахомиевской пустыни карательной экспедиции. В любом случае, гробница схимонаха Ануфрия имела важное значение в духовном пространстве скита. Старец, по имени которого стали называться Кельи, почитался старообрядцами, вероятно, с особым усердием. Действия властей были направлены против формирования культа святого.[29]

---

[25] РГИА. Ф. 796. Оп. 28. № 79. Л. 3 об. — 4. См. также: *Есипов Г. В.* Самосожигатели // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 620–627; *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря. С. 106.

[26] РГИА. Ф. 796. Оп. 28. № 79. Л. 17–17 об.

[27] Там же. Л. 18.

[28] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 199–270; *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000; *Штырков С. А.* «Святые без житий» и забудущие родители: Церковная канонизация и народная традиция // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции. М., 2001. С. 130–155; *Ромодановская Е. К.* «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 143–159; *Рыжова Е. А.* Жития праведников в агиографической традиции русского Севера // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 390–442; *Панченко А. А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012. С. 95–246; *Романова А. А.* Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI — начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика. Дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2016, и др.

[29] А. С. Лавров пишет, что «одним из наиболее постоянных спутников „народного культа“ было наличие „палатки“ или „гробницы“, находившейся в церкви или в часовне» (*Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. С. 215).

Однако спустя столетия устная традиция наделяет «старцев», первых насельников скита, характерными для народной агиографии признаками святых. Святость подтверждается некоторыми фактами биографии и чудесами, происходящими после смерти.

«Святые отцы» соблюдали «старообрядческие правила» и «уклады жизни»: «Они столько уважали, все соблюдали, дак так уж называли их „Святые отцы“»;[30] «Святыми стали. А так жили отдельно все, и там всё соблюдали. Всё как надо. Лишнего не брали, как всем помогали чего-то».[31]

Они вели аскетический образ жизни, никогда не запасали еду впрок: «Вперед не, ничего не пасли, не запасали. <...> Ходили на озеро километров за пять там, через гору. Ловили ее — рыбу. На вари возьмут, сколько, дак, на уху там, или побольше, может. Остальное спускали в озеро обратно. Вперед не запасали. [Почему — говорили?] Потому что они — святые отцы».[32] По замечанию А. Б. Мороза, исключительность народного святого подчеркивается воздержанием в пище.[33]

Кроме аскетического образа жизни, святость основателей и насельников скита утверждается в устах рассказчиков описаниями событий, происходивших на его территории в недавнее время. В 1990-е годы пожар охватил место вокруг келий. Все выгорело, но Святые отцы огнем не задело.[34] Такой сюжет, несомненно, находит параллели в житийной литературе. Так, в житии Нила Столобенского пожар, устроенный местными жителями, чтобы изгнать святого с острова, не сжег его келью.[35]

Святые старцы выступают покровителями скота: «Скотина была у них нетронута волками <...>, потому что они знали какой-то заговор, и ни одна корова в лесу не терялась, сама, говорит, приходила, они даже не переживали».[36] А. Б. Мороз отмечает, что одной из важнейших функций святых в народной агиографии является защита скота от хищников. Причем такую функцию могут выполнять не только те святые, за которыми она «закреплена», например св. Власий или св. Егорий.[37] По словам рассказчиков, территория вокруг койденских келий «была очищена» от медведей и волков,[38] что объясняется, с одной стороны, действием молитвы или заговора,[39] с другой — рациональным отношением охотников к природе: зверя «крепко не обижали» и охотились на него «по далям», потому и он — в ответ — скотину не обижал.[40]

В народной агиографии святые могут выступать основателями новых локусов,[41] почитаться как своеобразные «культурные герои», «организуя и регламентируя

---

[30] FA DF 905. A003–01.

[31] FA DF 905. A027–01.

[32] FA DF 905. A054–02.

[33] Ср., например, с рассказами о Ниле Столобенском: «...оне иногда оттуда приносили ему на неделю там хлебушка, сколько он просил, и то он не съедал. Картошку он выращивал свою, он съедал где-то в неделю две или три картофелины — ел он очень мало, он... себя держал... в таком в скромности очень» (*Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009. С. 249).

[34] FA DF 905. A027–01.

[35] *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. С. 55.

[36] FA DF. MOM. Койда. 2018 год.

[37] Так, сюжет иконы преп. Серафима Саровского также осмысляется в этом ключе: святой кормит медведя хлебом, чтобы «он скотинки не тронул» (*Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. С. 74–75).

[38] FA DF 905. A027–01.

[39] «[А как это — очищена? Молитвой какой-то, что ли?] Ну, было каким-то... чем-то...» (Там же).

[40] Там же.

[41] Нарративы, описывающие эти события, соотносятся с циклом преданий о заселении и освоении края. См.: *Фишман О. М.* Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2011; *Шеваренкова Ю. М.* Сюжетно-тематический состав устных рассказов о монастырях (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 251–260, и др.

жизнь людей на данной территории».[42] В нашем случае рассказы о «старцах» несут в себе лишь некоторые черты нарративов подобного рода. Устная традиция сохранила имена наставников — основателей келий Ануфрия и Пахомия. Для формирования представлений об их святости важным оказалось то, что они, по мнению рассказчиков, первыми заселили эти места: «Святые отцы — это, это, вот, считается, что они первые приходили».[43]

Несомненно, что могилы старцев являются сакральным центром Ануфриевского скита, но на его территории существовали и другие объекты, почитаемые местными жителями.[44] Так, сохранились воспоминания, что в Кельях имелся целебный источник: «И святой там источник есть. Из-под земли тоже идет. Из-под сопки <...> Он не замерзат. Ничего. Вот его отсюда, из деревень ездили там зимой. Это все я помню. Маленькие были, так на оленях приезжали, вот эту святую воду брали. И считалось, что она от глаз помогает».[45] Также зафиксированы описания особых действий при посещении келий, связанных с обетами: «...иконку оставляли, там какую-нибудь бумажку или там денюжку там... кто-то свечку оставит <...> все свечки жгли там. Все. Ну, как, обещались...».[46]

Несмотря на то, что в настоящее время нет практики посещения Ануфриевского скита как почитаемого места, среди жителей с. Койда оно воспринимается как святое. Например, нами записаны рассказы о том, что не все могут добраться до келий: «Приехали, посмотрели, да и ладно. А мой муж хохочет, кому судьба туда добираться, дак доберется, а кому не судьба, дак...».[47] Особо выделяется часовня, поскольку она доступна только праведным людям: «Там какая-то, говорят, есть часовня, которую только праведный человек может увидеть, а так не показывается».[48] Такого рода повествования имеют параллели с популярными в старообрядческой среде религиозными социально-утопическими легендами о попытках найти сокровенные места — Китеж-град и Беловодье.[49]

Обитель и ее богатства

Центр духовной жизни Ануфриевского скита был сосредоточен в сельбище под названием Обитель, где, по рассказам информантов, был построен большой дом со множеством дверей, в котором жили насельники скита: «И все это дом-от большой был, вроде она говорила, что семьдесят дверей было <...> кельи там, жили, это, монахини же, а монахи там где жили, не знай, где-то в другом ведь».[50] В Обители обучали грамоте детей из близлежащих селений. Официальные власти с середины XIX века

---

[42] *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. С. 56.

[43] FA DF 905. A054–02.

[44] О почитании святых мест см.: *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176; *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия; *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004; *Мороз А. Б.* Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. М., 2017; *Виноградов В. В.* Северорусские почитаемые места: топика святынь. СПб., 2019, и др.

[45] FA DF 905. A054–02. Записанная нами информация подтверждается материалами экспедиции 1975 года: «Говорят, что в Кельях „лечили от всего“ и многие туда ездили лечиться» (ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 2).

[46] FA DF 905. A054–02.

[47] FA DF 905. A033–01.

[48] FA DF. МКМ. Койда. 2018 год.

[49] *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011.

[50] FA DF 905. A003–01. В рассказах встречаются вариации количества дверей дома — семьдесят, сто одна и двести: «Это там был двухэтажный дом <...> сто одна дверь. Зачем она нужна была, я сама не знаю, но там много людей жило» (FA DF. МОМ. Койда. 2018 год); «В этом доме было двести дверей» (FA DF 905. A006–01).

боролись со школами в ските.[51] Тем не менее обучение продолжалось до начала XX века, одна из последних наставниц скита — Матрона Нечаева (Нечаиха) — учила отца нашего собеседника грамоте: «Он год ли, два, полтора, наверное, учился. Ну, это писать, читать она научила его. Книг очень много было старинных».[52]

В полевом дневнике Т. А. Бернштам 1963 года приведена беседа со старообрядческой уставщицей с. Койда Надеждой Ивановной Малыгиной: «О келейных рассказывает со сдержанным торжеством: об их благочестии, богатстве, о каком-то кресте из дерева, инкрустированном оловом, серебром и золотом и сожженном по нечаянности Нечаихой матушкой. Все смотрела, какое впечатление это произведет на меня. Я попробовала было ввернуть что-то насчет пустого различия в церковном обряде Никона и старообрядцев, но получила ответ, что „мы делам так, как Господь установил и печать свою оставил, а не то, что это страмник“. Имеется в виду Никон».[53] В следующий раз рассказ о сожжении креста был записан экспедицией ИРЛИ РАН 1975 года: «Идешь лесом, горой, слева яма без дна и справа, приходишь к озеру, и келья рядом — в метре от озера. Крест был — три года старики делали, левая сторона оловянная, буквами залита, буквы — в полпальца, сгорел».[54] Говорится о труднодоступности места, указываются ориентиры. Внешний вид креста детализирован, чего не было в первом примере.

В материалах экспедиций 2014–2018 годов описание креста довольно развернуто. Есть интересные подробности об искусной работе мастеров: «Сгорел. Говорят, что в какой-то праздник одна старушка то ли покадила крест-то и угольки тут высыпала якобы, дак, а, мне кажется, дак, это просто он был в очень драгоценных камнях <...>. Весь, значит, был, буквы, которы, например, „Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас. Воскресение Твое славим“, эти буквы, которы к кресту относятся дак, все, наверно, были выложены камнями <...>. Да и говорили еще, как-то он был сделан очень хитро этот крест-то, кака веровочка была, чо ли, дернешь эту за верёвочку, да как птички запоют в кресте-то. Был он очень секретно как сделан. И вот это, как, мне кажется, специально его вот сожгли этот крест и эти драгоценные камни все вывалили. Много там охотилось всяких людей. <...> Это не может быть, чтобы бабушка, быват, никакая-нибудь полумная, что она будет ко кресту живы угли, высыпали в сторонку куда ли, высыпала и все, да затоптала и все. Это специально сожжен был из-за драгоценных камней. Очень, говорят, не могли оценить, какая цена этому кресту».[55] Информант является родственницей Нечаихи и оправдывает ее поступок, считая, что крест специально подожгли ради драгоценных камней, которыми он был инкрустирован. Она дает свою интерпретацию надписи на кресте.[56]

Никаких сведений о почитании креста или чудесах от него не сохранилось, но, судя по записанным воспоминаниям, в праздники на службы к нему собирались старообрядцы. Можно предположить, что крест был поклонным.[57]

Рассказы о кресте входят в группу нарративов о «золоте старообрядцев», связанных с реальными и вымышленными богатствами. Наиболее ярко мотив «золото старообрядцев» отразился в преданиях о кладах.[58]

---

[51] *Ивановский А. А.* Страничка из истории раскола в Архангельской губернии. С. 270.

[52] FA DF 905. A054–02.

[53] Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 2. № 871. Дневник № 1 с. Койда, д. Майда, Нижа и др. (к/з «Освобождение»). Т. А. Бернштам. 1963 год.

[54] ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 1. № 186. С. Койда. Малыгина Надежда Ивановна, 76 лет. Зап. Г. И. Мальцев 14.7.1975. Предание о Ануфриевском ските.

[55] FA DF 908. A032–01, 02.

[56] О расшифровках криптограмм на крестах см.: *Бударагин В. П.* «Сила крестная» и «титла Кресту Христову» // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 291–296.

[57] О крестах в Койде см.: *Комелина Н. Г.* Смерть на море: к производству сакрального (по материалам экспедиций на Летний и Зимний берега Белого моря 2012–2014 гг.) // Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI в.). Архангельск; Соловки, 2015. С. 266–276.

[58] Предания о кладах — отдельная большая тема в рассказах о Кельях, предполагается специальная статья, посвященная им.

Реальные и «воображаемые» книги Ануфриевского скита[59]

На сегодняшний день о книгах скита известно немного. Воссоздать круг чтения старообрядцев койденских Келий позволяют находки археографов конца XIX — XX века. В хранилищах Рукописных отделов Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук, Древлехранилища им. В. И. Малышева Пушкинского Дома находятся более десяти рукописей XV–XIX веков, имеющих отношение к скиту. В основном это сборники, содержащие молитвы, нравоучительные, эсхатологические тексты, полемические старообрядческие сочинения; среди рукописей — листы из синодиков келий, Летописец Соловецкий (краткий) и др.[60] Кроме того, сохранились сведения, что во время разорения келий в середине XVIII века было изъято около 50 книг, которые еще предстоит обнаружить.[61]

До сих пор жители с. Койда соотносят скит с книжным знанием, описывая его библиотеку как «целый клад» из книг.[62] Относительно небольшую, но любопытную часть в комплексе нарративов о книжности келий составляет сюжет о Миротворном круге, который представляется как книга, повествующая о событиях от сотворения мира и до конца дней.[63]

В эсхатологических рассказах, связанных с этой книгой, можно выделить несколько мотивов. Миротворный круг пророчествует, что в последние времена будет война, в результате которой «все выгорит», в Европе будет мало людей, цветы будут расти только в Америке.[64] По версии другого нашего собеседника, книга предсказывает, что в мире останутся всего три страны: «Китай, Россия и еще одна».[65] Тогда же «от седьмой девки» родится «единый царь» антихрист, который сначала притворится «очень хорошим», а потом откроет свое истинное лицо. Небо заполнится железными птицами, железом же будет опутана земля, по которой побегут железные звери: «эти поезда, да все».[66] Время полетит «ясным соколом»: «Вот раньше, как было указано, что на лошадках, время медленно идет, а сейчас ведь вот прямо, даже не успеешь оглянуться, а уж полдень, а ничего еще не успел сделать».[67] Подобные

---

[59] *Мельникова Е. А.* Воображаемая книга: Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011.

[60] О выявленных рукописях Ануфриевского скита см.: Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова / Сост. И. А. Бычков. СПб., 1891. Вып. 1. С. 83–88, 160–161; СПб., 1893. Вып. 2. С. 70–74, 304–308 (рукописи, привезенные П. Д. Богдановым с Мезени и из Койды, были выявлены Н. Ф. Дробленковой: *Дробленкова Н. Ф.* Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 528, 530); *Малышев В. И.* Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М., Л., 1951. Т. 8. С. 362–378; *Дмитриева Р. П.*, *Салмина М. А.* Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР 1966 г. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 328–329; *Савельев А. А.*, *Шухтина Н. В.* Экспедиция на Мезень 1989 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 493–494; *Бильдюг А. Б.*, *Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря // Свод русского фольклора. Серия «Былины». СПб., М., 2018. Т. 8. Былины Зимнего берега Белого моря. С. 149–156. Летописец Соловецкий (краткий) конца XVIII века (ИРЛИ. Мезенское собр. № 70), судя по записям, принадлежал крестьянам Зимних Золотиц Афанасию Голубину и Устинье Крюковой, которая, по свидетельству А. В. Маркова, жила в Ануфриевском ските. См.: *Малышев В. И.* Отчет об археографической командировке 1950 г. С. 364, 368, 371; *Марков А. В.* Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова; изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 404–405.

[61] РГИА. Ф. 796. Оп. 28. № 79. Л. 17; *Малышев В. И.* Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743–1744 гг. // Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVII–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 175–176.

[62] FA DF. МКМ. Койда. 2018 год.

[63] FA DF 905. A031–02.

[64] Там же.

[65] FA DF 905. A054–02.

[66] FA DF 905. A031–02.

[67] Там же.

эсхатологические зарисовки являют собой круг традиционных народных представлений о приметах конца времен и в значительной степени рассмотрены в исследованиях.[68]

Предсказания о последних днях в устной традиции зачастую возводятся к письменному источнику. В большинстве случаев таким авторитетным текстом называется Библия, выступающая «в качестве обобщенного образа священной космологической книги».[69] Владелец книги «описывается как предсказатель», человек, обладающий «особенным» знанием.[70]

В записанных нами воспоминаниях место такой книги занял Миротворный круг, соединив в себе характерные для народной традиции обобщенные черты «воображаемой книги», содержащей «особую сакральную информацию на все случаи жизни»,[71] и реального артефакта: описание рукописи рассказчиками — «на одной странице был круг, а на другой странице была рука»[72] — не дает усомниться в ее существовании в Кельях. Вероятно, определенную роль в том, что «воображаемой книгой» для койденских жителей стал Миротворный круг, а не Библия, сыграло оформление сборника, запоминающегося изображениями таблиц, кругов, рук, сложность значения которых еще более повышает «сакральный» статус книги.

Возможно, значимым оказалось и его содержание, которое могло быть пересказано грамотными насельниками старообрядческого скита: таблицы, связанные с пасхальными расчетами, богословско-полемические, в том числе эсхатологические сочинения. Как пишет А. А. Романова, «копирование и распространение пасхальных таблиц имело прежде всего сакральное значение. Большинство таблиц Круга миротворного практического значения не имеет. <...> Переписывая Круг миротворный, древнерусские книжники испытывали, вероятно, чувство своей причастности к мирозданию, утверждали вечное во временном мире».[73]

Владельцем Миротворного круга рассказчики называли «старовера Прокопия», который «знал всю жизнь до конца дней». Прокопий так и не решился ни продать книгу — хотя нашлись покупатели, предлагавшие немалые деньги, — ни передать ее по наследству. Книга была предана земле «под Иван-день или под какой-то <...> праздник».[74] События отнесены к XIX веку без уточнения десятилетия. В рассказе о погребении книги присутствуют элементы предания о кладе — книга закапывается в тайне, ночью, в определенный день. С другой стороны, известны случаи, когда книга погребалась после смерти своего владельца вместе с ним.[75] Дмитрий Ростовский завещал похоронить себя со своими недописанными сочинениями.

---

[68] Об антихристе см., например: *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 362; *Белова О. В.* «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004. С. 389–390. Сюжет о железных птицах и проволоке, опутывающей землю, неоднократно привлекал к себе внимание фольклористов и антропологов. См.: *Громов Д. В.* Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44; *Белова О. В.* «Народная Библия». С. 395; *Лимеров П.* Эсхатологические представления коми по материалам фольклора // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. СПб., 2011. С. 168–169; *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. С. 53; *Панченко А. А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности. С. 391–392. Обсуждение вероятных источников появления подобного сюжета, времени его возникновения рассмотрены в работах: *Белоусов А. Ф.* Последние времена // Aequinox: Сб. памяти А. Меня. М., 1991. С. 9–33; *Бессонов И. А.* Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1. С. 4–7; *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество. С. 359.

[69] *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество. С. 357.

[70] *Мельникова Е. А.* Ожидания от книги. К вопросу о роли Библии в народной культуре // Живая старина. 2003. № 1. С. 40.

[71] *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. С. 48.

[72] FA DF 905. A031–02.

[73] *Романова А. А.* Круг миротворный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 2 (XVII в.). Ч. 2. С. 200–201.

[74] FA DF 905. A031–02.

[75] См. о подобной практике в православной общине жителей Камчатки: *Миненок Е. В.* Мильково — территория ушедшей традиции // Живая старина. 2021 (в печати).

В воспоминаниях рассказчиков книга Миротворный круг оказалась связана с другим эсхатологическим сюжетом — нарративом о лешем, вещающим о конце света: «[А что это за книга? Что о ней говорит?] И там было предсказано все будущее и что было, и что будущее, что будет впереди. [Про конец света что ли там было?] <...> Про конец света, это леший кричал».[76] Кроме того, леший — в красных шароварах и красной рубахе — предсказал конец койденских келий: «Кричал, что барте[77] хуже, барте хуже и совсем барте хуже. <...> Ну и все. Кельи исчезли, можно считать. <...> Дак, все, все уж. Теперь никого, никто не живет, дак».[78]

Еще один сюжет, связанный с вымиранием скита, отразился в легенде о трех березах, росших недалеко от дома последней семьи в Кельях: «Самой дед рассказывал, что за этим домом рядом. <...> И вот на этой возвышенности-то тут стояли рядом большущие три березы. <...> По Писанию якобы писалось, что эти березы упадут и Кельи вымрут. Вот последняя береза упала, уже вот давненько, конечно, все это дело было, но все живые были».[79] От сибирских старообрядцев записан нарратив о соединенных в одно трех деревьях как знаке святого места: «Ну, мы ходили крестным ходом к женскому скиту, где раньше был монастырь женский. И мне было интересно увидеть это место. Как там на самом деле. Мне рассказывали, по каким приметам нашли это место. Что там три дерева соединены в одно. <...> Там действительно такое место... Ну, оно... особенное».[80] Схожий сюжет о выросших на святом месте молодых березах — месте разрушенного Кирилло-Челмогорского монастыря — зафиксирован в Каргопольском районе Архангельской области.[81]

В другом записанном нами варианте легенда о трех березах заканчивается перспективой возрождения Келий: «Теперь уже новые <березки> выросли уже сейчас на этом месте. По, по новой возрождать надо».[82] Одна из бывших жительниц Келий поделилась с нами планами восстановить часовню: «Цветная часовня была, а вот дверцы были голубые, сама была тоже покрашена каким-то как с красна чего-то вот. Ну, у нас, конечно, с мужем-то есть, это самое, в планах-то туда завести по зиме все материалы. [И восстановить?] <...> Хотим, но пока, видите, все с работами туда-сюда, дак надо быть посвободнее».[83]

Память об Ануфриевском ските, являвшемся центром старообрядчества на Зимнем берегу Белого моря и прекратившем свое существование более ста лет назад, поддерживается по нескольким причинам.

Во-первых, важную роль в сохранении воспоминаний о Кельях играет старообрядческая община с. Койда. Несмотря на то, что в настоящее время нет практики посещения этого места, оно остается значимым как часть истории старообрядчества, ориентированного на поддержание и воспроизведение старого знания и традиций. Старообрядческие отцы-основатели скита не имеют отношения к белокриницкому согласию, в которое перешли староверы Койды в XX веке, поэтому, видимо, почитание носит случайный и неорганизованный характер. Так, в рассказах койденских староверов сохранились воспоминания о гонениях за веру, поклонном кресте,

---

[76] FA DF 905. A054–02.

[77] Барте — пожалуйста (*онеж.*) (*Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 4).

[78] Подобный сюжет был записан в 1988 году: «Черти сидят под мостом, в скрипку режут и поют: „Худо было, хуже будет, худо было, хуже будет....“». За подсказку благодарим О. Р. Николаева.

[79] FA DF 905. A033–01.

[80] *Рыговский Д. С.* Ритуальная наррация: практики трансляции памяти о сакральном ландшафте. С. 154–155.

[81] Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М., 2009. С. 130.

[82] FA DF 905. A054–02.

[83] FA DF 905. A033–01.

инкрустированном драгоценными камнями, большом доме, где обучали грамоте, книгах, которые находились в ските. Память о Кельях и святых старцах конструирует идентичность старообрядцев Койды.

Во-вторых, воспоминания о ските остаются частью семейной истории. В настоящее время культурные объекты, находящиеся на территории бывшего скита, входят в зону ответственности последних жителей Келий, и, вероятно, в этом случае можно говорить о трансформации почитания из коллективного в персональное, семейное. Именно в воспоминаниях семьи последних жителей выселка рассказы о ските обрастают фольклорными мотивами. Эти нарративы укладываются, с одной стороны, в модель религиозных социально-утопических легенд, предложенную К. В. Чистовым, с другой, связаны типологически с фольклорными сюжетами о первопоселенцах.

Т. А. Бернштам пишет в полевом дневнике: «Задали мне вопрос, откуда Койда? Не келейные ли ее основали? Я начала объяснять, что вряд ли, так как „келейные“ — это раскольники, старообрядцы, которые бежали в отдаленные места после раскола церкви, не согласившись с новым учением. А коренные поморы — это прирожденные мореплаватели, рыбаки, зверобои, неутомимые путешественники. Между ними, по существу, мало общего».[84]

[84] Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 2. № 871.

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-225-226

© *Е. П. Гречаная*

ДВА ФРАНЦУЗСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ В СБОРНИКЕ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

Первый поэтический сборник В. К. Тредиаковского, «Езда в остров любви» (1730), включает, как известно, в разделе «Стихи на разные случаи» французские стихотворения с русскими заголовками. Одно из них («Il est un berger sincère...») носит следующее русское заглавие: «Объявление любви французской работы».[1] Это стихотворение имеет не только восходящий к французским народным песням рефрен («Je n'en dirai pas le nom. / Mais écoutez ma chanson»[2]), но целиком является, как указывает и сам Тредиаковский, произведением французского автора, которого он не называет. Этот поэт — парижский аббат Луи Манжено (Mangenot; 1694–1768), автор эклог, песен, мадригалов, басен, сказок и других стихотворений в жанре легкой поэзии. Сборник стихов Манжено был опубликован только после его смерти, в 1776 году.[3] Но произведения поэта были известны и при его жизни. Так, одна из эклог, посланная на конкурс Академии флоралий (Тулуза), получила серебряный приз и была затем напечатана.[4]

Фигурирующее в сборнике Манжено в разделе песен стихотворение «Il est un berger sincère...» входило при его жизни в пользовавшиеся большой популярностью во Франции собрания песен. Читателем таких сборников мог быть Тредиаковский в его бытность в Париже в 1727–1729 годах. Судя по количеству «песенок» в «Стихах на разные случаи», он проявлял особый интерес к этому весьма распространенному во французской поэзии жанру. Позднее, в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину» (1735) он высоко оценил именно французские песни: «Песен их что может быть лучше и складняе?»[5]

Стихотворение Манжено без указания его имени, как и песни других авторов, включено, в частности, в «Собрание прекраснейших песен и напевов, исполняемых при дворе» (1726), в котором имеется следующее дополнительное заглавие: «Новое собрание песен, выбранных из лучших современных авторов, вкупе с некоторыми старинными песнями, с наипрекраснейшими напевами, исполняемыми при дворе, а также мотивами из самых известных опер и водевилей».

В этом собрании стихотворение Манжено озаглавлено «Новая песня»[6] и состоит из семи куплетов. Тредиаковский сократил оригинал до четырех, опустив второй, третий и четвертый куплеты, в которых говорится о томлении героя и расточаются комплименты красавице, и придав таким образом больший динамизм развитию сюжета.

Приводим опущенные 2, 3 и 4 куплеты:

Aux échos de vos retraites,
Quand il conte sa langueur ;
Ses accents, de son ardeur
Sont les simples interprêtes.
Je n'en dirai pas le nom,
Je sais trop ce que vous êtes,
Je n'en dirai pas le nom,
Mais écoutez ma chanson.

---

[1] Езда в остров Любви / Пер. с французского на руской. Чрез студента Василья Тредиаковского... СПб., 1730. С. 175–176.

[2] См., например, «Branle de Metz» (1703): «Je n'en dirai pas le nom, / Or écoutez ma chanson» (Le nouveau siècle de Louis XIV, ou Choix de chansons historiques et satiriques presque toutes inédites. Paris, 1857. P. 233–237).

[3] Poésies de M. l'abbé Mangenot. Maestricht, 1776. P. 100–102. Первая часть содержит стихи, принадлежащие одному Манжено, вторая — стихи, написанные Манжено совместно с другими авторами или посетителями его небольшого салона в Париже. Книга находилась в библиотеке А. С. Пушкина и была разрезана (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 280. № 1128).

[4] Recueil de l'Académie des Jeux Floraux. Toulouse, 1718. P. 67–72.

[5] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения / Вступ. статья и подг. текста Л. И. Тимофеева; прим. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. С. 392 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[6] Recueil des plus belles chansons et airs de cour, nouvellement imprimés. Paris, 1726. P. 570–571.

Le seul objet qui le touche
Peut allumer son désir ;
Un compliment, un soupir
Pour toute autre l'effarouche ;
Je n'en dirai pas le nom,
Le respect ferme ma bouche,
Je n'en dirai pas le nom,
Mais écoutez ma chanson.

Depuis qu'il a vu vos charmes,
La plus piquante Beauté,
Contre sa fidélité,
N'a que d'inutiles armes.
Je n'en dirai pas le nom,
Ah ! n'en ayez point d'alarmes,
Je n'en dirai pas le nom,
Mais écoutez ma chanson.

Сохраненные Тредиаковским четыре куплета воспроизводятся с двумя небольшими неточностями, что, возможно, свидетельствует о цитировании по памяти. В первом куплете вместо слова «trop» («Je crains trop votre colère», «Меня слишком страшит ваш гнев») стоит слово «toujours» («Je crains toujours votre colère», «Меня всегда страшит ваш гнев»), а в последнем куплете фраза оригинала «Moy seul peux vous satisfaire» имеет немного другой вид: «Je peux seul vous satisfaire» (обе фразы означают «Только я могу вас удовольствовать»). В первом случае нарушена просодия, поскольку слово «toujours» в отличие от слова «trop» состоит из двух слогов, и вместо положенного восьмисложника возникает девятисложник. Эта небрежность представляется странной у поэта, который был знатоком силлабического стихосложения и в этот период своего творчества работал именно в рамках силлабики.

Во французском собрании песен затем следует анонимный ответ, в котором, в отличие от ответа Тредиаковского под русским заглавием «Ответ на оное моего труда», красавица благосклонно воспринимает объявление любви и готова ответить взаимностью. Каждый куплет заканчивается фразой «J'ai retenu sa chanson» («Я запомнила его песню»), которая отсылает к рефрену первого стихотворения. У Тредиаковского ответ содержит резкое неприятие признания в любви, и каждый куплет завершается словами «Peste soit de sa chanson» («К черту его песню»). В то же время Тредиаковский в «Ответе» точно следует тем куплетам французского «Объявления любви», которые он воспроизвел: он использует те же рифмы и повторяет все фразы, внося в них те изменения, которые превращают стихотворение в грубоватый отказ ответить взаимностью. Резкий перепад тона в этом «Ответе» и осмеяние построенного по всем правилам галантной поэзии «Объявления любви» создают привлекающий внимание читателя эффект контраста.

Другое стихотворение Тредиаковского, отсылающее к французскому источнику, — «Сон, учинен песнию наподобие одной песни Французской La Reine si belle, и с ее же рефреном».[7] Как выяснилось, речь идет о стихотворении Ф. Малерба (1555–1628), сочиненном для исполнения в качестве песни на балете «Триумф Паллады». Балет был представлен 19 марта 1615 года в связи с отъездом Людовика XIII в Бордо навстречу инфанте Анне Австрийской, на которой он должен был жениться. Стихотворение Малерба под названием «Pour un ballet de Madame» фигурирует в собрании сочинений поэта 1723 года.[8] В нем выражается нетерпение поскорее увидеть Анну, по которой вздыхает Людовик, и пожелание, чтобы тот немедля отправился в путь. Стихотворение Тредиаковского воспроизводит размер оригинала, а также первую и последнюю строки его первой строфы (или куплета), которую приводим:

Cette Anne si belle,
Qu'on vante si fort,
Pourquoi ne vient-elle?
Vraiment elle a tort.

Пер.:

Эта Анна столь прекрасная,
Которую столь громко хвалят,
Отчего она не приходит?
Она и впрямь не права.

Последняя строка «Vraiment elle a tort» у Малерба более не повторяется и не является рефреном, но становится им в стихотворении Тредиаковского. Указывая на источник, Тредиаковский заменяет слова «Cette Anne si belle» («Эта Анна столь прекрасная») словами «La Reine si belle» («Королева столь прекрасная»), делая это по понятной причине: чтобы не возникло ассоциаций с Анной Иоанновной, ставшей императрицей весной 1730 года, что позволяет датировать «Сон» не ранее этого времени.

Атрибуция стихотворения «французской работы» и выявленный источник французского стихотворения «Сон» из сборника «Езда в остров любви» являются интересным свидетельством того, насколько хорошо Тредиаковский был знаком с французской поэзией, с жанром песни и не только с известными одами Малерба, которые он упоминает в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину» («Одами летал Малгерб в них всегда достойно»[9]), но и с его мелкими стихотворениями на случай, а также позволяют судить об особенностях усвоения и пересоздания русским поэтом французских текстов.

---

[7] Езда в остров Любви. С. 207–210.

[8] Les œuvres de François de Malherbe, avec les observations de Mr. Ménage et les remarques de M. Chevreau sur les poésies. Paris, 1723. T. 1. P. 178.

[9] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 391.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-227-228

© *Н. А. Богомолов*, © *Е. А. Пономарева*

ADDENDA

Год назад один из авторов этой заметки опубликовал фрагменты из ряда писем известного литературоведа Ивана Никаноровича Розанова (1874–1959) к жене из Кисловодска, где он отдыхал в санатории ЦЕКУБУ. Его соседкой там некоторое время была А. А. Ахматова, и в письмах довольно много упоминаний о ней, кратких пересказов разговоров, отзывов Ахматовой о писателях и др.[1] Эти письма откололись от основного архива Розанова, хранящегося в Отделе рукописей РГБ, и оказались в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве в составе его прославленной «Библиотеки русской поэзии». Однако в свою очередь от них откололось и попало в частное собрание небольшое письмо, дающее несколько дополнительных подробностей и любопытных характеристик для воссоздания облика Ахматовой и ее интересов как читательницы французской поэзии в связи с творчеством Пушкина.

Письмо на почтовой бумаге небольшого формата, вероятно, из набора с видами города и его окрестностей.[2] Верхнюю треть листа занимает картинка под названием «Кисловодск. „Храм Воздуха“». Сверху над изображением Розанов написал: «Я посылал уже „Храм Воздуха“ вблизи. Теперь он издали». Затем нарисована обращенная к правому краю картинки стрелка, около которой слова: «Эльбрус с этой стороны».

Само письмо начинается под картинкой, и поначалу Розанов продолжает писать чернилами, указывая по левому краю даты: «9 VII суббота / 21ый день (21/35)», а по правому — «№ 21 (23)».

Затем он переходит на карандаш. На лицевой стороне — вполне бытовые записи: «6 ч. вечера. Сижу в парке на лавочке. Через дорожку несколько молодых дубков. Зайдешь за эти дубки и увидишь „Храм Воздуха“ приблизительно в таком виде, как он на этой картинке.

21/35, т. е. 3/5 с сегодняшним днем кончился. День был ванный, т. е. посвященный этой процедуре (у меня ванны начинаются почти всегда в 10 ч. 30 м., в 11.30 или 11.15 я уже дома) и многократному лежанию до обеда».

Очевидно, что он считает дни, оставшиеся до окончания его пребывания вдали от жены, и тщательно нумерует доказательства того, что пишет каждый день (вторая цифра, видимо, увеличивает количество писем за счет посланных с дороги).

Самое интересное записано на обороте: «А. А. удивляет меня своими познаниями в литературе и истории. Про Пушкина говорит она не как любительница, а как пушкинистка, занимавшаяся специально исследованиями в этой области. Особенно интересует ее вопрос о влиянии на Пушкина французской поэзии, в частности Буало. Татьяна Ларина, по ее словам, напрасно признается „типично русской“. На создание этого типа повлияло стихотворение А. Шенье, переведенное Пушкиным: „Ты вянешь и молчишь, тоска тебя снедает“.

А. А. уже несколько лет „вегетарианка“. Молока она не любит и вместо молочно-растительного стола признает только растительный. „Пасусь!“ — сказала она про себя. Она нередко выражается образно: сегодня ей пришлось под дождем пробираться осторожно в контору. „Как кошка по снегу“, — определила она. Ненавидит она переводы, неразрезанные книги и... и почему-то... Украину».

Несмотря на малый объем, извлечь из публикуемого текста удается не так уж мало. Прежде всего, следует учитывать лишнее свидетельство интереса Ахматовой к Буало, о чем известно немного. Р. Д. Тименчик писал: «В зиму 1926/27 г. Ахматова усиленно занималась поисками французских источников Пушкина. По-видимому, с этой работой связаны сведения, которые один из современников сообщал со слов Ю. Н. Верховского: „Весь прошлый год он пробыл в Петербурге. Бывал у Ахматовой. Говорит, что она почти всю зиму пролежала: у нее туберкулез кишок. Она очень, очень много читает, прочла всего Вольтера, всего Буало, которого она, оказывается, очень любит“».[3] Ср. также записанное Л. К. Чуковской гневное замечание Ахматовой о Брюсове, не прочитавшем вовремя Буало.[4]

Любопытные уточнения вносят и фразы о влиянии Шенье. Как достаточно хорошо известно, Ахматова весьма интенсивно занималась вопросом о Пушкине и Шенье за год до

---

[1] *Богомолов Н. А.* Анна Ахматова: лето 1927 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 145–152.

[2] На обороте реквизиты: «Окрлито 917. Тираж 2000. Заказ № 1343–27».

[3] *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Публикации. Библиография. Л., 1982. С. 113. Полностью письмо Д. С. Усова к Е. Я. Архиппову от 31 августа 1927 года см.: *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...»: [В 2 т.]. М., 2011. Т. 2. С. 456. Заметки Ахматовой о Пушкине и Буало (которые не удалось подробно откомментировать) см.: *Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии 1970. Л., 1972. С. 34, 39.

[4] *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 51.

интересующего нас момента. Главный свидетель этого — П. Н. Лукницкий. 15 мая 1926 года он записал: «...АА сегодня высказывала свои мысли по поводу влияния Шенье на „Евгения Онегина“. Попробую изложить их суть. <...> Тезис АА таков: все четыре главных действующих лица „Евгения Онегина“ (Онегин, Ленский, Татьяна и сам Пушкин) — вопреки явному желанию Пушкина резко разграничить их типы (Онегин — байронического типа герой, Ленский — чистейший романтик германского склада и т. д.) — носят в себе очень явные классические черты. И давая их характеристику, Пушкин непроизвольно включает в них классические элементы из Шенье и, вероятно («вероятно» — потому что АА этого не знает), из других классиков. Скажу лишь о Ленском (потому что АА обнаружила это сегодня — обнаружила с большой очевидностью). Описание могилы Ленского (глава 6, строфы XI, XII) в точности совпадет со стихотворением „Гроб юноши“, а источник последнего — элегия (?) Шенье. <...> Влияние Шенье на три остальные фигуры АА найдено раньше, и, кажется, у меня отмечено уже».[5] К сожалению, Лукницкий или не записал этого, или записи оказались утрачены. Отчасти мы теперь можем восстановить хотя бы то, что Ахматова думала по поводу Татьяны.

Отметим кстати, что чуть позже, ровно за год до публикуемого письма, Лукницкий зафиксировал ее слова при разговоре о «Поэтическом хозяйстве Пушкина» Вл. Ходасевича: «...это точная наука, не рассуждения вроде „тип Татьяны как русской женщины“ или Айхенвальд».[6] То есть формула «типично русская» признается ею ошибочной в принципе, она должна быть заменена исследовательскими методами самой Ахматовой или Ходасевича. Не будучи подлинными специалистами в области пушкинской библиографии, не можем быть полностью уверенными, но единственная известная нам работа, подробно освещающая тему влияния «Ты вянешь и молчишь, тоска тебя снедает...» на разработку образа Татьяны идет как раз по пути фиксации «типа Татьяны как русской женщины»: автор не знает или делает вид, что не знает источника пушкинского стихотворения — стихов А. Шенье.[7] Еще одна работа исходит лишь из самой общей констатации: «Работа над переводом элегии была для Пушкина своеобразным этюдом к характеру Татьяны — пробой красок, поиском интонаций».[8]

Записка Розанова позволяет нам увеличить количество вполне убедительных параллелей между творчеством французского и русского поэтов.

---

[5] *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М., 1997. Т. II. 1926–1927. С. 163–164. Библиографию к теме «Пушкин и Шенье» см.: *Рак В. Д.* Шенье Андре-Мари // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. С. 387–388.

[6] *Лукницкий П. Н.* Acumiana. С. 212.

[7] См.: *Уварова И. В.* Лирика А. Пушкина и «Татьяны милый идеал» // От Пушкина до Блока: Сб. статей. Краснодар, 1968. С. 32–34.

[8] *Сандомирская В. Б.* Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 99–100.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-229-232

© *А. В. Лавров*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ ПОД МИКРОСКОПОМ*

Когда появились в печати первые главы романа Андрея Белого «Котик Летаев», М. О. Гершензон откликнулся на эту публикацию 30 декабря 1916 года восторженным отзывом в «Биржевых ведомостях». По мысли критика, Белый в этом произведении задался «дерзкою мыслью подсмотреть и воспроизвести самую стихию человеческого духа» — проникнуть в «сердцевину, в огненный центр бытия»: «То, что мы называем иррациональным в духе, показано нам здесь непосредственно ad oculos, само по себе, а не чрез периферические свои проявления. Скульптор должен знать анатомию, но он показывает нам игру мускулов под кожею; Андрей Белый удалил кожу, мышцы, он вскрыл страшные и безобразные недра, — они лежат открытые перед нами и живые, в своей ужасной змеиной подвижности». Есть ли потребность и необходимость в этих словесных вивисекциях — «Нужно ли показывать недра?» — формулирует свой вопрос Гершензон и отвечает на него совершенно однозначно: «Мы до сих пор не умели и не хотели их видеть; если нашелся человек, который умеет, значит, это нужно, значит, пришел срок нам их видеть».

Сказанное применительно к «Котику Летаеву» могло бы быть произнесено и несколькими годами ранее, когда на российского читателя обрушился «Петербург» — роман, поколебавший, подобно землетрясению, все читательские ожидания и всю систему оценок, которым — по негласному, но всем ясному эстетическому договору — обязаны были соответствовать прозаические произведения большой повествовательной формы. В этом отношении демарш П. Б. Струве, редактора-издателя «Русской мысли», наотрез отказавшегося печатать в журнале роман Белого, вполне объясним и закономерен: великий общественный аналитик и один из самых глубоких умов своего времени не смог выйти за рамки тривиальных для того времени оценочных критериев и усмотрел в представленном ему тексте лишь невнятицу и бред, не пожелав прислушаться к противоположным мнениям, высказывавшимся в кругах эстетически более изощренной модернистской элиты.

Среди особо чутких и проницательных читателей, и в особенности в окружении коллег-писателей, «Петербург» сразу был воспринят как явление экстраординарное, и с годами эпохальный характер этого художественного феномена осознавался все безусловнее (если, конечно, вынести за скобки период доктринального торжества теории и практики «социалистического реализма»). В десятках монографий об Андрее Белом и сотнях статей о нем «Петербург» неизменно оказывается в центре исследовательского внимания, анализируется в самых разнообразных аспектах и с применением широкого спектра научных методик. И в то же время художественная фактура «Петербурга», совокупность особенностей и приемов, отличающих роман Белого от предшествующей ему русской прозы, специфика его языка раскрыты далеко не в полном объеме (значительный вклад в этом плане внесен статьями Н. А. Кожевниковой и ее обобщающим исследованием «Язык Андрея Белого», изданным в 1992 году). Во многом актуальны и сегодня слова Л. К. Долгополова, подготовившего в 1970-е годы первое научное издание «Петербурга» в серии «Литературные памятники», указывающие на исследовательскую неразработанность эстетических параметров, совокупно порождающих уникальную поэтику романа: «...создается необычная и непривычная манера письма, для анализа (или просто определения) которой мы еще не располагаем ни необходимыми понятиями, ни терминологией <...>».[1]

Такой опыт анализа художественного целого «Петербурга» посредством использования специфической терминологии и новых понятий, употребление которых диктуется определенными нетривиальными особенностями языка, стиля и повествовательной структуры романа, не укладывающимися в традиционную систему эстетических координат, впервые предпринят в фундаментальной монографии Маши Левиной-Паркер и Михаила Левина «Шедевр трудного чтения: „Петербург“ Андрея Белого». Ранее рядом статей соавторы

---

* *Левина-Паркер М., Левин М.* Шедевр трудного чтения: «Петербург» Андрея Белого. СПб.: Нестор-История, 2020. 582 с.

[1] *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 313.

заявили о себе как о пытливых истолкователях романа Белого, а Маша Левина-Паркер выпустила в свет мастерски исполненное исследование, в котором автофикциональный творческий метод писателя проанализирован на материале его художественной прозы и мемуаров.[2]

Общим местом в писаниях о «Петербурге» стало указание на последовательно продемонстрированную в нем установку на орнаментальную поэтику — на доминанту словесной изобразительности в ущерб сюжетной прагматике; торжество орнаментализма у Белого определило ключевую роль его романа в деле фронтального преобразования стилистики русской художественной прозы 1910–1920-х годов, от Ремизова и Замятина до Всеволода Иванова и Артема Веселого. Соавторы рассматриваемого исследования не соблазняются изысканием новых находок на поприще погружения в «орнаменталистику»; им милее другая точка опоры и отсчета, находимая у младших современников Белого, теоретиков формализма, — остранение Виктора Шкловского (или «остраннение», как предпочитал воспроизводить этот термин сам Белый). Принимая за исходную установку идею придания вещам «странности», необычности и непредсказуемости восприятия, М. Левина-Паркер и М. Левин выстраивают длинный и причудливый ряд наблюдений и размышлений над текстом «Петербурга». Они полностью элиминируют множество аспектов, значимых и перспективных для изучения романа Белого: место его в системе русского символизма, историософские концепции, преобразование русской литературной классической традиции, социально-психологическое содержание, автобиографизм, оккультно-антропософские мотивы, интертекстуальные связи и т. д. — то, что они называют «самоотграничением от контекстов». Их подход — не интер-, а интратекстуальный, их цель — вскрыть «внутреннее устройство произведения» (с. 23), описать приемы и механизмы, взаимодействие которых обеспечивает достижение определенного художественного эффекта. И на пути к обозначенной цели авторы книги достигают результатов значительных и впечатляющих. Можно сказать больше: глубже и дальше на пути к этой цели никто еще не добирался.

Приведенные выше слова Л. К. Долгополова об отсутствии «необходимых понятий» и надлежащей «терминологии», которые единственно пригодны для описания поэтики «Петербурга», цитируются в «Шедевре трудного чтения» и могут служить дополнительным стимулом для оправдания тех терминов-неологизмов, с помощью которых анатомируется повествовательная ткань романа: иноязычие, инореальность, иносвязь, неразвитие и т. п. Все эти неологизмы, а также привычные слова, обретающие новый терминологический смысл, — адекватные абстрагированные обозначения тех особенных повествовательных техник, которыми пользуется Белый при построении собственного текста на фоне общепринятых формул языка, стилевых клише, сюжетопорождающих моделей. Словесные диссонансы, «демонтаж привычных формул» (с. 238) — против стилистически нейтральной словесной гладкописи. Языковое остранение, повсеместно используемое в «Петербурге» и охватываемое термином «косноязычие» (которое и сам Белый признавал как генерализирующую черту своего письма), демонстрируется соавторами во всем многообразии составляющих текст «Петербурга» словесных напластований, начиная от элементарных инверсий («Быстро он подошел» вместо обычного, стилистически нейтрального «он быстро подошел») и развертываясь в «повторы, рефрены, нагромождения», непризнанные словоформы, неожиданные словосочетания и т. д. Приемы текстопорождения, используемые Белым и досконально описанные и четко терминологически рубрифицированные авторами книги, настолько овладели их сознанием, что оказались способными магически воздействовать даже на их собственную аналитическую стилистику. Впрочем, когда они складывают фразу «Белого творчество насыщено игрой в необычайной мере» (с. 561), неясно, чего в ней больше — магии, исходящей от Белого, иронии или той самой объявленной игры.

«...Такого не заметит и самый дотошный исследователь» (с. 370), — резюмируют авторы по ходу описания одного из множеств соответствий/несоответствий, рассеянных по тексту романа. В данном случае М. Левина-Паркер и М. Левин — именно те самые исследователи, осуществившие почти в буквальном смысле слова микроскопический анализ повествовательной фактуры «Петербурга» и развернувшие перед читателем своего рода периодическую систему элементов, использованных при построении текста произведения. Сами авторы по ходу аргументации апеллируют к таблице Менделеева, и это вполне уместно применительно к Андрею Белому, начинавшему как «студент-естественник» и в собственных теоретических построениях постоянно искавшему опоры в «точных» науках. Элементы, из которых складывается эта воображаемая таблица, являют собою грандиозную совокупность минус-приемов (в технике письма и в механизме сюжетосложения, отмеченных внутренними противоречиями, несогласованностями, путаницей, дезорганизацией); все они парадоксальным образом слагаются в гениальное целое, уникальный феномен русской прозы.

Атомарные исследовательские микроновеллы, составляющие книгу, суммируют, казалось бы, частные, самодостаточные наблюдения, приводящие к общим выводам о порожденной писателем итоговой конструкции как царстве хаоса и двусмыслицы. Эти повторения подчинены, однако, общей идее о воплощении

[2] См.: *Левина-Паркер М.* Мастер серийного самосочинения Андрей Белый. СПб., 2018 (сер. «Современная русистика»).

в «Петербурге» «инореального» художественного мира, функционирующего по своим законам и беззакониям: «Контраст между хаосом на поверхности и связностью в глубине — аспект художественной силы „Петербурга“. <...> в романе воплощена изощреннейшая совместная игра хаоса и порядка, служащая созданию многослойной системы художественных эффектов» (с. 556–557). Классифицируя разнообразные приемы писательской техники в «Петербурге», авторы книги утверждают, что Белый «создает что-то вроде своей планеты, со своим миром людей, теней, дымов, живущих в своеобразно текущем времени и в своеобразно извивающихся пространствах» (с. 311; ср. суждение Гершензона об «ужасной змеиной подвижности», наблюдаемой в «недрах» «Котика Летаева»); они уподобляют писателя «пришельцу», инопланетянину (напомним, что в «Сумасшедшем корабле» О. Форш Белый изображен как Инопланетный гастролер). Действительно, творческий инструментарий Белого, впервые досконально описанный в «Шедевре трудного чтения», допускает приложение ко всем его компонентам приставки «ино». При этом Белый — не просто «инопланетянин», он еще и кукловод-демиург, артистически управляющий изготовленными им фантомами-марионетками в произвольных пространственно-временных композициях, самозабвенно предающийся «мозговой игре», импульсивно воздействующей на всю художественную энергетику романа.

Микроскопический анализ предполагает пристальное внимание к мельчайшим компонентам текста, включая особенности орфографии и пунктуации, и в этом плане, как констатируют авторы книги, Андрей Белый предстает, опять же, как сочинитель с «лица необщим выраженьем». Для его прозы характерно дублирование знаков прямой речи (обычно обозначаемой либо начальным тире с абзаца, либо кавычками с обеих сторон; у Белого — тире в сочетании с кавычками), «фигурное» выделение фрагментов текста, избыточное использование знаков препинания (запятая в сочетании с тире в тех синтаксических конструкциях, которые, согласно норме, предполагают применение либо запятой, либо тире), нетривиальное использование знаков (разрыв текста посредством двойного тире) и т. д. М. Левина-Паркер и М. Левин полагают, что эти приемы характерны прежде всего для художественной прозы Белого, однако они используются — может быть, с меньшей интенсивностью — во всем корпусе его произведений (например, в философско-эстетических эссе «На перевале», «Лев Толстой и культура сознания», в «поэме о звуке» «Глоссолалия», в мемуарных книгах), и это является дополнительным свидетельством того, что между собственно «художественными» и «нехудожественными» текстами писателя трудно провести демаркационную линию. Анализ этих технических приемов, самым наглядным образом выводящих текст в зону «ино-измерения», был бы наиболее продуктивным с привлечением сведений и соображений текстологического характера. Тем самым некоторым недоумениям и неразрешенным вопросам, обозначенным в рассматриваемой монографии о «Петербурге», могут быть найдены вполне правдоподобные объяснения. Необходимо прежде всего учитывать, что между беловым автографом или авторизованной машинописью, представленными к печати, и опубликованным произведением проходила стадия редакционно-издательской подготовки, в ходе которой авторская воля относительно пунктуационного и графического оформления текста могла искажаться унификационными стараниями издательских работников. М. Левина-Паркер и М. Левин недоумевают, обнаруживая, что в первой половине текста «Петербурга» Белый выделяет слово «ведь» запятыми, а во второй половине в аналогичных случаях обходится без запятых: «Как будто в первой половине запятые ставил один автор, а во второй не ставил другой» (с. 99). Исследователи не допускают, что автор в данном случае мог быть ни при чем, что с первой половиной романа в издательстве «Сирин» работал один корректор, а со второй половиной — другой. Принципиальные авторские решения в плане пунктуации (оформление слова «ведь» — не из таковых) могли соблюдаться тщательно и последовательно при печатании «Петербурга» в сборниках «Сирин» и «Котика Летаева» в альманахе «Скифы», когда эти издания контролировал внимательнейший текстолог Иванов-Разумник, и могли быть проигнорированы в советских издательствах тружениками новейшего пошиба, готовыми пренебречь «изысками» своенравного автора. Когда исследователи констатируют непоследовательность Белого, возвращающегося в «Москве» к «дедовскому» (с. 160), нормативному оформлению прямой речи, а в поздних мемуарных книгах восстанавливающего неортодоксальную пунктуацию, они опрометчиво исходят из убеждения, что авторский текст во всех этих случаях воспроизведен вполне адекватно и санкционирован его создателем.

С полным доверием авторы «Шедевра трудного чтения» относятся и к новейшим переизданиям романов Белого, в то время как — в ходе рассмотрения его неортодоксальной пунктуации — стоило бы отдать предпочтение прижизненным изданиям (в частности, при цитировании фрагментов прямой речи). Например (привожу цитату, не учтенную в монографии), в современном издании «Котика Летаева», которым пользуются наши исследователи, реплики папы («папа мой раскричится») подаются следующим образом:

— «Позвольте же...»
— «Нет-с...»
— «Что такое вы говорите?..»
— «Да вас бы я...»[3]

[3] *Андрей Белый.* Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М., 1997. С. 94.

В этом пунктуационном оформлении реплики могут быть восприняты как принадлежащие разным лицам. В первом прижизненном издании (по старой орфографии и с соблюдением старой пунктуационной нормы — повторением кавычек после абзаца при воспроизведении пространной цитаты или прямой речи; по современной норме кавычки после тире во втором, третьем и четвертом абзацах не употребляются):

— «Позвольте же...

— «Нет-с...

— «Что такое вы говорите?..

— «Да вас бы я...»

Кавычки, заключающие последнюю строку, указывают, что в тексте приводится монологическое высказывание, разбитое на четыре реплики.

Разворачивая перед читателем своего рода каталог разнообразных «девиаций», наблюдаемых у Андрея Белого (а также и в двух параллельных рядах — у предшественника, Гоголя, и представителя нового литературного поколения, Андрея Платонова: подмечены интереснейшие примеры соответствий и отличий повествовательной техники этих мастеров по отношению к Белому), авторы ограничиваются корпусом его опубликованных произведений — собственно печатными текстами. Между тем рукописи Белого демонстрируют еще бóльшую безудержность в манифестации авторского своеволия. Одни и те же слова встречаются у него сплошь и рядом в различных орфографических вариациях, иногда даже в одних и тех же текстах, на расстоянии нескольких строк друг от друга. Стремление писать не по правилам, вопреки норме распространялось у него и на такую, казалось бы, не поддающуюся корректировке сферу, как начертание имен собственных — в том числе лиц из его ближайшего окружения. Фамилия М. О. Гершензона в автографах Белого дается неизменно и повсеместно как «Гершенсон». Е. П. Блаватская под его пером — «Блавадская». В «Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке», опубликованных в 1922 году в «Записках мечтателей», Брюсов фигурирует как «Брюссов», и это редкий случай, когда многократно повторенная автографическая «девиация» была сохранена (издателем С. М. Алянским, почтительно трепетавшим перед непредсказуемым автором) в тексте альманаха. С использованием рукописей писателя можно было бы составить достаточно пространный орфографический словарь «ино-языка» Андрея Белого — что было бы дополнительным подтверждением правоты наших исследователей в их убеждении: «Ему проще создать свой язык, чем овладеть общепринятым» (с. 561).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-232-233

© *Т. В. Мисникевич*

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ — МАСТЕР ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА*

Рецензируемое издание «Василий Каменский. Материалы и исследования» включает письма поэта В. В. Каменского к его возлюбленной Софии Цеге, переписку с «отцом российского футуризма» Д. Д. Бурлюком, письма литературоведу и писателю Т. С. Грицу, а также статьи американских славистов Дана Угуряну о романе Каменского «Стенька Разин» и Николая Фиртича «Коровы и алогизм русского авангарда».

Основное внимание авторов сборника сосредоточено на письмах В. Каменского, насыщенных биографическим и историко-литературным материалом. Публикацию писем сопровождают три вступительных статьи, написанные А. В. Крусановым. В них подробно излагается биография и творческая деятельность Каменского в 1920–1940-х годах. Как справедливо отмечает исследователь, интерес литературоведов к Каменскому до сих пор ограничивался главным образом его футуристической юностью, участием поэта в деятельности группы «Гилея» (1910–1914), в то время как постфутуристический период его биографии почти не привлекал к себе внимания. Статьи А. В. Крусанова посвящены именно этому периоду жизни и деятельности Каменского и заполняют лакуны в биографии поэта.

Письма Каменского к Цеге (публикуемые сотрудницей Государственного музея В. В. Маяковского Г. А. Антиповой) наглядно показывают, как история любви поэта творчески преобразилась в его романе «27 приключений Хорта Джойс». Собственно, без знания этих писем невозможно правильно понять и сам роман. Публикация больших отрывков из дневника Каменского (лето 1922 года) открывает еще одну неожиданную грань творчества этого оригинального автора, упоительно описывавшего процесс собственного творчества во время работы над пьесой «Пушкин и Дантес», в конце которой он по-футуристически исправ-

* Василий Каменский. Материалы и исследования / Науч. ред. и сост. Н. Г. Фиртич. СПб.: Издательство Общества «Аполлон», 2019. 560 с.

лял историю, заставляя поэта застрелить своего соперника.

Заслуживает внимания переписка Каменского с Бурлюком, проживавшим с 1922 года в Нью-Йорке (подготовлена А. В. Крусановым и Н. Г. Фиртичем). Переписка в основном деловая, повествующая о безуспешных попытках Каменского поехать на гастроли в Америку и его настойчивом желании заманить Бурлюка обратно в Россию. Но есть в ней также и ностальгические воспоминания о футуристической юности, и восторженные описания советской жизни, сквозь которые изредка прорывались вздохи, мол, «мещанство одолело».

Не менее интересны письма Каменского Т. С. Грицу (публикуемые сотрудником Государственного музея В. В. Маяковского Д. В. Карповым), охватывающие большой промежуток времени, с 1931 по 1947 год. Каменский нелегко преодолел этот сложный период отечественной истории. Он был удостоен феерического многомесячного чествования по случаю 25-летия литературной деятельности, прошел через допросы в НКВД, лишь по счастливому стечению обстоятельств не закончившиеся арестом (который уже был санкционирован Сталиным), был избран депутатом, награжден медалью, пережил тяжелую болезнь, завершившуюся ампутацией обеих ног (нельзя без содрогания читать, как эти операции проходили без наркоза) и последующим параличом, — все это подробно описано во вступительной статье. Но в письмах события его реальной жизни отразились очень слабо. В них присутствует как будто параллельная жизнь. Наиболее яркие страницы писем посвящены северной природе, охоте и рыбалке. В этих отрывках эпистолярная проза Каменского поднимается до уровня художественной.

В целом, эта триединая публикация рисует нам совершенно другого Каменского, лишь отдаленно похожего на того, каким он сам себя изобразил в автобиографических книгах «Путь энтузиаста» и «Жизнь с Маяковским».

Д. Угуряну, задавшийся вопросом, как сделан роман Каменского «Стенька Разин», выделяет круг исторических источников, на которые опирался автор, отмечает тенденциозный отбор исторических фактов, подчиненный оригинальной трактовке героя как поэта-барда. Нам кажется правильной мысль исследователя, предположившего, что Каменский отождествлял себя с Разиным, поскольку впоследствии при постановке одноименной пьесы сам играл роль Стеньки. Подобное отождествление предопределяет отбор, трактовку и переосмысление исторических фактов, использованных в романе. Впрочем, факты отнюдь не главное в структуре романа, жанр которого исследователь называет «футуристической мистерией» или гибридом «между лиро-эпическим романом и неодионисийской трагедией». Главное в нем — поэтизация бунта, прославление вольной, бесшабашной, наивной и первобытной жизни.

Завершает сборник «лирический этюд» Н. Фиртича, посвященный отношению некоторых деятелей русского авангарда к... коровам. Автор добросовестно перечисляет и описывает использование образов коров В. Каменским, В. Кандинским, К. Малевичем, А. Крученых и М. Шагалом, приходя к выводу, что коровы оказываются связаны со склонностью художников и поэтов к алогизму, абсурду и бессмыслице. На законный вопрос: почему именно коровы связаны с алогизмом, абсурдом и бессмыслицей, автор ответа не дает. Также не рассмотрен вопрос, все ли поэты и художники, склонные к алогизму, абсурду и бессмыслице, изображали в своем творчестве коров. В качестве шутки этот «лирический этюд» излишне громоздок; для пародии на искусствоведческую статью — слишком серьезен. С темой сборника он связан крайне слабо. В общем, непонятны мотивы его публикации.

К достоинствам сборника следует отнести обилие нового биографического материала о Каменском, который характеризует поэта как мастера эпистолярного жанра, данный ракурс еще не был широко представлен в работах о нем.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-233-234

© *Р. А. Поддубцев*

ВЫЗВОЛЯЮЩИЙ ИЗ ЦЕПЕЙ: УЧЕНИЕ А. Ф. ЛОСЕВА О СТИЛЕ*

В 2019 году издательство «Нестор-История» выпустило том «Учение о стиле». В нем собраны поздние работы философа и искусствоведа А. Ф. Лосева. Прежде всего это объемные труды «Некоторые вопросы из истории учений о стиле» и «Теория художественного стиля», впервые печатающиеся в России. К ним прилагается фрагмент книги «Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана», а также статьи «Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости», «Художественные каноны как проблема стиля», «Проблема вариативного

* *Лосев А. Ф.* Учение о стиле / Общ. ред. и сост. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; вступ. статья К. В. Зенкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.

функционирования поэтического языка» и конспект лекций по истории эстетики Нового времени.

Составители тома А. А. Тахо-Годи и Е. А. Тахо-Годи в послесловии резюмируют: «Настоящее издание может рассматриваться как своеобразная антология всего написанного А. Ф. Лосевым в 1970-е годы об учении о стиле, что может помочь лучше представить эволюцию взглядов мыслителя на эту проблему при соотнесении их с работами 1920-х годов...» (с. 448). Опубликованные труды не только дают представление о взглядах А. Ф. Лосева. Они одновременно расширяют и уточняют границы толкования такого сложного понятия, как стиль, и намечают пути дальнейших исследований.

А. Ф. Лосев является принципиальным противником позитивизма. Это исходный пункт его рассуждений. В качестве иллюстрации достаточно привести одну критическую реплику: «Чистый позитивизм как учение о каких-то якобы чувственно воспринимаемых, якобы объективных и якобы фактах никогда и нигде не выдерживал своей позиции до конца» (с. 122). Философские убеждения А. Ф. Лосева естественным образом влияют на его филологические предпочтения. В «Учении о стиле» часто встречаются указания на недостатки позитивистских подходов к анализу художественных текстов. Эту последовательность и стройность мысли хочется особо выделить. А. Ф. Лосев выступает прежде всего против формальной школы и структурализма. Он пишет: «...тот формалист, который хотел бы свести явление стиля только на подсчеты букв в словах, подсекает сам себя, и, чтобы осмыслить хоть как-нибудь свою статистику, волей-неволей должен вводить в свое исследование и содержательные моменты стиля» (с. 134). И чуть ниже: «Такой структуралист, который ничего не видит в предмете, кроме структуры, конечно, заслуживает осуждения. Ведь всякая структура есть структура *чего-нибудь*» (с. 197). С другой стороны, мы находим у него критику вульгарного социологизма и ленинской «теории отражения». Вот соответствующий фрагмент: «Это отождествление художественных стилей с экономической структурой общества, а иной раз даже и просто с его способом производства, по существу, было абстрактной метафизикой экономических категорий...» (с. 174). И еще один: «Художественный стиль не есть только отражение действительности, но и обратное воздействие на действительность» (с. 210). Стоит также подчеркнуть, что А. Ф. Лосев порицает стремление к абсолютизации тех или иных подходов, тягу к крайностям. Ему свойственен пафос умеренности, навеянный, очевидно, античными философскими системами и художественными образцами.

Что же предложено в «Учении о стиле» в качестве эффективного метода? А. Ф. Лосев считает неизбежным и необходимым сочетание эмпирических изысканий с логическим анализом стилевых проблем. Диалектически вскрывая заглавное понятие, он дает лаконичное определение. С его точки зрения, стиль — это «принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей, ощущаемых, однако, имманентно самим художественным структурам произведения» (с. 228). Решающее значение здесь имеют три нюанса. Во-первых, провозглашается примат действительности, т. е. делается акцент на способности *внехудожественных* явлений служить опорой для построения художественных структур. Во-вторых, признается факт сохранения в произведении искусства *первичного* потенциала, благодаря которому оно является не только копией, но и образцом. Наконец, последнее и, возможно, главное. А. Ф. Лосев делает ставку в том числе на *интуицию*. Он предостерегает: «Гоняясь за точным анализом художественного стиля, мы часто не замечаем того, что впадаем в излишний рационализм и излишним образом логизируем и само художественное произведение, и его стиль. Надструктурные и надмодельные, надтехнические и надсознательные приемы должны вызволить нас из цепей этого метафизического рационализма» (с. 220). Более того, не все может и должно быть познано до конца. А. Ф. Лосев оставляет место для тайны и великодушно освобождает нас от псевдонаучного празднословия.

Книга «Учение о стиле» сегодня не будет лишней на полке каждого филолога. Не исключено, что радикально настроенным исследователям она покажется чересчур традиционной или даже старомодной. В середине XX века А. Ф. Лосев не боялся высказывать непопулярные суждения, шедшие вразрез с господствовавшим тогда структурализмом (в советской России, конечно, в умах, а не в официальном культурном поле), теперь, на исходе первой трети XXI века, он тоже едва ли придется ко двору. Однако нужно вовсе не иметь философского и литературоведческого чутья, чтобы отрицать острую актуальность его работ. В эпоху трансгуманизма и развития искусственного интеллекта А. Ф. Лосев поворачивает нас лицом к человеку, утверждая ценность личности и не впадая при этом в субъективизм. Он постулирует: «...как бы там ни было, а последнее объяснение художественного стиля коренится только в общечеловеческой истории» (с. 216). Напоследок стоит добавить, что тексты, вошедшие в изданный том, сами по себе являются превосходными образчиками стиля (в обиходном значении этого слова). Убедительность, тактичность, а иногда и ироничность их автора вызывают почтение.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-235-238

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ВОПРОСЫ СЛАВЯНО-РУССКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ»

2–3 октября 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН проходила десятая конференция молодых специалистов. Как напомнили ее организаторы — Т. Б. Карбасова и С. А. Семячко, — предыдущая конференция состоялась 10 лет назад. В октябре 2019 года 15 студентов, магистрантов, аспирантов и младших научных сотрудников Института русской литературы, Института истории и филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Псковского университета, Московского педагогического университета вынесли на обсуждение свои исследования, посвященные широкому кругу вопросов.

В докладе Н. А. Шереметова (Санкт-Петербург) «Проложные жития Феодосия Печерского в составе Службы на преставление святого (3 мая)» была поставлена задача определить, текст из какой редакции Пролога читается в рукописных сборниках XIV–XV веков, содержащих Службу на 3 мая. Опираясь на выводы О. В. Лосевой о наличии Краткой и Пространной редакций Пролога, исследователь установил, что в текстах Служб после 6-й песни канона кондака и икоса читается Житие и Слово от Жития из Пространной редакции Пролога. При этом отмечено, что в рукописи 1440-х годов (БАН. 33.20.14) в Службе Феодосию Печерскому чтения в тексте Жития ближе к тем, что читаются в Прологе 1410–1425 годов (ГИМ. Успенское собр. № 3), а в Слове от Жития — к спискам Прилуцкого Пролога (РНБ. Собр. СПбДА. AI/264. Т. 2), обнаруживая связь с чтениями из самого раннего списка Слова — второй половины XIV века (ГИМ. Синодальное собр. № 246). Близкое сходство со списком БАН отмечено в выявленном исследователем списке 1460-х годов (РНБ. Собр. Погодина. № 615), который был составлен в Киево-Печерском монастыре при архимандрите Николе, что позволило отнести оба списка к одной рукописной традиции. Кроме того, Шереметов указал на большое количество разночтений в Житии и Слове от Жития в сборнике конца XV века (БАН Литвы. Ф. 19. № 102) и бденной службе святому, отличающих их от текстов в Краткой и Пространной редакциях Пролога. При этом было установлено, что бденная служба полностью совпадает со Службой, изданной в составе Анфологиона 1619 года в типографии Киево-Печерской лавры.

Е. А. Карпова (Санкт-Петербург) в докладе «Святитель Серапион Новгородский: Читатель, мыслитель и автор (по материалам собрания рукописей Троице-Сергиевой лавры)» попыталась установить на основе шести рукописей, связанных с именем Серапиона (Пятикнижие, Поучения Исаака Сирина и аввы Дорофея, Киево-Печерский патерик, сборник Слов и житий избранных святых, Минея общая с Шестодневом), а также исследований предшественников, посвященных Житию новгородского святителя конца XV — начала XVI века и его Посланию митрополиту Симону, круг интересов Серапиона Новгородского.

Доклад Н. В. Белова (Санкт-Петербург) «Житие Германа Казанского: Датировка, авторство, источники» был основан на материалах десяти выявленных им списков памятника, которые исследователь подразделил на три редакции: Пространную и Краткую, которые являются авторскими и относятся к 1660-м годам, и Саровскую, составленную на основе Пространной в XVIII веке. Анализ Пространной (первоначальной, по мнению выступавшего) редакции позволил прийти к выводу, что она была создана Иоанном, служащим Казанского архиерейского дома в 1660-х годах, его источниками были Житие Гурия и Варсонофия Казанских, устный рассказ архиепископа Лаврентия Казанского о поддержке Германом митрополита Филиппа в его противостоянии с царем Иваном Грозным и актовый материал Казанского архиерейского дома.

Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург) продолжила исследование Жития Ефрема Новоторжского. В докладе «Сюжет о главе Георгия Угрина в Житии Ефрема Новоторжского» она отметила, что созданное в 1570–1580-х годах в Борисоглебском Новоторжском монастыре Житие его основателя, который жил в XI веке, испытывало недостаток фактов биографии подвижника при необычности материального свидетельства (вторая голова рядом с мощами святого). Текстологическое исследование памятника позволило сделать вывод о том, что ряд едва намеченных в Краткой редакции сюжетов, основанных на устной традиции, был развит в Пространной. В качестве возможных источников рассказа о Ефреме, одном из трех братьев-угринов, который принес отсеченную главу Георгия в Торжок, хранил ее у себя

и завещал похоронить вместе с собою, были названы иконописные изображения святых-главоносцев, в том числе великомученика Георгия, и другие «сюжеты и символы» (по определению М. Б. Плюхановой) Московского царства.

Л. А. Веппе (Санкт-Петербург) сделала доклад «Древнерусские сборники антилатинской тематики: Состав, происхождение и проблемы классификации», в котором попыталась выделить из корпуса полемических сочинений особую группу, объединенную темой обличения «латинян». Оговорив, что первые произведения подобной тематики были переводными, а некоторые антилатинские тексты читались в Кормчих, Четьих-Минеях и сборниках смешанного состава, исследовательница стремилась определить частотность отдельных произведений и текстовых блоков в рукописях.

В докладе «За кулисами текста: Из истории создания Книги о Тихвинской иконе Богоматери в редакции Симеона Полоцкого» Е. С. Дилигул (Санкт-Петербург) обратилась к одному из этапов литературной истории «Сказания о Тихвинской иконе Богородицы», которое было написано в XVI веке. В середине XVII века иконописец Родион Сергеев составил Книгу о Тихвинской иконе, объединившую все тексты, посвященные этому богородичному образу. На ее основе Симеон Полоцкий создал свою редакцию Книги. Черновые материалы, отражающие процесс работы автора над ее формированием, содержатся в авторской рукописи (ГИМ. Синодальное собр. № 542), куда вошли Предисловие, «Метры краесогласные» и новые чудеса. Другой автограф Симеона Полоцкого (РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 7487) является композиционно единым законченным памятником — Книгой о Тихвинской иконе Богоматери, в котором содержится значительное количество разновременных записей (XVII–XIX веков) и правок XVII века, учтенных в более поздних списках Книги. Копии писем князя П. И. Прозоровского (1675–1680 годов) в Тихвинский Успенский монастырь и ответные послания ему подтверждают мнение о том, что Книга готовилась Симеоном Полоцким к печати.

Фу Хэн (КНР) выступил с докладом «Хроника Константина Манассии: Перевод А. Д. Кантемира и древнеславянский перевод», в котором обратился к анализу стилистики Хроники, известной на Руси по болгарскому переводу с начала XVI века. Опираясь на исследования Б. А. Градовой, рассмотревшей взаимоотношения автографа перевода и двух его позднейших списков, Фу Хэн, сравнив версию Кантемира с изданным в Лейдене в 1616 году латинским переводом и греческим текстом, пришел к выводу о последовательном стремлении автора избегать повторов, расширяя круг синонимов («цвет» — «колер»; «всебагреный» — «червленый» — «багрено» и т. п.), и отметил пристрастие переводчика к составным эпитетам, которые известны и по его переводам анакреонтических од («удоборазумительный», «щедроподательство», «изобильнодаяние»). В многочисленных глоссах Кантемир, по наблюдению исследователя, приводил синонимы комментируемых слов («скудельник — гончар»; «элефант — слон»). Все это позволило переводчику «расцвечивать» стиль источника, следуя барочной традиции.

В докладе А. В. Волкова (Санкт-Петербург) «Библейская география в „Келейном летописце“ Димитрия Ростовского: Западные источники» была затронута тема источников библейской топографии святителя. Назвав сочинения европейских авторов XVI–XVII веков («Обозрение Святой земли» Христиана Адрихомия, «Комментарии к Книге Бытия» Корнелия а Лапиде, «Синопсис» Георгия Кедрина, «Хроника» Иоанна Навклира и «Собрание хроник» Иакова Бергамского), исследователь подчеркнул, что в вопросе о местоположении земного рая и его судьбы после Всемирного потопа Димитрий Ростовский разделял точку зрения Корнелия а Лапиде, расширив приведенные предшественником примеры в пользу его реального существования ссылкой на Жития Иоанна Златоуста и мученицы Дорофеи; разделил «поле Дамасково» близ Хеврона, куда переселились Адам и Ева после изгнания из рая, и город Дамаск, по пути в который произошло обращение Савла; ссылаясь на Корнелия а Лапиде, полагал, что мощи Адама были взяты Ноем на ковчег, поделены между его сыновьями, а Сим похоронил череп Адама на Голгофе. Димитрий Ростовский разделял Салим и Иерусалим, замечая, что царь Мелхиседек мог иметь отношение к основанию Иерусалима, затронул этимологию названия «Иерусалим», возводя его к греческому «святой» и еврейскому «мир». В сведениях о Мертвом море, возникшем на месте Содома и Гоморры, и об истории соляного столпа, в который превратилась жена Лота, изложенных по Адрихомию, назидательная составляющая была для ростовского митрополита главной.

В выступлении А. А. Тихомировой (Москва) «Стихирарь минейный (РГБ. Ф. 379. № 63): Особенности состава и фиксации песнопений» были подробно рассмотрены сентябрьские службы первой рукописи Стихираря, месяцеслов которого включает 57 памятей, в том числе 11 служб русским святым и 2 — двунадесятым праздникам. Сопоставив данные с Уставами и печатной Минеей, исследовательница пришла к выводу, что в месяцеслов Стихираря были внесены памяти, которых нет в современных ему Уставах и Минее (Мирожской иконе Знамение, например); в ряде служб русским святым «повышен» знак, что расширяет число песнопений (князю Федору Смоленскому и Иосифу Волоцкому); были включены два чина (на освящение церкви и «Провожение Новому лету»); увеличено число песнопений в цикле стихир на литии (князю Михаилу Черниговскому и Крестовоздвижению); расширен жанровый состав чинопоследований (за счет тропарей, кондаков и светильнов); даны подробные уставные указания; приведены различные версии песнопений и песнопения раз-

ных певческих стилей (демественное многоголосие и многогласники). Все эти характеристики подтверждают вывод об исключительности данной рукописи.

С. М. Маланина (Санкт-Петербург) представила доклад «О функционировании библейских цитат в „Записке“ инока Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского». Она сосредоточилась на теме «приуготовления к кончине» святого и попыталась обратить внимание на цитаты из 118-го псалма, которые были приведены Иннокентием в сцене панихиды во время пятничной вечерни и в эпизоде, повествующем о последних часах жизни Пафнутия. По мнению исследовательницы, цитирование псалма, входящего в последование панихиды, важно для символического плана повествования (смерть подвижника как духовное восхождение).

Доклад Т. А. Чернышевой (Псков) «Интертекст в гимнографии Недели о Блудном сыне (по нотированным Триодям XVII в.)» был посвящен исследованию интертекстуального взаимодействия гимнографического текста с библейским первоисточником, определению того, каким образом сюжет притчи оказывается включен в литургический текст и встроен в более широкий контекст великопостного богослужения. В результате сопоставительного анализа текста службы Недели о Блудном сыне с текстом притчи выявлены евангельские цитаты и аллюзии; проведена классификация фрагментов гимнографического текста на семантические «сферы», соотносимые с образами Отца, Блудного сына во грехе, раскаявшегося Блудного сына; определена степень вариативности в интерпретации библейского текста; при сопоставлении текстов чинопоследования Недели о Блудном сыне с другими текстами великопостного богослужения обнаружены общие для них топосы.

В докладе Р. С. Поимцева (Псков) «К истории музыкально-поэтического текста стихиры „Честное воскресение Свое“ из службы Входа Господня в Иерусалим в древнерусской нотированной книжности» было предложено комплексное исследование музыкально-поэтического текста стихиры 6-го гласа из праздничной службы Входа Господня в Иерусалим. История ее создания восходит к византийской традиции VII–VIII веков, автором считается гимнограф и мелод Андрей Пирр, стихира изначально имела ремарку «самогласна», входила в микроцикл на «Господи, воззвах», что определило ее местоположение, роль и функцию в древнерусских рукописях певческой традиции. Стихира «Честное воскресение» известна по новгородским спискам Триоди XII–XIII веков. Исследователем подробно рассмотрен поэтический и музыкальный текст стихиры, объединившей несколько сюжетов (Воскрешение Лазаря, вход в Иерусалим, Воскресение Христа из мертвых), прослежены лексические и контекстные связи с соответствующими службами; установлена эволюция распева (от архаичных форм монодии к строчному многоголосию). Сопоставление со Стихирарем Венской библиотеки XII века (Codex theol. Gr. 136), нотированным палеовизантийской нотацией, позволило определить степень заимствования в древнерусской традиции исходной структуры текста, принципов нотирования. На рукописном материале прослежено взаимодействие текста и распева на протяжении семи веков (введение попевок, лиц и фит), словарь гласовых музыкальных формул.

Т. В. Бурилкина (Санкт-Петербург) в докладе «Молитва „Боже пречистый всего созданья содетелю“ в славянском тексте чина венчания: Текстологический анализ и язык» рассмотрела историю текста первой дополнительной молитвы, которая встречается только в древней редакции славянского чина венчания (в правленых редакциях чинопоследования — Киприановской и Афонской — эта молитва была изъята), однако позже вновь включена в текст и содержится в современном чине венчания. Как показала исследовательница, композиция текста трехчастна (ветхозаветная часть с упоминанием супружеских пар от Адама и Евы до Захарии и Елизаветы; новозаветная — описание чуда на брачном пиру в Кане Галилейской; благословение брачующихся на счастливую семейную жизнь), сам текст стабилен, что свидетельствует об отсутствии новых славянских переводов и правки текста.

Доклад Аояма Таданобу (Япония) «Генеалогические связи Пустозерского сборника И. Н. Заволоко и производных от него списков» базировался на палеографических наблюдениях над текстами трех списков Пустозерского сборника конца XVIII — XIX века (ГИМ. Собр. Барсова. № 200; РНБ. Собр. ОЛДП. Q.730; РНБ. Собр. Титова. № 4218), которые, согласно выводам Н. С. Демковой, непосредственно восходят к автографу Аввакума из собрания И. Н. Заволоко (ИРЛИ. Оп. 24. № 43). Исследователь показал, как перенос на другую строку части слова «видимое» (види/мое) в автографе был понят писцом Барсовского списка как «видиние (с исправлением И на ѣ) мое» и повторен в списке ОЛДП; слово «начал/ник» автографа — как «начал никто» в Барсовском списке, а в ОЛДП — «начал нѣкто», что свидетельствует о том, что непосредственно к сборнику восходил Барсовский список, который стал антиграфом для списка ОЛДП. Однако при этом в тексте ОЛДП содержится ряд более верных чтений, совпадающих с автографом («Пущи» вместо ошибочного в Барсовском «Пещи», например), что, по мнению исследователя, объясняется очевидностью ошибок антиграфа, которые исправил переписчик ОЛДП. Поскольку поздние списки не имеют признаков выговских рукописей, было сделано предположение о том, что сборник И. Н. Заволоко в конце XVIII — начале XIX века находился за пределами Выга.

В докладе А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «К проблеме материальной составляющей повседневности древнерусского пишущего» были приведены материалы, позволяющие уяснить технический процесс создания рукописи.

Были собраны и систематизированы сведения о материальном инструментарии профессионального писца XV–XVII веков на основании фактов, содержащихся в описях, приходно-расходных и таможенных книгах, свидетельств иностранных путешественников и изобразительных источниках. Инструментарий пишущего, как показала исследовательница, был обширен (тряпицы для вытирания пера, процеживания чернил, листы-пробники, оселок для заточки перочинного ножа, плита для измельчения киновари, звериный зуб для ухода за писчим пером и кусок слоновой кости для вощения бумаги, железная мешалка для чернил, дорогостоящая греческая губка). Корректировка ингредиентов красящих веществ требовала от профессионального писца навыков в «писцовой химии» (перечисляются камедь, квасцы, сурик, купорос, кислые яблоки, гвоздика, имбирь, вино, калач), что позволяет получить представление об объеме необходимых знаний и умений пишущего. Результатом работы в дальнейшем должен стать полный каталог инструментария древнерусского писца.

Все доклады вызвали живую дискуссию. Активное обсуждение выступлений, в котором приняли участие Н. В. Понырко, Т. И. Афанасьева, А. Н. Кручинина, Ж. Л. Левшина, О. В. Панченко, Н. В. Савельева, С. А. Семячко, А. В. Сиренов, М. А. Федотова и др., дало возможность увидеть новые направления исследований, уточнить выводы и расширить представление о месте памятников в истории культуры Древней Руси.

© *И. А. Лобакова,*
© *В. А. Ромодановская*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-238-240

ВОСЬМОЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

4 декабря 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялся Восьмой агиографический семинар. Традиционная встреча специалистов по агиографии открылась докладом Е. В. Романенко (Москва) «Борисоглебский цикл как источник по канонизации святых». Как показала исследовательница, уже первая русская канонизация обнаружила определенную последовательность действий со стороны княжеской и церковной власти. Литературные памятники XI века, посвященные святым Борису и Глебу, отразили четкое понимание критериев святости, без которых прославление не могло состояться. Вопрос о канонизации был поставлен после того, как появились известия о чудесах от мощей Бориса и Глеба (само по себе обретение нетленных мощей не стало достаточным основанием). Инициатива канонизации исходила от князя Ярослава Мудрого. По одним данным, митрополит Иоанн I согласился с князем, по другим, высказывал осторожные сомнения, но князь настоял на своем. По приказу Ярослава была построена и освящена во имя князей-страстотерпцев церковь, установлен день ежегодного церковного празднования, а также написана икона с изображением Бориса и Глеба; впоследствии была составлена служба святым. Наличие основных признаков канонизации доказывает, что она совершилась при Ярославе Мудром. Последующие перенесения мощей Бориса и Глеба 20 мая 1072 года и 2 мая 1115 года послужили поводом установления новых дней памяти святых и распространению их почитания. Первая русская канонизация, по заключению Романенко, стала эталонной для позднейших, определив критерии и порядок проведения процедуры прославления святых.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) прочла доклад «К вопросу о почитании русских святых в Кирилло-Белозерском монастыре в XV в.». Она исходила из предположения, что наличие посвященных русским святым текстов в монастыре в той или иной мере может свидетельствовать об их почитании. Начав рассмотрение источников с «Кирилловских святцев» (по преданию принадлежавших Кириллу Белозерскому) и «Допахомиевской службы» преподобному Кириллу, Карбасова установила, что интерес к сбору сведений о русских чудотворцах стал заметен к началу 60-х годов XV века. Он проявился в заказе Пахомию Сербу Жития и Службы основателя обители, подготовке Служебных миней, в археографической и редакторской деятельности Ефросина и, наконец, в пополнении библиотеки сборниками житий новых чудотворцев («Одинцовский патерик», сборник собрания Н. П. Лихачева, № 161). Новый этап в почитании русских святых в Кирилловом монастыре связан с деятельностью Гурия Тушина — это уже не собирание, а создание новых текстов и новых редакций служб и житий, очевидно ориентированных на монастырское богослужение (Краткого жития и Похвального слова Кириллу Белозерскому, Кирилловской редакции Жития Авраамия Смоленского, особой редакции «Вассиановых чудес» Зосимы и Савватия Соловецких, особой редакции «Чудес на обретение мощей Бориса и Глеба», сокращенных редакций служб Авраамию Смоленскому, Зосиме Соловецкому, Антонию Печерскому). Очевидно, к концу XV ве-

ка в церковном сознании уже сформировался устойчивый запрос на прославление русских чудотворцев, который и нашел отражение в деятельности старца Гурия.

Упомянутый Т. Б. Карбасовой сборник стал предметом специального исследования А. В. Духаниной (Москва) в докладе «О происхождении и бытовании агиографического сборника СПбИИ РАН, колл. Н. П. Лихачева, № 161». Сборник 70-х годов XV века уникален по составу и имеет большое значение для русской агиографии: это один из первых годовых минейных торжественников, содержащий преимущественно русские жития и сказания, многие из которых представлены в этом сборнике самыми ранними списками (в частности, Жития Стефана Пермского, Исайи, Авраамия, Исидора, Игнатия Ростовских, Епифаниевская редакция Повести о Темир-Аксаке и др.). Не менее интересна, как показала Духанина, история сборника, тесно связанная с Кирилло-Белозерским монастырем: рукопись была привезена (предположительно из Троице-Сергиева монастыря) в обитель, где в XVI веке использовалась на ежедневных чтениях по Уставу; в самом конце XVI века сборник был привлечен как один из источников при составлении годового трехтомного комплекта миней четьих в монастыре. В XVII веке сборник вывезли в Умбу — отдаленную вотчину Кирилло-Белозерского монастыря на Кольском полуострове. В XVIII веке он попал на Нижнюю Печору — в Великопоженский скит, где старообрядцы извлекли из него Киево-Печерский патерик, первоначально входивший в его состав, отреставрировали и заново переплели. Среди записей на защитных листах рукописи есть автографы известного усть-цилемского книжника И. С. Мяндина.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Агиографическая составляющая Сказания о Спасо-Каменном монастыре». Сказание имеет сложную природу, обусловленную множеством разножанровых источников его текста. Первый, наиболее ранний, летописный слой памятника был выявлен О. Л. Новиковой. В нем не оказалось целого ряда эпизодов, а именно — рассказов о Дионисии Глушицком, Александре Куштском, игумене Кассиане, Иоасафе Каменском. Семячко рассмотрела фрагменты Сказания, посвященные русским святым (Дионисию Глушицкому, Александру Куштскому и Иоасафу Каменскому), попытавшись ответить на вопрос, когда, где и на базе каких источников были сделаны агиографические дополнения в текст Сказания о Спасо-Каменном монастыре. Докладчица установила зависимость Сказания от Жития Дионисия Глушицкого, продемонстрировала, что отношения с Житием Александра Куштского могут быть двоякими, и на основании сопоставления Сказания с вторичным по отношению к нему Житием Иоасафа Каменского показала, что эти два произведения создавались в разных местах: Житие преподобного Иоасафа в Спасо-Каменном монастыре, а Сказание — за его пределами. При этом исследовательница согласилась с О. Л. Новиковой, предположившей возможность написания Сказания о Спасо-Каменном монастыре в Кирилло-Белозерской обители.

Доклад «Житие Германа Казанского и казанский митрополит Лаврентий II» прочел Н. В. Белов (Санкт-Петербург). Житие второго казанского архиепископа Германа Садырева-Полева (1564–1567) было создано в первой половине 1660-х годов по инициативе казанского митрополита Лаврентия II. По признанию автора Жития, книжника Иоанна, митрополит Лаврентий выступал в роли не только заказчика, но и главного поставщика сведений о жизни св. Германа. Будучи ставленником патриарха Никона и приверженцем его реформ, митрополит Лаврентий намеренно привнес в житийный текст сюжеты, призванные обеспечить поддержку никонианских идей. Так, если в Житии митрополита Филиппа Герман совместно с митрополитом выступал против опричной реформы царя Ивана на Соборе 1567 года, то в Житии Германа он был представлен в роли защитника Филиппа на соборном суде 1568 года. По своему «обличительному» посылу Житие Германа в некоторых случаях превосходит все прочие произведения «филипповского цикла». Рассказ Жития об обстоятельствах приглашения Германа занять пост настоятеля Старицкого Успенского монастыря был, по предположению Белова, придуман митрополитом Лаврентием, занимавшим ранее Тверскую архиепископскую кафедру и желавшим тем самым связать судьбы двух подвластных ему епархий — Тверской и Казанской.

А. Ю. Семанин (Москва) выступил с докладом «Житие св. кн. Андрея Смоленского в рукописной традиции XVI–XIX вв.». Текст памятника был составлен на основании жития прп. Даниила Переславского, написанного не ранее 1562 года. Исследователю удалось выявить 16 списков Жития XVI–XIX веков, самый ранний из которых содержится в Минее Четьей второй половины XVI века (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 962). Первоначально Житие было кратким и представляло собой повесть об обретении мощей кн. Андрея (Минейная редакция). В XVII веке текст был дополнен несколькими новыми главами, а также подвергся стилистической правке (Расширенная редакция). В следующем, XVIII веке, вероятно, в связи с прославлением святого в 1749 году Житие было значительно переработано, дополнено заимствованиями из новых источников (Пространная редакция). Наконец, в XIX веке были созданы две новые редакции текста (Проложная и Печатная), а также получила самостоятельное бытование первая часть Пространной редакции (Краткая редакция).

Доклад М. С. Егоровой (Санкт-Петербург) «Осмогласники русским святым в Стихираре РГБ, ф. 379, № 63–66 середины XVII в.» был посвящен группе древнерусских гимнографических текстов, объединенных общей музыкальной формой т. н. «осмогласника» и прославляющих избранных русских святых, чья

канонизация состоялась в середине — второй половине XVI века. Немногочисленные тексты осмогласников в честь «новых русских чудотворцев» зафиксированы в нотированных рукописях конца XVI — XVII века и представляют собой уникальный феномен в литургической традиции этого времени. Усложненная форма песнопения-осмогласника, построенная на последовательности фрагментов текста, распетых интонационными формулами первого-восьмого гласов, существовала и в более раннее время, однако именно со второй половины XVI столетия древнерусские роспевщики все чаще обращались к ней в контексте наиболее торжественного богослужения со всенощным бдением и чином целования в его составе. Известны осмогласники в честь таких святых, как Феодор, Давид и Константин Ярославские, Петр Московский, Александр Невский, Петр и Феврония Муромские, Прокопий Устюжский, Василий и Константин Ярославские, Василий Блаженный, Зосима и Савватий Соловецкие. Егорова обратила внимание на важность историко-культурного контекста функционирования осмогласников, — в частности, локальных практик почитания святых в местах их погребения. Она предположила прямую связь возникновения этого типа текстов с социосимволическими действиями в рамках литургического чинопоследования в пространстве гробниц воспеваемых в осмогласниках святых.

Семинар завершился докладом О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «От изучения источников — к критической агиографии: об источниках Жития и Службы митрополиту Филиппу и о принципах „нахождения“ (inventio) агиографами литературного материала». Исследование двух старших редакций Жития митрополита Филиппа позволило установить, что при создании Колычевской редакции были использованы источники преимущественно местного происхождения, тогда как при создании Тулуповской редакции привлекался широкий ряд переводных житий и некоторые другие литературные источники. Тулуповская редакция, таким образом, относится к категории «украшенных» текстов, создававшихся «по образцам», что доказывает ее вторичность: в противном случае пришлось бы признать, что составитель Колычевской редакции последовательно сократил многочисленные литературные заимствования. Во второй части доклада Панченко сделал шаг от источниковедения в область критической агиографии. По наблюдениям исследователя, составитель «украшенной» редакции Жития митрополита Филиппа целенаправленно черпал «новые материалы» для агиобиографии святого не из государевых архивов или местных летописцев, а из житий подобных ему святых (подробнее см.: *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534). Составитель Тулуповской редакции подобрал для изображения митрополита Филиппа прежде всего те агиологические образцы, которые были схожи с ним по типу подвига и чину святости, — святителей-исповедников и преподобных-исповедников. При этом был найден свой агиологический образец для каждого из этапов духовной биографии святого. Поиск агиологического образца, как установил Панченко, включает в себя и выбор связанной с ним литературной модели.

© ***Т. Н. Галашева***

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-240-244

XL НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

4–5 февраля 2020 года состоялась XL Некрасовская конференция, организаторами которой выступили Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова). Традиции проведения Некрасовских конференций в этом году исполнилось 70 лет. Эта традиция была учреждена по инициативе одного из главных специалистов по Некрасову — профессора В. Е. Евгеньева-Максимова. Он же предложил формат, сохранившийся по сей день, когда первый день конференции проходит в Пушкинском Доме, а второй — в музее поэта.

Юбилейная конференция проводилась накануне еще более значимой даты — 200-летия со дня рождения Н. А. Некрасова, которое будет отмечаться в 2021 году. В связи с этим к обсуждению предлагался, наряду с традиционными темами, ряд специфически «юбилейных»: метаморфозы исследовательского интереса в ретроспективе Некрасовских конференций — от первой (1950) до сороковой (2020); писательский юбилей как историко-литературный факт; перспективы и возможности актуализации фигуры Н. А. Некрасова и его наследия в современном художественном контексте; сегодняшние рецепции некрасовских изданий и редакторских стратегий российских журналов XIX века; теоретические и практические аспекты работы литературного музея и т. д.

Конференцию открыл доклад А. К. Секацкого (Санкт-Петербург) «Литературоцентризм русской культуры: его причины и следствия». Констатировав беспрецедентную роль словесности в России (в духовном производстве вообще и в политике в частности), Секацкий отметил, что эта «особенность» не всегда была свойственна русской культуре. Она возникла лишь в первой половине XIX века и утвердилась в его середине при непосредственном участии Н. А. Некрасова как поэта и редактора. Важное следствие литературоцентризма — претензия на власть, которую литератор реализует иногда даже помимо своей воли. Статус писателя как «властителя дум» непредставим для тех культур, где занятия литературой являются «формой достойного времяпрепровождения». По мнению докладчика, эта власть над умами и душами на протяжении двухсотлетней российской истории непрерывно вступала в конфликт с собственно политической властью.

Большой тематический блок, посвященный журналу «Современник», начался с выступления А. А. Иконникова-Галицкого (Санкт-Петербург) «„Современник“, разночинцы, революционное движение: идеологические мифы и историческая реальность. К постановке проблемы». Докладчик подверг сомнению хрестоматийное представление о «Современнике» как о журнале революционно-демократического направления (спектр общественной жизни 1850–1860-х годов не укладывался в рамки традиционного деления на «демократов», «либералов» и «консерваторов»), отражающем установки разночинной интеллигенции. Он проанализировал два основных значения термина «разночинцы», принятых в России середины XIX века: социально-правовое (лица, не приписанные ни к одному из сословий, в основном низшие статские и отставные военные служители, не имевшие классного чина) и культурно-обиходное (лица, вышедшие из непривилегированного сословия, чаще всего по причине получения образования, и не состоящие на службе в чинах «Табели о рангах»), и сделал вывод, что ни одно из этих значений к сотрудникам и авторам «Современника» отнести нельзя.

С. М. Волошина (Москва) представила вниманию аудитории доклад «Английские романы в литературных журналах (к вопросу об издательских стратегиях «Современника» и «Отечественных записок» в «мрачное семилетие»)». С ужесточением цензуры после европейских событий 1848 года «спасением» для редакторов толстых журналов были переводы произведений английской литературы, прежде всего — Ч. Диккенса и У. Теккерея. Их популярность в России, восприятие Диккенса как автора, схожего с писателями «натуральной школы», относительная «благонадежность» английских писателей в глазах цензуры стали причиной жесткой конкуренции журналов за эти произведения. Были рассмотрены несколько издательских стратегий и принципиальных моментов борьбы между Н. А. Некрасовым и А. А. Краевским.

В докладе «Не только идеология: причины, обеспечившие успех некрасовскому „Современнику“» О. Б. Кафанова (Санкт-Петербург) включила в ряд программных для журнала фигур Жорж Санд (наряду с Н. В. Гоголем и Н. Г. Чернышевским). Для многих читателей это был автор, выходивший за пределы литературной парадигмы и прямо вторгающийся в жизнь. Не без помощи переводов ее произведений Некрасову удалось поддержать журнал в «мрачное семилетие», что подтверждает представление о его редакторском умении сочетать идеологическую пропаганду с обсуждением важнейших нравственных проблем. Для иллюстрации этого тезиса докладчица сделала сравнительный анализ двух журнальных полемик, последовавших за публикацией романов «Лукреция Флориани» Жорж Санд и «Что делать?» Чернышевского.

Доклад О. С. Кругликовой (Санкт-Петербург) «Образ Петра I на страницах „Современника“ Н. А. Некрасова в 1850–1860-х гг.» был посвящен спору российской интеллигенции о сущности и значении петровской вестернизации, который явился отправной точкой для политической полемики либеральной и консервативно-монархической журналистики во второй половине XIX века. Она разворачивалась одновременно с обширной работой отечественной исторической науки по созданию полноценной картины Петровской эпохи. Некрасовский «Современник» живо откликался на появление в печати работ, посвященных внутренней и внешней политике Петра I.

В докладе Е. Н. Долгих (Санкт-Петербург) «Герои „Современника“ в дневниках А. В. Никитенко» рассматривался феномен дневника Никитенко и специфичность исторической оптики его автора — университетского профессора и цензора; канцелярской номады; «человека с пером». Сквозь эту оптику в дневнике описывались встречи с А. С. Пушкиным и Н. А. Некрасовым, воссоздавался четкий или причудливый биографический пунктир. Примечательно, что Некрасов на страницах дневника «своего цензора», как он однажды назвал Никитенко, впервые появляется лишь в 1847 году (хотя история их отношений началась в конце 1830-х годов) — уже в ранге издателя «Современника».

Е. И. Чумаченко (Москва) в докладе «Новый поэт в „Современнике“ 1847 г.» проследила процесс становления образа поэта-эпигона (вместо юного поэта «Отечественных записок» 1843 года здесь появляется пожилой чиновник с непривлекательной внешностью) и показала, что Новый поэт вобрал в себя черты разных литературных масок. При этом создатели маски ориентировались и на реальное лицо: история внезапного успеха поэта-чиновника, пишущего романтические стихи, напоминает о вхождении в поле литературы Владимира Бенедиктова. Докладчица пришла к выводу, что объектом пародии Нового поэта в «Современнике»

становится и сама публика, с восторгом принимающая эпигонские стихи.

В докладе Т. П. Баталовой и Г. В. Федяновой (Санкт-Петербург) «Проблема творческой преемственности в русской поэзии 1830–1930 годов» были обозначены основные закономерности историко-литературного процесса, роль Н. А. Некрасова в становлении нового поэтического языка и новых подходов к традиционным темам в русле социологической поэтики, которую в 1920-е годы разрабатывал П. Н. Медведев (1892–1938).

И. А. Александров (Москва) в докладе «Н. Некрасов и поэзия О. Мандельштама (пути преемственности)» обозначил некрасовскую традицию как фактор формирования художественного облика некоторых мандельштамовских стихотворений. Докладчик исследовал репрезентации некрасовской элегической интонации на разных этапах творчества Мандельштама, используя сравнительно-исторический анализ лирики двух поэтов и проводя биографические параллели.

В центре исследований А. Л. Семеновой (Великий Новгород) «М. Горький о творчестве Н. А. Некрасова в „Истории русской литературы“» оказался курс лекций Горького 1908–1909 годов для рабочих Каприйской школы. Интерпретация некрасовского наследия в этом курсе позволяет проследить идейные искания Горького, считавшего, например, что поэт был отдален от народа, и исключившего крестьянскую тему из анализа его произведений. Как заметила докладчица, это могло быть следствием и того, что важнейшая для Некрасова тема не была особо актуальна для каприйских рабочих, и того, что она была чужда самому Горькому.

В. А. Доманский (Санкт-Петербург) выступил с сообщением «Н. А. Некрасов — критик А. А. Фета». Докладчик систематизировал отзывы В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского о критической деятельности Некрасова, а также представил аудитории ряд некрасовских оценок поэзии Фета, первую из которых будущий редактор «Современника» высказал еще в 1843 году.

В докладе Е. И. Самородницкой (Москва) «По стопам Ж. Санд: поэтика Н. Станицкого» были представлены особенности авторской манеры А. Я. Панаевой в жанровом и компаративном аспектах, формирование этой манеры на стыке «жорж-зандизма», «светской» повести и «натуральной школы». Докладчица проследила рецепцию Ж. Санд в некоторых других национальных литературах, представленную вариантами, типологически близкими русскому, но в то же время отличающимися от него (например, викторианский женский роман).

Слушатели познакомились со знаковым эпизодом Некрасовских дней 1902 года в Ярославле, освещенным в докладе И. В. Вагановой (Ярославль) «К истории одной дуэли: К. Ф. Некрасов против Ф. В. Смирнова». Журналист газеты «Северный край» Ф. В. Смирнов выступил с критикой проекта по открытию в усадьбе Карабиха бесплатной читальни, обвиняя родственников поэта в недостойном хранении его наследия, и даже вызвал Константина Федоровича Некрасова на дуэль.

Е. С. Сонина (Санкт-Петербург) в докладе «Некрасовские пятницы 1990–2000-х годов: из прожитого» рассказала о традиции литературно-музыкальных вечеров в Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова, назвав их «блестящим историко-культурным проектом, настоящим праздником, объединявшим научную и творческую интеллигенцию». Некрасовские пятницы проходили в 1950-е–2000-е годы (с 1990-х докладчица была их участницей) под руководством О. В. Ломан, Р. С. Щукинской и Е. Ю. Глевенко; на них выступали А. Т. Твардовский, А. С. Кушнер, Б. Я. Бухштаб, Н. Н. Скатов, А. М. Панченко, потомки Некрасова, Панаева и др. Доклад был подготовлен на основе уникальных архивных материалов, предоставленных участниками событий.

Завершением первого дня конференции стала презентация очередного выпуска легендарного сериального издания, учрежденного В. Е. Евгеньевым-Максимовым в середине прошлого века, — «Некрасовского сборника» (Вып. XV–XVI), который представила его редактор М. Ю. Данилевская.

Второй день, проходивший в Концертном зале на Мойке, 12, начался с приветственного слова С. М. Некрасова — директора Всероссийского музея А. С. Пушкина, и открытия камерной выставки «Я знаю за ним немало добрых дел...», посвященной 210-летию А. А. Краевского.

Л. П. Громова (Санкт-Петербург) в докладе «Этический кодекс А. А. Краевского в контексте литературной полемики XIX века» рассмотрела этические принципы известного редактора и издателя. Разработанный Краевским в 1879 году «Проект соглашения о пределах литературной полемики» отражал общественную потребность принятия этических профессиональных стандартов в журналистской среде и предлагал конкретные правила взаимодействия, создания «суда чести» для рассмотрения конфликтных ситуаций. К сожалению, он так и не был реализован, хотя не утратил своей актуальности и поныне.

С сообщением «Писательские юбилеи в музее повседневной культуры: о роли и месте имен в пространстве обыденного» выступила О. С. Сапанжа (Санкт-Петербург). Она представила предметы из коллекции музея повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 годов, демонстрирующие механизмы «слияния литературы и жизни» в советском доме. Особое внимание докладчица уделила сочетанию «высокого» и «обыденного» в иллюстрациях, репродукциях, тиражном массовом фарфоре, аксессуарах, предметах рукоделия и т. п., обозначив специфику актуализации этих предметов в музейных образовательных программах.

О. В. Богданова и С. М. Некрасов (Санкт-Петербург) в докладе «Девиация как доминантная черта главы „Последыш“ (поэма Н. А. Не-

красова «Кому на Руси жить хорошо»)» предложили новую интерпретацию классического текста. В соответствии с ней глава «Последыш» была создана поэтом «по случаю» и введена в единый корпус поэмы с целью обеспечения ее композиционной цельности. В качестве доказательств такой позиции были названы: трансформация нарративной стратегии, отошедшие на второй план образы сквозных доминирующих героев, «дублирующий» тип главного персонажа, изменение эмотивной направленности текста и т. д.

В докладе М. Ю. Данилевской (Санкт-Петербург) «Стихотворение Некрасова „Над чем мы смеемся…“: первоначальная и каноническая редакция» была рассмотрена история «пересоздания» стихотворения, вчерне написанного в 1860 году и в измененном виде опубликованного в 1874-м. Докладчица привлекла произведения и письма Некрасова разных лет, установив биографические и мотивно-тематические связи с группой других некрасовских текстов («Слезы и нервы», «Три элегии» и т. д.). Анализ как опубликованных, так и рукописных материалов привел к комплексному решению в вопросе датировки исследуемых стихотворений и времени их творческой переработки.

М. С. Макеев (Москва) в докладе «Когда было написано стихотворение „В альбом – – –“? К проблеме „раннего“ и „зрелого“ в поэзии Некрасова» уточнил датировку стихотворения, которое во всех авторитетных изданиях отнесено к 1840 году. Он проанализировал расположение текстов в «Солдатенковской тетради», лексические особенности стихотворения и предположил, что датировать его следует примерно 1844 годом. Во-первых, в «Солдатенковской тетради» нет текстов, написанных ранее 1844 года. При этом стихотворение «В альбом – – –» не выделяется на фоне остальных: это беловой автограф, его название присутствует в оглавлении, написанном рукой Некрасова. Во-вторых, докладчик напомнил, что именно в 1844 году в творчестве поэта появляется сочетание романтических штампов и остраняющих элементов, которые присутствуют в этом стихотворении.

В сообщении «Об орфографических ошибках в некрасовских текстах» М. С. Кабанова (Москва) обратила внимание на то, что в советское время считалось нормой избавляться от неправильных написаний слов, встречающихся как в рукописях, так и в прижизненных печатных изданиях Н. А. Некрасова. Хотя в целом подобная практика не вызывает возражений, в некоторых случаях такие «неправильности» были результатом сознательной авторской стратегии; править их — означает искажать авторский замысел. Докладчица развила этот тезис на примере «Кабинета восковых фигур» и ряда других произведений Некрасова, неудачно «исправленных» в современных изданиях.

Е. В. Кочнева (Санкт-Петербург) в докладе «„Летописец натуральной школы“: портреты К. А. Горбунова в собраниях Пушкинского Дома и Всероссийского музея А. С. Пушкина» изложила малоизвестные факты, связанные с жизнью и творчеством академика портретной живописи Кирилла Антоновича Горбунова (1822–1893). Они касаются портретов писателей «натуральной школы», созданных художником в 1830–1840-е годы, а также истории поступления в Пушкинский Дом в 1910–1920-е годы живописных и графических изображений русских литераторов (В. Г. Белинского, В. П. Боткина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Станкевича, И. С. Тургенева, И. И. Панаева и др.) работы Горбунова.

Внимание Я. А. Пономаревой (Санкт-Петербург) в докладе «Участие Некрасова, Гаевского, Достоевского в благотворительных чтениях Литфонда» было сосредоточено на фотографии портрета А. С. Пушкина работы Вивьена де Шатобрена. Вполне обычный альбуминовый отпечаток 1870-х годов приобретает особую ценность благодаря автографу В. П. Гаевского, за которым стоит целая история: создание Литфонда, устройство благотворительных чтений с участием известных литераторов, выступление Ф. М. Достоевского на Пушкинском юбилее и его «содействие увеличению средств фонда постоянным участием в чтениях, посетители которых знают, какой притягательной силой было это участие».

Е. Н. Пенская (Москва) в докладе «Н. А. Некрасов в коммеморационном промежутке юбилеев 1920-х годов» проследила историю драматургических форм, которые со второй половины XIX века стали обретать похороны литераторов. В раннюю советскую эпоху складывался свой коммеморативный канон, закреплявший знаковые фигуры в рамках социокультурного «театра теней». Некрасов оказался на пересечении разных потоков — «эксплуатации» и «перенастройки», эксперимента в условиях перехода от эстетики Серебряного века к авангарду 1920-х годов. Он претерпел, с одной стороны, «официальную мумификацию», с другой — «новую сборку» в 1920–1930-е годы на фоне расцвета некрасоведения. В докладе были проанализированы мемориальные «концерты» МХТ между двумя датами: 1921–1927, 100-летием со дня рождения и 50-летием смерти Некрасова.

Доклад В. М. Марасановой (Ярославль) «Коммеморация некрасовских мест в городском и региональном измерениях: Ярославская область» был посвящен изучению наследия Н. А. Некрасова и его связей с Ярославским краем, которое имеет устойчивую традицию. Эта традиция началась с первых Некрасовских дней, устроенных в городе по инициативе Общества для содействия народному образованию в 25-ю годовщину смерти поэта.

О. А. Замаренова (Санкт-Петербург) в сообщении «Люция Александровна Чистякова — младшая сестра Н. А. Некрасова» рассказала о судьбе малоизвестной родственницы поэта (внебрачной дочери А. С. Некрасова и крепостной крестьянки, дворовой Елены Петровой),

воспитанию и образованию которой поэт уделял немало времени и сил.

В докладе «Н. А. Некрасов и Ярославский край» Г. В. Красильников (Ярославль) представил некоторые результаты изысканий в Государственном архиве Ярославской области. Среди наиболее интересных находок — автографы Некрасова-гимназиста (прошения в суды, написанные под диктовку отца); материалы о пожаре барского дома в усадьбе Грешнево; сведения о рождении братьев поэта (из метрических книг и отчетов акушерки); информация о школе в селе Аббакумцево, финансово поддерживавшейся Некрасовым.

Сообщение А. Е. Оторочкиной (Ярославль) «Переписка О. В. Ломан с С. И. Великановой (1948–1954): источниковедческий аспект изучения истории некрасовских музеев» было посвящено истории формирования музеев поэта. Оно продемонстрировало творческую и научную взаимосвязь работы их первых хранителей: О. В. Ломан в Ленинграде и С. И. Великановой в Карабихе.

Выступление А. Н. Князева (Санкт-Петербург) «Произведения Николая Алексеевича Некрасова в музыке» касалось восприятия поэзии Некрасова П. И. Чайковским и Н. Ф. фон Мекк. Докладчик сообщил о написании нового сочинения (фортепианной пьесы) по мотивам «Дедушки Мазая и зайцев» московским композитором Евгением Баженовым, отметив странность того факта, что на одно из самых известных некрасовских произведений музыки до сих пор не создавалось. Иллюстрацией к этому выступлению и завершением конференции стали романсы на стихи Н. А. Некрасова по оригинальным нотам XIX века в исполнении Ильи Кулакова (тенор) и Сергея С. Осколкова (фортепиано).

© *Е. Н. Долгих*

ПАМЯТИ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ЕГОРОВА

3 октября 2020 года на 95 году жизни скончался Борис Федорович Егоров, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник-консультант Санкт-Петербургского института истории РАН, заместитель председателя редколлегии серии «Литературные памятники», член Союза писателей Санкт-Петербурга, член петербургского ПЕН-центра. Борису Федоровичу удалось столь многое сделать за свою жизнь, что перечисления научных трудов, разнообразных форм служения науке и гуманитарному образованию достаточно было бы для объемного некрологического текста. Но за многочисленными научными трудами (а список их давно перешагнул за цифру 700) — неповторимое обаяние личности, безупречный авторитет ученого и безупречная человеческая репутация.

Борис Федорович умел не только много трудиться, он умел жить. Круг интересов его всегда был достаточно широк. В юности увлекался математикой и химией, но выбрал все же филологическое образование (закончив в 1948 году филологический факультет ЛГУ). Позже, уже во время заведования кафедрой русской литературы в ЛГПИ им. А. И. Герцена, он собрал вокруг себя группу молодых сотрудников и аспирантов, чтобы они совместно с центром робототехники при Ленинградском институте авиаприборостроения, под руководством проф. М. Б. Игнатьева, взялись за структурный анализ литературных сюжетов, который выявлял бы типы связи между персонажами, что могло пригодиться для конструирования роботов и их «взаимодействия».

Своим ученикам-аспирантам он казался человеком эпохи Возрождения: жажда, азарт жизни проявлялись во всем и в разнообразных формах; в любви к розыгрышам, к шуткам; в потребности — вместе с тем — в сосредоточенном и даже аскетическом труде; в интересе к политическим событиям и одновременно — в способности смотреть на них со стороны.

Каждый из этапов пути Б. Ф. Егорова и обусловлен определенными внешними факторами, и определен его личностью, собственным выбором и способностями. В 1952 году он защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском педагогическом институте им. М. Н. Покровского и начал работать преподавателем в Тартуском университете, а с 1954 года заведовал кафедрой русской литературы, куда пригласил Ю. М. Лотмана (преподававшего в Тартуском учительском институте).

У Бориса Федоровича были великие учителя и замечательные, верные ученики. Но главное — он был великим другом великих людей. Дело не только в том, что он помог своему другу Ю. М. Лотману создать тартускую семиотическую школу, обеспечил условия для ее существования. В Тартуском университете под редакцией Б. Ф. Егорова издавались «Труды по русской и славянской филологии», которые достаточно скоро приобрели общесоюзную и международную известность. Руководимая Борисом Федоровичем кафедра русской литературы Тартуского университета оказалась одной из тех точек опоры, благодаря которым русская интеллигенция сохранила достоинство, выстояла. И память о ней останется навсегда.

В 1962 году Б. Ф. Егоров возвращается в Ленинград и становится доцентом кафедры русской литературы в ЛГУ, в 1967 году защищает докторскую диссертацию, а с 1968 по 1978 год заведует кафедрой русской литературы в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Пора заведования в Герценовском институте стала «золотым веком» кафедры, — для чтения лекций приглашались крупнейшие ученые страны, и эти лекции фактически были открытыми: слушать С. С. Аверинцева, Г. А. Бялого, Ю. М. Лотмана приходили со всего города.

Перейдя в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, Борис Федорович получил возможность заниматься прежде всего научно-исследовательской работой. И оказалось, что для его трудов органичны не только историко-литературные исследования, но также культурологические и собственно исторические, о чем говорят сами названия его книг: «Петрашевцы» (Л., 1988); «Из истории русской культуры (XIX век)» (М., 1996); «Российские утопии. Исторический путеводитель» (СПб., 2007); «Обман в русской культуре» (СПб., 2012).

Уникальность научного подхода и человеческого взгляда Бориса Федоровича заключается, может быть, прежде всего в его способности одновременно заниматься теми деятелями отечественной литературы и общественной мысли, которые в истории России нередко оказывались оппонентами или даже противниками. Так, он автор работ о революционных демократах (Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. М., 1982; Н. А. Добролюбов. М., 1986) и о славянофилах (составление, со вступительной статьей и комментариями изданий: «А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы» (Л., 1969); «А. С. Хомяков. О старом и новом. Статьи

и очерки» (М., 1988)). И к тем, и к другим Б. Ф. Егоров подходил максимально объективно: личные симпатии исследователя никогда не определяли тональность статьи и интерпретацию тех или иных явлений. Но в сущности, таковы и должны быть историко-литературные работы, предоставляющие читателям обнаруженный в архивах материал, обстоятельный комментарий, анализ мировоззрения изучаемого автора, поэтику его произведений. При этом можно заметить, что Бориса Федоровича интересовали именно полемические, переходные эпохи в истории общественной и эстетической мысли. Он первым из ученых-филологов, сформировавшихся в советскую эпоху, но во многом вопреки ее идеологическим стандартам, воссоздал в своих статьях и книгах объективную картину истории русской критики и общественной мысли XIX века — творческие образы В. П. Боткина и А. С. Хомякова, А. А. Григорьева и И. С. Аксакова, очертил подлинную идейно-эстетическую эволюцию В. Г. Белинского, последовательно отвергая шаблоны господствовавшего «партийного» литературоведения.

Собранные вместе труды Бориса Федоровича Егорова позволяют увидеть уникальное разнообразие эстетических и социальных концепций в России XIX века. Пребывая в другом столетии, мы можем симпатизировать тому или другому направлению мысли и на каком-то этапе удалять из образовательных программ те или иные имена и школы (в середине XX века в вузах не изучали славянофилов, а теперь вытеснены революционные демократы). А ведь гораздо интереснее и плодотворнее проследить их непростые взаимоотношения с учетом исторического и литературного контекста, что и осуществлялось в трудах Бориса Федоровича.

Можно только удивляться — с восхищением — тому, как много он успевал делать — выполнять обязанности зам. главного редактора «Библиотеки поэта» (с 1962 по 1968 год), председателя редколлегии «Литературные памятники» (с 1991 по 2001 год), главного редактора биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (с 2011 года).

Борис Федорович — историк литературы, историк культуры и, хочется сказать, историк как таковой — в том смысле, что он ощущал себя человеком, ответственным за историю и за сохранение всех материалов, ее выражающих. Это проявлялось в уникальной способности сберегать документы, которые кому-то другому могли бы показаться незначительными. Он хранил все письма, почтовые открытки (полученные и свои), любые материалы, в которых видел след времени, вел дневник, издал воспоминания — и именно благодаря бережно сохраненным документам эпохи мы можем читать изданную с комментариями переписку ученого с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц, вышедшую уже двумя изданиями, книгу «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» (М., 1999). Уже четыре года спустя после смерти своего ближайшего друга он сумел выпустить в свет фундаментальное издание — «Письма» Ю. М. Лотмана (М., 1997); возражая скептикам, указывавшим на «преждевременность» публикации подобных документов, горячо отстаивал свое право на это: только свидетель и участник событий, в них затрагиваемых, способен прояснить и прокомментировать многие из тех реалий, которыми насыщены эти конкретные знамения эпохи. Столь же пристальный и заинтересованный подход к материалу демонстрируют его монографии, запечатлевшие жизнь личности в ином, уже ушедшем в прошлое историческом контексте («Аполлон Григорьев» (М., 2000); «Боткины» (СПб., 2004)).

Может быть, именно это осознание исторической значимости каждой личности позволяло Б. Ф. Егорову с таким интересом относиться ко всем тем, кто встречался на его пути. И ему платили тем же. Уже в очень зрелом возрасте Борис Федорович совершил поездку, о которой давно мечтал, — на поезде, через всю страну, до Дальнего Востока и обратно. Поезд дальнего следования в крупных городах останавливался минут на 30, и к вагону, в котором ехал Борис Федорович, каждый раз подходили, подъезжали его прежние знакомые — ученики, младшие коллеги, бывшие ФПК-ашники, разбросанные по российским городам. Учеников и хороших знакомых хватило на всю дальнюю дорогу, и Борис Федорович потом рассказывал об этих трогательных, замечательных встречах.

В жизни Б. Ф. Егорова есть некая уникальная осуществленность и завершенность. В честь 90-летия ученого был выпущен сборник (более тысячи страниц!) — «Острова любви БорФеда» (редакторы-составители А. Дмитриев и П. Глушаков. СПб., 2016). Борис Федорович не мог пожаловаться на недостаток любви к себе. Он имел многочисленных учеников; был окружен не только уважением — как крупный ученый и человек универсальных знаний, но и — теплотой, радостью, что бывает только в общении с душевно и духовно близким человеком. Поэтому ни одна из его многочисленных научных работ не оставалась без внимания. И все-таки можно предположить, что нашему XXI веку еще предстоит более глубокое прочтение наследия выдающегося ученого — на новом витке научного и общественного развития. Представляется, что стоит задуматься над этим уникальным опытом жизни, в котором живая, непосредственная реакция на исторические и политические коллизии своего времени сочеталась с более широким, можно сказать — эпическим взглядом на историческую реальность; в этом опыте жизни было обретено и сохранено чувство общественной, научной и духовной всеохватности, смелости, щепетильности и честности.

Е. И. Анненкова,
В. Е. Багно,
В. В. Головин,
А. П. Дмитриев,
А. В. Лавров

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БОГОМОЛОВА

20 ноября 2020 года на 70-м году жизни после непродолжительной болезни скончался Николай Алексеевич Богомолов — один из крупнейших отечественных филологов нашего времени, кропотливый исследователь истории русской литературы XX века в широком тематическом и временном диапазоне — от символизма и акмеизма до обэриутов и новейшей бардовской песни, историк русской журналистики, стиховед и текстолог; член Редакционного совета журнала «Русская литература».

Н. А. Богомолов — потомственный московский интеллигент. Он родился 16 декабря 1950 года в семье профессора Московского университета, историка современной зарубежной и античной философии А. С. Богомолова, в 1973 году окончил русское отделение филологического факультета Московского университета и там же, в 1978 году, — аспирантуру. «С благодарностью вспоминая многих, кто меня учил, — сообщает Н. А. Богомолов в автобиографической заметке, — все-таки главными своими учителями считаю С. М. Бонди, М. В. Панова и А. П. Чудакова. Дипломная работа моя была посвящена акмеизму, которым я рассчитывал заниматься и далее. Однако нежданно-негаданно я оказался аспирантом неудобозабываемого заведующего кафедрой советской литературы А. И. Метченко. Однако тема кандидатской диссертации „Взаимодействие и борьба идейно-стилевых течений в русской поэзии эпохи гражданской войны“ предоставляла много возможностей для интересной работы». Впервые после запрещенной в те годы монографии А. Н. Меньшутина и А. Д. Синявского «Поэзия первых лет революции. 1917–1920» (1964) затронутая в диссертационном исследовании Н. А. Богомолова тема получила детальное освещение в сугубо историко-литературном ракурсе, без считавшихся тогда обязательными «возгласов преданности» (формулировка Л. Я. Гинзбург), и приметы недоброго времени отобразились лишь в заглавии первой книги автора, написанной на основе диссертации, — «Строки, озаренные Октябрем» (1987).

Последующие годы жизни и научно-преподавательской деятельности Н. А. Богомолова были тесно связаны с факультетом журналистики Московского университета — с кафедрой литературно-художественной критики и публицистики, которой он заведовал с 1994 года. На протяжении десятилетий он читал лекционные курсы по теории литературы, источниковедению («Основы информационного поиска в сфере художественной культуры»), истории русской литературы («Литературный процесс: русский опыт»), вел семинарские занятия, занимался неблагодарной административной работой. Эта деятельность в стенах родного университета была оценена по достоинству: профессор МГУ с 1995 года, Н. А. Богомолов в 2006 году был удостоен звания заслуженного профессора, — однако поистине мировое признание в филологической среде ему принесли книги, статьи, публикации, посвященные истории русской литературы первой трети XX века. Когда он на рубеже 1980-х и 1990-х годов начал свою кипучую исследовательскую работу, историческое пространство обозначенной литературной эпохи представляло собой бесконечную terra incognita с отдельными обследованными (зачастую с применением заведомо неверной или неточной оптики) островками знания и понимания. В результате последующей деятельности специалистов, в ряду которых Н. А. Богомолов, безусловно, выделяется благодаря исключительной интенсивности и многосторонности осуществленных им трудов, эта неведомая земля стала за каких-то два-три десятилетия узнаваемой и в значительной мере освоенной.

Трудно найти кого-либо из наиболее крупных писателей, сформировавшихся в предреволюционную эпоху, кого обошел бы своим вниманием Н. А. Богомолов. Но и в этом протяженном ряду выделяются фигуры, для него особенно притягательные; предпринятые им издания их сочинений являют образец подлинно научной текстологической и комментаторской работы. Среди них — выпущенные в свет в «Библиотеке поэта» и «Новой Библиотеке поэта» тома стихотворений В. Ходасевича (1989) и М. Кузмина (1996), а также сборники прозы Кузмина («Плавающие путешествующие», 2000) и его «Стихотворения. Из переписки» (2006). Кропотливого архивного труда потребовали подготовленные им — в соавторстве — по автографам (в ряде случаев почти не поддающимся прочтению) тома дневников Кузмина (2000 и 2005), переписки В. Брюсова и Н. Петровской (2004), двухтомной переписки Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал (2009). Перечень персоналий можно продолжить: Н. Гумилев, Георгий Иванов, И. Ф. Анненский, З. Н. Гиппиус, Андрей Белый, К. А. Большаков... Все издававшиеся Н. А. Богомоловым классики литературы модернистской эпохи были

также предметом его исследовательских изысканий, представленных в отдельных изданиях: «Михаил Кузмин: Статьи и материалы» (1995), написанная в соавторстве с Джоном Малмстадом монография «Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха» (1996; дополненные издания — 2007, 2013), — за две упомянутых книги о Кузмине он стал в 1996 году лауреатом Ломоносовской премии Московского университета, — а также в книгах «Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники» (2009), «Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче» (2011).

Помимо «великих», в сфере пристального внимания Н. А. Богомолова оказываются и «малые» — рядовые, зачастую малозаметные участники литературного процесса. Среди отдельных изданий, подготовленных им с той же тщательностью и безупречным профессионализмом, — сборник, суммирующий поэтическое наследие скандально известного А. И. Тинякова, выпущенный в свет двумя изданиями (1997 и 2002). Привлекают ученого не только малоизвестные, «забытые» имена, но и обойденные историко-литературным анализом, «забытые» темы — например, «тайновидческие» искания писателей символистской эпохи; работы, затрагивающие эту проблематику, объединены в его книге «Русская литература начала XX века и оккультизм» (1999). Послужной список Н. А. Богомолова включает более 600 статей, лишь часть из них помещена в его авторских сборниках «Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания» (1999), «От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии» (2004), «Вокруг „серебряного века“: Статьи и материалы» (2010), «Бардовская песня глазами литературоведа» (2019); подготовлены к печати и сборники работ, выполненных за последнее десятилетие. Мы рады отметить, что значительная часть статей и публикаций Н. А. Богомолова увидела свет на страницах журнала «Русская литература».

Войдя в состав Редакционного совета нашего журнала, Николай Алексеевич Богомолов с первых шагов отнесся к своим обязанностям отнюдь не формально. Рекомендации новых материалов и отзывы на текущие работы, тонкие и всегда уместные советы, доброжелательная и действенная поддержка в эпоху перемен — вот то, чего лишилась редакция «Русской литературы» с его безвременным уходом.

При всей своей поистине титанической научной деятельности Николай Алексеевич Богомолов всегда оставался открытым для непосредственного научного общения. Он живо откликался на обращенные к нему вопросы и просьбы коллег, делился своей фундаментальной эрудицией, архивными, библиофильскими и библиографическими находками; со свойственной ему скромностью и душевным благородством подсказывал пути решения сложных текстологических и комментаторских задач; в совместных проектах брал на себя самую сложную и неблагодарную часть работы. Отрецензированные Н. А. Богомоловым статьи, публикации и книги можно назвать своего рода путеводителем по современной филологической продукции.

Злой эпидемический недуг оборвал жизнь Николая Алексеевича Богомолова в самом расцвете его творческих сил, на подъеме к новым замечательным свершениям. Итогом его деятельности последнего времени станет подготовленная им книга, основанная на материале дневников историка русской поэзии и книговеда И. Н. Розанова, корпус публикаций во второй книге «Эпистолярного наследия З. Н. Гиппиус» (Литературное наследство. Т. 106). Среди его незавершенных замыслов — документальная история журнала «Золотое Руно», публикация дневников В. Брюсов а в полном объеме; наверное, еще многое, чему не суждено свершиться.

И. Ф. Данилова,
А. В. Лавров,
М. М. Павлова

SUMMARIES

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics*;
Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

abodrova@hse.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОПИСАНИЯ

LITERARY SOCIETIES IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: APPROACHES TO AN INTERDISCIPLINARY DESCRIPTION

В статье систематизированы основные достижения в исследовании литературных обществ и объединений в российской и зарубежной историографии 1990–2010-х годов и проанализированы подходы к изучению этого материала в рамках разных гуманитарных дисциплин и методологий. В качестве основы для разработки концептуального и фактологически насыщенного языка описания литературных обществ и объединений в России первой половины XIX века выдвигается институциональный подход, который позволяет связать материал литературных объединений с более широкой социально-исторической проблематикой — определением и описанием «публичной сферы», истории ее формирования и роли в становлении гражданского общества.

Ключевые слова: литературные общества, литературные институты, социология литературы, междисциплинарные исследования.

The review article systematizes the principle achievements in the studies of the literary societies and associations in the Russian and foreign historiography of the 1990–2010s, and analyzes approaches to this material within the framework of various disciplines and methodologies. The author suggests an institutional approach as the basis for the development of a conceptual and fact-fortified language for describing the literary societies in Russia in the first half of the 19th century. An institutional approach provides an opportunity to link the history of the literary associations with the broader socio-historical context and to describe the role played by the literary societies in the formation of the «public sphere» and civil society in the 19th-century Russia.

Key words: literary societies, institutions of literature, sociology of literature, interdisciplinary studies.

Список литературы

1. Александр Семенович Шишков (1754–1841): Материалы к библиографии / Сост. В. Л. Коровин, А. Н. Стрижев // Литературоведческий журнал. 2011. № 28.
2. *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007.
3. *Альтшуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984.
4. Арзамас и арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. и прим. М. С. Боровковой-Майковой; предисловие Д. Д. Благого. Л., 1933.
5. Арзамас: Сб.: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. М., 1994.
6. *Аристов В. В.* Первое литературное общество Поволжья (К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806–1818 гг.). Казань, 1992.
7. *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны / Ред. и предисловие Б. М. Эйхенбаума. Л., 1929.

8. *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.
9. *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964.
10. «Беседа любителей русского слова»: 200 лет: Сб. науч. статей. СПб., 2013.
11. *Бодрова А. С.* К институциональной истории Вольного общества любителей российской словесности // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2019. [Т.] 6. Вып. 1. Пушкин в кругу современников.
12. *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
13. *Брэдли Д.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.
14. *Вацуро В. Э.* Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас“» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42.
15. *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.
16. *Виницкий И. Ю.* Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя» // Новое литературное обозрение. 2003. № 61.
17. *Виттекер Ц. Х.* Граф Уваров и его время. М., 1999.
18. *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
19. Гоголь и общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 2005.
20. *Десницкий В. А.* Из истории литературных обществ начала XIX века // Десницкий В. А. Избр. статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958.
21. *Дзядко Ф. В.* «За что нам друг от друга отдаляться?»: К истории литературных отношений А. Ф. Мерзлякова и В. А. Жуковского: «версия» Мерзлякова // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3.
22. *Добрицын А. А.* Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32.
23. *Довгий О. Л.* Пушкин и Хвостов в «хвостовской лавке» «Арзамаса» // Поэтика русской литературы. М., 2009.
24. *Жиглий Ю. В.* Казанское общество любителей отечественной словесности, 1806–1853 (из истории литературного краеведения): Учебно-методическое пособие для студентов-филологов. Казань, 2012.
25. *Зенкин С. Н.* Работы о теории: Статьи. М., 2012.
26. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
27. *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.
28. *Зорин А. Л.* У истоков русского германофильства (Андрей Тургенев и Дружеское литературное общество) // Новые безделки. М., 1995/1996.
29. *Иваницкая Е. М.* Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в историко-литературном контексте 1820-х гг. // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 13 (93).
30. *Ивинский Д. П.* Вяземский, «арзамасский» журнал и русская литература XVIII века: заметки к теме // Пушкинский музеум: Альманах. СПб., 2017. Вып. 8.
31. *Иезуитова Р. В.* Литературные объединения и журналы первой четверти XIX в. // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму.
32. История русской литературы XIX века: Библиогр. указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962.
33. История русской литературы XIX — начала XX века: Библиогр. указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993.
34. *Истрин В. М.* Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. Отд. 2.
35. *Камчатнов А. М.* Русский древослов Александра Шишкова: лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб., 2018.
36. *Клейменова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811–1930. М., 2002.
37. *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986.
38. *Колюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 1–2.
39. *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: Монография. СПб., 2014.
40. *Костин А. А., Костина Т. В.* Стихотворный сборник «Праздное время» (1798): К предыстории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств // XVIII век. СПб., 2008. Вып. 25.
41. *Кошелев В. А.* «Запрос Арзамасу»: об одном экспромте К. Н. Батюшкова // Пушкин и мировая культура. СПб.; Арзамас; Большое Болдино, 2008.
42. Лев Толстой и общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова; отв. ред. Ю. Л. Воротников. М., 2008.
43. Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сб. науч. статей. Арзамас; Нижний Новгород, 2015.

44. «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей. Липецк, 2006.
45. Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: Материалы междунар. науч. конф. Арзамас, 2005.
46. Литературные общества, кружки и салоны в России в XIX веке: список лит. на рус. яз. за 1828–1993 гг. / Сост. Н. А. Хмелевская // Российская национальная библиотека: [офиц. сайт]. См.: http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA18391.pdf; дата обращения: 31.10.2020.
47. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Ред., вступ. статья и прим. Н. Л. Бродского. М.; Л., 1930.
48. *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 63).
49. *Лямина Е. Э.* Общество «Беседа любителей русского слова»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
50. *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5.
51. *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001.
52. *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.
53. *Майофис М. Л.* О тех, кто ехал верхом на галиматье, и о том, что осталось позади: Опыт персонологического анализа арзамасских протоколов // История и повествование. М., 2006.
54. *Майофис М. Л., Велижев М. Б.* Уваров Сергей Семенович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6.
55. *Мартыненко А. И.* Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2020. [Т.] 6. Вып. 2. Пушкинская эпоха.
56. *Мейлах Б. С.* Декабристские литературные организации и органы печати // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х годов.
57. *Мейлах Б. С.* А. С. Шишков и Беседа любителей русского слова // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 5. Литература первой половины XIX века. Ч. 1.
58. *Мильчина В. А.* Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019.
59. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
60. *Назаренко Е. Ю.* Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж, 2014.
61. *Немировский И. В.* Пушкин — либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии. М., 2018.
62. *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790–1800-х гг. М., 1950.
63. *Пиксанов Н. К.* Два века русской литературы. М.; Пг., 1923.
64. *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом // Russian Literature. 2014. Vol. 76. № 1–2.
65. *Полякова А. А.* Творческая история «Поездки в Ревель» А. А. Бестужева // Русская литература. 2019. № 2.
66. Поэты-радищевцы: Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935.
67. *Проскурин О. А.* Когда же Пушкин вступил в Арзамасское общество? (Из заметок к теме «Пушкин и „Арзамас“») // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 14.
68. *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
69. *Проскурин О. А.* Новый Арзамас — новый Иерусалим. Литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19.
70. Пушкин и Общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1999.
71. *Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2.
72. *Рогушина Л. Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
73. *Савельев А. А.* Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1801–1826): опыт раскрытия архивного фонда университетской библиотеки // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее / Ред. С. А. Гончаров. СПб., 2003.
74. *Сайкина Н. В.* Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005.
75. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011.
76. Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1811–1930 / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1981.
77. Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете, 1811–1911. М., 1911.
78. *Срезневская Л. И.* Архив Вольного общества любителей российской словесности // Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1904 году. СПб., 1907.

79. *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 7.
80. *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина / Пер. с англ. А. Ю. Миролюбовой. СПб., 1996.
81. *Тодд III У. М.* Социология литературы: идеология, институты, нарратив. СПб., 2020.
82. *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968.
83. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской Империи: XIX — начало XX века. М., 2005.
84. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004.
85. *Чудакова М. О.* Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986.
86. *Эйхенбаум Б. М.* О литературе. Работы разных лет. М., 1987.
87. *Bradley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia. Cambridge, Mass., 2009.
88. *Cooper D. L.* «Narodnost'» avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the national turn in Russian criticism // Slavic and East European Journal. 2008. Vol. 52. № 3.
89. *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018.
90. *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
91. *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 807).
92. *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, Ill., 1997.
93. *Peschio J.* Lighting the Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations / Ed. by A. Dinega Gillespie. Madison, 2012.
94. *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Madison, 2013.
95. *Todd III W. M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. Harvard, 1986.

References

1. Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841): Materialy k bibliografii / Sost. V. L. Korovin, A. N. Strizhev // Literaturovedcheskii zhurnal. 2011. № 28.
2. *Al'tshuller M. G.* Beseda liubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavianofil'stva. 2-e izd., dop. M., 2007.
3. *Al'tshuller M. G.* Predtechi slavianofil'stva v russkoi literature (Obshchestvo «Beseda liubitelei russkogo slova»). Ann Arbor, 1984.
4. *Aristov V. V.* Pervoe literaturnoe obshchestvo Povolzh'ia (K istorii Kazanskogo obshchestva liubitelei otechestvennoi slovesnosti v 1806–1818 gg.). Kazan', 1992.
5. *Aronson M., Reiser S.* Literaturnye kruzhki i salony / Red. i predislovie B. M. Eikhenbauma. L., 1929.
6. Arzamas i arzamasskie protokoly / Vvodnaia stat'ia, red. i prim. M. S. Borovkovoi-Maikovoi; predislovie D. D. Blagogo. L., 1933.
7. Arzamas: Sb.: V 2 kn. / Pod obshch. red. V. E. Vatsuro, A. L. Ospovata. M., 1994.
8. *Bazanov V. G.* Uchenaia respublika. M.; L., 1964.
9. *Bazanov V. G.* Vol'noe obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti. Petrozavodsk, 1949.
10. «Beseda liubitelei russkogo slova»: 200 let: Sb. nauch. statei. SPb., 2013.
11. *Bodrova A. S.* K institutsional'noi istorii Vol'nogo obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti // Pushkinskie chteniia v Tartu. Tartu, 2019. [T.] 6. Vyp. 1. Pushkin v krugu sovremennikov.
12. *Bokova V. M.* Epokha tainykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob'edineniia pervoi treti XIX v. M., 2003.
13. *Bradley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia. Cambridge, Mass., 2009.
14. *Bradley J.* Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo. M., 2012.
15. *Chudakova M. O.* Sotsial'naia praktika, filologicheskaia refleksiia i literatura v nauchnoi biografii Eikhenbauma i Tynianova // Tynianovskii sbornik. Vtorye Tynianovskie chteniia. Riga, 1986.
16. *Cooper D. L.* «Narodnost'» avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the national turn in Russian criticism // Slavic and East European journal. 2008. Vol. 52. № 3.
17. *Desnitskii V. A.* Iz istorii literaturnykh obshchestv nachala XIX veka // Desnitskii V. A. Izbr. stat'i po russkoi literature XVIII–XIX vv. M.; L., 1958.
18. *Dobritsyn A. A.* Libertinskaia model' povedeniia i iazyk frantsuzskogo libertinazha v «Evgenii Onegine» // Vremennik Pushkinskoi komissii. SPb., 2016. Vyp. 32.
19. *Dovgii O. L.* Pushkin i Khvostov v «khvostovskoi lavke» «Arzamasa» // Poetika russkoi literatury. M., 2009.
20. *Dziadko F. V.* «Za chto nam drug ot druga otdaliat'sia?»: K istorii literaturnykh otnoshenii A. F. Merzliakova i V. A. Zhukovskogo: «versiia» Merzliakova // Pushkinskie chteniia v Tartu. Tartu, 2004. Vyp. 3.

21. *Eikhenbaum B. M.* O literature. Raboty raznykh let. M., 1987.
22. *Ginzburg L. Ia.* Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse. SPb., 2002.
23. Gogol' i obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti / Sost. R. N. Kleimenova. M., 2005.
24. *Iezuitova R. V.* Literaturnye ob'edineniia i zhurnaly pervoi chetverti XIX v. // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. L., 1981. T. 2. Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu.
25. Istoriia russkoi literatury XIX — nachala XX veka: Bibliogr. ukazatel'. Obshchaia chast' / Pod red. K. D. Muratovoi. SPb., 1993.
26. Istoriia russkoi literatury XIX veka: Bibliogr. ukazatel' / Pod red. K. D. Muratovoi. M.; L., 1962.
27. *Istrin V. M.* Druzheskoe literaturnoe obshchestvo 1801 g. (Po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1910. № 8. Otd. 2.
28. *Ivanitskaia E. M.* Zhurnal «Sorevnovatel' prosveshcheniia i blagotvoreniia» v istoriko-literaturnom kontekste 1820-kh gg. // Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia. 2012. № 13 (93).
29. *Ivinskii D. P.* Viazemskii, «arzamasskii» zhurnal i russkaia literatura XVIII veka: zametki k teme // Pushkinskii muzeum: Al'manakh. SPb., 2017. Vyp. 8.
30. *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018.
31. *Kamchatnov A. M.* Russkii drevoslov Aleksandra Shishkova: lingvisticheskoe nasledie A. S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste Epokhi. SPb., 2018.
32. *Kleimenova R. N.* Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti, 1811–1930. M., 2002.
33. *Koliupanov N. P.* Biografiia Aleksandra Ivanovicha Kosheleva. M., 1889. T. 1. Kn. 1–2.
34. *Kolominov V. V., Fainshtein M. Sh.* Khram muz slovesnykh (Iz istorii Rossiiskoi Akademii). L., 1986.
35. *Kondakov Iu. E.* Kniaz' A. N. Golitsyn: pridvornyi, chinovnik, khristianin: Monografiia. SPb., 2014.
36. *Koshelev V. A.* «Zapros Arzamasu»: ob odnom ekspromte K. N. Batiushkova // Pushkin i mirovaia kul'tura. SPb.; Arzamas; Bol'shoe Boldino, 2008.
37. *Kostin A. A., Kostina T. V.* Stikhotvornyi sbornik «Prazdnoe vremia» (1798): K predystorii Vol'nogo obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv // XVIII vek. SPb., 2008. Vyp. 25.
38. Lev Tolstoi i obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti / Sost. R. N. Kleimenova; otv. red. Iu. L. Vorotnikov. M., 2008.
39. *Liamina E. E.* Obshchestvo «Beseda liubitelei russkogo slova»: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 1995.
40. *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
41. *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 807).
42. «Lipetskii potop» i puti razvitiia russkoi literatury: Sb. nauch. statei. Lipetsk, 2006.
43. Literaturnoe obshchestvo «Arzamas»: istoriia i sovremennost': Sb. nauch. statei. Arzamas; Nizhnii Novgorod, 2015.
44. Literaturnoe obshchestvo «Arzamas»: kul'turnyi dialog epokh: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Arzamas, 2005.
45. Literaturnye obshchestva, kruzhki i salony v Rossii v XIX veke: spisok lit. na rus. iaz. za 1828–1993 gg. / Sost. N. A. Khmelevskaia // Rossiiskaia natsional'naia biblioteka: [ofits. sait]. Sm.: http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA18391.pdf; data obrashcheniia: 31.10.2020.
46. Literaturnye salony i kruzhki: Pervaia polovina XIX veka / Red., vstup. stat'ia i prim. N. L. Brodskogo. M.; L., 1930.
47. *Lotman Iu. M.* Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaia bor'ba ego vremeni. Tartu, 1958 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 63).
48. *Maiofis M. L.* O tekh, kto ekhal verkhom na galimat'e, i o tom, chto ostalos' pozadi: Opyt personologicheskogo analiza arzamasskikh protokolov // Istoriia i povestvovanie. M., 2006.
49. *Maiofis M. L.* Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov. M., 2008.
50. *Maiofis M. L., Velizhev M. B.* Uvarov Sergei Semenovich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M.; SPb., 2019. T. 6.
51. *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, Ill., 1997.
52. *Martynenko A. I.* E. A. Baratynskii i «Uchenaia respublika»: k istorii formirovaniia literaturnoi reputatsii poeta // Pushkinskie chteniia v Tartu. Tartu, 2020. [T.] 6. Vyp. 2. Pushkinskaia epokha.
53. *Mazur N. N.* Maska neistovogo stikhotvortsa v «Evgenii Onegine»: polemicheskie funktsii // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 2009. Vyp. 5.
54. *Mazur N. N.* Pushkin i «moskovskie iunoshi»: vokrug problemy geniia // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia. M., 2001.
55. *Meilakh B. S.* A. S. Shishkov i Beseda liubitelei russkogo slova // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. M.; L., 1941. T. 5. Literatura pervoi poloviny XIX veka. Ch. 1.
56. *Meilakh B. S.* Dekabristskie literaturnye organizatsii i organy pechati // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. M.; L., 1953. T. 6. Literatura 1820–1830-kh godov.

57. *Mil'china V. A.* Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia. M., 2019.
58. *Minakov A. Iu.* Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka. Voronezh, 2011.
59. *Nazarenko E. Iu.* Kniaz' A. N. Golitsyn v obshchestvenno-politicheskoi i religioznoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka. Voronezh, 2014.
60. *Nemirovskii I. V.* Pushkin — liberten i prorok: Opyt rekonstruktsii publichnoi biografii. M., 2018.
61. *Orlov V. N.* Russkie prosvetiteli 1790–1800-kh gg. M., 1950.
62. *Peschio J.* Lighting the Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations / Ed. by A. Dinega Gillespie. Madison, 2012.
63. *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Madison, 2013.
64. *Piksanov N. K.* Dva veka russkoi literatury. M.; Pg., 1923.
65. *Pil'shchikov I.* Aleksandr Pushkin mezhdu libertinazhem i dendizmom // Russian Literature. 2014. Vol. 76. № 1–2.
66. Poety-radishchevtsy: Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv. L., 1935.
67. *Poliakova A. A.* Tvorcheskaia istoriia «Poezdki v Revel'» A. A. Bestuzheva // Russkaia literatura. 2019. № 2.
68. *Proskurin O. A.* Kogda zhe Pushkin vstupil v Arzamasskoe obshchestvo? (Iz zametok k teme «Pushkin i „Arzamas"») // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 14.
69. *Proskurin O. A.* Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi. M., 2000.
70. *Proskurin O. A.* Novyi Arzamas — novyi Ierusalim. Literaturnaia igra v kul'turno-istoricheskom kontekste // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. № 19.
71. Pushkin i Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti / Sost. R. N. Kleimenova. M., 1999.
72. *Rogov K. Iu.* K istorii «moskovskogo romantizma»: kruzhok i obshchestvo S. E. Raicha // Lotmanovskii sbornik. M., 1997. Vyp. 2.
73. *Rogushina L. G.* Blagotvoritel'nye i prosvetitel'skie obshchestva Sankt-Peterburga v pervoi chetverti XIX veka. Dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2002.
74. *Saikina N. V.* Moskovskii literaturnyi salon kniagini Zinaidy Volkonskoi. M., 2005.
75. Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v. / Otv. red. A. S. Tumanova. M., 2011.
76. *Savel'ev A. A.* Arkhiv Vol'nogo obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv (1801–1826): opyt raskrytiia arkhivnogo fonda universitetskoi biblioteki // Universitetskie biblioteki: proshloe, nastoiashchee, budushchee / Red. S. A. Goncharov. SPb., 2003.
77. *Shruba M.* Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'. M., 2004.
78. Sistematicheskaia rospis' izdanii Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete, 1811–1930 / Sost. R. N. Kleimenova. M., 1981.
79. Slovar' chlenov Obshchestva liubitelei Rossiiskoi slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1811–1911. M., 1911.
80. *Sreznevskaia L. I.* Arkhiv Vol'nogo obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti // Svedeniia o rukopisiakh, pechatnykh izdaniiakh i drugikh predmetakh, postupivshikh v Rukopisnoe otdelenie Biblioteki Akademii nauk v 1904 godu. SPb., 1907.
81. *Sukhomlinov M. I.* Istoriia Rossiiskoi Akademii. SPb., 1875. Vyp. 7.
82. *Todd III W. M.* Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina / Per. s angl. A. Iu. Miroliubovoi. SPb., 1996.
83. *Todd III W. M.* Sotsiologiia literatury: ideologiia, instituty, narrativ. SPb., 2020.
84. *Todd III W. M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. Harvard, 1986.
85. *Tynianov Iu. N.* Pushkin i ego sovremenniki. M., 1968.
86. *Ul'ianova G. N.* Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi Imperii: XIX — nachalo XX veka. M., 2005.
87. *Vatsuro V. E.* S. D. P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory. M., 1989.
88. *Vatsuro V. E.* Zametki k teme «Pushkin i „Arzamas"» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 42.
89. *Vinitskii I. Iu.* Poeticheskaia semantika Zhukovskogo, ili Rassuzhdenie o vkuse i smysle «Ovsianogo kiselia» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 61.
90. *Whittaker C. H.* Graf Uvarov i ego vremia. M., 1999.
91. *Zenkin S. N.* Raboty o teorii: Stat'i. M., 2012.
92. *Zhiglii Iu. V.* Kazanskoe obshchestvo liubitelei otechestvennoi slovesnosti, 1806–1853 (iz istorii literaturnogo kraevedeniia): Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov-filologov. Kazan', 2012.
93. *Zorin A. L.* Kormia dvuglavogo orla...: Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka. M., 2001.
94. *Zorin A. L.* Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka. M., 2016.
95. *Zorin A. L.* U istokov russkogo germanofil'stva (Andrei Turgenev i Druzheskoe literaturnoe obshchestvo) // Novye bezdelki. M., 1995/1996.

Максим Андреевич Фролов

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Maksim Andreevich Frolov

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

m.a.frolov@gmail.com

ПЕРЕПИСКА Ю. Г. ОКСМАНА И Н. К. ГУДЗИЯ (1930–1965) (*Окончание*)

CORRESPONDENCE BETWEEN YU. G. OKSMAN AND N. K. GUDZIJ (1930–1965) (*Final Part*)

Публикация вводит в научный оборот многолетнюю переписку историков литературы, текстологов Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия, ныне хранящуюся в фондах РГАЛИ и НИОР РГБ. Переписка отражает разнообразие и общность исследовательских интересов обоих корреспондентов, в эпистолярном диалоге которых отразились жизнь советского общества, многотрудная судьба отечественной филологической науки второй трети XX века во многих ее трагических эпизодах, а главное — судьбы самих участников этого диалога.

Ключевые слова: Ю. Г. Оксман, Н. К. Гудзий, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, история филологической науки, текстология, русская литература, славянские литературы.

The publication introduces the scholarly community to a long-term correspondence between the two literary historians and textual experts, Yu. G. Oksman and N. K. Gudzij (currently stored at RGALI and Manuscript Department, Russian State Library). The correspondence reflects the diversity and similarity of the research interests of the two correspondents, whose epistolary dialogue reflected the life of the Soviet society, the challenges faced by the Russian philological scholarship of the second third of the 20th century in many of its tragic episodes, and most importantly, the fates of the participants of this dialogue.

Key words: Yu. G. Oksman, N. K. Gudzij, A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, A. I. Herzen, history of philology, textual criticism, Russian literature, Slavic literature.

Список литературы

1. *Артамонов Ю. А.* Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.
2. *Афиани В. Ю.* Дискуссия вокруг книги А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» в 1964 г.: По документам Архива РАН // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В. П. Козлова. М., 2012.
3. *Базанов М.* К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964) // Вопросы литературы. 2014. № 1.
4. *Белинков А. В.*, *Белинкова Н. А.* Распря с веком: В два голоса. М., 2008.
5. *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3.
6. Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М., 1983.
7. *Герасимова Л. Е.* Пунктирная линия жизни. Саратов, 2018.
8. *Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресенья» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // Русская литература. 2012. № 3.
9. *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве / Отв. ред. В. Г. Зимина, О. В. Творогов. СПб., 2006.
10. Из переписки Ю. Г. Оксмана / Вступ. статья и прим. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988.
11. Из переписки Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума с В. Б. Шкловским / Вступ. заметка, публ. и комм. О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12.
12. Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / Подг. к печати, предисловие и прим. А. В. Громова // Звезда. 1990. № 8.
13. «Искренне ваш Юл. Оксман»: Письма 1914–1970 годов / Публ. М. Д. Эльзона; предисловие В. Д. Рака; прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2004. № 1.
14. *Катаев В. Б.* Литературные связи Чехова. М., 1989.

15. *Колобов Е. Ю.* «Я подчиняюсь этому страшному приговору»: Как был исключен из Союза писателей СССР Ю. Г. Оксман. 1964 г. // Исторический журнал. 2017. № 4.

16. *Лазарев Л.* Верность правде: Творческий путь Виктора Некрасова // Литература — Первое сентября. 2002. 8–15 мая. № 18.

17. *Лотман Л.* Воспоминания. СПб., 2007.

18. *Оксман Ю. Г.*, *Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969] / Предисловие и комм. А. Л. Грищунина. М., 2001.

19. Переписка Ю. Г. Оксмана с Р. Д. Орловой и Л. З. Копелевым / Вступ. заметка, публ. и комм. В. Н. Абросимовой // Известия ОЛЯ. 1995. Т. 54. № 2.

20. Почта века. Из переписки В. Шкловского // Грани. 2003. № 207–208.

21. *Томашевич О. В.* Т. Н. Бороздина-Козьмина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди: Сб. / Науч. ред. К. К. Искольдская. М., 2003.

22. *Торопова В. Н.* «Душой с Вами...»: о дружбе двух ученых — историка литературы Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) и писателя, литературоведа Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) // Московский журнал. 2018. № 7 (331).

23. *Филимонов С. Б.* Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010.

24. *Филимонов С. Б.* Интеллигенция Крыма времен Гражданской войны об исторических судьбах России и Украины // Историческое наследие Крыма: научный журнал. 2006. № 12/13.

25. *Фролов М. А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и А. В. Флоровского (1962–1968) // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019.

26. *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9.

27. *Чудакова М. О.*, *Тоддес Е. А.* Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сборник: Первые тыняновские чтения. Рига, 1988.

28. *Чуковская Л. К.*, *Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисловие и комм. М. А. Фролова; подг. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6.

29. *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 13. Дневник (1936–1969) / Комм. Е. Чуковской.

References

1. *Afiani V. Iu.* Diskussiia vokrug knigi A. A. Zimina o «Slove o polku Igoreve» v 1964 g.: Po dokumentam Arkhiva RAN // Istorik v Rossii: Mezhdu proshlym i budushchim: Stat'i i vospominaniia / Pod obshch. red. V. P. Kozlova. M., 2012.

2. *Artamonov Iu. A.* Gudzii Nikolai Kallinikovich // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2006. T. 13.

3. *Bazanov M.* K istorii diskussii v sovetskoi nauke: Obsuzhdenie monografii A. Zimina «Slovo o polku Igoreve» (4–6 maia 1964) // Voprosy literatury. 2014. № 1.

4. *Belinkov A. V.*, *Belinkova N. A.* Raspria s vekom: V dva golosa. M., 2008.

5. *Bobrov A. G.* «Zakoldovannyi krug» (o knige A. A. Zimina «Slovo o polku Igoreve») // Russkaia literatura. 2008. № 3.

6. *Chudakova M. O.*, *Toddes E. A.* Tynianov v vospominaniiakh sovremennika // Tynianovskii sbornik: Pervye tynianovskie chteniia. Riga, 1988.

7. *Chukovskaia L. K.*, *Oksman Iu. G.* «Tak kak vol'nost' ot nas ne zavisit, to ostaetsia pokoi...»: Iz perepiski (1948–1970) / Predislovie i komm. M. A. Frolova; podg. teksta M. A. Frolova i Zh. O. Khavkinoi // Znamia. 2009. № 6.

8. *Chukovskii K. I.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2007. T. 13. Dnevnik (1936–1969) / Komm. E. Chukovskoi.

9. *Filimonov S. B.* Intelligentsiia Kryma vremen Grazhdanskoi voiny ob istoricheskikh sud'bakh Rossii i Ukrainy // Istoricheskoe nasledie Kryma: nauchnyi zhurnal. 2006. № 12/13.

10. *Filimonov S. B.* Iz proshlogo russkoi kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda. Simferopol', 2010.

11. *Frolov M. A.* «Dukh bodr i okhota k rabote prezhniaia...». Iz perepiski Iu. G. Oksmana i A. V. Florovskogo (1962–1968) // Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva / Red.-sost. E. R. Ponomarev, M. Shruba. M., 2019.

12. *Frolov M. A.* «Nakoplen ogromnyi opyt, no ne obobshchen...»: Neopublikovannye vystupleniia i zametki Iu. G. Oksmana // Literaturnyi fakt. 2018. № 9.

13. *Gerasimova L. E.* Punktirnaia liniia zhizni. Saratov, 2018.

14. *Grodetskaia A. G.* Tekst «Voskresen'ia» v rekonstruktsii N. K. Gudziia (Printsipy. Polemika. Itogi) // Russkaia literatura. 2012. № 3.

15. «Iskrenne vash Iul. Oksman»: Pis'ma 1914–1970 godov / Publ. M. D. El'zona; predislovie V. D. Raka; prim. V. D. Raka i M. D. El'zona // Russkaia literatura. 2004. № 1.

16. Iz perepiski Iu. G. Oksmana / Vstup. stat'ia i prim. M. O. Chudakovoi, E. A. Toddesa // Chetvertye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia. Riga, 1988.

17. Iz perepiski Iu. N. Tynianova i B. M. Eikhenbauma s V. B. Shklovskim / Vstup. zametka, publ. i komm. O. Panchenko // Voprosy literatury. 1984. № 12.
18. Iz perepiski Iuliana Oksmana i Viktora Shklovskogo / Podg. k pechati, predislovie i prim. A. V. Gromova // Zvezda. 1990. № 8.
19. *Kataev V. B.* Literaturnye sviazi Chekhova. M., 1989.
20. *Kolobov E. Iu.* «Ia podchiniaius' etomu strashnomu prigovoru»: Kak byl iskliuchen iz Soiuza pisatelei SSSR Iu. G. Oksman. 1964 g. // Istoricheskii zhurnal. 2017. № 4.
21. *Lazarev L.* Vernost' pravde: Tvorcheskii put' Viktora Nekrasova // Literatura — Pervoe sentiabria. 2002. 8–15 maia. № 18.
22. *Lotman L.* Vospominaniia. SPb., 2007.
23. *Oksman Iu. G., Chukovskii K. I.* Perepiska [1949–1969] / Predislovie i komm. A. L. Grishunina. M., 2001.
24. Perepiska Iu. G. Oksmana s R. D. Orlovoi i L. Z. Kopelevym / Vstup. zametka, publ. i komm. V. N. Abrosimovoi // Izvestiia OLIA. 1995. T. 54. № 2.
25. Pochta veka. Iz perepiski V. Shklovskogo // Grani. 2003. № 207–208.
26. *Tomashevich O. V.* T. N. Borozdina-Koz'mina — uchenitsa i naslednitsa dela B. A. Turaeva v Muzee iziashchnykh iskusstv // Pamiatniki i liudi: Sb. / Nauch. red. K. K. Iskol'dskaia. M., 2003.
27. *Toropova V. N.* «Dushoi s Vami...»: o druzhbe dvukh uchenykh — istorika literatury Nikolaia Kallinikovicha Gudziia (1887–1965) i pisatelia, literaturoveda Sergeia Nikolaevicha Durylina (1886–1954) // Moskovskii zhurnal. 2018. № 7 (331).
28. Vospominaniia o Iu. Tynianove. Portrety i vstrechi. M., 1983.
29. *Zimin A. A.* Slovo o polku Igoreve / Otv. red. V. G. Zimina, O. V. Tvorogov. SPb., 2006.

Марчелло Гардзанити

профессор Университета Флоренции (*Италия*)

Marcello Garzaniti

Professor at University of Florence (*Italy*)

marcello.garzaniti@unifi.it

«СЛОВО О НЕСТРОЕНИЯХ И БЕЗЧИНИЯХ» МАКСИМА ГРЕКА. К ИСТОЧНИКАМ ПЛАЧА ВАСИЛИИ

THE DISCOURSE ON INSTABILITY AND CHAOS BY MAXIM THE GREEK. AT THE SOURCES OF VASILIJA'S LAMENTATION

Этот Плач, написанный около середины XVI века, в качестве главной героини вводит аллегорическую персонификацию «власти» — Василию, носящую вдовью одежду и окруженную хищниками. Ее жалоба состоит из постоянных отсылок на суровые предсказания ветхозаветных пророков. Этот персонаж вызывает в памяти образ «чистой девы», который использовал Савонарола в песне «De ruina ecclesiae». Максим Грек перерабатывает эту модель Савонаролы, принимая во внимание также песню «De ruina mundi», на основе стройной и сложной библейской экзегезы, которая показывает аллегорию не только в отношениях к состоянию русского царства, но в масштабе всеобщей истории, иллюстрируя отношения между властью земной и царством Божьим в эсхатологическом ключе.

Ключевые слова: итальянско-русские культурные отношения, итальянское литературное влияние в России, интеллектуалы и власть в России, Максим Грек, Савонарола.

The article suggests that the female protagonist of the Lamentation, supposedly written in the mid-17th century, is an allegorical personification of «power», a woman named Vasilija, dressed in widowhood and surrounded by wild beasts. Her lamentation contains numerous references to the prophecies of the Old Testament prophets. The character evokes the image of the «virgin caste» of Pauline origin (2 Cor. 11, 1–2), used by Savonarola in his canzone *De Ruina Ecclesiae*. Maxim elaborates this Savonarolian model, taking into account the canzone *De Ruina Mundi*, on the basis of a complex and neatly orchestrated biblical exegesis that highlights the allegory not only in relation to the Russian State, but as projected on the universal history, illustrating the relationship between earthly power and the «kingdom of heaven» in eschatological terms.

Key words: Italian-Russian cultural exchange, Italian literary influence in Russia, intellectuals and power in Russia, Maxim the Greek, Savonarola.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 1.

2. *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984.

3. *Буланин Д. М.* Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // Studi slavistici. 2019. Vol. XVI. № 2.

4. *Висковатый К.* К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // Slavia. 1939–1940. Т. XVII. № 1–2.

5. *Гардзанити М.* Глоссы сборника Максима Грека в Национальной библиотеке Франции: между лексикографией и экзегезой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2019.

6. *Гардзанити М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017.

7. *Данте А.* Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967.

8. *Емченко Е. Б.* Священство и царство в XVI в. (Максим Грек и Стоглавый Собор) // Вопросы религии и религиоведения. М., 2010. Вып. 2. Кн. 1. Религиоведение в России в конце XX — начале XXI в.

9. *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции: [В 2 ч.]. Новосибирск, 2011.

10. *Иванов А. И.* Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23.

11. *Иконников В. С.* Максим Грек и его время: Историческое исследование. Киев, 1915.

12. *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

13. *Максим Грек, преп.* Соч.: [В 2 т.] / Под ред. Н. В. Синицыной. М., 2008, 2014. Т. 1, 2.

14. *Максим Грек, преп.* Соч.: В 3 т. Казань, 1894–1897.

15. *Микеланджело Буонарроти.* Поэзия / В пер. А. М. Эфроса. М., 1992.

16. *Ржига В. Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1.

17. *Савонарола Д.* Проповеди на книгу пророка Аггея / Изд. подг. А. В. Топорова; отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2014 (сер. «Литературные памятники»).

18. *Синицына Н. В.* Новые данные об итальянском периоде жизни преподобного Максима Грека // Вестник церковной истории. 2006. № 1.

19. *Baracchi M.* Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? (Confronto di uno «Slovo» di Maksim Grek con motivi e tecniche della «Divina Commedia») // Mondo Slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli Slavisti. Kiev 1983 / A cura di J. Křesálkova. Roma, 1983.

20. *Catalano P.* II. Roma, Costantinopoli, Mosca: 1981–2000 // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law. 2002. Vol. 30.

21. *Cattin G.* Il primo Savonarola. Poesie e prediche autografe dal codice Borromeo. Firenze, 1973.

22. *Garzaniti M.* Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della «santa Russia» // Giorgio La Pira e la Russia / A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005.

23. *Garzaniti M.* Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach) di Massimo il Greco. Alle fonti del lamento della Vasilija // Studi slavistici. 2019. T. XVI. № 2.

24. *Garzaniti M.* Michele Trivolis / Massimo il Greco (1470 circa — 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // Cristianesimo nella storia. 2015. № 2.

25. *Garzaniti M.* Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // I Domenicani e la Russia. Roma, 2019.

26. *Garzaniti M.* Sacra scrittura, *auctoritates* e arte traduttoria in Massimo il Greco // Studi slavistici. 2010. Vol. VII.

27. *Gonneau P.* [Rezension über:] Michail M. Krom, «Vdovstvujuščee carstvo». Političeskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2012. № 1.

28. *Marietti M.* La figura del tiranno nella predicazione di Girolamo Savonarola // Chroniques Italiennes (Série Web). 2006–2007. № 11 (1).

29. *Martelli M.* Savonarola poeta // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / A cura di G. Garfagnini. Firenze, 2001.

30. *Michelangelo Buonarroti.* Rime / A cura di E. N. Girardi. Bari, 1960.

31. *Olmsted H. M.* A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. № 3.

32. *Ommeslaeghe F. van.* Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. Le dossier et les origines d'une légende // Analecta Bollandiana. 1979. Vol. 97. № 1–2.

33. *Picchio R.* La letteratura russa antica. Milano, 1968.

34. *Savonarola G.* Poesie / A cura di M. Martelli. Roma, 1968.

35. *Savonarola G.* Poesie / A cura di V. Piccoli. Torino, 1926.

36. *Savonarola G.* Prediche sopra l'Esodo / A cura di P. G. Ricci: In 2 vol. Roma, 1955.

37. *Savonarola G.* Rime / A cura di G. Tuccini. Genova, 2015.

38. *Schnitzer G*. Savonarola: In 2 vol. Milano, 1931.
39. *Villari P., Casanova E*. Scelta di prediche e scritti di Fra Girolamo Savonarola. Con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze, 1898.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu Komissieiu. SPb., 1841. T. 1.
2. *Baracchi M*. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? (Confronto di uno «Slovo» di Maksim Grek con motivi e tecniche della «Divina Commedia») // Mondo Slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli Slavisti. Kiev 1983 / A cura di J. Křesálkova. Roma, 1983.
3. *Bulanin D. M*. Perevody i poslaniia Maksima Greka. Neizdannye teksty. L., 1984.
4. *Bulanin D. M*. Polnoe sobranie sochinenii Maksima Greka. Nachalo raboty i plan ee zavershenii // Studi slavistici. 2019. Vol. XVI. № 2.
5. *Catalano P*. II. Roma, Costantinopoli, Mosca: 1981–2000 // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law. 2002. Vol. 30.
6. *Cattin G*. Il primo Savonarola. Poesie e prediche autografe dal codice Borromeo. Firenze, 1973.
7. *Dante A*. Bozhestvennaia komediia / Per. M. Lozinskogo. M., 1967.
8. *Emchenko E. B*. Sviashchenstvo i tsarstvo v XVI v. (Maksim Grek i Stoglavyi Sobor) // Voprosy religii i religiovedeniia. M., 2010. Vyp. 2. Kn. 1. Religiovedenie v Rossii v kontse XX — nachale XXI v.
9. *Gardzaniti M*. Glossy sbornika Maksima Greka v Natsional'noi biblioteke Frantsii: mezhdu leksikografiei i ekzegezoi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiia. 2019.
10. *Gardzaniti M*. Perevod i ispol'zovanie Biblii v tvorchestve Maksima Greka // Slavianskaia Bibliia v epokhu rannego knigopechataniia: K 510-letiiu sozdaniia Bibleiskogo sbornika Matfeia Desiatogo. SPb., 2017.
11. *Garzaniti M*. Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della «santa Russia» // Giorgio La Pira e la Russia / A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005.
12. *Garzaniti M*. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach) di Massimo il Greco. Alle fonti del lamento della Vasilija // Studi slavistici. 2019. T. XVI. № 2.
13. *Garzaniti M*. Michele Trivolis / Massimo il Greco (1470 circa — 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // Cristianesimo nella storia. 2015. № 2.
14. *Garzaniti M*. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // I Domenicani e la Russia. Roma, 2019.
15. *Garzaniti M*. Sacra scrittura, auctoritates e arte traduttoria in Massimo il Greco // Studi slavistici. 2010. Vol. VII.
16. *Gonneau P*. [Rezension über:] Michail M. Krom, «Vdovstvujuščee carstvo». Političeskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2012. № 1.
17. *Ikonnikov V. S*. Maksim Grek i ego vremia: Istoricheskoe issledovanie. Kiev, 1915.
18. *Ivanov A. I*. Maksim Grek i Savonarola // TODRL. L., 1968. T. 23.
19. *Krom M. M*. «Vdovstvuiushchee tsarstvo». Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka. M., 2010.
20. *Maksim Grek, prep*. Soch.: [V 2 t.] / Pod red. N. V. Sinitsynoi. M., 2008, 2014. T. 1, 2.
21. *Maksim Grek, prep*. Soch.: V 3 t. Kazan', 1894–1897.
22. *Marietti M*. La figura del tiranno nella predicazione di Girolamo Savonarola // Chroniques Italiennes (Série Web). 2006–2007. № 11 (1).
23. *Martelli M*. Savonarola poeta // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / A cura di G. Garfagnini. Firenze, 2001.
24. *Michelangelo Buonarroti*. Rime / A cura di E. N. Girardi. Bari, 1960.
25. *Mikelandzhelo Buonarroti*. Poeziia / V per. A. M. Efrosa. M., 1992.
26. *Olmsted H. M*. A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. № 3.
27. *Ommeslaeghe F. van*. Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. Le dossier et les origines d'une légende // Analecta Bollandiana. 1979. Vol. 97. № 1–2.
28. *Picchio R*. La letteratura russa antica. Milano, 1968.
29. *Rzhiga V. F*. Opyty po istorii russkoi publitsistiki XVI v. Maksim Grek kak publitsist // TODRL. L., 1934. T. 1.
30. *Savonarola D*. Propovedi na knigu proroka Aggeia / Izd. podg. A. V. Toporova; otv. red. M. L. Andreev. M., 2014 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
31. *Savonarola G*. Poesie / A cura di M. Martelli. Roma, 1968.
32. *Savonarola G*. Poesie / A cura di V. Piccoli. Torino, 1926.
33. *Savonarola G*. Prediche sopra l'Esodo / A cura di P. G. Ricci: In 2 vol. Roma, 1955.
34. *Savonarola G*. Rime / A cura di G. Tuccini. Genova, 2015.
35. *Schnitzer G*. Savonarola: In 2 vol. Milano, 1931.
36. *Sinitsyna N. V*. Novye dannye ob ital'ianskom periode zhizni prepodobnogo Maksima Greka // Vestnik tserkovnoi istorii. 2006. № 1.

37. *Villari P., Casanova E.* Scelta di prediche e scritti di Fra Girolamo Savonarola. Con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze, 1898.
38. *Viskovatyi K.* K voprosu o literaturnom vliianii Savonaroly na Maksima Greka // Slavia. 1939–1940. T. XVII. № 1–2.
39. *Zhurova L. I.* Avtorskii tekst Maksima Greka. Rukopisnaia i literaturnaia traditsii: [V 2 ch.]. Novosibirsk, 2011.

Лев Аркадьевич Трахтенберг

доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Lev Arkad'evich Trakhtenberg

Docent, Lomonosov Moscow State University

lev_a_t@inbox.ru

БАСНЯ И. И. ХЕМНИЦЕРА «МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК»: ИСТОРИЯ СЮЖЕТА

IVAN CHEMNITZER'S FABLE «THE STUDENT OF METAPHYSICS»: MAKINGS OF THE PLOT

В статье выявлены источники басни И. И. Хемницера «Метафизический ученик». Ее сюжет восходит к басне Эзопа «Звездочет» (Perry 40) и народному анекдоту «Ученый сын» (СУС 1628). Образцом сюжетного синтеза Хемницеру, возможно, служит басня Х. Ф. Геллерта «Крестьянин и его сын» (Perry 707). Соединяя сюжетное ядро басни Эзопа и систему персонажей анекдота, Хемницер формулирует актуальную для XVIII века проблему ложного просвещения на языке литературных и фольклорных архетипов.
Ключевые слова: И. И. Хемницер, Эзоп, басня, народный анекдот, сатира, русская литература XVIII века, сравнительное литературоведение.

The article traces the sources of Ivan Chemnitzer's fable «The Student of Metaphysics». Its plot is based on Aesop's fable «The Astrologer» (Perry 40) and the folk anecdote «The Learned Son» (AT 1628). C. F. Gellert's fable «The Peasant and his Son» (Perry 707) might have provided the pattern for the plot synthesis. Combining Aesop's plot with the personae of the anecdote, Chemnitzer formulates the problem of false enlightenment, considered important in the 18th century, in the language of literary and folklore archetypes.
Key words: Ivan Chemnitzer, Aesop, fable, folk anecdote, satire, Russian 18th-century literature, comparative literature.

Список литературы

1. *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
2. Басни Эзопа / Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. М., 1968.
3. *Вацуро В. Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма.
4. *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд., доп. М., 1916.
5. *Крылов И. А.* Басни / Изд. подг. А. П. Могилянский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956.
6. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Хемницер Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3.
7. *Лесин Е., Щербак-Жуков А.* В метафизическом беснуясь размышленьи: 275 лет со дня рождения первого русского сатирика и баснописца Ивана Хемницера // Независимая газета. 2020. 15 янв.
8. *Марасинова Е. Н.* И. И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24.
9. *Николаев С. И.* «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013.
10. *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; прим. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М., 1993. Т. 2.
11. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827.
12. *Рогов К. Ю.* Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

13. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк; под ред. О. А. Державиной. М., 1972.
14. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979.
15. Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. статья и сост. А. Н. Соколова; подг. текста и прим. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969 (Библиотека поэта. Большая сер.).
16. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. М., 1957. Т. 21.
17. *Хемницер И. И.* Басни и сказки: [В 3 ч.]. СПб., 1799. Ч. 3.
18. *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост. Л. Е. Бобровой; подг. текста и прим. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963 (Библиотека поэта. Большая сер.).
19. *Хемницер И. И.* Соч. и письма по подлинным его рукописям / С биографической статьей и прим. Я. Грота. СПб., 1873.
20. Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Р. Летранжа вновь изданные, а на российский язык переведены... С. Волчковым. СПб., 1747.
21. Aesopi fabulae / Recensuit Aemilius Chambry. Paris, 1925. Pars prior (sér. «Nouvelle collection de textes et documents publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé»).
22. *Babrius*, *Phaedrus.* Fables / Translated by B. E. Perry. Cambridge, Mass., 1965 (ser. «Loeb Classical Library»; № 436).
23. *Gellert C. F.* Sämmtliche Schriften. Neue verb. Aufl.: [In 10 Teile]. Leipzig, 1775. T. 1. Fabeln und Erzählungen.
24. *Plato.* Theaetetus. Sophist / With en English translation by H. N. Fowler. Cambridge, Mass.; London, 1921.
25. *Rodríguez Adrados F.* History of the Graeco-Latin Fable / Translated by L. A. Ray & F. Rojas del Canto. Leiden; Boston, 2003. Vol. 3. Inventory and Documentation of the Graeco-Latin Fable.
26. The Types of the Folktale: a Classification and Bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson. 2nd revision. Helsinki, 1961 (ser. «Folklore Fellows Communications»; № 184).
27. *Thompson S.* Motif-index of Folk-literature: a Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-books, and Local Legends. Revised and enlarged edition: [In 6 vols.]. Bloomington, Ind.; London, 1966. Vol. 4.

References

1. Aesopi fabulae / Recensuit Aemilius Chambry. Paris, 1925. Pars prior (sér. «Nouvelle collection de textes et documents publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé»).
2. *Andreev N. P.* Ukazatel' skazochnykh siuzhetov po sisteme Aarne. L., 1929.
3. *Babrius*, *Phaedrus.* Fables / Translated by B. E. Perry. Cambridge, Mass., 1965 (ser. «Loeb Classical Library»; № 436).
4. Basni Ezopa / Per., stat'ia i komm. M. L. Gasparova. M., 1968.
5. Ezopovy basni s nravoucheniem i primechaniiami R. Letranzha vnov' izdannye, a na rossiiskii iazyk perevedeny... S. Volchkovym. SPb., 1747.
6. *Gellert C. F.* Sämmtliche Schriften. Neue verb. Aufl.: [In 10 Teile]. Leipzig, 1775. T. 1. Fabeln und Erzählungen.
7. *Khemnitser I. I.* Basni i skazki: [V 3 ch.]. SPb., 1799. Ch. 3.
8. *Khemnitser I. I.* Poln. sobr. stikhotvorenii / Vstup. stat'ia N. L. Stepanova; sost. L. E. Bobrovoi; podg. teksta i prim. L. E. Bobrovoi i V. E. Vatsuro. M.; L., 1963 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
9. *Khemnitser I. I.* Soch. i pis'ma po podlinnym ego rukopisiam / S biograficheskoi stat'ei i prim. Ia. Grota. SPb., 1873.
10. *Krylov I. A.* Basni / Izd. podg. A. P. Mogilianskii; otv. red. F. Ia. Priima. M.; L., 1956.
11. *Lappo-Danilevskii K. Iu.* Khemnitser Ivan Ivanovich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 2010. Vyp. 3.
12. *Lesin E., Shcherbak-Zhukov A.* V metafizicheskom besnuias' razmyshlen'i: 275 let so dnia rozhdeniia pervogo russkogo satirika i basnopistsa Ivana Khemnitsera // Nezavisimaia gazeta. 2020. 15 ianv.
13. *Marasinova E. N.* I. I. Khemnitser — pisatel' i diplomat // XVIII vek. SPb., 2006. Sb. 24.
14. *Nikolaev S. I.* «I my iabloka plyvem» (iz frazeologii zhurnal'noi polemiki 1769 g.) // Aonidy: Sb. statei v chest' Natal'i Dmitrievny Kochetkovoi. M.; SPb., 2013.
15. *Plato.* Theaetetus. Sophist / With en English translation by H. N. Fowler. Cambridge, Mass.; London, 1921.
16. *Platon.* Sobr. soch.: V 4 t. / Obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Takho-Godi; prim. A. F. Loseva i A. A. Takho-Godi; per. s drevnegrech. M., 1993. T. 2.
17. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937. T. 13. Perepiska, 1815–1827.
18. *Rodríguez Adrados F.* History of the Graeco-Latin Fable / Translated by L. A. Ray & F. Rojas del Canto. Leiden; Boston, 2003. Vol. 3. Inventory and Documentation of the Graeco-Latin Fable.
19. *Rogov K. Iu.* Ideia «komedii nravov» v nachale XIX veka v Rossii. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1992.

20. Russkaia dramaturgiia poslednei chetverti XVII i nachala XVIII v. / Izd. podg. O. A. Derzhavina, A. S. Demin, V. P. Grebeniuk; pod red. O. A. Derzhavinoi. M., 1972.
21. Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka / Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskii, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov; otv. red. K. V. Chistov. L., 1979.
22. Stikhotvornaia skazka (novella) XVIII — nachala XIX veka / Vstup. stat'ia i sost. A. N. Sokolova; podg. teksta i prim. N. M. Gaidenkova i V. P. Stepanova. L., 1969 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
23. The Types of the Folktale: a Classification and Bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson. 2nd revision. Helsinki, 1961 (ser. «Folklore Fellows Communications»; № 184).
24. *Thompson S.* Motif-index of Folk-literature: a Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-books, and Local Legends. Revised and enlarged edition: [In 6 vols.]. Bloomington, Ind.; London, 1966. Vol. 4.
25. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: [V 90 t.]. M., 1957. T. 21.
26. *Vatsuro V. E.* K voprosu o filosofskikh vzgliadakh Khemnitsera // XVIII vek. M.; L., 1964. Sb. 6. Russkaia literatura XVIII veka. Epokha klassitsizma.
27. *Veselovskii A. N.* Zapadnoe vliianie v novoi russkoi literature. 5-e izd., dop. M., 1916.

Наталья Александровна Хохлова

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Aleksandrovna Khokhlova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

irliran@mail.ru

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 1

CONCERNING THE ARCHAEOGRAPHIC PURSUITS OF A. I. TURGENEV (BIOGRAPHICAL DATA) PART 1

Археографическая деятельность А. И. Тургенева исследована в содержательном, но главным образом — в биографическом плане от момента зарождения у него исторических интересов (Геттингенский университет) до издания так называемых «Актов Тургенева». Статья построена на материалах архива братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), в том числе на неизученном комплексе переписки А. И. Тургенева с кн. А. Н. Голицыным.
Ключевые слова: архив братьев Тургеневых, русская археография, «Акты Альбертранди», А. И. Тургенев и Карамзин, А. И. Тургенев и кн. А. Н. Голицын, А. И. Тургенев и Пушкин.

A. I. Turgenev's archaeographic efforts have been investigated from the point of view of their substance, as well as in biographical terms, the research covering the period from the emergence of his historical interests (the University of Göttingen) to the publication of the so-called *Acts of Turgenev*. The article is based on the data from the archives of the Turgenev brothers (IRLI. F. 309), including the unexplored body of correspondence between A. I. Turgenev and Prince A. N. Golitsyn.
Key words: archives of the Turgenev brothers, Russian archaeography, *Acts of Albertrandi*, A. I. Turgenev and Karamzin, A. I. Turgenev and Prince A. N. Golitsyn, A. I. Turgenev and Pushkin.

Список литературы

1. *Арапов Д. Ю., Пономарев В. П.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 14.
2. *Жихарев С. П.* Записки современника / Изд. подг. С. И. Штрайх. М.; Л., 1934. Т. 2.
3. *Карамзин Н. М.* Письма к братьям. 1786–1826 / Сост., подг. текста и прим. В. А. Сукайло. Ульяновск, 2013.
4. *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014.

5. *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // Новое литературное обозрение. 1997. № 27.

6. *Леман-Карли Г.* Взгляды геттингенских историков на российскую историю и проблема «древней» и «новой» России (А.-Л. Шлецер, А. И. Тургенев, Н. М. Карамзин) // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2.

7. *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1958. Вып. 1 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 65).

8. *Мокроусова М. Б.* А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4.

9. *Мокроусова М. Б.* Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

10. *Молок А.* Царская Россия и Июльская революция 1830 г. // Лит. наследство. 1937. Т. 29–30. Русская культура и Франция. [Кн.] 1.

11. Новонайденные письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Вступ. статья, подг. текста и прим. Н. А. Хохловой // XVIII век. СПб., 2020. Вып. 30.

12. *Платонов С. Ф.* Очерк русской историографии // Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917.

13. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2.

14. *Рудницкая Е. Л.* Александр Иванович Тургенев // Тургенев А. И., Тургенев Н. И. Избр. труды. М., 2010.

15. *Сабуров А. А.* Александр Тургенев // Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подг. текста, вступ. статья и комм. А. А. Сабурова. М., 1939.

16. *Сапченко Л. А.* Зеркало души: Н. М. Карамзин по его письмам. Ульяновск, 2016.

17. *Свербеев Д. Н.* Мои записки / Изд. подг. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М., 2014.

18. *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.

19. *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964.

References

1. *Arapov D. Iu.*, *Ponomarev V. P.* Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2007. T. 14.

2. *Karamzin N. M.* Pis'ma k brat'iam. 1786–1826 / Sost., podg. teksta i prim. V. A. Sukailo. Ul'ianovsk, 2013.

3. *Kondakov Iu. E.* Kniaz' A. N. Golitsyn: pridvornyi, chinovnik, khristianin. SPb., 2014.

4. *Larionova E. O.* N. M. Karamzin po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 27.

5. *Leman-Karli G.* Vzgliady gettingenskikh istorikov na rossiiskuiu istoriiu i problema «drevnei» i «novoi» Rossii (A.-L. Shletser, A. I. Turgenev, N. M. Karamzin) // Literatura i istoriia (Istoricheskii protsess v tvorcheskom soznanii russkikh pisatelei i myslitelei XVIII–XX vv.). SPb., 1997. Vyp. 2.

6. *Lotman Iu. M.* Rukopis' A. Kaisarova «Sravnitel'nyi slovar' slavianskikh narechii» // Tr. po russkoi i slavianskoi filologii. Tartu, 1958. Vyp. 1 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 65).

7. *Mokrousova M. B.* A. I. Turgenev — sobiratel' istochnikov po istorii Rossii // Sovetskie arkhivy. 1974. № 4.

8. *Mokrousova M. B.* Istoricheskie vzgliady i arkheograficheskaia deiatel'nost' A. I. Turgeneva. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1975.

9. *Molok A.* Tsarskaia Rossiia i Iiul'skaia revoliutsiia 1830 g. // Lit. nasledstvo. 1937. T. 29–30. Russkaia kul'tura i Frantsiia. [Kn.] 1.

10. Novonaidennye pis'ma N. M. Karamzina k A. I. Turgenevu / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. N. A. Khokhlovoi // XVIII vek. SPb., 2020. Vyp. 30.

11. *Platonov S. F.* Ocherk russkoi istoriografii // Platonov S. F. Lektsii po russkoi istorii. Pg., 1917.

12. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2016. T. 2. Kn. 2.

13. *Rudnitskaia E. L.* Aleksandr Ivanovich Turgenev // Turgenev A. I., Turgenev N. I. Izbr. trudy. M., 2010.

14. *Saburov A. A.* Aleksandr Turgenev // Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym / Podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. A. A. Saburova. M., 1939.

15. *Sapchenko L. A.* Zerkalo dushi: N. M. Karamzin po ego pis'mam. Ul'ianovsk, 2016.

16. *Serkov A. I.* Russkoe masonstvo. 1731–2000: Entsiklopedicheskii slovar'. M., 2001.

17. *Sverbeev D. N.* Moi zapiski / Izd. podg. M. V. Batshev, B. P. Kraevskii, T. V. Medvedeva. M., 2014.

18. *Turgenev A. I.* Khronika russkogo. Dnevniki (1825–1826 gg.) / Izd. podg. M. I. Gillel'son. M.; L., 1964.

19. *Zhikharev S. P.* Zapiski sovremennika / Izd. podg. S. I. Shtraikh. M.; L., 1934. T. 2.

Марк Григорьевич Альтшуллер

почетный профессор Питтсбургского университета, США

Mark G. Altshuller

Professor Emeritus, University of Pittsburgh, USA

altshul@pitt.edu

ТРАГЕДИЯ БЫТИЯ И ПОИСКИ СПАСЕНИЯ. «МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ» И «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»

TRAGEDY OF EXISTENCE AND SEARCH FOR SURVIVAL. *THE LITTLE TRAGEDIES* AND *BELKIN'S TALES*

«Маленькие трагедии» и «Повести Белкина» писались в одно и то же время. В первых Пушкин исследует основные вечные неразрешимые конфликты бытия: любовь и смерть, жизнь и смерть, вдохновение и «труд упорный», молодость и старость. Эти конфликты трагичны, принципиально неразрешимы для человечества, их столкновение и составляет самую суть человеческой жизни, человеческой цивилизации. Принципиально неразрешимое для человечества в целом может быть, по Пушкину, хотя бы частично, компромиссно разрешено в частном человеческом бытии. Об этом рассказывается в «Повестях Белкина».

Ключевые слова: Пушкин, «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», частная человеческая жизнь, вечные конфликты человечества.

The Little Tragedies and *Belkin's Tales* were written at the same time. In the former, Pushkin examines the main, eternal, and insoluble conflicts of existence: love and death, life and death, inspiration and hard work, youth and old age. These conflicts are tragic, and are in principle insoluble, for humanity. Their collision constitutes the very essence of human life and of human civilization. But — according to Pushkin — what is insoluble for humanity as a whole might be, at least partly, resolved by way of a compromise, when it comes to individual human lives. This is what *Belkin's Tales* are about.

Key words: Pushkin, *The Little Tragedies, Belkin's Tales*, private human life, eternal conflicts of mankind.

Список литературы

1. *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855 (репринт: М., 1985).
2. *Ахматова А.* Гибель Пушкина. М., 2019.
3. *Ахматова А.* Стихи и проза. Л., 1976.
4. *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992.
5. *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914.
6. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневекового Ренессанса. М., 1965.
7. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1955. Т. 7.
8. *Беляк Н. В.*, *Виролайнен М. Н.* «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14.
9. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967.
10. *Благой Д.* Социология творчества Пушкина. Этюды. 2-е изд., доп. М., 1931.
11. *Булгарин Ф.* Соч. М., 1990.
12. *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994.
13. Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 2.
14. *Гершензон М.* «Станционный смотритель» // Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919 (репринт: Ardis, 1983).
15. *Давыдов Д.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. В. Э. Вацуро. Л., 1984 (Библиотека поэта. Большая сер.).
16. *Давыдов С.* Веселые гробокопатели: Пушкин и его «Гробовщик» // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева. Новгород, 1997.
17. *Давыдов С.* Дыханье девы-розы: автобиографизм «Пира во время чумы» // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999. Материалы и исследования. М., 2001.

18. *Давыдов С.* Тайны счастия и гроба: «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии» // Континент. 1999. № 4 (102).
19. *Долинин А. А.* Пушкин и Англия. М., 2007.
20. *Есипов В. М.* Между «Онегиным» и «Дмитрием Самозванцем» (царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина с Булгариным) // Homo liber: Сборник памяти Л. Г. Фризмана. Киев, 2020.
21. *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955.
22. *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975.
23. *Кардаш Е. В.* «Амур с опрокинутым факелом»: заметки о повести Пушкина «Гробовщик» // Slavica Revalensia. 2017. Vol. 4.
24. *Княжнин Я. Б.* Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер.).
25. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4.
26. *Листов В. С.* «Воспоминание» // Лирика Пушкина. Комментарий к одному стихотворению. М., 2006.
27. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М., 1996.
28. *Лотман Ю. М.* Типология характера реализма позднего Пушкина // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988.
29. *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974.
30. *Мольер.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2.
31. *Муравьева О. С.* Образ «Мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24.
32. *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина. Л., 1987.
33. *Погодин М. П.* Из «Воспоминаний о Степане Петровиче Шевыреве» // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2.
34. *Погорельский А.* Двойник, или Мои вечера в Малороссии. Монастырка. М., 1960.
35. Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биографические справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Библиотека поэта. Большая сер.).
36. Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. И. Машинского. М.; Л., 1964 (Библиотека поэта. Большая сер.).
37. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [Л., 1935]. Т. 7. Драматические произведения.
38. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 3, 5.
39. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1949.
40. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. Драматические произведения.
41. *Пушкин А. С.* Соч. Комментированное издание. М., 2016. Вып. 3. Стихотворения. Из «Северных цветов» 1832 год.
42. Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2003.
43. Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2017. Вып. 3.
44. *Разумовская М. В.* К вопросу о некоторых литературных традициях в «Станционном смотрителе» // Русская литература. 1986. № 3.
45. Русская басня XVIII–XIX веков / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост., подг. текста, прим. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова. Л., 1977 (Библиотека поэта. Большая сер.).
46. *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1961. Т. 2.
47. *Сазонова Л. И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012.
48. *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С. В. Житомирская. М., 1989 (сер. «Литературные памятники»).
49. *Стерн Л.* Жизнь и приключения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968.
50. *Устюжанин Д. Л.* Маленькие трагедии А. С. Пушкина. М., 1974.
51. *Фомичев С. А.* К творческой истории стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» // Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко. СПб., 2000.
52. *Цявловский М.* Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» П. В. Анненкова // Лит. наследство. 1952. Т. 58.
53. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989.
54. *Чумаков Ю. Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.
55. *Шарыпкин Д. М.* Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1978. Т. 8.
56. *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.
57. *Bethea D.*, *Davydov S.* Pushkin' Saturnine Cupid: The Poetics of Parody in The Tales of Belkin // Publications of Modern Language Association. 1981. № 1.

References

1. *Akhmatova A.* Gibel' Pushkina. M., 2019.
2. *Akhmatova A.* Stikhi i proza. L., 1976.
3. *Annenkov P. V.* Materialy dlia biografii A. S. Pushkina. SPb., 1855 (reprint: M., 1985).
4. *Bakhtin M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekovogo Renessansa. M., 1965.
5. *Bartenev P. I.* O Pushkine. M., 1992.
6. *Bartenev P. I.* Pushkin v iuzhnoi Rossii. M., 1914.
7. *Beliak N. V., Virolainen M. N.* «Malen'kie tragedii» kak kul'turnyi epos novoevropeiskoi istorii // Pushkin. Issledovaniia i materialy. L., 1991. T. 14.
8. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: [V 13 t.]. M., 1955. T. 7.
9. *Bethea D.*, *Davydov S.* Pushkin' Saturnine Cupid: The Poetics of Parody in The Tales of Belkin // Publications of Modern Language Association. 1981. № 1.
10. *Blagoi D. D.* Tvorcheskii put' Pushkina (1826–1830). M., 1967.
11. *Blagoi D.* Sotsiologiia tvorchestva Pushkina. Etiudy. 2-e izd., dop. M., 1931.
12. *Bulgarin F.* Soch. M., 1990.
13. *Chereiskii L. A.* Pushkin i ego okruzhenie. L., 1989.
14. *Chumakov Iu. N.* Stikhotvornaia poetika Pushkina. SPb., 1999.
15. *Davydov D.* Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. V. E. Vatsuro. L., 1984 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
16. *Davydov S.* Dykhan'e devy-rozy: avtobiografizm «Pira vo vremia chumy» // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde. 1999. Materialy i issledovaniia. M., 2001.
17. *Davydov S.* Tainy schastiia i groba: «Povesti Belkina» i «Malen'kie tragedii» // Kontinent. 1999. № 4 (102).
18. *Davydov S.* Veselye grobokopateli: Pushkin i ego «Grobovshchik» // Pushkin i drugie: Sb. statei k 60-letiiu professora Sergeia Aleksandrovicha Fomicheva. Novgorod, 1997.
19. *Dolinin A. A.* Pushkin i Angliia. M., 2007.
20. *Esipov V. M.* Mezhdu «Oneginym» i «Dmitriem Samozvantsem» (tsar' i Benkendorf v protivostoianii Pushkina s Bulgarinym) // Homo liber: Sbornik pamiati L. G. Frizmana. Kiev, 2020.
21. *Etkind E. G.* Bozhestvennyi glagol. Pushkin, prochitannyi v Rossii i vo Frantsii. M., 1999.
22. *Fomichev S. A.* K tvorcheskoi istorii stikhotvoreniia A. S. Pushkina «Besy» // Pamiati Georgiia Panteleimonovicha Makogonenko. SPb., 2000.
23. *Gershenzon M.* «Stantsionnyi smotritel'» // Gershenzon M. Mudrost' Pushkina. M., 1919 (reprint: Ardis, 1983).
24. *Izmailov N. V.* Ocherki tvorchestva Pushkina. L., 1975.
25. *Kardash E. V.* «Amur s oprokinutym fakelom»: zametki o povesti Pushkina «Grobovshchik» // Slavica Revalensia. 2017. Vol. 4.
26. *Kniazhnin Ia. B.* Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. L. I. Kulakovoi. L., 1961 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
27. *Lermontov M. Iu.* Sobr. soch.: V 4 t. M.; L., 1959. T. 4.
28. *Listov V. S.* «Vospominanie» // Lirika Pushkina. Kommentarii k odnomu stikhotvoreniiu. M., 2006.
29. *Lotman Iu. M.* Tipologiia kharaktera realizma pozdnego Pushkina // Lotman Iu. M. V shkole poeticheskogo slova. M., 1988.
30. *Lotman Iu. M.* Vnutri mysliashchikh mirov. Chelovek. Tekst. Semiosfera. Istoriia. M., 1996.
31. *Makogonenko G. P.* Tvorchestvo A. S. Pushkina v 1830-e gody (1830–1833). L., 1974.
32. *Mol'er.* Poln. sobr. soch.: V 3 t. M., 1986. T. 2.
33. *Murav'eva O. S.* Obraz «Mertvoi vozliublennoi» v tvorchestve Pushkina. Vremennik Pushkinskoi komissii. L., 1991. Vyp. 24.
34. *Petrunina N. N.* Proza Pushkina. L., 1987.
35. Poety 1790–1810-kh godov / Vstup. stat'ia i sost. Iu. M. Lotmana; podg. teksta M. G. Al'tshullera; vstup. zametki, biograficheskie spravki i prim. M. G. Al'tshullera i Iu. M. Lotmana. L., 1971 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
36. Poety kruzhka N. V. Stankevicha / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. S. I. Mashinskogo. M.; L., 1964 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
37. *Pogodin M. P.* Iz «Vospominanii o Stepane Petroviche Shevyreve» // Pushkin v vospominaniiakh sovremennikov. M., 1974. T. 2.
38. *Pogorel'skii A.* Dvoinik, ili Moi vechera v Malorossii. Monastyrka. M., 1960.
39. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch. [L., 1935]. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia.
40. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 10 t. M., 1957. T. 3, 5.
41. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1949.
42. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2009. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia.
43. *Pushkin A. S.* Soch. Kommentirovannoe izdanie. M., 2016. Vyp. 3. Stikhotvoreniia. Iz «Severnykh tsvetov» 1832 god.
44. Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1831–1833 / Pod obshch. red. E. O. Larionovoi. SPb., 2003.
45. Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia. SPb., 2017. Vyp. 3.

46. *Razumovskaia M. V.* K voprosu o nekotorykh literaturnykh traditsiiakh v «Stantsionnom smotritele» // Russkaia literatura. 1986. № 3.
47. Russkaia basnia XVIII–XIX vekov / Vstup. stat'ia N. L. Stepanova; sost., podg. teksta, prim. V. P. Stepanova i N. L. Stepanova. L., 1977 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
48. *Russo Zh.-Zh.* Izbr. soch.: V 3 t. M., 1961. T. 2.
49. *Sazonova L. I.* Pamiat' kul'tury. Nasledie Srednevekov'ia i barokko v russkoi literature Novogo vremeni. M., 2012.
50. *Sharypkin D. M.* Pushkin i «Nravouchitel'nye rasskazy» Marmontelia // Pushkin: Issledovaniia i materialy. M.; L., 1978. T. 8.
51. *Smirnova-Rosset A. O.* Dnevnik. Vospominaniia / Izd. podgotovila S. V. Zhitomirskaia. M., 1989 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
52. *Stern L.* Zhizn' i prikliucheniia Tristrama Shendi, dzhentl'mena. Sentimental'noe puteshestvie po Frantsii i Italii. M., 1968.
53. *Tsiavlovskii M.* Zamechaniia M. P. Pogodina na «Materialy dlia biografii Pushkina» P. V. Annenkova // Lit. nasledstvo. 1952. T. 58.
54. *Ustiuzhanin D. L.* Malen'kie tragedii A. S. Pushkina. M., 1974.
55. *Vatsuro V. E.* Zapiski kommentatora. SPb., 1994.
56. Vospominaniia Faddeia Bulgarina. Otryvki iz vidennogo, slyshannogo i ispytannogo v zhizni. SPb., 1846. Ch. 2.
57. *Zhikharev S. P.* Zapiski sovremennika. M.; L., 1955.

Светлана Вениаминовна Березкина

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Veniaminovna Berezkina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

s.berezkina@mail.ru

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПОСЛАНИЕ С. П. ШЕВЫРЕВА К МОЛОДЫМ ПРОФЕССОРАМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

S. P. SHEVYREV'S UNPUBLISHED MESSAGE TO THE YOUNG PROFESSORS OF THE MOSCOW UNIVERSITY

Статья предлагает публикацию послания С. П. Шевырева «В народе, к знанию готовом...», написанного в связи с вступлением в действие нового университетского устава 1835 года. Стихотворение обращено к молодым профессорам Московского университета и является откликом на важное событие в жизни ученого сообщества России. Послание свидетельствует о горячей поддержке Шевыревым уваровской триады, положенной в основание деятельности Министерства народного просвещения.
Ключевые слова: С. П. Шевырев, университетский устав 1835 года, молодые профессора Московского университета середины 1830-х годов, Министерство народного просвещения, уваровская триада.

S. P. Shevyrev's message «*V narode, k znaniyu gotovom...*» («*Amid the folk eager to be educated...*»), written to honor the promulgation of the new University Charter of 1835, is published in the article. The poem is addressed to the young professors of the Moscow University, being a response to an important event in the life of the Russian academic community. The message testifies to Shevyrev's wholehearted support of the Uvarov Triad, which served as the foundation for the Ministry of Public Education policies.
Key words: S. P. Shevyrev, University Charter of 1835, young professors of the Moscow University in the mid-1830s, Ministry of Public Education, Uvarov Triad.

Список литературы

1. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1891. Кн. 4.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день

столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: В 2 ч. М., 1855.

3. *Галахов А. Д.* Записки человека / [Вступ. статья, подг. текста и комм. В. М. Боковой]. М., 1999.

4. *Зорин А. Л.* Заветная триада: Меморандум С. С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие — самодержавие — народность» // Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла…: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

5. *Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. М., 1989.

6. *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2.

7. Летопись Московского университета. Торжественное собрание в университете [9 июня 1836 года] // Ученые записки Московского университета. 1836. № 12.

8. *Петров Ф. А.* С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999.

9. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М., 2003. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1.

10. *Ратников К. В.* Холопы или собеседники?: Профессорские вояжи в Поречье (Идеологическая стратегия С. С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006.

11. *Шевченко М. М.* Официальной народности теория // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005.

12. *Шевченко М. М.* Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4.

13. *Шевченко М. М.* Уваров // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005.

14. *Шевырев С. П.* История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855.

15. *Шевырев С. П.* История поэзии. Чтения: [В 2 т.]. М., 1835. Т. 1.

16. *Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. 2-е изд. СПб., 1887.

References

1. *Barsukov N. P.* Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: V 22 kn. SPb., 1891. Kn. 4.

2. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekaiushchee stoletie so dnia uchrezhdeniia ianvaria 12-go 1755 goda po den' stoletnego iubileia ianvaria 12-go 1855 goda, sostavlennyi trudami professorov i prepodavatelei, zanimavshikh kafedry v 1854 godu, i raspolozhennyi po azbuchnomu poriadku: V 2 ch. M., 1855.

3. *Galakhov A. D.* Zapiski cheloveka / [Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. V. M. Bokovoi]. M., 1999.

4. *Kazakov N. I.* Ob odnoi ideologicheskoi formule nikolaevskoi epokhi // Kontekst. 1989. M., 1989.

5. *Kireevskii I. V.* Poln. sobr. soch.: V 2 t. M., 1911. T. 2.

6. Letopis' Moskovskogo universiteta. Torzhestvennoe sobranie v universitete [9 iiunia 1836 goda] // Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta. 1836. № 12.

7. *Petrov F. A.* Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniia v Rossii: V 4 t. M., 2003. T. 3. Universitetskaia professura i podgotovka Ustava 1835 goda; T. 4. Rossiiskie universitety i liudi 1840-kh godov. Ch. 1.

8. *Petrov F. A.* S. P. Shevyrev — pervyi professor istorii rossiiskoi slovesnosti v Moskovskom universitete. M., 1999.

9. *Ratnikov K. V.* Kholopy ili sobesedniki?: Professorskie voiazhi v Porech'e (Ideologicheskaia strategiia S. S. Uvarova i ego edinomyshlennikov). Cheliabinsk, 2006.

10. *Shevchenko M. M.* Ofitsial'noi narodnosti teoriia // Obshchestvennaia mysl' Rossii XVIII — nachala XX veka: Entsiklopediia. M., 2005.

11. *Shevchenko M. M.* Poniatie «teoriia ofitsial'noi narodnosti» i izuchenie vnutrennei politiki imperatora Nikolaia I // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriia. 2002. № 4.

12. *Shevchenko M. M.* Uvarov // Obshchestvennaia mysl' Rossii XVIII — nachala XX veka: Entsiklopediia. M., 2005.

13. *Shevyrev S. P.* Istoriia Moskovskogo universiteta, napisannaia k stoletnemu ego iubileiu. 1755–1855. M., 1855.

14. *Shevyrev S. P.* Istoriia poezii. Chteniia: [V 2 t.]. M., 1835. T. 1.

15. *Shevyrev S. P.* Teoriia poezii v istoricheskom razvitii u drevnikh i novykh narodov. 2-e izd. SPb., 1887.

16. *Zorin A. L.* Zavetnaia triada: Memorandum S. S. Uvarova 1832 goda i vozniknovenie doktriny «pravoslavie — samoderzhavie — narodnost'» // Zorin A. L. Kormia dvuglavogo orla…: Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka. M., 2001.

Ксения Андреевна Кумпан

младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ksenia Andreevna Kumpan

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

kumpan1947@gmail.com

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА). Часть 1

D. S. MEREZHKOVSKY AS A STUDENT OF THE THIRD *GYMNASIUM* (COMMENTATOR'S NOTES). Part 1

Статья вводит в научный оборот большой свод неизвестных документов из архива третьей гимназии и из личного фонда Д. С. Мережковского, содержащего его творческие опыты гимназических лет. В результате возникает картина, рисующая будни его гимназической жизни, представляющая галерею учителей и предметов. Здесь же дается развернутый комментарий к «гимназическим» фрагментам автобиографической поэмы «Старинные октавы» и делаются выводы относительно степени достоверности заключающихся в ней оценок обучения.

Ключевые слова: архивные документы, будни гимназии, комментарий, «Старинные октавы».

The article introduces the academic community to a vast collection of the unknown documents from the archives of the Third *Gymnasium* (Classical School) and from Merezhkovsky's personal foundation, which contains the experiments of his early years. As the result, a picture emerges that depicts the school routine, featuring the portraits of the professors and the analysis of humanitarian subjects. Besides, a detailed commentary on the «Gymnasium» fragments of the autobiographical poem *The Ancient Octaves* is offered, and conclusions are drawn regarding the reliability of the assessments of education contained in it.

Key words: archive documents, *Gymmasium* routine, commentary, *The Ancient Octaves*.

Список литературы

1. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
2. *Быстров В. Н.* Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. СПб., 2009.
3. *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.
4. *Гиппиус З.* Собр. соч. М., 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова.
5. За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923.
6. *Зобнин Ю. В.* Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М., 2008.
7. *Золотоносов М. Н.* Братья Мережковские. М., 2003.
8. *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 24.
9. *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000.
10. Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1.
11. Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. Б. В. Федоров. СПб., 2011.
12. *Холиков А.* «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д. С. Мережковского // Toronto Slavic quarterly. 2016. № 57 (http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Kholikov57.pdf).
13. *Холиков А.* Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб., 2010.

References

1. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1962. T. 6.
2. *Bystrov V. N.* Dmitrii Merezhkovskii i Zinaida Gippius. Peterburgskaia biografiia. SPb., 2009.
3. *Gippius Z. N.* Dmitrii Merezhkovskii. Parizh, 1951.

4. *Gippius Z.* Sobr. soch. M., 2019. T. 16 (dopolnitel'nyi). On i my: Dmitrii Merezhkovskii. Ego zhizn' i rabota / Predislovie, podg. teksta i komm. R. A. Gorodnitskogo i A. I. Serkova.
5. *Kholikov A.* «Avtobiograficheskaia zametka» i strategiia samosotvoreniia vo vtorom prizhiznennom «Polnom sobranii sochinenii» D. S. Merezhkovskogo // Toronto Slavic quarterly. 2016. № 57 (http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Kholikov57.pdf).
6. *Kholikov A.* Dmitrii Merezhkovskii. Iz zhizni do emigratsii: 1865–1919. SPb., 2010.
7. *Merezhkovskii D. S.* Poln. sobr. soch.: V 24 t. M., 1914. T. 24.
8. *Merezhkovskii D. S.* Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'ia, sost., prim. i podg. teksta K. A. Kumpan. SPb., 2000.
9. Russkaia literatura XX veka: 1890–1910 / Pod red. S. A. Vengerova. M., 1914. T. 1.
10. Tret'ia Sankt-Peterburgskaia muzhskaia gimnaziia i ee vypuskniki. 1823–1918 gg.: Istoriko-biograficheskii spravochnik / Sost. B. V. Fedorov. SPb., 2011.
11. Za sto let (Peterburgskaia b. tret'ia gimnaziia): Vospominaniia, stat'i i materialy / Sost. N. A. Sokolov. Pg., 1923.
12. *Zobnin Iu. V.* Dmitrii Merezhkovskii. Zhizn' i deianiia. M., 2008.
13. *Zolotonosov M. N.* Brat'ia Merezhkovskie. M., 2003.

Дарья Константиновна Поливанова

старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Daria Konstantinovna Polivanova

Senior Lecturer, National Research University *Higher School of Economics* in Moscow

dasha.polivanova@gmail.com

Константин Михайлович Поливанов

профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Konstantin Mikhailovich Polivanov

Professor, National Research University *Higher School of Economics* in Moscow

polivanovnew@gmail.com

ТЕМА РОЖДЕНИЯ ИСКУССТВА И ВАРИАЦИИ ШЕКСПИРА В ЦИКЛЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»

THE THEME OF THE EMERGENCE OF ART AND VARIATIONS ON SHAKESPEARE IN PASTERNAK'S CYCLE *A MIDSUMMER NIGHT'S DREAM*

В статье предлагается интерпретация шести стихотворений цикла «Сон в летнюю ночь» — одного из самых «темных» циклов четвертой книги стихов Б. Л. Пастернака «Темы и вариации». Авторы показывают, как центральные для всей книги стихов темы рождения искусства и обстоятельства первых пореволюционных лет могут быть связаны с одноименной комедией У. Шекспира.
Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, У. Шекспир, «Сон в летнюю ночь», «Темы и вариации», Ф. Шопен.

The article offers an interpretation of six poems from the cycle *A Midsummer Night's Dream* (*Son v Letniiu Noch'*), one of the most «obscure» cycles in Boris L. Pasternak's fourth poetry collection *Themes and Variations* (*Temy i Variatsii*). The authors demonstrate that the themes of the emergence of art and the circumstances of the first post-revolutionary years — the central themes for the entire volume — may be linked to the Shakespeare's comedy from which the cycle's name is drawn.
Key words: Boris Pasternak, William Shakespeare, *A Midsummer Night's Dream, Themes an Variations*, Frederic Chopin.

Список литературы

1. *Долинин А.* Где спрятан Маяковский? (Заметки об устройстве «Тем и варьяций») // Новое о Пастернаках: Материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / Под ред. Л. Флейшмана. М., 2017.
2. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931.
3. *Пастернак Е.* «Ты — царь, живи один...». К истории отношений Пастернака и Маяковского // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. М., 2015. Вып. 3 / Отв. ред. А. С. Акимова.
4. *Поливанова Д., Поливанов К.* Темы и вариации Чайковского: К интерпретации цикла «Зимнее утро» Бориса Пастернака // Russian Literature. 2018. Vol. 100–102.
5. *Шекспир У.* Сон в летнюю ночь. Комедия Шекспира / Пер. А. Григорьева // Библиотека для чтения. 1857. Т. 144. № 8. Отд. 1.
6. *Carlzohn J.* Entagled Figures: Five Poems from *Temy i variacii* by Boris Pasternak. Lund, 2009.

References

1. *Carlzohn J*. Entagled Figures: Five Poems from *Temy i variacii* by Boris Pasternak. Lund, 2009.
2. *Dolinin A.* Gde spriatan Maiakovskii? (Zametki ob ustroistve «Tem i var'iatsii») // Novoe o Pasternakakh: Materialy Pasternakovskoi konferentsii 2015 goda v Stėnforde / Pod red. L. Fleishmana. M., 2017.
3. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2003. T. 1. Stikhotvoreniia i poemy 1912–1931.
4. *Pasternak E.* «Ty — tsar', zhivi odin...». K istorii otnoshenii Pasternaka i Maiakovskogo // Pasternakovskie chteniia. Issledovaniia i materialy. M., 2015. Vyp. 3 / Otv. red. A. S. Akimova.
5. *Polivanova D., Polivanov K.* Temy i variatsii Chaikovskogo: K interpretatsii tsikla «Zimnee utro» Borisa Pasternaka // Russian Literature. 2018. Vol. 100–102.
6. *Shekspir U.* Son v letniuiu noch'. Komediia Shekspira / Per. A. Grigor'eva // Biblioteka dlia chteniia. 1857. T. 144. № 8. Otd. 1.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

ichnelat@rambler.ru

НА РАСПУТЬЕ

AT THE CROSSROADS

В статье по беловому автографу, хранящемуся в Amherst Center for Russian Culture, публикуется рассказ А. М. Ремизова «На распутье», источником которого являются тексты ранних мемуарных записей С. П. Ремизовой-Довгелло.
Ключевые слова: А. М. Ремизов, «На распутье», «В розовом блеске», С. П. Ремизова-Довгелло.

The article, based on a white paper autograph kept at the Amherst Center for Russian Culture, presents A. M. Remizov's short story *At the Crossroads*, the source of which is the texts from S. P. Remizova-Dovgello's early memoirs.
Key words: A. M. Remizov, *At the Crossroads*, *In Pink Shine*, S. P. Remizova-Dovgello.

Список литературы

1. *Василий Ильменев* [Ремизов А. М.]. «Толковый словарь» / <Вступ. заметка и публ. А. М. Грачевой> // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 3.
2. *Грачева А. М., Обатнина Е. Р.* <Текстологическая преамбула к роману «В розовом блеске»> // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске.

References

1. *Gracheva A. M., Obatnina E. R.* <Tekstologicheskaia preambula k romanu «V rozovom bleske»> // Remizov A. M. Sobr. soch. SPb., 2019. T. 15. V rozovom bleske.
2. *Vasilii Il'menev* [Remizov A. M.]. «Tolkovyi slovar'» / <Vstup. zametka i publ. A. M. Grachevoi> // Studia Litterarum. 2020. T. 5. № 3.

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

irlriran@mail.ru

А. М. РЕМИЗОВ В БОРЬБЕ ЗА «СОН»: МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

A. M. REMIZOV AND HIS STRUGGLE FOR «DREAM»

В статье проанализирован ряд сюжетов, касающихся участия писателя в литературной жизни русского Парижа и нашедших отражение в авторском альбоме «Зарубежная цензура» (1924–1931), в котором были собраны фрагменты рукописей и личная переписка с редакциями. Обнаружены различные прецеденты негативной рецепции ремизовских произведений в редакциях известных периодических изданий. На примере этих случаев показана взаимосвязь становления ремизовского автобиографического принципа с проблемой легитимации жанра «снов», а также прослежена тактика и методы борьбы Ремизова за собственное литературное кредо.

Ключевые слова: биография, автобиография, литературная этика, абсурдизм, литературное кредо, литературное поведение, литературная критика, литературная цензура, рецепция.

The article analyzes several events pertaining to the writer's participation in the literary life of the Russian Paris, as reflected in his album *Foreign Censorship* (1924–1931), a collection of manuscript fragments and personal correspondence with the editors. Precedents of negative perception of Remizov's work by the editorial boards of various periodicals have been discovered. The case studies outline the links between the formation of Remizov's autobiographical principle and the problem of legitimizing the genre of «dreams». Remizov's tactics and methods as he struggled for his own literary credo are detailed.

Key words: biography, autobiography, literary ethics, absurdism, literary credo, literary criticism, literary censorship, perception.

Список литературы

1. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 17.
2. *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008.
3. *Обатнина Е. Р.* Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3.
4. Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1.

5. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру.
6. *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная.
7. *Ремизов А. М.* Сторона небывалая / Сост. И. Попов, Н. Попова; вступ. статья, комм. И. Попова. М., 2004.
8. «...с Вами беда — не перевести»: письма Д. П. Святополка-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2003. Вып. V.
9. *Цивьян Т. В.* О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России: Избр. страницы. М., 1993.
10. *Чередниченко И. П.* Экзистенциальный опыт реального существования // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4.
11. *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.
12. *Яновский В. С.* Поля елисейские: книга памяти / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2016.

References

1. «Na vechernei zare». Glava iz rukopisi; Pis'ma k S. P. Remizovoi-Dovgello. 1926 / Komm. E. R. Obatninoi; podg. teksta E. R. Obatninoi i A. S. Uriupinoi // Literaturnyi fakt. 2020. № 17.
2. *Cherednichenko I. P.* Ekzistentsial'nyi opyt real'nogo sushchestvovaniia // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 4.
3. *Ianovskii V. S.* Polia eliseiskie: kniga pamiati / Pod red. L. M. Surisa. M.; Berlin, 2016.
4. *Obatnina E. R.* A. M. Remizov: Lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatelia. M., 2008.
5. *Obatnina E. R.* Izbrannye stranitsy iz al'boma A. M. Remizova «Zarubezhnaia tsenzura»: politika i etika // Russkaia literatura. 2020. № 3.
6. Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym / Vstup. zametka, podg. teksta i prim. I. F. Danilovoi i A. A. Danilevskogo // Russkaia literatura. 1994. № 1.
7. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2002. T. 7. Akhru.
8. *Remizov A. M.* Sobr. soch. SPb., 2018. T. 14. Zvezda nadzvezdnaia.
9. *Remizov A. M.* Storona nebyvalaia / Sost. I. Popov, N. Popova; vstup. stat'ia, komm. I. Popova. M., 2004.
10. *Shakhovskaia Z.* V poiskakh Nabokova. Otrazheniia. M., 1991.
11. «...s Vami beda — ne perevesti»: pis'ma D. P. Sviatopolka-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) / Publ. R. Kh'iuza // Diaspora: Novye materialy. Parizh; SPb., 2003. Vyp. V.
12. *Tsiv'ian T. V.* O remizovskoi gipnologii i gipnografii // Serebrianyi vek v Rossii: Izbr. stranitsy. M., 1993.

Марина Юрьевна Коренева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Marina Iur'evna Koreneva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

marinakoreneva7@gmail.com

ОБ ОДНОМ ОТКЛИКЕ НА СМЕРТЬ РАЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ: «РУССКИЙ» ПОСТСКРИПТУМ

CONCERNING A RESPONSE TO REINER MARIA RILKE'S DEATH: THE «RUSSIAN» P. S.

В статье рассматриваются отклики на смерть Р. М. Рильке в контексте сложившегося прижизненного культа поэта и немецкой «достоевскомании» 1920-х годов, повлиявшей на восприятие Рильке как опасного «русофила», несущего среди прочих ответственность за идейное и нравственное «падение» немецкой культуры. Особое внимание уделяется первой публикации частного письма Рильке к русскому корреспонденту в «Rigasche Rundschau» в ее соотнесенности с книгой Б. Экштайн-Динер «Путеводитель по идиотам русской литературы».

Ключевые слова: культ Р. М. Рильке, Б. Экштайн-Динер, Э. Скальберг, «Rigasche Rundschau», «достоевскомания», прибалтийская литературная среда, история русско-немецких связей 1920-х годов.

The article focuses on the responses to the death of R. M. Rilke in the context of his cult following that flourished during his lifetime, and on the pervading interest in Dostoyevsky in Germany of the 1920s. The latter influenced the perception of Rilke as a dangerous «Russophile», responsible, along with the others, for the ideological and moral «downfall» of the German culture. Special attention is paid to the first publication of Rilke's private letter to a Russian correspondent in the *Rigasche Rundschau* and its correlation with the book *Idiotenführer durch die russische Lietratur* (*A Guide to the Idiots of the Russian Literature*) by B. Eckstein-Diener.

Key words: R. M. Rilke's cult following, B. Eckstein-Diener, E. Skalberg, *Rigasche Rundschau*, Dostoyevsky, Baltic literary scene, history of the Russian-German relations in the 1920s.

Список литературы

1. *Беньямин В.* Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; общ. ред. и послесловие М. Рыклина. М., 1997.

2. *Богданова О. А.* Какие рукописи Достоевского были в «Piper-Verlag»? // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 2.

3. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: В 2 т. М., 2011. Т. 2 / Комм. А. И. Батюто, А. М. Березкина, В. Е. Ветловской, Е. И. Кийко, Г. В. Степановой, В. А. Туниманова.

4. *Дудкин В. В., Азадовский К. М.* Достоевский в Германии (1846–1921) // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования.

5. *Ильин А. И.* Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. Париж, 1956. Т. 2.

6. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М., 1991.

7. *Музиль Р.* Речь о Рильке / Пер. А. В. Белобратова // Музиль Р. Малая проза. Избр. произведения: В 2 т. М., 1999. Т. 2.

8. Письмо Р. М. Рильке к кн. С. И. Шаховскому / Публ. С. В. Житомирской // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1969. Вып. 31.

9. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Изд. подг. К. М. Азадовский. СПб., 2003.

10. *Benjamin W.* Rainer Maria Rilke und Franz Blei // Benjamin W. Gesammelte Werke: In 7 Bde / Hrsg. von T. Rexroth. Frankfurt a/M., 1972. Bd 4.1.

11. *Blei F.* Briefe an Carl Schmitt 1917–1933 / Hrsg. von A. Reinthal in Zusammenarbeit mit W. Kühlmann. Heidelberg, 1995.

12. *Demetz P.* Noch einmal: «René Rilkes Prager Jahre» // Rilke: ein europäischer Denker aus Prag / Hrsg. von P. Demetz. Würzburg, 1998.

13. *Eschenbach G.* Ein Kulturautor im Klassikerverlag. Zur frühen Rezeptionsgeschichte Rainer Maria Rilke // Die Präsentation kanonischer Werke um 1900: Semantiken, Praktiken, Materialität / Hrsg. von Ph. Ajouri. Berlin; Boston, 2017.

14. *Fritz B.* Rainer Maria Rilkes Leser in Schule und Gesellschaft: Rezeption 1904–1936. Bern, 2009.

15. *Fullenwider H. F.* Rilke and his Reviewers: an annotated bibliography. Kansas, 1978.

16. *Gerigk H.-J.* Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute. Tübingen, 2000.

17. *Hatlie M. R.* Riga et War 1914–1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg, 2014.

18. *Kause H.* Der publizistische Widerstand Paul Schiemanns gegen den Nationalsozialismus in den deutschen Volksgruppen // Deutsch-Balten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. von M. Garleff. Köln; Weimar; Wien, 2001. Bd 1.

19. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C. L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007. Bd 1, 3.

20. *Löwenstein S.* Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004.

21. *Lukas L.* Literary Queer Mésalliances in Riga around 1900 // Queer Stories of Europe / Ed. by K. Vērdiņš, J. Ozoliņš. Cambridge, 2016.

22. *Mattiesen H.* Der Anteil der Deutschbalten am Münchener Kulturleben im 19. Und am Anfange des 20. Jahrhunderts // Baltische Hefte. 1961. № 1.

23. *Mulot-Déri S.* Sir Galahad. Porträt einer Verschollenen. Frankfurt a/M., 1987.

24. *Panthel H.-W.* Bibliographie zu Rilkes Tod: Erste Stimmen der Freunde, Kritiker und Feuilletonisten aus den Jahren 1926–1928 // Blätter der Rilke-Gesellschaft. 1982. Bd 9.

25. *Panthel H.-W.* Materialien zu Rainer Maria Rilkes Tod: Miszellen zur Rezeption seines Werkes der Jahre 1926–1928. Bonn, 1982.

26. *Panthel H.-W.* Poetische Nekrologe zu Rainer Maria Rilkes Tod // Literatur-und-Kritik. 1986. H. 201/202. Februar–März.

27. *Ritzer W.* Rainer Maria Rilke Bibliographie. Wien, 1951.

28. Robert-Musil-Handbuch / Hrsg. von B. Nübel, N. Ch. Wolf. Berlin; Boston, 2016.

29. *Schmid U.* Die Dostojewski-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft / Hrsg. von M. Schult. Flensburg, 2007. Bd 14.

30. *Schoolfield G. S.* Rilke's last year. Kansas, 1966.
31. *Stiemer H.* Feuilletonistische Reimereien auf «anspruchsvolle Jungen» und «hochgeschätzte Knaben». Der späte Robert Walser und die hohe Lyrik. Vortrag an der Jahrestagung der Robert Walser-Gesellschaft in Bern, 16. Oktober 2010 (https://www.robertwalser.ch/fileadmin/redaktion/dokumente/jahrestagungen/vortraege/Stiemer-2010.pdf).

References

1. *Ben'iamin V.* Moskovskii dnevnik / Per. s nem. i prim. S. Romashko; obshch. red. i posleslovie M. Ryklina. M., 1997.
2. *Benjamin W.* Rainer Maria Rilke und Franz Blei // Benjamin W. Gesammelte Werke: In 7 Bde / Hrsg. von T. Rexroth. Frankfurt a/M., 1972. Bd 4.1.
3. *Blei F.* Briefe an Carl Schmitt 1917–1933 / Hrsg. von A. Reinthal in Zusammenarbeit mit W. Kühlmann. Heidelberg, 1995.
4. *Bogdanova O. A.* Kakie rukopisi Dostoevskogo byli v «Piper-Verlag»? // Neizvestnyi Dostoevskii. 2016. T. 3. № 2.
5. *Demetz P.* Noch einmal: «René Rilkes Prager Jahre» // Rilke: ein europäischer Denker aus Prag / Hrsg. von P. Demetz. Würzburg, 1998.
6. *Dostoevskii F. M.* Dnevnik pisatelia: V 2 t. M., 2011. T. 2 / Komm. A. I. Batiuto, A. M. Berezkina, V. E. Vetlovskoi, E. I. Kiiko, G. V. Stepanovoi, V. A. Tunimanova.
7. *Dudkin V. V., Azadovskii K. M.* Dostoevskii v Germanii (1846–1921) // Lit. nasledstvo. 1973. T. 86. F. M. Dostoevskii: Novye materialy i issledovaniia.
8. *Eschenbach G.* Ein Kulturautor im Klassikerverlag. Zur frühen Rezeptionsgeschichte Rainer Maria Rilke // Die Präsentation kanonischer Werke um 1900: Semantiken, Praktiken, Materialität / Hrsg. von Ph. Ajouri. Berlin; Boston, 2017.
9. *Fritz B.* Rainer Maria Rilkes Leser in Schule und Gesellschaft: Rezeption 1904–1936. Bern, 2009.
10. *Fullenwider H. F.* Rilke and his Reviewers: an annotated bibliography. Kansas, 1978.
11. *Gerigk H.-J.* Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute. Tübingen, 2000.
12. *Hatlie M. R.* Riga et War 1914–1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg, 2014.
13. *Il'in A. I.* Nashi zadachi: Stat'i 1948–1954 gg.: V 2 t. Parizh, 1956. T. 2.
14. *Kause H.* Der publizistische Widerstand Paul Schiemanns gegen den Nationalsozialismus in den deutschen Volksgruppen // Deutsch-Balten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. von M. Garleff. Köln; Weimar; Wien, 2001. Bd 1.
15. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C. L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007. Bd 1, 3.
16. *Losskii N. O.* Usloviia absoliutnogo dobra: osnovy etiki. Kharakter russkogo naroda. M., 1991.
17. *Löwenstein S.* Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004.
18. *Lukas L.* Literary Queer Mésalliances in Riga around 1900 // Queer Stories of Europe / Ed. by K. Vērdiņš, J. Ozoliņš. Cambridge, 2016.
19. *Mattiesen H.* Der Anteil der Deutschbalten am Münchener Kulturleben im 19. Und am Anfange des 20. Jahrhunderts // Baltische Hefte. 1961. № 1.
20. *Mulot-Déri S.* Sir Galahad. Porträt einer Verschollenen. Frankfurt a/M., 1987.
21. *Muzil' R.* Rech' o Ril'ke / Per. A. V. Belobratova // Muzil' R. Malaia proza. Izbr. proizvedeniia: V 2 t. M., 1999. T. 2.
22. *Panthel H.-W.* Bibliographie zu Rilkes Tod: Erste Stimmen der Freunde, Kritiker und Feuilletonisten aus den Jahren 1926–1928 // Blätter der Rilke-Gesellschaft. 1982. Bd 9.
23. *Panthel H.-W.* Materialien zu Rainer Maria Rilkes Tod: Miszellen zur Rezeption seines Werkes der Jahre 1926–1928. Bonn, 1982.
24. *Panthel H.-W.* Poetische Nekrologe zu Rainer Maria Rilkes Tod // Literatur-und-Kritik. 1986. H. 201/202. Februar–März.
25. Pis'mo R. M. Ril'ke k kn. S. I. Shakhovskomu / Publ. S. V. Zhitomirskoi // Zapiski otdela rukopisei GBL. M., 1969. Vyp. 31.
26. Ril'ke i Rossiia: Pis'ma. Dnevniki. Vospominaniia. Stikhi / Izd. podg. K. M. Azadovskii. SPb., 2003.
27. *Ritzer W.* Rainer Maria Rilke Bibliographie. Wien, 1951.
28. Robert-Musil-Handbuch / Hrsg. von B. Nübel, N. Ch. Wolf. Berlin; Boston, 2016.
29. *Schmid U.* Die Dostojewski-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft / Hrsg. von M. Schult. Flensburg, 2007. Bd 14.
30. *Schoolfield G. S.* Rilke's last year. Kansas, 1966.
31. *Stiemer H.* Feuilletonistische Reimereien auf «anspruchsvolle Jungen» und «hochgeschätzte Knaben». Der späte Robert Walser und die hohe Lyrik. Vortrag an der Jahrestagung der Robert Walser-Gesellschaft in Bern, 16. Oktober 2010 (https://www.robertwalser.ch/fileadmin/redaktion/dokumente/jahrestagungen/vortraege/Stiemer-2010.pdf).

Елена Наумовна Пенская

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Elena Naumovna Penskaya

Professor, National Research University *Higher School of Economics* in Moscow

e.penskaya@gmail.com, lpenskaya@hse.ru

ТЕАТРАЛЬНЫЕ АЛЬБОМЫ М. А. БУЛГАКОВА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

THEATRICAL ALBUMS BY M. A. BULGAKOV IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Театральный альбом Булгакова — это творческая лаборатория и дневник. Один из первых вопросов, который необходимо поставить, касается семиотической природы театрального альбома, обладающего собственным специфическим языком. Театральный альбом как уникальное целостное явление и сочетание стилей до сих пор не изучался. В данной статье сделана попытка восполнить эту лакуну.

Ключевые слова: альбом, фотография, рецензия, фельетон, актер, сцена, режиссерский театр.

Bulgakov's theatrical album is both a creative laboratory and a diary. One of the first questions to be asked concerns the semiotic nature of a theatrical album, which has its own specific language. The theatrical album as a unique complex phenomenon and combination of styles has not yet been studied. This article is an attempt to fill the gap.

Key words: album, photography, review, feuilleton, actor, stage, directing theater.

Список литературы

1. *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991.
2. *Бархатова Е. В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства, 1839–1914. СПб., 2009.
3. *Бубнова М. Н.* Неизвестный Станиславский. Материалы к постановкам, мотивы декораций, эскизы костюмов, гримы. М., 2019.
4. *Булгаков М. А.* Записки покойника (Театральный роман) / Подг. текста, вступ. статья, прим. А. Кобринского. СПб., 2002 (сер. «Текст–Подтекст–Контекст»).
5. *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979.
6. *Годер Д. Н.* Театральный журнал на фоне времени // Театр и русская культура на рубеже XIX–XX веков: Сб. науч. трудов. М., 1998.
7. *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987 (сер. «Литературные памятники»).
8. Евгений Вахтангов: Документы и свидетельства: В 2 т. М., 2011. Т. 1.
9. *Житомирская С. В.* Еще раз об архиве М. А. Булгакова // Новое литературное обозрение. 2003. № 5.
10. *Звенигородская Н. Э.* Провинциальные сезоны Всеволода Мейерхольда. 1902–1905 гг. М., 2004.
11. *Зоркая Н. М.* Алексей Попов. М., 1983.
12. *Иокар Л. Н.* Театральные журналы // Литературный процесс и русская журналистика XIX — нач. XX вв.: Сб. науч. трудов. М., 1982.
13. *Коган Д. З.* Сергей Юрьевич Судейкин: 1884–1946. М., 1974.
14. *Корнилова А. В.* Альбомы домашние // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. А–К.
15. *Купцова О. Н.* Пресса Камерного театра: журнал «Мастерство театра» и газета «7 дней МКТ» // «...Глядеть на вещи без боязни». К столетию Камерного театра: Сб. статей. Материалы Международной науч. конф., посвященной 100-летию Камерного театра / Ред.-сост. В. В. Иванов. М., 2016.
16. *Литвиненко Н. Г.* Вспомним Сигизмунда Кржижановского — деятеля театра и театрального критика // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века: Исторический альманах. М., 2006. Вып. 2.
17. *Михайлова Н. И.* «Альбом есть памятник души...» // Наше наследие. 2007. № 83/84.

18. *Мишуровская М. В.* «Дни Турбиных» в репертуаре советских театров и в публикациях советских периодических изданий (К истории постановки пьесы М. А. Булгакова в 1920–1930-х гг.) // М. А. Булгаков: pro et contra. Антология. СПб., 2019.

19. *Мухранели И. Л.* Из истории советских театральных журналов (1918–1923) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. М., 1971. № 4.

20. *Мухранели И. Л.* Становление типа советского театрального журнала 1920-х — нач. 1930-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

21. *Немирович-Данченко В. И.* Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки: 1877–1942. М., 1980.

22. *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 1999.

23. *Пенская Е. Н.* Литературно-философское классическое наследие как доминанта альтернативной поэтики Сухово-Кобылина // Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе. М., 2000.

24. *Пенская Е. Н.* М. А. Булгаков и А. В. Сухово-Кобылин. Текстология театрального альбома // Имагология и компаративистика. 2020. № 4.

25. *Петина Л. И.* Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985.

26. *Петровская Е.* Антифотография. М., 2003 (сер. «Artes et media»; вып. 2).

27. *Петровская И.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971.

28. *Плятт Р. Я.* Без эпилога. М., 1991.

29. *Пожарская М. Н.* Русское театрально-декорационное искусство конца XIX — начала XX века. М., 1970.

30. *Попов А. Д.* Воспоминания и размышления о театре // Попов А. Д. Творческое наследие: В 3 т. М., 1979. Т. 1.

31. *Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989.

32. *Смирнов-Сокольский Н. П.* Таинственный «Театральный альбом» // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1959.

33. *Соловьева И. Н.* Художественный театр: Жизнь и приключения идеи. М., 2007.

34. *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1993. Т. 5. Кн. 2. Дневники. Записные книжки. Заметки.

35. Театр и зритель российских столиц. 1895–1917. Л., 1990.

36. *Трабский А. Я.* Советская театральная журналистика // Театральная критика 1917–1927 годов. Проблемы развития: Сб. науч. трудов. Л., 1987.

37. *Федотов А. С.* Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu, 2016.

38. *Царькова Т. С.* Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб., 1999.

39. *Чудакова М. О.* Архив М. А. Булгакова (Материалы для биографии писателя) // Записки отдела рукописей / Государственная библиотека им. В. И. Ленина. М., 1976. Вып. 37.

40. *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М., 1988.

41. *Эфрос Н. Е.* Московский Художественный театр: 1898–1923. М.; Пг., 1924.

42. *Яновская Л.* Записки о Михаиле Булгакове. М., 2007.

43. *Armstrong N.* Fiction in the Age of Photography: The Legacy of British Realism. Harvard University Press, 2002.

44. *Sontag S.* On photography. New York, 1977.

45. The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Ed. by J. E. Bowlt. Princeton, 1995.

References

1. *Annenkov Iu. P.* Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragedii: V 2 t. L., 1991.

2. *Armstrong N.* Fiction in the Age of Photography: The Legacy of British Realism. Harvard University Press, 2002.

3. *Barkhatova E. V.* Russkaia svetopis'. Pervyi vek fotoiskusstva, 1839–1914. SPb., 2009.

4. *Bubnova M. N.* Neizvestnyi Stanislavskii. Materialy k postanovkam, motivy dekoratsii, eskizy kostiumov, grimy. M., 2019.

5. *Bulgakov M. A.* Zapiski pokoinika (Teatral'nyi roman) / Podg. teksta, vstup. stat'ia, prim. A. Kobrinskogo. SPb., 2002 (ser. «Tekst–Podtekst–Kontekst»).

6. *Chudakova M. O.* Arkhiv M. A. Bulgakova (Materialy dlia biografii pisatelia) // Zapiski otdela rukopisei / Gosudarstvennaia biblioteka im. V. I. Lenina. M., 1976. Vyp. 37.

7. *Chudakova M. O.* Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova. 2-e izd. M., 1988.

8. *Dobuzhinskii M. V.* Vospominaniia. M., 1987 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

9. *Efros N. E.* Moskovskii Khudozhestvennyi teatr: 1898–1923. M.; Pg., 1924.

10. Evgenii Vakhtangov: Dokumenty i svidetel'stva: V 2 t. M., 2011. T. 1.

11. *Fedotov A. S.* Russkii teatral'nyi zhurnal v kul'turnom kontekste 1840-kh godov. Tartu, 2016.
12. *Goder D. N.* Teatral'nyi zhurnal na fone vremeni // Teatr i russkaia kul'tura na rubezhe XIX–XX vekov: Sb. nauch. trudov. M., 1998.
13. *Ianovskaia L.* Zapiski o Mikhaile Bulgakove. M., 2007.
14. *Iokar L. N.* Teatral'nye zhurnaly // Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika XIX — nach. XX vv.: Sb. nauch. trudov. M., 1982.
15. *Kogan D. Z.* Sergei Iur'evich Sudeikin: 1884–1946. M., 1974.
16. *Kornilova A. V.* Al'bomy domashnie // Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedicheskogo slovaria. SPb., 2003. T. A–K.
17. *Kuptsova O. N.* Pressa Kamernogo teatra: zhurnal «Masterstvo teatra» i gazeta «7 dnei MKT» // «...Gliadet' na veshchi bez boiazni». K stoletiiu Kamernogo teatra: Sb. statei. Materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf., posviashchennoi 100-letiiu Kamernogo teatra / Red.-sost. V. V. Ivanov. M., 2016.
18. *Litvinenko N. G.* Vspomnim Sigizmunda Krzhizhanovskogo — deiatelia teatra i teatral'nogo kritika // Mnemozina. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka: Istoricheskii al'manakh. M., 2006. Vyp. 2.
19. *Mikhailova N. I.* «Al'bom est' pamiatnik dushi...» // Nashe nasledie. 2007. № 83/84.
20. *Mishurovskaia M. V.* «Dni Turbinykh» v repertuare sovetskikh teatrov i v publikatsiiakh sovetskikh periodicheskikh izdanii (K istorii postanovki p'esy M. A. Bulgakova v 1920–1930-kh gg.) // M. A. Bulgakov: pro et contra. Antologiia. SPb., 2019.
21. *Mukhraneli I. L.* Iz istorii sovetskikh teatral'nykh zhurnalov (1918–1923) // Vestnik MGU. Ser. 10. Zhurnalistika. M., 1971. № 4.
22. *Mukhraneli I. L.* Stanovlenie tipa sovetskogo teatral'nogo zhurnala 1920-kh — nach. 1930-kh godov: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1971.
23. *Nemirovich-Danchenko V. I.* Retsenzii. Ocherki. Stat'i. Interv'iu. Zametki: 1877–1942. M., 1980.
24. *Olesha Iu. K.* Kniga proshchaniia. M., 1999.
25. *Penskaia E. N.* Literaturno-filosofskoe klassicheskoe nasledie kak dominanta al'ternativnoi poetiki Sukhovo-Kobylina // Penskaia E. N. Problemy al'ternativnykh putei v russkoi literature. M., 2000.
26. *Penskaia E. N.* M. A. Bulgakov i A. V. Sukhovo-Kobylin. Tekstologiia teatral'nogo al'boma // Imagologiia i komparativistika. 2020. № 4.
27. *Petina L. I.* Strukturnye osobennosti al'boma pushkinskoi epokhi // Problemy tipologii russkoi literatury: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii: Literaturovedenie. Tartu, 1985.
28. *Petrovskaia E.* Antifotografiia. M., 2003 (ser. «Artes et media»; vyp. 2).
29. *Petrovskaia I.* Istochnikovedenie istorii russkogo dorevoliutsionnogo dramaticheskogo teatra. L., 1971.
30. *Pliatt R. Ia.* Bez epiloga. M., 1991.
31. *Popov A. D.* Vospominaniia i razmyshleniia o teatre // Popov A. D. Tvorcheskoe nasledie: V 3 t. M., 1979. T. 1.
32. *Pozharskaia M. N.* Russkoe teatral'no-dekoratsionnoe iskusstvo kontsa XIX — nachala XX veka. M., 1970.
33. *Smelianskii A. M.* Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre. M., 1989.
34. *Smirnov-Sokol'skii N. P.* Tainstvennyi «Teatral'nyi al'bom» // Smirnov-Sokol'skii N. P. Rasskazy o knigakh. M., 1959.
35. *Solov'eva I. N.* Khudozhestvennyi teatr: Zhizn' i prikliucheniia idei. M., 2007.
36. *Sontag S.* On photography. New York, 1977.
37. *Stanislavskii K. S.* Sobr. soch.: V 9 t. M., 1993. T. 5. Kn. 2. Dnevniki. Zapisnye knizhki. Zametki.
38. Teatr i zritel' rossiiskikh stolits. 1895–1917. L., 1990.
39. The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Ed. by J. E. Bowlt. Princeton, 1995.
40. *Trabskii A. Ia.* Sovetskaia teatral'naia zhurnalistika // Teatral'naia kritika 1917–1927 godov. Problemy razvitiia: Sb. nauch. trudov. L., 1987.
41. *Tsar'kova T. S.* Russkaia stikhotvornaia epitafiia XIX–XX vekov: Istochniki. Evoliutsiia. Poetika. SPb., 1999.
42. *Vatsuro V. E.* Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750–1840-e gody) // Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god. L., 1979.
43. *Zhitomirskaia S. V.* Eshche raz ob arkhive M. A. Bulgakova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 5.
44. *Zorkaia N. M.* Aleksei Popov. M., 1983.
45. *Zvenigorodskaia N. E.* Provintsial'nye sezony Vsevoloda Meierkhol'da. 1902–1905 gg. M., 2004.

Любовь Валерьевна Хачатурян

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва);
докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Liubov' Valerievna Khachaturian

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics* in Moscow;
Doctoral Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

lhachaturyan@hse.ru

«КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ»: СВЕРДЛОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В. В. МАЯКОВСКОГО
Часть 2

«THE MAKINGS OF POETRY»: V. V. MAYAKOVSKY'S SVERDLOVSK NOTEBOOK
Part 2

В статье анализируется методика работы В. В. Маяковского в записных книжках. Впервые публикуется записная книжка № 55 (свердловская). Исследуются черновые варианты и редакции входящих в нее стихотворений «Парижская коммуна», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Лицо классового врага», «Две культуры» и др.

Ключевые слова: В. В. Маяковский, архивные материалы, архивы on-line, записные книжки, русская литература XX века.

The article analyzes the approach of V. V. Mayakovsky to writing notebooks. Notebook № 55 (Sverdlovsk) is published for the first time. The article examines draft versions and revisions of the poems *Paris Commune*, *The Story of the Foundry Worker Ivan Kozyrev about Moving into a New Apartment*, *The Face of the Class Enemy*, *Two Cultures*, etc.

Key words: V. V. Mayakovsky, archival materials, archives on-line, notebooks, Russian literature of the 20th century.

Список литературы

1. *Арутчева В. А.* Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65. Новое о Маяковском.
2. *Брюханенко Н.* Пережитое // «Имя этой теме: любовь!»: Современницы о Маяковском / Сост., вступ. статья и комм. В. В. Катаняна. М., 1993.
3. Валерий Брюсов. Дневник 1890 г. / Предисловие Н. А. Богомолова, подг. текста и прим. В. Л. Гайдук и Н. А. Богомолова // Studia Literarum. 2020. Т. 5. № 3.
4. *Гаспаров Б. М.* Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52).
5. «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского / Вступ. статья, подг. текста и комм. Л. В. Хачатурян // Русская литература. 2020. № 4.
6. *Лавут П. И.* Маяковский едет по Союзу. 3-е изд., доп. М., 1978.
7. *Лукьянин В.* Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1.
8. *Маяковский В. В.* Полн. собр. произведений: В 20 т. М., 2014. Т. 3.
9. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958–1959. Т. 9, 10, 12.
10. *Пудваль А. Р.* Поиск: Рассказы литературного следопыта. Свердловск, 1974.
11. *Смолич А.* Трагедия семьи Любарских // https://amsmolich.livejournal.com/282906.html.
12. *Спасский С. Д.* Москва // Спасский С. Д. Маяковский и его спутники. Л., 1940.
13. *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. Дневник 1901–1921.
14. *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. М., 2016.

References

1. *Arutcheva V. A.* Zapisnye knizhki Maiakovskogo // Lit. nasledstvo. 1958. T. 65. Novoe o Maiakovskom.

2. *Briukhanenko N.* Perezhitoe // «Imia etoi teme: liubov'!»: Sovremennitsy o Maiakovskom / Sost., vstup. stat'ia i komm. V. V. Kataniana. M., 1993.
3. *Chukovskii K. I.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2006. T. 11. Dnevnik 1901–1921.
4. *Gasparov B. M.* Zametki o Pushkine // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 6 (52).
5. *Iangfel'dt B.* Stavka — zhizn'. Vladimir Maiakovskii i ego krug. M., 2016.
6. «Kak delat' stikhi»: Sverdlovskaia zapisnaia knizhka V. V. Maiakovskogo / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. L. V. Khachaturian // Russkaia literatura. 2020. № 4.
7. *Lavut P. I.* Maiakovskii edet po Soiuzu. 3-e izd., dop. M., 1978.
8. *Luk'ianin V.* Maiakovskii «sam» i piat' ego sverdlovskikh dnei // Ural. 2003. № 1.
9. *Maiakovskii V. V.* Poln. sobr. proizvedenii: V 20 t. M., 2014. T. 3.
10. *Maiakovskii V. V.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1958–1959. T. 9, 10, 12.
11. *Pudval' A. R.* Poisk: Rasskazy literaturnogo sledopyta. Sverdlovsk, 1974.
12. *Smolich A.* Tragediia sem'i Liubarskikh // https://amsmolich.livejournal.com/282906.html.
13. *Spasskii S. D.* Moskva // Spasskii S. D. Maiakovskii i ego sputniki. L., 1940.
14. Valerii Briusov. Dnevnik 1890 g. / Predislovie N. A. Bogomolova, podg. teksta i prim. V. L. Gaiduk i N. A. Bogomolova // Studia Literarum. 2020. T. 5. № 3.

Анастасия Владимировна Сысоева

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anastasiia Vladimirovna Sysoeva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

sysoevaav@gmail.com

«ТЕМУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕЛЬЗЯ СДАВАТЬ В АРХИВ»: ОБ ОТНОШЕНИИ ЛБО ЛОКАФ К ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ МАКСИМА ГОРЬКОГО

«THE THEME OF THE CIVIL WAR CANNOT BE MOVED TO THE ARCHIVES»: CONCERNING THE ATTITUDE OF LARAN (LBB) TO MAXIM GORKIJ'S PUBLISHING PROJECT

В статье рассматривается процесс взаимодействия Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной армии и флота и издательского проекта М. Горького «История Гражданской войны»: критики и руководители отделения призывали помочь проекту, однако деятельность по привлечению писателей к работе не была развернута. Причина такой ситуации видится в том, что отделение было заинтересовано в первую очередь в разработке темы современных армии и флота.
Ключевые слова: Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной армии и флота (ЛБО ЛОКАФ), «История Гражданской войны в СССР», Гражданская война, советская оборонная литература, М. Горький.

The article deals with the interactions between the Literary Association of the Red Army and Navy (Leningrad Baltic Branch) and Gorkij's publishing project «History of the Civil War»: the critics and the heads of the branch encouraged its other members to support the project, but moved no further to achieve a result. The situation seemed to have emerged from their predominant interest in exploring the theme of the modern army and navy.
Key words: Literary Association of the Red Army and Navy (Leningrad Baltic Branch), «History of the Civil War in the USSR», the Civil War, Soviet defense literature, M. Gorkij.

Список литературы

1. *Быстрова О. В., Закружная З. С., Московская Д. С.* «История Гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018.

2. *Вишневский Вс.* Записные книжки. 1939 год // Вишневский Вс. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 6 (Дополнительный). Выступления и радиоречи. Записные книжки. Письма / Сост. тома, подг. текстов и прим. С. К. Вишневецкой.

3. *Гайдовский Г.* Примечания // Вишневский Вс. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 1. Пьесы 1929–1950 гг.

4. *Закружная З. С.* История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

5. *Закружная З. С.* Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49.

6. *Зеленов М. В., Бранденбергер Д.* Оформление идеи постоянной революции и гражданской войны. «Проект плана издания. История гражданской войны». Лето–осень 1931 г. // «История гражданской войны в СССР» (1935): история текста и текст истории / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер; под науч. ред. М. П. Ирошникова. М., 2017.

7. «История гражданской войны в СССР» (1935): история текста и текст истории / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер; под науч. ред. М. П. Ирошникова. М., 2017.

8. *Московская Д. С.* История Гражданской войны в зеркалах памяти и документах // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018.

9. Письма А. М. Горького к участникам проекта «История Гражданской войны» / Сост., подг. текста и публ. О. В. Быстровой // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018.

10. *Сысоева А. В.* Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы // Новое литературное обозрение. 2020. № 164.

11. *Сысоева А. В.* Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями // Русская литература. 2019. № 4.

12. Труды редколлегии «Истории Гражданской войны» в архивных документах / Сост. и публ. Д. С. Московской, подг. текста Н. В. Петровой // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018.

References

1. *Bystrova O. V., Zakruzhnaia Z. S., Moskovskaia D. S.* «Istoriia Grazhdanskoi voiny»: izdatel'skii proekt epokhi rekonstruktsii // Istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii: Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov. M., 2018.

2. *Gaidovskii G.* Primechaniia // Vishnevskii Vs. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1954. T. 1. P'esy 1929–1950 gg.

3. «Istoriia grazhdanskoi voiny v SSSR» (1935): istoriia teksta i tekst istorii / Sost. M. V. Zelenov, D. Brandenberger; pod nauch. red. M. P. Iroshnikova. M., 2017.

4. *Moskovskaia D. S.* Istoriia Grazhdanskoi voiny v zerkalakh pamiati i dokumentakh // Istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii: Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov. M., 2018.

5. Pis'ma A. M. Gor'kogo k uchastnikam proekta «Istoriia Grazhdanskoi voiny» / Sost., podg. teksta i publ. O. V. Bystrovoi // Istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii: Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov. M., 2018.

6. *Sysoeva A. V.* Sozdanie sovetskoi voennoi propagandy v Leningrade nachala 1930-kh godov: novyi metod raboty s pisateliami // Russkaia literatura. 2019. № 4.

7. *Sysoeva A. V.* Voenizatorskie kursy 1931 goda v Leningrade kak sposob formirovaniia sovetskoi oboronnoi literatury // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 164.

8. Trudy redkollegii «Istorii Grazhdanskoi voiny» v arkhivnykh dokumentakh / Sost. i publ. D. S. Moskovskoi, podg. teksta N. V. Petrovoi // Istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii: Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov. M., 2018.

9. *Vishnevskii Vs.* Zapisnye knizhki. 1939 god // Vishnevskii Vs. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1961. T. 6 (Dopolnitel'nyi). Vystupleniia i radiorechi. Zapisnye knizhki. Pis'ma / Sost. toma, podg. tekstov i prim. S. K. Vishnevetskoi.

10. *Zakruzhnaia Z. S.* Istoriia Literaturnogo ob'edineniia Krasnoi armii i flota (LOKAF) (po materialam otdela rukopisei IMLI RAN). Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019.

11. *Zakruzhnaia Z. S.* Printsipy izobrazheniia geroia Grazhdanskoi voiny v literaturno-kriticheskikh vystupleniiakh chlenov LOKAF (po materialam arkhiva OR IMLI RAN) // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2018. T. 49.

12. *Zelenov M. V., Brandenberger D.* Oformlenie idei postoiannoi revoliutsii i grazhdanskoi voiny. «Proekt plana izdaniia. Istoriia grazhdanskoi voiny». Leto–osen' 1931 g. // «Istoriia grazhdanskoi voiny v SSSR» (1935): istoriia teksta i tekst istorii / Sost. M. V. Zelenov, D. Brandenberger; pod nauch. red. M. P. Iroshnikova. M., 2017.

Арина Борисовна Бильдюг

младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Arina Borisovna Bil'diug

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

arina.bildyug@gmail.com

Анастасия Игоревна Васкул

ученый секретарь Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anastasiia Igorevna Vaskul

Scientific Secretary, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

avaskul@gmail.com

Наталья Геннадьевна Комелина

научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Gennad'evna Komelina

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

komlng@mail.ru

«ПАМЯТЬ МЕСТА»: ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ В РАССКАЗАХ ОБ АНУФРИЕВСКОМ СКИТЕ НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ

«THE HISTORY OF THE SITE»: FOLK STORYLINES AND MOTIVES IN THE NARRATIVES ABOUT ANOUFRIEVSKY *SKETE* ON THE WINTER COAST OF THE WHITE SEA

Настоящая статья написана на основе материалов, собранных в экспедициях ИРЛИ РАН, и посвящена прошлому Ануфриевского скита, существовавшего на Зимнем берегу Белого моря в XVIII — начале XX века. Рассмотрены некоторые сюжеты и мотивы, выделенные в рассказах об Ануфриевском ските. Местные жители воспроизводят исторические нарративы, в которых поразному пересобирается история места, включающая легендарные сюжеты о первых поселенцах и быте насельников скита, богатстве староверов, эсхатологические мотивы накладываются на рассуждения об упадке поморских деревень.

Ключевые слова: историческая память, фольклорные сюжеты и мотивы, старообрядчество, святое место, народные святые, книжность, поморы.

This article is based on the field work data of Pushkin House related to the history of the Anoufrievsky *Skete* that existed at the Winter Coast of the White Sea in the 18th — early 20th centuries. Specific storylines and motives are discussed, selected by the authors from the body of the recorded narratives concerning the *Skete*. The locals reproduce the historical narratives, including the legendary tales about the first settlers, the life of the *Skete* community, the Old Believers' wealth, recombining the history of the site in various ways; eschatological motives are superimposed on the speculations concerning the decline of the Pomor villages.

Key words: historical memory, folk storylines and motives, Old Believer, local holy site, vernacular saints, Pomors.

Список литературы

1. *Ассман А.* Трансформация нового режима времени / Пер. В. Кучерявкин // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. М., 2014. Т. 1.

2. *Белова О. В.* «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004.

3. *Белоусов А. Ф.* Последние времена // Aequinox: Сб. памяти А. Меня. М., 1991.

4. *Бессонов И. А.* Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1.

5. *Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Васкул А. И., Комелина Н. Г.* Обзор фольклорных и археографических экспедиций Пушкинского Дома 2008–2013 годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3.

6. *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря // Русская литература. 2019. № 4.

7. *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря // Свод русского фольклора. Серия «Былины». СПб., М., 2018. Т. 8. Былины Зимнего берега Белого моря.

8. *Бударагин В. П.* «Сила крестная» и «титла Кресту Христову» // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2004. Вып. 3.

9. *Васкул А. И.* «Живите. Бог благословит»: о браках насельников старообрядческого Ануфриевского скита Зимнего берега Белого моря (по материалам архива Русского географического общества) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2018. Вып. 11.

10. *Виноградов В. В.* Северорусские почитаемые места: топика святынь. СПб., 2019.

11. *Власов А. Н.* «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. М., 2015.

12. *Громов Д. В.* Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1.

13. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.

14. *Дмитриева Р. П.*, *Салмина М. А.* Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР 1966 г. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23.

15. *Дранникова Н. В.* Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 года). Архангельск, 2002.

16. *Дробленкова Н. Ф.* Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16.

17. *Дронова Т. И.* Легенды и предания о местночтимых святых и поклонных местах Пижемского края (по материалам исследований нижнепечорских староверов-беспоповцев) // Рябининские чтения — 2007. Петрозаводск, 2007.

18. *Душакова Н. С.* Антропология городского пространства: старообрядческий Тирасполь в воспоминаниях и практиках // STRATUM. 2019. № 6.

19. *Душакова Н. С.* В чем виноват Никон, или роль современных нарративов о расколе в поддержании старообрядческой идентичности // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1–2.

20. *Душакова Н. С.* Память запечатленная: предметы «старины» в нарративах старообрядцев // Живая старина. 2019. № 1.

21. *Канева Т. С.* История Усть-Цилемского края в устной традиции (по результатам системного описания) // Первые Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009.

22. *Канева Т. С.* Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30.

23. *Канева Т. С., Матвеева Л. Е.* Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2005. Т. 2.

24. Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М., 2009.

25. *Комелина Н. Г.* Смерть на море: к производству сакрального (по материалам экспедиции на Летний и Зимний берега Белого моря 2012–2014 гг.) // Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI в.). Архангельск; Соловки, 2015.

26. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

27. *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона. Архангельск, 1999.

28. *Лимеров П.* Эсхатологические представления коми по материалам фольклора // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. СПб., 2011.

29. *Малышев В. И.* Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8.

30. *Малышев В. И.* Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743–1744 гг. // Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVII–XX вв. Сыктывкар, 1960.

31. *Марков А. В.* Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова; изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.

32. *Мельникова Е. А.* Воображаемая книга: Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011.
33. *Мельникова Е. А.* Ожидания от книги. К вопросу о роли Библии в народной культуре // Живая старина. 2003. № 1.
34. *Мельникова Е. А.* Финские кладбища в России: кросс-граничные группы памяти и новый моральный порядок // Антропологический форум. 2019. № 43.
35. *Миненок Е. В.* Мильково — территория ушедшей традиции // Живая старина. 2021 (в печати).
36. *Мороз А. Б.* Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. М., 2017.
37. *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009.
38. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999.
39. «О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI века». М., 2012.
40. *Окладников Н. А.* Поборники древлего благочестия. Архангельск, 2012.
41. *Панченко А. А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012.
42. *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
43. *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
44. *Пригарин А. А.* «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 4.
45. *Романова А. А.* Круг миротворный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 2 (XVII в.). Ч. 2.
46. *Романова А. А.* Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI — начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика. Дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2016.
47. *Ромодановская Е. К.* «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005.
48. *Рыговский Д. С.* Ритуальная наррация: практики трансляции памяти о сакральном ландшафте // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 4.
49. *Рыжова Е. А.* Жития праведников в агиографической традиции русского Севера // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58.
50. *Савельев А. А., Шухтина Н. В.* Экспедиция на Мезень 1989 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46.
51. *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30–40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1.
52. *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016.
53. *Стороженко А. А.* Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2019. № 1.
54. Травма: пункты. Сб. статей / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М., 2009.
55. *Ушакин С.* Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Ab Imperio. 2004. № 2.
56. *Фишман О. М.* Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2011.
57. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.
58. *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII в. // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003.
59. *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011.
60. *Шанина Ю.* Акустический код кладбища д. Родома Лешуконского района // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М., 2015.
61. *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004.
62. *Шеваренкова Ю. М.* Сюжетно-тематический состав устных рассказов о монастырях (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3.
63. *Штырков С. А.* «Святые без житий» и забудущие родители: Церковная канонизация и народная традиция // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции. М., 2001.
64. *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995.
65. *Gessat-Anstett E.* Identity Territories and Russian Family Memories // Ethnology Francaise. 2002. Vol. 32. № 1.

References

1. *Assman A*. Transformatsiia novogo rezhima vremeni / Per. V. Kucheriavkin // Avgust, XX vek: Transformatsiia zhizni chastnogo cheloveka v epokhu sotsial'nykh kataklizmov. M., 2014. T. 1.

2. *Belousov A. F*. Poslednie vremena // Aequinox: Sb. pamiati A. Menia. M., 1991.

3. *Belova O. V*. «Narodnaia Bibliia»: Vostochnoslavianskie etiologicheskie legendy. M., 2004.

4. *Bessonov I. A*. Obraz chudovishchnykh ptits v eskhatologicheskikh rasskazakh // Zhivaia starina. 2012. № 1.

5. *Bil'diug A. B., Bobrov A. G., Vaskul A. I., Komelina N. G*. Obzor fol'klornykh i arkheograficheskikh ekspeditsii Pushkinskogo Doma 2008–2013 godov // Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2014. № 3.

6. *Bil'diug A. B., Komelina N. G*. Pomorskie skaziteli i knigi: ob arkheograficheskikh nakhodkakh na Zimnem beregu Belogo moria // Russkaia literatura. 2019. № 4.

7. *Bil'diug A. B., Komelina N. G*. Rukopisnaia knizhnost' Zimnego berega Belogo moria // Svod russkogo fol'klora. Seriia «Byliny». SPb., M., 2018. T. 8. Byliny Zimnego berega Belogo moria.

8. *Budaragin V. P*. «Sila krestnaia» i «titla Krestu Khristovu» // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.). M., 2004. Vyp. 3.

9. *Chistov K. V*. Russkaia narodnaia utopiia (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend). SPb., 2011.

10. *Dmitriev L. A*. Zhitiinye povesti russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv. L., 1973.

11. *Dmitrieva R. P., Salmina M. A*. Arkheograficheskaia ekspeditsiia Sektora drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR 1966 g. // TODRL. L., 1968. T. 23.

12. *Drannikova N. V*. Fol'klornaia ekspeditsiia Pomorskogo universiteta v selo Zimniaia Zolotitsa // Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naia tekstologiia: Materialy V Mezhdunarodnoi shkoly molodogo fol'klorista (6–8 iiunia 2001 goda). Arkhangel'sk, 2002.

13. *Droblenkova N. F*. Poiski rukopisei na Mezeni // TODRL. M.; L., 1960. T. 16.

14. *Dronova T. I*. Legendy i predaniia o mestnochtimykh sviatykh i poklonnykh mestakh Pizhemskogo kraia (po materialam issledovanii nizhnepechorskikh staroverov-bespopovtsev) // Riabininskie chteniia — 2007. Petrozavodsk, 2007.

15. *Dushakova N. S*. Antropologiia gorodskogo prostranstva: staroobriadcheskii Tiraspol' v vospominaniiakh i praktikakh // STRATUM. 2019. № 6.

16. *Dushakova N. S*. Pamiat' zapechatlennaia: predmety «stariny» v narrativakh staroobriadtsev // Zhivaia starina. 2019. № 1.

17. *Dushakova N. S*. V chem vinovat Nikon, ili rol' sovremennykh narrativov o raskole v podderzhanii staroobriadcheskoi identichnosti // Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. 2018. Vyp. 13. № 1–2.

18. *Fishman O. M*. Tikhvinskie karely staroobriadtsy: metodologiia i rezul'taty kompleksnogo izucheniia fenomena lokal'noi etnokonfessional'noi gruppy. Avtoref. dis. ... doktora ist. nauk. SPb., 2011.

19. *Gessat-Anstett E*. Identity Territories and Russian Family Memories // Ethnology Francaise. 2002. Vol. 32. № 1.

20. *Gromov D. V*. Fol'klornye teksty o «raneshnei» Biblii // Zhivaia starina. 2003. № 1.

21. *Kaneva T. S*. Istoriia Ust'-Tsilemskogo kraia v ustnoi traditsii (po rezul'tatam sistemnogo opisaniia) // Pervye Miandinskie chteniia. Syktyvkar, 2009.

22. *Kaneva T. S*. Ust'-tsilemskie predaniia ob Ivane // Russkii fol'klor. SPb., 1999. T. 30.

23. *Kaneva T. S., Matveeva L. E*. Ustnye rasskazy o Velikopozhenskom skite v ust'-tsilemskoi fol'klornoi traditsii // Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'. M., 2005. T. 2.

24. Kargopol'e: Fol'klornyi putevoditel' (predaniia, legendy, rasskazy, pesni i prislov'ia) / Sost. M. D. Alekseevskii, V. A. Komarova, E. A. Litvin, A. B. Moroz, N. V. Petrov. M., 2009.

25. *Khal'bvaks M*. Sotsial'nye ramki pamiati. M., 2007.

26. *Khrushkaia L. N*. Istoriia staroobriadcheskikh skitov na Zimnem beregu Belogo moria v XVII–XVIII v. // Russkii Sever i arkhiepiskop Afanasii. Arkhangel'sk, 2003.

27. *Komelina N. G*. Smert' na more: k proizvodstvu sakral'nogo (po materialam ekspeditsii na Letnii i Zimnii berega Belogo moria 2012–2014 gg.) // Solovki v literature i fol'klore (XV–XXI v.). Arkhangel'sk; Solovki, 2015.

28. *Lavrov A. S*. Koldovstvo i religiia v Rossii. 1700–1740 gg. M., 2000.

29. *Leont'ev A. I*. Zimniaia storona. Arkhangel'sk, 1999.

30. *Limerov P*. Eskhatologicheskie predstavleniia komi po materialam fol'klora // Fol'klor i etnografiia. K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K. V. Chistova. SPb., 2011.

31. *Malyshev V. I*. Otchet ob arkheograficheskoi komandirovke 1950 g. // TODRL. M., L., 1951. T. 8.

32. *Malyshev V. I*. Povest' o samosozhzhenii v Mezenskom uezde v 1743–1744 gg. // Malyshev V. I. Ust'-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVII–XX vv. Syktyvkar, 1960.

33. *Markov A. V.* Bylinnaia traditsiia na Zimnem beregu Belogo moria // Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova / Otv. red. T. G. Ivanova; izd. podg. S. N. Azbelev, Iu. I. Marchenko. SPb., 2002.
34. *Mel'nikova E. A.* Finskie kladbishcha v Rossii: kross-granichnye gruppy pamiati i novyi moral'nyi poriadok // Antropologicheskii forum. 2019. № 43.
35. *Mel'nikova E. A.* Ozhidaniia ot knigi. K voprosu o roli Biblii v narodnoi kul'ture // Zhivaia starina. 2003. № 1.
36. *Mel'nikova E. A.* Voobrazhaemaia kniga: Ocherki po istorii fol'klora o knigakh i chtenii v Rossii. SPb., 2011.
37. *Minenok E. V.* Mil'kovo — territoriia ushedshei traditsii // Zhivaia starina. 2021 (v pechati).
38. *Moroz A. B.* Narodnaia agiografiia: ustnye i knizhnye osnovy fol'klornogo kul'ta sviatykh. M., 2017.
39. *Moroz A. B.* Sviatye Russkogo Severa. Narodnaia agiografiia. M., 2009.
40. *Nora P.* Problematika mest pamiati // Frantsiia-pamiat'. SPb., 1999.
41. *Okladnikov N. A.* Poborniki drevlego blagochestiia. Arkhangel'sk, 2012.
42. «O svoei zemle, svoei vere, nastoiashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI veka». M., 2012.
43. *Panchenko A. A.* Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie sviatyni Severo-Zapada Rossii. SPb., 1998.
44. *Panchenko A. A.* Ivan i Iakov — neobychnye sviatye iz bolotistoi mestnosti: «Krest'ianskaia agiologiia» i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni. M., 2012.
45. *Panchenko A. A.* Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt. M., 2002.
46. *Prigarin A. A.* «Narodnye predaniia» i «istoriografiia»: urovni istoricheskogo (so)znaniia lipovan // Shagi / Steps. 2016. T. 2. № 4.
47. *Romanova A. A.* Krug mirotvornyi // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. SPb., 1993. Vyp. 2 (XVII v.). Ch. 2.
48. *Romanova A. A.* Pochitanie sviatykh i chudotvornykh ikon v Rossii v kontse XVI — nachale XVIII v.: religioznaia praktika i gosudarstvennaia politika. Dis. ... doktora ist. nauk. SPb., 2016.
49. *Romodanovskaia E. K.* «Sviatoi iz grobnitsy»: O nekotorykh osobennostiakh sibirskoi i severnorusskoi agiografii // Russkaia agiografiia: Issledovaniia, publikatsii, polemika. SPb., 2005.
50. *Rygovskii D. S.* Ritual'naia narratsiia: praktiki transliatsii pamiati o sakral'nom landshafte // Shagi / Steps. 2016. T. 2. № 4.
51. *Ryzhova E. A.* Zhitiia pravednikov v agiograficheskoi traditsii russkogo Severa // TODRL. SPb., 2008. T. 58.
52. *Savel'ev A. A., Shukhtina N. V.* Ekspeditsiia na Mezen' 1989 g. // TODRL. SPb., 1993. T. 46.
53. *Shanina Iu.* Akusticheskii kod kladbishcha d. Rodoma Leshukonskogo raiona // Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture. M., 2015.
54. *Shchepanskaia T. B.* Krizisnaia set' (traditsii dukhovnogo osvoeniia prostranstva) // Russkii Sever. K probleme lokal'nykh grupp. SPb., 1995.
55. *Shevarenkova Iu. M.* Issledovaniia v oblasti russkoi fol'klornoi legendy. Nizhnii Novgorod, 2004.
56. *Shevarenkova Iu. M.* Siuzhetno-tematicheskii sostav ustnykh rasskazov o monastyriakh (k postanovke problemy) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2018. № 3.
57. *Shtyrkov S. A.* «Sviatye bez zhitii» i zabudushchie roditeli: Tserkovnaia kanonizatsiia i narodnaia traditsiia // Kontsept chuda v slavianskoi i evreiskoi traditsii. M., 2001.
58. *Sirotkin S. V.* Staroobriadcheskie skity «chto na Zimnikh gorakh Belogo moria» v 30–40-e gg. XVIII v. // Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost': Materialy. M., 2007. T. 1.
59. *Staritsyn A. N.* Zimnii bereg v istorii staroveriia // Tret'i Miandinskie chteniia. Syktyvkar, 2016.
60. *Storozhenko A. A.* Staroobriadcheskie monastyri «eniseiskogo meridiana» v XX veke: istoki, traditsii i sovremennoe sostoianie // Novye issledovaniia Tuvy. 2019. № 1.
61. Travma: punkty. Sb. statei / Pod red. S. Ushakina i E. Trubinoi. M., 2009.
62. *Ushakin S.* Vmesto utraty: materializatsiia pamiati i germenevtika boli v provintsial'noi Rossii // Ab Imperio. 2004. № 2.
63. *Vaskul A. I.* «Zhivite. Bog blagoslovit»: o brakakh nasel'nikov staroobriadcheskogo Anufrievskogo skita Zimnego berega Belogo moria (po materialam arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva) // Iz istorii russkoi fol'kloristiki. SPb., 2018. Vyp. 11.
64. *Vinogradov V. V.* Severorusskie pochitaemye mesta: topika sviatyn'. SPb., 2019.
65. *Vlasov A. N.* «Pamiat' mesta» kak aspekt teoreticheskoi problemy lokal'nosti / regional'nosti v russkom fol'klore // Regional'nye issledovaniia v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. M., 2015.

Елена Павловна Гречаная

независимый исследователь

Elena Pavlovna Grechanaya

Independent Researcher

el.gretchanaia@mail.ru

ДВА ФРАНЦУЗСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ В СБОРНИКЕ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

TWO FRENCH POEMS IN TREDIAKOVSKII'S COLLECTION *VOYAGE TO THE ISLAND OF LOVE*

В. К. Тредиаковский в сборнике «Езда в остров Любви» указывает на то, что два его французских стихотворения имеют французские источники, но не называет авторов текстов, к которым отсылает. Установленные источники двух этих стихотворений свидетельствуют о его пристальном внимании к французской поэзии и позволяют судить об особенностях усвоения и пересоздания русским поэтом французских текстов.

Ключевые слова: В. К. Тредиаковский, французские стихи, французские источники.

In his *Voyage to the Island of Love*, V. K. Trediakovskii points out that two of his French poems have French sources, but does not provide the names of the authors of the texts referred to. The sources of the two poems, as established in the article, testify to his close attention to the French poetry, and make it possible to analyze the finer features of the assimilation and re-creation of the French texts by the Russian poet.

Key words: V. K. Trediakovskii, French poems, French sources.

Список литературы

1. Езда в остров Любви / Пер. с французского на руской. Чрез студента Василья Тредиаковского... СПб., 1730.
2. *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910.
3. *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения / Вступ. статья и подг. текста Л. И. Тимофеева; прим. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. Le nouveau siècle de Louis XIV, ou Choix de chansons historiques et satiriques presque toutes inédites. Paris, 1857.
5. Les œuvres de François de Malherbe, avec les observations de Mr. Ménage et les remarques de M. Chevreau sur les poésies. À Paris, chez les frères Barbou, 1723. T. 1.
6. Poésies de M. l'abbé Mangenot. À Maestricht, chez Jean-Edme Dufour et Phil. Roux, 1776.
7. Recueil de l'Académie des Jeux Floraux. Toulouse, 1718.
8. Recueil des plus belles chansons et airs de cour, nouvellement imprimés. À Paris, En la boutique de la V[euve] de Nicolas Oudot, libraire, 1726.

References

1. Ezda v ostrov Liubvi / Per. s frantsuzskogo na ruskoi. Chrez studenta Vasil'ia Trediakovskogo... SPb., 1730.
2. Le nouveau siècle de Louis XIV, ou Choix de chansons historiques et satiriques presque toutes inédites. Paris, 1857.
3. Les œuvres de François de Malherbe, avec les observations de Mr. Ménage et les remarques de M. Chevreau sur les poésies. À Paris, chez les frères Barbou, 1723. T. 1.
4. *Modzalevskii B. L.* Biblioteka A. S. Pushkina. SPb., 1910.
5. Poésies de M. l'abbé Mangenot. À Maestricht, chez Jean-Edme Dufour et Phil. Roux, 1776.
6. Recueil de l'Académie des Jeux Floraux. Toulouse, 1718.
7. Recueil des plus belles chansons et airs de cour, nouvellement imprimés. À Paris, En la boutique de la V[euve] de Nicolas Oudot, libraire, 1726.
8. *Trediakovskii V. K.* Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia i podg. teksta L. I. Timofeeva; prim. Ia. M. Strochkova. M.; L., 1963 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

Николай Алексеевич Богомолов

профессор, заведующий кафедрой литературно-художественной критики
и публицистики факультета журналистики
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Nikolai Alekseevich Bogomolov

Professor, Head of the Chair of Literary and Artistic Criticism,
Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Елена Арленовна Пономарева

хранитель «Библиотеки русской поэзии И. Н. Розанова»
Московского Государственного музея А. С. Пушкина

Elena Arlenovna Ponomareva

Curator of the Book Collection «I. N. Rozanov's Library of Russian Poetry»,
Moscow State Pushkin Museum

rozanovka@mail.ru

ADDENDA

В статье публикуется письмо И. Н. Розанова к жене, посвященное А. А. Ахматовой. Материал дает возможность уточнить существующие представления об изучении Ахматовой французских источников «Евгения Онегина», и в частности А. Шенье.

Ключевые слова: И. Н. Розанов, переписка, А. А. Ахматова, «Евгений Онегин», поэзия А. Шенье.

A letter from I. N. Rozanov to his wife, where he writes about A. A. Akhmatova, is published in the article. The data is instrumental for clarifying the existing ideas about Akhmatova's studies of the French sources of *Eugene Onegin,* and in particular of A. Chenier.

Key words: I. N. Rozanov, correspondence, A. A. Akhmatova, *Eugene Onegin*, poetry by A. Chenier.

Список литературы

1. *Богомолов Н. А.* Анна Ахматова: лето 1927 года // Русская литература. 2019. № 4.
2. *Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии 1970. Л., 1972.
3. *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М., 1997. Т. II. 1926–1927.
4. *Рак В. Д.* Шенье Андре-Мари // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. С. 387–388.
5. *Сандомирская В. Б.* Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII.
6. *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Публикации. Библиография. Л., 1982.
7. *Уварова И. В.* Лирика А. Пушкина и «Татьяны милый идеал» // От Пушкина до Блока: Сб. статей. Краснодар, 1968.
8. *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...»: [В 2 т.]. М., 2011. Т. 2.
9. *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1.

References

1. *Bogomolov N. A.* Anna Akhmatova: leto 1927 goda // Russkaia literatura. 2019. № 4.
2. *Chukovskaia L. K.* Zapiski ob Anne Akhmatovoi: V 3 t. M., 1997. T. 1.
3. *Gershtein E. G., Vatsuro V. E.* Zametki A. A. Akhmatovoi o Pushkine // Vremennik Pushkinskoi komissii 1970. L., 1972.

4. *Luknitskii P. N*. Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. Parizh; M., 1997. T. II. 1926–1927.
5. *Rak V. D*. Shen'e Andre-Mari // Pushkin: Issledovaniia i materialy. SPb., 2004. T. XVIII–XIX. S. 387–388.
6. *Sandomirskaia V. B*. Perevody i perelozheniia Pushkina iz A. Shen'e // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1978. T. VIII.
7. *Timenchik R. D*. Anna Akhmatova i Pushkinskii Dom // Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Publikatsii. Bibliografiia. L., 1982.
8. *Usov D*. «My svedeny pochti na net...»: [V 2 t.]. M., 2011. T. 2.
9. *Uvarova I. V*. Lirika A. Pushkina i «Tat'iany milyi ideal» // Ot Pushkina do Bloka: Sb. statei. Krasnodar, 1968.

Александр Васильевич Лавров

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Vasil'evich Lavrov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

irliran@mail.ru

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ ПОД МИКРОСКОПОМ

ANDREY BELY UNDER THE MICROSCOPE

Рец. на: *Левина-Паркер М., Левин М*. Шедевр трудного чтения: «Петербург» Андрея Белого. СПб.: Нестор-История, 2020. 582 с.

[Review]: *Levina-Parker M., Levin M*. Shedevr trudnogo chteniia: «Peterburg» Andreia Belogo. SPb.: Nestor-Istoriia, 2020. 582 s.

Татьяна Владимировна Мисникевич

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tamisnikevich@yandex.ru

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ — МАСТЕР ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

VASILY KAMENSKY, A MASTER OF EPISTOLARY GENRE

Рец. на: Василий Каменский. Материалы и исследования / Науч. ред. и сост. Н. Г. Фиртич. СПб.: Издательство Общества «Аполлон», 2019. 560 с.

[Review]: Vasilii Kamenskii. Materialy i issledovaniia / Nauch. red. i sost. N. G. Firtich. SPb.: Izdatel'stvo Obshchestva «Apollon», 2019. 560 s.

Руслан Александрович Поддубцев

старший преподаватель
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ruslan Aleksandrovich Poddubtsev

Senior Lecturer,
Lomonosov Moscow State University

poddubtsev@gmail.com

ВЫЗВОЛЯЮЩИЙ ИЗ ЦЕПЕЙ: УЧЕНИЕ А. Ф. ЛОСЕВА О СТИЛЕ

THE CHAIN-BREAKER: A. F. LOSEV'S THEORY OF STYLE

Рец. на: *Лосев А. Ф.* Учение о стиле / Общ. ред. и сост. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; вступ. статья К. В. Зенкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.

[Review]: *Losev A. F.* Uchenie o stile / Obshch. red. i sost. A. A. Takho-Godi, E. A. Takho-Godi; vstup. stat'ia K. V. Zenkina. M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2019. 456 s.

Ирина Анатольевна Лобакова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Anatol'evna Lobakova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

irliirina@mail.ru

Варвара Андреевна Ромодановская

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Varvara Andreevna Romodanovskaia

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

romodan@list.ru

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ВОПРОСЫ СЛАВЯНО-РУССКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ»

ISSUES OF THE SLAVIC-RUSSIAN MANUSCRIPT LEGACY CONFERENCE OF YOUNG SCHOLARS

[*Meeting Abstract*]

Татьяна Николаевна Галашева

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Nikolaevna Galasheva

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

ta.ni.ma@yandex.ru

ВОСЬМОЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

THE EIGHTH HAGIOGRAPHIC SEMINAR

[*Meeting Abstract*]

Елена Николаевна Долгих

и. о. заведующего отделом «Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова»

Elena Nikolaevna Dolgikh

Acting Head of the Nekrasov Apartment Museum Department

dolgikh.e@museumpushkin.ru

XL НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

THE 40th NEKRASOV CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-293-313

© *A. S. BODROVA*

LITERARY SOCIETIES IN RUSSIA OF THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY DESCRIPTION

The first third of the 19th century is traditionally, and with good reason, seen as the era of literary societies in Russia: during the reign of Alexander I they acquire "the significance of a literary fact",[1] become "the most characteristic <...> form of the organization of literary life",[2] and occupy an important place among the "institutions of literature".[3] Their emergence and their activities become part of a wider process of the formation of various public associations, both those created and supported by the state like the Bible Society (*Bibleiskoe obshchestvo*) and secret societies created by the political opposition forces — the "Decembrist movement" (in a broad sense).[4] The close connection between power, politics, and ideology with the "literary space" whose growing autonomy was characteristic for the period of the late 1810s — early 1820s has steadily inspired the interest of various methodological schools and academic disciplines. The development of this research field was successfully launched by the scholars of the historical school, it also attracted the attention of the Formalists and their immediate followers,

* Acknowledgments: The study was funded by RFBR, project number 19-112-50274.

[1] *Eikhenbaum B.M.* Predislovie [Preface] // Aronson M., Reiser S. Literaturnye kruzhki i salony [Literary circles and salons]. Moskva, 2001. P. 9. (In Russ.) (reprint of the book published in 1929).

[2] *Iezuitova R.V.* Literaturnye ob"edineniia i zhurnaly pervoi chetverti XIX v. [Literary Associations and Journals in the First Quarter of the 19th Century] // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. T. 2. Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu [A History of Russian Literature: In 4 vols. Vol. 2. From sentimentalism to romanticism and realism]. Leningrad, 1981. P. 39. (In Russ.)

[3] *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018. P. 348–351 (Part IV. The Nineteenth Century. 1. Institutions. Male Poetic Circles: Friendship and Intellectual Networks).

[4] It was in this context — as an "inseparable part of the Decembrist history" — that orthodox Soviet historians of literature viewed literary societies that "contributed to the spread of advanced political and literary-aesthetic views". See, for instance: *Meilakh B.S.* Dekabristskie literaturnye organizatsii i organy pechati [Decembrist literary organizations and press media] // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. T. 6. Literatura 1820–1830-kh godov [A History of Russian Literature: In 10 vols. Vol. 6. Literature of the 1820s-1830s]. Moskva, Leningrad, 1953. P. 21. (In Russ.)

This article is a translation of: A. S. Bodrova. Literary Societies in Russia in the First Half of the 19th Century: Approaches to an Interdisciplinary Description. 2021. № 1. P. 5–18. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-5-18.

and, unlike many other topics, it was not excluded from the research in the later Soviet years. The resulting bulk of research on the history of literary associations,[5] at first glance, produces the impression that the "era of literary societies" is generally well described, at least on the factual level. However, the studies done in the recent decades have shown that this impression is deceptive, and the history of literary associations of the 1800s-1830s requires not only serious factual research and additions but also a significant expansion of the research context. In this paper I will attempt to systematize the main achievements in the study of literary societies, as well as to analyze the approaches to the topic in the papers and monographs of the last twenty years (including, undoubtedly, an earlier period) and compare the methods developed in various humanitarian disciplines in the study of literary and, in a broader sense, public organizations of the period. The focus will be, first of all, on the institutionalized forms of literary communities (circles, literary societies). Less "formal" associations, such as salons or high society home circles (often associated with jours fixes such as Nestor Kukolnik's "Wednesdays") and the works devoted to them are of interest primarily from the point of view of the proposed methods of description.

---

[5] These are the most significant publications, which are still relevant: *Sukhomlinov M.I.* Istoriia Rossiiskoi Akademii [History of the Russian Academy]. Issue 7. Sankt-Petersburg, 1875. (In Russ.); *Kolupanov N.P.* Biografiia Aleksandra Ivanovicha Kosheleva [Biography of Alexandr Ivanovich Koshelev]. Vol. 1. Books 1–2. Moskva, 1889. (In Russ.); *Sreznevskaia L.I.* Arkhiv Vol'nogo obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti [The Archive of the Free Society of Lovers of Russian Literature] // Svedeniia o rukopisiakh, pechatnykh izdaniiakh i drugikh predmetakh, postupivshikh v Rukopisnoe otdelenie Biblioteki Akademii nauk v 1904 godu [Data on Manuscripts, Editions and Other Items Brought into Manuscript Department of the Academy of Sciences Library in 1904]. Sankt-Petersburg, 1907. P. 225–277. (In Russ.); *Istrin V.M.* Druzheskoe literaturnoe obshchestvo 1801 g. (Po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh) [Friendly Literary Society of 1801 (on the materials of the Turgenev brothers' archives)] // Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of Public Education]. 1910. No. 8. Section 2. P. 273–307. (In Russ.); *Slovar' chlenov Obshchestva liubitelei Rossiiskoi slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1811–1911* [Dictionary of Members of the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University, 1811–1911]. Moskva, 1911 (In Russ.); *Aronson M., Reiser S.* Literaturnye kruzhki i salony [Literary circles and salons]. Leningrad, 1929. (In Russ.); *Gorelov A.* (Ed.). Arzamas i arzamasskie protokoly [Arzamas and the Arzamasian protocols]. Leningrad, 1933. (In Russ.); *Bazanov V.G.* Vol'noe obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [The Free Society of Lovers of Russian literature]. Petrozavodsk, 1949. (In Russ.); *Desnitskii V.*A. Iz istorii literaturnykh obshchestv nachala XIX veka [From the history of Literary Societies of the Early 19th century] // Desnitskii V.A. Izbrannye stat'i po russkoi literature XVIII–XIX vv. [Selected Articles on Russian Literature of 18–19 cc]. Moskva, Leningrad, 1958. P. 92–191. (In Russ.); *Lotman Yu. M.* Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaia bor'ba ego vremeni [Andrei Sergeevich Kaisarov and Literary and Social Struggle of his Time] (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of Tartu State University]. No. 63). Tartu, 1958. (In Russ.); *Bazanov V.G.* Uchenaia Respublika [The Republic of Letters]. Moskva, Leningrad, 1964. (In Russ.); *Kolominov V.V., Fainshtein M.S.* Khram muz slovesnykh (Iz istorii Rossiiskoi Akademii) [The Temple of the Muses of Letters (From the History of the Russian Academy)]. Leningrad, 1986. (In Russ.). For more details, see: *Piksanov N.K.* Dva veka russkoi literatury [Two Ages of Russian literature]. Moskva, Petrograd, 1923. P. 51–59. (In Russ.); *Muratova K.D.* (Ed.). Istoriia russkoi literatury XIX veka: Bibliograficheskii ukazatel' [History of Russian literature of the 19th century: Bibliographical Index]. Moskva, Leningrad, 1962. P. 66–70. (In Russ.); *Muratova K.D.* (Ed.). Istoriia russkoi literatury XIX — nachala XX vekov: Bibliograficheskii ukazatel'. Obshchaia chast' [History of Russian literature of the 19th — early 20th centuries: Bibliographical Index. General Part]. Sankt-Peterburg, 1993. P. 292–296. (In Russ.); *Khmelevskaya N.A.* (Comp.). Literaturnye obshchestva, kruzhki i salony v Rossii v XIX veke: spisok literatury na russkom iazyke za 1828–1993 gg. [Literary societies, Circles and Salons in Russia in the 19th century: List of Sources in Russian for 1828–1993]. http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA18391.pdf (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

* * *

An important factor that determined the direction of studies of literary societies in the 1990s-2010s was not only and not so much the rich empirical material accumulated in pre-revolutionary historiography and in the works of the Soviet period but also the existing conceptual approaches as well as historical and literary narratives.

On the one hand, it is the "Soviet history of literature" which existed in its most orthodox shape in the 1940s and early 1950s and, with some minor refurbishing, was followed in the works of the 1970s and 1980s. From the point of view of Soviet Marxism, all literary societies pursued mainly social and political goals: the most "progressive" associations were either "literary branches of secret societies" (like the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts (*Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv,* VOLSNH), or the Free Society of Lovers of Russian Literature (*Vol'noe obshchestvo liubitelei Rossiiskoi slovesnosti,* VOLRS), or their precursors (as the abovementioned VOLSNH, the Friendly Literary Society (*Druzheskoe Literatunoe obshchestvo*), and to some extent, Arzamas). At the same time, the main goal of their opponents (primarily the Colloquium of Lovers of the Russian Word (*Beseda liubitelei russkogo slova*)) was the fight against "progressive trends in public life" and "propaganda of reactionary ideas".[6] Such an ideological reduction of literary tasks, selective use of material, ignorance of facts, and the construction of "imaginary substances" required revision and refutation, all the more necessary since many conclusions of the "old" works are still used uncritically, though in a less odious phrasing

In the struggle against this tradition, the concept that proved to be especially effective and meaningful was the concept of literary environment (*literaturny byt*) and "literary domesticity" proposed in the late 1920s by Boris Eikhenbaum and developed in the works of the participants of his seminar, primarily in the book by Mark Aronson and Solomon Reiser *Literary Circles and Salons* (1929). In the article "Literary Environment" ["Literaturnyi byt"] and other works of similar theme included in "My Chronicle" ("Moy Vremennik") Eikhenbaum argued that the facts that lie outside literature proper, but affect both literature and its creators and readers should be included into the Formalist discourse on literary evolution. The notion of "literary environment" meaning the immediate sphere of literature's social existence (writers' associations and circles, editorial offices of periodicals, bookselling industry, etc.) emphasized the close connection of this socio-cultural world with the literary world and helped to avoid the straightforward causality of Marxist sociologism (cf.: "Literature <...> is not generated by the facts of other spheres and therefore cannot be *reduced* to them. The relations between the facts of the literary sphere and the facts lying beyond it cannot be simply causal, but can only form relations of correspondence, interaction,

[6] *Meilakh B.S.* A.S. Shishkov i Beseda liubitelei russkogo slova [A.S. Shishkov and the Colloquium of Lovers of the Russian Word] // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. T. 5. Literatura pervoi poloviny XIX veka [A History of Russian literature: In 10 vols. Vol. 5. Literature of the First Half of the 19th Century]. Part 1. Moskva, Leningrad, 1953. P. 193. (In Russ.)

dependence or conditionality"[7]). Eikhenbaum's ideas, as is well known, caused skeptical attitudes in his inner circle[8] and, due to external circumstances, were not explicitly developed after the publication of Aronson's and Reiser's book and Nikolai Brodsky's book.[9] Those ideas, however, were again in demand already in the second half of the 1970s–1980s when Yuri Lotman published his works on the poetics and semiotics of everyday behavior, which introduced (though from a different perspective) everyday life material into the sphere of philological study. Another reason for the renewal of interest in those ideas were works on the history of literary criticism, and, in particular, Russian Formalism (starting with republications of Yuri Tynyanov's works *Pushkin and His Contemporaries* (1968) and, in particular, *Poetics. Literary history. Cinema* (1977)).

The renewed interest in the literary material of everyday life was characterized by its focus on the text: the research focus now was on literature and specific literary texts, their connection with the immediate sociocultural context, as well as the expansion, the spread of the "literariness" to other spheres. An indication of that is the definition of the "literary environment" proposed by Oleg Proskurin, one of the leading contemporary researchers of Pushkin's epoch in the preface to his book "Literary Scandals of Pushkin's Era" (2000): "the literary environment <...> is not so much a form of society's influence on literature and not so much an auxiliary factor of literary evolution, but rather a channel through which literature itself influences neighboring (and indirectly, more remote) "spheres" or "social practices": culture, politics and forms of social life".[10] This understanding of the literary environment — semiotic and not sociological[11] — showed both the influence of the Tartu-Moscow school and hostile wariness towards sociologism in any of its manifestations, which several generations of researchers inevitably associated with the Soviet academic officialdom. On the other hand, the text-centered nature of the new "literary environment" studies was fueled, it

---

[7] *Eikhenbaum B.M.* Literaturnyi byt [The Literary environment] // Eikhenbaum B.M. O literature. Raboty raznykh let [On literature. Works of different years]. Moskva, 1987. P. 433. (In Russ.)

[8] See memories of Lidiya Ginzburg about the reaction of the participants of the Eikhenbaum's seminar to his concept of the literary environment (*Ginzburg L. Ya.* Problema povedeniia (B.M. Eikhenbaum) [A problem of behaviour (B.M. Eikhenbaum)] // Ginzburg L. Ya. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse [Notebooks. Memories. Essays]. Sankt-Peterburg, 2002. P. 445. (In Russ.)), also sharp comments of Shklovskii and Tynyanov (*Chudakova M.O.* Sotsial'naia praktika, filologicheskaia refleksiia i literatura v nauchnoi biografii Eikhenbauma i Tynianova [Social Practice, Philological Reflection and Literature in the Scholarly Biography of Eikhenbaum and Tynyanov] // Tynianovskii sbornik. Vtorye Tynianovskie chteniia [Second Tynyanov's readings]. Riga, 1986. P. 120–123. (In Russ.); here also see detailed analysis of reasons behind disagreement between the Formalists in the late 1920s).

[9] *Brodskii N.L.* (Ed.). Literaturnye salony i kruzhki: Pervaia polovina XIX veka [Literary Salons and Circles: First Half of the 19th century]. Moskva, Leningrad, 1930. (In Russ.)

[10] *Proskurin O.A.* O literaturnom byte i istorii literatury. Vmesto predisloviia [On the Literary Environment and the History of Literature. In lieu of a Preface] // Proskurin O.A. [Literary Scandals of Pushkin's Era]. Moskva, 2000. P. 16. (In Russ.). A polemic and partly provocative character of such definition of the literary environment was noted in Mikhail Velizhev's review (*Velizhev M.B.* O knige Olega Proskurina "Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi" [On Oleg Proskurin' book "Literary Scandals of Pushkin Era"] // Novaia russkaia kniga/ 2000. No. 6. P. 51–54. (In Russ.)).

[11] See on this: *Zenkin S.N.* Otkrytie "byta" russkimi formalistami [Discovery of "byt" by Russian formalists] // Zenkin S.N. Raboty o teorii [Works on Theory]. Moskva, 2012. P. 323. (In Russ.)

seems, also by the tradition of the historical commentary, which in the late Soviet time became an important and widely recognized form of the ideologically unbiased philological science.[12]

With regard to the study of literary societies, these presuppositions manifested themselves, among other things, in the choice of subjects and perspectives of research: the focus was, first of all, on literary circles of friends, informal associations, as well as texts and everyday life practices generated by and within this environment. However, this preference for home circles and salons belonging to the sphere of private life, as opposed to official societies and associations[13] was already visible in the pioneering work of Eikhenbaum's students. In the introduction to *Literary Circles and Salons*, Aronson explained the choice of material as follows: "home circles, which are born freely and are not restrained by the inertia of official existence, are less dependent on external factors and more devoted to literature. They create literature themselves, while official societies feed on it";[14] "while the circle helps us to elucidate the issues of literary production, the salon will elucidate for us the issues of literary consumption".[15]

The most important achievement in the works of the last thirty years was a significant expansion of the source and factual base (which is clearly seen in comparison with the material that was compiled in the work by Aronson and Reiser), the introduction of previously unknown and unpublished sources, such as circle transcripts, epistolary documents and memoirs of participants, which made it possible sometimes to not only clarify and supplement the available information but also to revise the ideas about the activities and the role of the circle in the history of literature.

Of these, we should mention the studies devoted to the "Arzamas Society of Obscure Men" (1815–1818)[16] (a "model" unofficial circle which,

---

[12] Cf. characteristic polemics on the status of commentator practices at the 11th Lotman Conference (December 18–20, 2003) in vivid description by Vera Milchina (*Milchina V.A.* Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia [Chronicles of Post-Soviet Humanitarian Science: Bannye, Lotman, Gasparov and other Conferences]. Moskva, 2019. P. 179–182. (In Russ.)), and also a shorthand record of the round table "Commentary: Splendour and Misery of the Genre in the Modern Era" (*Okhotin N.G., Zorin A.L., Zhivov V.M. et al.*, Kommentarii: blesk i nishcheta zhanra v sovremennuiu epokhu (stenogramma "kruglogo stola" v ramkakh XI Lotmanovskikh chtenii. Moskva, RGGU, 20 dekabria 2003 g.) [Commentary: Splendour and Misery of the Genre in the Modern Era (shorthand record of the round table within the framework of the 11th Lotman Readings)] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. No. 66. P. 103–120 (In Russ.)).

[13] Cf. the typology adopted in the recognized dictionary of literary associations of a later period: societies (standing, "formed"), circles, salons (*Shruba M.* Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar' [Literary associations of Moscow and Petersburg in 1890–1917: Dictionary]. Moskva, 2004. P. 7. (In Russ.)).

[14] *Aronson M.I.* Kruzhki i salony [Circles and salons] // Aronson M., Reiser S. Literaturnye kruzhki i salony [Literary Circles and Salons]. Moskva, 2001. P. 47. (In Russ.)

[15] Ibid. P. 48.

[16] Having no opportunity to provide a comprehensive list of the vast Arzamas bibliography of the last 20 years (see, for instance, conference proceedings devoted to Arzamas: *Piatkin S.N.* (Ed.). Literaturnoe obshchestvo "Arzamas": kul'turnyi dialog epokh: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Arzamas Literary Society: a Cultural Dialogue of Epochs]. Arzamas, 2005. (In Russ.); *Stroganov M.*V. (Ed.). "Lipetskii potop" i puti razvitiia russkoi literatury: sbornik nauchnykh statei [The "Lipetsk Flood" and the Development of Russian Literature: a Collection of Articles]. Lipetsk, 2006. (In Russ.); *Piatkin S.N.* (Ed.). Literaturnoe obshchestvo "Arzamas": istoriia i sovremennost': sbornik nauchnykh statei [Arzamas Literary Society: History and Modernity: a Collection of Articles]. Arzamas; Nizhnii Novgorod, 2015. (In Russ.)), let us mention the most significant and, in the author's opinion, brilliant works: *Proskurin O.*A. Novyi Arzamas — novyi

despite the brevity of its existence, had a decisive influence on the development of the literary system),[17] on The Friendly Literary Society,[18] the Green Lamp,[19] Semyon Raich's circle,[20] and also the on the literary salons of Sofia Ponomareva[21] and Zinaida Volkonskaya.[22]

Ierusalim. Literaturnaia igra v kul'turno-istoricheskom kontekste [The New Arzamas — The New Jerusalem. Literary Play in the Cultural and Historical Context] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. No. 19. P. 73–128. (In Russ.); *Proskurin O.*A. Bednaia pevitsa: Literaturnye podteksty arzamasskoi rechi S.S. Uvarova [A Poor Singer: Literary implications of S.S. Uvarov's Arzamas speech] // Proskurin O.A. Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi [Literary Scandals of the Pushkin era]. Moskva, 2000. P. 152–187. (In Russ.); *Proskurin O.A.* Kogda zhe Pushkin vstupil v Arzamasskoe obshchestvo? (Iz zametok k teme "Pushkin i Arzamas") [When did Pushkin Enter Arzamas Society? (From the notes on the topic "Pushkin and Arzamas")] // Toronto Slavic Quarterly. 2005. No. 14. (In Russ.); *Vatsuro V.*E. Zametki k teme "Pushkin i Arzamas" [Notes on the topic "Pushkin and Arzamas" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. No. 42. P. 150–160. (In Russ.); *Vinitskii I. Yu.* Poeticheskaia semantika Zhukovskogo, ili Rassuzhdenie o vkuse i smysle "Ovsianogo kiselia" [Poetic Semantics of Zhukovskiy, or Reflection on the Taste and Sense of "Oatmeal Jelly" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. No. 61. P. 119–152. (In Russ.); *Mayofis M.L.* O tekh, kto ekhal verkhom na galimat'e, i o tom, chto ostalos' pozadi: Opyt personologicheskogo analiza arzamasskikh protokolov [About Those who Rode on Nonsense and what was Left Behind: An Attempt of Personological Analysis of Arzamasian Protocols] // Istoriia i Povestvovanie [History and Narration]. Moskva, 2006. P. 122–162. (In Russ.); *Dovgii O.L.* Pushkin i Khvostov v "Khvostovskoi Lavke" "Arzamasa" [Pushkin and Khvostov in "Khvostov's shop" of Arzamas] // Poetika russkoi literatury [Poetics of Russian literature]. Moskva, 2009. P. 158–183. (In Russ.); *Koshelev V.A.* "Zapros Arzamasu": ob Odnom Ekspromte K.N. Batiushkova ["A Request to Arzamas": on K.N. Batyushkov's Improvisation] // Pushkin i mirovaia kul'tura [Pushkin and the World Culture]. Sankt-Peterburg; Arzamas; Bolshoe Boldino, 2008. P. 20–30. (In Russ.); *Ivinskii D.P.* Viazemskii, "Arzamasskii" Zhurnal i Russkaia Literatura XVIII veka: Zametki k Teme [Vyazemskii, the "Arzamas" Journal and the Russian Literature of the 18th Century: Notes on the Topic] // Pushkinskii muzeum: al'manakh [Pushkin Museum: Almanac]. No. 8. Sankt-Peterburg, 2017. P. 237–249. (In Russ.). On the monograph by Mariia Mayofis (*Mayofis M.*L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov [Appeal to Europe: Arzamas Literary Society and the Russian Modernization project of 1815–1818]. Moskva, 2008. (In Russ.)), strongly contributing to the "Arzamas Society of Obscure Men", see further.

[17] The historical and cultural reputation of Arzamas, reaching beyond the academic community, was pointedly manifested in the choice of the title for the famous educational project — Arzamas. academy.

[18] *Zorin A.L.* U istokov russkogo germanofil'stva (Andrei Turgenev i Druzheskoe literaturnoe obshchestvo) [At the onset of Russian Germanophilism (Andrei Turgenev and the Friendly literary society)] // Novye bezdelki. Sbornik k 60-letiiu V.E. Vatsuro [New trifles. Collection for the 60th anniversary of V.E. Vatsuro]. Moskva, 1995/1996. P. 7–35. (In Russ.); *Dzyadko F.V.* "Za chto nam drug ot druga otdaliat'sia?" K istorii literaturnykh otnoshenii A.F. Merzliakova i V.A. Zhukovskogo: "versiia" Merzliakova ["Why Should we Drift Apart from Each Other?" On the History of Literary Relationship of A.F. Merzliakov and V.A. Zhukovskiy: Merzliakov's "version"] // Pushkinskie chteniia v Tartu [Pushkin Readings in Tartu]. Tartu, 2004. No. 3. P. 112–136. (In Russ.); *Cooper D.L.* "Narodnost'" avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the National Turn in Russian Criticism // Slavic and East European Journal. 2008. Vol. 52. No. 3. P. 351–369.

[19] *Peschio J.* Lighting the Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // Dinega Gillespie A.(ed), Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations. Madison, 2012. P. 84–111; *Peschio J.* The Green Lamp: Sexual Banter // Peschio J. The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Madison, 2013. P. 60–67; *Pilshchikov I.* Aleksandr Pushkin mezhdu libertinazhem i dendizmom [Alexander Pushkin between libertinage and dandyism] // Russian Literature. 2014. Vol. 76. No. 1–2. P. 36–45. (In Russ.)

[20] *Rogov K. Yu.* K istorii "moskovskogo romantizma": kruzhok i obshchestvo S.E. Raicha [On the History of "Moscow Romanticism": the Circle and Society of S.E. Raich] // Lotmanovskii sbornik. Moscow, 1997. No. 2. P. 523–576. (In Russ.)

[21] *Vatsuro V.E.* S. D.P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory [S. D.P. From the History of Literary Life of the Pushkin Epoch]. Moskva, 1989. (In Russ.)

[22] *Saikina N.V.* Moskovskii Literaturnyi alon kniagini Zinaidy Volkonskoi [Moscow Literary Salon of the Duchess Zinaida Volkonskaya]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Thus, the collection of texts, documents, and memoirs related to the activities of Arzamas was significantly enlarged and systematized (primarily due to the publication of the correspondence of the Society of Obscure Men).[23] The study of unpublished materials found in diaries and in Andrei Turgenev's correspondence made it possible to show in a new way the significance of the Friendly Literary Society, of the participants' literary and ethical views, not only for the development of elegiac poetics but also for the «life-building» and everyday life practices of several generations of Russian romantics.[24] The revision of the published sources on the history of the so-called "Liubomudry Society" (the *Lovers of Wisdom* Society), along with the rich materials of Mikhail Pogodin's archives related to the history of the circle and to Raich's society demonstrated that the established concept of the "Liubomudry" was "largely a construct accumulating information about the circle and meetings of the Moscow followers of Schelling", while the structure of their social network included several associations (Raich's circle, the "archival circle" (the association of young clerks of the Ministry of Foreign Affairs archives), the circle of the *Moscow Herald* ("Moskovsky Vestnik"), etc.) and even within 1822–1827 it was very dynamic.[25]

At the same time, both for newly found and previously published yet underestimated texts, exquisite historical and literary interpretations were often offered, showing the influence of the circle life and the alignment of forces within a circle or salon on literary texts as such, on their poetics, plots, and pragmatics. An exemplary study in this vein is Vadim Vatsuro's work on the literary salon of Sofia Ponomareva,[26] where, using comments on texts from her album, unpublished epistolary and ego-documents of her salon visitors, the author paints a vast picture of the St. Petersburg literary life of in the early 1820s and vividly presents artistic and emotional biographies of the prominent writers of the period — Evgeny Baratynskii, Anton Delvig, Alexander Izmailov, Orest Somov, and Vladimir Panaev.

A number of "historical and literary novellas" associated with the history of Arzamas and the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and

---

[23] *Vatsuro V.E., Ospovat A.L.* (Eds.). Arzamas: V 2 kn. [Arzamas: In 2 books]. Moskva, 1994. (In Russ.)

[24] See first of all works by Andrei Zorin (see above, note 18), summed up in the book: *Zorin A.L.* Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka [Emerging Hero: From the History of Russian Emotional Culture of Late 18th — Early 19th centuries]. Moskva, 2016. (In Russ.)

[25] *Rogov K. Yu.* K istorii "moskovskogo romantizma": kruzhok i obshchestvo S.E. Raicha [On the history of "Moscow romanticism": the circle and society of S.E. Raich]. P. 538–539. (In Russ.). Rogov's arguments were adopted in a number of recognized works (see, for instance, general monograph by Bokova, where the corresponding section is called "The Associations of Moscow Schellingians" — *Bokova V.M.* Epokha tainykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniia pervoi treti XIX v. [The Era of Secret Societies: Russian Public Associations of the First Third of the 19th century]. Moskva, 2003. P. 157–170, 203. (In Russ.)), although, of course, has not yet been able to overcome the historiographic inertia. Cf. also the generalizing and conditional name — the "Moscow youths", proposed by Natalia Mazur, which does not evoke associations with any of the existing associations of Moscow Schellingians and makes it possible, if necessary, to designate this entire group, regardless of belonging to a particular circle (*Mazur N.N.* Pushkin i "moskovskie iunoshi": vokrug problemy geniia [Pushkin and the "Moscow Youths": on the Problem of Genius] // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia [Pushkin Conference at Stanford, 1999: Research materials]. Moskva, 2001. P. 54, 91–92. (In Russ.)).

[26] *Vatsuro V.E.* S. D.P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory [S. D.P. From the History of Literary Life of the Pushkin Time]. Moskva, 1989. (In Russ.)

the Arts, were included in the book by Oleg Proskurin *Literary Scandals of the Pushkin Era*; also the traces of Arzamasian poetics and polemics in the texts by Vasily Zhukovskii, Pyotr Vyazemskii and Alexander Pushkin were convincingly demonstrated in the works of Ilya Vinitskii, Natalia Mazur,[27] and others.

The correlation between the study of literary associations and the problems of everyday behavior, which traces its origin to Yuri Lotman's work on cultural semiotics, is manifested in the latest research on the Green Lamp society.[28] In a series of works written both individually and in co-authorship, Joe Peschio and Igor Pilshchikov, using, among other things, unpublished texts from the archives of the Green Lamp, demonstrated that "lampists'" had followed the tradition of the French libertinage, which most convincingly explains the combination of political free thought with erotic (including homoerotic) frivolity in the texts and in the everyday behavior.[29] At the same time, the Green Lamp is regarded by researchers as a kind of a "libertinage school" for young Pushkin, in whose everyday behavior and literary texts, traces of libertine "poetics" are also found.[30]

Focus not only on the texts but also on the poetics of Pushkin's everyday behavior determined reflection on the social dimension of the literary environment (*literaturny byt*). In his recent work, Peschio proposed to distinguish three types of "communicative contexts" in which a literary text or everyday act could function in the Pushkin's era: the space of "*domesticity*", "inner" circle perceived as a private space — *society*, the noble society — and *state* service sphere, bureaucratic relations.[31] The researcher uses the conventional distinction of these contexts to describe the literary and everyday phenomenon of a prank (*shalost'*), which presupposes a deliberately defiant transference of "domestic behavior" into public and/or official space. However, it seems that this distinction can be productive for describing the activities of literary circles and associations which, depending on the type of organization, are constantly present in the convergence zone of these spheres.

---

[27] *Vinitskii I. Yu.* Poeticheskaia semantika Zhukovskogo, ili Rassuzhdenie o vkuse i smysle "Ovsianogo kiselia" [Poetic Semantics of Zhukovskiy, or Reflection on the Taste and Sense of "Oatmeal Jelly"] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. No. 61. P. 119–152. (In Russ.); *Mazur N.N.* Maska neistovogo stikhotvortsa v "Evgenii Onegine": polemicheskie funktsii [Furious poet's mask in "Eugene Onegin": polemic functions] // Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and his contemporaries]. No. 5. P. 141–208. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

[28] See above, note 19.

[29] This seemingly paradoxical feature of society caused contradictory research interpretations, ranging between "orgic" society (as defined by Pavel Annenkov) and a "filial branch" of the Union of Prosperity. For a brief overview of the Green Lamp controversy see: *Pilshchikov I.* Aleksandr Pushkin mezhdu libertinazhem i dendizmom [Alexander Pushkin Between Libertinage and Dandyism]. P. 38–44.

[30] On traces of libertinage in *Eugene Onegin* see: *Pilshchikov I.* Aleksandr Pushkin mezhdu libertinazhem i dendizmom [Alexander Pushkin between libertinage and dandyism]. P. 52–54, 55–58. (In Russ.); also: *Dobritsin A.A.* Libertinskaia model' povedeniia i iazyk frantsuzskogo libertinazha v "Evgenii Onegine" [Libertine model of behavior and the language of French libertinage in "Eugene Onegin"] // Vremennik Pushkinskoi komissii [Chronicle of the Pushkin committee]. No. 32. P. 145–170. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.); *Nemirovskii I.V.* Pushkin — liberten i prorok: Opyt rekonstruktsii publichnoi biografii [Pushkin as a Libertine and a Prophet: An Attempt of Reconstruction of a Public Biography]. Moskva, 2018. (In Russ.)

[31] *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. P. 16–17.

This sociological perspective of the development of the literary environment was also, in a broad sense, previously proposed in the works on literary associations. In the book *Fiction and Society in the Age of Pushkin*, William Miles Todd III[32] was apparently one of the first to apply the concept of the institutions of literature to Russian material: he proposed to consider the literature of the 1800s–1830s as a social institution or, more precisely, as a system of coexisting and competing institutions — patronage, friendly communities (circles and salons), literary almanacs and journals, professional or commercial literature. Todd describes these institutions and the social functions of literature they imply, using the communication model proposed in the classical article by Roman Jakobson. For each of them he identifies the *addresser* (the author), the *addressee* (the type of the reader), the *message* (literary texts of different genres), the *context* (social or ideological "reference point" of the literary text), the *code* (language and style), the *contact* (a method of presenting the message to the addressee).[33] In this perspective, a literary circle (and to a lesser extent a salon) turns out to be the space of equal communication, where the roles of the author and the reader "ideally merge", and the code and the context are set by the "society", which can mean both the "society of the chosen few" included in this circle or salon and the high society as a whole.[34]

For Todd, such institutional arrangement demonstrating the autonomy of literature as being separate from the state is important since it reinforces the significance of society for all literary agents: society provides the *contact* between the author and the audience, the language of society largely determines the *code*, that is, the language of literary texts; finally, the life and ideology of society become a reference *context* for works of fiction, and all this together has an impact on the poetics of the *message*, which is demonstrated in the book by the example of *Eugene Onegin*, *A Hero of Our Time* and the *Dead Souls*.

The institutional approach seems to be productive, not only and perhaps not so much for describing poetics, but for studying the social role of various literary associations — in their correlation with other social institutions and with the state system, which significantly influenced the formation of the *public sphere* in the 19th century Russia. In this perspective, it is not "private" circles and salons that are of particular interest, but "official" societies that have a prescribed structure, disclosed principles of membership as they interact to a greater extent with the field of power. In the period under study, societies of this type played a significant role in the range of literary associations, such as the Colloquium of Amateurs of the Russian Word (1811–1816), the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts (VOLSNH, 1801–1826), the Free Society

[32] *Todd III W.M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. Harvard, 1986; Russian Translation: *Todd III W.M.* Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina [Fiction and Society in the Age of Pushkin] / Transl. from English by A. Yu. Mirolyubova. Sankt-Peterburg, 1996. (In Russ.). See also Definition of Literary Institutions Given in the Preface to the Latest Book: *Todd III W.M.* Sotsiologiia literatury: ideologiia, instituty, narrative [Sociology of Literature: Ideology, Institutions, Narrative]. Sankt-Peterburg, 2020. P. 8–9. (In Russ.)

[33] *Todd III W.M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. P. 47–51.

[34] Ibid. P. 55–72.

of Lovers of Russian Literature (VOLRS, 1816–1825), originally called the Society of Education and Charity Competitors, The Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University (1811–1930), etc.

These associations, of course, were not ignored by researchers, but their activities were consistently interpreted in ideological and political categories,[35] and often based on the specific viewpoints of individual members of societies. Thus, in Soviet historiography, the idea of the "reactionary" nature of Beseda was promoted, substantiated mainly by the political conservatism of Shishkov, and, on the contrary, the revolutionary-progressive and Decembrist reputation of VOLRS, which was confirmed by the personal participation of Kondraty Ryleev, Aleksandre Bestuzhev, and Fedor Glinka. Such interpretations, especially the history of VOLRS and VOLSNH, were outwardly convincing due to the rich factual material collected in the monographic works of Vasilii Bazanov[36] and Vladimir Orlov.[37] However, as shown by the new access to the archives of these societies, the selection of sources and facts was no less biased than their interpretation. The "monumental" early history of VOLSNH, which appeared in Orlov's description as an arena of struggle between the "radical-democratic" wing of the "Radishchev followers" and the "liberal right" party of Dmitri Yazykov, was effectively and convincingly demythologized by Oleg Proskurin, based on materials from the VOLSNH archives and the analysis of its participants' literary views.[38] An overview of the early history of VOLRS, which was not actually covered in the works of Bazanov, also made it possible to doubt both the established characteristics of this period in the history of society and the interpretation of its status.[39] The society, consistently seeking the royal approval and striving to gain the patronage of the Minister of Religious Affairs and Public Education Alexandre Golitsyn, does not fit too well into the idea of a "literary branch of the Union of Prosperity."

Historical and literary works on societies of this type, published since the 1980s, have significantly clarified the understanding of their role in the literary and social fields. The activities of the Colloquium of Amateurs of the Russian Word (*Beseda liubitelei russkogo slova* or, simply, *Beseda*) were described in detail in the works of Mark Altshuller (see, first of all, his monograph, published by the "Ardis" in 1984 and

---

[35] Tynyanov objected against this mixture of historical, literary, and political features concerning the Beseda members and the "young Archaists" in his classical article "The Archaists and Pushkin" (1926) (*Tynyanov Yu.*N. Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and his Contemporaries]. Moskva, 1968. P. 25–26. (In Russ.)).

[36] *Bazanov V.G.* Vol'noe obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [The Free Society of Lovers of Russian literature]. Petrozavodsk, 1949. (In Russ.); Uchenaia Respublika [The Republic of Letters]. Moskva, Leningrad, 1964. (In Russ.)

[37] *Orlov V.* (Ed.). Poety-radishchevtsy; Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv [Poets — followers of Radishchev; The Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts]. Leningrad, 1935. (In Russ.); *Orlov V.*N. Russkie prosvetiteli 1790–1800-kh gg. [Russian enlighteners of the 1790s-1800s]. Moskva, 1950. (In Russ.)

[38] *Proskurin O.A.* Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi [Literary Scandals of the Pushkin era]. Moskva, 2000. P. 51–57. (In Russ.)

[39] See: *Bodrova A.*S. K institutsional'noi istorii Vol'nogo obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti [On the Institutional History of the Free Society of Lovers of Russian literature] // Pushkinskie chteniia v Tartu 6 [Pushkin's Readings in Tartu 6]. Tartu, 2019. No. 1. Pushkin v krugu sovremennikov [Pushkin among his contemporaries]. P. 253–284. (In Russ.)

reprinted with addenda in 2007[40]). A comprehensive analysis of literary and aesthetic position of the Beseda members (primarily Shishkov and Derzhavin), the specifics of their views on the value of literary society and communities — in the perspective of their personal and official biographies — are presented in the dissertation of Ekaterina Lyamina.[41] Due to the investigations of Oleg Proskurin,[42] the activities of the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts were now established in historical and literary terms — both at the initial stage of its existence[43] and in a later period (1811–1813) when VOLSNH became a place of consolidation of anti-Shishkov forces and an arena of ardent literary and linguistic polemics. Another free society — the Free Society of Lovers of Russian Letters (VOLRS) — has recently attracted attention in connection with its publishing activity[44] or the role of the Society in the literary fate of its individual participants.[45]

A conceptual study of the activities of official societies is impossible without expanding the source base, and important steps have also been taken in this direction. The Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University had the privilege of a detailed description of its activities, including references to archival materials, as the subject of a thorough study by Raisa Kleimenova.[46] Another significant achievement in this regard was the publi-

---

[40] *Altshuller M.*G. Predtechi slavianofil'stva v russkoi literature (Obshchestvo "Beseda liubitelei russkogo slova") [Forerunners of Slavophilism in Russian literature (The Colloquium of Amateurs of the Russian Word)]. Ann Arbor, 1984. (In Russ.); *Altshuller M.G.* Beseda liubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavianofil'stva [The Colloquium of Amateurs of the Russian Word: At the Source of Russian Slavophilism]. 2nd ed., enlarged. Moskva, 2007. (In Russ.) Among new works on Beseda, one should note the proceedings of the conference devoted to the 200th anniversary of the society: *Morozova N.P.* (Ed.). "Beseda liubitelei russkogo slova". 200 let: Sb. nauch. statei [The Colloquium of Amateurs of the Russian Word. 200 years: A Collection of articles]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

[41] *Lyamina E.E.* Obshchestvo "Beseda liubitelei russkogo slova": Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [The Colloquium of Amateurs of the Russian Word: Abstract of PhD thesis in philology]. Moskva, 1995. (In Russ.)

[42] See: *Proskurin O.A.* Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi [Literary Scandals of the Pushkin Era]. Moskva, 2000. P. 47–80, 116–151. (In Russ.).

[43] Important clarifications of the prehistory and early history of VOLSNH were made in the article by Andrei and Tatiana Kostin dedicated to the collection of poems *Idle Time* discovered in the library of the Kazan State University, which included unknown poems by Alexei Volkov and Vasily Popugaev: *Kostin A.A., Kostina T.V.* Stikhotvornyi sbornik "Prazdnoe vremia" (1798): K predystorii Vol'nogo obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv [The Collection of Poems "Idle time" (1798): On the Prehistory of the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts] // XVIII vek [18th century]. Vol. 25. Sankt-Peterburg, 2008. P. 175–205. (In Russ.)

[44] *Ivanitskaya E.M.* Zhurnal "Sorevnovatel' prosveshcheniia i blagotvoreniia" v istoriko-literaturnom kontekste 1820-kh gg. [Journal "Competitor of Education and Charity" in the Historical and Literary Context of the 1820s] // Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia [Herald of RHSU. Series Literature Studies. Language studies. Cultural Studies]. 2012. No. 13 (93). P. 57–65. (In Russ.)

[45] *Polyakova A.A.* Tvorcheskaia istoriia "Poezdki v Revel'" A.A. Bestuzheva [History of creation of "A Trip to Revel" by A.A. Bestuzhev] // Russkaia literatura [Russian Literature]. 2019. No. 2. P. 68–78. (In Russ.); *Martynenko A.I.* E.A. Baratynskii i "Uchenaia Respublika": k istorii formirovaniia literaturnoi reputatsii poeta [E.A. Baratynskii and the Republic of Letters: on Formation of Baratynsky's Early Literary Reputation] // Pushkinskie chteniia v Tartu [Pushkin's Readings in Tartu]. [Vol.] 6. No. 2. Pushkin's Era. Tartu, 2020. P. 38–51 (In Russ.)

[46] *Kleimenova R.N.* Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti, 1811–1930 [The Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University, 1811–1930]. Moskva, 2002. (In Russ.); *Kleimenova R.*N. (Comp.) Pushkin i Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [Pushkin and the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University]. Moskva, 1999. (In Russ.); *Kleimenova R.*N. (Comp.) Gogol' i obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [Gogol and the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University]. Moskva, 2005. (In Russ.); *Kleimenova R.N.* (Comp.) Lev Tolstoi i obshchestvo

cation of VOLSNH archives materials undertaken by Aleksei Saveliev, Nikolai Nikolaev, and Andrei Sokolov in the framework of the digital project of the Scientific library of St. Petersburg State University "The Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts" (http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/).[47] Due to this project, an extensive corpus of VOLSNH protocols was introduced into scientific circulation, representing a chronicle of the society's activities, periodicals of the VOLSNH, and a publication of its participants' works, like those by Aleksandre Vostokov and Mikhail Milonov. One may hope that this digital project will be continued — for example, most of the internal reviews of the texts recited in the Society remain unknown in the press, and they represent, as rightly noted, "an interesting source on one of the early periods in the formation of Russian literary critique",[48] as well as many other documents from the Society's archive.

The study of ideology (primarily the state ideology) as a "cultural system"[49] actively developing in the 1990s-2000s, and an interest for the broad topic "the Literature and the State" — in both the ideological and institutional perspectives — contributed to the opening of the boundaries of literary history and the "literary environment" issues, including in relation to the history of "official" societies. In this regard, the attention of both philologists and historians was attracted by a number of state ideologists whose activities in the early research tradition were clearly described with a certain bias, relying on the lifetime reputation, often exaggerated in the "liberal" pre-revolutionary and Soviet historiography. Among such important participants and/or patrons of literary societies are Alexandre Shishkov,[50] the founder of the Colloquium of Amateurs of

---

liubitelei rossiiskoi slovesnosti [Leo Tolstoi and the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University]. Moskva, 2008. (In Russ.). Important bibliographic reference should also be noted: *Kleimenova R.*N. (Comp.) Sistematicheskaia rospis' izdanii Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete, 1811–1930 [Systematic List of Publications of the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University, 1811–1930]. Moskva, 1981. (In Russ.)

[47] The purpose and aims of the project see: *Savelyev A.A.* Arkhiv Vol'nogo obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv (1801–1826): opyt raskrytiia arkhivnogo fonda universitetskoi biblioteki [Archives of The Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts (1801–1826): an attempt of discovering the archival fund of the university library] // Universitetskie biblioteki: proshloe, nastoiashchee, budushchee [University libraries: past, present, future]. Sankt-Peterburg, 2003. P. 123–129. (In Russ.)

[48] Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv (1801–1826): istoricheskaia i bibliograficheskaia spravka [The Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts (1801–1826): historical and bibliographic reference]. http://www.library.spbu.rU/rus/Volsnx/istoria.html#strukt (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

[49] A brief overview on the history of the study and principles of describing ideology in different scientific systems, see: *Zorin A.L.* Literatura i ideologiia [Literature and ideology] // Zorin A.L. Kormia dvuglavogo orla.: Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka [Feeding the Double-Headed Eagle: Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th centuries]. Moskva, 2001. P. 9–30. (In Russ.).

[50] See first of all works of the 1980s-2000s by Boris Uspenskiy and Viktor Zhivov, Mark Altshuller, Oleg Proskurin, Andrei Zorin et al. included in the "personal" bibliographic index: *Korovin V.L., Strizhev A.N.* (Comp.) Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841): materialy k bibliografii [Alexandr Semyonovich Shishkov (1754–1841): materials for bibliography] // Literaturovedcheskii zhurnal [Literary Journal]. 2011. No. 28. P. 150–209. (In Russ.). Out of the latest works, and specifically those concerning Shishkov's activities in the Colloquium of Amateurs of the Russian Word, see: *Kamchatnov A.M.* Russkii drevoslov Aleksandra Shishkova: lingvisticheskoe nasledie A.S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste epokhi [Russian historical and Derivational Dictionary of Alexandr Shishkov: Linguistic Heritage of A.S. Shishkov in the Scientific and Cultural Contexts of the Period]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

the Russian Word and a long-term president of the Russian Academy; Alexandre Golitsyn,[51] an honorary member of the Beseda, the trustee of VOLRS, the founder and the president of the Russian Bible Society; Sergei Uvarov,[52] an important member of the Arzamas Society of Obscure Men, as well as an honorary member of Beseda, VOLSNH, and VOLRS.

The works devoted to these figures and other representatives of "Russian conservatism" reconstructed the European and Russian genesis and context of their views, and clarified the connection between their political projects of different periods and literary or near-literary activities. In this way, they discussed the problem of correlation between the state policy, public institutions (including associations of various types), and the literary production. In this respect, the monograph by Maria Mayofis is indicative,[53] due to its extensive material employed to demonstrate the "political dimension" of the activities of Arzamas, the isomorphism of literary, educational, and ideological projects of its participants, for whom "the construction of the structure of Russian literature and the state was perceived as an aggregated and common cause".[54] This example is all the more striking since Arzamas was commonly interpreted as a classic literary circle, jocular and informal one, entirely belonging to the sphere of literature and it was going beyond this sphere that in 1817–1818 led to an internal split and then to the termination of the society activities. At the same time, the value of the "Appeal to Europe..." is not limited to clarifying or revising the history of Arzamas: a detailed reconstruction of the political, ideological, and social context of the second half of the 1810s undertaken in the book makes one look at the activities of other societies and circles and problematize their strategies in relation to both state institutions and the literary field.

A comparison of literary associations with other public organizations and associations, which in that period were by no means reduced to secret political societies of future Decembrists, helps to clarify their institutional specifics. In such a broad context, literary societies, salons, and circles are

---

[51] See: *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997; *Minakov A. Yu.* Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka [Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th century]. Voronezh, 2011. P. 284–330. (In Russ.); *Nazarenko E. Yu.* Kniaz' A.N. Golitsyn v obshchestvenno-politicheskoi i religioznoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka [Prince A.N. Golitsyn in Social, Political and Religious History of Russia of Early 19th Century]. Voronezh, 2014. (In Russ.); *Kondakov Yu. E.* Kniaz' A.N. Golitsyn: pridvornyi, chinovnik, khristianin: monografiia [Prince A.N. Golitsyn: Courtier, Official, Christian: Monograph]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

[52] See: *Whittaker C.*H. Graf Uvarov i ego vremia [Count Sergei Semenovich Uvarov and His Time]. Moskva, 1999. (In Russ.); *Zorin A.L.* Kormia dvuglavogo orla: Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka [Feeding the Double-Headed Eagle: Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th Centuries]. Moskva, 2001. P. 339–374. (In Russ.); *Mayofis M.L.* Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov [Appeal to Europe: Arzamas Literary Society and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moskva, 2008. (In Russ.) (according to the index); *Mayofis M.L., Velizhev M.*B. Uvarov Sergei Semenovich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers, 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Vol. 6. Moskva, Sankt-Peterburg, 2019. P. 364–369. (In Russ.)

[53] *Mayofis M.L.* Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov [Appeal to Europe: The Arzamas Literary society and the Russian modernization project of 1815–1818]. Moskva, 2008. (In Russ.)

[54] Ibid. P. 30.

reviewed in the monograph by Vera Bokova,[55] which, contrary to the title, contains basic information not only on secret societies (although a substantial part of the book is devoted to the Union of Prosperity and related societies and associations) but also on various scholarly and friendly circles, charitable and religious associations, provincial societies and associations.[56]

With a wide scope of the material, Bokova's work is aimed more at reviewing and classification ("to bring together the maximum amount of available information about public associations, if possible, describe them or at least register the fact of their existence...", "to classify public associations, identify their typical features", to highlight "internal ideological, organizational, and practical trends in the development of associations"[57]) rather than analysis and interpretation — and as a reference book, this is perhaps the most balanced and thorough work available today. It is important, however, that Masonic lodges, national patriotic circles, as well as scholarly and professional associations (such as the Free Economic Society, the Society of Russian History and Antiquities), remained outside the scope of the monograph.

A different institutional perspective for the study of literary societies, both official and "domestic", was outlined in the dissertation research and in related numerous publications by Liudmila Rogushina.[58] In spite of archaic methodological language and excessive trust in some Soviet ideological constructs, they are valuable for the new material, including archival findings, and the very formulation of the problem. Various educational and charitable societies of the Alexander era are viewed as social institutions ("forms of organizing public life") in their relations with "government structures", in other words, as a form of interaction between the society and the state. Describing, first of all, the organizational and structural features of various associations and characterizing their relations with various institutions of power, Rogushina distinguishes three types of societies: 1) "societies founded on special grounds" (that is, those under the patronage of the monarch or members of the imperial family and enjoying state financial and organizational support); 2) societies opened with the royal approval ("free", voluntary societies, which, however, could also

[55] *Bokova V.M.* Epokha tainykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniia pervoi treti XIX v. [The Era of Secret Societies: Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century]. Moskva, 2003. (In Russ.)

[56] Scientific and literary societies actively developing in different cities of the empire (first of all, those with a large number of universities) in the 1790s-1820s often became the subject of study in recent historiography — see, for instance: *Aristov V.*V. Pervoe literaturnoe obshchestvo Povolzh'ia (K istorii Kazanskogo obshchestva liubitelei otechestvennoi slovesnosti v 1806–1818 gg.) [The First Literary Society of the Volga region (To the history of Kazan Society of Lovers of Russian Literature in 1806–1818)]. Kazan, 1992. (In Russ.); *Zhiglii Yu. V.* Kazanskoe obshchestvo liubitelei otechestvennoi slovesnosti, 1806–1853 (iz istorii literaturnogo kraevedeniia): Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov-filologov [Kazan Society of Lovers of Russian Literature, 1806–1853 (from the history of literary study of local lore): Teaching aid for students of philology]. Kazan, 2012. (In Russ.)

[57] *Bokova V.M.* Epokha tainykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniia pervoi treti XIX v. [The Era of Secret Societies: Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century]. Moskva, 2003. P. 5. (In Russ.)

[58] *Rogushina L.G.* Blagotvoritel'nye i prosvetitel'skie obshchestva Sankt-Peterburga v pervoi chetverti XIX veka. Dis. ... kand. ist. nauk [Saint Petersburg Charitable and Educational Societies in the First Quarter of the 19th Century. Dis. ... cand. ist. sciences]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.); the valuable materials, including the archive findings, put together in the dissertation, are published — sadly, with no additions or changes,— in the short papers in the "Herzen Readings".

apply for patronage or funding to the patron or directly to the monarch); 3) "informal" societies.[59] The author focuses on the first two types: the "official" literary associations, such as Beseda, VOLSNH and VOLRS and those "free societies", which, however, managed to achieve the highest approval, appear to be under consideration. Study of their organizational features, their interaction with various state institutions (such as the Ministry of Public Education, the Committee of Ministers, the imperial court) allowed Rogushina, as in the case of other public societies (St. Petersburg Scientific Pharmaceutical Society, the Society of Botanical and Natural Sciences, Free Society of Establishment of Schools of Lancasterian System), to come to a reasoned conclusion about a much closer connection of this social institution with state power and politics.

Another important context outlined in Rogushina's work is the juxtaposition of educational and charitable societies, all the more justified since many scholars and literary associations (for example, VOLRS) included "charity" in their statutory activities and contributed to the development of various philanthropic projects. Study of this problem also seems promising from the point of view of the history of philanthropy, which has been actively developed in recent years, with the use of Russian materials as well (cf., for example, the pioneering works of Adele Lindenmeyr[60] and the synthesis research of Galina Ulyanova).[61]

This expansion of the institutional context allows to connect the material of literary associations with a broader and a more relevant sociohistorical problem: the definition and description of the "public sphere", the history of its formation and its role in the establishment of civil society, whose institutional core, according to Jьrgen Habermas and his followers, are voluntary associations. This issue, especially in relation to the Russian situation, has caused heated debates in the historical, sociological, and political research of recent decades.[62] The interest in the history of the formation of the Russian public sphere has led to the growth of research on specific institutions of this type aimed at generalizing the specifics of the imperial experience of social life,[63] a distinctive feature of which was a strong state influence and, as a consequence, more active interaction or even integration of many public associations with state structures. Due to their intermediate status, associations of this type — unlike "private" literary circles or secret societies and, in a broader view, the "revolutionary movement" — were the least studied until recently.

---

[59] Ibid. P. 54–55.

[60] *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. No. 807). Pittsburgh, 1990; *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.

[61] *Ulyanova G.N.* Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi Imperii: XIX — nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire: 19th — early 20th centuries]. Moskva, 2005. (In Russ.)

[62] A summary of different points of view on the concept of "civil society" applied to the history of pre-revolutionary Russia, see, for instance: *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia. Cambridge, Mass., 2009. P. 6–8 (see the main sources on the topic in the notes to this section); *Tumanova A.S.* Vvedenie [Introduction] // Tumanova A.S. (Ed.), Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v. [Self-Organization of Russian Public Sphere in the Last Third of the 18th — early 20th Centuries]. Moskva, 2011. P. 6–9. (In Russ.)

[63] See first of all the joint monograph *Tumanova A.S.* (Ed.). Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v. [Self-Organization of Russian General Public in the Last Third of the 18th — early 20th Centuries]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Meanwhile, it is these institutions that, according to the leading researcher of this field Joseph Bradley provided the experience of self-organization, social interaction, setting and solving socially significant problems, thereby contributing to the formation of civil society, throughout the 19th century and in the pre-revolutionary years.[64]

Bradley emphasizes the large number and the developed status of the system of public organizations in pre-revolutionary Russia (according to his calculations, by the beginning of the 20th century there were about 10 thousand of them in Russia[65]). Also, by the example of a number of voluntary associations (the Free Economic Society, the Moscow Agricultural Society, the Russian Geographical Society etc.) he shows the multidimensional nature of interaction (often mutually beneficial) between voluntary associations and the state, their role in shaping the state agenda in relation to science and education, and, at the same time, the distrust of the authorities towards any public associations. It is essential that all these features of the interaction of social institutions with the institutions of power are not specific to Russia. Drawing on European material (first of all, the history of the scholarly and educational societies of France and Germany in the 18th-19th centuries), Bradley demonstrates that "the mixture of nurture and suspicion on the part of the authorities, the concession system and the requirement of government permission and registration for an association to have a legal status, the fear that seemingly innocent activities were a cover for politics, and the monitoring of societies' activities by the police — all were Europe-wide features of eighteenth- and nineteenth-century associational life".[66] Bradley's research, combining an in-depth analysis of specific material with a wide contextualization (including European) and supported by historical institutional interpretation, is an important model for describing the activities of literary associations.

Such a description of literary societies seems all the more necessary since they have attracted less attention of social historians. Bradley hardly touches upon literary associations in his works. In the monograph *Self-Organization in the Russian Public Sphere in the Last Third of the 18th — Early 20th Centuries* "literary and artistic associations" are described superficially, often with outdated sources and only on the material of the late 19th — early 20th centuries.[67] At the same time, reliance on the language of institutional description developed within this discipline will make it possible to embed the history of literary associations in the history of the "public sphere", and on the other hand, it will allow to depart from the ideologically unacceptable Soviet sociological language in the history of literature.

The institutional approach seems all the more promising since it allows viewing the activities of various participants in the literary process both within the framework of literature itself and in their interaction

[64] See: *Bradley J*. Voluntary associations in Tsarist Russia. P. 1–5; Russian translation, with helpful introductory article by A.S. Tumanova: *Bradley J*. Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil society]. Moskva, 2012. P. 25–35. (In Russ.)

[65] *Bradley J*. Voluntary Associations in Tsarist Russia. P. 1.

[66] Ibid. P. 35.

[67] See the corresponding section: *Tumanova A*.S. (Ed.). Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v. [Self-Organization of Russian Public Sphere in the Last Third of the 18th — early 20th Centuries]. Moskva, 2011. P. 432–467. (In Russ.)

with other institutions, primarily with the state and with the emerging public sphere. Aimed at the description of social interactions, it enables researches to analyze various connections (literary, friendly, official, etc.) both within the society and beyond it (the interaction of the institution and individual participants with government bodies, censorship, etc.). This approach will make it possible to describe various aspects of the activities of literary societies and their interconnection, as well as to trace the evolution of this type of public associations.

References

1. *Altshuller M.G.* Beseda liubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavianofil'stva [The Colloquium of Amateurs of the Russian Word: At the source of Russian Slavophilism]. 2nd ed., enlarged. Moskva, 2007. (In Russ.)

2. *Altshuller M.G.* Predtechi slavianofil'stva v russkoi literature (Obshchestvo "Beseda liubitelei russkogo slova") [The Forerunners of Slavophilism in Russian Literature (The Colloquium of Amateurs of the Russian Word)]. Ann Arbor, 1984. (In Russ.)

3. *Aristov V.V.* Pervoe literaturnoe obshchestvo Povolzh'ia (K istorii Kazanskogo obshchestva liubitelei otechestvennoi slovesnosti v 1806–1818 gg.) [The First Literary Society of the Volga Region (On the History of Kazan Society of Lovers of Russian Literature in 1806–1818)]. Kazan, 1992. (In Russ.)

4. *Aronson M., Reiser S.* Literaturnye kruzhki i salony [Literary Circles and Salons]. Leningrad, 1929. (In Russ.)

5. *Aronson M.I.* Kruzhki i salony [Circles and Salons] // Aronson M., Reiser S. Literaturnye kruzhki i salony [Literary Circles and Salons]. Moskva, 2001. P. 21–104 (In Russ.)

6. *Bazanov V.G.* Uchenaia Respublika [The Republic of Letters]. Moskva, Leningrad, 1964. (In Russ.)

7. *Bazanov V.G.* Vol'noe obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [The Free Society of Lovers of Russian Literature]. Petrozavodsk, 1949. (In Russ.)

8. *Bodrova A.S.* K institutsional'noi istorii Vol'nogo obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti [On the Institutional History of the Free Society of Lovers of Russian Literature] // Pushkinskie chteniia v Tartu. 6 [Pushkin's Readings in Tartu. 6]. Tartu, 2019. Vol. 1. Pushkin v krugu sovremennikov [Pushkin among His Contemporaries]. P. 253–284. (In Russ.)

9. *Bokova V.M.* Epokha tainykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniia pervoi treti XIX v. [The Era of Secret Societies: Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century]. Moskva, 2003. (In Russ.)

10. *Bradley J.* Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society]. Moskva, 2012. (In Russ.)

11. *Brodskii N.L.* (Ed.). Literaturnye salony i kruzhki: Pervaia polovina XIX veka [Literary Salons and Circles: First Half of the 19th Century]. Moskva, Leningrad, 1930. (In Russ.)

12. *Chudakova M.O.* Sotsial'naia praktika, filologicheskaia refleksiia i literatura v nauchnoi biografii Eikhenbauma i Tynianova [Social Practice, Philological Reflection and Literature in the Scholarly Biography of Eikhenbaum and Tynyanov] // Tynianovskii sbornik. Vtorye Tynianovskie chteniia [The Second Tynyanov Readings]. Riga, 1986. P. 103–131. (In Russ.)

13. *Desnitskii V.A.* Iz istorii literaturnykh obshchestv nachala XIX veka [From the History of Literary Societies of the Early 19th Century] // Desnitskii V.A. Izbrannye stat'i po russkoi literature XVIII–XIX vv. [Selected Articles on Russian Literature of XVIII–XIX cc.]. Moskva, Leningrad, 1958. P. 92–191. (In Russ.)

14. *Dovgii O.L.* Pushkin i Khvostov v "khvostovskoi lavke" "Arzamasa" [Pushkin and Khvostov in "Khvostov's Shop" of Arzamas] // Poetika russkoi literatury [Poetics of Russian Literature]. Moskva, 2009. P. 158–183. (In Russ.)

15. *Dzyadko F.V.* "Za chto nam drug ot druga otdaliat'sia?" K istorii literaturnykh otnoshenii A.F. Merzliakova i V.A. Zhukovskogo: "versiia" Merzliakova ["Why Should We Drift Apart from Each Other?" On the History of Literary Relationship of A.F. Merzliakov and V.A. Zhukovsky: Merzliakov's "Version"] // Pushkinskie chteniia v Tartu [Pushkin's Readings in Tartu]. Tartu, 2004. No. 3. P. 112–136. (In Russ.)

16. *Eikhenbaum B.M.* Literaturnyi byt [Literary Environment] // Eikhenbaum B.M. O literature. Raboty raznykh let [On Literature. Works of Different Years]. Moskva, 1987. P. 428–436. (In Russ.)

17. *Eikhenbaum B.M.* Predislovie [Preface] // Aronson M., Reiser S. Literaturnye kruzhki i salony [Literary Circles and Salons]. Moskva, 2001. P. 8–12. (In Russ.)

18. *Ginzburg L. Ya.* Problema povedeniia (B.M. Eikhenbaum) [The problem of Behaviour (B.M. Eikhenbaum)] // Ginzburg L. Ya. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse [Notebooks. Memories. Essays]. Sankt-Peterburg, 2002. P. 441–445 (In Russ.)

19. *Gorelov A.* (Ed.). Arzamas i arzamasskie protokoly [Arzamas and the Arzamasian Protocols]. Leningrad, 1933. (In Russ.)

20. *Iezuitova R.V.* Literaturnye ob"edineniia i zhurnaly pervoi chetverti XIX v. [Literary associations and journals in the first quarter of the 19th century] // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. T. 2. Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu [A History of Russian Literature: In 4 vols. Vol. 2. From Sentimentalism to Romanticism and Realism]. Leningrad, 1981. P. 36–50. (In Russ.)

21. *Istrin V.M.* Druzheskoe literaturnoe obshchestvo 1801 g. (Po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh) [Friendly Literary Society of 1801 (On the Materials of the Turgenev brothers' Archives)] // Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of Public Education]. 1910. No. 8. Section 2. P. 273–307. (In Russ.)

22. *Ivanitskaya E.M.* Zhurnal "Sorevnovatel' prosveshcheniia i blagotvoreniia" v istoriko-literaturnom kontekste 1820-kh gg. [The "Competitor of Education and Charity" in the Historical and Literary Context of the 1820s] // Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia [Herald of RHSU. Series Literature Studies. Language studies. Cultural Studies]. 2012. No. 13 (93). P. 57–65. (In Russ.)

23. *Ivinskii D.P.* Viazemskii, "arzamasskii" zhurnal i russkaia literatura XVIII veka: zametki k teme [Vyazemsky, the Arzamas Journal and the Russian Literature of the 18th Century: Notes to the Topic] // Pushkinskii muzeum: al'manakh [The Pushkin Museum: Almanac]. No. 8. Sankt-Peterburg, 2017. P. 237–249. (In Russ.)

24. *Kamchatnov A.M.* Russkii drevoslov Aleksandra Shishkova: lingvisticheskoe nasledie A.S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste epokhi [The Russian Historical and Derivational Dictionary of Alexandr Shishkov: The Linguistic Heritage of A.S. Shishkov in the Scientific and Cultural Context of the Period]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

25. *Khmelevskaya N.A.* (Comp.). Literaturnye obshchestva, kruzhki i salony v Rossii v XIX veke: spisok literatury na russkom iazyke za 1828–1993 gg. [Literary Societies, Circles and Salons in Russia in the 19th Century: A List of Sources in Russian for 1828–1993]. http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA18391.pdf (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

26. *Kleimenova R.N.* (Comp.). Gogol' i obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [Gogol and the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University]. Moskva, 2005. (In Russ.)

27. *Kleimenova R.N.* (Comp.). Lev Tolstoi i obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [Leo Tolstoi and the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University]. Moskva, 2008. (In Russ.)

28. *Kleimenova R.N.* (Comp.). Pushkin i Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti [Pushkin and the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University]. Moskva, 1999. (In Russ.)

29. *Kleimenova R.N.* (Comp.). Sistematicheskaia rospis' izdanii Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete, 1811–1930 [A Systematic List of Publications of the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University, 1811–1930]. Moskva, 1981. (In Russ.)

30. *Kleimenova R.*N. Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti, 1811–1930 [The Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University, 1811–1930]. Moskva, 2002. (In Russ.)

31. *Kolominov V.V., Fainshtein M.S.* Khram muz slovesnykh (Iz istorii Rossiiskoi Akademii) [The Temple of the Muses of Letters (Towards the History of the Russian Academy)]. Leningrad, 1986. (In Russ.)

32. *Kolupanov N.P.* Biografiia Aleksandra Ivanovicha Kosheleva [The Biography of Alexandr Ivanovich Koshelev]. Vol. 1. Books 1–2. Moskva, 1889. (In Russ.)

33. *Kondakov Yu. E.* Kniaz' A.N. Golitsyn: pridvornyi, chinovnik, khristianin: monografiia [Prince A.N. Golitsyn: a Courtier, an Official, a Christian: Monograph]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

34. *Korovin V.L., Strizhev A.N.* (Comp.) Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841): materialy k bibliografii [Alexandr Semyonovich Shishkov (1754–1841): Materials for Bibliography] // Literaturovedcheskii zhurnal. 2011. No. 28. P. 150–209. (In Russ.)

35. *Koshelev V.A.* "Zapros Arzamasu": ob odnom ekspromte K.N. Batiushkova ["A Request to Arzamas": on K.N. Batyushkov's Improvisation] // Pushkin i mirovaia kul'tura [Pushkin and the World Culture]. Sankt-Peterburg; Arzamas; Bolshoe Boldino, 2008. P. 20–30. (In Russ.)

36. *Kostin A.A., Kostina T.V.* Stikhotvornyi sbornik "Prazdnoe vremia" (1798): K predystorii Vol'nogo obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv [The Collection of Poems "Idle time" (1798): To the Prehistory of the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts // XVIII vek [18th Century]. Vol. 25. Sankt-Petersburg, 2008. P. 175–205. (In Russ.)

37. *Lotman Yu. M.* Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaia bor'ba ego vremeni [Andrei Sergeevich Kaisarov and Literary and Social Struggle of His Time] (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [Tartu Ülikooli toimetised]. No. 63). Tartu, 1958. (In Russ.)

38. *Lyamina E.E.* Obshchestvo "Beseda liubitelei russkogo slova": Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk ["The Colloquium of Amateurs of the Russian Word": Abstract of PhD Thesis in Philology]. Moskva, 1995. (In Russ.)

39. *Martynenko A.*I. E.A. Baratynskii i "Uchenaia Respublika": k istorii formirovaniia literaturnoi reputatsii poeta [E.A. Baratynskii and the Republic of Letters: on Formation of Baratynsky's Early Literary Reputation] // Pushkinskie chteniia v Tartu [Pushkin's Readings in Tartu]. 6. No. 2. Pushkin's Era. Tartu, 2020. P. 38–51 (In Russ.)

40. *Mayofis M.L., Velizhev M.B.* Uvarov Sergei Semenovich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian writers. 1800–1917. A Biographical Dictionary]. Vol. 6. Moskva, Sankt-Peterburg, 2019. P. 364–369. (In Russ.)

41. *Mayofis M.L.* O tekh, kto ekhal verkhom na galimat'e, i o tom, chto ostalos' pozadi: Opyt personologicheskogo analiza arzamasskikh protokolov [About Those Who Rode on Nonsense and What Was Left Behind: An Attempt of Personological Analysis of the Arzamasian Protocols] // Istoriia i povestvovanie [History and Narration]. Moskva, 2006. P. 122–162. (In Russ.)

42. *Mayofis M.L.* Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov [The Appeal to Europe: The Arzamas Literary Society and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moskva, 2008. (In Russ.)

43. *Mazur N.N.* Maska neistovogo stikhotvortsa v "Evgenii Onegine": polemicheskie funktsii [Furious Poet's Mask in "Eugene Onegin": the Polemic Functions] // Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries]. No. 5. St. Petersburg, 2009. P. 141–208. (In Russ.)

44. *Mazur N.N.* Pushkin i "moskovskie iunoshi": vokrug problemy geniia // Pushkin and the "Moscow youths": on the problem of genius // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia [Pushkin Conference in Stanford, 1999: Research Materials]. Moskva, 2001. P. 54–105. (In Russ.)

45. *Meilakh B.S.* A.S. Shishkov i Beseda liubitelei russkogo slova [A.S. Shishkov and the Colloquium of Amateurs of the Russian Word] // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. T. 5. Literatura pervoi poloviny XIX veka [A History of Russian Literature: In 10 vols. Vol. 5. Literature of the First Half of the 19th Century]. Part 1. Moskva, Leningrad, 1953. P. 183–197 (In Russ.)

46. *Meilakh B.S.* Dekabristskie literaturnye organizatsii i organy pechati [The Decembrist Literary Organizations and Press Media] // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. T. 6. Literatura 1820–1830-kh godov [A History of Russian Literature: In 10 vols. Vol. 6. Literature of the 1820s-1830s]. Moskva, Leningrad, 1953. P. 21–40. (In Russ.)

47. *Milchina V.A.* Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia [Chronicles of post-Soviet humanitarian science: Bannye, Lotman, Gasparov and other Conferences]. Moskva, 2019. (In Russ.)

48. *Minakov A. Yu.* Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka [Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century]. Voronezh, 2011. (In Russ.)

49. *Morozova N.P.* (Ed.). "Beseda liubitelei russkogo slova". 200 let: Sb. nauch. statei ["The Colloquium of Amateurs of the Russian Word". 200 Years: A Collection of Articles]. Sankt-Petersburg, 2013. (In Russ.)

50. *Muratova K.D.* (Ed.). Istoriia russkoi literatury XIX — nachala XX vekov: Bibliograficheskii ukazatel'. Obshchaia chast' [The History of Russian Literature of the 19th — early 20th Centuries: Bibliographic Reference. General Part]. Sankt-Petersburg, 1993. (In Russ.)

51. *Muratova K.D.* (Ed.). Istoriia russkoi literatury XIX veka: Bibliograficheskii ukazatel' [The History of Russian Literature of the 19th Century: Bibliographic Reference]. Moskva, Leningrad, 1962. (In Russ.)

52. *Nazarenko E. Yu.* Kniaz' A.N. Golitsyn v obshchestvenno-politicheskoi i religioznoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka [Prince A.N. Golitsyn in Social, Political and Religious History of Russia of Early 19th Century]. Voronezh, 2014. (In Russ.)

53. *Nemirovskii I.V.* Pushkin — liberten i prorok: Opyt rekonstruktsii publichnoi biografii [Pushkin as a Libertin and a Prophet: A Reconstruction of a Public Biography]. Moskva, 2018. (In Russ.)

54. *Okhotin N.G., Zorin A.L., Zhivov V.M. et al.*, Kommentarii: blesk i nishcheta zhanra v sovremennuiu epokhu (stenogramma "kruglogo stola" v ramkakh XI Lotmanovskikh chtenii. Moskva, RGGU, 20 dekabria 2003 g.) [The Commentary: Splendour and Misery of the Genre in Modern Era (A Shorthand Record of the Round Table within the Framework of the 11th Lotman Conference] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. No. 66. P. 103–120 (In Russ.)

55. *Orlov V.* (Ed.). Poety-radishchevtsy; Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv [Poets — Followers of Radishchev; The Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts]. Leningrad, 1935. (In Russ.)

56. *Orlov V.N.* Russkie prosvetiteli 1790–1800-kh gg. [Russian Enlighteners of the 1790s–1800s]. Moskva, 1950. (In Russ.)

57. *Piatkin S.*N. (Ed.). Literaturnoe obshchestvo "Arzamas": istoriia i sovremennost': sbornik nauchnykh statei [The Arzamas Literary Society: History and Modernity: a Collection of Articles]. Arzamas; Nizhnii Novgorod, 2015. (In Russ.)

58. *Piatkin S.N.* (Ed.). Literaturnoe obshchestvo "Arzamas": kul'turnyi dialog epokh: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [The Arzamas Literary Society: a Cultural Dialogue of Epochs]. Arzamas, 2005. (In Russ.)

59. *Piksanov N.K.* Dva veka russkoi literatury [The Two Ages of Russian Literature]. Moskva, Petrograd, 1923. P. 51–59. (In Russ.)

60. *Pilshchikov I.* Aleksandr Pushkin mezhdu libertinazhem i dendizmom [Alexander Pushkin between libertinage and dandyism] // Russian Literature. 2014. Vol. 76. No. 1–2. P. 35–84. (In Russ.)

61. *Proskurin O.A.* Bednaia pevitsa: Literaturnye podteksty arzamasskoi rechi S.S. Uvarova [A Poor Singer: Literary Implications of S.S. Uvarov's Arzamas Speech] // Proskurin O.A. Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi [Literary Scandals of the Pushkin Era]. Moskva, 2000. P. 152–187. (In Russ.)

62. *Proskurin O.A.* Kogda zhe Pushkin vstupil v Arzamasskoe obshchestvo? (Iz zametok k teme "Pushkin i Arzamas") [When Did Pushkin Enter the Arzamas Society? (From the Notes on the Topic "Pushkin and Arzamas")] // Toronto Slavic Quarterly. 2005. No. 14. (In Russ.)

63. *Proskurin O.A.* Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi [Literary Scandals of the Pushkin's Era]. Moskva, 2000. (In Russ.)

64. *Proskurin O.A.* Novyi Arzamas — novyi Ierusalim. Literaturnaia igra v kul'turno-istoricheskom kontekste [The New Arzamas — The New Jerusalem. Literary Play in the Cultural and Historical Context] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. No. 19. P. 73–128. (In Russ.)

65. *Proskurin O.A.* O literaturnom byte i istorii literatury. Vmesto predisloviia [On the Literary Environment and the History of Literature. In lieu of a Preface] // Proskurin O.A. Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi [Literary Scandals of the Pushkin's Era]. Moskva, 2000. P. 11–18 (In Russ.).

66. *Rogov K. Yu.* K istorii "moskovskogo romantizma": kruzhok i obshchestvo s. E. Raicha [On the History of "Moscow Romanticism": the Circle and Society of S.E. Raich] // Lotmanovskii sbornik. Moscow, 1997. No. 2. P. 523–576. (In Russ.)

67. *Rogushina L.G.* Blagotvoritel'nye i prosvetitel'skie obshchestva Sankt-Peterburga v pervoi chetverti XIX veka. Dis. ... kand. ist. nauk [Saint Petersburg Charitable and Educational Societies in the First Quarter of the 19th Century. PhD Thesis in History]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

68. *Saikina N.V.* Moskovskii literaturnyi salon kniagini Zinaidy Volkonskoi [The Moscow Literary Salon of the Duchess Zinaida Volkonskaya]. Moskva, 2005. (In Russ.)

69. *Savelyev A.A.* Arkhiv Vol'nogo obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv (1801–1826): opyt raskrytiia arkhivnogo fonda universitetskoi biblioteki [The Archives of the Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts (1801–1826): an Attempt of Discovering the Archival Fund of the University Library] // Universitetskie biblioteki: proshloe, nastoiashchee, budushchee [University Libraries: Past, Present, Future]. Sankt-Peterburg, 2003. P. 123–129. (In Russ.)

70. *Shruba M.* Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar' [Literary Associations of Moscow and Petersburg in 1890–1917: A Dictionary]. Moskva, 2004. (In Russ.)

71. Slovar' chlenov Obshchestva liubitelei Rossiiskoi slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1811–1911 [A Dictionary of Members of the Society of Lovers of Russian Letters at Moscow University, 1811–1911]. Moskva, 1911 (In Russ.)

72. *Sreznevskaia L.I.* Arkhiv Vol'nogo obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti [The Archive of the Free Society of Lovers of Russian Literature] // Svedeniia o rukopisiakh, pechatnykh izdaniiakh i drugikh predmetakh, postupivshikh v Rukopisnoe otdelenie Biblioteki Akademii nauk v 1904 godu [Data on Manuscripts, Printed Editions and Other Items Brought into Manuscript Department of the Academy of Sciences Library in 1904]. Sankt-Petersburg, 1907. P. 225–277. (In Russ.)

73. *Stroganov M.V.* (Ed.). "Lipetskii potop" i puti razvitiia russkoi literatury: sbornik nauchnykh statei [The "Lipetsk Flood" and the Development of Russian Literature: a Collection of Articles]. Lipetsk, 2006. (In Russ.)

74. *Sukhomlinov M.I.* Istoriia Rossiiskoi Akademii [History of the Russian Academy]. Issue 7. Sankt-Petersburg, 1875. (In Russ.)

75. *Todd III W.M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. Harvard, 1986.

76. *Todd III W.M.* Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina [Fiction and Society in the Age of Pushkin / Transl. from English by A. Yu. Mirolyubova. Sankt-Petersburg, 1996. (In Russ.)

77. *Todd III W.M.* Sotsiologiia literatury: ideologiia, instituty, narrative [Sociology of Literature: Ideology, Institutions, Narrative]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

78. *Tumanova A.S.* (Ed.). Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v. [Self-organization of Russian Public Sphere in the Last Third of the 18th — early 20th Centuries]. Moskva, 2011. (In Russ.)

79. *Tumanova A.S.* Vvedenie [Introduction] // Tumanova A.S. (Ed.), Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v. [Self-organization of Russian public sphere in the last third of the 18th — early 20th centuries]. Moskva, 2011. P. 5–27. (In Russ.)

80. *Tynyanov Yu. N.* Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries]. Moskva, 1968. (In Russ.)

81. *Ulyanova G.N.* Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi Imperii: XIX — nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire: 19th — Early 20th Centuries]. Moskva, 2005. (In Russ.)

82. *Vatsuro V.E.* S. D.P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory [S. D.P. From the History of Literary Life of the Pushkin's Era]. Moskva, 1989. (In Russ.)

83. *Vatsuro V.E.* Zametki k teme "Pushkin i Arzamas" [Notes on the Topic "Pushkin and Arzamas" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. No. 42. P. 150–160. (In Russ.)

84. *Vatsuro V.E., Ospovat A.L.* (Eds.). Arzamas: V 2 kn. [Arzamas: In 2 books]. Moskva, 1994. (In Russ.)

85. *Velizhev M.B.* O knige Olega Proskurina "Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi" [On Oleg Proskurin's book "Literary Scandals of the Pushkin's Era"] // Novaia russkaia kniga. 2000. No. 6. P. 51–54. (In Russ.)

86. *Vinitskii I. Yu.* Poeticheskaia semantika Zhukovskogo, ili Rassuzhdenie o vkuse i smysle "Ovsianogo kiselia" [Poetic Semantics of Zhukovskiy, or Reflection on the Taste and Sense of "Oatmeal Jelly" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. No. 61. P. 119–152. (In Russ.)

87. Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv (1801–1826): istoricheskaia i bibliograficheskaia spravka [The Free Society of Lovers of Letters, Sciences and the Arts (1801–1826): Historical and Bibliographic Reference]. http://www.library.spbu.rU/rus/Volsnx/istoria.html#strukt (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

88. *Whittaker C.H.* Graf Uvarov i ego vremia [Count Sergei Semenovich Uvarov and His Time]. Moskva, 1999. (In Russ.)

89. *Zenkin S.N.* Otkrytie "byta" russkimi formalistami [The Discovery of "byt" by Russian Formalists] // Zenkin S.N. Raboty o teorii [Works on Theory]. Moskva, 2012. P. 305–324. (In Russ.)

90. *Zhiglii Yu.V.* Kazanskoe obshchestvo liubitelei otechestvennoi slovesnosti, 1806–1853 (iz istorii literaturnogo kraevedeniia): Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov-filologov [Kazan Society of Lovers of Russian Literature, 1806–1853 (From the History of Literary Study of Local Literary History): Teaching Aid for Students of Philology]. Kazan, 2012. (In Russ.)

91. *Zorin A.L.* Literatura i ideologiia [Literature and ideology] // Zorin A.L. Kormia dvuglavogo orla.: Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka [Feeding the Double-headed Eagle: Russian Literature and the State Ideology in the Last Third of the 18th — first Third of the 19th Centuries]. Moskva, 2001. P. 9–30. (In Russ.)

92. *Zorin A.L.* Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka [Emerging Hero: From the History of Russian Emotional Culture of Late 18th — Early 19th Centuries]. Moskva, 2016. (In Russ.)

93. *Zorin A.L.* U istokov russkogo germanofil'stva (Andrei Turgenev i Druzheskoe literaturnoe obshchestvo) [At the onset of Russian Germanophilism (Andrei Turgenev and the Friendly Literary Society)] // Novye bezdelki. Sbornik k 60-letiiu V.E. Vatsuro [New Trifles. A Collection for the 60th Anniversary of V.E. Vatsuro]. Moskva, 1995/1996. P. 7–35. (In Russ.)

94. *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia. Cambridge, Mass., 2009.

95. *Cooper D.L.* «Narodnost'» avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the national turn in Russian criticism // Slavic and East European Journal. 2008. Vol. 52. No. 3. P. 351–369.

96. *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018.

97. *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.

98. *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. No. 807).

99. *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

100. *Peschio J.* Lighting the Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // Gillespi A. (ed), Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations. Madison, 2012. P. 84–111.

101. *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Madison, 2013.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-314-323

© *M.Y. KORENEVA*

CONCERNING A RESPONSE TO REINER MARIA RILKE'S DEATH: THE "RUSSIAN" P.S.

Rainer Maria Rilke, already in his lifetime, entered the canon of German literature, which quite early "appropriated" this Austrian poet, whose poems from the late 1910s — early 1920s were included in German school anthologies and discussed as "educational material" in specialized pedagogical journals.[1] From 1899 to 1925, more than 100 reviews and over 200 articles and monographs on Rilke's work were published.[2] Charming his readers with his poetic "loneliness", he was surrounded until his death by the enthusiastic attention of numerous admirers of both genders, for whom he became a real idol, which, in its turn, sometimes caused irritation in the literary milieu of his time[3] resulting in ironic comments about the popularity of the poet with ladies, mostly.

This was precisely what the famous Austrian writer and influential literary critic Franz Blei (1871–1942) emphasized in his satirical "Literary Bestiary", where Rilke's name was used with the feminine article (Die Rilke) and his entire "characteristic" highlighted the "femininity" of the poet who was compared by the author to "a lap dog" — a favourite of "elderly women" who "constantly exalt it to the skies", which caused in the dog "a tendency to stick its nose into theological books, legends about Mary, and other things of that kind".[4]

---

[1] For details see: *Fritz B*. Rainer Maria Rilkes Leser in Schule und Gesellschaft: Rezeption 1904–1936. Bern, 2009.

[2] The first comprehensive review of Rilke's work was published in 1904, and the first dissertation was defended in 1913 at the University of Freiburg. See: *Löwenstein S*. Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004. S. 29; see also: *Ritzer W*. Rainer Maria Rilke Bibliographie. Wien, 1951

[3] The established cult of Rilke caused irritation in later times, too. This found expression, for example, in the complete rejection of the poet in the post-war era among the German writers of the "Group 1947" and their supporters, by whose efforts Rilke was for some time fully forgotten. See about this: *Demetz P*. Noch einmal: "René Rilkes Prager Jahre" // Rilke: ein europäischer Denker aus Prag / Hrsg. von P. Demetz. Würzburg 1998 S. 10.

[4] Bestiarium Literaricum, das ist: Genaue Beschreibung derer Tiere des literarischen Deutschlands, verfertigt von Dr. Peregrin Steinhövel. München, 1920. S. 52. The second, expanded edition was published in 1922. Hereinafter, the translation is mine. — M.K.

This article is a translation of: M. Iu. Koreneva. Concerning a Response to Reiner Maria Rilke's Death: The «Russian» P. S. Russkaya literatura. 2021. № 1. P. 169–177. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-169-177.

Later, in an article on the death of Rilke, published on January 7, 1927 on the front page of the liberal newspaper "Die literarische Welt", Blei again returned to the theme of ladies' admiration of Rilke's poetry.[5] A few years later it still bothered him: in his autobiographical book "A Story of a Life", published in 1930, he gives a detailed "portrait" of Rilke's nameless female readers, whom he compares to a large church community grouped around the poet,[6] and in 1940, in Modern Portraits, he would deem it necessary to talk again about the "femininity" of Rilke and, as if justifying himself before his critics (primarily before Robert Musil) he would explain what he had meant in his old book and in the obituary.[7] He left without comment his own jab at Rilke about the latter's "leaning towards theological books", since this "thesis", even with an ironic presentation, did not need any explanation or justification: since the publication of the "Book of Hours" ("Stundenbuch", 1905) which had been favourably received by critics,[8] Rilke for many years enjoyed the fame of a religious poet, a "God-seeker", as Stefan Zweig called him in his review,[9] the successor of the traditions of Angelus Silesius and Jacob Boehme,[10] the creator of the "new mysticism"[11] and the voice of the new "spirituality".[12]

This readers' image of the "enlightened" poet was also visible in most of the responses to the death of Rilke, who died on December 29, 1926 in Switzerland.

The above-mentioned obituary by Blei, called by Walter Benjamin "bad and impudent",[13] struck a note of discord against this background and provoked a response from Robert Musil, who, speaking at the Rilke's

---

[5] *Blei F.* Zu Rainer Maria Rilke // Die literarische Welt. 1927. Jg. 3. 7. Januar. № 15. S. 1.

[6] *Blei F.* Erzählung eines Lebens. Leipzig, 1930. S. 449.

[7] *Blei F.* Zeizgenössische Bildnisse. Amsterdam, 1940. S. 265–268.

[8] 15 reviews were dedicated to the first 1905 edition alone. For their list see: *Fullenwider H.F.* Rilke and his Reviewers: an annotated bibliography. Kansas, 1978. S. 31–32.

[9] *Zweig St.* Verse eines Gottsuchers // Nation. 1906. 9. Juni. № 36. S. 571–572.

[10] *Hoffmann C.* Das «Stundenbuch» von Rainer Maria Rilke // Die Zeit. 1906. 11. März. № 1242; Schaukal R. Rainer Maria Rilke // Nord und Süd: eine deutsche Montasschrift. 1908. Februar. Bd 124. № 371. S. 230–237.

[11] *Scholz W.* von. Neue Mystik // Der Tag. 1906. 2. August.

[12] This view of Rilke as a religious poet also defined the editor's concept of his first collected works, which was published shortly after Rilke's death by the Insel publishing house (Rilke R.M. Gesammelte Werke: In 6 Bde. Leipzig, 1927). The owner of the publishing house Anton Kippenberg (1874–1950) consistently excluded from it everything that could somehow distort the sublime image of the poet (for details see: *Eschenbach G.* Ein Kulturautor im Klassikerverlag. Zur frühen Rezeptionsgeschichte Rainer Maria Rilke // Die Präsentation kanonischer Werke um 1900: Semantiken, Praktiken, Materialität / Hrsg.von Ph. Ajouri. Berlin; Boston, 2017. S. 31–42; for the history of the formation of this image of Rilke in the literary criticism of his time, see also: *Löwenstein S.* Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004. S. 29–32). Afterwards, in the 1950s, the issue of Rilke's religiosity became the subject of a heated debate, followed by a radical revision of pre-war assessments, which took place under the sign of the "demythologization" of Rilke's work (see: *Sieburg F.* Rilke, das Zeitsymptom // *Sieburg F.* Die Lust am Untergang Hamburg 1954 S. 337–356; *Boehlich W.* Lyrik als Religionsersatz Mir zur Feier: Rainer Maria Rilke // Spiegel 1956 28 März No. 13. S. 34–48).

[13] *Ben'jamin V.* Moskovskij dnevnik [The Moscow Diary] / Transl. by S. Romashko; ed. by M. Ryklin. M., 1997. p. 142. After reading this obituary on January 21, 1927, Benjamin on the same day began to write an objection to it, which, however, never reached the publication stage (published posthumously: *Benjamin W.* Rainer Maria Rilke und Franz Blei // *Benjamin W.* Gesammelte Werke: In 7 Bde / Hrsg. von T. Rexroth. Frankfurt a/M., 1972. Bd 4.1. S. 453.

commemoration event on January 16, 1927 at the Berlin Renaissance Theatre, condemned his longtime friend Blei, as well as those who, like the poet Rudolf Borchardt (1877–1945) who did not include any of Rilke's poems in his anthology "The Eternal Stock of the German Poetry" ("Ewiger Vorrat deutscher Poesie") (1926) denied him an appropriate place on the poetic Olympus, and also those who had created the Rilke cult, distorting the very essence of his poetry. Muzil devoted a significant part of his sharply polemical speech to the "absolute perfection" of Rilke's poetry, the greatness of which, in his opinion, lies not so much in the religious feeling as in "a different vision": "He saw the world in a new, deeply internal way. And someday on the path that leads us from the religious worldview of the Middle Ages through the ideal of humanistic culture to the future image of the world, he will emerge not only as a great poet, but also as a great leader."[14] At the same time Musil was not the only one who used this sad event as an excuse to attack the cult of Rilke and defend his poetry. Before him, this was done by the Swiss poet and prose writer Robert Walser (1878–1956), who on January 4, 1927 published a deliberately artless poetic obituary, which, upon closer examination, turns out to be a kind of burlesque, aiming at Rilke's admirers who had annoyed him during his lifetime and finally left him at peace.[15]

In the same vein is one of the responses published in the newspaper "Rigasche Rundschau", although it differs in its message from the statements of Musil and Walser: if both writers, each in his own way, tried to protect Rilke from the readers, the Riga newspaper started to protect the readers from Rilke using some very unusual arguments.

This well-known daily newspaper, published in German in Riga in 1894–1939 and widely distributed beyond the Baltic region, organized a "first category" literary funeral for Rilke, to use the image of Musil, who in his speech complained that Rilke's death had not become a cause for national mourning and that all the responses in the press resembled a "second category" funeral — there were too few of them and they were printed in the "backyards" of the newspaper pages, according to Musil.[16] It was certainly impossible to blame the "Rigasche Rundschau" for neglecting the event: only in the first few days after Rilke's death it published four articles related to his death — no periodical, either in Germany or outside of it, demonstrated such zeal in the sorrow. The first one

---

[14] *Muzil'* R. Rech' o Ril'ke [The Speech on Rilke] / Transl. by A.V. Belobratov // Muzil' R. Malaja proza. Izbr. Proizvedenija: V. 2 M., 1999. T. 2. P. 314.

[15] *Walser R.* Rilke // Prager Presse. 1927. 4. Januar. № 3. S. 6. For details on the ironic subtext of this poem see: *Stiemer H.* Feuilletonistische Reimereien auf «anspruchsvolle Jungen» und «hochgeschätzte Knaben». Der späte Robert Walser und die hohe Lyrik. Vortrag an der Jahrestagung der Robert Walser-Gesellschaft in Bern, 16. Oktober 2010 (https://www.robertwalser.ch/fileadmin/redaktion/dokumente/jahrestagungen/vortraege/Stiemer-2010.pdf; date of access: 31.12.2020).

[16] *Muzil' R.* Rech' o Ril'ke. p.311. In fact, by the time Musil spoke, about 50 responses to Rilke's death had been published in German, Austrian and Swiss periodicals alone. For their list see: *Schoolfield G.*S. Rilke's last year. Kansas, 1966. P. 48–49. They continued to appear after the Berlin evening and their number and variety of genre forms (poems, critical studies, scholarly articles, etc.) clearly did not correlate with Musil's subjective sentiment. For more on the reaction to Rilke's death see: *Panthel H.-W.* Bibliographie zu Rilkes Tod: Erste Stimmen der Freunde, Kritiker und Feuilletonisten aus den Jahren 1926–1928 // Blätter der Rilke-Gesellschaft. 1982. Bd 9. S. 111–127; *Panthel H.-W.* Poetische Nekrologe zu Rainer Maria Rilkes Tod // Literatur-und-Kritik.1986. H. 201/202, Februar–März. S. 71–85; *Panthel H.-W.* Materialien zu Rainer Maria Rilkes Tod: Miszellen zur Rezeption seines Werkes der Jahre 1926–1928. Bonn, 1982.

was a short piece in the "Latest News" section in the December 30, 1926 issue.[17] The next day a lengthy, heartfelt obituary appeared, signed by the newspaper staff journalist Walter Falke, who, in full accordance with the genre, gave a general characteristic of Rilke's work, noting his "religious feeling " (significant for many readers), presented a brief biographical outline, mentioning the poet's trip to Russia, with which, as Falke wrote, he was connected by a "deep kinship", and, summarising Rilke's life, pointed out that by the end of his life the poet was pervaded with the hatred of Germany. "The reasons for this tragic turn in his mindset are more than obvious," the author notes at the end of the article, before moving on to the last "formal" phrase, with the words of gratitude to Rilke, who "will continue to live in his books".[18]

This obituary, which in its tone did not stand out too much in the bulk of responses (though its somewhat unexpected ending attracted attention) was immediately followed by another one — this time in verse. In the first issue of 1927 an octave by Elfriede Skalberg (Eckardt-Skalberg, 1884–1964), a well-known German poet and translator of Latvian poetry into German from Riga, was published.[19] Entitled with an emphatic intimacy "Rainer Maria", this poem was an elegant paraphrase of the poem "Self-portrait of 1906" by Rilke, inspired by a portrait by Paula Modersohn-Becker (1876–1907) and included in the cycle "New Poems" ("Neue Gedichte", 1907). The name of Elfrida Skalberg had long been familiar to the readers of the "Rigasche Rundschau" — she had made her debut there in 1902,[20] later becoming a regular author. She published poems, articles and book reviews, including by Russian authors, among which she singled out M.A. Voloshin, comparing his poetry with the poetry of Rilke: "The combination of the Russian" broad nature " (in the text in Russian — M.K.) with the most refined Western culture of verse and the simple, expressive style brought to perfection, which can only be found in Rilke, produce a captivating impression", Skalberg wrote in a long review of Voloshin's collection "Deafmute Demons", published in the second edition in the publishing house "Knigoizdatel'stvo pisatelej v Berline" in 1923 and of his "Verses on Terror"[21] published there at the same time.

In November 1927 in Riga there would be celebrations of the 25th anniversary of Skalberg's literary activity, which would be covered in detail by the Baltic German-language press, including the newspaper "Rigasche Rundschau", which on the occasion of the anniversary published an essay on her life and work authored by the newspaper's editor-in-chief Paul Schiemann (1876–1944), a well-known political writer, prominent Latvian politician, deputy of the Latvian Seim.[22] This essay highlighted the

---

[17] Rigasche Rundschau. 1926. 30. Dezember. № 294. S. 7.

[18] *Falke W.* Zum Tod Rainer Maria Rilkes // Rigasche Rundschau. 1926. 31. Dezember. № 295. S. 5.

[19] In the 1940s she would begin to translate from Russian into German; in her translation I.A. Krylov's fables (1948) and A. Pushkin's "Eugene Onegin" (1947, 1964) would be published. In 1949 Skalberg emigrated to Germany. For more details, see Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C.L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007.

[20] Illustrierte Beilage der Rigaschen Rundschau. 1902. 1. December. № 12. S. 103.

[21] *Eckardt-Skalberg E.* Russische Emigrantenlyrik // Rigasche Rundschau. 1924. 7. April. № 81. S. 6.

[22] For details see: *Hatlie M.R.* Riga et War 1914–1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg, 2014. P. 218–221; Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C.L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007. Bd 3. S. 1129–1132.

role of Skalberg in the formation of the original German "Baltic poetry", independent of both the "dubious geniuses of the West and the North," and of the "literary schools of Moscow," where Skalberg had spent some time.[23] The publication of her lyrical obituary to Rilke's death was something of a sign of high respect for the deceased poet, to whom supposedly the best representative of the new generation of "Baltic literature" which, according to Paul Schiemann, spoke a new language and "made art an integral part of life", dedicated her poems.[24] It would seem that all the "funeral" genres were exhausted: a short news piece, a classic obituary by V. Falke, and Skalberg's lyrical poetic response — there were enough of texts befitting the occasion and the topic might not be resumed anymore. Nevertheless, two days after the publication of Skalberg's poem and a week after Rilke's death, the newspaper published another material related to the poet's name: on January 5, 1927 his "Letter to a Russian Aristocrat" was published, "provided to the editorial board by courtesy" of the autograph collector Mary Stakle (1877 — after 1940),[25] according to the editorial note. This letter, written by Rilke on December 22, 1900 and addressed to Prince Sergey Ivanovich Shakhovskoy (1865–1908) is widely known today: it was reproduced in 1969 by S.V. Zhitomirskaya from the original[26] stored in the MS Division of the Russian State Library[27] where it had arrived, according to the catalogue,[28] from a certain Maksimov from Riga in 1948. It was later included in the Russian translation into the book "Rilke and Russia" edited by K.M. Azadovsky, who in the commentary mentioned its first publication in "Rigasche Rundschau".[29] The newspaper publication was not only the first publication of *this* letter, but the first and by that time the only publication, presented to the general public, of an epistolary document testifying to Rilke's direct personal contacts with his Russian contemporaries. Most of this letter is devoted to the analysis of G. Hauptmann's play "Michael Kramer" (1900), the dress rehearsal of which at the Berlin "German Theater" Rilke visited on December 19, 1900 and which made an indelible impression on him. The Russian theme in the letter is only fleetingly mentioned: Rilke informs Shakhovsky about his studies of Alexander Ivanov's work, towards the end he writes that he often thinks "of Moscow as his homeland", and then ends the text with a passage written in Russian (with some errors): "I often already think in Russian, and thoughts of this kind are very difficult to express in German, because there is nothing simple, heartfelt in this language, so it seems completely impossible to pray with German

[23] *Schiemann P.* Elfriede Skalberg zum 25-jährigen Dichterjubiläum // Rigasche Rundschau. 1927. 15. November. № 258. S. 5.

[24] Ibid.

[25] Ein Brief R.M. Rilkes an einen russischen Aristokraten // Rigasche Rundschau. 1927. 5. Januar. № 3. S. 2. Biographical information on Mary Stakle could not be found.

[26] Pis'mo R.M. Ril'ke k kn. S.I. Shahovskomu [Rilke's letter to Shakhovskoy]/ Publ. by S.V. Zhitomirskaya // Zapiski otdela rukopisej GBL. M., 1969. Vol. 31. pp. 240–248.

[27] RGB [Russian State Library]. F. 218. № 39.6.

[28] See: RGB[Russian State Library]. Opis' fonda 218 [Catalogue of Collection 218] (Otdel rukopisej.Sobranie). vol. 1 (№№ 7–119). p. 57.

[29] Ril'ke i Rossija: Pis'ma. Dnevniki. Vospominanija. Stihi [Rilke and Russia; Letters. Diaries. Memoirs./ Ed. by K.M. Azadovskij. SPb, 2003. pp. 359–362.

sounds."[30] The editors of the "Rigasche Rundschau" felt it was necessary to preface this entirely "innocent" publication with an explanation, the aim of which, according to the author's intention, was to expand the context of the private document cited here. "This letter," according to the preface, "is undoubtedly of extraordinary interest in the literary and psychological respect, and not only in relation to Rilke, but above all in relation to the German literary world as a whole, with its passionate enthusiasm for Russians, which reaches the level of national pathological masochism, reaching its climax already at the turn of the century and continuing to rage today, with almost the same unrelenting force. We recommend that our readers, after reading our publication, turn to the book "Sir Galahad. A Guide to the Idiots of Russian Literature"[31] published by Albert Langen. Then followed the text of the letter.

The recommended book, which had a dedication to the "solid foundations of the world" (literally "the ridge of the world"),[32] did not need advertising: published in 1925 with a huge print run of 20,000 copies by the reputable Munich publishing house of Albert Langen, which published, among other things, the famous satirical magazine "Simplicissimus", it immediately attracted attention, provoking a mixed reaction — outrage in the Russian émigré press[33] and approval in the German press. One of those who greeted this book with enthusiasm was, e.g., the famous writer Carl von Ossietzky (1889–1938), a pacifist and Nobel Peace Prize laureate (1935), who later died from the consequences of imprisonment in a concentration camp. In the left-liberal weekly "Tage-Buch" he published a review in which, strongly recommending this essay to readers, he called the Guidebook "a brilliantly performed attack on Russian literature from Pushkin to Gorky and on Russian essence from Rurik to Lenin, on the deification of Tolstoy and Dostoevsky outside Russia ", and described the book's editor as "a passionate European mind endowed with high pathos and humour who was able to show that "Russia is not fate, not a religion, not an image, but a drowsy state of an amorphous mass, with the

---

[30] Ril'ke i Rossija. P. 361, 362. In "Rigasche Rundschau" this fragment is also reproduced in Russian (with a German translation), but the spelling of some words is different from the way it is given in the publication by S.V. Zhitomirskaya.

[31] Ein Brief R.M. Rilkes an einen russischen Aristokraten. S. 2.

[32] *Sir Galahad*. Idiotenführer durch die russische Literatur. Gewidmet dem Rückgrat der Welt. München, 1925. The title of this book is translated into Russian differently in different sources: "A Guide to the Idiotism of Russian Literature", "A Guide to Russian Literature for Idiots", a freer version of "The Idiocy of Russian Literature: A Guide" is also possible. In this article, preference is given to the "Guide to the Idiots of Russian Literature" version, since the author personifies this "phenomenon" and gives in her book a gallery of portraits of Russian literary "idiots", just as other German authors would later do, who picked up B. Eckstein-Diener's satirical genre for characterizing individual representatives of the political and social life of Germany in the 1960–1990s (H.M. Enzensberger, G. Rezzori, etc.)

[33] See, for example: Vyzyvajushhaja kniga [A Provocative Book]// Rul'. 1926. March 24. № 1614. The memory of this book remained for a long time: almost a quarter of a century later, A.I. Ilyin in his article "Haters of Russia" (1953) would write about it calling the Guide "an obscene lampoon" (*Ilyin A.I.* Nashi zadachi: Stat'i 1948–1954 gg.: V 2 t. [Our Tasks: Articles 1948–1954: In 2 Vols]. Vol. 2. P. 533. Paris, 1956. (In Russ.)), and almost at the same time N. Lossky in the work "The Character of the Russian People" (1957), mentions the Guide (among others) as an example of "rabid hatred" of Russia and "a sample of the blindness to which hatred leads" (*Lossky N.O.* Usloviia absoliutnogo dobra: osnovy etiki. Kharakter russkogo naroda [Conditions of Absolute Goodness: Fundamentals of Ethics. The Character of the Russian people]. Moscow, 1991. pp. 280–281.

dull life of the body and the unrinsed soul."[34] "The gospel of Russia has ceased to be untouchable. The criticism has begun," Ossietzky concluded.[35]

The author of the Guide was the well-known and popular writer Bertha Eckstein-Diener (1874–1948), who wrote under the pseudonym Sir Galahad and who became famous primarily for historical novels and essays on the history of culture. Her pronouncement on the "Russian question" was rather unexpected and fell out of the general context of her work if only by its accusatory pathos towards the Russian culture, which she described, in terms of racial theory, as a product of an inferior race, unable to produce anything of its own and dependent on the "world Jewry". Supporting her opinion by numerous quotations from various sources, including the Russian ones (I.V. Kireevsky, N.K. Mikhailovsky, M.A. Bakunin, A.V. Lunacharsky, etc.), which give the impression of the seriousness of the presented "research" and the author's wide knowledge, Eckstein-Diner gives an outline of the history of Russia from the Varangians to Lenin, and, briefly describing those representatives of Russian literature that Russians are so proud of (Pushkin, with his "Negro blood" and "boring" Eugene Onegin", "Tatar Turgenev", "Satanist Lermontov", etc.), she focuses on the figure of Dostoevsky, who, according to the Guide, expelled the "hero" from literature and imposed the "ideal of an idiot", thereby opening the way to the "world persecution of noble people and nobleness as such.[36]" It is in Dostoevsky that the author sees the main proponent of the expansive barbarian spirit, who also demands that "everyone should become Russian." The respective quotation from the "Diary of the Writer for 1877",[37] published in the volume of "Political Writings" of the German collected works of Dostoevsky,[38] is used as the epigraph and then repeated in the text as a starting point for the subsequent proof of the danger posed by Russian culture with its claims to religious and spiritual domination and total Russification of Europe, as Eckstein-Diener showed, relying on a phrase taken out of context.

For such a fierce attack on the cultural enemy in the person of Dostoevsky, Eckstein-Diener, a writer of harsh style, had her own reasons and causes. One of the reasons was Dostoevsky's permanent presence in the German cultural space of the early 20th century,[39] which irritated not

---

[34] Tage-Buch. 1926. 13. März. № 11. S. 432.

[35] Ibid.

[36] *Sir Galahad.* Idiotenführer durch die russische Lietratur. S. 132.

[37] In his article "We Are but Useless Wretches in Europe"" Dostoevsky, addressing Russians, wrote that Europe's contempt for Russians is caused by Russians' contempt for themselves when compared with Europe, and that respect can only be regained by one thing: "If humanity is a national idea, a Russian idea then everyone should become Russian, become oneself <...> To become Russian means to stop despising one's own people "(Dostoevsky F.M. Dnevnik pisatelja (Writer's Diary): In 2 volumes. M., 2011. V. 2 / Comment. by A.I. Batyuto, A.M. Berezkina, V.E. Vetlovskaya, E.I. Kijko, G.V. Stepanova, V.A. Tunimanov. P. 28).

[38] *Dostojewski F.M.* Sämtliche Werke: In 22 Bde / Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkowskis; hrsg. von A. Moeller van der Bruck. München; Leipzig, 1907. Bd 13. Politische Schriften / Mit einer Einleitung von Dmitri Mereschkowski; Übertr. von E.K. Rahsin. S. 223.

[39] Apart from the famous collection of Dostoevsky's works in 22 volumes of Pieper's publishing house, published in 1906–1919, there was a collection in 25 volumes, published in 1921–1922 by the Leipzig publishing house Insel (after a grand celebration of Dostoevsky's centenary in Germany in 1921), and in 1923 the publishing house "Hesse & Becker" began publishing another collected works in 18 volumes, in new translations. In addition, individual works by Dostoevsky were regularly published: from January 1926 to September 1927 alone, 16 Dostoevsky's books

only Eckstein-Diener.[40] The immediate reason was, probably, the acquisition of Dostoevsky's manuscripts from the Soviet Union by the Austrian writer Rene Fülöp-Miller (René Fülöp Miller, 1891–1963) in 1923–1924.[41] This event was widely discussed in the German press,[42] and in 1925 Piper — Verlag publishing house already published the first volumes of archival materials from the "Dostoyevsky's Heritage" series ("Dostojewski-Nachlass").[43] One of those who financed this "project", which cost 30,000 marks, and helped to organise it, was Friedrich Eckstein (1861–1939), a famous philanthropist, President of the Vienna Theosophical Society (since 1887), friend of Z. Freud and G. Meyrink, acquaintance of R. Steiner, E. Blavatsky, H. von Hofmannsthal, R. Musil, K. Kraus, A. Schnitzler, F. Werfel and many other representatives of the Austrian artistic, literary and musical world, the Viennese "legend" and ex-husband of Bertha Eckstein-Diener, who since the divorce was at war with him.[44] Eckstein is indicated as the co-publisher of the series, which, according to Bertha Eckstein-Diener, was nothing more than the result of a "conspiracy of Jewish-Bolshevik People's Commissars" who deliberately sent Dostoevsky's manuscripts to the West to corrupt European morality to the delight of the "Jew who rubs his hands and laughs."[45] The fact that the writer had her own purely personal motives that prompted her to denounce German Russophilia in general and her ex-husband's contribution in particular, undoubtedly determined the stylistic tension of her openly racist, anti-Semitic book. However, even if these ideas were pronounced in a more decent, restrained manner, it would still be obvious

---

were published in various publishing houses in Berlin, Leipzig, Stuttgart, Munich, Wolfenbüttel with the participation of different translators (see: *Jonas H*. Bibliographie // Osteuropa 1928. Bd 3. No. 5. Februar. S. 398–399) Each book, in its turn, was discussed in the press, not to mention dozens of research studies devoted to Dostoevsky. "The number of anthologies, collections and other publications on Dostoyevski is growing with a threatening speed," wrote Arthur Luther, a well-known translator of Russian literature, in his article "Dostoyevsky Has No End" (*Luther A*. Dostojewski und kein Ende // Das literarische Echo. 1923. H. 17–18. S. 953). For more details see: *Dudkin V.V., Azadovsky K.M*. Dostoevskij v Germanii [Dostoevsky in Germany] (1846–1921) // Lit. nasledstvo. [Lit. inheritance] 1973. T. 86. F.M. Dostoevskij: Novye materialy i issledovanija[New materials and research] pp. 700–716, 725–727; *Gerigk H.-J*. Dostojewskij, der "vertrackte Russe". Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siиcle bis heute. Tübingen, 2000.

[40] See, for example, Franz Blei's opinion in a letter to Karl Schmitt: "... everything is Russian, and especially Dostoevsky, for <...> the Germans is great evil, they would be Anglicized, they were drawn to the light, and not to the gloomy Christianity, Russia drives out the remnants of the German spirit from the minds" (*Blei F*. Briefe an Carl Schmitt 1917–1933 / Hrsg. von A. Reinthal in Zusammenarbeit mit W. Kühlmann. Heidelberg, 1995. S. 64).

[41] For more details see: *Bogdanova O.A*. Kakie rukopisi Dostoevskogo byli v «Piper-Verlag»? [What were Dostoevsky's manuscripts in Piper-Verlag?] // Neizvestnyj Dostoevskij [The Unknown Dostoevsky]. 2016.Vol. 3. No. 2.P. 54–69.

[42]. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1922. 23. Februar. № 92.; Berliner Tagebatt. 1924. 19. Oktober. № 498; Berliner Tagebatt. 1924. 30. November. № 569; Rigasche Rundschau. 1925. 28. März. № 71; Vossische Zeitung. 1925. 16. August. № 196; Frankfurter Zeitung. 1926. 8. August. № 585, и др.

[43] Dostojewski am Roulette (Dostoevsky at Roulette), Die Lebenserinnerungen der Gattin Dostojewskis (Memoirs of Dostoevsky's Wife), Tagebuch der Gattin Dostojewskis (Diary of Dostoevsky's Wife). Until 1931, Piper-Verlag published five more volumes.

[44] *Schmid U*. Die Dostojewski-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft / Hrsg. von M. Schult. Flensburg, 2007. Bd 14. S. 49.

[45] Quoted from: *Mulot-Déri S*. Sir Galahad. Porträt einer Verschollenen. Frankfurt a/M., 1987. S. 210.

that the complex of "ideas" presented in the Guidebook, in tune with Hitler's theses outlined in "Mein Kampf" (1925–1926), was perceived as acceptable even outside the National Socialist movement long before it formed the basis of the state ideology of Germany: Bertha Eckstein-Diener was by no means one of those who would actively support the Nazi regime, of which she spoke out quite critically.[46] The liberal Riga newspaper "Rigasche Rundschau" was in no way connected with the ideological circle of German nationalists and until the very departure of Editor-in-chief Paul Schiemann from his post in June 1933 (for ideological reasons) it quietly resisted the emerging "the people's", and then " the people's political movement" in Germany,[47] while in relation to Russia it showed distant restraint, at the same time devoting a lot of materials to the issues of Russian current politics and culture, allowing itself, at best, ironic comments with the observance of "language decency". The preface to Rilke's letter fell out of this general tone both in its style and in its message, which did not match the memorial context. And even though this "preface" was published as an editorial, it is unlikely that Paul Schiemann was its author. Even in his article "Asianization of Europe" («Asiatisierung Europas», 1919), published in Germany, where he, still a Russian subject, found himself at the end of the war — even in this article, meant to warn the "blind cultural world" of Europe against the Russo-Asian deceit, clad in the "mantle of bits and pieces of European ideas",[48] Schieman, with all the polemic sharpness of the text aimed against Bolshevism, maintained "stylistic neutrality" and did not look for the source of his concern in Russian literature. Its influence on German culture did not seem to bother him at all: he would devote to this topic his speech at the commemoration event of V.G. Korolenko (1853–1921), organized on the occasion of the writer's death on January 22, 1922, by the Russian University Courses in Riga.[49] It is more likely that the author of the preface to Rilke's letter was Guido Hermann Eckardt (1873–1951), poet and prose writer, literary and theatre critic, head of the culture section of the Rigasche Rundschau,[50]where he would soon publish his large flattering review of the book "Mothers and Amazons" ("Mütter und Amazonen", 1932) by Bertha Eckstein-Diener, whom he called "a brilliant writer".[51] An influential journalist who played an important role in the cultural life of Riga in that time, a graduate of the University of Munich, closely associated with the literary "bohemian" circles of Munich, he

[46] Ibid. S. 261.

[47] *Kause H.* Der publizistische Widerstand Paul Schiemanns gegen den Nationalsozialismus in den deutschen Volksgruppen // Deutsch-Balten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. von M. Garleff. Köln; Weimar; Wien, 2001. Bd 1. S. 197–216.

[48] *Schiemann P.* Die Asiatisierung Europas. Gedanken über Klassenkampf und Demokratie / Hrsg. vom Generalsekretariat zum Studium des Bolschewismus. Berlin, 1919. S. 8, 9.

[49] Russkie universitetskie kursy v Rige (kratkij otchet o dejatel'nosti) [Russian university courses in Riga (brief activity report] Riga, 1922. p. 6.

[50] See about him: *Lukas L.* Literary Queer Mésalliances in Riga around 1900 // Queer Stories of Europe / Ed. by K. Vērdiņš, J. Ozoliņš. Cambridge, 2016. P. 110–111, 119–121; *Mattiesen H.* Der Anteil der Deutschbalten am Münchener Kulturleben im 19. Und am Anfange des 20. Jahrhunderts // Baltische Hefte. 1961. № 1. S. 170–190; H. v. R. Guido Hermann Eckardt [Nekrolog] // Baltische Blätter. 1952. № 1. S. 6; Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C.L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007. Bd 1. S. 380.

[51] Rigasche Rundschau. 1932. 27. Februar. № 46. S. 9.

was known as a convinced "Westerner" and was not afraid to "denigrate respected, famous men of the good old art", as Paul Schiemann would write about him in the abovementioned essay about Elfrida Skalberg, the wife of Guido Hermann Eckardt.[52] It is possible that here, as in the case of Bertha Eckstein-Diener, we see an exchange of "family" remarks, and the subtext of the preface to Rilke's letter contains a jab addressed to Elfrida Skalberg with her Russian connections and her obvious love for Rilke, who for the first time after the publication of the "Book of Hours" in 1905 was "ideologically" correlated with Russia in a wide public space, outside of scholarly research where this topic had already been present. This connection is obvious today but it was not so obvious to the readers of 1927, since Rilke's Russian motives scattered throughout his various texts did not make into a single picture, while his personal contacts with Russia were still a fact of his private biography. The fact that this connection in this particular case was presented almost as cultural guilt, not even in the form of a personal statement, but in an anonymous, "editorial" form, in a mocking style, without regard to the newspaper's reputation and clearly counting on the understanding of the audience, proved that the audience was satiated with Russian culture and ready to accept the image of a cultural enemy. The personification of the enemy, for the first time paired with Rilke, was Dostoevsky with his stirring moral and religious themes, This conjunction of the two "symptoms of the era", which was content with "poetic religiosity" instead of "true faith", as the literary critic F. Sieburg would later say about the pre-war cult of Rilke,[53] was a sign of an intense cultural anxiety. This degree of the anxiety was so significant that even Rilke's death became not an "excellent excuse" for "the roaring salute of obituaries" as Musil bitterly observed in his speech,[54] but an excuse for expressing fear of the threat of a symbiotic fusion of German and Russian cultures on religious grounds.

[52] *Schiemann P.* Elfriede Skalberg zum 25-jährigen Dichterjubiläum. S. 5.
[53] *Sieburg F.* Rilke, das Zeitsymptom. S. 354.
[54] *Muzil R.* Rech' o Ril'ke. p. 314.

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 09.11.20. Подписано к печати 29.01.21. Дата выхода в свет 26.02.21
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 30,0. Тираж 20 экз. распространяется бесплатно.
Тип. зак. № 17/1б. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.